В.Ф.ТРИБУЦ

# БАЛТИЙЦЫ ВСТУПАЮТ В БОЙ

SHOUT
SHARE
IT

# Annotation

Книга воспоминаний адмирала В.Ф.Трибуца воссоздает атмосферу напряженности, героизма и мужества советских людей в военные годы. Автор был назначен командующим Балтийским флотом в 1938 году и прошел с ним весь путь до Победы. Читатель узнает об обороне Таллина, многодневной обороне Лиепаи, бессмертном подвиге защитников Ханко, и, конечно же, защите Ленинграда.


- БАЛТИЙЦЫ ВСТУПАЮТ В БОЙ
- От автора
- ПРЕДИСЛОВИЕ
- ГЛАВА 1. ОТ ГРАЖДАНСКОЙ ДО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
- ГЛАВА 2. ПЕРВЫЕ ЗАЛПЫ
- ГЛАВА 3. НА ДАЛЬНИХ ПОДСТУПАХ
- ГЛАВА 4. НА ЛЕНИНГРАДСКОМ НАПРАВЛЕНИИ ТРЕВОЖНО
- ГЛАВА 5. НА БЛИЖНИХ ПОДСТУПАХ
- ГЛАВА 6. ОБОРОНА ТАЛЛИНА
- ГЛАВА 7. ПРОРЫВ
- ГЛАВА 8. ЛЕНИНГРАД В ОПАСНОСТИ
- ГЛАВА 9. РЕШАЮЩИЕ ДНИ
- ГЛАВА 10. ВРАГ НЕ ПРОШЕЛ
- ГЛАВА 11. МОРСКОЙ БАСТИОН
- ГЛАВА 12. БОЙ ЗА МООНЗУНД
- ГЛАВА 13. ОСМУССАР
- ГЛАВА 14. ГАНГУТЦЫВОЗВРАЩАЮТСЯ В ЛЕНИНГРАД
- ГЛАВА 15. НА БАЛТИКЕ НАЧИНАЕТСЯ ЗИМА
- ГЛАВА 16. НА ЛАДОГЕ
- ГЛАВА 17. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ
- ФОТОИЛЛЮСТРАЦИИ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10

- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54

- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98

- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137

# БАЛТИЙЦЫ ВСТУПАЮТ В БОЙ

*Воинам-балтийцам, грудью вставшим на защиту Родины в Великую Отечественную Войну, посвящается*

# От автора

В подготовке новой книги воспоминаний существенную помощь мне оказал ряд товарищей. Хочется выразить свою благодарность офицерам Главного Политического управления полковнику А. Г. Кащееву, полковнику запаса В. П. Сахарову, Военно — научного управления Генерального штаба Советских Вооруженных Сил полковнику А, И. Кузнецову, старшему научному сотруднику М. И. Секирину.

# ПРЕДИСЛОВИЕ

Книги пишутся нелегко. Особенно книги воспоминаний. В них человек как бы заново проходит свою жизнь. Жизнь любого из нас сложна. Но неизмеримо сложнее она у людей, прошедших через войну. Каждый день требовал отдачи всех сил во имя одной цели — победы.

Новая книга воспоминаний адмирала В. Ф. Трибуца, командовавшего Краснознаменным Балтийским флотом в годы Великой Отечественной войны, воссоздает атмосферу напряженности, героизма и мужества советских людей в военные годы. Основная цель книги — показать роль Балтийского флота в самом тяжелом для всего советского народа первом периоде Великой Отечественной войны.

Автор был назначен командующим Балтийским флотом в 1939 году и прошел с ним весь тяжелый и славный путь до Победы, за который в 1965 году партия и правительство наградили Краснознаменный Балтийский флот вторым орденом Красного Знамени. Под руководством и при непосредственном участии адмирала В. Ф. Трибуца на Балтике велась подготовка к военным действиям — укреплялись военно — морские базы, вновь создавались береговые батареи, аэродромы.

Читатель узнает об обороне Таллина, многодневной обороне Лиепаи, бессмертном подвиге защитников Ханко, тяжелейшем прорыве флота из Таллина в Кронштадт. После перебазирования флота в Ленинград и Кронштадт он встал в ряды защитников города Ленина. Артиллерия флота только за 1941 год израсходовала 167 тысяч снарядов 406–100–миллиметрового калибра. Около 49 тысяч боевых вылетов только за лето и осень 1941 года совершили балтийские летчики. Девяносто тысяч балтийцев сражались в бригадах морской пехоты войск фронта, около 100 тысяч были на кораблях, в авиа- и артиллерийских частях. Балтийские подводные лодки вели самостоятельные боевые действия в удаленных районах без поддержки другими силами флота.

Важным политическим и оперативно — стратегическим фактором в оборонительной операции войск Ленинградского фронта явилось создание Ладожской военной флотилии за счет кораблей, авиации и частей флота. В сентябре корабли флотилии и суда пароходства открыли «Дорогу жизни», которая зимой была проложена по льду.

Все это говорит о той огромной помощи, которую оказал Балтийский флот войскам, оборонявшим город Ленина.

Адмирал В. Ф. Трибуц, крупный военачальник, дает анализ преимуществ советской военной доктрины перед военно — теоретической мыслью немецкого командования.

Вопреки фальсификаторам истории автор убедительно показывает, что флот активно действовал на Балтийском морском театре с первых дней войны. Он со знанием дела рисует панораму боев сорок первого года. Эта картина вызывает гордость за наших людей, которые отступали, но не сдавались, за наш флот, который вместе с воинами Красной Армии сражался и побеждал. Принципиальная партийная оценка событий, объективность и искренность, с которой В. Ф. Трибуц описывает события, не вызывают сомнений. На конкретных примерах и фактах в книге показана постоянная забота Центрального Комитета Коммунистической партии и Советского правительства о возрождении и укреплении Военно — Морского Флота, огромная работа Военного совета, штаба и политуправления флота по повышению боеготовности кораблей и частей.

С большой теплотой и любовью в книге говорится о людях, чьими руками ковалась победа над фашизмом. Наряду с командирами и политработниками перед взором читателя встают рядовые бойцы: военные моряки, летчики, артиллеристы, морские пехотинцы, рабочие судостроительных заводов. Особую дань отдает автор памяти павших в жестоких боях за Родину.

«Балтийцы вступают в бой» — впечатляющая книга, еще одно яркое мемуарное произведение о Великой Отечественной войне.

*Адмирал флота В. А. Касатонов,*

*заместитель Главнокомандующего*

*Военно — Морским Флотом.*

# ГЛАВА 1. ОТ ГРАЖДАНСКОЙ ДО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Боевое и революционное прошлое Балтийского флота. Награждение флота орденом Красного Знамени. Накануне грозных событий. Новые условия базирования. Мероприятия партии и правительства по укреплению западных морских границ. Дружная совместная работа Военного совета флота с руководителями ЦК Коммунистической партии и правительства Эстонии. Балтийский флот готов к бою.

Эта книга — о 1941–м… О героических днях начала Великой Отечественной войны. Нависшая над Страной Советов угроза вызвала, прежде всего, огромный патриотический подъем всего народа, армии, флота, готовность отстоять завоевания социализма и разгромить врага.

Сейчас, по прошествии трех десятилетий, мы спокойнее относимся к тому что было — притупилась боль, зарубцевались раны — и четче представляется сорок первый, как год великого мужества и подвигов советских людей.

В летопись боевой славы Краснознаменного Балтийского флота вписано немало ярких страниц. Нам приходилось отходить — мы отходили с боями, нанося врагу урон. Были ошибки, это правда, мы не имели опыта войны, которым располагал враг. Но мы выстояли — Балтийский флот сохранил свою боеспособность и внес достойный вклад в дело разгрома немецкого фашизма.

Я горжусь тем, что имел честь командовать Балтийским флотом в годы Великой Отечественной войны.

Краснознаменному Балтийскому флоту отдано четверть века моей жизни. Мне довелось участвовать в его восстановлении и развитии после гражданской войны и разрухи, в период первых пятилеток. Был курсантом, затем командовал боевыми частями, кораблями, возглавлял соединения, штаб флота. В мои намерения не входит рассказ о службе в этих должностях, но хочу подчеркнуть— каждая из них формировала во мне флотского командира, учила любить флот, гордиться его боевым прошлым.

Балтийский флот — один из старейших военно — морских флотов нашей Родины. Его более чем двухсотпятидесятилетняя история овеяна боевой славой, завоеванной в сражениях за неприступность рубежей нашей страны, за безопасность морских путей на Балтике, за победу Великой Октябрьской

социалистической революции и в гражданской войне.

Позволю себе сделать краткий экскурс в историю Балтийского флота. Мне представляется это необходимым, чтобы подчеркнуть, откуда же бралась у балтийских военных моряков та несгибаемая стойкость, та поразительная сила духа, которая позволяла им делать, казалось, невозможное.

В самые трудные месяцы первого периода Великой Отечественной войны балтийцы были вооружены богатейшими боевыми и революционными традициями.

Для меня события, происходившие на флоте, начиная с февраля 1918 года, — не просто история, я был их участником, многое запомнилось по рассказам очевидцев. И мне хочется вспомнить те опаленные огнем революции и гражданской войны дни — к ним восходит история советского Балтийского флота.

Я помню воззвание Советского правительства, подписанное 21 февраля 1918 года В. И. Лениным: «Социалистическое отечество в опасности». Откликнувшись на призыв Преградить путь войскам кайзеровской Германии, перешедшим в наступление против Советской Республики, тысячи рабочих взялись за оружие.

Приказ по Балтийскому флоту от 22 февраля звал моряков в бой пламенными словами: «Всех, кто способен держать оружие, Родина зовет на последней революционный бой». Это было всего одиннадцать дней спустя после создания Красного Флота. Команды кораблей и личный состав береговых частей выносили решения о формировании матросских отрядов для немедленного выступления на фронт. Мне довелось участвовать в боях под Нарвой в отряде Красной гвардии, посланном из Смольного, а затем в отряде военных моряков — балтийцев под командованием Павла Ефимовича Дыбенко.

Так оказался я в среде балтийских моряков. Увлекла их необычная простота и отвага, какое-то трудно постижимое разумом чувство революционной сознательности, готовность отдать жизнь за Республику Советов.

Многое увиденное и услышанное тогда волнует и по сей день. Обо всем не расскажешь, но об одном событии не могу не вспомнить, настолько оно значительно, настолько поражает своим героическим содержанием. Я говорю об известном в истории нашей Родины ледовом походе.

В феврале — мае 1918 года революционные моряки Балтики, выполняя указание В. И. Ленина, в сложной военно — политической обстановке и в труднейших навигационных условиях осуществили перебазирование кораблей и судов флота из Ревеля (Таллин) и Гельсингфорса (Хельсинки) в Кронштадт и Петроград. Недоставало ледоколов, тяжелые льды таили

смертельную угрозу не только для эскадренных миноносцев и подводных лодок, имевших тонкие корпуса, но и для линейных кораблей и крейсеров. И все же боевые корабли и суда пришли к родным берегам.

Ледовый переход называют легендарным. Самые строгие военные историки и стратеги ставят эту беспримерную операцию в один ряд с крупнейшими операциями Красной Армии в годы гражданской войны. Ее осуществление сорвало замысел международной империалистической реакции, намеревавшейся лишить нашу страну Балтийского флота и тем самым нанести сокрушительный удар революционному Питеру. Флот был сохранен и служил главным резервом при формировании флотилий, различных морских и речных отрядов.

По указанию В. И. Ленина летом 1918 года с Балтики на Волгу, на Ладожское и Онежское озера направлялись миноносцы, подводные лодки, сторожевые корабли; организовывались и посылались на фронт морские экспедиционные отряды и команды для бронепоездов.

В составе одного из таких отрядов балтийцев пришлось воевать и мне. Отряд формировался в Нижнем Новгороде и в мае 1918 года направлен в Астрахань для защиты Советской власти и борьбы с белокулацкими бандами. Позднее я был бойцом десантного отряда, действовавшего в 1919 году в низовьях Волги. На миноносце «Деятельный» под командованием И. С. Исакова в 1920 году участвовал в освобождении Махачкалы, Баку, Энзели. Моряки следили за тем, что происходило в Питере и на флоте. В апреле 1919 года на Петроград двинулись банды Юденича и белоэстонцы. С моря их поддерживали английские корабли под командованием контр — адмирала Вальтера Коуэна. В заливе находились также боевые корабли других стран — участниц интервенции.

Несмотря на то, что силы были неравны, балтийцы не пустили врага к Петрограду. Эскадренные миноносцы «Азард» и «Гавриил» потопили английскую подводную лодку «Л-55». Корабли, стоявшие в Кронштадте, отразили набег английских торпедных катеров. «Пантера» уничтожила английский эскадренный миноносец «Витторио». Несколько раньше с помощью кораблей Балтийского флота был подавлен контрреволюционный мятеж на фортах «Красная Горка» и «Серая Лошадь», организованный английской разведкой и белогвардейцами. На Онежском озере, в районе Видлицы, скрытно высадился десант военных моряков, который помог разгромить действовавшего здесь противника.

Однако на суше угроза Петрограду росла. В октябре на

подступах'к городу развернулись упорные бои. Враг атаковал Красное Село и Пулковские высоты. В. И. Ленин обратился к петроградцам с призывом отстоять город революции: «Мы гораздо сильнее врага. Бейтесь до последней капли крови, товарищи, держитесь за каждую пядь земли, будьте стойки до конца, победа недалека! победа будет за нами»[1].

Эти события напоминают мне другие — те, которые произошли здесь же двадцать два года спустя, осенью 1941 года. Враг тоже стоял у ворот города. Также обращалась к его защитникам Коммунистическая партия, И враг не прошел…

Тогда, в 1919 году, ©го разгромили войска 7–й Красной Армии вместе с рабочими Петрограда и военными моряками Балтики. В сражении участвовали корабли и батареи флота, одиннадцать тысяч балтийцев дрались с врагом на суше.

Это были последние бои, в которых непосредственное участие принимал Балтийский флот. Он сыграл свою историческую роль в осуществлении социалистической революции, в отражении натиска внутренней контрреволюции и иностранной интервенции. Теперь перед ним встали новые задачи.

Флот в те годы остро нуждался в образованных кадрах. Проводилась реорганизация старых военно — морских учебных заведений, организовывались новые. Училище командного состава в Петрограде было преобразовано в военно — морское (ныне Высшее военно — морское учйлище имени М. В. Фрунзе) и военно — морское инженерное (ныне Высшее военно — морское училище имени Ф. Э. Дзержинского). Вновь созданы военно — морское политическое училище, высшие специальные курсы командного состава и ряд других. Мне предложили поехать на учебу в училище имени М. В. Фрунзе. Я дал согласие без колебаний.

Приятно было оказаться в городе, который всегда любил, и радостно оттого, что снова попал в среду балтийских моряков. Училище готовило командные кадры для всех флотов и флотилий, но пульс Балтики чувствовался как-то сильнее. Мы, курсанты, знали обо всех важнейших событиях, происходивших на флоте, живо интересовались его жизнью.

Обстановка на флоте оставалась сложной. К концу гражданской войны все запасы топлива и продовольствия были израсходованы. Оказались за кордоном многие военно — морские базы. Десятки тысяч опытных моряков, ушедших на фронты, не вернулись на корабли — многие остались на партийной, советской, хозяйственной работе. На некоторых кораблях сохранилось всего 20–40 процентов личного состава. На Черном

море и Тихом океане от флотов практически ничего не осталось: корабли были либо потоплены либо уведены интервентами при содействии белогвардейцев. М. В. Фрунзе писал: «В сумме все это означало, что флота у нас нет».

В условиях послевоенной разрухи, когда ведущие отрасли промышленности выпускали продукции почти в семь раз меньше чем до войны, страна не могла выделить средства, необходимые для воссоздания флота одновременно на всех морях. Целесообразным считалось в первую очередь строить корабли для Балтийского флота. С военной точки зрения именно этот флот был особенно необходим. К тому же здесь сохранилась относительно сильная судостроительная база. Решение на этот счет было принято 23 октября 1920 года в Совете Труда и Обороны по предложению

В. И. Ленина. Тем не менее задача восстановления всего военно- морского флота не снималась с повестки дня. X съезд РКП(б), проходивший в марте 1921 года, принял специальные решения, кото рые и положили начало его плановому восстановлению и укреплению.

Для военных моряков старшего поколения столь же памятно и другое событие, имевшее огромное значение для роста военно-морского могущества нашей страны. 16 октября 1922 года V Всероссийский съезд РКСМ постановил: «Учитывая ту колоссальную роль, которую играет Красный военный флот в деле обороны подступов к Советской Республике, и считая необходимым взять на себя основную работу в деле возрождения мощи морских сил Советской Родины, принять шефство над Красным военным флотом республики»[2].

Это решение вызвало небывалый подъем среди молодежи. Только в 1922–1923 годах на флот лришло около восьми тысяч комсомольцев. Почти тысяча из них была зачислена в военно — морские учебные заведения. Остальные направлены на восстановление судоремонтных и судостроительных заводов, портов, баз, на ремонт боевых и вспомогательных кораблей.

Советский Балтийский флот быстро набирался сил, становился на ноги. Уже осенью 1922 года состоялись маневры под флагом командующего флотом. Линейный корабль «Марат», дивизион учебных кораблей длительное время находились в море. В том же году впервые после гражданской войны советский военный учебный корабль «Комсомолец» совершил заграничное плавание — посетил немецкий порт Киль.

Через два года (1924) заграничный поход совершили уже два наших корабля. Кроме «Комсомольца» в нем участвовал крейсер «Аврора», восстановленный силами рабочих кронштадтского

завода, ленинградских предприятий и курсантов Военно — морского училища им. М. В. Фрунзе. Руководил походом начальник училища Н. А. Бологое. Корабли прошли по маршруту Кронштадт — Берген — Мурманск — Архангельск — Тронхейм — Кронштадт.

Большим событием для участников похода было посещение кораблей во время стоянки в Бергене послом Советского Союза в Норвегии А. М. Коллонтай, Она вручила ордена Красного Знамени пяти курсантам, которые проявили отвагу и героизм при взрывё мины на кронштадтском форту «Павел» весной 1923 года.

Вспоминается проведенная в те годы под неослабным контролем Центрального Комитета РКП(б) и Советского правительства военная реформа. Работу по реорганизации Вооруженных Сил возглавил прославленный полководец М. В. Фрунзе. Эта реорганизация была одобрена на XIII съезде РКП(б) в мае 1924 года. Управление Военно — Морских Сил непосредственно было подчинено РВС СССР. Ему были подчинены Реввоенсоветы Балтийского и Черноморского флотов, начальники морских сил Каспийского моря и Дальнего востока, старший морской начальник Севера.

«В результате военной реформы и ряда мероприятий, проведенных в последующие годы, Красная Армия и Флот, несмотря на значительное сокращение, представляли серьезную силу»[3]. Важное значение имели проблемы, связанные с формированием советской военной доктрины. Она родилась на основе анализа задач флота и возможностей его строительства. Наша военная доктрина считала, что в случае войны решающие события должны развернуться на суше. Задача флота — содействие армии, хотя не исключалась возможность и самостоятельных его боевых действий.

Исходя из этих положений и учитывая международную обстановку, в конце 1926 года была разработана программа военного кораблестроения, рассчитанная на шесть лет. Она предусматривала строительство главным образом подводных лодок, торпедных катеров и сторожевых кораблей.

Тем временем военно — морские училища сделали свой очередной выпуск. В числе других молодых командиров я получил назначение на Балтийский флот на должность командира 12–дюймовой башни линкора «Парижская Коммуна». Командовал этим кораблем Константин Иванович Самойлов, лод руководством которого на канонерской лодке «Ленин» мне довелось служить на Каспийском море в 1920–1922 годах. Я знал его как военного теоретика, организатора и практика и глубоко уважал как прекрасного человека.

Можно, наверное, сказать, что начало моей командирской службы на Балтийском флоте совпало с периодом его наиболее интенсивного становления и развития. К 1928 году на флоте были восстановлены и модернизированы все наиболее ценные в боевом отношении корабли, остальные пошли на слом. Полным ходом строились подводные лодки, сторожевые корабли и торпедные катера.

Хочется подчеркнуть, что ведущая роль в восстановлении и строительстве флота принадлежала Ленинграду. Руками ленинградских рабочих и инженеров создавались самые современные по тому времени корабли. Военное кораблестроение было предметом особой заботы Ленинградской партийной организации. Руководивший ею в те годы С. М. Киров уделял постоянное внимание ленинградским судостроителям, требовал от них «строить корабли быстро, хорошо, дешево». У меня и сейчас в памяти выступление С. М. Кирова в Кронштадте на Якорной площади: «На флот мы возлагаем большие задачи по охране морских границ СССР и охране подступов к городу Ленина, — говорил Сергей Миронович. — Эти задачи должны быть выполнены».

С. М. Киров искренне радовался вступлению в строй каждого нового корабля. Он лично присутствовал при закладке первенца советского судостроения лидера миноносцев «Ленинград», названного именем города, который был призван защищать, и вместе со старейшим мастером — судостроителем Яковлевым поставил первую заклепку будущего корабля. В знак признания заслуг пламенного трибуна революции перед Балтийским флотом его имя присвоено одному из лучших кораблей. Крейсер «Киров» за боевые дела, свершенные в годы Великой Отечественной войны, награжден орденом Красного Знамени.

С годами дружба ленинградцев с военными моряками Балтики становилась все крепче. Трудящиеся города Ленина, его партийные и советскиеˆ организации считали своим долгом оказание помощи флоту в преодолении любых затруднений. Благодаря этому флот имел все необходимое для своего роста и совершенствования. Балтийцы отвечали Ленинграду любовью, отличными показателями в боевой и политической подготовке, быстрым освоением военно — морской техники, созданной трудолюбивыми руками ленинградских рабочих.

Когда наша страна отмечала десятилетие Красной Армии, Балтийский флот за выдающиеся заслуги в гражданской войне и огромную работу по восстановлению флота был награжден орденом Красного Знамени.

Мне было радостно присутствовать на торжествах, когда

глава Советского правительства А. Н. Косыгин вручил флоту второй орден Красного Знамени, которым страна отметила его заслуги в Великой Отечественной войне. И снова многократно было повторено святое для балтийцев слово — Ленинград. Балтийцы и ленинградцы, Балтийский флот и Ленинград — эти понятия неразрывны для меня и, видимо, не только для меня.

Большим событием тех лет был переход из Балтики в Черное море вокруг Европы. В походе участвовали линейный корабль «Парижская Коммуна» (командир К. И. Самойлов) и крейсер «Профин- терн» (командир А. А. Кузнецов). Возглавлял поход командир высокой культуры, впоследствии заместитель Народного комиссара Военно — Морского Флота Л. М. Галлер.

Поход был сложным. Особенно запомнился ураган, с которым мы встретились в Бискайском заливе. Наш отряд с честью выдержал испытание, хотя во время урагана погибло до сотни кораблей и судов других стран.

Балтийский флот не только рос и укреплялся сам, но и служил основным ядром для усиления советских военно — морских сил на других морях. Кроме пополнения боевого состава Черноморского флота несколько позже боевые корабли и личный состав с Балтики были направлены для усиления Тихоокеанского и Северного флотов.

Спустя восемь лет, в 1937 году, мне довелось снова побывать в весьма ответственном заграничном походе, теперь на линейном корабле «Марат», которым командовал В. И. Иванов (я был старшим помощником командира). Английское правительство пригласило советских военных моряков принять участие в параде на Спитхэдском рейде у Портсмута по случаю коронации королевы

Елизаветы. Если учесть, что Англия — страна многовековой морской культуры, то станет понятным, как волновались мы, участни- ки этого похода. Однако все прошло как должно, по всем статьям, — начиная от постановки на фертоинг[4] и кончая снятием с якоря. Экипаж линкора показал себя в высшей степени достойно.

Но вернемся к главной теме — становлению флота. Много новых боевых кораблей флот получил в годы первой пятилетки. В это время развернулось строительство подводных лодок, а также сторожевых кораблей типа «Ураган». Во вторую и третью пятилетки упор был сделан на строительство лидеров и эскадренных миноносцев типа «Гневный», тогда же введены в строй легкие крейсеры «Киров» и «Максим Горький», хотя не снижались темпы строительства и малых, средних и больших подводных лодок. Начало третьей пятилетки было ознаменовано

закладкой современных по тем годам линейных кораблей типа «Советский Союз» водоизмещением до 60 тысяч тонн с 16–дюймовой артиллерией. Строились и новые легкие крейсеры типа «Чапаев».

Число кораблей из года в год увеличивалось. Развернулось строительство новых и дооборудование старых военно — морских баз. Большое внимание уделялось береговой артиллерии и авиации флота. Появились железнодорожные артиллерийские системы, оснащенные самыми мощными орудиями — 180, 305, 356–миллиметровыми. Наши скоростные бомбардировщики и торпедоносцы по своим качествам не уступали зарубежным самолетам этого типа. Росло число аэродромов.

Боевую подготовку флот вел в тесном взаимодействии с войсками Ленинградского военного округа, которым в течение 1937–1938 годов командовал командарм 2 ранга П. Е. Дыбенко. Балтийцы учились надежно прикрывать фланги сухопутных войск, поддерживать их авиацией и артиллерийским огнем, высаживать десанты. Совместно с общевойсковыми командирами обсуждались многие проблемы боевой учебы, будущего взаимодействия, решались практические вопросы оборонительного строительства. Этими вопросами мне приходилось заниматься теперь непосредственно, возглавляя отдел боевой подготовки штаба флота.

В январе 1938 года меня вызвали в Москву к Народному комиссару Военно — Морского Флота. В день приезда поздно вечером мы вместе с Наркомом поехали в Кремль. Не зная причины вызова туда, я, конечно, волновался. После ожидания в течение некоторого времени меня пригласили в кабинет И. В. Сталина. Я видел его впервые. В кабинете находились Нарком ВМФ и некоторые члены Политбюро. Сталин поздоровался со мной; расхаживая, он задавал вопросы, касающиеся обстановки на Балтике и в Финском заливе; интересовался состоянием нашего флота и флотов сопредельных государств; просил дать оценку некоторым классам кораблей и их боевым возможностям. На мой взгляд, это было что-то вроде экзамена. Я обратил внимание на знание Сталиным многих деталей военно — морского дела, особенно хорошо он был знаком с тактико — техническими данными наших кораблей. Потом Сталин поинтересовался моей личной жизнью, национальностью, образованием. Беседа была довольно длительной.

Вскоре мне Сообщили об утверждении в должности начальника штаба флота.

Штаб решал в это время очень сложные задачи. Проводились

испытания новыхХбоевых кораблей разных классов, количество которых все время Увеличивалось. Возрастали темпы боевой подготовки. Флот готовился к крупным осенним учениям. Особо штаб отвечал за проведение в жизнь нового боевого устава Военно- Морского Флота, содержавшего основные теоретические положения его тактики, использования подводных, воздушных, надводных сил. Много времени занимала работа с командирами новых боевых кораблей, как правило, не имевшими необходимого опыта и знаний.

Все эти меры были направлены на быстрейшее повышение боевой готовности кораблей и частей, на совершенствование боевого управления силами флота.

В целях улучшения руководства флотом в 1938 году на Балтике, как и на других флотах нашей страны, был учрежден Военный совет флота.

Мое назначение командующим флотом состоялось в мае 1939 года. Членами Военного совета тогда же были назначены дивизионный комиссар С. Д. Морозов, имевший большой опыт партийной работы, и прибывший с Тихоокеанского флота бывший матрос дивизионный комиссар М. Г. Яковенко. К этому времени я успел хорошо узнать многообразную жизнь флота, разобраться в теоретических и тактических проблемах использования различных родов его сил.

Работать предстояло с людьми, которых успел узнать во время службы в штабе флота и еще раньше, к которым успел проникнуться глубоким и искренним уважением. Начальником штаба флота был назначен капитан 1 ранга Юрий Александрович Пантелеев. Он имел хорошую теоретическую и практическую подготовку в области военно — морского искусства, знал театр военных действий.

Штаб флота был укомплектован командирами, отлично знающими свое дело, такими, как капитаны 1 ранга Н. А. Питерский, Г, Е. Пи- липовский, В. Ф. Черный — мои однокашники по учебе в военно- морском училище; капитан 1 ранга С. В. Кудрявцев, успешно окончивший военно — морскую академию, имевший большой опыт командования боевыми кораблями; Н. С. Фрумкин, М. А. Зернов, И. Н. Ганцов, Н. И. Назимов. Они работали не покладая рук, делали все возможное для повышения боевой готовности флота. Штаб был надежным органом управления командующего, обеепечивающим разработку и подготовку решений, контролирующим Состояние боевой готовности соединений и поддерживающим ил море нужный оперативный режим.

Столь же высокой оценки заслуживает тыловая служба флота,

которую возглавлял крупный организатор капитан 1 ранга Митрофан Иванович Москаленко. В его работе сочетались высокая оперативность, организованность, творческая инициатива — незаменимые в его сложном деле качества, выработанные большим жизненным опытом и хорошей политической закалкой. Для юхтотливой тыловой работы невозможно было найти руководителя лучше, чем этот испытанный на хозяйственной работе представитель партии.

Начальник тыла, являясь заместителем командующего, объединял в своих руках вооружение, судоремонтные заводы и мастерские, продовольственное, вещевое и топливное снабжение. Это позволяло нам поддерживать тесную связь с народным хозяйством, лучше использовать в интересах флота местные ресурсы. Митрофан Иванович чутко и заботливо относился к просьбам и требованиям командиров соединений, правильно считая, что тыл служит флоту.

Командующий и штаб флота были во многом освобождены от повседневных забот по тыловому обеспечению и могли сосредоточить внимание на управлении соединениями, организации их боевой деятельности.

Летом 1939 года значительная часть соединений и частей флота участвовала в большом учении. В море вышли десятки новых кораблей, созданных по проектам советских инженеров на отечественных судостроительных заводах. На кораблях находились

А. А. Жданов, возглавлявший Ленинградскую партийную организацию, секретарь ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлов, Нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов, секретарь Ленинградского горкома партии

А. А. Кузнецов, представители партийных, советских, общественных организаций города Ленина.

Учение показало, что в руках военных моряков находится грозное боевое оружие и они успешно овладевают им, умело управляют корабельной техникой. Это подтвердил и состоявшийся тем же летом переход отряда кораблей из Кронштадта во Владивосток через Атлантический и Тихий океаны. В тяжелых штормовых условиях наши корабли прошли более 15 тысяч миль и прибыли к месту назначения раньше срока.

В том же году произошли международные события огромной важности, наложившие отпечаток на деятельность Балтийского флота. Центральный Комитет партии и Советское правительство, озабоченные безопасностью наших западных границ, решили заключить пакты о взаимопомощи с Эстонией, Латвией и Литвой. Благодаря этому появилась возможность размещения на их

территории советских войск и базирования в некоторых пунктах побережья частей и кораблей Балтийского флота.

Флот не» замедлил использовать новую обстановку для укрепления своиэ1 позиций. Это тем более стало необходимым, так как обострились взаимоотношения Советского Союза с Финляндией. Уже в октябре 1939 года часть подводных сил перебазировалась в Таллин. Крейсер «Киров» с дивизионом эскадренных миноносцев перешел в ЛЦепаю. В Эстонию были перебазированы несколько авиаэскадрилий; Таким образом, флот приблизился вплотную к коммуникациям вероятного противника, агрессивные действия которого приобретали все более угрожающий характер.

30 ноября 1939 года началась война с Финляндией. Обращаясь к личному составу, Увоенный совет флота выразил уверенность, что моряки, высоко держа знамя революционных и боевых традиций Балтики, во взаимодействии с частями Ленинградского военного округа покажут бесстрашие и отвагу в наступательных боях. И балтийцы действовали с огромным боевым подъемом. Отряд капитана 1 ранга С. С. Рамишвили успешно высадил десанты на острова. Линейные корабли «Октябрьская революция» и «Марат» выходили в охранении эскадренных миноносцев на боевые позиции в море и вместе с авиацией флота наносили по батареям врага мощные удары, расчищая путь нашим наступающим войскам. Активно действовал отряд легких сил.

Неплохо показали себя подводники, действовавшие на море, а также в Финском и Ботническом заливах. Несмотря на тяжелые условия погоды, они находили и топили врага. За боевые заслуги в финской кампании подводные лодки «Щ-311», «Щ-324» и «С-1» награждены орденом Красного Знамени, а их командирам Ф. Г. Вершинину, А. К. Коняеву и А. В. Трипольскому в числе других прославленных балтийцев присвоено звание Героя Советского Союза.

Большую активность проявляли летчики, возглавляемые комбригом В. В. Ермаченковым. За образцовое выполнение боевых заданий балтийским летчикам В. И. Ракову, Н. А. Токареву, А. И. Кро- халеву и другим присвоено высокое звание Героя Советского Союза, а три авиаэскадрильи удостоены ордена Красного Знамени.

Финская кампания была своего рода испытанием для Балтийского флота, и он с честью выдержал его, хотя в использовании отдельных родов сил, некоторых видов оружия выявились и недочеты. На них нам указал после совещания в правительстве СССР по итогам войны Нарком ВМФ.

Как известно, по договору с Финляндией к Советскому Союзу отошли Карельский перешеек с Выборгом, северное побережье Ладожского озера, ряд островов в Финском заливе, а полуостров Ханко был получен в аренду. На Ханко предполагалось создать военно — морскую базу флота для обороны входа в Финский залив. Все это способствовало усилению позиций флота на Балтике. Еще более усилились позиции Балтийского флота после того как в состав Советского Союза вошли Латвия, Литва и Эстония. Но вместе с тем многократно увеличивалась и ответственность флота за охрану интересов нашей страны в этом районе. Теперь мы должны были защищать устье Финского залива, укрепляя свои минноартиллерийские позиции, охранять Ирбенский пролив; чтобы не допустить прорыва врага в Рижский залив, действовать на морских коммуникациях и у баз противника, оборонять острова и побережье от возможной высадки десанта, прикрывать фланги Красной Армии, оказывать им содействие.

Практически это означало, что впредь Балтийский флот будет решать задачи в совершенно новой обстановке. Прежде всего, операционная зона расширилась в десять с лишним раз. Флот получил открытые выходы в море, чего не имел в течение более чем двадцати лет. Появилась возможность для рассредоточения, эшелонированного базирования сил флота, увеличения глубины расположения военно — морских баз и обороны морских подступов к Ленинграду. Но вслед за этим мы должны были пересмотреть всю систему охраны на море, перераспределить свои наличные силы для дозора, траления, а также для вспомогательных работ.

Назрела необходимость перевести управление флотом на запад, ближе к основным военно — морским базам, соединениям, авиационным частям. Решено было разместить органы управления в Таллине, и Нарком ВМФ то и дело торопил нас с переездом туда. Наконец правительство Эстонии сообщило, что может передать флоту необходимые помещения и жилые дома. В июне 1940 года Военный совет, штаб, политуправление и тыл флота со многими подразделениями и службами отбыли на теплоходе «Сибирь» в Таллин. Кронштадт оставался важной тыловой, ремонтной, снабженческой базой.

После перемещения мы занялись освоением новых районов Балтики. До 1940 года флот был ограничен в действиях небольшими размерами акватории. Оперативный замысел учений сводился к обороне восточной части Финского залива, нанесению ударов по условному противнику при его движении здесь, в непосредственной близости от Ленинграда. Приходилось учить

командиров пассивной, «выжидательной», обороне. О решительных действиях наступательного характера во время учений мы могли только мечтать.

Теперь положение изменилось. Флот имел широкое поле деятельности для отработки всех видов тактической подготовки. Важно было освоить западные районы так, чтобы днем и ночью, в любых условиях погоды надводные, подводные корабли и самолеты могли ориентироваться в них столь же свободно, как ориентировались в обжитых восточных районах. Организовать решение этой сложной задачи предстояло командирам и штабам соединений и частей. Если в Кронштадте, где все было собрано буквально на «пятачке», штаб флота зачастую подменял штабы соединений, то здесь они обретали простор для проявления инициативы. Кроме того, нужно было в кратчайший срок создать прочную оборону в новых местах базирования — на полуострове Ханко, Моонзундских островах, Таллине, Лиепае.

Но и это не все. Советское правительство поставило перед флотом задачу осуществить боевое траление, очистить морской театр от мин. Их было выставлено не так уж много, чуть более тысячи, но обработать предстояло очень большую площадь. Наши тральные корабли прилагали большие усилия к тому, чтобы как можно скорее расчистить подходы к Выборгу, обезопасить движение иностранных транспортов, шедших к нам с грузами.

Тралили не только подходы к Выборгу. Все фарватеры и районы, необходимые для действий флота в Финском и Рижском заливах, подлежали проверке. Эта огромная по объему работа проделана нашими немногочисленными тральными кораблями. А с весны 1941 года все базовые тральщики перешли в Таллин, откуда проводили контрольное траление подходов к Палдиски, Ханко и Таллину. С уходом льда в восточной части Финского залива снова проверялись все основные фарватеры.

По — прежнему оставались заботы, связанные с освоением новых кораблей, новой техники, поступавших на флот. Не хватало специалистов, командного, старшинского и рядового состава, и штаб флота, руководители соединений, командиры кораблей принимали экстренные меры, чтобы выйти из этого положения.

За всем этим мы не забывали о главном — о боевой учебе. Новый период жизни флота характеризовался тем, что был получен некоторый боевой опыт, позволивший оценить возможности новых кораблей и видов оружия, тактические приемы их использования. Финская кампания внесла коррективы и в организацию воспитательной работы на кораблях и в частях, подготовки кадров. Участники боев передавали молодым морякам, пришедшим на флот, свои навыки, умение бить врага

наверняка.

С учетом опыта финской кампании осенью 1940 года было проведено большое учение, охватившее одновременно почти все районы Балтийского военно — морского театра. В нем участвовало до 200 боевых кораблей, авиация, береговая оборона. В ходе учения использовались почти все виды оружия, проверялись составленные штабом флота проекты оперативно — тактических документов. Штабы авиационных соединений, надводных и подводных кораблей, военно — морских баз и береговой обороны получили навыки производства оперативных расчетов и управления в условиях рассредоточенного базирования.

Учение получило высокую оценку присутствовавших на нем члена Главного Военного совета Военно — Морского Флота А. А. Жданова и Народного комиссара Военно — Морского Флота Н. Г. Кузнецова. Вместе с тем от нас потребовали не успокаиваться на достигнутом, продолжать боевую подготовку и в зимнее время.

Учение свидетельствовало о том, что наши командиры имеют неплохие знания, располагают опытом кораблевождения, осваивают новое оружие. Улучшилась организация взаимодействия между родами сил флота.

В достижении успехов важную роль сыграла партийно — политическая работа. Политорганы, партийные и комсомольские организации мобилизовали личный состав кораблей и частей флота на преодоление трудностей, с которыми приходилась сталкиваться во время учения. Коммунисты флота являлись роевым отрядом партии, тесно сплоченным вокруг ее Центрального Комитета. Надежным помощником политорганов выступил флотский комсомол. Коммунисты и комсомольцы составляли более 60 процентов всего личного состава (на флоте в то время служили десятки тысяч краснофлотцев, младших командиров, командного и политического состава). Еще больше коммунистов и комсомольцев (около восьмидесяти процентов) было среди командного состава. С введением единоначалия в активное руководство партийно — политической работой включились командиры, подавляющее большинство которых правильно понимало новые задачи.

Учение закончилось, но боевая учеба продолжалась. Каждый день приносил новые успехи и новые заботы. Мы стремились выполнить требования командования Военно — Морского Флота и ни на минуту не ослабляли усилий по повышению мастерства военных моряков.

Вся эта работа имела единственный смысл — подготовка к

защите Родины. Мы хорошо понимали неотвратимость войны и в связи с этим строили наши планы боевой подготовки, которыми предусматривалось закрепить достигнутое в учебе, освоить новый театр военных действий.

Я говорю сейчас о предвоенных годах. Если же взглянуть на весь исторический отрезок времени, который описывается в этой главе, могу с уверенностью сказать, что двадцатилетие между окончанием гражданской и началом Великой Отечественной войн прожито не зря. Страна возродила советский Балтийский флот, были восстановлены старые и построены новые корабли различных классов, расширена и улучшена система базирования, окрепла береговая оборона, появилась морская авиация, выросли командные, политические, административно — технические кадры. Партия воспитывала личный состав в духе марксизма — ленинизма, советского патриотизма, постоянной готовности к защите социалистической Родины.

Мне отчетливо представляется дух XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б), проходившей 15–20 февраля 1941 года, на которой состав центральных органов был пополнен военными товарищами. В члены ЦК были избраны И. Р. Апанасенко, Г. К. Жуков, М. П. Кирпонос, И. В. Тюленев, И. С. Юмашев и другие, в состав Ревизионной комиссии ЦК были избраны командующие флотами Ф. С. Октябрьский, В. Ф. Трибуц и другие. Это повышало авторитет армейских и флотских коммунистов, их ответственность за укрепление обороноспособности страны.

Флот располагал к началу войны довольно стройной, основанной на марксистско — ленинском учении теорией подготовки и ведения операций, считалось, что в современной войне победа достигается согласованными действиями всех видов Вооруженных Сил, включая все роды сил флота, действующих по единому плану и под единым руководством. Исходя из этого, флот учился планировать операции совместно с военными округами. Некоторый опыт такого планирования накопили и соединения. Основные оперативнотактические документы, которыми мы руководствовались, ориентировали на то, что в современную эпоху войны начинаются без объявления, агрессивные государства стрямятся к внезапному нападению на своего противника. От нас требовалось умение создавать превосходство сил на главном направлении, четко взаимодействовать между родами сил флота и между сухопутными войсками, авиацией и флотом и наносить врагу внезапные и быстрые удары.

Такую задачу можно было решить лишь располагая

достаточными боевыми средствами. Партия и правительство уделили большое внимание оснащению Вооруженных Сил современной военной техникой. Особенно много средств выделялось на эти цели в последние годы перед войной, когда становилось все более ясно, что Советскому Союзу не удастся избежать военного столкновения с империалистическими государствами.

Осуществляя намеченный XVIII съездом курс, Центральный Комитет партии и Советское правительство резко увеличили ассигнования на военные нужды. «…Они составили в 1939 году 25,6 процента, а в 1940 — 32,6 процента и в 1941 —43,4 процента общего государственного бюджета… За 1939 и первую половину 1940 года наша промышленность произвела более 17 тысяч боевых самолетов, 7,6 тысячи танков, свыше 80 тысяч орудий и минометов, более 200 тысяч пулеметов и автоматов. Начиная с 1940 года было развернуто серийное производство новых типов самолетов: Як-1, Миг-3, ЛаГГ — 3, Пе-2, Ил-2 и др., танков КВ, Т-34, За 1940 и первую половину 1941 года было выпущено 3719 самолетов новых конструкций, 2083 танка новых типов… За этот же период общий тоннаж Военно — Морского Флота СССР возрос за счет ввода в строй новых кораблей почти на 160 тысяч тонн. В октябре 1940 года ЦК партии и Советское правительство значительно переориентировали советское военное судостроение, направив его на выпуск легких надводных кораблей и особенно подводных лодок»[5]. Балтийский флот, стоявший на страже наиболее опасного участка морских рубежей Советской страны, развернул грандиозное строительство военно — морских баз, укрепленных районов, береговых батарей, аэродромов, складов, постов наблюдения.

Центральный Комитет Коммунистической партии Эстонии, Совет Народнв1х Комиссаров Республики, на территории которой базировалась значительная часть соединений и частей флота, принимали активное участие в разрешении вставших перед флотом проблем. С ЦК и Совнаркомом согласовывались и решались многие вопросы обороны, строительства, материального обеспечения. Мы постоянно чувствовали внимание к флоту со стороны товарищей И. Лауристина — Председателя Совнаркома, одного из старейших руководителей Коммунистической партии Эстонии, погибшего на боевом посту 28 августа 1941 года, И. Вареса — Председателя Президиума Верховного Совета ЭССР, А. Веймера — Народного комиссара легкой промышленности, Н. Каротамма — Секретаря ЦК КПЭ и многих других партийных и советских руководителей республики, города Таллина. Все вопросы, которые ставил флот,

оперативно решались на заседаниях бюро ЦК КПЭ, бюро Таллинского горкома партии.

Большую помощь флоту оказывал уполномоченный ЦК ВКП(б) и СНК СССР по Эстонии В. Бочкарев, погибший позднее на боевом посту.

Совместная работа Военного совета флота с руководством Коммунистической партии и правительством Эстонии, моральная и материальная поддержка, которую оказывали военным морякам трудящиеся республики, являются прекрасным примером дружбы советских народов. Эта дружба способствовала лучшему решению поставленных перед флотом задач в Великой Отечественной войне.

К началу войны Балтийский флот состоял из соединений, способных вести активные боевые действия. Это эскадра (два линейных корабля, лидеры и эскадренные миноносцы) под командованием Д. Д. Вдовиченко; отряд легких сил (легкие крейсеры и эскадренные миноносцы) — им командовал В. П. Дрозд; соединения подводных лодок, которыми командовали капитан 1 ранга Н. П. Егип- ко и капитан 2 ранга А. Е. Орел, а также минные заградители капитана 1 ранга Н. И. Мещерского, сторожевые корабли и торпедные катера капитанов 2 ранга В. С. Черокова и В. А. Саломатина. У каждого из них за плечами Военно — морское училище имени М. В. Фрунзе, у некоторых — военно — морская академия, многие годы плавания на кораблях в командных должностях. В. П. Дрозд, Н. П. Египко, В. А. Егоров, С. П. Лисин, А. П. Лабудин, С. Д. Солоухин сражались во флоте революционной Испании. Посланцы Балтики показали пример солидарности и пролетарского интернационализма, они прославили Балтийский флот подвигами самоотверженности и отваги, проявленными в борьбе с черными силами реакции и фашизма.

Командиры соединения прекрасно разбирались в тактике использования сил, хорошо знали театр военных действий, умели организовать взаимодействие с другими родами сил флота. На них можно было положиться при выполнении боевых задач. Слабее были тактически подготовлены, меньше имели опыта командиры подводных лодок, эскадренных миноносцев и крейсеров, но они достаточно умело руководили своими экипажами, знали военно морской театр, подчиненные им командно — начальствующий и рядовой Состав были дисциплинированны, технически грамотны. Сомневаться в боеспособности корабельных соединений не приходилось. Но мы учитывали, что командование германским флотом имело большие возможности для стратегического маневра силами,

могло вводить на Балтийский театр через Кильский канал и Проливную зону корабли из Атлантики и Северного моря. К тому же наш флот численно по классам кораблей был слабее немецкого и финского флотов вместе взятых.

По составу морской авиации мы оказались сильнее вероятного противника, флотская авиация — ею командовал генерал — майор В. В. Ермачен'ков — состояла из самолетов различных типов и назначений. Экипажи имели высокий уровень подготовки, хотя, надо отметить, значительная часть наших самолетов по своим тактико — техническим данным уступала вражеским. Важное значение для нас имело то обстоятельство, что немецко — фашистский флот не имел своей морской авиации. Ему приходилось довольствоваться выделением по требованию флотского командования нужного количества самолетов сухопутной авиации. Командующий немецким подводным флотом адмирал Дениц начал сетовать по этому поводу еще до нападения на Советский Союз, однако и до конца войны ничего не добился.

Чего мы, руководители флота, особенно желали — это чтобы рода сил флота умели лучше взаимодействовать между собой, с армией и, прежде всего, с авиацией. Взаимодействие в тот предвоенный период усиленно отрабатывалось — события, которые происходили на военно — морских театрах разгоравшейся мировой войны, показали, что оно в высшей степени необходимо. Отработать его сначала мешало то, что в условиях Финского залива невозможно было серьезно организовать учебу. Когда же акватория расширилась, мы начали отрабатывать посадку, маневр и высадку морского десанта на защищенный берег, занятый «врагом». Проводились другие важные мероприятия, направленные на повыше- шение боевой готовности сил флота. На кораблях и береговых частях шла напряженная боевая учеба, учения, тренировки проходили в условиях максимально приближенных к боевой обстановке.

Осенью 1940 года на флот поступило несколько призывных возрастов молодого пополнения. Они успешно овладевали новой техникой и оружием, которым наша промышленность снабжала Военно — Морской Флот.

Несомненно, были пробелы, были недостатки, недоработки в подготовке флота к войне, которые впоследствии болезненно отразились на ходе боевых действий. Однако решающим для флота было другое — готовность личного состава к защите Родины. Находясь на правом фланге северо — западного фронта, Балтийский флот представлял грозную силу, способную прикрыть и поддержать фланг Красной Армии с моря, защитить морские

подступы к городу Ленина. И когда от Наркома ВМФ 21 июня было получено предупреждение об угрозе непосредственного нападения противника, все соединения флота были немедленно подготовлены к отражению ударов врага. «Военно — морское командование смогло значительно быстрее, чем командование Красной Армии, привести свои силы в боевую готовность»[6].

Этот факт представляет особый интерес. История дала нам печальные примеры, когда руководители флотов, эскадр, зная о нападении врага, не принимали необходимых мер предосторожности, за что жестоко расплачивались. Стоит вспомнить русскую эскадру в Порт — Артуре, потерявшую из-за беспечности командования четыре крупных корабля, или Пирл — Харбор, когда американцы, имевшие данные о предполагаемом нападении японцев, тем не менее не подготовились к удару и в результате потеряли почти все линейные корабли и более трех тысяч человек.

С нами этого не случилось. Балтийский флот был готов к бою.

# ГЛАВА 2. ПЕРВЫЕ ЗАЛПЫ

Угроза войны. Действия фашистов на море. Мероприятия на флоте по повышению боевой готовности. Приказ Наркома — готовность № 1. Война началась, развертывание флота для отпора врагу. Эскадра преграждает вход в Финский залив. Балтийские подводники на боевых позициях. Первые потери. Балтийские летчики помогают фронту. «Биться до последней капли крови…»

В декабре 1940 года руководство фашистской Германии утвердило план войны против Советского Союза — директиву № 21 «Вариант Барбаросса», названную так по имени германского императора Фридриха I Барбароссы, предпринявшего в свое время «крестовый поход» на Восток.

Планом «Барбаросса» предусматривался молниеносный разгром наших вооруженных сил — это было повторение тех положений фашистской стратегии, которые обеспечили им успех в войне на Западе. Тогда же Гитлер заявил: «Следует ожидать, что русская армия при первом же ударе немецких войск потерпит еще большее поражение, чем французская армия»[7].

Разрабатывая свой коварный план, немецко — фашистские генералы полагали, что им в кратчайшие сроки удастся захватить Ленинград — крупнейший промышленный центр, важный стратегический пункт и морской форпост на северо — западе Советского государства. Главная задача, поставленная немецким командованием перед группой армий «Север», заключалась в том, чтобы «…уничтожить советские войска в Прибалтике и захватить Ленинград и Кронштадт. Лишь после захвата Ленинграда и Кронштадта следует продолжать наступательные операции по овладению важнейшим центром коммуникаций и оборонной промышленности Москвой»[8]. Кроме военных планов были разработаны политические и экономические цели уничтожения Советского государства. Гитлеровцы стремились ликвидировать социалистический строй, уничтожить коммунистов, интеллигенцию, превратить население в рабов немецко — фашистских колонизаторов, а самую территорию страны в немецкую колонию, откуда германские монополии могли бы беспрепятственно вывозить сырье, продовольствие. Эти преступные замыслы Гитлер не скрывал еще задолго до войны: «Когда Урал с его неисчерпаемыми полезными ископаемыми, Сибирь с ее богатейшими лесами и Украина с ее безбрежными

полями пшеницы перейдут к Германии, каждый немец будет обеспечен всем»[9].

Падение Ленинграда, господство в Прибалтике и на Балтийском море должно было по расчетам фашистских генералов привести к осуществлению беспрепятственных морских перевозок для северного крыла гитлеровской армии и превращению Балтийского моря во внутреннее немецкое море[10].

Поэтому захват Ленинграда рассматривался в качестве одной из основных стратегических задач в начальном периоде войны против СССР, который должен был завершиться в июле 1941 года. Гитлеровское командование считало, что решение этой задачи нанесет непоправимый ущерб нашей Родине и приведет к гибели Краснознаменного Балтийского флота. Овладение Ленинградом, уничтожение Балтийского флота наряду с разгромом наших армий в Белоруссии расценивалось как решающее условие для развития успеха наступления на Москву.

Отводя в плане «Барбаросса» столь важное место ленинградскому направлению, гитлеровское верховное командование полагало, что войска группы армий «Север» захватят с суши базы нашего флота и, овладев Ленинградом, поставят Балтийский флот перед необходимостью самоуничтожения. На этом же этапе войны перед немецким флотом ставилась задача: защищая собственное побережье (постановкой оборонительных минных заграждений) и обеспечивая снабжение своих войск в Прибалтике и Финляндии морским путем, не допускать выхода наших кораблей из финского залива, блокировать его путем сильного минирования.

На чем же основывался немецко — фашистский план войны на море против Советского Союза, в частности на Балтике?

Наиболее характерной чертой немецко — фашистских военных теорий являлось стремление развить и обосновать возможность и необходимость решения наиболее важных стратегических проблем вооруженной борьбы в начальном периоде войны. В итоге появилась так называемая теория молниеносной войны, или «блицкриг», согласно которой конечный успех должен обеспечиваться, прежде всего, внезапным нападением. «Мир затаит дыхание, когда начнется операция «Барбаросса», — восклицал Гитлер.

Мужественная и героическая оборона территории нашей Родины с первых дней войны убедительно показала всю несостоятельность, авантюристичность и обреченность фашистской доктрины «молниеносной войны».

Фашистские военные стратеги, как правило, недостаточно учитывали потенциальные возможности вооруженных сил и эко

номику вероятного противника, особенности театра военных действий.

Военно — морские теории, господствовавшие в фашистской Германии к началу войны, базировались на том, что военно — морской флот и армия могут иметь независимые друг от друга стратегические задачи. Замысел развязывания войны против Советского Союза, содержавшийся в плане «Барбаросса», вообще не предусматривал использования в начальных операциях основных сил надводного военно — морского флота. «ВМФ, по — прежнему сосредоточивая свои основные усилия против Англии, обеспечивает оборону собственного побережья, не допускает прорыва вражеского флота из Балтийского моря. При этом до занятия Ленинграда — последней базы русского флота — следует избегать крупных морских операций»[11].

Для выполнения своих планов гитлеровское командование фактически сосредоточило на Балтийском море значительные силы: крупные надводные корабли, подводные лодки, тральщики, сторожевые корабли и торпедные катера. Мы вступили в борьбу в неравных условиях с врагом. Война застала Краснознаменный Балтийский флот в начальной стадии развертывания сил на новых базах в Прибалтике. Балтийский флот должен был противостоять объединенным силам противника на Балтике, который сосредоточил свои корабли в портах Германии, Дании, Южной Норвегии и Финляндии. Только в портах Финляндии перед началом войны стояло около 50 различных немецких кораблей, предназначенных для постановки мин и действий на наших коммуникациях в Финском заливе.

Правящие круги довоенной Финляндии, имея обещания гитлеровцев передать им обширные пограничные советские территории, выступили на стороне гитлеровской Германии против СССР, предоставили в ее распоряжение довольно развитую систему военно- морских баз и портов на северном побережье Финского залива, весь свой военно — морской флот, в котором имелось более 70 различных кораблей.

Фланговое положение Финляндии по отношению к основной нашей коммуникации Кронштадт — Таллин позволяло противнику наносить удары из шхер по нашим транспортам и производить минирование.

Еще с ранней весны 1941 года фашистская Германия вела регулярную разведку побережья Балтийского моря, Финского залива, военно — морских баз и дислокации наших корабельных сил. Самолеты врага нередко углублялись в наше воздушное пространство на 10–15 километров. В первых числах марта они были обнаружены в районе Лиепаи — Палангена, на 24 марта мы

донесли начальнику Генерального штаба об усилении активности воздушной разведки фашистской Германии. После этого Народный комиссар

ВМФ дал указание открывать зенитный огонь по нарушителям государственных границ, но разведывательные полеты не прекращались. Несколько позднее было предложено высылать истребители для посадки самолетов врага. Однако вражеские летчики не подчинялись. Так было 4 мая над Лиепаей. Наши истребители, хотя и дали предупредительные выстрелы, не могли посадить нарушителя. Мало того, фашисты заявили протест по линии Нарком- индела.

Для разведки гитлеровцы использовали также подводные лодки, шхуны, высаживали на наше побережье агентов.

Были тревожные факты и другого рода. Так, например, в мае 1941 года 70 немецких инженеров и техников во главе с адмиралом, находившихся на наших судостроительных предприятиях в Ленинграде в качестве технических консультантов, были неожиданно отозваны в Германию.

В мае и первой половине июня наши корабли и авиация неоднократно обнаруживали немецкие торговые суда, идущие под охраной эскадренных миноносцев в Финляндию. Мы в то время уже располагали данными о сосредоточении немецких войск в Финляндии. Как впоследствии стало известно, в Финляндию до 15 июня было переброшено около 32 тысяч немецких солдат и офицеров.

После 14 июня на Балтийском море ни одно немецкое судно не вошло в порты СССР, а все суда Германии, находившиеся в портах Советского Союза, покинули их. В то же время под самыми разнообразными предлогами фашистские власти старались задержать в своих портах советские суда.

Вечером 20 июня с подводной лодки «М-96», которая несла службу в устье Финского залива в районе маяка Бенгтшер, заметили необычное движение на подходах к шхерам. Шли транспорты под германским флагом. Как только на транспортах обнаруживали советскую подводную лодку, на палубах возникала суматоха. Обо всем этом командир подводной лодки капитан — лейтенант

А. И. Маринеско немедленно донес в штаб флота.

Данные о воинских перевозках в Финляндию, нарушениях немецкими самолетами наших границ, об интенсивной разведке на море штаб Балтийского флота регулярно сообщал в Главный морской штаб с соответствующими оценками и выводами о нарастании угрозы войны. Неизвестными для нас оставались

только день и час нападения.

Советское правительство располагало сведениями о сосредоточении на границе немецко — фашистских войск и принимало меры к усилению западных приграничных округов, которые составляли первый стратегический эшелон наших вооруженных сил. Проводились крупные мероприятия по повышению общей боевой готовности Красной Армии.

«Советский Союз подготовился к вооруженному конфликту, насколько это было в его силах, — пишет фашистский генерал К. Тип — пельскирх. — На стратегическую внезапность германское командование не могло рассчитывать. Самое большое, чего можно было достигнуть, — это сохранить в тайне срок наступления, чтобы тактическая внезапность облегчила вторжение на территорию противника» [12].

Народный комиссар ВМФ Н. Г. Кузнецов в феврале 1940 года издал специальную директиву, в которой указывал на возможность одновременного выступления против СССР коалиции, возглавляемой Германией и включающей Италию, Венгрию, Финляндию. Сейчас можно сказать, что против — Мик был определен довольно точно. Мы на Балтийском флоте были такого же мнения. Когда Главный штаб ВМФ запросил наши соображения о возможных операциях на случай войны, штаб флота в августе 1940 года ответил, что противником будут Германия и Финляндия при благоприятном нейтралитете к ним Швеции и что одной из главных задач флота станет оборона военно — морских баз, особенно Ханко и Лиепаи, с моря, воздуха и суши. К борьбе с этим противником, выполняя указание Наркома, и готовился Балтийский флот.

С ранней весны во взаимодействии с войсками приморских округов мы готовились к тому, чтобы предотвратить неожиданный подход противника с моря к нашему побережью. Народный комиссар ВМФ в специальной директиве требовал «… не допускать высадки десанта и захвата противником баз с моря и воздуха, а также проникновения его в Рижский, Финский заливы». По требованию Наркома штабом флота были разработаны на этот счет соответствующие документы.

Военный совет флота проводил всестороннюю проверку боевой готовности соединений и частей. Лично мне буквально накануне войны пришлось проверять соединения и части, дислоцированные в Лиепае. Велась систематическая разведка на подходах к Финскому заливу, Ирбенскому проливу, базам Ханко, Лиепая и Кронштадт. Здесь были выставлены усиленные дозоры из надводных и подводных кораблей.

Командиры соединений, их штабы, экипажи кораблей,

самолетов, расчеты батарей упорно трудились, повышая уровень своей боевой подготовки. Все соединения имели четкие инструкции о приведении их в полную боевую готовность.

Нарком ВМФ за несколько дней до нападения Германии настоятельно требовал от нас неослабевающей бдительности, поддержания повышенной боевой готовности, рассредоточения сил флота в Лиепае, районе Таллина, Усть — Двинска, Ханко, а также улучшения организации успешного отражения предполагавшегося нападения врага. Из Таллина в Кронштадт в сопровождении эскадренных миноносцев ушел линейный корабль «Марат», из Лиепаи в Усть — Двинск перешел отряд легких сил. Флот 19 июня был приведен в повышенную боевую готовность, базы и соединения получили приказ рассредоточить силы и усилить наблюдение за водой и воздухом, запрещалось увольнение личного состава из частей и с кораблей.

За последнее время мы много раз переводили флот на повышенную оперативную готовность. Теперь она была вызвана фактической обстановкой. Вот пример. Мне доложили с тревогой, что 19 июня около 23 часов на полуострове Ханко вдоль государственной границы в районе высоты 20,9 был замечен скрытый подход фашистских солдат небольшими группами. В этом же районе в проволочном заграждении сделан специальный проход для пехоты.

Я тут же позвонил из Таллина в Москву адмиралу Н. Г. Кузнецову. Адмирал придал моему докладу должное значение. Командир базы генерал Кабанов получил приказание усилить наблюдение, повысить готовность войск. Нарком также приказал при появлении немецких самолетов открывать по ним огонь береговой и корабельной зенитной артиллерии, а истребительной авиации подниматься в воздух. Правда, вскоре последовало новое распоряжение высшего командования открывать огонь по немецким самолетам только в пределах старой государственной границы и района военно — морской базы Ханко.

21 июня 1941 года около 23 часов на командном пункте флота в Таллине зазвонил телефон прямой связи с Москвой. Народный комиссар ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов сообщил мне: «Сегодня ночью возможно нападение фашистской Германии на нашу страну». Он приказал, не дожидаясь получения телеграммы, которая уже послана, привести флот в полную боевую готовность, всякое нарушение государственной границы, всякое действие против нашей страны отражать всей мощью оружия.

— Разрешается ли открывать огонь в случае явного нападения на корабли и базы? — переспросил я.

— Да, приказываю нападение отражать всеми силами, но на провокации поддаваться не следует.

Вызвав к себе начальника штаба флота Ю. А. Пантелеева и члена Военного совета дивизионного комиссара М. Г. Яковенко, я информировал их о полученных приказаниях. После этого по прямым телефонам связался с командирами военно — морских баз М. С. Клевенским, П. А. Трайниным, С. И. Кабановым, А. Б. Елисеевым, контр — адмиралом В. И. Ивановым, заместителем командующего ВВС флота генерал — майором М. И. Самохиным и другими командирами соединений, сообщил обстановку и приказал привести вверенные им соединения и части в полную боевую готовность.

Для выполнения приказа потребовались минуты. В 23 часа 37 минут 21 июня весь состав флота был готов к немедленному отражению нападения противника, о чем было доложено Народному комиссару ВМФ.

Все маяки на море были погашены.

Затем мы информировали об обстановке начальника штаба Ленинградского военного округа генерал — майора Д. Н. Никишева и правительство ЭССР.

Штабу флота и командующему ВВС было приказано организовать ведение разведки всеми средствами с тем, чтобы не допустить неожиданного подхода кораблей противника к нашему побережью. Мы предполагали, что противник предпримет десантную операцию на территорию Эстонии. Была усилена дозорная служба, направленная на прикрытие морских коммуникаций.

Однако мы не знали о том, что немецким командованием 19 июня был издан приказ, который предусматривал начало активных минных постановок на подходах к нашим базам с вечера 21 июня. Из документов, полученных после войны, стало известно, что интенсивные минные постановки на подходах к некоторым нашим базам и побережью начали проводиться противником в ночь на 22 июня, то есть до того, как немецко — фашистские войска вторглись на нашу территорию. В ночь на 21 и в течение 22 июня группа немецких минных заградителей «Север» поставила между маяком Бенгтшер и Тахкуна более 1000 мин и минных защитников; группа «Кобра» — более 10ОО мин и минных защитников между маяком Порккалан — Каллбода и мысом Пакринем к северу от Таллина и к западу от Нейссар. В это же время вражеские торпедные катера ставили донные магнитные мины на подходах к Лиепае, Вентспилсу, в Ирбенском проливе и проливе Соэла — Вяйн. Между островом Эланд и портом Клайпеда уже было поставлено оборонительное минное

заграждение «Вартбург» из 3300 мин и минных защитников»[13]. флотская разведка и корабельные дозоры, к сожалению, не сумели своевременно вскрыть этих вражеских действий, хотя в отдельных донесениях и содержались сообщения о замеченных неизвестных судах.

Появление мин, действия подводных лодок противника заставили срочно начать организацию конвойной службы. В охранение конвоев и отдельных кораблей включались быстроходные и базовые тральщики, сторожевые корабли, морские охотники, иногда привлекались эскадренные миноносцы. Нагрузка на эти корабли предельно усилилась — кораблей охранения явно не хватало. Одновременно приступили к созданию скрытого навигационного режима в Финском заливе и на море в районе наших военно — морских баз. Еще в мирное время штаб флота разработал правила плавания кораблей и судов на случай войны, были созданы специальные гидрографические манипуляторные отряды. Они обозначили различными средствами навигационного оборудования фарватеры, ранее действовавшие и вновь открываемые, тем самым обеспечивалось плавание как днем, так и ночью. Управление отрядами осуществлялось через дежурную службу (оно действовало с первого до последнего дня войны).

После приказа Наркома о приведении флота в полную боевую Готовность нами была получена шифровка уже за полночь 22 июня: «В течение 23 июня возможно внезапное нападение немцев. Оно может начаться с провокационных действий, способных вызвать крупные осложнения. Одновременно быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников. Приказываю: перейдя на готовность № 1, тщательно маскировать повышение боевой готовности. Ведение разведки в чужих терводах категорически запрещаю. Никаких других мероприятий без особого разрешения не производить». Но я знал, что приказание отправлено до нашего разговора с Наркомом, поэтому мы боевой готовности не снижали, ночью проверяли по всем средствам связи обстановку в соединениях и частях флота.

События между тем разворачивались стремительно.

В 3 часа 30 минут старший лейтёнант Трупов и лейтенант Пучков[14] из 44–й авиационной эскадрильи, проводя на самолетах МБР-2 разведку, обнаружили неизвестные корабли, маневрирующие в Финском заливе. Снизившись до 600 метров, самолеты взяли на них курс, но были встречены зенитным огнем. Как позже выяснилось, это были вражеские надводные корабли, производившие минные постановки.

В это же время в штаб флота поступило сообщение, что советский транспорт «Гайсма», груженный лесом, был атакован и потоплен немецкими катерами.

В 3 часа 45 минут командир Кронштадтской военно — морской базы контр — адмирал В. И. Иванов доложил мне по телефону, что видел сам, как несколько вражеских самолетов сбросили мины на Кронштадтский фарватер и открытую часть Ленинградского морского канала, а один из самолетов обстрелял находившийся на Красногорском рейде транспорт «Луга».

В 4 часа 50 минут было получено донесение из Лиепаи от М. С. Кле- венского о налете германских самолетов на Лиепайскую военно- морскую базу и о переходе немецко — фашистскими войсками государственной границы в направлении Палангена.

Сомнений не было: началась война.

Военный совет собрал командиров и военкомов соединений, базировавшихся в Таллине. Им объявили: «Германия напала на наши базы и порты. Силой оружия отражать нападение противника». Приказ немедленно был передан в соединения и части флота, на корабли в море…

В первые же минуты войны Балтийский флот оказался на одном из основных стратегических направлений.

Используя захваченный экономический и военный потенциал почти всей Западной Европы, имея значительный боевой опыт, войска фашистской Германии внезапно вторглись на нашу территорию.

На прибалтийском участке советской границы была развернута фашистская группа армий «Север» численностью около 725 тысяч человек, имевшая 1500 танков. Ее поддерживал 1–й воздушный флот — 1078 боевых самолетов. В шхерах около Турку была дислоцирована группа немецких минных заградителей «Север», флотилия торпедных катеров, катерные тральщики, здесь же был сосредоточен финский флот. Все эти сухопутные и военно — морские силы были нацелены на Ленинград. Создав численное превосходство на важном приморском стратегическом направлении, они довольно быстро начали продвигаться в направлении на Ригу. Однако сломить сопротивление Советских Вооруженных Сил им не удалось. И перед Балтийским флотом встала задача огромной важности — сделать неприступными морские подступы к Ленинграду, не позволить врагу нанести удар по городу Ленина с моря.

Получив от Народного комиссара ВМФ утром 22 июня разрешение на постановку мин заграждения, предусмотренных

планом, я вызвал в Военный совет флота командующего эскадрой контр — адмирала Д. Д. Вдовиченко и приказал ему руководить первой операцией на море. «Отрядам минных заградителей и эскадренных миноносцев под прикрытием авиации сегодня в ночь выйти на минную постановку, — говорилось в приказе. — С запада вас будет прикрывать отряд легких сил в составе крейсера «Максим Горький» и первого дивизиона эскадренных миноносцев. Отряд легких сил выходит из Усть — Двинска и будет к 24 часам 22 июня к западу от кораблей, производящих минную постановку. Вам находиться на лидере «Минск». Все донесения с кораблей и авиации— вам, в копии — мне. Требую усилить все виды обороны. Не исключена возможность появления в районе нахождения крейсера подводных лодок противника. По окончании минных постановок крейсеру возвратиться в Таллин. Мины на миноносцы принимать немедленно, приказ об этом начальником тыла капитаном 1 ранга Москаленко получен». Командир Прибалтийской военно — мор- ской базы контр — адмирал П. А. Трайнин также получил приказ начать минные постановки в Ирбенском проливе эскадренными миноносцами, базирующимися в Усть — Двинске.

Почти в это же время с разрешения Нарком» ВМФ был отдан приказ командирам соединений подводных лодок капитану 1 ранга Н. П. Египко и капитану 2 ранга А. Е. Орлу начать развертывание подводных лодок в отведенных районах, вести боевые действия, топить все корабли и суда противника. Командиры соединений получали самостоятельность в управлении своими кораблями, хотя, разумеется, они информировали штаб флота о своих действиях. Они сами определяли районы походов подводных лодок, им запрещалось выходить пока лишь в Ботнический залив.

Потом последовали новые и новые боевые приказы. События быстро развертывались по всей операционной зоне флота — от Кронштадта, откуда шла основная морская коммуникация и по которой снабжались почти все военно — морские базы, до устья Финского залива и далее через Моонзунд на юго — запад до Лиепаи — протяженностью тысячу с лишним километров. Для выполнения боевых заданий шли надводные и подводные корабли, небо Балтики охраняли истребители, группами летели бомбардировщики для нанесения ударов по врагу.

Приказы и распоряжения доходили до любой точки на морском театре в кратчайшие сроки. В этом была заслуга отлично поработавших накануне войны флотских связистов, сумевших

создать в Таллине и Кронштадте мощные узлы связи, обеспечить отличную проволочную, телефонную, телеграфную связь между всеми военно — морскими базами.

Помогло нам руководить боевыми действиями, ориентироваться в быстро меняющейся обстановке, оперативно принимать решения то, что мы хорошо знали флот. За год до начала войны мне и моим помощникам — начальнику штаба флота, командирам- операторам штаба, начальнику тыла — удалось, используя самые разнообразные средства и способы передвижения, побывать почти во всех гарнизонах, базах, батареях, авиаполках, наблюдать за учениями, выходить на кораблях в море, своими глазами видеть условия базирования кораблей, знать их боевые возможности, состояние соединений и частей флота. Когда начались боевые действия, мы смогли находить правильные ответы на многочисленные запросы командиров, ставить им выполнимые задачи. А вопросы по телефону и телеграфу, донесения о противнике шли непрерывно.

Штаб флота работал с максимальной нагрузкой, казалось, сверх человеческих возможностей. Особенно доставалось начальнику ведущего отдела штаба Г. Е. Пилиповскому. Я в первые дни войны почти не отлучался с основного командного пункта, лишь изредка выезжал для личных встреч с членами бюро ЦК КП Эстонии. Правда, через четыре дня обстановка заставила поехать в Усть — Двинск, где находилось много надводных и подводных кораблей и где для принятия важных решений требовалось мое присутствие.

Особое значение в те дни приобретала разведывательная деятельность, главная тяжесть которой легла на авиацию флота, став одной из важнейших ее задач. Вести воздушную разведку в первое время приходилось в исключительно трудных условиях и при очень сильном противодействии истребителей противника. К разведке привлекались почти все виды авиации. Туда, где по условиям обстановки ее не могли вести самолеты разведывательной авиации, вылетали бомбардировщики с опытными экипажами, а если это было трудно сделать и бомбардировщикам, задачу выполняли истребители. Нам не хватало опыта, мы не имели скоростных самолетов, но и в этих тяжелейших условиях все же достаточно хорошо знали, что происходит на морском театре. Командующий авиацией флота генерал В. В. Ермаченков получил приказ в ходе разведки устанавливать места сосредоточения кораблей и судов врага, наносить удары по ним, а также по портам Мемель, Пиллау, готовиться к минным постановкам. Бомбить порты Финляндии пока запрещалось.

Серьезнейшей угрозой для флота с первых дней войны стала минная опасность. Это понимали и мы, и Главный штаб ВМФ. Уже

22 июня из Главного штаба контр — адмирал В. А. Алафузов передал следующий приказ: «Один крейсер и дивизион эскадренных миноносцев держать в Рижском заливе, второй крейсер и дивизион миноносцев иметь в Таллине, линейным кораблям находиться в Кронштадте». Это было правильное решение: последующие события подтвердили, что нам следовало остерегаться мин противника. Так, эскадренный миноносец «Смелый», встречая из Ханко турбоэлектроход с семьями военнослужащих, в Суропском проливе параваном подсек вражескую мину, получив повреждения, правда, незначительные. О минах на подходах к Таллину были оповещены все корабли флота. Вскоре командир военно — морской базы Кронштадта контр — адмирал В. И. Иванов доложил о том, что на траверзе Петергофа подорвался на вражеских минах пароход «Рухну».

Минная обстановка выявлялась по мере накопления и анализа донесений кораблей, постов СНиС[15] и разведывательных самолетов, а также путем разведывательного траления. В первый же день войны базовый тральщик 216, находясь в дозоре к северу от маяка Ристна, подсек и уничтожил мину, а на другой день командир тральщика старший лейтенант С. В. Панков донес о том, что при возвращении в Таллин обнаружены оголившиеся буйки на линии минного заграждения юго — западнее острова Найссар. В результате их обследования флагманский минер охраны водного района капитан 3 ранга П. Я. Вольский установил, что это минные защитники со взрывающимся устройством в донной части. Сразу же наши тральщики произвели в этом районе разведывательное траление и установили границы минного поля.

24 июня подорвался, видимо, на магнитной мине и затонул базовый тральщик 208. В тот же день к северу от мыса Юминда были обезврежены три плавающие мины. Обнаружены были также пять мин в районе острова Мохни.

Враг ставил мины и в районе других военно — морских баз. Уже на второй день войны они были обнаружены у плавучего маяка «Таллин», к северу от острова Нарген, к западу от Суропского прохода, в устье Финского залива, у входа в Моонзунд.

Штаб флота принимал срочные меры для определения границ минной опасности и информации кораблей об обстановке на мо ре. Поэтому потери от подрыва на минах в первые дни боевых действий были не очень велики. Но в дальнейшем минная

обстановка значительно усложнилась из-за новых постановок, производимых авиацией, катерами и подводными лодками, а также в связи с применением противником новых, трудно вытраливаемых мин.

Тральщики работали с предельным напряжением, однако по — настоящему противоминную оборону удалось организовать, в сущности, только в районе Кронштадта, где на части фарватеров велось систематическое траление. Но и оно не исключало подрыв кораблей на магнитных минах, с которыми не было средств борьбы. В западной же части Балтийского моря — от Таллина до Лиепаи — противоминная оборона обеспечивалась лишь на отдельных участках, на большее не хватало сил. Это мы почувствовали особенно остро, когда эскадра вышла в устье Финского залива для постановки минного заграждения.

В море вышли минные заградители «Марти» и «Урал» под общим командованием капитана 1 ранга Н. И. Мещерского, лидеры и эскадренные миноносцы «Суровый» (командир капитан 2 ранга В. Ф. Андреев), «Минск» (капитан 2 ранга П. Н. Петунин), «Ленинград» (капитан 3 ранга Г. М. Горбачев), «Володарский» (капитан

2 ранга Н. В. Фалин), «Карл Маркс» (капитан 3 ранга Л. В. Дубро- вицкий) и «Артем» (старший лейтенант А. Б. Сей). В пределах дальности полета корабли прикрывались истребительной авиацией.

Так как в составе флота не было эскадренных тральщиков, противоминное обеспечение возлагалось на корабли отряда, имевшие параваны. В подчинении командующего эскадрой контр — адмирала Д. Д. Вдовиченко находился и отряд прикрытия; катера охотники за подводными лодками, торпедные катера, 71–й истребительный авиационный полк майора А. В. Коронец и 73–й бомбардировочный авиационный полк майора Ф. Н. Коптева. Прикрытие постановок было необходимо, так как 22 июня наблюдательные посты базы Ханко обнаружили в районе банки Олег крейсер, два эсминца, тральщики и несколько сторожевых катеров противника, скрывавшихся в шхерах. Я приказал также отряду легких сил в составе «Максима Горького» и трех эскадренных миноносцев под командованием капитана 2 ранга И. Г. Святова выйти из Рижского залива и прикрыть с запада корабли, производившие минные постановки. Эту же задачу выполняла и часть подводных лодок, развернутых к западу от устья Финского залива.

Минные постановки были выполнены успешно. А вот с кораблями, которые их прикрывали, дело обернулось плохо. То, что произошло, рассказал в письме командовавший отрядом

прикрытия капитан 2 ранга И. Г. Святов. Я позволю себе привести нарисованную им картину: «Было тихо и тепло. Корабли отряда держали скорость 22 узла. Ни на море, ни в воздухе наблюдатели не об наруживали противника. Все благоприятствовало выполнению задачи.

Неожиданно в 16 милях на норд — норд — вест от маяка Тахкуна головной эсминец «Гневный» исчез в клубах дыма, перемешанного с паром. Донесся гул взрыва. Медленно над «Гневным» облако рассеялось, и все увидели стоящий на месте миноносец без носовой части — она была оторвана и затонула.

Первой реакцией на происшедшее был поворот «все вдруг» на обратный курс. Но вскоре огромный столб воды и пламени взметнулся выше мачт из-под носа крейсера «Максим Горький». Воздух дрогнул от оглушительного взрыва. Крейсер с полного хода ткнулся носом в воду, словно врезался в скалу, и замер. Многотонная лавина воды обрушилась на палубу. А когда водяной купол осел, раскрылось то, чего не ожидали: части корпуса по носовую броневую переборку как не бывало. Но вода внутрь корпуса не поступала.

Корабли отряда прикрытия наскочили на плотное вражеское минное заграждение.

На эсминце «Гневный» положение осложнилось. Было много раненых и убитых. Командир капитан 2 ранга М. Т. Устинов тяжело контужен. Эсминец медленно погружался в море.

При аварийном положении крейсера заниматься спасением подорванного миноносца было безрассудным риском потерять все корабли. Пришлось снять личный состав с «Гневного», перевести его на эсминец «Гордый», а «Гневный» потопить артиллерией…»[16]

Все мы понимали тогда, что началась война и потери в ней неизбежны, но все равно донесение Святова о гибели одного корабля и тяжелом повреждении второго было воспринято очень болезненно. Нужно было срочно принимать решение — что делать с поврежденным крейсером, как отвести его в Таллин. К месту аварии были направлены базовые тральщики, спасательное судно «Нептун», катера морские охотники под командованием командира охраны водного района главной базы флота капитана 2 ранга

А. А. Милешкина. Не думалось тогда, что этот поход будет для него последним…

Расстояние от Таллина до стоянки «Максима Горького» у острова Хиума не более 60 миль. На четыре — пять часов пока крейсер стоит и после начала его движения нужно было надежно защитить его с воздуха. Командующий авиацией флота генерал

В. В. Ермаченков получил от меня строгий приказ создать надежное прикрытие, ни в коем случае не допустить самолеты противника. Истребители с аэродромов Ханко и Таллина поднялись в воздух.

Время тянется медленно. Наконец получаю донесение, что базовые тральщики с поставленными тралами в охранении катеров под прикрытием истребителей ведут крейсер рекомендованным курсом. Позже мы узнали, что один из фарватеров к этому времени был заминирован противником и при выходе кораблей из пролива Хари Курк у поворотного буя Лейне головной тральщик «Шкив» взорвался, переломился и моментально затонул. Погиб и командир соединения капитан 2 ранга А. А. Милешкин. Навигационная и минная обстановка заставила все корабли повернуть обратно и вернуться на рейд Вормси.

Было решено прорываться в Таллин не по фарватеру, а под берегом по критическим глубинам, не более семи метров под килем. Этими глубинами и прошел крейсер «Максим Горький» до главной базы Таллина.

Благодаря отличной подготовке личного состава, хорошей организации борьбы за живучесть, крейсер остался на плаву и пришел в Таллин. Здесь инженеры, рабочие судоремонтного завода (начальник А. В. Куницын) в рекордно короткие сроки устранили некоторые повреждения, подкрепили носовые переборки, и крейсер благополучно совершил переход в Кронштадт. Рабочие и инженеры ленинградского Балтийского и Кронштадтского морского заводов под руководством инженера капитана 2 ранга Б. М. Волосатова в течение месяца провели большие восстановительные работы и к середине августа «Максим Горький» вышел на огневую позицию в Ленинградский торговый порт.

Но это было небольшим утешением. Мы в Военном совете остро переживали потери, изучали их причины. Становилось ясно, что штаб флота не сделал достаточно глубокого анализа ситуации после получения донесения о кораблях противника в шхерах. Из района маневрирования отряда прикрытия следовало послать на разведку базовые тральщики, даже если их и не хватало.

Было ли ошибкой то, что отряд прикрытия шел без трального обеспечения. Известно, что крейсер и миноносцы могли идти за тральщиками, делая максимум 10–12 узлов. При такой скорости отряд прикрытия не успел бы подойти вовремя к устью залива.

Последующие выходы миноносцев и минных заградителей, несмотря на противодействие противника, позволили до 30 июня

в основном закончить минные постановки в устье Финского залива. Всего было выставлено более 3500 мин и защитников. Причем, минные постановки были выполнены в запланированные штабом сроки.

Минные заграждения в сочетании с береговой артиллерией Ханко, Хиума, Осмуюсара сыграли важную роль. Пока фланги минной позиции прикрывались береговой артиллерией, поддерживались авиацией и подводными силами, ее не смог преодолеть ни один крупный вражеский надводный корабль[17].

Нельзя не отметить добрым словом тех, кто выполнял основные минные постановки — прежде всего экипажи минных заградителей «Марти» и «Урал» под командованием капитанов 1 ранга Н. И. Мещерского и капитана 2 ранга И. Г. Карпова. Труд военных моряков этих кораблей был воистину самоотверженным и героическим, они не считались ни с чем, чтобы выполнить поставленную перед ними задачу. Особо хочу отметить Н. И. Мещерского. Он был участником первой мировой войны, командовал тральщиком, а с первых дней существования советского Балтийского флота — командир эскадренного миноносца, потом минного заградителя. Его минзаг одним из первых стал гвардейским кораблем. Н. И. Мещерский прекрасно знал театр военных действий и свое минное дело, его любили на корабле, уважали на всем флоте. Человек с отличными командирскими качествами, спокойный по характеру, скромный в жизни, он всегда был примером для подчиненных командиров. Многие из них учились у Николая Иосифовича искусству использования минного оружия. Хорошо помогал ему в воспитании и обучении экипажа военком заградителя батальонный комиссар А. А. Коваль. Под его руководством на корабле активно работала партийная организация. Успешному решению боевых задач, точности минных постановок способствовали штурманы корабля — старший лейтенант К. М. Кононов и лейтенант

В. К. Тарасов, минер старший лейтенант М. С. Сизоненко, инже- нер — механики М. Н. Губанков и В. Г. Гудков.

За первые шесть месяцев войны в трудных навигационных условиях, зачастую при выключенных маяках, при постоянном противодействии противника корабль произвел десять минных постановок. Запомнилось донесение: в один из дней в начале июля минзаг во время работы подвергся обстрелу 12–дюймовой артиллерии и одновременно налету вражеской авиации. Но даже в таких условиях, отбивая воздушные атаки, ведя борьбу с повреждениями и пожарами, экипаж не прекратил постановку

мин и справился с задачей.

Хорошо обеспечивали минные постановки служба тыла, руководимая генерал — майором береговой службы М. М. Москаленко и капитаном 3 ранга П. А. Попиком, а также гидрографическая служба флота капитана 3 ранга М. Н. Назимова.

С первых дней войны начали производиться минные постановки и в Ирбенском проливе. Здесь заграждения также имели своим назначением не допустить проникновения вражеских кораблей в Рижский залив; способствовали они, кроме того, обороне островов Моонзунда. Почти все минные постановки выполнялись в трудных навигационных условиях, в основном по счислению. Ставили мины эскадренные миноносцы «Стойкий», «Сторожевой», «Сердитый», «Сильный», «Сметливый», «Энгельс» и «Грозящий» под руководством командира отряда легких сил контр — адмирала

В. П. Дрозда. Прикрываемые авиацией и береговой артиллерией Сарема, эсминцы выполняли боевые задачи вначале в довольно спокойной обстановке, противник почти не мешал. Однако очень быстро ситуация изменилась, в ночь на 27 июня тральщик «Фугас», шедший к месту постановки мин для разведывательного траления, был атакован торпедными катерами врага, от которых удачно уклонился. Чуть позже при подходе сюда были атакованы миноносцы «Сердитый», «Стойкий», «Сторожевой» и «Энгельс». В эсминец «Сторожевой» попала торпеда, у него была оторвана носовая часть, погиб его храбрый командир капитан 3 ранга И. Ф. Ломакин. Тем не менее пока не была выполнена поставленная задача, корабли не ушли; отбив повторные атаки торпедных катеров противника, они закончили в указанном районе минную постановку, а затем, взяв на буксир поврежденный миноносец, несмотря на неоднократные атаки авиации противника, вернулись в Усть — Двинск. Завершение минных постановок в Ирбенском проливе произошло несколько позже, когда корабли отряда легких сил базировались уже в Моонзунде на рейд Куйвастэ.

Эти мероприятия носили оборонительный характер, но мы думали не только об обороне, считая главной задачей флота наступательные действия. Наступательные действия были направлены прежде всего на то, чтобы не допустить высадки десантов противника на наше побережье, нарушать его коммуникации в Балтийском море. С первого дня войны мы начали развертывание подводных лодок в море. Уже 23 июня поступили донесения из штабов соединений подводных лодок о том, что их корабли направились к позициям на подходах к

Клайпеде, Данцигской и Померанской бухтам, в южную и юго — западную часть Балтийского моря.

Подводные лодки показали себя вполне современными боевыми кораблями. Свои высокие качества они продемонстрировали еще перед войной в автономных походах с длительным пребыванием под водой, тренировочных торпедных атаках, при форсировании узкостей и постановке минных заграждений. Их техника, вооружение и непотопляемость оказались в ряде случаев выше, чем у аналогичных кораблей американского и английского флотов.

В разработанных еще в мирное время штабом флота совместно со штабами соединений документах определялись задачи каждой лодке, находящейся на позиции, и район ее боевых действий. Штаб флота разбил морской театр на две зоны: южную и северную — для подводных лодок соединения А. Е. Орла и для соединения Н. П. Египко. Разграничительной линией служила параллель маяка Хоборга (южная оконечность острова Готланда). Командиры соединений управляли подводными лодками через свои штабы, получая разрешение от штаба флота только на их перемещение по военно — морскому театру.

До начала военных действий в связи с объявленной на флоте повышенной боевой готовностью на позициях для своевременного обнаружения противника находились подводные лодки: у Ирбенского пролива с запада — «С-7» капитан — лейтенанта С. П. Лисина, в устье Финского залива — «М-96» капитан — лейтенанта А. И. Маринеско, на подходах к Лиепае — «С-4» капитан — лейтенанта С. Д. Абросимова.

В первые же часы войны по приказу Военного совета флота в море были направлены новые значительные силы. Из Лиепаи вышли подводные лодки: «Л-3» капитана 3 ранга П. Д. Грищенко, «М-81» капитан — лейтенанта Ф. А. Зубкова, «М-83» старшего лейтенанта П. М. Шалаева, «М-79» капитан — лейтенанта И. В. Автомонова и другие, из Таллина— «С-10» капитана 3 ранга Б. К. Бакунина, «Щ-309» капитан — лейтенанта И. С. Кабо, «Щ-310» капитан- лейтенанта Д. К. Ярошевича, «Щ-311» капитан — лейтенанта П. А. Сидоренко, «С-6» капитан — лейтенанта В. Ф. Кульбакина, «Щ-307» капитан — лейтенанта Н. И. Петрова, «М-90» старшего лейтенанта И. М. Татаринова и другие. Через три дня после начала войны мы имели на позициях в Балтийском море и Финском заливе 16, а к 1 июля — 25 подводных лодок — больше половины всех находящихся в боевой готовности.

Поход подводной лодки на боевую позицию — всегда заметное событие не только для ее экипажа. Если подводная лодка добивалась успеха — пускала на дно крупный корабль или

транспорт противника, это была победа всего флота. Поэтому мы внимательно следили за результатами боевых действий подводных кораблей, радовались успехам, переживали неудачи.

Немало подводных лодок славно начали войну. Наиболее эффективно действовал подводный минный заградитель «Л-3», встретивший войну в Лиепае. Это был хороший корабль, его в 1940 году серьезно отремонтировали, поставили новые акустические приборы, позволяющие в подводном положении на значительном расстоянии разбираться в шумах кораблей. Новые радиостанции обеспечивали надежную связь с командным пунктом из любого, даже самого отдаленного района, модернизированные аккумуляторные батареи позволяли при экономическом ходе находиться под водой на трое суток больше, чем обычно. Командир капитан 3 ранга Петр Денисович Грищенко, приняв «Л-3» на заводе в период модернизации, имел возможность детально изучать лодку. В этом ему помогли опыт, полученный во время службы в должности старшего помощника на известной славными боевыми традициями подводной лодке «Пантера» и знания, обретенные в Военно — морской академии. На «Л-3» подобрались хорошие специалисты, экипаж был слажен. Военкомом на «Л-3» был старший политрук А. И. Баканов, старый коммунист, участник гражданской войны. Экипаж лодки относился к Баканову с любовью и уважал его.

„Рано утром 22 июня подводная лодка получила приказ командира дивизиона капитана 3 ранга А. К. Аверочкина выйти на боевую позицию. В тот же день, погрузив необходимые запасы, «Л-3» в охранении катеров покинула военно — морскую базу. Первые три дня она находилась на позиции в непосредственной близости от Лиепаи, имея своей задачей предупредить возможное нападение кораблей противника на базу и порт. Утром 26 июня командир соединения капитан 1 ранга Н. П. Египко поставил лодке новую задачу — выйти на подходы к Мемелю, установить направление движения кораблей и судов противника и поставить мины.

Во время перехода в новый район П. Д. Грищенко совместно со штурманом досконально изучил условия предстоящей боевой работы, экипаж подготовился к использованию минного оружия. По прибытии на позицию в ходе наблюдения за движением вражеских транспортов была точно определена ось фарватера и выставлена первая партия мин. Не обошлось без неприятностей: в ходе их постановки подводная лодка попала под бомбы катеров противника. От взрывов вышли из строя лампы освещения. А ночью случилась уже настоящая беда — вышли из строя горизонтальные кормовые рули. Лодка провалилась на 87, затем

на 99 метров и легла на прунт. Пришлось всплывать. Быстро установили причину аварии. Оказалось, в междубортной цистерне произошло разъединение рулевого привода. Наступило утро, снова ушли под воду. Для ремонта всплыли ночью. Закипела лихорадочная работа. В цистерну полезли инженер М. А. Крастелев и командиры отделений Н. А. Миронов и А. Д. Мочалин. За два часа они привели в порядок вышедшее из строя оборудование. 9 июля «Л-3» вернулась в Таллин. На другой день стало известно, что на минах, поставленных ею, подорвался и затонул крупный вражеский транспорт.

Удачной была атака подводной лодки «С-11» под командованием капитан — лейтенанта А. М. Середы — она в районе Мемеля потопила немецкий сетапрорезатель водоизмещением около 5000 тонн. Добились успеха в первые недели войны подводные лодки «С-4» капитан — лейтенанта Д. С. Абросимова, «Щ-307» капитан- лейтенанта Н. И. Петрова, «Лембит» капитан — лейтенанта В. А. По- лещука, «Калев» капитан — лейтенанта Б. А. Нырова. От их торпед и мин пошло на дно несколько вражеских боевых кораблей и транспортов.

Однако удачами подводники в те дни радовали не так уж часто. Даже самые лучшие по мирному времени командиры подчас возвращались с боевых позиций с неизрасходованными торпедами. Мы искали причины срывов, добивались повышения результативности походов. Ни один случай ошибочных действий подводников не оставался незамеченным, их основательно анализировали, делали выводы, вырабатывали меры, которые позволили бы избежать ошибок впредь. Главнокомандующий Северо — Западным направлением также требовал, чтобы наши подводные лодки проявляли как можно больше активности и смелости.

Заметной вехой в этой работе явилось заседание Военного совета флота 30 июля 1941 года, на которое пригласили командиров, военкомов, начальников штабов соединений, командиров дивизионов и лодок. Всесторонне был обсужден вопрос повышения результативности действий подводных лодок на позициях.

Командиры высказывали свои предложения по выявлению системы коммуникаций и вражеских конвоев. Говорилось об эффективности работы флотской разведки, которая обязана добывать данные об обстановке для лодок, находящихся в море. Командиров подводных лодок беапокоило то, что во время пребывания на позиции трудно обнаруживать корабли и транспорты противника, особенно это бывает топда, когда лодка выходит в районы, смежные со шведскими территорильными

водами.

Были и другие трудности в поиске и уничтожении врага. Подводные лодки, находясь в автономном плавании по 30–40 и более суток, действовали самостоятельно, без поддержки другими силами флота. Это требовало от командиров и экипажей максимума выдержки, настойчивости и немалого опыта.

Военный совет в своем решении потребовал более активно вести поиск врага, решительно и инициативно действовать на позициях, грамотно используя оружие. Штабу флота предлагалось активнее помогать соединениям в ликвидации указанных недостатков, а командирам соединений — лучше организовать работу своих штабов по сбору и систематизации разведывательных данных и передаче их на корабли в море.

К сожалению, мы не смогли учесть всех объективных причин низкой результативности действий подводных лодок в тот период. Как сейчас стало известно, с начала войны противник, предполагая выход наших подводных лодок на его коммуникации, во избежание потерь запретил всякое судоходство до особого распоряжения. Немецкий историк Ю. Ровер по этому поводу пишет: «Немецкое военно — морское командование, занятое борьбой против Англии, которая оставалась главной задачей, полагало, что морская война на Балтике примет оборонительный характер, что было бы удобным, учитывая предстоящий захват русских баз германской армией. Угрозу со стороны советских крейсеров и эсминцев немцы надеялись устранить постановкой оборонительных минных заграждений перед своими гаванями и поперек Балтийского моря, а также наступательных заграждений перед Балтийскими портами и в проливах между Даго, Эзелем и материком и у западного входа в Финский залив; все эти заграждения были беспрепятственно поставлены за три ночи до наступления. Более опасными считались советские подводные лодки, против которых не было достаточного количества эффективных средств, так что во избежание потерь предварительно пришлось прекратить торговое судоходство»[18].

Однако вскоре в связи с провалом плана молниеносной войны фашистские войска начали испытывать потребность в пополнении военными запасами. Это вывело фашистский флот из бездействия. Коммуникации на море стали активнее использоваться кораблями и транспортами противника.

В августе 1941 года результативность действий наших подводных лодок на позициях несколько повысилась. Однако к этому времени существенно изменились условия их боевой работы. Подводным лодкам все труднее становилось выходить в

море и возвращаться в базы. Противник вступил уже на территорию Латвии и Эстонии. Лиепая, Виндава (Вентспилс), Рига были потеряны, нависла угроза над Таллином.

Сейчас, отступая от нити повествования, мне хочется сказать, что не было в прошедшей войне более сложного и трудного театра для действия подводных лодок чем Балтика. Ни на одном другом театре военных действий не было такой опасной минной обстановки, а к ней надо добавить еще основательную противолодочную оборону противника и многочисленные естественные препятствия. Бели на других морях подводники при выходе на позицию и при возвращении в базу могли некоторое время отдохнуть без особого риска, то на (Балтийском театре командир корабля и весь экипаж должны были находиться в состоянии максимального напряжения с момента выхода от пирса и до конца похода. И именно эти условия выработали особый характер бесстрашных, искусных, храбрых балтийских подводников, которые позднее показали чудеса героизма и которыми гордится наша Родина. Подводные лодки сохранили свое значение как наступательный вид сил, способный скрытно появляться во вражеских водах, используя торпедное, артиллерийское и минное оружие.

Более эффективно действовала в первые дни и недели войны авиация флота. Мы использовали ее для решения многих задач: она поддерживала с воздуха наши сухопутные войска, наносила бомбардировочные удары по аэродромам, базам и транспортам противника, прикрывала аэродромы и места базирования своих кораблей, вела разведку на море, занималась постановкой мин в водах врага. Ударам авиации подвергались такие крупные вражеские базы, как Мемель (Клайпеда), Гдыня, Данциг. Сильный удар по Мемелю был нанесен 24 июня. Около трех десятков тяжелых самолетов бомбардировочной и минно — торпедной авиации в рассчитанное время появились над базой, мощные бомбы посыпались на военные объекты. Это был первый великолепный расчет штурмана гфлка капитана П. И. Хохлова, балтийского авиатора, который позднее прославил себя многими замечательными боевыми делами.

Прибавилось авиации забот с вступлением в войну Финляндии. О нарушении соседней державой нейтралитета мы узнали из сообщения, переданного Ставкой 25 июня. В нем говорилось о намерении врага нанести авиационный удар по Ленинграду с баз Финляндии. Последовавший вслед за сообщением приказ Наркома Обороны С. К. Тимошенко требовал от флотской авиации принять участие в нанесении совместных ударов по финским аэродромам. Командующий авиацией флота

генерал В. В. Ермаченков связался с командиром 4–й дивизии дальнего действия для организации со вместных ударов по аэродромам в Турку, Пори, Котка, по транспортам и броненосцам в Хельсинки.

Удары авиации флота совместно с фронтовой авиацией были нанесены по финским аэродромам в тот же день. Они повторялись и в последующие дни.

Но основные усилия авиации по — прежнему были направлены на решение задач, связанных с отражением наступающих войск противника. Наши летчики работали с предельным напряжением, каждый совершал в сутки по три — четыре вылета. Истребительная авиация флота в это время прикрывала военно — морские базы Кронштадт, Таллин, Ханко и флотские аэродромы.

Наши самолеты по тактико — техническим данным уступали новейшим немецким, но боевой дух авиаторов был настолько высок, что техническое преимущество подчас теряло свое значение. Истребители нередко наносили и бомбовые удары по объектам, вели разведку над территорией врага. Если было нужно, летчики — истре- бители смело шли на лобовые атаки, таранили самолеты против- ника. Первые таранные удары на встречных курсах совершили наши славные соколы Михалев, Митин, Соболев, Зосимов, Бринь- ко, Каберов, Горбачев, Спицин, Тристан, Грузов и другие.

Итогом боевой работы летчиков — истребителей можно считать то, что противник, несмотря на неоднократные попытки, так и не смог нанести массированного удара по нашим основным базовым объектам. Лишь на Моонзунде, где у нас не было аэродромов, врагу удавалось бомбить наши корабли, находящиеся на рейдах.

Между тем по приказу Ставки Главного командования бомбардировочная и минно — торпедная авиация флота нанесла мощный удар по моторизованным войскам врага, переправлявшимся через реку Западная Двина в районе Двине к — Крустпилс. 120 скоростных и дальних бомбардировщиков под командованием подполковника Е. Н. Преображенского, преодолевая огонь зенитной артиллерии и истребительной авиации, сбрасывали свой смертоносный груз на головы фашистов, рвавшихся на восток.

В авиаэскадрилье майора Н. В. Челнокова был летчик Петр Ига- шев. Во время бомбометания по танковым колоннам врага, форсировавших реку Западная Двина, на его самолет напали сразу три вражеских истребителя. Одного из них удалось сфить стрелку- радисту Новикову. Но и самолет Игашева загорелся от

вражеского снаряда. Герой — летчик пошел на таран со вторым истребителем противника, сбил его, а потом врезался в танковую колонну…

Авиационная эскадрилья, которой командовал отважный летчик Андрей Ефремов, тоже бомбила танковую колонну. В это время его машина была атакована истребителями врага. Одного сбил стрелок — радист Г. Анисимов. Самолет Ефремова был подожжен. Включив все баллоны с углекислотой, Ефремов сделал ловкий маневр, сбил огонь и довел самолет, имевший более сотни пулевых попаданий, до аэродрома.

Героизм проявил летчик 73–го бомбардировочного полка лейтенант комсомолец Пономарев. На подходе к цели его атаковали истребители противника. Самолет загорелся. Оказавшись в безвыходном положении, Пономарев направил горящий самолет на скопление вражеских танков и автомашин с солдатами и офицерами, последовал мощный взрыв. Геройской смертью вместе с летчиком погибли коммунист штурман Вотинов, стрелок — радист Ва- рейников.

В результате мощных бомбовых ударов темп продвижения танков противника на Ленинград снизился. Однако и наши потери в самолетах были значительными, давало себя знать отсутствие истребителей сопровождения. Я доложил об этом Народному комиссару ВМФ, он понял меня, приказал «задержать использование миноторпедной авиации до приведения ее в порядок». Бомбардировочная и истребительная авиация продолжала работать с полной отдачей. За первый месяц войны летчики Балтики в боях на дальних подступах к Ленинграду уничтожили большое количество танков, автомашин, много живой силы, сбили около 100 самолетов противника.

Положение на фронте продолжало усложняться, нам приходилось все больше и больше переключать флотскую авиацию для действий в интересах сухопутных войск. А затем быстрое продвижение 4–й танковой группы фашистов вообще заставило всю авиацию флота бросить на поддержку войск фронта.

Командующий Северо — Западным направлением приказал временно подчинить флотскую авиацию командующему авиацией фронта. Этот приказ ставил флот в трудное положение — на морских направлениях небо для врага оставалось открытым. Но иного выхода не было. Возможности авиации Северного фронта были малы, а 8–я армия, теснимая врагом в Эстонии, авиацией совсем не располагала. Поэтому, как ни тяжело нам приходилось без воздушного прикрытия на море, мы понимали, что судьба войны решается на суше и там наши самолеты нужнее.

Вступление в войну на стороне фашистской Германии соседней с нами Финляндии очень осложнило обстановку на море. Возникла непосредственная угроза с суши и с моря не только Кронштадту и Ленинграду, но и всей нашей системе базирования. Силы флота, развернутые в Лиепае, Усть — Двинске, Моонзундских островах, в Таллине, теперь имели у себя в тылу базы и батареи противника. Причем все базы врага по северному берегу залива были прикрыты системой береговой артиллерии и отделены естественной преградой из шхерных островов.

В такой сложной обстановке нам приходилось развертываться на два противоположных операционных направления, не имея к тому же достаточных сил для надежной защиты важнейшей коммуникации.

Народный комиссар Военно — Морского Флота в своей директиве указал на основные наступательные и оборонительные задачи.

Он требовал от штаба флота разработки плана оборудования минами и сетями оборонительных рубежей и защиты их в восточной части Финского залива. Особое внимание обращалось на создание оборонительного рубежа Гогланд — Кунда, маяк Шепелев— Сейвясто.

В непосредственный боевой контакт вошли части, корабли и батареи Кронштадтской военно — морской базы, находящейся в тылу. Развернулись боевые действия в непосредственной близости от Ленинграда. Командир военно — морской базы В. И. Иванов и его штаб под руководством капитана 1 ранга Ф. В. Зозули приступили к проведению мероприятий по поддержке фланга войск по государственной границе с Финляндией. Уже 29 июня враг сделал попытку захватить острова Паттио и Лейтсальми, находящиеся на крайнем левом фланге территории, обороняемой войсками 23–й армии. Однако своевременно развернутый пулеметный батальон, поддержанный кораблями базы, отбил атаки противника.

Советские войска, несмотря на тяжесть обрушившихся на них ударов, мужественно и стойко оборонялись, отстаивая каждую пядь родной земли. Ставка Главного командования в сложившихся условиях избрала основной формой борьбы стратегическую оборону с целью сорвать планы противника, измотать и обескровить его силы, выиграть время для подготовки резервов, создать условия для перелома в войне.

К концу первой недели войны ЦК партии и Советское правительство в специальной директиве определили политические цели войны и наметили пути их достижения. В этой

директиве с особой силой подчеркивалось «…в навязанной нам войне с фашистской Германией, решается вопрос о жизни и смерти Советского государства, о том, быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение»[19].

Эта директива требовала от всех партийных, советских органов, особенно прифронтовой полосы, мобилизации всех сил для нанесения контрударов по гитлеровским захватчикам, подчеркивалась вся серьезность опасности, нависшей над нашей Родиной, ставилась задача обеспечить тыл советским войскам, а в случае отхода их уничтожать или приводить в негодность железные дороги и другие материальные ценности народного хозяйства, воспитывать воинов и всех советских людей в духе беспощадной борьбы против поработителей.

Через восемь дней после начала войны я доложил в штаб фронта А. А. Жданову и Народному комиссару ВМФ оценку обстановки на море: «Противник действует только подводными лодками, авиацией и торпедными катерами, активно ставит мины от Риги до Кронштадта. Постоянно держит подводные лодки перед проливами и выходами из баз, на фарватерах из Таллина. Явно бережет надводные корабли, так как кроме минного заградителя и двух миноносцев в шхерах, больших надводных кораблей нет. Авиация регулярно днем и ночью двумя — тремя самолетами ведет разведку. Вывод: противник пытается добиться успехов на сухопутном направлении, куда брошена и вся авиация. Надо ждать его дальнейших успехов на суше, попытку обойти Эстонию, с тем, чтобы не допустить отхода кораблей на восток и эвакуацию грузов».

Оценка обстановки штабом флота и Военным советом, как теперь ясно из событий и документов противника, была достаточно достоверной.

Первые итоги боев свидетельствовали о том, что Краснознаменный Балтийский флот в эти дни величайшего испытания не дрогнул, военные моряки не знали, что такое паника, не знали страха перед сильным, коварным врагом — с величайшей самоотверженностью они стали грудью на защиту социалистических завоевании своей Отчизны. Были ошибки, случалось, несли потери, но, как ни трудно было, мы стремились применять активные способы действий, чтобы нанести врагу максимальный урон, поддержав свои сухопутные войска. Подводные лодки находились в море на боевых позициях, угрожая противнику, корабли эскадры и отряды легких сил выполняли задачи по созданию оборонительных рубежей в устье Финского залива и в Ирбенском проливе, бесперебойно функционировала коммуникация Кронштадт — Таллин — Ханко.

Поддержанию высокого боевого духа у моряков способствовала активная, целеустремленная работа политических органов. В директиве, изданной начальником Политуправления Военно — Морского Флота дивизионным комиссаром И. В. Роговым в начале войны, говорилось: «Основной задачей органов политической пропаганды является всестороннее обеспечение возложенных на Красную Армию и флот задач… Шире и глубже развивать наступательный дух, вести решительную борьбу с паникерами и трусостью… Неослабно контролировать на всех участках осуществление бдительности…»

Выполняя это требование, управление политической пропаганды флота под руководством дивизионного комиссара А. Т. Муравьева с первых дней войны всю партийно — политическую работу направляло на поддержание высокого морального духа моряков.

На кораблях и в частях в те дни обсуждалось Обращение Военного совета флота к краснофлотцам, командирам и политработникам. Выступавшие на собраниях и митингах, выражая чувство всего личного состава, заверяли партию и Советское правительство, что будут драться с врагом «о полного его уничтожения. Младший сержант из артиллерийского дивизиона комсомолец Ткаченко заявил: «Если нужно, то мы и жизнь свою положим, но никогда не дадим кровавым фашистам захватить нашу землю».

В первые дни Великой Отечественной войны от тысяч краснофлотцев, командиров и политработников поступали заявления с прось бой направить их на передовые позиции. В Кронштадте в полуэкипаже посяе митинга, посвященного обсуждению Обращения Военного совета, было подано сразу 105 таких заявлений. В учебном отряде в первые пять дней войны около 1500 человек подали рапорты — просились в бой. Краснофлотец Бастак в своем рапорте писал: «Прошу командование части послать меня на фронт против германского фашизма. Я как специалист пулеметчик не пожалею своей жизни за наш многомиллионный народ и буду биться до последней капли крови для достижения полной победы над врагом… Я уверен, что Ваше доверие выполню с честью».

Сотни балтийцев подавали заявления с просьбой принять их в партию. Авиационный моторист Богачев писал: «Хочу большевиком драться с фашизмом, не откажите, товарищи, принять меня в свои ряды».

Военные моряки Балтики свято верили, что Коммунистическая партия приведет советский народ к победе.

# ГЛАВА 3. НА ДАЛЬНИХ ПОДСТУПАХ

Героическая оборона Лиепаи. Могла ли Лиепая удержаться. Обстановка на суше ухудшается. Эвакуация Усть — Двинска. Враг у южной границы Эстонии. Народный комиссар требует до последнего оборонять Ханко, Эзель, Даго, Таллин. От обороны к наступлению. Первые Герои Советского Союза. Моральный дух защитников Ханко. Финский залив на прочном замке.

Первыми на Балтике удар немецко — фашистских войск приняли военные моряки кораблей и красноармейцы частей, дислоцировавшихся в Лиепае.

Военно — морская база Лиепая в системе базирования флота занимала очень важное положение. Она находилась на левом фланге его операционной зоны, почти на границе нашей Родины, и являлась передовым пунктом сосредоточения крупных надводных и подводных сил. Накануне войны по ходатайству Военного совета флота перед Народным комиссаром ВМФ часть кораблей была переведена из Лиепаи в базы Рижского залива. В Лиепае оставалась группа подводных лодок, находившихся в капитальном ремонте, и небольшая часть торпедных и сторожевых катеров флота. На озере Дурба в районе Лиепаи базировалась 43–я отдельная авиационная эскадрилья под командованием капитана И. Я. Вахтермана.

На территории базы размещалась 180–миллиметровая железнодорожная батарея флота. К началу лета на побережье моря было закончено строительство четырех мощных береговых батарей 130–миллиметрового калибра. Их огневые позиции находились на флангах входов в Лиепаю и Вентспилс. Батареи имели хорошее оборудование, первоклассную по тому времени отечественную артиллерийскую технику, хорошо обученный личный состав. Замаскировав позиции, артиллеристы сделали их почти неуязвимыми для самолетов врага.

К началу войны была усилена также противовоздушная оборона базы. Она получила два отдельных зенитных дивизиона, предназначенных в основном для защиты базы от ударов морской авиации противника.

Однако было ясно, что этих сил недостаточно для обороны Лиепаи. По настоянию Военного совета флота Особый Прибалтийский военный округ, которому база оперативно подчинялась с весны

1941 года Ж который отвечал за сухопутную оборону,

выделил для ее защиты 67–ю стрелковую дивизию под командованием генерал — майора Н. А. Дедаева, участника штурма Зимнего дворца, краснознаменца, героя гражданской войны.

67–я дивизия считалась одной из лучших в округе, но ей кроме непосредственной защиты базы вменялась в обязанность также оборона побережья от государственной границы до Вентспилса — около 150 километров, — а она испытывала острый недостаток в личном составе. Вражеская 291–я пехотная дивизия, которой противостояла 67–я дивизия, имела втрое больше солдат и офицеров, боевой техники. К тому же ряд подразделений 67–й дивизии, находившихся перед началом войны на лагерных сборах.

Не смогли принять участие в защите базы 114–й стрелковый полк и один артиллерийский дивизион 242–го гаубичного артполка, которые находились в обороне в районе Вентспилса, один батальон 56–го стрелкового полка, находившийся в Павилоста, некоторые другие подразделения, занятые в момент начала войны на оборонительных работах и стрельбищах.

19 июня морской гарнизон Лиепаи одновременно с другими соединениями флота перешел на повышенную боевую готовность. Генерал Н. А. Дедаев, получив об этом информацию командира военно — морской базы капитана 1 ранга М. С. Клевенского, также повысил боевую готовность 56–го и 281–го стрелковых и 94–го и 242–го артиллерийских полков. Начальник артиллерии дивизии полковник Корнеев и артиллерист базы капитан А. П. Кашин разработали таблицы артиллерийского огня, учитывая поддержку флотскими береговыми и железнодорожными батареями. Были составлены таблицы стрельб по заранее намеченным целям, ведения заградительного огня на случай высадки морского десанта противника. Эти таблицы очень пригодились во время боя.

Вечером 21 июня, будучи предупрежден Наркомом о готовящемся нападении фашистской Германии, я приказал командиру базы, как и другим командирам соединений флота, привести все части в полную боевую готовность. Корабли, батареи, а также находящиеся в Лиепае другие части флота — стрелковый батальон, отдельная железнодорожная рота, личный состав военно — морского училища — готовились к предстоящим боям.

В тот же вечер 21 июня два батальона 281–го стрелкового полка подполковника Есина и отдельный разведывательный батальон капитана Шапошникова заняли позиции на правом берегу реки Барта южнее Лиепаи. Вместе с ними вышли на

позиции артиллерийские полки дивизии. Рубежи на Гробиньском шоссе заняло подразделение 56–го стрелкового полка майора Кожевникова. На подступах к городу возводились инженерные сооружения. На помощь бойцам шли городские рабочие отряды, в их рядах можно было видеть женщин и молодежь.

Не успели части дивизии завершить развертывание, как начались боевые действия на море и на суше. Жаркое дыхание боя коснулось приморского города уже в первую ночь войны. «Фашисты начали бомбить Лиепаю около четырех часов утра — вспоминает М. Т. Радкевич. — Так началась для нас Великая Отечественная война. Все мы сразу почувствовали это с первого налета. К 12 часам на Лиепаю было произведено несколько налетов, ударам подвергались зенитные батареи, аэродром, порт и завод «Тосма- ре». Окрестности Лиепаи озарились светом пожарищ, а на исходе второго дня войны мы оказались в окружении вражеских войск. Началась героическая оборона города и базы, полная многочисленных примеров отваги, мужества воинов гарнизона».

Вражеская авиация бомбила преимущественно объекты военно- морской базы — склады и стоянки кораблей, а также сухопутный аэродром, где базировался истребительный полк Особого Прибалтийского военного округа. Объекты флота, будучи надежно прикрыты зенитными артиллерийскими дивизионами, успешно отражали атаки противника и пострадали немного. Аэродром, самолеты — истребители, не успевшие подняться в воздух, понесли большие потери. Значительная их часть была уничтожена на земле. В первый день войны вражеские летчики совершили на базу и аэродром около 15 налетов.

Командир военно — морской базы капитан 1 ранга М. С. Клевенский сделал все от него зависящее, чтобы встретить врага во всеоружии. Это был знающий, очень энергичный и инициативный начальник. Слаженно действовал и штаб базы, руководимый капитаном 3 ранга М. Т. Радкевичем.

Стоит отметить, что задолго до начала боев за Лиепаю штаб базы разработал основные оперативно — тактические документы по обороне базы с моря и с воздуха. База имела хорошо защищенные командные пункты. М. Т. Радкевич в письме ко мне пишет: «Штаб базы имел два командных пункта. Первый — непосредственно на побережье в сосновом лесу, в границах военного городка. Он находился в общей системе старых русских береговых батарей, построен был как наземный бетонный наблюдательный пункт с хорошим обзором в сторону моря. К нему была подведена связь. На этот командный пункт после первого налета фашистской авиации и перешел штаб военно —

морской базы.

Второй командный пункт располагался в одном из блоков старых русских батарей севернее аванпорта. Сюда мы перебрались 23 июня уже в ходе боев. Все старые оборонительные постройки времен первой мировой войны нас сильно выручали и использовались для обороны».

О полученном от командующего флотом приказе М. С. Клевенский тут же информировал генерала Н. А. Дедаева, который, в свою очередь, получил аналогичное указание от командующего 27–й армией. Части дивизии были приведены в полную боевую готовность. Командир дивизии сообщил начальнику пограничного отряда майору В. Якушеву об обстановке. Тот доложил, что все пограничные[4] подразделения — пять комендатур — будут немедленно подняты по боевой тревоге.

Таким образом, все, что следовало сделать для подготовки базы к бою, ее командование сделало. Но нас не покидало чувство тревоги: мы знали, насколько слабым местом в обороне базы было сухопутное направление. Военный совет флота очень беспокоило это обстоятельство, о чем он не раз докладывал Главному морскому штабу.

В своей книге «Накануне» адмирал Н. Г. Кузнецов пишет: «В те дни мне припоминается разговор незадолго до начала войны с командующим Прибалтийским военным округом Ф. И. Кузнецовым. Я поинтересовался, как строится круговая оборона Либавы и Риги, где базируется много кораблей.

— Неужели Вы думаете, что мы допустим противника до Риги, — обиделся мой собеседник.

…Положение Либавы с суши становилось безнадежным уже через два дня после начала войны»[20].

Собравшись на командном пункте базы, генерал Н. А. Дедаев и капитан 1 ранга М. С. Клевенский приняли совместное решение: усилия военно — морских частей и кораблей направить на оборону базы с моря и непосредственно города, на 67–ю стрелковую дивизию возложить внешнюю оборону.

Командование всеми частями дивизии, военно — морской базой, пограничниками, рабочими отрядами (с предприятий и заводов города) принял на себя командир дивизии генерал Дедаев.

Вся тяжесть борьбы с налетами вражеской авиации из-за отсутствия истребительного прикрытия легла на плечи бойцов отдельных зенитных артиллерийских дивизионов: 43–го майора В. Х. Русских и 84–го старшего лейтенанта В. С. Сороки. Они сражались мужественно и самоотверженно. Особенно отличилась 841–я зенитная батарея старшего лейтенанта Ф. К. Тимашкова.

Она первой в 4 часа утра 22 июня открыла огонь по фашистским самолетам, прикрывая корабли у стенки завода «Тосмаре». Фашисты пытались уничтожить батарею, но боевой расчет после каждого налета менял позицию. Доблестно сражались и бойцы 843–й зенитной батареи лейтенанта Григоряна.

Перед полуднем 22 июня мне позвонил М. С. Клевенский:

— Наши части отступают на Ригу, базу удержать трудно.

Он просил помощи. Увы, мы ничем не могли помочь Лиепае — войск в нашем распоряжении не было. Не приходилось рассчитывать и на округ — враг, потеснив войска 8–й армии, прорвался уже к Шяуляю. На Лиепаю по прибрежной дороге наступала отборная, имеющая двухлетний боевой опыт 291–я пехотная дивизия врага. В дивизии насчитывалось до 17 тысяч человек, ее усиливали подразделения морской пехоты, поддерживали танковые, авиационные и артиллерийские части.

На морских подходах к базе начали действовать торпедные катера и подводные лодки противника. М. С. Клевенский приказал прибывшему на ремонт базовому тральщику «Фугас» под командованием старшего лейтенанта В. Л. Гиллермана выставить у Лиепаи мины. Прикрываемый торпедными катерами, самолетами — развед- чиками МБР-2, огнем береговых батарей, отражая атаки врага, «Фугас» за два дня выставил более двухсот мин, на которых позднее подорвалось несколько кораблей противника.

На подходах к базе были развернуты подводные лодки: «Л-3» капитана 3 ранга П. Д. Грищенко, «М-79» капитан — лейтенанта И. В. Автомонова, «М-81» капитан — лейтенанта Ф. А. Зубкова и «М-83» старшего лейтенанта П. М. Шалаева под общим командованием капитана 2 ранга А. Г. Аверочкина. Они должны были предотвратить возможное нападение с моря, прикрыть фланг наших оборонявшихся войск.

Оправившись после первых вражеских ударов, в боевую работу включились и летчики 148–го истребительного авиационного полка военного округа. Однако уже к исходу дня полку было приказано перебазироваться на восток. В Лиепае оставалась единственная авиаэскадрилья в составе 13 самолетов МБР-2 капитана И. Я. Вах- термана; по существу база оказалась без воздушного прикрытия.

Самолеты МБР-2 были устаревшими, но слабость их боевых качеств возмещалась отличной подготовкой летчиков, штурманов, техников, их преданностью Родине, отвагой, знанием театра военных действий. Эскадрилья предназначалась для ведения разведки морского направления, но в силу сложившейся

обстановки ей пришлось выполнять эту задачу и на суше, а кроме того, она на своих тяжелых и тихоходных машинах (скорость 180–200 километров) бомбила мотоколонны врага. Командир эскадрильи капитан Вахтерман был исполнительным командиром, получая приказ нанести удар по врагу с «пикирования», он всегда отвечал: есть! Хотя какие уж из МБР-2 пикировщики!

Командиры отрядов капитаны А. Кублицкий и А. Чернов, командиры звеньев старшие лейтенанты Т. Тургенев и А. Арефин, лейтенанты В. Кузнецов и В. Савушкин, все летчики и штурманы не жалели жизни, отстаивая советскую землю. Когда враг подошел вплотную к городу, оставшиеся самолеты перелетели на озеро Киш под Ригой.

В полдень 22 июня я приказал М. С. Клевенскому вывести из базы в Вентспилс или Усть — Двинск все, что не было связано с обороной и имело возможность двигаться — в частности, танкер «Железнодорожник», подводные лодки, а также 18–ю железнодорожную батарею капитана В. П. Лисецкого.

Штаб флота возложил обеспечение перехода на авиацию и корабли военно — морской базы, однако в связи с тем, что на подходах к Лиепае уже шли ожесточенные бои, выполнить приказ полностью не удалось.

Торпедные катера противника потопили на траверзе Вентспилса вышедшую без охранения подводную лодку «С-3», имеющую на борту еще и экипаж «С-1» с ее командиром капитаном 3 ранга И. Т. Морским. «С-3» не могла по техническому состоянию погружаться под воду и шла в надводном положении. В течение полутора часов экипаж вел неравный бой, отражая атаки вражеских катеров. Все артиллеристы, находившиеся на мостике, погибли. Командир «С-3» капитан — лейтенант Н. А. Костромичев решил выбросить корабль на берег, рассчитывая спасти экипажи, но не успел — вражеские торпеды разломили подводную лодку на несколько частей.

Благополучно прибыли в Рижский залив подводные лодки «С-9», «Лембит», «Калев», «М-77» и танкер «Железнодорожник». Первыми ударами врага на суше в направлении Лиепаи под Палангой — Руцавой приняли советские пограничники. «Двадцать пять застав, пять штабов комендатур, специальные подразделения пограничного отряда встретили фашистов сильным огнем. Только к исходу второго дня боев на левом фланге гитлеровцам удалось прорваться к штабу пятой комендатуры в Руцаве, — пишет В. Якушев. — Но, несмотря на численное превосходство, враг не смог с ходу овладеть

комендатурой.

Обороной руководил начальник штаба отряда коммунист майор

В. А. Черников, окончивший незадолго до этого Военную академию имени М. В. Фрунзе. Он создал группу пограничников, которая, умело маневрируя на поле боя, заходила гитлеровцам во фланги и наносила чувствительные удары.

Вместе с Черниковым действиями бойцов руководил комендант участка капитан Губенчук, опытный чекист. Гарнизон пограничников численностью около сорока человек занял круговую оборону у здания штаба. Почти трое суток воины вели тяжелый бой, сдерживая наступление гитлеровцев, поддерживаемых сильным огнем артиллерии, минометов и танков. Только тогда, когда почти все бойцы небольшого гарнизона сложили свои головы, врагам удалось захватить помещение штаба и комендатуры.

В дальнейшем была создана разведывательная группа в составе

25 человек, командование которой принял начальник пограничной заставы лейтенант Запорожец. Перед воинами была поставлена задача — произвести разведку боем, найти слабое место в обороне врага, а затем пойти на прорыв кольца окружения. Дерзким рывком фашисты были выбиты из части окопов. Опомнившись, они открыли бешеный артиллерийский огонь. Несколько раз гитлеровцы поднимались в атаку, но дружный огонь советских воинов отбрасывал их назад»[21].

К моменту подхода врага непосредственно к Лиепае на ее ближних подступах по решению генерала Дедаева было создано три боевых участка: северный, восточный и южный. Предполагалось, что пока части дивизии будут сдерживать врага на дальних подступах, эти рубежи удастся подготовить в инженерном отношении для частей флота. Таким образом создавалась некоторая глубина обороны.

На северный участок был выведен флотский стрелковый батальон капитана Пышкина. Это была кадровая, хорошо подготовленная для боя часть. На восточный участок выводился батальон курсантов военно — морского училища под командованием полковника Томилина и его заместителя полкового комиссара Горожанкина. Сюда же направлялись подразделения 56–го стрелкового полка. Артиллерийскую поддержку участка обеспечивали батареи 94–го легкого артиллерийского полка, 27–я батарея 130–миллиметровых орудий, 841–я и 503–я зенитные батареи флота. В помощь им могла быть использована и артиллерия миноносца «Ленин». На

южный участок были выведены отряды из береговой базы подводных лодок и полуэкипажа. Их поддерживали 180–миллиметровая батарея и 502–я зенитная батарея флота. Предполагалось, что на южный участок отойдут со временем также подразделения 281–го стрелкового полка подполковника Есина. Быстро и организованно под руководством М. С. Клевенского и его заместителя по политчасти полкового комиссара П. И. Поручикова проходило формирование и вывод на боевые участки флотских частей.

Удар фашистских полчищ, наступавших на Лиепаю, принял на себя в ночь с 22 на 23 июня разведывательный батальон 67–й стрелковой дивизии, которым командовал капитан Шапошников, и 281–й стрелковый полк (в неполном составе). В бою погиб командир полка подполковник Есин. На этих рубежах вступили в сражение и городские рабочие отряды — батальон завода «Тосмаре» под командованием заместителя директора по политической части Артура Петерсона, активного участника гражданской войны; батальон завода «Сарканай сметаллургс» («Красный металлург») под командованием секретаря партийной организации Муцениека и другие. Враг, наступавший с юга, вдоль берега, был остановлен. Ночью фашисты попытались прорваться к городу с юго — запада, но и это им нё удалось. Тогда, обойдя Лиепаю с востока, они перерезали железную дорогу Лиепая — Рига. К счастью, из Лиепаи успел уйти последний эшелон с семьями, вырвалась также 180–миллиметровая железнодорожная батарея капитана Лисецкого.

С суши база оказалась отрезанной от наших войск.

23 июня я связался с Клевенским.

— Военный совет флота требует драться вместе с воинами дивизии до последней возможности, — передал я. — Все решения вам следует согласовать с командиром дивизии, действовать по его указанию.

К исходу 24 июня наши части отошли с боями на ближние подступы к Лиепае и соединились с подразделениями военных моряков.

Почувствовав сопротивление, немецкое командование бросило на Лиепаю главные силы 291–й фашистской пехотной дивизии, усилив ее полком морской пехоты. Поддерживаемые ударами авиации и танков, они начали атаки. Завязались упорнейшие бои. Воины, рабочие, курсанты дрались с исключительным мужеством, но сдержать натиск противника, имеющего значительное превосходство, было трудно, и ему удалось вклиниться в оборону. Командование фронтом направило в помощь защитникам Лиепаи 28–й мотострелковый полк и

курсантов Рижского пехотного училища, однако они не смогли пробиться.

Лиепая продолжала героическую борьбу. Бои стихали только к ночи, когда фашисты обычно боевых действий не вели. Били врага наши 130–миллиметровые батареи под командованием старших лейтенантов С. Е. Гордейчука и М. Н. Савина. Стойко сражался батальон курсантов военно — морского училища. Стояли насмерть отряд партийных активистов и рабочий батальон Артура Петерсона, комсомольский отряд Иманта Судмалиса.

Но обстановка становилась все хуже. Враг вплотную подошел к окраинам, отдельные его части прорвались к заводу «Тосмаре». Командир миноносца «Ленин» капитан — лейтенант Ю. М. Афанасьев, являвшийся старшим командиром в группе ремонтирующихся кораблей, приказал экипажам сойти на берег. Корабли, а также склады боеприпасов и топлива были по его приказу взорваны. Это — единственно правильное решение. Можно сожалеть, что Афанасьева обвинили тогда в панике, и хорошо, что позже это обвинение с него сняли. Экипажи взорванных кораблей влились в ряды защитников Лиепаи. Их возглавляли заместитель командира базы П. И. Поручиков и заместитель начальника политотдела Дьяченко. Так же пришлось поступить экипажу подводной лодки «М-83». Эта лодка возвратилась в Лиепаю с боевой позиции из-за повреждения перископа, когда ожесточенные схватки с врагом шли уже на улицах города. Моряки открыли огонь из единственного орудия корабля, прямой наводкой уничтожая вражеские машины, прорвавшиеся к заводу. (Когда кончились снаряды, экипаж взорвал корабль и вступил в бой с гитлеровцами на суше. Смертью храбрых в бою погиб командир подводной лодки П. М. Шалаев.

Утром 25 июня мне позвонил М. С. Клевенский. Это был наш последний разговор — связь прервалась. Командир базы просил оказать помощь до наступления ночи.

— Борьба идет за Тосмарским каналом, — говорил он, — где сосредоточены ударные группы. Боезапаса на складах нет, бережем патроны и снаряды…

Обстановка на приморском направлении была тяжелой, настоящей помощи гарнизону никто оказать не мог. Генерал Н. А. Дедаев принял решение перебросить из Вентспилса к Лиепае 114–й стрелковый полк с дивизионом гаубичного артполка, но было уже поздно. Единственное, что мы могли сделать, — выслали для бомбежки войск противника авиаэскадрилью бомбардировщиков. Защитники Лиепаи отбивали

одну атаку за другой, нанося врагу потери в живой силе и технике. «Наступление 291–й пехотной диви зии в районе Либавы, — записано в журнале боевых действий группы армий «Север» за 25 июня, — было приостановлено ввиду сильного сопротивления противника, поддерживаемого огнем стационарных батарей». Утром 25 июня на боевом посту погиб командир дивизии генерал Н. А. Дедаев. После его смерти в командование обороной базы вступил начальник штаба дивизии полковник В. М. Бобович.

Враг ослабил натиск, положение несколько стабилизировалось. Велся слабый минометный огонь, но фашистская авиация продолжала бомбить дороги и объекты базы. Усиленному обстрелу подвергались 23–я береговая и 843–я зенитные батареи.

26 июня командованию дивизии и военно — морской базы было приказано выводить части из окружения. В. М. Бобович, М. С. «левенский, секретари Лиепайского горкома партии Микелис Бука и Янис Заре после всестороннего обсуждения вопроса, как обеспечить выполнение приказа, приняли решение прорываться основными силами в направлении Вентспилса, рассчитывая закрепиться на рубеже реки Бента вместе со 114–м стрелковым полком, который там находился, либо пробиваться на соединение с войсками 8–й армии, отступающей к Риге.

Прорыв был осуществлен двумя колоннами. Первая, в составе подразделений 56–го стрелкового полка, 32–го местного стрелкового батальона, боевого расчета 84–го отдельного артиллерийского зенитного дивизиона и 23–й береговой батареи под командованием майора Кожевникова пробивалась по прибрежной дороге. Вторая, включавшая в себя подразделения 281–го стрелкового полка, 43–й зенитный артиллерийский дивизион флота, 389–й зенитный армейский дивизион и курсантов военно — морского училища, двигалась по восточной дороге в том же направлении. Замыкали ее пограничники, отдельные команды, рабочие отряды, боевой расчет 27–й береговой батареи, который ушел с позиции, расстреляв весь боезапас, уничтожив материальную часть, взорвав мосты, и противотанковая батарея дивизии. Возглавлял вторую колонну полковник Бобович со своим штабом.

Перед прорывом в порту и военно — морской базе были уничтожены склады продовольствия и материалов, взорваны батареи. Гитлеровцы обрушили на прорывающихся шквал огня. Их самолеты буквально висели над головами бойцов. В первые часы боя погиб командир 56–го стрелкового полка майор Кожевников, смертельно ранен полковник Бобович, вышел из

строя командир зенитного дивизиона капитан Суханов. Командование взял на себя начальник оперативной части штаба дивизии майор Меденцев. Бои на дорогах не прекращались ни днем, ни ночью. Колонны упорно пробивались на соединение со своими войсками. В боях погибли организаторы обороны Лиепаи секретари городского комитета партии Бука и Заре, полковые комиссары Котомин и Поручиков, полковник Томилин и Ганин, батальонный комиссар Дьяченко, капитан 3 ранга Малов. Немногим защитникам Лиепаи удалось соединить ся со 114–м полком. И им снова предстояло прорываться на восток к войскам 8–й армии в район Тукумса.

Командиру базы М. С. Клевенскому было разрешено с частью штаба и политотдела на торпедных катерах перебраться в Вентспилс, организовать там КП и установить связь с командованием дивизии. В море вышло два торпедных катера, затем, с небольшим перерывом, еще один. На переходе между Лиепаей и маяком Ужава наши катера — 17–й и 47–й — встретили шесть торпедных катеров противника. Завязался неравный бой. Катер 47–й был потоплен, а 17–му удалось прорваться в Рижский залив. Третий катер, 67–й, старшего лейтенанта И. С. Иванова, на борту которого шел начальник штаба базы капитан 3 ранга Радиевич, с трудом добрался до Рижского залива. Задача по организации КП в Вентспилсе оказалась нереальной и не была выполнена.

Между тем Лиепая продолжала сражаться. Оставшиеся в городе для прикрытия прорыва отряды бойцов и моряков, комсомольцы отряда Иманта Судмалиса и рабочие батальона Петерсона держались до последнего.

29 июня враг вошел в город. Однако и после этого бои почти всю первую неделю июля не прекращались. Часть патриотов под командованием Иманта Судмалиса на автомашинах прорвалась из окружения к литовской границе и ушла к партизанам. Значительно позднее Имант Судмалис был схвачен гитлеровцами и казнен. Посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза.

В неравных боях защитники Лиепаи проявили беззаветное мужество и героизм, доказали свою нерушимую верность Коммунистической партии и Советской Родине. Здесь враг впервые познакомился с отважными балтийцами и окрестил их «черной смертью». Мужество защитников Лиепаи увековечено в памятнике, стоящем у моста через Торговый канал. На нем надпись: «Защитникам Лиепаи 23.06–29.06 1941 года».

В боях под Лиепаей враг понес значительные потери, был сбит темп его наступления на Ленинград. Ю. Майстер признает: «Советская военно — морская база оборонялась ожесточенно.

Русские пытались вырваться из окружения, но удалось осуществить это лишь части гарнизона. 28 июня после борьбы, которая потребовала значительных потерь, германским соединениям, включая введенные в действие части морской пехоты, оказалось возможным начать штурм Либавы… Затем марш германских войск вдоль Балтийского побережья прекратился вследствие упорного советского сопротивления»[22].

Сейчас может быть поставлен вопрос, могла ли удержаться Лиепая под натиском противника в сложившейся ситуации? Неправомерно утверждение о том, что «…в Либаве было достаточно средств — дивизия, береговая оборона, корабли и авиация, но действовали они не вполне эффективно»[23]. Если бы для оборо ны Лиепаи были выделены более значительные силы, то и тогда потеря базы стала бы неминуемой. Возможно, что бои за Лиепаю были бы несколько продолжительными и противник имел бы еще большие потери. Но нельзя рассматривать оборону Лиепаи, расположенной на правом фланге Северо — Западного направления, вне связи с общим положением войск на суше. Все зависело от того, как долго могли продержаться наши войска на занимаемых рубежах.

Как показали последующие события, противник сосредоточил на своем левом фланге исключительно мощную группировку, рассчитывая победным маршем в самые короткие сроки дойти до Ленинграда. Им противостояла сравнительно слабая группировка наших войск, мужественно отстаивавшая каждый метр родной земли, но отступавшая под давлением превосходящих сил. И оставлять базу в глубоком тылу противника не имело смысла. Поэтому вопрос был только в днях или неделях ее обороны.

Не могу согласиться и с мнением, что было бы лучше «… назначить ответственным за ее оборону командира базы, придать ему некоторые сухопутные части, подчинив их командующему Балтийским флотом»[24]. Это не меняло положения. Но следует признать, что в мирное время вопросы взаимодействия сил флота и войск при обороне побережья почти не разрабатывались. «Нарком ВМФ и Главный морской штаб должны были проявить больше настойчивости перед Генеральным штабом в разрешении всех неясных вопросов»[25].

Между тем обстановка на Северо — Западном направлении продолжала ухудшаться.

Ведя тяжелые оборонительные бои, 8–я армия отступала на Ригу, 11–я — на Полоцк. Других сил, способных оказать эффективное сопротивление врагу, на этом направлении не было. Угроза захвата с суши Усть — Двинска, где находились значительная группа надводных и подводных кораблей, крупные

запасы мин и топлива, нарастала с каждым днем.

В ночь на 27 июня я выехал на машине в Ригу. В штабе Прибалтийского военного округа застал заместителя командующего войсками Прибалтийского особого военного округа генерала Г. П. Со- фронова, который занимался эвакуацией оставшейся части штаба. В Усть — Двинске я вызвал командира военно — морской базы контр- адмирала П. А. Трайнина, командиров соединений контр — адмирала

В. П. Дрозда и капитана 1 ранга Н. П. Египко, начальника штаба дивизиона торпедных катеров старшего лейтенанта Е. В. Осецкого и проинформировал их о сложившейся обстановке. Выслушав мнение каждого, я принял решение немедленно вывести из Усть — Двин- ска все боевые и вспомогательные корабли, погрузив на них материальные ценности, а что не удастся вывезти — уничтожить. Ос новное направление отхода кораблей и транспортов — Куйвастэ— Рохукюла и далее Таллин.

Контр — адмирал В. П. Дрозд получил особую задачу: «Отряду легких сил находиться в Моонзунде в полном составе, нести дозор на внутренней стороне минного заграждения, базируясь на Куйвастэ, крейсеру «Киров» находиться в Таллине. Выставить мины, прикрывающие Моонзунд с юга, продолжать минные постановки в Ирбенском проливе. Отходить из Рижского залива только по моему приказанию, использовать торпедные катера».

Вечером того же дня под командованием В. П. Дрозда из Усть- Двинска вышли крейсер «Киров», эскадренные миноносцы «Грозящий», «Сметливый», «Стойкий», «Сильный», «Сердитый», «Энгельс», около 15 транспортов, вспомогательных судов, буксирные суда, плавучие краны. К утру 28 июня они прибыли на рейд Куйвастэ. Туда же пришли соединение подводных лодок капитана 1 ранга Й. П. Египко, плавбаза «Смольный». На переходе надводные и подводные корабли прикрывались торпедными катерами.

В Куйвастэ они пробыли, однако, недолго. Уже 30 июня ввиду слабого зенитного прикрытия и отсутствия истребительной авиации корабли, кроме оставшихся для защиты пролива, получили приказ перейти в Таллин. Переход приказано было осуществить по проливу Муху — Вяйн, в котором подавляющее большинство кораблей еще не плавало.

Решающую роль в принятии этого решения сыграли своевременно выполненные гидрографические работы. Летом 1940 и в зиму 1940/41 года в Моонзунде под руководством начальника гидрографической экспедиции капитана 2 ранга А. А. Смирнова, гидрографов А. Н. Иванова, А. А. Мартынова, А.

П. Витязева, И. Л. Бегуна, К. Г. Куриловского, Г. М. Гильбо и других проводились большие исследования, в результате которых был обнаружен канал «Слава», прорытый еще в первую мировую войну. Определив его расположение и состояние, мною было принято решение об использовании канала для проводки крейсера «Киров» после дноуглубления некоторых участков. Приказом по флоту был создан специальный отряд судов технического флота (землечерпательные снаряды, землесосы, шаланды), гидрографических судов «Лоод» и «Вал», промерных ботов и катеров. Под руководством капитана 3 ранга М. М. Назимова гидрографический отряд, в который вошли молодые гидрографы А. П. Витязев, Т. М. Кудинов, Г. С. Рамзайцев, Н. Е. Орехов, приступил к срочной работе. Я надеялся, что усилиями экипажей технического флота и гидрографов нам удастся в короткий срок (три дня) создать обходной фарватер и вывести «Киров» из Рижского залива. Они работали круглые сутки, углубляя фарватер. Для уменьшения осадки с крейсера выгрузили боеприпасы главного калибра, лишнее топливо, воду, часть имущества.

Жесткие требования, а также начавшиеся бомбардировки кораблей противником ускорили ход работ.

Я вызвал в Рохукюла контр — адмирала В. П. Дрозда, передал ему приказ:

— «Кирову» под Вашим командованием следовать в Таллин, после чего Вам возвратиться в Моонзунд и командовать двумя дивизионами миноносцев по защите входа в Рижский залив. Переход «Кирова» обеспечивает ОВР главной базы.

В сумерках 30 июня крейсер подошел к входу в фарватер. Здесь к его борту подошли три буксира, они начали вводить корабль в канал, но тут же все застлал густой туман. Контр — адмирал Дрозд приказал вернуть крейсер в исходную точку. На рассвете 1 июня с улучшением видимости буксиры повели «Киров» каналом. На одном из участков крейсер коснулся килем грунта, но незначительно. Как только обходной фарватер остался позади, крейсер отдал буксирные концы и своим ходом направился к проливу Хари — Курк. В кильватер ему пошли эскадренные миноносцы, а впереди шли морские охотники, бросая противолодочные бомбы. Переход завершился хорошо. Это был заслуженный успех военных и гражданских моряков, выполнивших свой воинский долг.

В результате проделанных дноуглубительных работ эскадренные миноносцы и сторожевые корабли, базировавшиеся на Куйвастэ и Рохукюла, получили второй выход из Рижского в Финский залив, чем обеспечивалась возможность маневра силами

флота.

Позвонив Народному комиссару ВМФ адмиралу Н. Г. Кузнецову, я доложил ему свои соображения о размещении соединений флота и обороне Рижского залива:

— В Куйвастэ — Рохукюла необходимо держать два дивизиона эскадренных миноносцев, дивизион торпедных катеров, морские охотники и тральщики, на позициях перед входом в залив — подводные лодки соединения Египко. Всеми силами командует контр- адмирал Трайнин из Рохукюла. Миноносцами и торпедными катерами командует Дрозд. В Таллине — Палдиски находятся: подводные лодки Египко, крейсер «Киров», два лидера, дивизион миноносцев и в полном составе корабли охраны водного района, в Лужской губе — линейный корабль «Октябрьская революция», два дивизиона миноносцев и соединение подводных лодок Орла.

Народный комиссар одобрил план. Штаб флота приступил к передислокации кораблей на морском театре.

Обстановка на суше тем временем продолжала ухудшаться. Оставив Ригу, советские войска отходили на север и северо — восток.

3 июля начальник штаба Северного фронта генерал Д. Н. Ники- шев приказал командующему 8–й армией генералу Ф. С. Иванову немедленно приступить, привлекая местное население, к созданию оборонительных рубежей на южных подступах к Таллину по линии Пярну — Вильянди — северное побережье озера Выртсярв — из расчета на три стрелковые дивизии. Это объяснялось тем, что штаб фронта сосредоточил все свое внимание на южном направлении, откуда шли главные силы противника. Между тем фашисты продвигались и на юго — западном и приморском направлениях, которые были кратчайшими по пути к столице Эстонской ССР и главной базе флота — Таллину.

Третьего же июля между флотом и фронтом нарушилась связь. Не зная намерений войск правого фланга Северо — Западного фронта, я доложил об обстановке Народному комиссару Военно — Морского Флота. Нарком приказал выставить на основных дорогах заслоны морской пехоты, активнее использовать авиацию для разведки, не ослабляя содействия войскам 8–й армии. «Оборонять до конца Ханко, Эзель, Даго и район Таллина, — гласил приказ, — отвести на восток и эвакуировать корабли и имущество, не нужное для обороны. Деритесь за каждую пядь земли в любых условиях возможного окружения. Уверен, что командиры, бойцы выполнят свой долг перед Родиной и оправдают доверие партии»[26].

Однако и на других участках фронта события продолжали развиваться не в нашу пользу. К исходу 10 июля противник продвинулся от Вильянди к Тюри, неожиданно занял исключительно важный для нас пункт Виртсу. Наши войска вынуждены были оставить

9 июля 1941 года Псков и отойти до Торопшино и Порхова (оккупирован 11 июля 1941 года).

К этому времени относится начало легендарной эпопеи обороны Ханко, о которой следует рассказать подробнее.

Окруженный десятками мелких островков, полуостров Ханко, или Гангут, как его называли раньше, узким язычком врезается в море у входа в Финский залив. Еще издавна вошел он в историю русского флота. Здесь в 1714 году одержал свою первую морскую победу галерный флот под руководством Петра I, разбив у Гангута шведскую эскадру контр — адмирала Эреншильда. В наше время он снова стал символом боевой славы воинов армии и флота. 164 дня сражался гарнизон военно — морской базы Ханко с немецко — фашистскими захватчиками и остался непокоренным.

После заключения перемирия с Финляндией в 1940 году и создания на Ханко военно — морской базы встал вопрос, кому ее подчинить — Ленинградскому военному округу или Балтийскому флоту. Мы считали, что целесообразнее подчинить ее флоту. В округе возражали, однако после всестороннего рассмотрения было решено, что всеми силами, в том числе и сухопутными частями, на Ханко будет командовать флотский командир.

Им стал генерал Сергей Иванович Кабанов — старый балтиец, артиллерист, командир высокоавторитетный не только на базе. Помню, задолго до войны артиллерийская часть, которой он командовал, была занесена на Красную доску КБФ. Уже тогда отмечалось, что Кабанов принадлежит к числу командиров, которые умело и активно воспитывают военных моряков в духе готовности к подвигам во имя Родины. Он был подготовлен к этому всей своей жизнью. Сын погибшего в «Крестах» питерского рабочего — революционера, в шестнадцать лет стал солдатом. Дважды сумел уйти от расстрела белыми, в 1919 году участвовал в штурме мятежного форта «Красная Горка», которым спустя 15 лет стал командовать. К моменту своего назначения на Ханко Сергей Иванович прекрасно знал артиллерийское дело, достаточно разбирался в вопросах использования сухопутных войск и военно — морских сил.

Вообще, подбор руководителей базы был удачным. Подстать командиру был военком бригадный комиссар Арсений Львович Рас- скин. Один из наиболее способных молодых

политработников флота, неугомонный, неутомимый в работе, он всегда шел туда, где трудно. Хорошо проявив себя будучи военкомом эскадры, А. Л. Расскин по окончании войны с Финляндией был вызван в Смольный к А. А. Жданову и получил назначение на Ханко. Все его лучшие качества в полную силу проявлялись в самый трудный для Родины час на этом небольшом клочке арендованной земли. Достойными помощниками командира по руководству базой были начальник штаба капитан 1 ранга Петр Георгиевич Максимов, командир стрелковой бригады полковник Николай Павлович Симо- няк, позднее отлично проявивший себя в обороне Ленинграда, Герой Советского Союза. В первые дни войны прибыли начальник артиллерии генерал Иван Николаевич Дмитриев.

База создавалась, по существу, на голом месте. Строились оборонительные укрепления, восстанавливался жилой фонд. К концу

1940 года силами гарнизона, в основном бойцами стрелковой бригады, было создано 227 деревоземляных огневых точек для орудий и пулеметов, наблюдательные пункты.

Отлично поработали на строительстве береговых батарей воины капитана Б. М. Гранина, капитана С. Ф. Кудряшева, старшего лейтенанта Г. А. Коргуна, лейтенантов Н. Д. Руденко и А. И. Плеска- чева. Проверивший весной 1941 года ход оборонительных работ заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа генерал Н. Е. Чибисов положительно оценил результаты их труда.

К началу войны, всего за год, были установлены все намеченные планом батареи. Командование базы сосредоточило 30–32 артиллерийских ствола на километр фронта. Особенно мощными были железнодорожные 305 и 180–миллиметровые батареи, которыми командовали капитан Л. М. Тудер и майор П. М. Жилин. Береговые батареи могли открывать огонь в любом направлении, точно поражать корабли и наблюдательные пункты врага на соседних островах, успешно вести контрбатарейную борьбу. Места для батарей выбирала комиссия во главе с И. И. Греном, большим теоретиком и опытным практиком артиллерийского дела.

За месяц до начала войны мне довелось вместе с командующим войсками Ленинградского военного округа генералом Маркианом Михайловичем Поповым побывать на полуострове. Мы проверили состояние боевой готовности частей, ознакомились с ходом строительства оборонительных сооружений. Командир базы генерал

С. И. Кабанов, его заместитель полковник Н. П. Симоняк

доложили обстановку на суше, море и в воздухе, и. о. начальника артиллерии майор С. С. Кобец — о том, какова плотность огня, сосредоточиваемого на важнейших направлениях всей артиллерией базы, включая и артиллерию сухопутных войск. Маркиан Михайлович высоко оценил организаторскую работу командиров, труд бойцов и краснофлотцев. Позднее командующий округом помог значительно увеличить боезапас для войск, запасы оружия и продовольствия на базе.

Военно — морская база Ханко занимала выгодное оперативно — стратегическое положение на северо — западном морском направлении, являлась важнейшим звеном в системе укреплений, прикрывавших дальние подступы к Ленинграду. База располагалась на основном шхерном фарватере и мешала вражеским боевым кораблям маневрировать между Ботническим и Финским заливами. Понятно поэтому стремление врага как можно быстрее овладеть Ханко.

Для захвата Ханко противник выделил пехотную дивизию, усиленную специальными частями, и мощную артиллерийскую группировку. Фашисты надеялись в первые же дни войны ликвидировать советскую военно — морскую базу.

Наступление финнов на Ханко началось 29 июня интенсивным артиллерийским и минометным обстрелом территории базы и прилегающих островов. В ночь на 30 июня враг захватил остров Хорсен.

В следующую ночь войска противника предприняли попытку внезапным штурмом овладеть красным Гангутом (Ханко). В первом эшелоне шли отборные батальоны. Однако гангутцы достойно встретили врага — нанесли ему большие потери, захватили пленных. Особенно отличился в бою батальон капитана Я. С. Сукача. Хорошо поработала артиллерия базы. Командир 335–го стрелкового полка подполковник Н. С. Никоноров писал морякам — артилле- ристам: «Вы оказали нам неоценимую помощь. Вашим метким огнем противник был отброшен, понеся большие потери… Враг бежал, побросав винтовки, пулеметы, автоматы и другое оружие…» Красноармейцы этого полка показали в бою высокий пример стойкости и мужества, о них с восхищением говорил весь гарнизон. Особо отличился учитель с Харьковщины снайпер П. Т. Сокур, который уничтожил 15 фашистов и трех захватил в плен. Позже Петр Трофимович был удостоен звания Героя Советского Союза.

Умелыми руководителями боевых действий проявили себя наши командиры. «С какой благодарностью и уважением, — пишет в прошлом боец батареи на конной тяге 8–й отдельной

стрелковой бригады, а ныне известный ленинградский поэт Михаил Дудин, — мы смотрели на своих командиров после первого боя. Он был жестоким, этот бой. Врагу даже удалось прорваться через передний край, но редким солдатам удалось вернуться обратно, на свою сторону. Мы не зря потрудились, не зря полили своим потом каждый клочок земли. Оборона оказалась на редкость основательной, и у нас не было почти никаких потерь. Мы обрели уверенность в том, что нас сковырнуть с полуострова нельзя»[27].

Так началась еще одна славная страница летописи Краснознаменного Балтийского флота — героическая оборона Ханко.

В ту же ночь противник сделал попытку овладеть островом Кро- кан, но и там его ждала неудача. Проведя ряд артиллерийских обстрелов территории базы, в которых участвовали иногда броненосцы береговой обороны, через неделю противник повторил атаку на главном направлении и снова вынужден был отойти с большими потерями. Основная тяжесть боя легла на 270–й стрелковый полк полковника Н. Д. Соколова. У этого полка славная история. Боевое крещение он получил еще в 1918 году под Псковом. Командовал им тогда легендарный Ян Фабрициус. Не имели успеха попытки противника прорвать оборону и в последующие дни.

Ежедневно враг выпускал по полуострову тысячи снарядов и мин, бомбил жилые дома и казармы с воздуха, высаживал десанты, пытаясь сузить зону базы, но гарнизон Ханко не только защищался, но и наступал сам, нанося врагу потери.

В первых числах июля мне позвонил бригадный комиссар А. Л. Рас- скин:

— Среди личного состава наблюдается небывалый подъем. Поступило более тысячи заявлений о приеме в партию. Ханко превращен в неприступную крепость.

Это были не только слова. Личный состав гарнизона построил до

5 августа 227 дзотов, 327 убежищ, 128 укрытых артиллерийских позиций, 74 командных пункта, 245 укрытий для машин, 32 — для самолетов. Все, что представляло ценность для обороны, было защищено. Земля и гранит укрыли людей, и интенсивные обстрелы врага стали, можно сказать, безрезультатными. На линиях обороны воины поставили десятки тысяч противопехотных и противотанковых мин.

Была разрешена проблема укрытия больных и раненых. Инженеры — фортификаторы базы — начальник инженерной службы С. Е. Киселев, его помощники в содружестве с хирургом

А. С. Коровиным и терапевтом П. П. Белоголовым предложиил соорудить подземный госпиталь. Командование базой — С. И. Кабанов и А. Л. Рас- хкин — мобилизовали людей, средства, материалы. Котлованы рыли круглосуточно, не считаясь с артиллерийскими обстрелами и налетами авиации врага. Рядом с красноармейцами и краснофлотцами работали врачи, медицинские сестры и санитары. 28 дней продолжалось строительство двух подземных хирургических отделений, несколько позже — еще одного. Хирурги обрели возможность работать в спокойной обстановке. (Опыт создания подземного госпиталя был использован и на Лавенсари в 1942 году.)

Инженерные сооружения полуострова и особенно укрытия для личного состава и материальной части явились основой устойчивой обороны гарнизона.

В июле я выбрал время побывать на Ханко. Ознакомился с положением дел и приказал командиру базы активизировать боевые действия — не ограничиваться обороной, высадить десант и захватить несколько близлежащих островов с тем, чтобы улучшить обстановку вокруг базы. Еще до моего прибытия были высажены тактические десанты на острова Хорсен, Кугхольм, Старкерн.

В первом броске шли бойцы зенитной батареи лейтенанта Н. Титова. Умело используя поддержку артиллерии и авиации, они с малыми потерями выбили противника с Хорсена. Первым на остров высадился Титов со своими бойцами Шмелевым, Зайченко, Дубининым и Войтовым. Удар был стремителен. Через четверть часа они вступили на Кугхольм. Потом был освобожден от противника и остров Старкерн.

Для новых десантов штаб базы разработал план захвата ближайших к границе Ханко восточных островов. Был создан более крупный отряд под командованием капитана Б. М. Гранина.

Генерал С. И. Кабанов обладал удивительной способностью подбирать людей. Он умел находить командиров, которые наилучшим образом могли справиться с заданием. Так он выбрал и Гранина, о котором знал еще со времени войны 1939/40 года, когда тот командовал лыжным батальоном.

Борис Митрофанович Гранин в героические дни обороны Ханко стал командиром десантного отряда. В состав отряда входили добровольцы: бойцы береговой базы подводников, катерники, саперы, железнодорожники, пограничники. Ему предстояло овладеть в первую очередь островами Хесте, Лонгхольм, Вракхольм, Грислом. Взаимодействуя с летчиками и артиллеристами, десантники заняли почти два десятка островов.

Смелость гранинцев не знала границ. Они высаживались на

скалы, взрывали укрепления, совершали вылазки в глубокий тыл врага. Действия десантников отличали героизм и удаль. Сержант Юрченко, несмотря на то, что был ранен, огнем и штыком уничтожил в бою несколько фашистов; старший сержант Нечипоренко с группой бойцов окружил вражеский лагерь и захватил 14 пленных; снайпер Исаков уничтожил 118 вражеских солдат и офицеров; на острове Эльмхольм 32 человека в течение девятнадцати часов отбивали атаки трехсот солдат и офицеров противника.

Через неделю была освобождена от врага новая группа островов. На этот раз десантом командовал подполковник Н. С. Кузьмин. Правда, бой за остров Хесте был очень трудным.

Вместе с десантниками мужественно сражалась за Ханко авиационная часть под командованием майора А. В. Ильина в составе авиационных эскадрилий истребителей майоров Л. Г. Белоусова и М. Т. Леоновича. На самолетах И-153 и И-16 летчики под артиллерийским обстрелом поднимались в воздух и вели разведку, бомбардировали аэродромы и корабли противника, поддерживали штурмовкой м обстрелами (передний край обороны, прикрывали базу с воздуха.

Авиаторы Ханко еще до начала обороны отлично проявили себя в боях. 24 июня 1941 года капитан А. К. Антоненко сбил в районе Таллина фашистский самолет «Ю-88», положив начало боевому счету флотских истребителей. 3 июля боевые друзья летчики — истребители А. Антоненко и П. Бринько в воздушном бою над Ханко сбили два финских самолета «Бристоль — Бульдог». Довольно часто праздновали они победу над врагом и в последующие дни. 15 июля Военный совет флота поздравил их с присвоением звания Героя Советского Союза.

Враг пытался всеми силами вернуть острова вокруг базы и сжать кольцо окружения, но каждый раз встречал сильное противодействие и отходил на исходные позиции с большими потерями.

Около двух часов ночи 16 августа противник открыл интенсивный огонь по островам Хорсен, Эльмхольм и Гуннхольм и, пользуясь темнотой, на моторных шлюпках начал высадку на Эльмхольм и Гуннхольм. Попытка высадиться на Гуннхольм не увенчалась успехом, на Эльмхольме врагу удалось зацепиться. Командир взвода, защищавшего этот остров, лейтенант Швецов, погиб. Высадившись, противник начал усиливать свой гарнизон. Ему мешала наша истребительная авиация, штурмовавшая плавсредства и войска, а к исходу дня удалось под сильным огнем береговой артиллерии перебросить на остров усиленную роту, которая при поддержке кораблей разгромила противника.

Враг потерял здесь до 200 человек. Отлично руководил бойцами заменивший Швецова старший сержант Левин. К моменту высадки нашей роты их оставалось всего шестеро, но они сумели сохранить плацдарм, удержали оборону. 27 июля Главное командование Северо — Западного направления послало в адрес командования Ханко телеграмму: «Начавшаяся Великая Отечественная война показала, что за истекший период бойцы, командиры и политработники военно — морской базы Ханко являли собой образец настоящих большевиков и патриотов социалистической Родины, честно и беззаветно выполняющих свой долг. Отдаленные от основных баз, оторванные от фронта, в тяжелых условиях и под непрекращающимся огнем противника, храбрые гангутцы не только смело и стойко держатся и обороняются, но и смело наступают и наносят белофиннам ощутительные удары, захватывая острова, пленных, боевую технику, секретные документы.

Ваша активность — хороший метод обороны. Смелость и отвага гарнизона — лучший залог успеха в окончательной победе над врагом. Передайте героическим защитникам базы от Главного командования Северо — Западным направлением нашу благодарность и искреннее восхищение их мужеством и героизмом. Главком Ворошилов, Жданов»[28].

В середине августа Военный совет флота поздравил С. И. Кабанова с награждением орденом Ленина, а А. Л. Расскина орденом Красного Знамени. Ряд защитников Ханко был награжден орденами и медалями Советского Союза.

Телеграмма Главного командования, награды воодушевили бойцов и командиров. Стойкость и упорство соединений и частей в обороне росли. Этому способствовала проводимая командирами и политработниками партийно — политическая работа. Личный состав гарнизона был хорошо осведомлен о целях Великой Отечественной войны, защиты базы. Военком базы бригадный комиссар А. Л. Расскин, начальник ее политотдела полковой комиссар П. И. Власов, военком стрелковой бригады полковой комиссар Е. П. Романов многое сделали для повышения морального состояния воинов. Сами бывали в частях, проводили собрания партийного и комсомольского актива. Несмотря на тяжелые условия обороны, партийная организация непрерывно росла. 4000 защитников Ханко вступили в ряды Коммунистической партии. В комсомол было принято свыше 1000 человек. Некоторые подразделения целиком состояли из коммунистов и комсомольцев.

На Ханко выходили газеты «Красный Гангут» и «Защитник Родины». В часы затишья проводились беседы, выступали

коллективы художественной самодеятельности. Много веселых минут бойцам доставляли листовки с карикатурами художника Бориса Пророко- ва, очерки и статьи В. А. Рудного, стихотворные подписи красноармейца Михаила Дудина.

В конце августа на всех участках обороны наступило затишье. Противник отвел в тыл дивизию, предназначенную для штурма базы, заменив ее меньшей по численности воинской частью. Но это не означало, что вести оборону станет легче, наоборот, положение базы после отхода флота из Таллина резко усложнилось, она оказалась в окружении. Командование базы докладывало Военному совету флота: «Получили новую обстановку. Делаем все для круговой обороны. Запасы на учете. С 1 сентября сокращены нормы пайка — растягиваем на длительный срок. Несмотря на трудности снабжения, задачу выполним. Кабанов, Расскин».

Задача, о которой они говорили, вытекала из значения военно- морской базы как передовой позиции, прикрывающей дальние подступы к Ленинграду. Как раз в эти дни шли самые тяжелые оборонительные бои под его стенами. Ханко и остров Осмуссар оставались нашими единственными форпостами в устье Финского залива. И пока мы владели ими, вход для вражеских кораблей в залив был закрыт.

В октябре финское командование передало по радио обращение Маннергейма к защитникам Ханко с предложением капитулировать. Ответ был написан в духе известного письма запорожцев турецкому султану. Борьба гарнизона базы продолжалась с неослабевающей силой.

Приближалась зима. С появлением льда фронт обороны значи тельно увеличивался, требовалось больше войск и огневых средств. Между тем пополнять их было не из чего. Защитники вынуждены были ввести так называемые «дни молчания», когда даже снайперы не стреляли.

7 ноября 1941 года Ставка Верховного Главнокомандования дала указание эвакуировать гарнизон. В последнем политдонесении военкома и начальника политотдела военно — морской базы говорилось: «164 дня продолжалась оборона полуострова Ханко. Не- мецко — финское командование устанавливало различные сроки взятия Ханко. На подступах к Ханко было сбито более 50 самолетов, повреждено и уничтожено несколько боевых кораблей. Не менее четырех тысяч солдат были убиты. Захвачено у врага 17 островов. Вокруг полуострова противник сосредоточил до 14 стационарных батарей всех калибров, 18 полевых и 15 зенитных. Было выпущено по территории базы до 500 тысяч снарядов и мин. И ничто не

сломило боевого духа гангутцев».

«Правда» в те трудные осенние дни, когда враг стоял у стен столицы, назвала подвиг гангутцев беспримерной и неслыханной в истории борьбой советских людей, о стойкости которых народ будет слагать легенды.

# ГЛАВА 4. НА ЛЕНИНГРАДСКОМ НАПРАВЛЕНИИ ТРЕВОЖНО

> Все силы — на помощь сухопутным войскам. Корабли ставят минные заграждения. Балтийские летчики громят врага на суше. Железнодорожная артиллерия в боях за город Ленина. Враг остановлен. Контрбатарейная борьба — задача № 1 морской артиллерии. «Максим Горький», «Марат», «Петропавловск» вышли на позиции в торговый порт.

Шел июль 1941–го. Немецко — фашистские войска продолжали наступать через Прибалтику в направлении Ленинграда. Разведывательные части врага показались уже на южной границе Эстонии и около Пярну.

«В связи с неудачным исходом операций начального периода войны, большими потерями и вынужденным отступлением советских войск главная задача Красной Армии в начале июля 1941 г. заключалась в том, чтобы ликвидировать огромные бреши, образовавшиеся в стратегическом фронте, и противопоставить противнику на главных направлениях сплошной и устойчивый фронт обороны. Вначале Ставка рассчитывала решить эту задачу силами войск первого эшелона, что (Позволило бы ей закончить сосредоточение выдвигавшихся из глубины страны резервов и использовать их для контрнаступления. Но уже в конце июня советское командование пришло к выводу, что войска первого эшелона, понесшие в приграничных сражениях, особенно на северо — западном и западном направлениях, большие потери, не смогут остановить врага и что эту задачу придется выполнять войскам второго эшелона, которые к этому времени развертывались на линии Нарва — Псков — Полоцк — река Днепр — Херсон. Этот выгодный естественный рубеж, усиленный на некоторых участках инженерными сооружениями, представлял серьезную преграду для наступавшего противника. Здесь советское командование и решило дать отпор немецким войскам и остановить их.

Полностью решить эту задачу Красной Армии не удалось. Однако к исходу третьей недели войны Советские Вооруженные Силы, несколько оправившись от первых потрясений, вызванных внезапным нападением фашистской Германии на СССР, сумели на время стабилизировать фронт вдоль южных границ Эстонии, остановить немецкие войска на реке Луге, задержать с помощью

подошедших резервов на рубеже рек Западная Двина и Днепр стремительное продвижение фашистских лолчищ в центре советско — германского фронта и организовать отпор вражеским войскам на линии старых пограничных укреплений на Украине.

В условиях исключительно неблагоприятно начавшейся войны это был определенный успех Красной Армии, свидетельствовавший о величайшем мужестве и стойкости ее воинов, о ее огромных возможностях и способности даже в самых тяжелых условиях противостоять сильному и опытному врагу. Однако окончательно остановить продвижение противника в той невероятно трудной обстановке, которая складывалась на фронте в первой половине июля 1941 г., было чрезвычайно трудно…

В соответствии со. сложившейся обстановкой и решениями советского Главного Командования, принятыми в начале июля, Генеральный штаб и командование фронтов разрабатывали планы предстоящих оборонительных и частных наступательных операций, производили необходимую перегруппировку сил»[29].

Военный совет, штаб, политуправление Балтийского флота оставались в главной базе — столице Эстонской ССР Таллине. Здесь же находилась большая часть надводных и подводных кораблей. События заставили нас начать энергичную подготовку Таллина к обороне.

Занимаясь этим, мы не выпускали из поля зрения и то, что происходило в других районах театра. Предметом особой заботы стала подготовка к обороне города Ленина, которая начала развертываться с первых чисел июля в связи с быстрым продвижением немецко — фашистских армий. Конечно, флот играл в осуществлении оборонительных мероприятий не главную роль — это входило в обязанности, прежде всего, командования Северного фронта — бывшего Ленинградского военного округа. Но нам было небезразлично, что происходило в Ленинграде.

Округом, а затем фронтом командовал генерал — лейтенант Мар- киан Михайлович Попов, с которым мы имели тесный контакт в практической работе в предвоенное время и поддерживали связь в ходе боевых действий в начале войны. Ленинградский военный округ простирался от Мурманска до старой государственной границы по реке Нарова и Карельскому перешейку западнее Выборга.

До войны оперативных задач на южном направлении округ не имел, так как перед ним находился приграничный Особый Прибалтийский военный округ, переименованный с началом войны в Северо — Западный фронт под командованием генерала Ф. И. Кузнецова. Однако прорыв фашистскими армиями обороны на ряде участков Северо — Западного фронта вынудил Северный

фронт срочно развернуть оборону на новом Юго — Западном операционном направлении.

Враг подходил к территории Ленинградской области. Войска 11–й армий Северо — Западного фронта под командованием генерала П. П. Собенникова в первых числах июля вели тяжелые оборонительные бои восточнее Пскова — Пушкинские Горы — Опочка по рекам Великая и Череха. Большинство ее дивизий дрались с немцами с первых дней войны и были сильно ослаблены. Столь же силыно ослабленная 8–я армия этого фронта вела тяжелые оборонительные бои на пространстве от Рижского залива до Чудского озера.

4 июля генерал М. М. Попов получил приказ Ставки о создании глубокой обороны на подступах к Ленинграду с юго — запада. Ставка предлагала, в частности, укрепить оборонительную полосу по реке Луга, создать Красногвардейский укрепленный район на подступах к городу. Военный совет Северного фронта создал Лужскую оперативную группу под командованием генерала К. П. Пядышева. Она была сформирована из отведенных ранее с фронта стрелковых дивизий, дивизий народного ополчения, военных училищ, учебных артиллерийских частей.

Ленинградская партийная организация совместно с Военным советом фронта сформировала и вооружила армию добровольцев, численность которой достигла 160 тысяч человек. Из ополченцев были сформированы несколько стрелковых дивизий, много артиллерийско — пулеметных батальонов, партизанских полков, маршевых батальонов. Городской комитет партии в течение первых трех месяцев войны провел одиннадцать партийных мобилизаций. В дивизии, стоявшие у стен Ленинграда, в качестве политбойцов ушло 10400 коммунистов. В народное ополчение в полном составе ухо» дили партийные организации предприятий и учреждений. Всего в армию Ленинград направил свыше 65 тысяч партийцев. Высокое сознание своего долга проявили женщины города Ленина. Около 32 тысяч ленинградок стали дружинницами и медицинскими сестрами на фронте.

По призыву Военного совета ленинградцы день и ночь возводили оборонительные сооружения. В сжатые сроки было вырыто около 700 километров противотанковых рвов, сделано 300 километров лесных завалов, построено свыше 5000 дзотов и дотов, установлено более 635 километров проволочных заграждений. Ежедневно работало до 225 тысяч человек, иногда под артиллерийским обстрелом, под бомбежками, подчас откладывая лопату и берясь за винтовку.

В создании жесткой инженерной обороны на подступах к

Ленинграду активное участие принимали военные моряки — артиллеристы и кораблестроители. Инженер капитан 1 ранга А. А. Жуков, инженер капитан — лейтенант П. Г. Котов, капитан 1 ранга П. А. Скут- ский предложили использовать для создания артиллерийских и пулеметных огневых точек в Красногвардейском укрепленном районе корабельные броневые плиты. Их инициативу поддержали

А. А. Жданов и А. А. Кузнецов.

Для реализации предложения военных моряков была создана оперативная группа из сорока человек. Хотя все они были специалистами другого профиля и никогда до этого дотов не строили, за работу взялись с энтузиазмом. Проектная группа под руководством инженера капитана 1 ранга Н. Н. Лесникова в содружестве с фронтовыми инженерами и артиллеристами в короткий срок разработали семнадцать типов сборных сооружений для защиты артиллерийских и пулеметных установок. Созданные ею доты были предельно просты по конструкции, что позволяло организовать их массовое строительство в сложных условиях и, что было важно, в сжатые сроки.

В то же время они обеспечивали круговую броневую защиту и максимальные углы обстрела, легко перевозились, быстро монтировались. Изготовлялись детали сооружений на судостроительных и других заводах города. Только в августе было изготовлено и установлено около 80 броневых артиллерийских и пулеметных колпаков, а к концу года на Пулковских высотах, например, насчитывалось около 600 бронированных точек. Строительство броневых укреплений нередко велось под огнем противника. Сооружать их строителям помогали рабочие — такелажники ленинградского треста «Стальконструкция». Так, в грозные дни войны военные моряки, монтажники, такелажники, рабочие судостроительных и других заводов прикрыли «борта» Ленинграда броней, которую враг так и не смог пробить.

Обороне Ленинграда были подчинены наши главные заботы и на море. Я уже упоминал, что в начале войны мы создали сильную минно — артиллерийскую позицию в устье Финского залива. Эта позиция сыграла свою роль, противник даже не делал попыток ее форсировать. Однако по мере того как фашистская армия продвигалась к Ленинграду, эта позиция оставалась в глубоком вражеском тылу, и нам приходилось задумываться над оборудованием дополнительных позиций в средней и восточной частях залива.

В служебном дневнике начальника германского генерального штаба сухопутных сил генерал — полковника Гальдера есть

запись за 30 июня: «Фюрер подчеркнул: задача овладения Финским заливом является первостепенной, так как только после ликвидации русского флота станет возможным свободное плавание по Балтийскому морю (подвоз железной руды из Лулеа). Захват русских портов с суши потребует три — четыре недели. Лишь тогда подводные лодки противника будут окончательно парализованы. Четыре недели означают 2 млн. тонн железной руды»[30].

В июле появилась угроза проникновения кораблей врага в залив в обход флангов минного заграждения, поставленного в его устье. Теперь уже в средней части залива велись усиленное наблюдение и разведка. Было решено создать тыловую минно — артиллерийскую позицию в этом районе. На Гогланде, Лавенсари, Большом Тютерсе полным ходом развернулась установка береговых батарей на временных деревянных основаниях. Военный совет флота дал одному из самых опытных в минном деле флагманов контр — адмиралу Ю. Р. Раллю директиву — в кратчайшие сроки оборудовать еще одну минно — артиллерийскую позицию в восточной части Финского залива.

Постановку минных заграждений у Гогланда начали 2 июля эскадренные миноносцы «Стерегущий» и «Калинин» и базовый тральщик «Бугель». Однако темп постановки был недостаточно высоким. Пять дней спустя я приказал сформировать специальное соединение под названием «Восточная позиция». В его состав вошли минные заградители «Марти» и «Урал», эсминцы ««Калинин», «Стерегущий», «Сметливый», «Стойкий», «Сильный», сторожевые корабли «Циклон», «Пурга», учебный корабль «Ленинградсовет», тральщики «Дзержинский» и «ˆМенжинский», сетевые заградители «Витка» и «Онега», гидрографический корабль «Норд», испытательное судно «Инженер», дивизион морских охотников и два дивизиона катерных тральщиков. Периодически соединение усиливалось эскадренными миноносцами. Командовал соединением контр — адмирал Ю. Ф. Ралль, заместителем по политчасти, а затем и военкомом был назначен полковой комиссар Р. В. Радун, начальником штаба — капитан 1 ранга В. П. Александров. Активное участие в минных постановках принимали корабли Кронштадтской военно — морской базы. Всего в этом районе было поставлено несколько тысяч мин и минных защитников, преградив путь вражеским кораблям.

30 июля я доложил Народному комиссару ВМФ:

— «Восточная позиция» свою задачу выполнила, ее расформировали и все корабли передали в Кронштадт контр — адмиралу

В. И. Иванову. В целях создания единого руководства планированием и учетом постановок активных и оборонительных минных заграждений, тральным обеспечением просим утвердить наше решение о сформировании управления «Минной обороны» Балтийского моря в составе бригады траления и отряда минных и сетевых заградителей. Назначить командование: Ралль, Александров, Зубенко.

Народный комиссар согласился.

В начале августа противник возобновил наступление на суше на нескольких направлениях. Командующий Северным фронтом, предполагая возможный прорыв кораблей противника, потребовал от нас дооборудовать Гогландскую и тыловую позиции, развить их и, если потребуется, дать на этих позициях бой. Мы решили на тыловой позиции дополнительно оборудовать три оборонительных рубежа: передовой, главный и дополнительный.

После тщательной разработки плана минных постановок Военный совет флота возложил эту задачу на командира Кронштадтской военно — морской базы контр — адмирала В. И. Иванова, который

22 августа приступил к ее выполнению. Здесь были выставлены тысячи контактных мин и минных защитников. Позиции прикрывали ближние подступы к Ленинграду с моря и создавал большую устойчивость базирования наших кораблей в восточной части залива.

Никто из нас, руководителей флота, не предполагал, что Кронштадтская военно — морская база, занимавшая тыловое положение, окажется в короткий срок после начала войны на переднем крае боевых действий. (Поэтому, естественно, мы не готовили территорию базы и ее объекты к решению сухопутных оборонительных задач.

Но приближение вражеских войск к Ленинграду заставило нас осуществить, не ожидая указаний сверху, ряд срочных мер по подготовке сухопутной территории базы к обороне. В оперативной зоне базы находилась мощная береговая артиллерия, прикрывающая подступы к Ленинграду с моря, в составе трех секторов: Кронштадтского, Выборгского и Гогланддшго. Она насчитывала сотни стволов от 305 до 45–миллиметрового калибра. Секторы подчинялись командиру базы.

В связи с усложнившейся обстановкой на фронте для более надежного управления и лучшего использования артиллерии Военный совет флота разделил Кронштадтский сектор береговой обороны на три самостоятельных сектора; Лужский, Ижорский и Кронштадтский.

Лужскому сектору, которым командовал генерал — майор Н. Ю. Де- нисевич, были переданы: 21–й артиллерийский дивизион, а также отошедшие с запада железнодорожные батареи № 11, 12, 18, а несколько позже бронепоезд № 301, 2–я отдельная бригада морской пехоты под командованием майора Н. С. Лосякова. Кроме этого сектору придавались отдельный железнодорожный и различные другие батальоны и части. В июле коменданту сектора были подчинены канонерские лодки «Красное Знамя» и «Волга» капитана 2 ранга А. Е. Шомракова. На территории сектора базировались основные части бомбардировочной, штурмовой и истребительной авиации флота.

Лужский сектор, как самый западный, охватывал большой участок вдоль побережья Нарвского залива и Лужской губы.

Перед его командованием была поставлена задача оборонять побережье от возможной высадки десанта и, главное, взаимодействовать с отходившими войсками, оказывая им огневую и авиационную поддержку.

Комендант сектора наметил рубежи обороны; заблаговременно привлекая местное население, организовал строительство оборонительных сооружений. Рубежи были заняты частями сектора, они прикрыли отход наших войск на этом направлении. Оборона велась по линии берег Нарвского залива — Дом рыбаков — Ропша — р. Мерт- вица — р. Рассонь — Ольховый ручей — Струппово — правый берег р. Луги. Содействуя войскам 8–й армии Северного фронта, части сектора прикрывали важнейшее приморское направление и Котлы— Крупный авиационный центр флота. На приморском направлении еще до войны был флотский укрепленный район, так называемый «Пост 20», состоявший из системы долговременных сооружении^ Используя его, генерал Денисевич надежно прикрывал фланг отступавших войск, поддерживая их огнем батарей и кораблей.

В Ижорскийу укрепленный сектор входили мощная стационарная дальнобойная, береговая артиллерия на фортах «Серая Лошадь» и («Красная Гоака», объединенная школа младших специалистов береговой обороты, запасный полк береговой обороны и несколько зенитных артиллерийских полков.

Командование сектора создало 13 новых четырехорудийных батарей, укомплектовало и на временных деревянных основаниях поставило их на выгодных позициях против наступающих войск врага в деревнях Устье, Долгово, Калище, Пениках. Задачей Ижорского сектора была оборона побережья залива от возможных вражеских десантов на участке мыс Калгампя — Ораниенбаум и содействие войскам, отходившим под давлением превосходящих

сил противника.

Командовал сектором Подготовленный, имевший большой практический опыт артиллерист комбриг П. И. Лаковников. Я хорошо знал этого энергичного, инициативного командира. Павел Иванович в первую мировую войну служил на Балтийском флоте артиллерийским унтер — офицером на крейсере «Диана». В 1918 году он вступил в ряды Коммунистической партии, принимал активное участие в гражданской войне на Азовском и Черном морях. По окончании высших артиллерийских курсов армии и соединенных классов флота Лаковников служил в должности артиллерийского начальника в военно — морских базах, затем в штабе Черноморского флота. С 1935 по 1938 год Павел Иванович — начальник береговой артиллерии Северного флота, перед войной он прибыл на Балтику, был комендантом береговой обороны сначала Кронштадтского, а затем Ижорского укрепленного сектора. В этой должности и застала его Великая Отечественная война.

Знающими, толковыми военными руководителями были военком Ижорского укрепленного сектора полковой комиссар Г. М. Яичников, начальник штаба майор Н. И. Щукин, начальник артиллерии майор Е. А. Проскурин. До отступления наших войск из Эстонии они успели проделать огромную работу по превращению территории сектора в неприступный оборонительный плацдарм, взять который противник не смог до последнего дня блокады Ленинграда. Весь личный состав сектора понимал, что есть приказ Родины, приказ Ленинграда — выстоять, сознавал, что потеря этого важного плацдарма, его морских фортов может стоить жизни тысячам и тысячам защитников Ленинграда и Кронштадта и готов был стоять насмерть, защищая каждую пядь родной советской земли.

«Сложные и трудные задачи стояли в те дни перед нами, командирами, политработниками соединений и частей сектора, пишет в письме ко мне военком сектора Г. М. Яичников. — Нужно было вселить людям уверенность в силу советского народа и его возможностях разгромить врага. Большую работу в этиу условиях провел политотдел сектора во главе с полковым комиссаром А. В. Медведковым. Под руководством политотдела командиры, комиссары, партийные и комсомольские организаций проводили очень большую работу по разъяснению личному составу характера и целей войны, задач советского народа и Вооруженных Сил Родины. Своим личным примером командиры и / политработники воодушевляли моряков на подвиги. Работники политотдела много времени проводили в частях морской пехоты, ратареях сектора, особенно хочу отметить батальонного

комиссара М. В. Белова, старшего политрука С. Л. Березнякова, батальонного комиссара Н. А. Краснова…»

Вскоре после начала войны командование сектора провело тщательную рекогносцировку местности, определило рубеж обороны, который проходил по реке Коваши — Калище — Крваши — Шишкино — Ломоносово до Усть — Рудицы и далее ро реке Черная через Шишелево до Порожки, выдвинуло на этоˆ рубеж объединенную школу младших специалистов береговой обороны и приступило к созданию оборонительных сооружений. До конца июля их строительство шло медленно, лишь после вмешательства А. А. Жданова сектор был включен в систему Красногвардейского укрепленного района и получил рабочую силу, около 20 тысяч человек из местного населения. На линии обороны было построено 35 дотов и дзотов, около 35 артиллерийских позиций, 45 километров противотанковых рвов, минных полей и других сооружений. Был составлен план использования артиллерии и созданы наблюдательные пункты. Как только наши отходившие войска достигли старой государственной границы, комендант сектора наладил связь с командующим 8–й армией и все свои действия координировал с его штабом.

Используя отошедший с запада бронепаровоз, комендант сектора сформировал бронепоезд «За Родину», который под командованием капитана В. Г. Кропачева в августе — сентябре 1941 года неоднократно появлялся там, где его не ожидал противник, и наносил ему чувствительные удары.

Сектору была передана, состоящая из краснофлотцев эскадры, береговой обороны и других частей флота 5–я бригада морской пехоты под командованием сначала майора В. Ф. Райкова, а затем полковника В. К. Зайнчковского (военком полковой комиссар И. М. Соколов).

Командир бригады, в прошлом командир стрелкового кронштадтского полка, прекрасно знал район боевых действий. Бригада усиливала боевой состав сектора, создавая большую плотность и возможность обороны плацдарма. Подготовив заранее оборонительные рубежи в районе Котлов, бригада вела здесь ожесточенные сдерживающие бои с противником, не давая возможности фашистам выйти к Финскому заливу и тем самым отрезать отходившие части 8–й. армии.

Главные события развертывались в это время непосредственно на Лужском направлении. Противник сосредоточил здесь значительную группировку своих войск и авиации. Именно здесь фашистское командование намеревалось прорвать нашу оборону, чтобы затем развивать наступление к невским берегам. Успех на этом направлении позволил бы врагу

выйти к побережью Финского залива, где находилась значительная часть флотских аэродромов с базировавшейся на них бомбардировочной и штурмовой авиацией. 10 июля противник возобновил наступление 41–го моторизованного корпуса. Вслед за ним подтягивались главные силы 18–й армии, которая направлялась вдоль восточных берегов Псковского и Чудского озер.

Авиация флота к этому времени находилась в очень трудном положении. Военно — морские базы Таллин, Ханко, острова Моонзун- да, Кронштадт, Ладога требовали надежного прикрытия истребителями, ПВО Ленинграда также нуждалась в активном ее участии. На территории Эстонии! оставалась авиагруппа, возглавляемая полковником Петрухиным, «а островах Моонзунда и на Ханко были свои авиагруппы. Но основная авиагруппировка флота находилась на аэродромах Ленинградской области, возглавляемая командующим авиацией флота генералом М. И. Самохиным.

Подход противника к рубежам реки Луга заставил почти целиком переключить на помощь нашим сухопутным войскам флотскую авиацию. Авиационная поддержка флота (около 350 самолетов) была существенной, так как Северо — Западный фронт имел всего 102 исправных истребителя.

Балтийские летчики авиабригад, полков, эскадрилий Н. К. Логинова, А. Ф. Морозова, М. А. Курочкина, А. Ф. Бартновского точно выполняли приказы фронтового командования, день и ночь наносили массированные удары по танкам и пехоте противника, движущимся на Ленинград. Серьезный урон был нанесен колоннам 4–й танковой группы врага в районе станции Дно, на Псковском и Островском направлениях. «126 истребителей флота штурмовали танки противника у Ивановского; 42 МБР-2 бомбили огневые позиции батарей на Сантио — Мустаммаа; 39 МБР-2 — мотоколонны в районе Сабека — Осьмино; 44 МБР-2 — танки у озера Долгое; бомбардировщики днем 14 и ночью 15 июля совершили около 200 боевых вылетов для бомбежки танков у станции Веймарн». Так записано в журнале боевых действий флота.

Летчики 8–й бомбардировочной и 61–й авиационных бригад производили по четыре — пять боевых вылетов в день. 11 июля наши торпедоносцы и бомбардировщики в районе Порхова нанесли в короткий срок три удара по одной из механизированных колонн противника. Несмотря на сильное противодействие фашистов огнем зенитных автоматов и истребителями, наши самолеты делали по нескольку заходов на цель. В боях здесь особо отличилась экипажи тяжелых

бомбардировщиков — торпедоносцев Гречшлникова, Уварова, Плоткина, Дроздова, Сыромятникова, Пяткова, Иванова, Карлова, Тужилкина, Косова. В этом же районе 14 июля авиация флота нанесла 10 ударов по колоннам противника, враг понес большие потери.

Во второй половине июля флот получил самолеты ЙЛ-2. Из них была сформирована первая авиационная эскадрилья под командованием прославленного летчика капитана Барабанова. Появление у русских самолетов нового типа было для фашистских войск неожиданностью. Самолеты ИЛ-2 приносили врагу ощутимые потери. Не раз командиры общевойсковых частей, к интересах которых действовали штурмовики, объявляли нашим летчикам благодарность.

Не менее важной задачей в это время являлась разведка основных сухопутных коммуникаций, идущих на Ленинград. И эту задачу наши авиаторы выполняли с успехом.

Упорное сопротивление наших войск, поддержанных совместными действиями фронтовой и флотской авиации, сорвало реализацию планов немецко — фашистского командования относительно прорыва к Ленинграду на Лужском направлении. Не добившись здесь успеха, противник 13 июля перебросил 41–й моторизованный корпус на северо — запад, чтобы, наступая' через Ивановское, прорваться к Ленинграду через Копорское плато. Прорыв фашистских войск в районе озера Самро в направлении Ивановского и Сабека был своевременно обнаружен авиаразведкой флота. По ее данным, самолеты 8–й и 61–й авиационных бригад в течение нескольких суток день и ночь непрерывно атаковали войска противника.

В боях у озера Самро отличилось также немало балтийских летчиков. Росла слава известного уже летчика М. Г. Клименко. Прибыв в июле для продолжения службы в один из авиационных полков, он на следующий же день в паре с летчиком А. С. Потаповым и ведомым Н. Г. Степаняном вылетел на боевое задание. Звено штурмовиков появилось над противником внезапно. Машина М. Г. Клименко перешла в пикирование, ведомые не замедлили последовать его примеру. После того как были сброшены бомбы на танки, пушечно — пулеметный огонь обрушился на пехоту. По самолетам противник открыл сильный огонь из зенитных автоматов, но умелый маневр летчиков, броня самолетов явились прочной защитой.

Днем в воздух поднимались тяжелые бомбардировщики и штурмовики, а ночью на задание вылетали самолеты МБР-2. Наносили удары и тяжелые торпедоносцы 1–го минно — торпедного полка. Однажды на торпедоносец, который вел

известный летчик В. А. Балебин, напало шесть фашистских истребителей. Это было над деревней Красные Шимы Осьминского района. Ее жители стали свидетелями неравного воздушного боя. Они видели, как один из истребителей врага камнем полетел на землю, но и наш тяжелый самолет начал терять высоту. Штурман Шпортенко и стрелок- радист Кравченко оказались убитыми. Балебину за несколько секунд до падения самолета удалось выпрыгнуть с парашютом и приземлиться в лесу. Ночью он вышел к деревне Красные Шимы, откуда местное население переправило его к партизанам, а от них летчик добрался до Ленинграда. Вскоре он снова был в родном полку. Позднее В. А. Балебин стал пионером свободных полетов торпедоносцев в море, непревзойденным мастером этого вида охоты. В 1943 году Василию Алексеевичу было присвоено звание Героя Советского Союза. К этому времени на его счету было несколько потопленных вражеских кораблей и транспортов. Командир миннoЛорпедного полка полковник Е. Н. Преображенский как-то рассказал мне о другом соколе — Василии Гречиш- никове. Этот летчик со своим штурманом Власовым обнаружил на шоссе колонну танков. Он атаковал ее, очень удачно сбросив бомбы. Гречишников вернулся на аэродром, доложил обстановку и попросил разрешения вылететь снова на выполнение боевой задачи. После короткого отдыха летчик второй раз бомбил танки врага. В последующие ˆни Гречишников снова был в небе. В один из вылетов на его самолет напали три Ю-88. Летчик Пошел в лобовую атаку, но враг уклонился от боя.

Еще случай. Самолет Гречишникова попал под сильный зенитный огонь. В плоскость машины угодил осколок снаряда. Моторы продолжали работать, но управление было нарушено. С трудом дотянув до аэродрома, Гречишников отлично посадил самолет с брешью в плоскости и десятком пулевых пробоин.

А вот что доложил мне в те дни командующий авиацией флота о подвиге летчика 1–го минно — торпедного полка капитана А. Е. Ефремова. Звено самолетов ДБ-3 под его командованием шло на удар по железнодорожным эшелонам под Псковом. В момент бомбежки самолет летчика Селиверстова был подбит вражеской зенитной артиллерией. Летчик, не дотянув до своего аэродрома, посадил машину на территории, занятой врагом. Ефремов сделал круг над местом посадки товарища, давая понять, чтобы он ждал помощи. Вернувшись на аэродром, Ефремов попросил у командира полка разрешения вылететь на санитарном ПО-2 к Селиверстову. Вскоре он был на месте. Втиснув в самолет четыре человека, Ефремов сделал до десятка попыток взлететь — велика была перегрузка. Наконец это ему

удалось.

В результате двухнедельных боев на этом направлении враг понес значительные потери и был вынужден изменить тактику — продвигаться по проселочным дорогам, что снижало темп наступления. О том, какую роль играла в этих боях наша авиация, можно судить по записи в служебном дневнике генерала Гальдера за 17 июля: «Главнокомандующий сухопутными силами вернулся из штаба группы армий «Север» и сообщил, что превосходство в авиации на стороне противника. Боевой состав наших соединений, действующих на фронте, резко сократился». Уместно здесь напомнить и несколько цифр, приведенных бывшим гитлеровским полковником Грефратом: «За период с 22 июня по 5 июля 1941 года немецкие ВВС потеряли 807 самолетов всех типов, а за период с 6 по 19 июля — 477. Несмотря на внезапность нападения, русские сумели найти время и силы для оказания решительного противодействия»[31].

10 июля 1941 года было сформировано главное командование Северо — Западным направлением: Главнокомандующий Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов, член Военного совета А. А. Жданов, начальник штаба генерал М. В. Захаров. При штабе Главнокомандующего была сформирована морская группа; адмирал И. С. Исаков назначен заместителем Главнокомандующего по морским делам. Балтийский флот сразу же подчинили К. Е. Ворошилову.

Главнокомандующий Северо — Западным направлением в своем приказе от 14 июля писал: «Над городом Ленина нависла прямая опасность вторжения врага. Всеми мерами приостановить дальнейшее вторжение врага на нашу территорию, драться с ним, не щадя сил и самой жизни, бить фашистских разбойников там, где они очутились. Наша земля должна стать могилой гитлеровскому фашизму».

Да, именно в эти дни под Ленинградом советские люди показали, что наша земля, придет время, станет могилой фашизму. Именно здесь, на подступах к городу Ленина наши войска, основательно потрепав фашистские дивизии, остановили их дальнейшее продвижение вперед. Это произошло на Лужском рубеже. Контратаки советских войск, поддержанные мощным артиллерийским огнем группы полковника Г. Ф. Одинцова, 2–й дивизией народного ополчения, курсантами пехотного училища имени С. М. Кирова под командованием полковника Г. В. Мухина, а под Ивановским и Сабском балтийскими летчиками, нанесли врагу тяжелые потери и заставили его отказаться на какое-то время от дальнейшего наступления, хотя плацдармы находились в его руках. Оборонительные сооружения, в короткий срок

воздвигнутые самоотверженным трудом сотен тысяч ленинградцев, оказались непреодолимыми для врага. Большую роль в боях сыграли также первые три дивизии народного ополчения, сформированные из трудящихся Ленинграда, мужественно боровшиеся бок о бок с частями Красной Армии.

Каждый новый день боев свидетельствовал о провале «молниеносной войны». Враг встречал сильнейшее сопротивление Советских Вооруженных Сил. Все чаще и чаще противник должен был не наступать, а организовывать оборону от контратак советских войск.

Получив отпор под Лугой, фашисты устремились на Нарву. Положение, здесь накалилось, немцы рвались вперед, пытаясь занять наши оборонительные сооружения и с ходу форсировать в нескольких, пунктах реку Нарова. Стала реальной угроза прорыва врага на восток по шоссе Нарва — Кингисепп. Теперь сюда была брошена йря авиация флота. Десять напряженных дней балтийские летчики наносили один за другим мощные удары по врагу.

Из Таллина в Нарвский залив для огневой поддержки обороняющихся войск вышел эсминец «Суровый» (командир капитан 2 ранга В. Ф. Андреев, руководитель стрельб капитан 2 ранга А. А. Са- гоян) в сопровождении сторожевых катеров «МО» и под прикрытием истребительной авиации. При корректировке огня с бронемашины, развернутой вблизи переднего края обороны, «Суровый» на предельных дальностях нанес ряд эффективных артиллерийских ударов по местам подготовки переправ и скоплениям мотомеханизированных групп и танков противника.

Командование 8–й армии дало высокую оценку эффективности огня эсминца. Была сорвана попытка противника форсировать реку Нарова в районе деревни Долгая Нива.

В последующие дни артиллерийскую поддержку войскам оказывали также канонерские лодки «Красное Знамя», «Волга», «Москва», «Амгунь», которыми командовал капитан 2 ранга Н. В. Антонов. Далее по ходу повествования мне придется еще не один раз говорить о канонерских лодках (их у нас было не мало, позже они стали как бы «линейными кораблями» на Ладоге), поэтому позволю себе небольшое отступление и, чтобы дать читателю представление о них, приведу письмо одного из командиров этих легендарных кораблей капитана 1 ранга запаса А. Е. Шомракова: «Канонерская лодка «Волга» была оборудована на Кронштадтском судоремонтном заводе из грунто — отвозной шаланды. Максимальный ход ее 8 узлов, вооружение — два 130–

миллиметровых орудия. Матросы, боцман, машинисты были взяты из экипажа шаланды. Комендоры и связисты присланы из запаса, самому младшему из них по возрасту было более сорока лет. Несколько человек участвовало в гражданской войне на Балтике. Помню, один из комендоров, Никонов, плавал в гражданскую войну на эсминце «Гавриил», он один из немногих спасшихся при его гибели. Кадровых офицеров на корабле было два: артиллерист и командир, остальные офицеры — вчерашние гражданские из экипажа этого же судна…»

Вот такими были канонерские лодки (кроме «Красного Знамени»). А вот что они делали: «Наш корабль, — пишет А. Е. Шомраков, — активно поддерживал огнем своих 130–миллиметровых орудий фланг войск 8–й армии (Нарвский залив). Ежедневно нас бомбили самолеты врага, нередко делали попытки обстреливать дальнобойные орудия противника. Случались и попадания, осколки рвущихся снарядов выводили из строя наших людей, но мы держались на своих прежних позициях. С наступлением темноты обычно отходили на север в пролив Хайлода, отдыхали, залечивали баны, а с рассветом снова шли на боевые позиции, на связь с корабельным корректировочным постом, находившимся в боевых пбрядках сухопутных войск, которые мы поддерживали. И так поЦти ежедневно, весь август.

Однажды я был приглашен на командный пункт 8–й армии. Командующий дал высокую оценку нашей поддержке, отметил мужество и храбрость краснофлотцев, которые находились в боевых порядках его армии. Это была, несомненно, героическая страница боевого корабля, (в короткий срок вооруженного, обученного самым элементарным способам маневрирования, но умело ведшего огонь в поддержку фланга наших войск».

…Все попытки фашистов форсировать Нарову и выйти на оперативный простор были отбиты. Под ударами советских войск и при поддержке авиации флота противник понес большие потери в Долгой Ниве, Карьяти, Омути. Наступление было приостановлено.

Героически дрались военные моряки на всех сухопутных рубежах, куда их посылал флот. Морские пехотинцы 2–й отдельной бригады в конце июля — начале августа с беззаветной храбростью отражали натиск врага в районе Хорошево — Ивановка. Здесь они сражались бок о бок с бойцами 2–й дивизии народного ополчения, в составе которой были рабочие — добровольцы с заводов «Электросила», «Красный путиловец» и («Красный треугольник». Командир дивизии с большой теплотой говорил о славных делах моряков.

В июле из Кронштадта направлялась на передовые позиции

4–я отдельная бригада морской пехоты. Командовал бригадой генерал- майор береговой службы Б. П. Ненашев, военкомом был назначен полковой комиссар М. П. Вайдо. Личный состав бригады рвался на фронт.

— Просим отправить нас на фронт, мы хотим отдать все' свои силы и знания для разгрома фашизма, — писали в своем рапорте братья Ивашкевичи, курсанты Валаамской школы боцманов.

— У меня четыре сына пошли на фронт, — заявил командованию старый балтиец Великотный, — теперь я сам становлюсь в ряды защитников Родины, чтобы бить фашистов.

Так писали и говорили многие балтийцы, не только бойцы 4–й отдельной бригады морской пехоты, на фронт просились сигнальщики, торпедисты, дальномерщики, минеры кораблей, курсанты учебных отрядов и школ, моряки отряда подводного плавания.

Бригада сосредоточилась на Шлиссельбургском рейде. Отсюда ее батальоны отправлялись на острова Лункулунсаари и Мантсинсаа- ри, Рахмассари и Коневец, где происходили жаркие боевые схватки. Несколько позже (в сентябре) морские пехотинцы были переброшены на правый берег Невы (Невская Дубровка), куда подошли передовые фашистские части, стремившиеся прорваться через Неву, чтобы встретиться с финскими войсками и замкнуть кольцо блокады вокруг Ленинграда. Как известно, кольца в то время не получалось: финские войска были остановлены стрелковыми дивизиями нашей 23–й армии при мощной поддержке артиллерии и авиации флота на рубеже реки Сестра. Свой вклад внесли и бойцы 4–й отдельной бригады морской пехоты, проявившие в боях героизм, доблесть и преданность своей Родине.

Добрым словом должен вспомнить наших железнодорожных артиллеристов, и прежде всего батарею № 12, особо отличившуюся в боях на дальних подступах к Ленинграду. Эта батарея уже в первые дни войны была переброшена с мыса Пакри сначала в Ижор- ский укрепленный район, затем под Новгород, а оттуда перешла в распоряжение начальника артиллерии Лужской оборонительной позиции. Отражая натиск врага на реке Луга, артиллеристы батареи умело использовали разветвленную железнодорожную сеть, удачно маскировались, меняли временные позиции и громили врага из своих дальнобойных орудий. Авиация противника усиленно охотилась за батареей. В ясный августовский день фашистским самолетам удалось сбросить тяжелые бомбы в непосредственной близости от орудийных транспортеров. Взрывная волна опрокинула орудийные площадки. Один из вражеских самолетов был сбит

пулеметным расчетом сержанта Ермолаева; сам сержант вскоре геройски погиб. Погибли командир взвода ПВО лейтенант Худушин, три краснофлотца, тринадцать человек были ранены…

О том, что было дальше, впечатляюще рассказывает в своем письме командир батареи, полковник запаса Григорий Иосифович Бар- бакадзе: «Взрывами бомб артиллерийские установки весом в 170 тонн, силовая станция, центральный пост и погреба с боеприпасами были завалены в воронки, а часть из них отброшена на несколько метров от железнодорожного полотна. Фронтовая железная дорога была выведена из строя.

Приказ, вскоре полученный из Москвы, гласил: движение по железной дороге должно быть восстановлено в течение шести часов. Но как убрать тяжелые подвижные орудийные транспортеры, вагоны с полотна за такое короткое время? Особую опасность представляли вагоны со снарядами, отброшенные на восемь-де- сять метров и упавшие вверх колесами. Осколочно — фугасные снаряды весом в 97,5 килограмма в то время еще снабжались особыми взрывателями, которые не имели походного крепления. По существующим инструкциям подобные снаряды, упавшие с высоты четырех метров, подлежали уничтожению путем подрыва. Узнав об этом, один из прибывших на место происшествия начальников приказал взорвать всю материальную часть и боеприпасы, расчистить путь и восстановить движение.

Нам стало не по себе. Не укладывалась в сознании мысль, что можно начисто взорвать 180–миллиметровые орудия с дальностью полета снаряда 38 километров да еще и с боеприпасами! И мы все, оправившись от неожиданности, принялись убеждать начальника не делать этого, что нам и удалось. Быстро силами красно флотцев батареи приступили к постройке обходного железнодорожного пути для восстановления движения в срок, чтобы спасти свои дальнобойные орудия. Снаряды решили обезвредить вручную, вывертывая взрыватели. Эту работу должны были выполнить, рискуя жизнью, смельчаки — добровольцы.

Алексей Васильевич Чернопятов, тульский оружейный мастер, знавший почти все виды оружия и боеприпасов, заявил мне:

— Лучше погибнуть при взрыве снарядов, спасая их, чем уничтожить своими руками. Я берусь за работу с взрывателями и обезвреживание снарядов.

Я верил, что Чернопятов сделает все возможное, чтобы сохранить боеприпасы для дальнейших боев, и разрешил произвести эту серьезную и крайне опасную работу. Была создана команда смельчаков из восьми человек во главе с Чернопятовым.

Помощником он взял своего воспитанника — старшину Федора Горбачева, также отлично знавшего многие виды боеприпасов, и командира отделения комендоров Самородова. Для выгрузки обезвреженных снарядов из вагонов — погребов были выделены комендоры Карпов, Смирнов, Бродов, Васильев и Поляков.

Чернопятов, Самородов и Горбачев, ежесекундно рискуя жизнью, вывертывали из снарядов взрыватели. Остальные, не чувствуя тяжести почти стокилограммовых снарядов, подхватывали каждый снаряд осторожно, как ребенка, несли в лес и бережно укладывали.

К слову, Чернопятов кроме отличного знания своей специальности, умел еще и хорошо петь. Не раз в кругу друзей он с чувством исполнял арию Ленского. И вот, готовя инструменты для обезвреживания драгоценных, но смертельно опасных снарядов, он хитровато взглянул на своих подчиненных и тихо, но многозначительно протянул:

— Что день грядущий мне готовит?

Горбачев заметил:

— Пойте уж «нам». — И засмеялся.

Крепко верили они, что грядущее принесет только победу!.С этим и приступили к делу. Установив сигнал связи с шестью комендорами, находившимися в глубокой землянке неподалеку от погребов с боеприпасами, приступили к опасной работе. Вскоре раздалось:

— Есть первый!

Комендоры подхватили и унесли первый обезвреженный снаряд.

И пошло, и пошло.

— Есть второй!

— Есть третий!

И наконец: — Есть четыреста восемнадцатый! — с ликованием закричали комендоры. Это был последний.

Четыреста восемнадцать взрывателей были удалены из снарядов.

Четыреста восемнадцать раз в течение нескольких часов трое смельчаков были в руках у смерти. Но смелость, хладнокровие и отличное знание техники помогло им пойти на благородный риск и победить.

И тут же началась битва за сохранение материальной части орудий и других технических средств. Эту работу возглавили командиры артиллерийских установок старшие лейтенанты Алексей Кириллович Дробязко и Петр Софронович Зайцев. Им было уже легче, так как за это время движение по железнодорожному полотну восстановили. Правда, работа по

спасению техники осложнялась тем, что прибывший восстановительный поезд имел грузоподъемность 75 тонн, а каждая из установок весила не менее 170 тонн. Но трое суток настойчивых трудов, матросская смекалка, любовь к своей технике и ее глубокое знание, а главное, твердая вера в победу сделали невозможное возможным. Драгоценная техника и боеприпасы были спасены для дальнейших боев с озверелым врагом, рвавшимся к Ленинграду».

Немцы хвастливо трубили о «гибели» чудо — сооружений наших тяжелых орудий. А мы в это время в цехах ленинградских заводов ремонтировали боевую технику батареи. И вот спустя 14 дней после «уничтожения», о котором объявило фашистское командование, 12–я отдельная дальнобойная железнодорожная артиллерийская батарея Краснознаменного Балтийского флота с еще большей яростью обрушила свою мощь на скопления фашистских танков и другой техники противника.

Грамотно использовал комендант береговой обороны генерал — май- ор Н. Ю. Денисевич и другие железнодорожные батареи. Он приказал готовить для батарей запасные маневренные позиции на существующей колее, создавая специальные тупики. Орудийные транспортеры, отстрелявшись на одной позиции, сразу же уходили на другую. Это позволяло избегать вражеских ударов по батареям.

Вообще надо сказать, что значение флотской артиллерии в обороне Ленинграда было огромно. Многообразие калибров, большая мощность, универсальность и дальность стрельбы морской артиллерии, оснащенность ее приборами позволяли в зависимости от обстановки успешно решать различные огневые задачи при стрельбах по морским и береговым целям от переднего края в глубь обороны противника. Летом 1941 года Ленинградский горком партии принял специальное решение о строительстве железнодорожных и береговых батарей для флота. Рабочие и инженеры заводов «Большевик», «Пролетарский», «Металлический», имени Жданова, имени Орджоникидзе и других под артиллерийским огнем и бомбами врага ввели в строй несколько железнодорожных транспортеров под 130- и 152–миллиметровые орудия. Командование вновь создаваемыми батареями поручалось опытным командирам. В их числе были, например, Василий Алексеевич Глухарев, который участвовал в первой мировой войне, а во время

Великой Октябрьской революции командовал батальоном. Он сам руководил строительством и комплектованием железнодорожной батареи, и в конце августа вывел ее на огневую позицию.

Личный состав батарей формировался за счет кораблей; направляли на них также ленинградских комсомольцев. Так, 1118–я батарея была укомплектована за счет линейного корабля «Марат». Вот что пишет в письме ко мне бывший железнодорожный артиллерист, ныне капитан 1 ранга В. В. Цветков: «Я был назначен командиром огневого взвода на батарею старшего лейтенанта Т. Ши- нелева, которого знал еще по дивизиону сторожевых кораблей. Батарея была укомплектована краснофлотцами и старшинами различных специальностей с «Марата», «Минска», «Страшного». Пушки были взяты со «Страшного»… Батареи Т. Шинелева и А. Дем- бницкого входили в дивизион майора Я. Д. Туликова… Транспортеры получили на заводе «Большевик». В начале октября батарея вышла на огневую позицию в торговом порту. Несколько позже были подготовлены еще две позиции — одна на Балтийском, другая — на Витебской — товарной. Основной задачей была борьба с вражескими батареями. Вели мы огонь и по войскам и танкам противника. Корректировали огонь вначале флотские корректировочные посты, созданные еще до подхода врага к городу, а затем мы организовали свои посты… Хорошо помню, как мы совершенствовали тактику контрбатарейной борьбы, а также способы засечки батарей врага и способы стрельбы по ним. Флотские железнодорожники — артиллеристы сделали очень много при защите Ленинграда осенью 1941 года».

Ленинград создал многие десятки батарей, эта работа не прекращалась ни на один день. Были сформированы десятки береговых, железнодорожных и зенитных батарей, семь бронепоездов.

В районах Пулкова и Дудергофа начали строиться стационарные морские батареи, одна из 9, другая из 10 морских орудий (частично с крейсера «Аврора»). В июле для поддержки войск фронта было решено применить артиллерию вновь строящихся эскадренных миноносцев «Опытный», «Строгий», «Стройный», научно — исследовательского полигона, а также 203–миллиметровые орудия крейсера «Петропавловск», закупленного в Германии. В мае 1940 года под названием «Лютцов» он был доставлен в Ленинград и переименован в «Петропавловск». Постройка крейсера проходила на судостроительном заводе имени Орджоникидзе. Немцы всячески тормозили доставку оборудования и вооружения корабля. Его артиллерия, состоящая из восьми 203–миллиметровых орудий в четырех башенных установках, представляла довольно внушитель. ную силу. Поэтому Военный совет флота, учитывая складывающуюся под Ленинградом обстановку, в середине июля

принял решение ввести в строй главный калибр артиллерии крейсера. Командир крейсера капитан 1 ранга А. Г. Ванифатьев и командир отряда вновь строящихся кораблей в Ленинграде получили при каз ввести и подготовить артиллерию для использования против наступающих фашистов. Молодые артиллеристы старшие лейтенанты В. А. Сычев, В. Г. Пужаев, И. И. Томилов, Я. Грейс, используя боевые расчеты башен и мастеров ленинградских заводов к началу боев за город Ленина, ввели в строй главный калибр артиллерии корабля. Для эффективности стрельб на южном (красносельском) направлении были развернуты корректировочные посты. Позже посты были развернуты и на северном (карельском) направлении.

14 августа крейсер отбуксировали на огневую позицию в Ленинградский торговый порт в Угольную гавань, откуда почти визуально просматривалось основное направление наступления фашистов Красное Село — Урицк. 24 августа крейсер пристрелял орудия главного калибра и приготовился к открытию огня по фашистской пехоте и их танкам.

Во второй половине августа на огневые позиции в ковш морского канала были выведены «Марат», крейсер «Максим Горький», на Большом Кронштадтском рейде встала «Октябрьская революция», готовилась к стрельбам из Кронштадта 19–я железнодорожная 180–миллиметровая батарея. В Ленинградском железнодорожном узле готовились специальные огневые позиции для тяжелых артиллерийских систем флота. В Кронштадте всю артиллерию объединили в одну группу. В полной готовности находилась и артиллерия Ижорского сектора.

Все вновь сформированные батареи, в том числе и артиллерия кораблей находились в подчинении командующего артиллерией Красногвардейского укрепленного района. Использованию артиллерии флота в известной степени мешал децентрализованный метод ее применения. Приказания шли через командиров связи, находящихся в армиях или укрепрайонах. Право вызова огня было предоставлено командующему артиллерией 42–й и 55–й армий.

В этих условиях остро встал вопрос об организации централизованного боевого управления флотской артиллерией, такого управления, которое смогло бы обеспечить максимальное использование этой грозной силы в четком взаимодействии с фронтовой артиллерией. В конце июля Народный комиссар ВМФ приказал возложить руководство всей морской артиллерией, включая корабельную, на одного из опытнейших артиллеристов флота контр- адмирала Ивана Ивановича Грена. Возглавляемое им управление в штабе морской обороны оперативно

подчинялось командующему артиллерией фронта.

Все мы к этому времени знали и слышали отличные отзывы о Грене, уже известном не только на Балтике. Лично я очень высоко ценил этого мужественного человека, великолепного специалиста, истинного артиллерийского «бога» на военно — морском флоте. Ему было доверено возглавить всю артиллерию флота, направить в сторону фашистов несколько сотен крупных стволов, вместе с назем ной артиллерией фронта создать мощный заслон, преградить врагу подход к непосредственным рубежам города.

Управление начальника артиллерии флота теперь занималось ускоренной специальной подготовкой кораблей и батарей, выбором и подготовкой огневых позиций для них с расчетом, что придут еще корабли из Таллина, организацией вызова огня, доставкой боеприпасов, комплектованием вновь сформированных батарей.

И. И. Грен быстро и точно сориентировался в выдвигаемых ходом боевых действий задачах, которые должна была решать артиллерия. Это — огневое содействие войскам в отражении врага, обеспечение коммуникации Ленинград — Кронштадт, борьба с батареями в глубине фашистской обороны.

Активно работали в эти месяцы на артиллерию гидрографы флота. Начальник гидрографической службы М. Н. Назимов, его заместители Г. И. Зима, Г. Н. Рыбин и А. А. Смирнов, получившие боевой опыт в войну 1939/40 года, вместе со штурманами флота Л. Я. Ро- дичевым, Гусевым организовали привязку к местности огневых позиций для надводных кораблей и железнодорожных батарей. Гидрографический отряд капитана 3 ранга В. А. Климантовича, в котором подразделениями командовали 3. М. Валеев, И. П. Су- яров, В. А. Надпорожский, Г. И. Колесников, В. А. Смыков, выполняя задание контр — адмирала И. И. Грена, в короткие сроки отнаб- людал и вычислил данные для стрельбы линейному кораблю «Октябрьская революция», крейсерам «Максим Горький», «Петропавловск» и ряду других кораблей. Все корабли, имеющие артиллерию, снабжались специальными планшетами, картами, формулярами, с исходными данными для стрельбы с различных позиций. С помощью гидрографов были созданы пункты инструментальной разведки, расположенные как в Ленинграде на высоких зданиях и сооружениях, так и у переднего края обороны в Автово и торговом порту. Их создали также в Кронштадте, Ораниенбауме и в районе Лисьего Носа. Так родился новый вид обеспечения артиллерийской стрельбы.

Новым делом был и предложенный командиром из фотограммот- ряда А. Г. Пожарским и осуществленный им вместе

с В. Г. Кортом и А. И. Гаудисом стереофотограмметрический метод засечек батарей противника. Аппаратура была установлена на крышах Дома Советов и двух многоэтажных зданий на Московском проспекте. Синхронные наблюдения с этих трех точек давали точные координаты батарей противника, обстреливавших Ленинград. Группа в составе командиров — гидрографов А. Г. Пожарского, П. Г. Скворцова, Г. М. Гильбо, С. И. Вартаньяна, А. Г. Евланова и 12 краснофлотцев, действовавшая до февраля 1944 года, обнаружила 1181 объект противника, в том числе 1025 орудий. Не зря командиры артиллерийских боевых частей кораблей и батарей благодарили гидрографов, они заслужили похвалу.

Каждая береговая и железнодорожная батареи, корабли, развернутые нˆ позициях, создали в отведенных им секторах наблю- 90 дательные посты: основной — на переднем крае и запасной — в глубине обороны. Они располагались на многоэтажных зданиях города, подъемных кранах завода Жданова, «фондовой бирже» и других сооружениях. Благодаря постам наши артиллеристы могли весьма быстро открывать огонь по начинающим стрелять вражеским батареям, заставляя их замолчать.

Многое сделали для успешного использования артиллерии балтийские связисты, которые вписали немало славных страниц в боевую летопись флота. С началом боев непосредственно за Ленинград понадобились подвижные корректировочные посты, оснащенные радиостанциями. Кронштадтский район службы наблюдения и связи в августе сформировал первые группы таких постов. По мере увеличения числа батарей и кораблей их становилось все больше (посты создавались за счет внутренних ресурсов флота и резервов промышленности), к концу блокады они исчислялись сотнями. По берегам Финского залива, Невы и Ладожского озера располагались посты с радио- и проводной связью. В их создании большую помощь оказали партийные и советские органы, предоставившие флоту городские подземные кабельные линии. Совместно с инженерами научно — исследовательского института наши связисты создавали в условиях блокады радио- и телефонно — телеграфные центры. Добрым словом хочу вспомнить тех, под чьим руководством все это делалось: начальника связи флота полковника М. А. Зернова, его помощников М. А. Келарева, А. К. Тагунова, М. С. Курченко, П. И. Пристенского, А. А. Ускова, флагманских связистов и начальников связи соединений капитанов 1 ранга П. Ф. Крысина, Д. А. Ульянова, И. А. Краснова, В. А. Куркина, С. Д. Богданова, И. С. Бузина, Г. А. Гаврилова, Е. А. Репринцева, управления

артиллерией флота капитана 2 ранга Годуна, кораблей эскадры капитана 2 ранга Л. А. Глаголевского, С. В. Фабричнова, П. М. Сидоренко, Ф. Майданова, А. В. Лоскутова. Благодаря прежде всего их заботам каждая позиция корабля или железнодорожной батареи была обеспечена огневым планшетом с двусторонней связью с корабельными и общефлотскими наблюдательнокорректировочными постами.

В этот период были разработаны четкие основы использования артиллерии флота для нужд фронта. Осталось неизменным: артиллерия флота должна использоваться для борьбы с батареями противника, а также для усиления огневых средств фронта. Приказом главнокомандующего Северо — Западным направлением определялся порядок ее участия в отражении наступления врага. Флотскую артиллерию разрешалось использовать только для стрельб по крупным батареям противника, скоплениям живой силы и танков. Устанавливались максимальные нормы расхода боезапасов в сутки для орудий различных калибров. Право вызова огня морской артиллерии с 21 сентября было предоставлено командующему артиллерией фронта. На случай внезапного перехода противника в наступление были разработаны специальные планы взаимодействия с войсками, составлены таблицы и схемы ведения огня. В этом случае огонь мог вызывать также командир общевойскового соединения.

Для чего все это делалось, почему действия артиллерии флота были ограничены. Дело в том, что корабли и батареи располагали недостаточным количеством боезапаса. А каждый день боя убеждал, что главные артиллерийские сражения еще впереди. Мы знали, что наступит момент, когда огонь надо будет вести, не считаясь ни с чём.

В ходе оборонительных сражений под Ленинградом вырабатывались наиболее целесообразные формы связи и взаимопонимания между флотом и фронтом. К командующим артиллерией армии были прикомандированы для связи морские артиллеристы. Ввели единую документацию связи для командующих артиллерией армии и наших корректировочных постов. Эта организация взаимодействия сохранилась с небольшими изменениями до конца блокады.

# ГЛАВА 5. НА БЛИЖНИХ ПОДСТУПАХ

Битва за город Ленина началась. Ладожская флотилия эвакуирует 26 тысяч бойцов. Подводники усиливают удары на подступах к Ленинграду. Части Ижорского сектора вступают в бой. На кингисеппском направлении опасно. Тяжелые бои 8–й армии. События на Карельском перешейке.

30 июля 1941 года гитлеровское командование издало директиву № 34 для наступающих войск, в которой обстановка на фронтах оценивалась иначе, нежели в первые недели войны. Основное внимание в директиве уделялось группе армий «Север», которой предписывалось усилить наступление на Ленинград, окружить его, соединившись с финскими войсками, и захватить как можно быстрее северную часть Эстонии, обороняемую войсками 10–го стрелкового корпуса 8–й армии и частями флота.

Для нового наступления немцы создали три крупные группировки. Северная — в составе 41–го и 38–го армейских корпусов и 4–й танковой группы — вела наступление на Ленинград из района Ивановское — Большой Сабек через Копорское плато. 56–й моторизованный корпус наступал вдоль шоссе Луга — Ленинград. Южная группа в составе 28–го и 1–го армейских корпусов пытались отрезать Ленинград с востока, перекрыв все сухопутные и железнодорожные коммуникации, связывающие его со страной. Одновременно наступали Юго — Восточная и Карельская финские армии. Противник имел значительное превосходство на земле и в воздухе. Незадолго перед наступлением врага 23 июля 1941 года командующий Северным фронтом разделил Лужскую оперативную группу на три самостоятельных участка — Кингисеппский (командующий генерал В. В, Семашко), Лужский (генерал А. Н. Астанин) и Восточный (генерал Ф. Н. Стариков) и подчинил их себе. В состав Кингисеппского участка вошли и части Лужского укрепленного сектора Балтийского флота. Этот участок укреплялся особенно серьезно, так как прорыв противника через Кингисепп грозил захватом прибрежной территории Ленинградской области, на которой находились многие части и авиация флота.

Готовились к решающему сражению за Ленинград и военные моряки. В связи с тем, что Военный совет флота продолжал находиться в Таллине и вынужден был все свое внимание сосредото чивать на его обороне, Народный комиссар ВМФ приказал организовать на базе управления военно — морских

учебных заведений штаб морской обороны Ленинграда и Озерного района во главе с контр — адмиралом К. И. Самойловым и военкомом дивизионным комиссаром В. А. Лебедевым. Вначале морской обороной руководил непосредственно Нарком ВМФ, а с 16 июля 1941 года она была подчинена Военному совету Северного фронта. Фактически все задачи и распоряжения Самойлов получал из морского отдела, возглавляемого заместителем Наркома адмиралом И. С. Исаковым. Штаб форсировал развертывание Ладожской и Чудской военных флотилий, принимал меры к ускоренному вводу в действие недостроенных и ремонтирующихся кораблей для использования их в обороне города, выполнял и другую, нужную для обороны Ленинграда, работу.

…Наступление врага на Ленинград началось 31 июля. Мне сообщил об этом командир Кронштадтской военно — морской базы контр — адмирал В. И. Иванов.

— Финские войска перешли в решительное наступление по всему Карельскому перешейку, — доложил он. — Части Выборгского сектора береговой обороны поддерживают наши отходящие войска. (От города финнов отделяло более ста километров. — В. Т.)

Через неделю, закончив перегруппировку, фашисты начали наступать с плацдармов у Ивановского и Большого Сабека на Лужском направлении. Глядя на карту, можно было понять замысел немецкого командования: одновременное наступление на Ленинград с разных направлений, выход на рубеж реки Нева и соединение с финнами.

Бои разгорались на ближних подступах к Ленинграду почти одновременно на направлениях: красногвардейском — с 8 августа, луж- ско — ленинградском — новгородском, петрозаводском и на Карельском перешейке — с 8—10 августа. 5–6 августа началось наступление на территории Эстонии, а 7 августа — на побережье Нарвского залива у города Кунда.

Через два дня снова доложил В. И. Иванов:

— Положение наших войск на Карельском перешейке ухудшается, 19–й и 50–й стрелковые корпуса продолжают отступать на обоих флангах.

Учитывая затруднительное положение наших войск на северном берегу Ладожского озера, были приняты срочные меры к усилению боевого состава Ладожской флотилии за счет кораблей и авиации флота. Командующим флотилией 8 июля был назначен контр — адмирал П. А. Трайнин, человек с большим теоретическим и практическим опытом, вполне подготовленный для этого ответственного назначения. Флотилию оперативно

подчинили Северному фронту, определив ей главную задачу: поддержка войск 19–го стрелкового корпуса. К сожалению, П. А. Трайнин 24 июля был ранен, в командование вступил капитан 1 ранга В. П. Боголепов, а затем был назначен капитан 1 ранга Б. В. Хорошхин. Ла дога — глубокий тыл Балтийского театра военных действий — стала его активным боевым участком.

Что же случилось на этом направлении?

Фашисты, располагавшие численным превосходством в людях и технике, прорвали на северо — восточном участке Ладожского озера оборону наших 168–й стрелковой и 198–й моторизованной дивизий 23–й армии. На направлении Питкяранта — Лахденпохья враг вышел к озеру, наши стрелковые дивизии оказались отрезанными и прижатыми к его северному побережью. Сражавшаяся в этом же районе 142–я стрелковая дивизия с боями отходила в район Кильпола. Войска оказались в исключительно трудном положении: кончались боезапас и продовольствие, много было раненых, только в 168–й дивизии 7–й армии их насчитывалось около трех тысяч. Окруженные части держались стойко и мужественно, но силы были неравны.

Военный совет фронта поставил перед Ладожской военной флотилией задачу — обеспечить фланги окруженных дивизий; создать на озере твердый и благоприятный оперативный режим, не допуская в районы нахождения наших войск катеров противника; эвакуировать все части и подразделения корпуса. Командующий флотилией капитан 1 ранга Б. В. Хорошхин разделил корабли на три группы, они действовали на флангах наших войск, осуществляя артиллерийскую поддержку, снабжение боезапасом, продовольствием, медикаментами, эвакуировали раненых, не допускали блокады районов боевых действий.

12 августа флотилия, получив приказ, приступила к эвакуации 142–й стрелковой и 198–й моторизованной дивизий. Были использованы девять транспортов, двенадцать барж с буксирами в обеспечении тральщиков. Вывозка красноармейцев и боевой техники производилась под ожесточенным огнем противника, делавшего неоднократные попытки форсировать пролив Меркатсимен — Са- ари, зайти в тыл нашим частям. Отряд катеров флотилии под командованием капитан — лейтенанта М. П. Рупышева и батальонного комиссара А. И. Федотова не позволил противнику сделать это. За мужество и отвагу, проявленные при обеспечении эвакуации, капитан — лейтенант М. П. Рупышев, батальонный комиссар А. И. Федотов, краснофлотец В. П. Кардаш первыми на Ладоге были награждены орденом Красного Знамени.

Враг прилагал отчаянные усилия, чтобы изолировать от мест погрузки хотя бы часть наших войск. На одном из участков ему это удалось — был отрезан полк. На помощь подошли две канонерские лодки и сторожевой корабль «Конструктор». Подавив огневые точки, они заставили противника отойти, затем, прорвавшись под прикрытием огня к берегу, сняли личный состав и на баржах вывезли боевую технику.

К 16 августа резко ухудшилась обстановка на участке 168–й стрелковой дивизии в районе Раута — Лахти. На ее эвакуацию было приказано переключить большую часть транспортных средств. Девят надцать кораблей, транспортов и буксиров с баржами под сильнейшим вражеским артиллерийско — минометным огнем вошли в узкую гавань Раута — Лахти, которую краснофлотцы назвали «бухтой смерти». Трое суток, день и ночь отражая удары катеров противника, ладожцы выполняли боевой приказ.

Участник этой операции командир морского охотника 201, ныне контр — адмирал П. С. Колесник, вспоминает: «Наступил рассвет. В глубине бухты между скал стал ярко выделяться зеленый луг, метрах в трехстах — домик, выкрашенный красной краской. Взглянув на луг, я не поверил своим глазам. Справа и слева от домика двигались наступающие цепи противника. Одновременно их увидел и пулеметчик старшина 1–й статьи П. Поляков. Впервые мы видели перед собой врага. Боевые расчеты пушек открыли губительный огонь. Орудие под командованием краснофлотца А. Мо- лодцова с первых же выстрелов разворотило домик, откуда вели огонь пулеметчики противника. И вот, вслед за последним буксиром с баржой, прикрывая их дымзавесой, вышел из бухты и наш М0–201….

За эти три дня и ночи мы все стали старше. Каждый из нас почувствовал себя настоящим бойцом, способным постоять за Родину. Мы поняли, что врага можно беспощадно уничтожать. Каждый из нас поклялся отомстить врагу за смерть и раны товарищей. За эти дни экипажу достались нелегкие испытания. Здесь не было каких-то исключительных случаев героизма. Это были события рядового порядка, характерные для всей войны».

Да, он прав: это были обычные проявления героизма балтийцев. Вот еще один пример. Оборвавшийся во время обстрела буксирный конец намотался на винт транспорта «Чапаев». Судно потеряло ход и управление и каждую минуту могло взлететь на воздух от очередного артиллерийского снаряда. Транспорт стал завидной мишенью для финских артиллеристов, вокруг него кипела вода от разрывов снарядов. Краснофлотец Богданов бросился в воду и, работая под

непрерывным обстрелом в течение 30 минут, освободил винт от намотавшегося конца, чем спас от гибели транспорт с находившимися на нем бойцами 168–й дивизии.

К исходу 20 августа 10 995 бойцов и командиров, 1823 лошади, 136 автомашин, 112 орудий и минометов 168–й дивизии были вывезены из Раута — Лахти на остров Валаам. Через пять дней после эвакуации эта дивизия вела уже напряженный бой на юго — восточных подступах к Ленинграду, прикрывая участок Аналово — Колпин- ская колония. В письме, опубликованном в газете «Красный Балтийский флот», командир дивизии полковник А. Л. Бондарев выразил благодарность краснофлотцам, командирам и политработникам Ладожской военной флотилии за мужество и героизм, проявленные при эвакуации войск.

21—22 августа вывозились остатки 142–й стрелковой дивизии из района Кильпола в район Сауна — Саари. Всего из состава 23–й армии в период 15–23 августа было эвакуировано около 26 тысяч человек, более 5000 лошадей, 155 орудий, 178 пулеметов, около 800 автомашин и тракторов. Исключительную роль в решении этой задачи сыграли канонерские лодки, которые под ураганным артиллерийским и минометным огнем, под бомбами подходили к берегу и вели огонь из орудий прямой наводкой. Одновременно корабли и транспортные суда эвакуировали 13 тысяч советских граждан из Кексгольмского района, вывезли части береговой артиллерии и тылы флотилии из Сортанлахти.

Ладожцы блестяще выполнили поставленную главкомом Северо- Западного направления задачу. При ее выполнении особо отличились командиры кораблей, транспортов Н. Ю. Озаровский, К. М. Балакирев, М. П. Рупышев, В. П. Беляков, П. И. Турыгин, И. В. Дудников, Н. Д. Бабошин, И. Д. Ерофеев, П. С. Колесник, П. К. Каргин, И. А. Мишенькин, которые ежечасно показывали высокий пример отваги и стойкости.

В срыве вражеских планов молниеносного захвата Ленинграда летом 1941 года важную роль сыграли непрерывные активные боевые действия надводных и подводных кораблей и авиации флота, находящихся в Таллине, Палдиски, Моонзунде и Ханко. Через два дня после начала войны Гальдер в своем дневнике об обстановке на Балтике пишет: «Противник, почувствовав слабость и пассивность нашего флота на Балтийском море, усилит активность своих военно — морских сил. В связи с этим следует ожидать увеличения опасности для наших судов на морском пути в Лиепаю и Вентспилс. Между тем эти порты в высшей степени необходимы нам для подвоза снабжения»[32]. Нарушая вражеские морские коммуникации в

Балтийском море и Рижском заливе, флот срывал снабжение наступающих на Ленинград фашистских войск группы армий «Север». По — прежнему выходили на позиции наши подводные лодки, велась борьба с минной опасностью, усиливалась минная угроза врагу.

В середине июля подводная лодка «Л-3» совершила свой удачный поход в воды противника, который заслуживает того, чтобы о нем было рассказано подробнее. «Л-3» имела задание разведать фарватеры и поставить мины на коммуникациях противника. Выйдя из Таллина, она проследовала к Данцигской бухте. Здесь наблюдатели зафиксировали несколько направлений, на которых появлялся дым судов. Надо было определить, какое направление чаще всего используется фашистами.

Командир корабля капитан 3 ранга П. Д. Грищенко, за внешней флегматичностью которого скрывались огромная выдержка и терпение, как нельзя лучше подходил для такого дела. Он долго выбирал точку для постановки минной банки, но зато поставил исключительно удачно. Не прошло и трех часов, как на ней подорвался крупный вражеский транспорт. В перископ «Л-3» был хорошо виден высокий столб дыма и пламени, в отсеках ясно слышен гул взрывов. В течение часа из района подрыва транспорта доно сились звуки разрывов глубинных бомб: гитлеровцы предположили, что транспорт атакован торпедами с подводной лодки… Позднее выяснилось, что у Данцига были потоплены не один, а два транспорта. Наши подводники, вероятно из-за разрывов глубинных бомб, пропустили салют своей второй победы. Возвращение из похода было не столь приятным. «Л-3» обнаружил противник, началось преследование. После взрыва вражеских глубинных бомб на подводной лодке спружинил и пропустил около тонны воды рубочный люк, нарушилась расклинка батарей, топливо подзалило аккумуляторную яму. Начался пожар, погас свет…

Петр Денисович Грищенко, вспоминая эти события, пишет: «Вот когда проверялась выучка личного состава, полученная в мирное время. Инженер — механик Крастелев, возглавлявший аварийно — спасательную партию, отдавал четкие, продуманные распоряжения. Мичман Шевяков с матросами Анисимовым, Бурюком и Борисовым, надев кислородные маски, бросились в аккумуляторную яму. Они быстро ликвидировали пожар и перекрыли топливную магистраль… Личный состав четко выполнял свои обязанности и скоро нам удалось выйти из аварийного состояния…»[33]. В полдень 31 июля «Л-3» вошла в базу.

Походы подводных лодок становились с каждым днем удачнее, их командиры, экипажи обретали опыт; учились бить врага наверняка. Крупный успех выпал на долю подводного минного заградителя «Лембит» под командованием капитан — лейтенанта В. А. Поле- щука (заместитель по политчасти старший политрук Н. Н. Собколов). Заградитель после тщательной разведки выставил к западу от Борнхольма пять минных банок, на которых, по данным противника, подорвалось и погибло три транспорта. Столь же успешно действовала подводная лодка «Калев» под командованием капитан — лейтенанта Б. А. Нырова (заместитель по политчасти политрук Ф. А. Бондарев). 12 августа эта лодка выставила несколько минных банок к западу от Вентспилса. На банках подорвались и затонули вражеские транспорты «Эспирайт» и «Франц ен Буг», а также плавбаза «Мозель». Урон противнику нанесла и подводная лодка «Щ-301» под командованием капитан — лейтенанта И. В. Грачева (заместитель по политчасти старший политрук П. С. Кобли- ков), действовавшая к западу от острова Готланд. Обнаружив ночью на якоре вражеский транспорт, командир принял мгновенное решение атаковать. Он пустил две торпеды и потопил его. На другой день еще один транспорт нашел себе могилу на дне моря от торпед «Щ-301».

Навсегда останется в истории борьбы подводников Краснознаменного Балтийского флота поход «С-4» под командованием капитана 3 ранга Д. С. Абросимова.

Д. С. Абросимов — человек замечательных командирских качеств, выработанных в нем военной службой. Он родился в глухом поселке, затерявшемся в Брянских лесах. После окончания семилетки работал на цементном заводе имени Воровского. Дмитрий Сергеевич в разговорах часто сравнивал подводные глубины с лесной глухоманью, а подводников — с охотниками и следопытами. Жизненную дорогу ему помогла выбрать Объединенная военная школа имени ВЦИК — учебное заведение с замечательными традициями. Здесь он получил идейную закалку, дальнейшая служба в Пролетарской дивизии закрепила все, что он успел приобрести в школе, — и знания, и военные навыки. Абросимов мечтал о флоте, и в 1932 году его мечта осуществилась: специальные офицерские классы, учебный отряд подводного плавания, Балтика…

«С-4» находилась на боевой позиции. Было пасмурное утро. Вахтенный начальник Д. Д. Винник заметил в перископ дымы на горизонте. Командир подводной лодки приказал идти на сближение. Вскоре выяснилось, что курсом на Лиепаю следует немецкий танкер в охранении кораблей и катеров. Опасаясь атак

советских подводных лодок, конвой шел по малым глубинам. Абросимов точно рассчитал боевой курс и атаковал противника, выпустив торпеды. Взрыв потряс море. Танкер затонул, было уничтожено большое количество горючего, в котором так нуждались танковые войска фашистов, наступавшие на Ленинград.

Наша подводная лодка подверглась ожесточенному нападению кораблей противника. Первые разрывы глубинных бомб ложились в непосредственной близости от «С-4». Взрыв следовал за взрывом. Малые глубины не позволяли лодке оторваться от преследования. Пришлось лечь на грунт. Бомбометание с вражеских катеров длилось одиннадцать часов. Ночью оно, к счастью, прекратилось: противник, видимо, решил, что потопил подводную лодку, хотя все же оставил в районе, где она находилась, охрану.

В часы смертельной опасности экипаж брал пример мужества и находчивости со своего командира. Коммунист Абросимов спокойно и уверенно руководил действиями личного состава. Борьба шла не на жизнь, а на смерть. В лодке вскоре стало нечем дышать — иссякли последние запасы кислорода. Положение казалось безвыходным. Командир решил ночью всплыть и оторваться от врага в надводном положении.

— Либо огнем стомиллиметрового орудия отобьемся от врага и уйдем, либо придется взорвать корабль. Другого выхода нет, — сказал Абросимов экипажу. — Будем драться. Если придется умереть, погибнем, как подобает балтийцам.

Глубокой ночью, принимая все меры предосторожности, лодка всплыла. Часть экипажа находилась в рубке, готовая с оружием в руках выйти на верхнюю палубу для боя. Когда всплыли и открылся рубочный люк, комендоры заняли места у орудия. Абросимов поднялся в рубку с ручным пулеметом. У носа и кормы лодки оказались буи с освещением, а около рубки плавала большая деревянная крестовина. Море вокруг было покрыто толстым слоем соляра, вытекшего из потопленного танкера. Впрочем, особенно разглядывать обстановку было некогда: вдали маячили силуэты вражеских кораблей и катеров. «С-4» полным ходом ушла в район больших глубин, ускользнув от противника.

За мужество, проявленное в боевых походах, капитан 3 ранга Д. С. Абросимов был награжден орденом Ленина. Ордена и медали были вручены многим членам экипажа. Как ни больно мне об этом писать, но меньше чем через год Дмитрий Сергеевич погиб во время перехода «С-4» из Кронштадта в Ленинград: рядом с лодкой взорвалась вражеская магнитная мина, и он взрывной

волной был сброшен с мостика… Погиб прекрасный человек, верный сын Родины. Пусть живет о нем добрая память в сердцах людей, и особенно его земляков — брянцев.

Тактическая грамотность, оперативное принятие решения принесли блестящий успех и экипажу «Щ-307» капитан — лейтенанта Н. И. Петрова. Возвращаясь с позиции в базу, командир учитывал возможность появления на подходах к заливу вражеских подводных лодок и очень внимательно наблюдал в перископ за обстановкой. Действительно, вскоре он обнаружил подводную лодку, одновременно акустик доложил, что слышит шумы винтов. Будучи уверенным, что наших подводных лодок в этом районе не может быть, Петров решил атаковать противника. Когда «Щ-307» находилась уже на боевом курсе и оставались считанные секунды до залпа, лодка противника вдруг изменила направление движения. Командир приказал изготовить к стрельбе кормовые торпедные аппараты. Вражеская подводная лодка застопорила ход. Учтя это, командир с дистанции трех кабельтовых выпустил торпеды. На «Щ-307» услышали два мощных взрыва. Подняв перископы, Петров обнаружил на поверхности большое масляное пятно, обрывки немецких карт, обломки деревянных предметов. Сомнений не было: вражеская лодка была уничтожена. Как впоследствии выяснилось, то был фашистский подводный корабль «У-144». Президиум Верховного Совета СССР наградил «Щ-307» орденом Красного Знамени. Это был первый успех балтийских подводников в борьбе с лодками противника.

Как же складывалась обстановка под Ленинградом в эти дни.

С 8 по 11 августа советские войска сдерживали бешеный напор превосходящих сил врага на переднем крае главной оборонительной полосы Лужской обороны. Утром 12 августа противнику, подтянувшему свежие резервы, удалось потеснить наши части и занять Веймарн и Молосковицы.

Войска 8–й армии оборонялись самоотверженно. Успешно поддерживала их флотская железнодорожная артиллерия. Для подготовки условий ее маневра были выделены специальные восстановительные войска. Они построили несколько маневренных позиций в районах: Копорье, Воронка, Калище, Красная Горка, с которых наши железнодорожные батареи вели боевые действия. К этому времени артиллеристы сделали уже правилом не откры вать огонь с позиций, которые подвергались бомбардировке или над которыми обнаруживались разведывательные самолеты врага.

В тылу медленно отходящей 8–й армии, на Ковашинской позиции, была развернута 5–я отдельная бригада морской пехоты.

Для отражения возможных десантов на Сескаре, Лавенсари, Гогланде усиленными темпами возводились оборонительные сооружения. Мы продолжали ставить мины в Финском заливе, увеличивая глубину своих оборонительных позиций с тем, чтобы исключить проникновение сюда вражеских кораблей. Так, в Нарвском заливе мины ставили наши корабли «Стойкий», «Марти», тральщики 210, 214, 209, морские охотники 501, 510 и другие.

Полностью в интересах сухопутных войск действовала флотская авиация. С 8 по 21 августа летчики Балтики совершили свыше 1700 боевых вылетов. Они прикрывали советские войска, штурмовали пехоту и танки противника. 13 августа 1941 года одному из славных летчиков Балтики — Владимиру Александровичу Михалеву — Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза. В. А. Михалев таранил в воздухе фашистский самолет «Хейнкель-125», на его счету десятки сбитых самолетов.

В этих боях принимали участие 2–я отдельная бригада морской пехоты, танковый батальон, бронепоезд 301, железнодорожный батальон, 11–я, 12–я, 18–я железнодорожные батареи; военных моряков на этом участке фронта насчитывалось более пяти тысяч. Самоотверженно дрались в районе Кингисеппа и Веймарна также курсанты ордена Ленина Высшего военно — морского инженерного училища имени Ф. Э. Дзержинского.

Бои продолжались с неослабевающей силой. Враг занял Чудово, продвигаясь к Красногвардейску и Новгороду. При обороне Ко- лорья части 2–й бригады морской пехоты восемь раз контратаковали противника в течение одного только дня. Один из батальонов этой бригады был сформирован из подводников. Командовал им командир подводной лодки «Л-21» капитан — лейтенант Н. Н. Куликов. 12 августа во время тяжелого боя он был дважды ранен, но остался в строю. 14 августа Куликов снова повел своих подводников в атаку и геройски погиб. Его заменил комиссар батальона Н. В. Шершнев.

Обстановка на фронте быстро менялась. Очень серьезное положение сложилось на Кингисеппском направлении. Противник овладел населенными пунктами Керстово, Ильяши, Князево, Большая Вруда, станцией Батецкая. В боях за Кингисепп замечательные образцы мужества и героизма показали бойцы 3–го батальона 2–й отдельной бригады морской пехоты. Участвуя вместе с войсками 8–й армии в контратаке, они завязали уличные бои. В этих боях геройской смертью погиб военком укрепленного сектора полковой комиссар Д. В. Якобсон. 16 августа под давлением превосходящих сил противника наши войска оставили

Кингисепп.

Над находившимися на территории Эстонии войсками 8–й армии (10–й стрелковый корпус) нависла угроза полного окружения. Бои на ближних подступах к Ленинграду стали еще более ожесточенными. В двадцатых числах августа были отражены войсками 42–й армии генерала В. И. Щербакова попытки противника с ходу прорваться к Ленинграду через Красногвардейск. Сдерживали противника и сильно ослабленные дивизии 8–й армии.

21 августа войска 8–й армии (11–й стрелковый корпус) получили приказ отходить на правый берег Луги. На их правом фланге сражалась 48–я стрелковая дивизия. От нее зависела судьба нашего аэродрома Липово, с которого еще могли бы вылетать истребители для прикрытия прорыва флота из Таллина. Шли донесения от Самохина об ухудшении обстановки и на других аэродромах — Котлы, Куммолово, Копорье, Вейно, Хаболово. Все они были под угрозой. Тяжелую авиацию пришлось перебазировать на восток.

Занявшие позиции на правом берегу Луги войска 8–й армии (48–я, 125–я, 191–я, 11–я, 118–я дивизии) и 2–я отдельная бригада морской пехоты стали угрожать флангу и тылу мощной вражеской группировки, наступавшей на Красногвардейский укрепленный район. Учитывая эту опасность, противник ослабил наступление на этот район и направил основной удар на войска 8–й армии, чтобы сделать прорыв и выйти к финскому заливу. Осуществив этот замысел, враг лишил бы Балтийский флот возможности маневра в районе Кронштадт — Лавенсари — Ханко, угрожал бы Ленинграду и с моря.

Находясь в Таллине, мы не представляли в полной мере, какой угрозе подвергаемся. Что бы мы стали делать, если бы противнику удалось занять ораниенбаумский плацдарм и Кронштадт?! К счастью, врагу не удалось осуществить свой план, ораниенбаумский плацдарм остался в наших руках.

Накал боев в какой-то степени можно почувствовать, читая строки письма военкома Ижорского укрепленного района полкового комиссара Г. М. Яичникова: «На территории района в это время, — пишет он, — находились 11–я, 12–я, 18–я, 19–я отдельные железнодорожные батареи 356–180–миллиметрового калибра с дальностью стрельбы свыше 40 километров и два морских бронепоезда — «Балтиец» и «За Родину». Они по железной дороге перебрасывались на наиболее опасные участки фронта и своим огнем поддерживали части 8–й армии и бригады морской пехоты. Тяжелая обстановка вынуждала нас использовать против наступающего врага даже 356–миллиметровую тяжелую

железнодорожную батарею капитана М. И. Мазанова. Она, как и 180–миллиметровая дальнобойная батарея, была создана для стрельбы по крупным морским целям и сильно укрепленным инженерным сооружениям противника, а пришлось стрелять по танковым колоннам, переправам, скоплениям войск и техники… 21 августа батарея получила задание уничтожить вражескую переправу через реку Луга в районе Поречья. Капитан М. И. Мазанов и военком старший политрук И. И. Новиченко, находясь на корректировочном посту, который размещался на высокой сосне, видели создание переправы. Артиллеристы открыли мощный огонь по ней, по танкам и скоплениям пехоты. Командование советских войск, оборонявших в этом районе берег Луги, прислало командиру батареи благодарность за отличную работу.

В эти тяжелые дни большую роль в боевой жизни наших частей играли партийные и комсомольские организации. Находясь в самой гуще личного состава, коммунисты и комсомольцы вели непрерывную агитационную и пропагандистскую работу, своим личным примером увлекали бойцов на ратные подвиги. Лучшие люди вступали в ряды Коммунистической партии.

С первых дней войны в наших частях находились писатель Л. Успенский и поэт А. Яшин. Они оказали большую помощь политотделу и партийным организациям в проведении партийно — политической работы. Хочется отметить, что они старались бывать в тех частях, которые вели активные боевые действия. Лев Васильевич Успенский большую часть времени проводил на бронепоезде «Балтиец». Он продолжает дружбу с людьми этого бронепоезда. Поэт Александр Яшин часто бывал в частях морской пехоты и нередко ходил в разведку. С большим воодушевлением воины читали в те дни стихи А. Яшина «Моряки Ленинграду»:

Не сгаснут в мире наши звезды,
Не могут реки вспять потечь,
Мы любим нашу землю, воздух,
Родную пламенную речь…

Не будет гнуть наш город спину,
От наших рук враги умрут:
Ни к Ленинграду, ни к Берлину
Они живыми не дойдут.

Да, так было: с каждым днем обстановка становилась труднее, наши войска вынуждены были отходить, оставляя оборонительные рубежи, но ни на минуту не покидала наших людей уверенность в том, что врагу не бывать в Ленинграде.

Не в нашу пользу развивались события и на Карельском перешейке, где оборонялись войска 23–й армии генерал — лейтенанта П. С. Пшенникова в составе двух стрелковых корпусов: 19–го (115–я и 142–я стрелковые дивизии) и 50–го (43–я и 123–я стрелковые дивизии), 22–го укрепленного района и 198–й моторизованной дивизии. Флот имел на этом участке фронта Выборгский укрепленный сектор, в задачу которого входило прикрытие фланга войск 23–й армии с моря.

Поскольку ранее я не касался хода боевых действий на финской границе, мне придется сделать краткий обзор событий, происходивших здесь до августа.

К 29 июня части 23–й армии (в соответствии с директивой Военного совета Ленинградского военного округа) выдвинулись на го сударственную границу и приступили к ускоренному инженерному оборудованию занимаемых рубежей. К сожалению, до начала боевых действий строительство оборонительных укреплений не было закончено.

В ночь на 1 июня финская пехотная дивизия вклинилась встык наших 7–й и 23–й армий в направлении Лахденпохья. За девять дней вражеские войска продвинулись всего на 15 километров. Фронтальное наступление финских войск на Карельском перешейке началось только 31 июля. Они рассчитывали в кратчайший срок выйти к западному побережью Ладожского озера и расчленить 23–ю армию на отдельные части. Этой армией с 4 августа командовал генерал — лейтенант М. Н. Герасимов. После упорных боев финны к 9 августа вышли в район Лахденпохья и изолировали отдельные части правого фланга 23–й армии. К 10 августа обстановка на фронте 23–й армии приняла угрожающий характер. Некоторые соединения и части потеряли связь с ее основными силами. Стремясь обезопасить Ленинград от удара с севера, главком приказал перебросить сюда 265–ю стрелковую дивизию. 11 августа финны предприняли наступление по всему фронту 23–й армии; 15 августа они, сломив сопротивление 115–й дивизии, вышли к реке Вуокса и форсировали ее в районе восточнее Выборга. Над Выборгской группировкой советских войск нависла угроза окружения.

Военные моряки вели активные оборонительные действия на шхерных островах Пуккио, Паттио и Лайтсальми, находящихся на левом фланге 23–й армии. Отдельный пулеметный батальон

Выборгского сектора флота отражал попытки противника занять их до тех пор, пока наши войска не получили приказ отойти на более выгодный рубеж севернее Выборга. 20 августа начальнику штаба Выборгского сектора, вызванному в штаб 23–й армии, было сообщено об отходе 123–й и 43–й дивизий и приказано эвакуировать наш 32–й отдельный артдивизион с островов у границы. 123–ю дивизию противник преследовал по пятам, и 22 августа он был уже в Сатаниеми. Снятие и погрузка материальной части артдивизиона на транспортные средства на островах Пуккио, Паттио и других проходила уже под сильным огнем. К 25 августа основные силы дивизиона отошли в Койвисто. Сюда же из Выборга передислоцировался штаб сектора.

Ответственные задачи решал сводный отряд, организованный комендантом сектора в составе пулеметной роты, саперных взводов и взводов пограничников. Он вступил в бой в районе Сомме — Лиханиеми, где высадился вражеский десант. На помощь ему были переброшены из Ижорского сектора два батальона 5–й отдельной бригады морской пехоты. Когда войска 23–й армии получили приказ отойти на рубеж бывшей линии Маннергейма, отряд предпринял наступление с тем, чтобы очистить путь для отхода 43–й- стрелковой дивизии. Сводному отряду (он стал называться теперь. полком) были приданы корабли шхерного отряда, из Кронштадта на помощь ему вышли эскадренные миноносцы «Сильный» и «Стойкий».

Обстановка между тем продолжала осложняться. Противник перерезал пути отхода наших 43–й, 115–й и 123–й стрелковых дивизий, и они оказались в окружении. Разрозненными группами, без материальной части бойцы и командиры пробивались в Койвисто. Выход из окружения этих дивизий прикрывал сводный морской полк при поддержке 229–й и 269–й батарей, эскадренных миноносцев «Сильный» и «Стойкий», канлодки «Кама», бронекатеров 212, 213, 214. Это звучит, наверное, парадоксально: полк морской пехоты обеспечивал выход из окружения трех стрелковых дивизий, — но было именно так. Моряки выполнили задачу, хотя потери личного состава в полку составили 50 процентов. Из бойцов и командиров этих дивизий были скомплектованы боеспособные части, которые заняли оборонительный рубеж под Койвисто…

В средней части перешейка войска 23–й армии также не смогли остановить врага. 30 августа фашисты заняли Выборг и Райвола, 31 августа — Терийоки. На море ими был захвачен остров Тейкар- саари. Гарнизон острова почти полностью погиб. В этих условиях было принято решение оставить Тронзунд. Дислоцированная на нем 269–я батарея вместе с базой шхерного

отряда была эвакуирована сначала в Койвисто, а затем на Тиуринсари. 31 августа оказались в окружении войска, оборонявшие Койвисто. Я считал, что их следует эвакуировать морем, о чем представил в штаб фронта докладную записку. Такое решение и было принято Военным советом фронта. Одновременно Военный совет фронта решил сосредоточить все сохранившиеся части Выборгского укрепленного сектора на островах Бьерка и Тиуринсари, где они должны держать оборону несмотря на то, что основные наши войска были уже далеко на востоке.

Войска 23–й армии отошли к старой государственной границе 1939 года и здесь закрепились на рубеже сохранившихся фортификационных сооружений. Флот отправил сюда из Ленинграда сформированный в срочном порядке специальный батальон военных моряков численностью около 700 человек.

Во второй половине августа в Ленинград прибыла комиссия Центрального Комитета партии и Государственного Комитета Обороны во главе с заместителем председателя Совета Народных Комиссаров СССР А. Н. Косыгиным. В состав комиссии входили Нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов, командующий ВВС Красной Армии П. Ф. Жигарев и начальник артиллерии Красной Армии Н. Н. Воронов. При активном участии и содействии комиссии были решены важные вопросы организации обороны города, взаимодействия сил противовоздушной обороны, использования артиллерии флота в интересах войск, отражающих натиск врага. Ставка разделила Северный фронт, растянувшийся от Мурманска до Ленинграда, на два фронта: Карельский (командующий генерал — лейтенант В. А. Фролов) и Ленинградский (генерал — лейтенант М. М. По пов)[34]. Несколькими днями позже Государственный Комитет Обороны упразднил командование Северо — Западным направлением, возложив всю полноту ответственности за руководство войсками, оборонявшими Ленинград, на командующего Ленинградским фронтом.

Это были необходимые меры. Враг торопился. В директиве, подписанной Гитлером 21 августа 1941 года, говорилось: «… Главнейшей задачей до наступления зимы является не взятие Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на Донце и лишения русских возможности получения нефти с Кавказа, на севере окружение Ленинграда и соединение с финнами»[35], (подчеркнуто мной — В. Т.)

Имея в виду не допустить соединения немецких и финских войск, наша Ставка из своих немногочисленных резервов выделила 52–ю и 54–ю, а несколько позже — 4–ю армию. Они были развернуты на реке Волхов, надежно прикрыв волховское

направление. Позднее эти армии сорвали наступление фашистских войск на Тихвин (Тихвин был захвачен врагом 8 ноября, а выбит через

31 день), не дали им выйти на соединение с финнами севернее Ладожского озера. Если бы врагу удалось это сделать, то Ленинград оказался бы в двойном кольце блокады, доставка продовольствия, боеприпасов, горючего стала бы невозможной.

К этому времени относится ликвидация Лужского укрепленного сектора флота, вызванная отходом войск 8–й армии через Копор- ское плато; его части вошли в состав Ижорского сектора, который оперативно подчинили командующему 8–й армией. Лужский сектор сделал свое дело: благодаря стойкому сопротивлению его частей, взаимодействовавших с войсками 8–й армии, врагу не удалось прорваться к Ленинграду кратчайшим путем.

Не меньшее значение имела и упорная оборона эстонского плацдарма и столицы Эстонии — Таллина — войсками 10–го стрелкового корпуса при исключительно мощной поддержке сил флота. Скованные вражеские дивизии, предназначенные для наступления на Лужском и Новгородском направлениях, облегчали в какой-то степени положение защитников Ленинграда на Лужском рубеже. Характерно, что в июле за 18 дней наступления на Ленинград фашистским ордам удалось продвигаться в среднем по 2 километра в сутки. За счет чего снизился темп наступления. В основном за счет усиления сопротивления, за счет больших потерь в боевых порядках противника. Каждый из защитников эстонского плацдарма понимал, что ослабляя силы врага, мы тем самым нарушали все планы гитлеровского командования, задерживая его продвижение на приморском направлении.

# ГЛАВА 6. ОБОРОНА ТАЛЛИНА

Создание оборонительных рубежей под Таллином. Помощь ЦК и Совета Народных Комиссаров Эстонии. Транспорты с ранеными идут в Ленинград. Все силы флота — на поддержку войск 8–й армии. Тяжелые оборонительные бои на рубежах города. Флотская артиллерия бьет врага на суше. Порядок выхода транспортов и боевых кораблей из Таллина.

Таллин… Прекрасный, неповторимый город, гордость эстонского народа, средоточие его национальной культуры. За те месяцы, что прожил в Таллине, я успел полюбить его, он стал мне дорог. В редкие свободные часы я любил пройтись вокруг старого замка в Тоомпеа, простоявшего на страже города 500 лет, любовался строгой архитектурой Домской церкви, хранящей гробницу прославленного русского мореплавателя адмирала И. Ф. Крузенштерна… Меня волновали рассказы горожан, помнивших революционные события в Ревеле. Мне было приятно, что Таллин вместе с Ленинградом пестовал русский Балтийский флот.

Советская власть в Эстонии была установлена менее чем за год до Великой Отечественной войны. Год — это немного, но я свидетель тому, что и за этот небольшой срок трудящиеся Эстонии почувствовали радость перемен, которые нес молодой республике социализм. И когда встал вопрос о защите Советской Эстонии о г немецкого фашизма, ее рабочие и крестьяне, трудовая интеллигенция вместе с военными моряками и пехотинцами, артиллеристами и летчиками встали грудью, чтобы отстоять свою свободу.

Коммунистическая партия Эстонии с первых же дней войны мобилизовала все силы на отпор врагу. На второй день войны Центральный Комитет и Совет Народных Комиссаров ЭССР обратились с воззванием к трудящимся: «Трудовой народ Эстонии вместе с другими народами Советского Союза и, прежде всего, с великим русским народом поднимается на Отечественную войну против врагов цивилизации и гуманизма, против поработителей народов, против варваров и фашистских извергов.

Вы, молодые граждане, рабочие, крестьяне, трудовая интеллигенция Советской Эстонии, поднимайтесь на борьбу против фашистских бандитов за свое счастье и благополучие, за счастье и благополучие всех братских советских народов».

Решением ЦК Компартии Эстонии был создан

Республиканский оперативный штаб. Этот коллективный орган сосредоточил в своих руках всю власть по организации обороны ЭССР. В городах и уездах создавались штабы для охраны тыла советских войск. 11 июля был образован Республиканский комитет обороны. Видную роль в организации вооруженного отпора врагу сыграли члены бюро ЦК КП Эстонии И. Лауристин, Н. Каротамм, Б. Кумм, уполномоченный ЦК ВКП В. Бочкарев. Комитеты обороны создавались также в уездах, их возглавляли секретари укомов в Тарту — И. Круус, в Пярну — К. М. Мянниксон, на Сарема — А. Муй. Они выступили организаторами самоотверженной борьбы против фашистских захватчиков.

В Таллине и других городах и селах республики партийные организации формировали истребительные батальоны. Всего было сформировано 27 отдельных отрядов и батальонов; впоследствии из них создали три полка добровольцев, которые участвовали в обороне Таллина.

В конце июня Республиканский штаб поставил перед командованием армии и флота вопрос о создании оборонительных рубежей на подступах к Таллину. В городе было мобилизовано несколько десятков тысяч человек для их строительства. Особенно много людей направлялось на сооружение укреплений, закрывавших входы в город по шоссе из Нарвы, Пярну, Палдиски; ежедневно здесь работало по три и более тысяч человек, в полном составе трудились коллективы заводов и фабрик.

Мы всемерно поддерживали усилия руководства республики и сами готовились к обороне Таллина. Обстановка сложилась так, что всю полноту ответственности за оборону города я вынужден был взять на себя. Конечно, меня, как и других членов Военного совета, заботил прежде всего Таллин, главная база. Я назначил заместителя начальника инженерного отдела флота инженер — полковника А. Н. Кузьмина старшим инженерным начальником обороны главной базы (начальник отдела полковник Т. Т. Коновалов в это время находился под Ленинградом, где нужно было готовить к обороне ряд военных объектов). Одновременно А. Н. Кузьмин представлял флот в Комитете Обороны ЭССР по вопросам инженерной подготовки рубежей под Таллином.

Командовать всеми силами в обороне города Военный совет КБФ назначил руководителя противовоздушной обороны флота генерал — майора Г. С. Зашихина. Гаврил Савельевич имел хорошую подготовку, был волевым и требовательным начальником. В самые трудные дни боев он не терял присутствия духа, умел поддержать, приободрить подчиненных, обладая

удивительным даром располагать к себе людей. Гаврил Савельевич любил воинский порядок и всегда стремился его поддерживать.

Генерал Г. С. Зашихин вместе с военкомом А. А. Матушкиным после обсуждения с командирами своего штаба, инженерами и рекогносцировки на местности внес на рассмотрение Военного совета флота предложение о создании оборонительной полосы под Таллином по линии Пирита — Иру — Лагеди — Лехьмя— южная оконечность озера Юллемистэ — Пяскюла — Харку. Было принято решение построить здесь железобетонные и деревоземляные огневые точки, надолбы, противотанковые рвы, искусственные водные преграды, минные поля, проволочные заграждения под током и окопы в полный профиль. Особое внимание уделялось укреплению опорных пунктов Иру, Лагеди, Лехьмя, озера Юллемистэ, Пяскюла, Харку. Руководили оборонительными работами флотские инженеры С. Н. Смолин, А. Г. Кулагин, И. М. Воронцов, Л. П. Васильев, С. Е. Калашников, М. Ф. Блинов. Деятельное участие в создании оборонительных сооружений, в мобилизации населения, промышленности приняли руководящие работники республики: заместители председателя Совета Народных Комиссаров ЭССР А. Веймер и З. Пялль, члены ЦК Компартии Эстонии Г. Абельс, Х. Арбон, В. Сааси, К. Ялек.

Получалось довольно странное положение. Создавали оборонительную полосу, не представляя состава войск, которые отойдут сюда и займут оборону. Но ждать было нельзя, каждый день был дорог.

Работы развернулись с 17 июля. В те дни мне иногда удавалось выехать на строительство. Запомнилась поездка вместе с А. Н. Кузьминым в Иру. Тысячи граждан и военных моряков из частей флота работали здесь. В их распоряжение был передан городской транспорт, который использовали на подвозку строительного материала. Настроение у людей было нормальное. Решение об обороне города вызвало у трудового населения прилив патриотических чувств, хотя обстановка, создавшаяся в Эстонии к середине июля, и была тяжелой. Каждый вкладывал в строительство оборонительных сооружений все силы и умение, каждому хотелось, чтобы фашисты были остановлены. Помню, нам пожаловались на недостаток бетонных изделий, проволоки, леса. Вернувшись в Таллин, я сказал об этом зампредсовнаркома Арнольду Тыновичу Веймеру. Он в тот же день собрал руководителей заводов и строительных организаций, потребовал беспрекословно выполнять просьбы руководителей инженерных работ.

В течение трех недель напряженной работы таллинцев, саперов, моряков была создана главная оборонительная полоса на расстоянии 9—12 километров от города. Она включала в себя 39 километров противотанковых рвов, 10 тысяч бетонных, 5 тысяч металлических и 6 тысяч деревянных надолбов, 60 километров проволочных заграждений, лесные завалы, орудийно — пулеметные дзоты, плотины. В эти же дни на предприятиях Таллина оборудовались бронепоезда и железнодорожные батареи, налаживалось массовое производство минометов и мин, изыскивались возможности для производства взрывчатки и взрывателей.

Осуществлялись другие важные мероприятия по подготовке к обороне главной базы.

Учитывалось и то, что Таллин, возможно, придется оставить. На этот случай бюро ЦК Компартии Эстонии рассмотрело и приняло решение вывезти из столицы республики на восток заводское оборудование, другие материальные ценности, квалифицированных рабочих и инженеров. Флот должен был обеспечить их транспортировку морем, выделить силы охранения. Специальная комиссия Совнаркома Эстонии под председательством Народного комиссара коммунального хозяйства Алгуса Радика определяла, что, где и когда грузить.

Отправленные на восток в июле и первой половине августа транспорты с важными грузами, охраняемые нашими боевыми кораблями, благополучно добрались до Кронштадта. Подорвался лишь транспорт «Мария» с мукой в трюмах, однако его спасли, отбуксировали к берегу.

Всего в эти месяцы из Таллина было вывезено ценностей более чем на 600 миллионов рублей.

Но мы думали не только о народнохозяйственных грузах. Своих, чисто флотских, запасов в Таллине было очень много. Только на центральный технический склад, расположенный в Таллине, было завезено из Кронштадта половина запасов флота. Кроме того, непосредственно перед войной на этот же склад из центра было отгружено техническое имущество по годовой заявке для последующего распределения на склады военно — морских баз и соединений.

В связи с быстрым продвижением немецко — фашистских войск возникла опасность захвата ими технических запасов флота. 10 июля Военный совет флота принял решение об эвакуации центрального технического склада и излишков материалов и запасных корабельных комплектов, находящихся на Таллинском судоремонтном заводе.

Нужно отдать должное начальнику тыла флота Митрофану

Ивановичу Москаленко, его энергии, заботе о сохранении для флота ценнейшего имущества. Он выделил для эвакуации в помощь техническому отделу флота батальон автомашин с бойцами. Совместными усилиями работников склада и рабочего батальона погрузка на суда ценного имущества была закончена в середине августа.

Было вывезено из Таллина около 15 тысяч тонн технического имущества, в том числе базовые запасы эскадренных миноносцев, аккумуляторные батареи для подводных лодок, баббит, листовая и сортовая сталь, цветные металлы, электрооборудование, кабели, провода, станки и другие материальные ценности. Эти запасы позволили осуществлять ремонт кораблей флота почти без завоза технического имущества из центра в течение двух лет блокады в Ленинграде.

Важными задачами флота в этот период были защита своих морских коммуникаций, обеспечение перевозок из Кронштадта на Ханко, Моонзундские острова. В связи со все возрастающей минной опасностью возникла необходимость проводить одиночные боевые корабли и суда в составе конвоев под защитой авиации, обеспечивая переходы катерами ПЛО [36] и тральщиками, и все это только по строго определенным фарватерам. Поэтому одновременно с назначением командира конвоя назначался и штурман, знающий условия перехода, навигационную обстановку. Обязанности эти часто возлагались на гидрографов Б. Румянцева, К. Овечкина и других. Зарождалась и оформлялась лоцманская служба, которая обеспечивала проводку опытными, знающими особенности плавания, штурманами — гидрографами конвоев и отдельных транспортов между Таллином — Моонзундом — Ханко и в районе Кронштадта.

С первых недель войны по содержанию многочисленных запросов, поступавших в гидрографический отдел флота из соединений и частей, можно было отметить одну примечательную особенность, выражавшуюся в том, что гидрографическая служба нашла у командиров всех степеней и рангов понимание ее возможности и желание приобщить ее к тому или иному боевому использованию сил флота. И нужно сказать, что гидрографы оказались подготовленными к выполнению различных по характеру заданий, будь ли это геодезические привязки к местности артиллерийских позиций или корректировочных пунктов, обеспечение минных постановок или создание специальных карт — планшетов, все это выполнялось гидрографами при высоких технических знаниях и морской выучке.

Не менее важной задачей в этот период была транспортировка на восток раненых. Бои на фронте шли с неослабевающей силой. Наши войска, хотя и вынуждены были отходить, изматывая врага, но и сами несли тяжелейшие потери. Флотский госпиталь (руководил им военврач 2 ранга Ф. И. Синенко), являвшийся основным лечебным учреждением в Таллине, принимал в это время не только раненых военных моряков, но и воинов из сухопутных частей. Значительно была расширена сеть гражданских лечебных учреждений, открыты временные больницы в Таллине, Тарту, Нарве, Ха- апсалу, Тапа и других городах. К 5 августа в Таллине разместилось много раненых, с каждым днем число их росло. До 28 июля раненых вывозили и морем, и по железной дороге, для чего были созданы специальные временные санитарные поезда, но после захвата врагом станции Тапа остался один путь — море. Эвакуацию раненых возглавлял начальник санитарной службы флота М. Я. Кривошеев, которому подчинялись также медицинские средства армии, находившиеся в Эстонии. М. Я. Кривошеев успел многое сделать в первые два месяца войны: было создано

11 эвакуационных госпиталей в основном за счет сил и средств местных органов здравоохранения. Когда по болезни он вышел из строя, все заботы, связанные с эвакуацией, были возложены на опытного врача, энергичного и решительного руководителя

М. А. Беляева, который одинаково успешно занимался вопросами переоборудования транспортов, формированием отрядов врачей и сестер, снабжением пароходов, спасением раненых на случай каких-либо неожиданностей. Позднее М. А. Беляев за самоотверженную работу по эвакуации раненых из Таллина был награжден орденом Красного Знамени.

Врачи, сестры, санитарки работали сутками на берегу, спасая жизнь людей. Еще труднее было, когда они выходили на транспортах в море для сопровождения эвакуируемых, но никогда не падали духом, находили в себе силы не поддаться отчаянию, сказать доброе слово поддержки раненому воину. Эти люди, до конца преданные своему долгу, в самых сложных условиях вели себя, как герои. Начальник медицинского отдела флота рассказал мне как-то о молодом враче — хирурге главного госпиталя Т. В. Разуме- енко. В последние дни обороны Таллина Татьяна Васильевна шла на одном из транспортов с ранеными. Во время прорыва в транспорт попала сброшенная самолетом врага бомба. Разумеенко оказалась в воде; 16 часов она продержалась на каком-то деревянном обломке. Когда ее подобрал случайно

проходивший мимо тральщик 205, она была без сознания. А придя в себя, немедленно стала к операционному столу: требовалась срочная помощь раненым бойцам, подобранным тральщиком.

Прощаясь с Татьяной Васильевной, военком тральщика сказал ей:

— Всех жалко, кто погиб, кого не удалось спасти. Может быть, простая случайность и вас спасла от гибели. Но в этой случайности есть своя справедливость. Вы не должны были погибнуть, ведь вам надо спасать жизнь другим.

После двухмесячного лечения Разумеенко снова стала работать во фронтовом госпитале, возвращая к жизни защитников блокированного Ленинграда, часто выезжала на корабли Балтийского флота. Она пережила все невзгоды блокады, оставаясь всю войну на переднем крае, спасая жизнь бойцов и моряков. После войны Татьяна Васильевна вернулась в Таллин, в военно — морской госпиталь, где начала и где потом кончила флотскую службу. Сейчас она живет в Москве.

Всего из Таллина в Кронштадт было перевезено морем свыше

18 тысяч раненых. Переход каждого транспорта был сопряжен с риском. Фланкирующее положение южной части Финляндии по отношению к коммуникации Кронштадт — Таллин позволяло противнику наносить из финских шхер удары по нашим судам, ставить на их пути мины. От ударов можно было обезопасить себя лишь сплошным «забором» из сторожевых кораблей и катеров, но для этого у нас не хватало сил.

Чтобы читатель получил представление о том, как проходили переходы, я приведу описание одного из них, совершенного транспортом «Балтика». Описал переход И. Г. Святов, ныне контр — адмирал, а в то время капитан 1 ранга, командовавший конвоем.

«В утренних сумерках, — пишет И. Г. Святов, — 11 августа 1941 года корабли снялись с якорей. За островом Аэгна повернули на восток и построились в походный порядок. Впереди шли три тральщика с поставленными параван — тралами. За ними в десяти кабельтовых эсминец «Стерегущий» и в двух кабельтовых за «Стерегущим» — турбоэлектроход «Балтика», оба с поставленными параван — охранителями. Катера морские охотники расположились по окружности на расстоянии восемь — десять кабельтовых от «Балтики»….Тральщики стали подсекать одну за другой мины, которые с легким всплеском выскакивали на полкорпуса из воды. «Стерегущий» и «Балтика» обходили их, держась протраленной полосы. Вдруг раздался мощный взрыв. Огромный столб воды и огня взлетел вверх. Когда он опустился,

мы увидели, как один из тральщиков, переломившись пополам, уходит под воду. Останавливаться с параванами на минном поле нельзя, мы продолжали движение. Два морских охотника подбирали оглушенных и раненых членов экипажа погибшего корабля.

Во второй половине дня, когда мы подходили к маяку Родшер, в левом параване «Стерегущего», в десяти — двенадцати метрах от борта, взорвалась мина. Эсминец получил серьезное повреждение. Вмялась и местами разошлась по швам обшивка борта у первого машинного отделения. Часть помещений ниже ватерлинии оказались затопленными. Вышел из строя гирокомпас. Корабль лишился хода и получил крен на левый борт.

Экипаж «Стерегущего» был отлично подготовлен к борьбе за живучесть. Все делалось, как на учении. Скоро выровняли крен, а еще минут через пятнадцать старший инженер — лейтенант Кирке- 8ич доложил: «Можем дать ход десять узлов».

Пока мы устраняли повреждения, «Балтика» обогнала эсминец и шла теперь непосредственно за тральщиками. «Стерегущий» пристроился судну в кильватер… У форштевня «Балтики» послышался легкий всплеск, а затем рванул взрыв. Водяной столб поднялся выше мачт, сотни тонн воды медленно осели на палубу «Балтики». Она стала крениться на левый борт.

Подозвав к «Стерегущему» морской охотник, я вместе с аварийной партией эсминца поспешил на «Балтику». В воде плавают люди, покинувшие в панике судно, хватаются за спасательные круги, пояса, плотики. Спускаются шлюпки. По штормтрапу поднимаюсь наверх, за мной матросы… На судне суматоха… Сам факт высадки военных моряков на аварийное судно произвел впечатление на пассажиров и раненых… Киркевич развил бурную деятельность, обеспечивая живучесть «Балтики», затопил ряд отсеков, чтобы выровнять крен, привлек всю команду и легкораненых к дополнительному креплению водонепроницаемых переборок и откачки из помещений воды ручными помпами.

…Катера морские охотники успели свезти на остров Гогланд около 600 человек. Я приказал капитану «Балтики» Г. П. Бютнеру приготовить буксирные концы, а командиру «Стерегущего» взять судно на буксир… Около 21 часа «Стерегущий» дал ход, и «Балтика» двинулась в кильватер эсминцу.

К исходу дня «Стерегущий», не отдавая буксира, стал на якорь у Гогланда…

…Ночь эта, полная тревоги за судьбы кораблей и людей, длилась для меня бесконечно долго. Не оставалось сомнений, что

враг ведет за нами наблюдение и, возможно, готовит новое нападение.

Нас вовсе не устраивала перспектива предрассветных торпедных атак и дневных налетов авиации. Поэтому, поторопив с возвращением на борт судна раненых, ранее отправленных на Гогланд, я приказал уйти с Гогландского рейда ночью, благо на «Стерегущем» уже ввели в строй гирокомпас.

Решили не пользоваться рекомендованным корабельным фарватером, а идти через пролив Хайлода, оставив остров Лавенсари и Сескар к северу. Так ближе к своему берегу, здесь меньше опасность подвергнуться нападению противника. Но был немалый риск навигационного порядка. Пролив Хайлода очень узкий, шириной всего 120–150 метров, извилистый, пролегает среди камней и рифов с глубинами не более десяти метров. Осадка же «Балтики» после затопления отсеков составляла восемь метров, всего два метра под килем! Движение начали за час до рассвета. Рассчитали так, чтобы пролив Хайлода пройти при хорошей видимости. Но с приближением к нему вдруг попали в полосу густого тумана. Пришлось бросить якоря. Стоим 30–40 минут, и вот слышим гул моторов большой группы самолетов. Не обнаружив «Стерегущего» и «Балтики», они сбросили бомбы на батарею, находящуюся на мысе Кургалово.

С улучшением видимости «Стерегущий», несмотря на сложнейшие навигационные условия, двигаясь между камней и рифов, благодаря отличной штурманской службе, сумел к вечеру 13 августа благополучно доставить транспорт в Кронштадт».

Переход «Балтики» считался успешным, удалось спасти раненых, сохранить судно; потеря конвойного тральщика огорчала, но, в сущности, это была не такая уж большая потеря. Не всегда, однако, дело завершалось столь благополучно. 19 августа под усиленной охраной боевых кораблей и авиации из Таллина вышел конвой, в составе которого находился и транспорт «Сибирь». На его борту было около 1200 человек — раненые и гражданское население. Несмотря на то, что судно имело санитарные опознавательные сигналы, за ним начали охотиться самолеты противника. Во второй половине дня около маяка Родшер в «Сибирь» попала бомба. Нарушилось управление, возник большой пожар, длившийся более суток. Неимоверными усилиями личного состава охранных кораблей и присланных с Гогланда тральщиков удалось спасти и перевезти на остров около 900 человек, из них 690 человек раненых. Пожар ликвидировать не удалось. Около полуночи 20 августа «Сибирь» затонула… Судьбу «Сибири» разде- 114 лили несколькими днями позже транспорт «Леени» и гидрографическое судно «Норд»,

подорвавшиеся на минах.

Не меньшие, а порой, может быть, большие трудности приходилось преодолевать при доставке боеприпасов и горючего на полуостров Ханко. Капитан 1 ранга запаса М. Ефимов пишет: «В то время я был командиром БТЩ-203 («Патрон»). 30 июля 1941 года мы получили приказ отконвоировать транспорт «Хильда» с боеприпасами и баржу с бензином на буксире «Лива» из Таллина на полуостров Ханко. Нам были приданы БТЩ-202 («Буй») старшего лейтенанта И. И. Степанова и два катера «МО» капитан — лейтенанта Г. И. Лежепекова. На переходе за тралами мы уничтожили четыре плавающих мины и две подсекли. К вечеру прибыли на место. Город, военно — морская база находились под артогнем противника. Всюду пожары. В 2 часа ночи 31 июля поступило приказание войти в гавань и принять из трех подземных госпиталей тяжелораненых ханковцев. БТЩ-202 ошвартовался. Во время погрузки раненых машины тральщика были в полной готовности, а швартовы заведены серьгой, так как наши корабли обнаружили противника. Враг сосредоточил огонь по гавани. В корпусе тральщика уже немало пробоин, повреждены мачты, антенны. Личный состав умело и организованно боролся за живучесть… При выходе из базы нас пытались атаковать вражеские самолеты «Ю-88», но корабли прикрывали балтийские истребители во главе с Н. Г. Белоусовым. Все ханковцы благополучно доставлены на Большую землю»[37].

Большую активность противник проявлял и в воздухе. Широко используя разведывательные самолеты, враг пытался установить точную дислокацию боевых кораблей на рейдах и в гаванях Таллина, изучая системы зенитного и истребительного прикрытия города — базы.

Сбитый в середине июля экипаж вражеского разведывательного самолета показал, что он имел задачу установить движение войск по дорогам Эстонии, состав боевых кораблей и систему ПВО базы.

Своевременно сосредоточенные зенитные артиллерийские полки и выделенная для прикрытия базы истребительная авиация довольно успешно отражали налеты бомбардировщиков врага. Так, к исходу дня 20 июля группа бомбардировщиков пыталась нанести удар по основному аэродрому истребителей, прикрывавших Таллин. Однако, встреченные организованным зенитным огнем и истребителями, самолеты врага не добились никакого успеха.

3 августа в налетах на Таллин принимало участие до 20 «юнкер- сов». Потеряв два самолета, они снова не выполнили задачи, были отогнаны.

20 августа две группы бомбардировщиков пытались атаковать корабли на рейде. Несмотря на настойчивые попытки вражеских летчиков, им не удалось прорваться на охраняемый рейд.

Налеты вражеской авиации на корабли продолжались до последнего дня обороны Таллина. Эффективность и организованность зенитного огня и смелые действия летчиков — истребителей сохранили наши корабли от ударов авиации противника. Не получилось ни одного массированного удара и по основным объектам города. Зенитные артиллерийские полки и балтийские истребители успешно выполняли свою задачу.

Коммуникация Кронштадт — Таллин все время была оживленной. Шла ожесточенная борьба с противником. Она требовала высокого напряжения, особенно со стороны экипажей сторожевых кораблей, базовых тральщиков, морских охотников и летчиков флотской авиации.

Однако и на сухопутном эстонском плацдарме обстановка складывалась очень неблагоприятно. Уже 8 июля враг с ходу овладел Пярну, создавая очень опасное положение для Таллина с приморского направления, где наших войск вообще не было. А в первых числах июля разведывательные отряды 217–й пехотной дивизии противника появились из-под Марьямаа. Практически дорога на Таллин была открыта.

Командир единственной на территории Эстонии резервной 16–й стрелковой дивизии имени Киквидзе (генерал — майор И. М. Любов- цев и заместитель по политчасти полковой комиссар В. П. Мжаванадзе), согласовав свои действия с Военным советом флота, направил часть войск в направлении Марьямаа — Лихулла. Мы, в свою очередь, туда срочно направили батальон морской пехоты, усиленный танковой ротой, а также отряды пограничников и 1–й таллинский истребительный батальон (командир П. Токарев и заместитель по политчасти Вл. Кинн).

Комендант обороны Моонзундских островов генерал А. Б. Елисеев получил приказ высадить десант с острова Сарема, выбить противника с Виртсу и удерживать этот район, не допуская продвижения противника по побережью (эти боевые действия рассматриваются в 12–й главе).

В течение нескольких дней в районе Марьямаа шли упорные бои, закончившиеся разгромом передовых частей противника и отступлением его по направлению к Пярну. После того как положение на этом направлении укрепилось, части 16–й дивизии получили приказ командующего 8–й армией сосредоточиться в районе Рап- ла, оборону же участка под Марьямаа передать морским пехотинцам вместе с пограничниками и батальонами

народного ополчения. Поражение противника под Марьямаа заставило командование фашистского 26–го армейского корпуса приостановить наступление на Таллин более чем на месяц. План захвата столицы Эстонии с ходу провалился, для гитлеровцев наступила оперативная пауза, потребовавшая значительного подкрепления.

К 10 июля войска 8–й армии закрепились на рубеже Пярну — Му- стла — Тарту — Эма — Йыги. (До 24 июля войсками армии командовал генерал — лейтенант Ф. С. Иванов,) Этот участок простирался на

100 километров, он превратился в самостоятельное операционной направление.

Удержать рубеж было нелегко, так как войска 10–го и 11–го стрелковых корпусов были измотаны в непрерывных боях, которые вели от самой границы. В составе 10–й стрелковой дивизии, например, оставалось всего 2600 человек, 27 орудий, одно орудие ПТО и 89 пулеметов. Слабым было авиационное прикрытие, так как все наши и фронтовые самолеты действовали на лужском и новгородском направлениях, где положение было еще труднее. Все это сильно осложняло условия борьбы наших войск с численно превосходящим противником. Военный совет фронта поставил перед 8–й армией задачу: немедленно приступить к созданию оборонительных рубежей по линии Пярну — Вильянди — северное побережье озера Выртсьярв, закрепиться на занимаемом рубеже и не допустить дальнейшего продвижения врага на север, к столице Советской Эстонии, а также к Нарве. Других рубежей под Таллином не имелось. Отсутствовали они с юга и запада, что особенно осложняло положение главной базы флота.

Предпринятое противником 11 июля наступление на Нарвском рубеже также не дало результата. В ходе семидневных ожесточенных боев с нашими войсками, поддержанными авиацией корабельной и железнодорожной артиллерией флота, враг понес большие потери. По показаниям немецких пленных, в ротах 217–й дивизии оставалось по 15–20 человек вместо 170. Тогда вражеское командование дополнительно перебросило с ленинградского направления в Эстонию 254–ю, 93–ю и 291–ю пехотные дивизии, а несколько позже и 207–ю охранную из резерва командующего группой армий «Север», столь важное значение придавало оно овладению этой территорией и южным побережьем Финского залива. Противник, наступая на Ленинград, не мог оставить у себя в тылу войска 8–й армии и главную базу флота, создававших боевую устойчивость укрепленному району Моонзунд- ского архипелага и оборонительной позиции

полуострова Ханко— остров Осмуссар. В дополнение к директиве N2 33 от 23 июля

1941 года немецко — фашистское командование поставило перед группой армий «Север» задачу: «Силы противника, все еще действующие в Эстонии, должны быть уничтожены, при этом необходимо не допустить их погрузку на суда и прорыв через Нарву в направлении Ленинграда»[38].

Перегруппировав силы, пополнив потрепанные в боях части, после усиленной разведки противник 22 июля возобновил наступление Главный удар наносился встык 10–го и 11–го стрелковых корпусов. К исходу 25 июля врагу удалось выйти на западный берег Чудского озера. 11–й стрелковый корпус был отрезан от основных сил 8–й армии. 10–му стрелковому корпусу, отражавшему натиск в направлении Раквере — Кунда и на Марьямаа, удалось остановить противника. В конце июля Гитлер в новой директиве № 34 потребовал от командующего группой армий «Север»: «Первоочередной задачей всех сил 18–й армии является очищение от противника Эстонии. Лишь после этого ее дивизии начнут выдвигаться в направлении на Ленинград»[39]. Напор немецко — фашистских войск усилился.

Новый командующий 8–й армией генерал П. С. Пшенников[40] сообщил, что противник прорвал нашу оборону и силами пехотной дивизии стремится выйти на линию Тапа — Раквере. Штаб направления потребовал от нас принять все меры по обороне Таллина. Это было немедленно сделано. Возможности наши были невелики. Часть бригады морской пехоты и строительные батальоны мы ранее послали на правый фланг фронта к Марьямаа, под Таллин, на восточный боевой участок обороны вывели оставшиеся в нашем распоряжении батальоны единственной бригады морской пехоты, корабли приготовились для огневой поддержки. В Палдиски был развернут один батальон и приведены в готовность береговые батареи.

Наступление гитлеровцев на север тем временем продолжалось.

5 августа противник овладел станцией Тапа, перерезав железную дорогу и автотрассу Таллин — Ленинград. К исходу 7 августа его войска вышли на побережье Финского залива между мысом Юминда и Кундой.

После месяца напряженных боев на эстонском плацдарме 8–я армия окончательно была расчленена на две изолированные части. 10–й стрелковый корпус отходил на Таллин, 11–й стрелковый корпус (с ним 47–й корпусной артиллерийский полк) — на Нарву. Командующий 8–й армией генерал

П. С. Пшенников, находившийся со штабом за Нарвой, принял решение нанести на рассвете

9 августа по противнику встречные контрудары, и таким путем соединить 10–й и 11–й корпуса. Мы считали это нереальным. Измотанные в боях части 10–го корпуса едва ли могли рассчитывать на успех. В то же время для того чтобы вступить в бой, им пришлось бы оставить занятые по нашей рекомендации оборонительные рубежи, что было равносильно открытию для врага дороги к Таллину. Обсудив на Военном совете это решение командарма, мы высказали свое отрицательное отношение Главнокомандующему войсками Северо — Западного направления Маршалу К. Е. Ворошилову, поставили вопрос о подчинении остатков корпуса флоту для усиления обороны Таллина.

Одновременно Военный совет просил Наркома Военно — Морского Флота адмирала Н. Г. Кузнецова доложить о нашем мнении Ставке. В своем донесении мы писали: «Считаем своим долгом донести создавшееся положение с обстановкой под Таллином в связи с разделением противником войск 8–й армии на две части и выходом его на берег Финского залива. Части 10–го стрелкового корпуса без техники и артиллерии численностью всего около

10 тысяч заняли естественные рубежи на расстоянии от Таллина 30–35 км общим фронтом до 90 км. Задача, поставленная командующим 8–й армией командиру 10–го корпуса, его наступление на восток, не дают нам уверенности, что и эти части останутся прикрывать Таллин. В течение месяца штаб, авиация флота вынуждены уделять много времени сухопутным вопросам. Своих сухопутных сил КБф имеет одно соединение морской пехоты численностью 2500 человек плюс отдельные команды, роты, формируемые из различных частей до 2000 человек. Считаем, что даже при интенсивной огневой поддержке корабельной артиллерии сухопутных войск на таком широком фронте недостаточно. Возведенные укрепления полевого типа не являются серьезным препятствием для противника при сосредоточении им сил. В районе главной базы имеется огромное количество техники, до 80 зенитных орудий, сотни спецмашин, авиация флота до 100 самолетов, береговые укрепления флота. Для защиты главной базы нужны соответствующие силы и средства. Поэтому считаем своим долгом в целях удержания базы для флота, поддержания коммуникаций с островами Эзель, Даго и полуостровом Ханко, вывода подводных лодок в Балтийское море и удержания за собой Финского залива, в целях сохранения тысяч ценных специалистов, техники доложить этот вопрос

Верховному Главнокомандующему»[41].

Народный комиссар обещал сделать это, сказал, что о тяжелом положении Таллина известно. Он выразил уверенность, что его защитники выдержат атаки противника.

Попытки войск 8–й армии восстановить положение не дали результатов. 10–й корпус остался у Таллина. Численность его войск, по данным на 9 августа, составляла 10 898 человек. Части были измотаны, устали от двухмесячных боев. Тем не менее они прикрывали основные направления и узлы дорог. Промежутки между батальонами достигали 5–8 километров, на батальон приходилось 10–12 километров. В резерве командиров дивизий находились роты, редко батальон.

На участок обороны со стороны Пярну, где угроза была особенно сильна, мы направили сформированный из военных моря- ков — добровольцев, морских пехотинцев и пограничников отряд под командованием полковника И. Г. Костикова. Отряд занял фронт по линии Казари — Рапла и при поддержке авиации флота длительное время успешно отражал яростные атаки разведывательных подразделений врага.

Для бойцов, выделенных кораблями и частями флота, не хватало стрелкового оружия. Пришлось приказать командиру Кронштадтской военно — морской базы контр — адмиралу В. И. Иванову изъять его у команд строящихся кораблей, южных фортов, учебного отряда и немедленно самолетами переправить в Тал лин. Ему также было приказано отправить в главную базу одну из сформированных за счет частей флота бригаду морской пехоты. Сделать это, однако, не удалось: в критической ситуации она была введена в бой под Котлами…

12 августа мы получили из штаба войск Северо — Западного направления директиву: «Поддержание морских коммуникаций Таллин — Кронштадт является центральной задачей. Максимально сократить движение транспортов, ограничить перевозки. Вывозить из Таллина ценные грузы. Использовать моторно — парусные шхуны. Продолжать минные постановки на выходах из шхер, «изыскать и оборудовать новый фарватер вне обстрела с берега»[42]. В этой директиве было очень много важных боевых задач, но времени и сил для их выполнения не хватало, так как с каждым днем обстановка на территории Эстонии осложнялась. С образованием сплошного фронта обороны Таллина 10–й стрелковый корпус приказом главнокомандующего войсками Северо- Западного направления был подчинен командующему флотом, а его командир генерал — майор И. Ф. Николаев назначен моим заместителем по сухопутной обороне. Этим обеспечивалось централизованное руководство

всей обороной главной базы флота. 51 тогда впервые познакомился с И. Ф. Николаевым. Приглядевшись к нему во время посещений командного пункта корпуса, я увидел, что Иван Федорович был зрелым командиром, имел практический опыт руководства войсками в мирное и особенно в военное время. Не так просто пройти от государственной границы тысячу километров под давлением превосходящих сил врага и сохранить боеспособность частей! Не каждому генералу удавалось это. Это был интеллигентный, выдержанный, спокойный по характеру, требовательный к себе и людям человек. Под стать ему был начальник штаба корпуса генерал — майор Л. С. Березинский, личность более темпераментная. И. Ф. Николаев и Л. С. Березинский прекрасно дополняли друг друга в трудные дни обороны Таллина. После Таллина Иван Федорович возглавил м почти до конца 1943 года командовал 42–й армией под Ленинградом. К сожалению, жизнь генерала Николаева рано оборвалась. В 1944 году его не стало.

Несмотря на численное и техническое превосходство сил противника, в результате упорного и героического сопротивления войск 8–й армии, частей флота, пограничников и эстонского народного ополчения значительная группировка врага была скована, имела большие потери, темп ее продвижения значительно снизился. Теперь для штурма столицы Эстонии враг сосредоточивал еще войска 42–го армейского корпуса 18–й армии, усиленного танковыми и артиллерийскими подразделениями.

В середине августа мы получили директиву Военного совета Северо — Западного направления, в которой подтверждалась безусловная необходимость обороны Таллина. Нам предлагалось усилить сухопутные войска за счет береговой обороны, зенитной артиллерии, баз, служб, аэродромов; мобилизовать гражданское' население Таллина для осуществления плана инженерной обороны; подчинить части мелкой артиллерии и зенитных пулеметов, сухопутной обороне; более эффективно использовать береговую оборону для помощи сухопутным войскам.

Все это уже делалось или было сделано, о чем мы немедленно доложили главкому. Одновременно просили направить в наше распоряжение 150 пулеметов, 500 автоматов, 3000 винтовок с боезапасом, выделить несколько маршевых батальонов, обещанных ранее. К сожалению, подкреплений нам выделить не смогли, онˆ нужнее были под Ленинградом, где обстановка с каждым днем ухудшалась.

Командир 10–го корпуса генерал — майор И. Ф. Николаев объехал» с инженер — полковником А. Н. Кузьминым

оборонительные инженерные сооружения на отдельных направлениях, дал им оценку на Военном совете флота. «Сооружения, безусловно, сыграют свою положительную роль, но нужны войска, — докладывал он. — В составе корпуса их очень и очень мало. Я прошу мобилизовать все, что может дать флот за счет кораблей, береговой обороны, учреждений и тылов».

Мы приняли соответствующее решение. Вскоре были сформированы сводный морской полк, особый отряд моряков, батальон- специальных войск и ряд других формирований — всего 14 частей" и подразделений, укомплектованных добровольцами, краснофлотцами, командирами и бойцами строительных батальонов, общей численностью 16 тысяч человек. Ручное оружие и пулеметы для них выделили из своих запасов корабли и части флота. По решению Военного совета с кораблей было снято 29 пулеметов, с крейсера «Киров» и лидера «Минск» — 45–миллиметровые орудия, с миноносца «Володарский» — 76–миллиметровое орудие, создан» батарея на автомашинах для поддержки частей стрелкового корпуса. Вновь сформированные части и подразделения явились заметным подспорьем для войск 10–го стрелкового корпуса. Основой корпуса являлась 10–я стрелковая дивизия, которой командовал генерал — майор И. И. Фадеев. В него входили также: 22–я мотострелковая дивизия НКВД, состоявшая из 5–го мотострелкового и 83–го железнодорожного полков, ранее охранявших государственные объекты в Прибалтике; 156–й стрелковый полк 16–й стрелковой дивизии; Латвийский добровольческий стрелковый полк; корпусные части. Из эстонских истребительных батальонов бьцт сформирован Таллинский коммунистический стрелковый полк численностью около 1500 человек. Командовал им капитан М. Пастернак, военкомом был секретарь ЦК КП Эстонии Ф. Окк. Оба эти отважных человека погибли в тот же день, когда полк занял-оборону и принял удар превосходящих сил врага.

К обороне Таллина привлекались корабли, базирующиеся здесь: крейсер, два лидера, девять эсминцев, три канонерских лодки$_г$ а также девять батарей береговой обороны и три полка зенитной артиллерии, всего свыше 200 орудий калибра 76—305 миллиметров и 74 орудия калибра 37–45 миллиметров. Артиллерия 10–го стрелкового корпуса насчитывала 64 орудия 37—152–милли- метрового калибра. Кораблям и артиллерийским частям предстояло поддерживать сухопутные войска, оборонявшие Таллин; вести борьбу с артиллерией и авиацией противника, быть готовой прикрыть главную базу с моря, отразить возможные попытки врага высадить десанты; обеспечить эвакуацию. Был разработан специальный план взаимодействия

морской артиллерии с сухопутными войсками, согласованный с начальником артиллерии 10–го стрелкового корпуса полковником Г. А. Макаровым и утвержденный флагманским артиллеристом флота капитаном 1 ранга Н. Э. Фельдманом.

На Таллинском рейде для кораблей была намечена боевая диспозиция, расставлены вешки, рассчитаны координаты обстрела намеченных рубежей. Каждая позиция имела паспорт (данные для ведения артиллерийского огня). Уходя с рейда, корабли сдавали паспорта на крейсер «Киров», а по возвращении снова получали их для данной точки. Такую организацию ввел флагманский артиллерист отряда легких сил капитан 2 ранга А. А. Сагоян; впоследствии число рубежей, подлежащих обстрелу, стало больше, за кораблями закрепили ответственные секторы. Гидрографическая партия района, возглавляемая капитаном 3 ранга Н. И. Зимой при участии флагманского штурмана отряда легких сил капитан — лейтенанта Л. Я. Родичева, произвела топографическую привязку якорных огневых позиций кораблей на внутреннем рейде и уточнила районы огневого маневрирования на случай стрельб с внешнего рейда у островов Найссар и Аэгна.

В войсках были развернуты наблюдательно — корректировочные посты, обеспеченные радиостанциями, откуда флотские командиры корректировали огонь артиллерии кораблей и береговой обороны. Создание наблюдательно — корректировочных постов в условиях стремительно развивавшихся событий на фронте полностью себя оправдало. Личный состав этих постов двигался вместе с войсками, быстро сообщая об изменениях обстановки на свои батареи, что позволяло действовать своевременно и наверняка. Руководство использованием морской артиллерии было возложено на Н. Э. Фельдмана, назначенного заместителем командующего сухопутной обороной. Вызовы огня от командующего артиллерией корпуса, командиров дивизий и отрядов морской пехоты поступали на его КП. Здесь цели распределялись: для корабельной артиллерии через капитана 2 ранга А. А. Сагояна (крейсер «Киров»); береговой — через начальника артиллерии береговой обороны майора Н. И, Скородумова. Были разработаны плановая таблица взаимодействия, система целеуказания, схема связи и таблица условных сигналов. Для регулярной поддержки приморского фланга выделили отряд огневой поддержки в составе трех канонерских лодок под командованием капитана 1 ранга Н. В. Антонова. Таллинские рабочие построили в те дни морскую железнодорожную батарею 130–миллиметрового калибра и два бронепоезда для узкой железнодорожной колеи.

В боевых порядках обороняющихся войск 10–го стрелкового

корпуса и 1–й бригады морской пехоты находились три зенитно — ар- тиллерийских полка противовоздушной обороны флота с многочисленной ствольной артиллерией, зенитными автоматами и счетверенными пулеметами. Эта мощная огневая сила оказала неоценимую помощь сухопутным войскам. Именно у батарей этих полков развертывались наиболее ожесточенные бои, у них при отходе концентрировались наши части.

Начальник артиллерии ПВО главной базы полковник М. П. Сиво- дедов вместе с командирами полков разработал планы использования зенитной артиллерии в интересах сухопутных войск, целеуказания и привязку батарей на местности. Особое внимание он уделял вопросу подготовки и стрельбам по наземным целям, организации наблюдательных постов. Подготовка зенитной артиллерии увязывалась с планом использования всей артиллерии флота.

Заботясь о создании оборонительных рубежей, об использовании артиллерии, мы не забывали о людях, прежде всего, о командных кадрах. Рассмотрев на Военом совете вопрос о воспитательной работе с ними, мы в своем решении записали: «Развертывание и всемерное усиление воспитательной работы с руководящим составом — главная и решающая задача». Мы требовали «…систематически изучать наши командные кадры, проверять их в ходе выполнения боевых заданий, настойчиво помогать им устранять недочеты, выдвигая наиболее способных». Военный совет ставил перед командным составом задачу — изучать тактику врага, практиковать разбор поучительных боевых эпизодов.

Большую роль в организации обороны Таллина сыграли партийно — политические органы флота и стрелкового корпуса, городской комитет Коммунистической партии Эстонии. Центральный Комитет КПЭ и военный совет флота неоднократно обращались с воззваниями к защитникам Таллина. По указанию Военного совета флота более двухсот коммунистов — партгрупорги, заместители политруков, комсорги боевых частей — с кораблей и частей были направлены в войска 10–го стрелкового корпуса, в бригаду морской пехоты и другие флотские части; их распределили по йотам, взводам и командам. Командир корпуса генерал И. Ф. Николаев положительно отзывался об этих коммунистах, которые на деле показывали пример мужества, первыми поднимались в атаку. Когда обстановка под Таллином еще более осложнилась, политуправление флота направило на передний край почти всех своих политработников, чтобы они личным примером и вдохновенным словом крепили боевой дух защитников города.

В эти дни в Таллине работала большая группа военных литераторов — ленинградцев и москвичей: Всеволод Вишневский, Леонид Соболев, Николай Браун, Всеволод Азаров, Юрий Инге, Анатолий Тарасенко, Николай Михайловский, Евгений Соболевский, Филипп Князев, Александр Зонин, Даниил Руднев, Николай Янов, Юрий Зенковский и другие. Каждый день в центральной, республиканской, фронтовой печати появлялись их очерки, корреспонденции, стихи, фельетоны. Группа литераторов во главе со специальным корреспондентом «Правды» Всеволодом Вишневским помогала ЦК Компартии Эстонии определить направление местных газет и журналов, издававшихся на русском и эстонском языках. В «Правде», «Советской Эстонии», «Красном Балтийском флоте» печатались статьи и рассказы Вишневского о героях обороны Таллина. Иногда писатель сравнивал их с героями гражданской войны, участником которой он был, сражаясь на волжском боевом корабле «Ваня — коммунист».

17 августа было опубликовано обращение «Таллин, на борьбу», которое призвало трудящихся мобилизовать все силы для защиты города. «Таллин — старинный исторический город. С башен оборонительных валов Таллина многократно грохотали пушки. Рабочие и крестьяне, интеллигенция продолжают борьбу своих предков, которые в боях с тевтонскими рыцарями и пиратами — баронами защищали знаменитый Таллин. Таллин — это крепость нашей свободы, нашей культуры». Строки эти были подписаны Председателем Совета Народных комиссаров Эстонской ССР И. Лауристином.

С 10 по 19 августа на фронте под Таллином наблюдалось относительное затишье. Враг сосредоточивал силы. Было ясно, что не сегодня, так завтра начнется штурм наших оборонительных рубежей. В этих условиях мы приняли решение перенести на новое, более безопасное место командный пункт. Он был оборудован на территории Минной гавани, имел радиосвязь с Кронштадтом, Ханко, Моонзундскими островами и телефонную связь со всеми частями, оборонявшими Таллин. Сюда перешли Военный совет и часть отделов штаба флота. Флаг командующего был поднят на посыльном судне «Пиккер»; основные отделы штаба и политуправление разместились на штабном корабле «Вирония». Для обороны территории гавани были выделены специальные подразделения морской пехоты.

13 августа Военный совет флота обратился в Ставку с предложением перебросить для защиты Таллина с полуострова Ханко двадцать тысяч бойцов с артиллерией и танками. Мы, конечно, понимали, что, если эта просьба будет удовлетворена, Ханко окажется сильно ослабленным. Но для обороны Таллина

нужны были подкрепления, а взять их было неоткуда. С востока нам ничего не могли дать: обстановка под Ленинградом продолжала ухудшаться, там был дорог каждый боец. Ответ Ставки гласил, что город необходимо оборонять имеющимися в нашем распоряжении силами.

19 августа противник начал артиллерийскую подготовку на юго — восточном и восточном участках. На следующее утро после интенсивной артиллерийско — минометной подготовки он перешел в наступление по всему фронту нашей обороны.

На нарвском направлении, которое, как я выше отмечал, являлось главным, первыми приняли на себя удар фашистских войск морские пехотинцы 1–й бригады и бойцы 10–го зенитно — артиллерийского дивизиона. Дивизионом командовал старший лейтенант Е. И. Котов, знающий командир, обладавший завидным хладнокровием, твердой волей, смелостью, умевший разобраться в сложной обстановке. Он Р всегда появлялся в нужный момент там, где было особенно трудно и решительно влиял на ход боя. Воины дивизиона вместе с морскими пехотинцами упорно отстаивали рубежи, нанося врагу большие потери в живой силе и технике. Пример доблести и отваги являла батарея лейтенанта С. Е. Соловьева. Она пять раз меняла огневые позиции, редели ряды ее бойцов, но противник нес во много раз больший урон. Военный совет флота не раз отмечал в своих телеграммах храбрость бойцов и командиров дивизиона, тем самым повышая их боевой дух и стойкость.

Бои продолжались непрерывно. Едва стихнув на одном участке, они возобновлялись с новой силой на другом. Наиболее упорный характер бои принимали там, где опорные пункты оказались хорошо подготовленными в инженерном отношении и заблаговременно заняты войсками. Так, в частности, было в опорном пункте Иру, который обороняла бригада морской пехоты полковника Т. М. Парафило. Терентий Михайлович прошел большой жизненный путь от рядового красноармейца до командира бригады. Вся его служба, начиная с небольшой должности ротного учителя, проходила в стрелковых и караульных частях Кронштадта. В конце двадцатых годов его направили на учебу, он окончил Высшие стрелковые тактические курсы. В конце тридцатых годов в звании полковника — командир Кронштадтского стрелкового полка, а с октября 1939 года — командир отдельной стрелковой бригады флота, первого соединения будущей морской пехоты. В войну 1939/40 года Т. М. Парафило успешно командовал лыжным морским батальоном, наступавшим по льду Финского залива в направлении Выборга. Терентий Михайлович обладал спокойным

характером, не терялся в сложной обстановке, тщательно обдумывал принимаемые решения. Зрелый общевойсковой командир, вполне подготовленный для руководства морскими пехотинцами, он прекрасно показал себя в боях за Таллин.

Имея перевес в силах, противник постепенно теснил части 22–й мотострелковой дивизии НКВД и 156–го полка 16–й стрелковой дивизии, а затем и левый фланг 10–й стрелковой дивизии. Наши войска медленно отходили к Таллину. Военный совет флота доложил главкому войск Северо — Западного направления Маршалу Советского Союза К. Е. Ворошилову свои намерения и пожелания относительно дальнейшего ведения боевых действий. Мы счита ли, что события развиваются не в нашу пользу, и долго удерживать Таллин нам, видимо, не удастся, рано или поздно его придется оставить. Как нам представлялось, следовало немедленно сосредоточить на таллинском плацдарме гарнизоны с Моонзунд- ских островов, с Ханко и, создав здесь сильную группировку советских войск, 45–50 тысяч человек, нанести контрудар во фланг противнику в направлении на Нарву. С нами не согласились; штаб направления считал постановку этого вопроса преждевременной. «Гарнизон Таллина наступательной силой не обладает, но держаться в укрепленном районе может», — ответили нам. Время показало, что такая постановка вопроса, по — моему, была не преждевременной, а скорее запоздалой и недостаточно настойчивой. Через двадцать суток гитлеровцы предприняли мощное наступление на острова Моонзундского архипелага. В неравных полуторамесячных боях гарнизоны Сарема и Хиума понесли значительные потери, небольшая часть была перевезена на Ханко. Я глубоко убежден, что в Таллине они принесли бы гораздо большую пользу.

На Таллин наступали нацистские дивизии, ранее воевавшие на западе, имевшие боевой опыт. Главный удар они сосредоточили с востока силами 254–й пехотной дивизии. В районе Уэвески, мызы Оясо, мызы Полукола осуществлялся вспомогательный удар войсками 217–й пехотной дивизии. Перешел в наступление противник и на юго — западном участке, где оборонялся отряд полковника И. Г. Костикова. Наши войска дрались самоотверженно. Поддержку им оказывали корабли. Канонерские лодки «Москва» и «Амгунь» артиллерийским огнем подавляли огневые точки противника, поддерживая малочисленную 22–ю дивизию. Внезапные огневые налеты по танкам и скоплениям вражеских войск наносили бронепоезда капитана П. Ф. Живодера и лейтенанта М. Г. Фо- стиропуло. Вместе с морскими пехотинцами и бойцами 10–го стрелкового

корпуса в бой вступили флотские зенитчики 10–го, 83–го, 17–го и других артиллерийских дивизионов.

В первый день, несмотря на ожесточенные атаки, фашисты не добились существенных результатов. С утра 21 августа штурм наших позиций начался с новой силой. Мы ввели в бой почти все резервы. На левом фланге противнику удалось прорваться в наше расположение, и выбить его мы не смогли. С каждым часом труднее становилось поддерживать войска нашим летчикам. Они делали в день по шесть — семь вылетов, находились на пределе физических сил.

На третий день боев противник нанес главный удар от мызы Кехра на Вандьяла вдоль Нарвского шоссе. Вспомогательный удар был направлен на Пэрипа, мызу Тухала, а также Арувела. Одновременно противник атаковал отряд морскрй пехоты полковника И. Г. Костикова на пярнуском направлении. Морские пехотинцы героически вели неравный бой с противником, держались до последней возможности. Когда же враг окружил отряд, моряки пошли на прорыв, тяжелораненый полковник Костиков с револьвером в руке шел впереди. Почти все командиры и краснофлотцы погибли. Костиков отстреливался пока были патроны; последнюю пулю, не желая попасть в плен, направил себе в сердце. После его гибели оборону на пярнуском направлении возглавил полковник Е. И. Сутурин.

Положение с каждым днем становилось все тяжелее. Несмотря на то, что сухопутные войска и военные моряки сражались самоотверженно, противник, пользуясь превосходством в силах, продолжал сжимать кольцо вокруг Таллина. Не считаясь с потерями, гитлеровцы предпринимали по пять — шесть атак в день, были и «психические» атаки, когда пьяные фашисты шли напролом.

21 августа вступили в бой и нанесли первые артиллерийские удары по наседавшим гитлеровцам крейсер «Киров» и 305–миллиметровые батареи острова Аэгна. Используя мощь, дальнобойность и меткость, морская артиллерия повела дальний огонь по противнику. Бойцы стрелковых частей и морской пехоты сразу почувствовали мощную поддержку.

Защитники Таллина неоднократно переходили в контратаки. 5–й мотострелковый и 62–й стрелковый, латышский и эстонский полки, батальон 204–го полка на отдельных участках отбивали в день по четыре — пять атак, поддерживаемых артиллерийским и минометным огнем. Теперь уже все корабли, находившиеся на рейде, оказывали артиллерийскую поддержку нашим войскам. Героически отражая натиск врага, защитники Таллина медленно отходили на главную полосу обороны.

В те дни я, как и обычно, записывал в тетрадь основные события, которыми жил; среди записей есть такая: «22 августа. 14 часов. Отряд Сутурина имеет до 60 процентов потерь. 8–й погранотряд ведет бой в окружении, 10–я дивизия и 156–й полк на прежних рубежах, на участке 22–й дивизии потивник продвигается. Авиация флота поддерживает наши войска. У врага по Нарвскому шоссе подходят свежие резервы…»

Угроза прорыва немцев в Таллин становилась все реальнее; обстановка требовала, чтобы были предприняты еще более решительные меры для обороны. В целях лучшего руководства ею рубеж обороны был разделен на три боевых участка: восточный — командир полковник Т. М. Парафило; южный — генерал — майор И. И. Фадеев; западный — полковник Е. И. Сутурин. Дополнительно сформированный отряд моряков — добровольцев занял оборону на шоссе Таллин — Палдиски. Специалисты с крейсера «Киров», лидеров «Ленинград» и «Минск», миноносцев и торпедных катеров понимали свою задачу — не допустить врага в город. И с честью ее выполняли. В один из последних дней боев за Таллин моряки 14 раз ходили в атаку, сбивали врага с занимаемых рубежей.

День и ночь вели огонь по скоплениям живой силы и техники врага корабли эскадры и отряда легких сил: крейсер «Киров», лидеры «Ленинград» и «Минск», эскадренные миноносцы «Скорый», «Сметливый», «Свирепый», «Гордый», «Славный», «Яков Свердлов», «Володарский», «Артем», «Калинин». Только 23–24 августа они выпустили более тысячи крупнокалиберных снарядов. В эти дни наступавшие 61–я и 217–я пехотные дивизии врага имели наибольшие потери в личном составе. Подвергалась ударам и 291–я пехотная дивизия, переброшенная под Таллин с нарвского направления. Можно привести много других примеров успешной боевой деятельности корабельной артиллерии. Припоминается сообщение генерала Николаева 24 августа о том, что гитлеровцы начали сосредоточиваться у переправы на реке Кейла, по его приказу максимальное количество корабельных орудий открыло огонь; позже артиллерийские наблюдатели сообщили, что здесь были уничтожены десятки танков, сотни гитлеровцев.

И чем ближе подходил враг к Таллину, тем эффективнее становился огонь наших кораблей. Вместе с береговыми батареями они наносили массированные артиллерийские удары по атакующим силам противника на участках прорыва, восстанавливая и обеспечивая устойчивую Оборону базы. Руководители артиллерии флота— флагманский артиллерист капитан 1 ранга Н. Э. Фельдман, его заместитель капитан 1 ранга

Д. Д. Чистосердов — высокообразованные специалисты, хорошие организаторы — провели огромную работу по подготовке личного состава и материальной части к боям. На каждом корабле были великолепные мастера высокой точности и эффективности огня, такие, как на крейсере «Киров» старшие лейтенанты И. Ю. Шварцберг, А. М. Брейназен, на лидерах «Минск» и «Ленинград» старшие лейтенанты С. А. Волков и М. Н. Нефедов, на эскадренных миноносцах «Славный» и «Гордый» — старшие лейтенанты В. И. Сергеев и Н. В. Дутиков; на береговых батареях — полковник И. А. Кустов, майоры И. В. Захаров, Н. И. Скородумов, старшие лейтенанты А. Г. Бондарев, П. А. Дубов; на железнодорожной батарее — капитан П. Ф. Живодер; на бронепоезде — лейтенант М. Г. Фостиропуло.

У артиллерии были свои трудности. Не хватало боезапаса, технических средств разведки. Мы должны были считаться с тем, что со временем, может быть, придется использовать артиллерию для прикрытия перехода из Таллина на восток. И все-таки, если где- либо намечался прорыв фронта и нашим войскам не хватало сил для обороны, там меткий губительный огонь корабельных и береговых орудий сметал пехоту противника, разряжал критическую обстановку. До мелочей продуманным было управление артиллерийским огнем. Наземная артиллерия действовала исключительно энергично и героически. Артиллеристы флота и войск понимали друг друга и постоянно чувствовали локтевую связь.

Начальник артиллерии 10–го стрелкового корпуса генерал — майор Г. А. Макаров писал: «Заявки на открытие огня от стрелковых частей и начальников артиллерии дивизий поступали непосредственно к начальнику артиллерии корпуса. Корабельная и береговая артиллерия могла давать огонь в любом направлении. Такое жесткое управление давало возможность сосредоточивать артиллерийский огонь на наиболее ответственных участках… Хорошая слаженность флотской артиллерии позволяла очень быстро открывать огонь. 26 августа у переправы в районе Саку около двух батальонов противника было подавлено в течение 10 минут, огонь корректировал командир корабля…»

За время обороны Таллина корабли и береговые батареи израсходовали около 13 тысяч снарядов. Командование не раз благодарило артиллеристов за своевременную поддержку наших обороняющихся войск. Противник тоже реально оценивал значение артиллерии кораблей и береговых батарей, поэтому всю силу своих орудий, минометов, авиации обрушивал на них, в первую очередь на крейсер «Киров», ежедневно выпуская по нему

сотни тяжелых снарядов, сбрасывая десятки бомб. 24 августа, например, на него было сброшено более 100 бомб. Меткий огонь, зенитчиков и умелое маневрирование кораблем позволили избежать серьезных повреждений.

Интенсивно и мужественно сражалась авиация флота, которая штурмовала пехоту и технику врага, прикрывала свои корабли на рейде. Без преувеличения можно сказать, что не было таких объектов врага ни на суше, ни на море, которые не подвергались бы ударам балтийских летчиков. Исключительную отвагу проявили в те дни летчики 10–й авиационной бригады Н. Т. Петрухина, авиационных полков А. И. Крохалева, И. Г. Романенко, А. В. Коронца, отдельной эскадрильи В. И. Мухина.

Я хорошо знал этих отличных командиров. Герой Советского Союза Анатолий Ильич Крохалев, один из наиболее известных на Балтике летчиков. Еще в 1935 году, после окончания курсов инструкторов по технике пилотирования, его назначили командиром авиационной бомбардировочной эскадрильи. Он много и упорно работал с подчиненными, готовя их к боевым действиям, и его настойчивость дала свои плоды: в войну 1939/40 года летчики эскадрильи капитана А. И. Крохалева совершили сотни успешных боевых вылетов в тыл врага, им не могли помешать ни туман, ни пурга, ни противодействие зенитной артиллерии противника. В воздушных боях летчики всегда брали пример со своего ко- мандира, обладавшего железной волей, твердостью и выдержкой, бесстрашием и самоотверженностью. За выдающиеся заслуги в борьбе с врагом Президиум Верховного Совета СССР 7 февраля 1940 года присвоил Анатолию Ильичу Крохалеву высокое звание Героя Советского Союза.

С первых дней Великой Отечественной войны скоростные бомбардировщики А. И. Крохалева — в непрерывных боях. Когда разгорались бои за Таллин, в его полк поступили новые, по тому времени самые совершенные боевые самолеты, штурмовики ИЛ-2, бронированные, с мощным вооружением. Они в первых же боях

[1] Арх, АЛО СССР, ф. ЛД, д. 206, сп. 1221, пл. 13–15. показали отличные летные качества: маневренность, скорость, большую силу огня. Немаловажно было и то, что на этих машинах летали бесстрашные люди, их осваивали Н. В. Челноков, А. Е. Мазуренко, А. С. Потапов, М. Н. Хроленко, Н. Г. Степанян. Гитлеровцы прозвали наши новые самолеты «летающей смертью», настолько эффективным был каждый их удар. Штурмовики смело появлялись над танковыми колоннами врага, не раз бомбили вражеские корабли и транспорты в Рижском заливе. Почти по всем дорогам Эстонии, где обнаруживались войска противника,

самолеты бомбардировочно — штурмового полка оставляли свой след. В боях за Таллин полк до последнего сражался с врагом, отбивая его ожесточенные атаки. А. И. Крохалев почти не выходил из кабины самолета, лично водил своих людей в бой.

Нельзя не отметить здесь добрым словом и командира истребительного авиационного полка Ивана Георгиевича Романенко. Он уже в войну 1939/40 года командовал на Балтике авиационным истребительным полком, и тогда же ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Романенко был летчиком высшего класса, в совершенстве владел техникой, во всем служил примером для личного состава, нередко водил своих питомцев в бой и после каждого вылета, в особенности после воздушных сражений, тщательно разбирал и оценивал поведение летчиков, вносил коррективы в схему патрулирования. Авиационные эскадрильи полка защищали небо Ханко, Моонзундские острова, бились с врагом в Финском заливе, громили фашистские войска, рвавшиеся к Таллину. И еще, и еще я мог бы называть имена. Только у бесконечно отважных людей могла появиться такая поговорка, какая была в то время у балтийских летчиков, смело вступавших в бой с превосходящими силами врага: «Если три на пятнадцать, можно драться». И они били врага — штурмовики, бомбардировщики, истребители и даже неуклюжие тяжеловесные морские самолеты МБР-2 наносили удары ночью по дорогам и населенным пунктам. Работать приходилось на пределе физических сил. Случалось, от перегрузки из носа и ушей у летчиков шла кровь, но нужно было летать, и они летали.

Когда враг подошел к черте города, пришлось основную массу самолетов перебазировать на восток, оставили для защиты таллинского неба лишь часть истребителей; с аэродромов Лагсберг и Юллемистэ их перебазировали на посадочную площадку косы полуострова Пельяссар. Это была узкая полоска земли между домами рыбацкого поселка и урезом воды. Часть самолетов находилась в земляных укрытиях, большинство же маскировали у жилых домов и сараев сетями и другими подходящими материалами так, чтобы с воздуха их трудно было заметить. Полеты с площадки «пятачка», как ее тогда называли, требовали большого мастерства. Это была поистине ювелирная работа.

Боевые вылеты совершались непрерывно, днем и ночью. Летчики отражали налеты вражеской авиации, защищая боевые корабли, стоящие на рейде, штурмовали гитлеровскую пехоту, рвавшуюся к городу. Прекрасно зарекомендовали себя в этих боях истребители И-16, самолеты довольно хрупкой конструкции.

Главное, выдерживали наши люди, их ничто не могло сломить. Летчики

А. Ю. Байсултанов, Михаил Васильев, Анатолий Кузнецов делали по 10–12 боевых вылетов в день. Много раз отличались С. Н. Боровских, И. К. Горбачев, П. П. Карпов, командир эскадрильи МБР-2 В. И. Мухин.

Наша истребительная авиация совместно с зенитной артиллерией сводила на нет многочисленные попытки самолетов врага ударить по главной базе флота, ее объектам и кораблям. Боевые корабли, базировавшиеся на рейде и в гаванях Таллина, не имели потерь от ударов с воздуха, за исключением небольших повреждений на лидере «Минск» и эсминце «Славный». Противник не смог нанести ни одного массированного удара по нашим объектам. Это заслуга, прежде всего, руководителя противовоздушной обороны генерал — майора Г. С. Зашихина, его штаба, политотдела ПВО, командиров и военкомов зенитно — артиллерийских полков Н. И. Полунина, И. Ф. Рыженко, П. П. Гончарова, М. П. Барямова, С. Г. Евстратова, которые со знанием дела трудились, готовили свои части к боям. Особую заботу о состоянии и боевой готовности средств ПВО проявлял Военный совет флота. Для прикрытия и обороны основных наших аэродромов Лагсберг и Юллемистэ мы перебазировали 202–й зенитно — артиллерийский дивизион капитана А. А. Черного (военком батальонный комиссар Г. Ф. Гош). Тут же была расположена и батарея зенитных автоматов лейтенанта П. Ф. Науменко. Зенитчики сражались самоотверженно.

А обстановка с каждым часом становилась все сложнее. Военный совет флота докладывал главнокомандующему войсками Северо- Западного направления: «В результате боев 20–23 августа войска 10–го стрелкового корпуса имеют потери до 3000 человек. Противник подошел к внутренней линии обороны города и ведет огонь по Пирите. Танки противника вышли на развилку дорог Таллин — Пярну — Хапсалу. Наша зенитная артиллерия ведет огонь по танкам и пехоте. Артиллерия кораблей, береговой обороны и 10–го корпуса используется для поддержки войск. Бомбардировочная авиация перебазировалась на восток ввиду отсутствия аэродромов, истребители — на посадочных площадках. Длина фронта 50–55 километров»[43].

В последующие дни в бой были введены все наши наличные силы, включая эстонские рабочие отряды. Упорнейшее сопротивление врагу оказывали зенитные части флота. Зенитные орудия использовались для непосредственной поддержки пехоты, они в упор расстреливали врага, и были случаи, когда зенитные батареи, сдерживая натиск противника, оказывались впереди

боевых порядков морской пехоты. Противник, не считаясь с огромными потерями, продолжал непрерывно, ожесточенно атаковать.

Оценивая обстановку, члены Военного совета флота пришли к выводу, что защитники Таллина смогут продержаться всего несколько дней. Нужно было готовиться к отходу, вносить коррективы в план нашего прорыва на восток. А для подготовки требовалось время. Военный совет обратился с воззванием к защитникам города. «Настал грозный час, — говорилось в нем, — настал решительный и ответственный момент в обороне Таллина. Грудью встретим врага, как встречали его наши отцы и братья в годы гражданской войны».

И наши люди находили силы, чтобы выстоять еще, и еще один день. Яростно и упорно, воскрешая лучшие традиции времен гражданской войны, лучшие традиции гвардии русского флота, дрались морские пехотинцы. Они отражали одну за другой атаки противника, имевшего превосходство в живой силе и особенно в технике, нередко обращали его в позорное бегство.

Основным ядром войск восточного участка в дни непосредственной обороны Таллина являлась бригада морской пехоты полковника Т. М. Парафило (военком полковой комиссар Н. В. Грачев). Я лично хорошо знал этих опытных, авторитетных руководителей.

О Т. М. Парафило подробно рассказано выше, доброе слово хочу сказать и о Грачеве. В ходе боев за Таллин он почти все время находился на переднем крае, личным примером, мужеством, храбростью воодушевлял на подвиги бойцов бригады.

В тяжелых боях наши воины проявляли и находчивость, и взаимную выручку. На одном из участков севернее озера Юллемистэ в расположение командного пункта 156–го стрелкового полка проникла группа фашистских автоматчиков. Командир полка полковник Бородкин в этот момент находился вне КП. Штаб полка потерял связь со своими подразделениями. Командование принял на себя находившийся на передовой позиции полковой комиссар

Н. А. Гребенщиков из политуправления флота. В течение дня он руководил боем, несколько раз водил подразделения в контратаки. Случаи, когда политработники заменяли выходивших из строя командиров, были нередкими.

Успешно отражал яростные атаки противника батальон морской пехоты под командованием капитана М. Е. Мисюра. Решительными и смелыми были контратаки морских пехотинцев батальонов капитанов Г. В. Викторова, В. В. Сорокина, А. З.

Панфилова. Противник, превосходивший их в силе, всякий раз приходил в замешательство, нередко обращался 'в бегство. Рота морских пехотинцев из батальона капитана Сорокина в течение семи часов боя уничтожила более 250 фашистов; особенно отличились в бою старшие лейтенанты Евграфов и Никишкин, политрук Кириллов, младшие командиры Шалаев, Гончаренко. Стойко сражалась рота техника — лейтенанта Добычина.

Упорное сопротивление фашистам по — прежнему оказывали зенитчики. Батарея 14–го зенитно — артиллерийского дивизиона, которой командовал лейтенант В. Н. Барыбин, прикрывала мост через реку Пириту; по нему проходила важная обходная дорога с основной магистрали Нарва — Таллин. Захват моста давал противнику возможность выйти к побережью бухты. 8 течение 22 и 23 августа батарея отразила 12 атак, уничтожив более 150 вражеских солдат. 24 августа началась новая атака, поддержанная артиллерийским огнем. Для ее отражения зенитчики, кроме своих четырех орудий, использовали счетверенную пулеметную установку, станковые и ручные пулеметы. Подпустив гитлеровцев, зенитчики обрушили на них огневую лавину, уничтожив более 250 фашистов. Потери на батарее составляли не более двадцати человек; раненые, отказываясь оставить боевые посты, продолжали выполнять свой воинский долг. На следующий день противник снова нанес по батарее мощный удар авиацией и минометами, после чего последовала атака пехоты. Несмотря на потери, личный состав держался мужественно, не отступая ни на шаг. На этот раз зенитчики уничтожили более 150 фашистов. Командир лейтенант

В. Н. Барыбин был дважды тяжело ранен, но не покинул батарею.

Можно привести также множество примеров героизма красноармейцев и командиров 10–го стрелкового корпуса, пограничников, бойцов латышского полка и эстонских отрядов. Все стояли насмерть, все, кто мог держать оружие, не покидали оборонительных рубежей. На самых тяжелых и ответственных участках обороны сражались коммунисты и комсомольцы, они увлекали за собой бойцов на ратные подвиги.

Попала в окружение батарея Занько. Все теснее сжималось вражеское кольцо. Политрук батареи Моденов собрал коммунистов и коротко разъяснил обстановку. Было решено «… умереть геройской смертью, но врага не пропустить». Не успело закончиться собрание, как гитлеровцы предприняли очередную атаку. Всего 300–400 метров отделяли фашистов от батареи. Тогда зенитчики прямой наводкой открыли огонь по атакующим. Враг не выдержал, откатился назад. Командир батареи решил

прорвать кольцо окружения. Для обеспечения прорыва была создана небольшая группа автоматчиков, в которую вошли политрук Моденов, секретарь парторганизации Ткаченко и другие коммунисты. Подпустив фашистов, автоматчики расстреливали их в упор, а потом перешли в контратаку. Враг пришел в замешательство; батарея со всей материальной частью была выведена из вражеского кольца. Горстка храбрецов — коммунистов несколько часов прикрывала ее отход. Смертью храбрых погибли коммунисты Моденов и Ткаченко.

Бессмертной славой покрыл свое имя < в боях под Таллином краснофлотец торпедный электрик с лидера «Минск» Евгений Никонов, погибший смертью героя на сухопутном фронте. Будучи в разведке, Никонов после тяжелого ранения был схвачен противником. Верный присяге и Родине, он не выдал военной тайны. После мучительных пыток моряка привязали к дереву, выкололи ему глаза и заживо сожгли. Имя героя увековечено на Балтийском флоте и в Эстонии. «Своим героическим подвигом Евгений Никонов показал яркий пример дружбы и братства народов, образец воинской доблести, мужества и бесстрашия», — говорится в постановлении исполнительного комитета Таллинского городского Совета депутатов трудящихся, посвященном подвигу балтийца. Никонову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Защитники Таллина сделали все, что от них зависело. Все сражавшиеся знали, что они своей стойкостью задерживают врага, рвущегося к Ленинграду.

Но силы были неравны. Вражеским частям удалось прорвать оборону на реке Пирита между Лагеди и Иру и проникнуть в районе Юллемистэ на окраину города. Прорвался враг и к Нымме. Теперь гитлеровцы обстреливали не только боевые порядки войск, но и сам город, используя для корректировки огня аэростаты и самолеты.

К исходу 25 августа, оценив обстановку, Военный совет флота доложил главкому Северо — Западного направления и Наркому Военно — Морского Флота: «Все способные дерутся… с кораблей сняты все люди, без которых можно обойтись, тылы, штабы сокращены, однако под превосходящими силами противника кольцо вокруг Таллина сжимается. Части 10–го стрелкового корпуса несут большие потери. Линия обороны в нескольких местах прорвана, резервов для ликвидации прорыва нет. Корабли на рейде находятся под обстрелом. На 17 часов 25 августа наметился прорыв врага юго — восточнее города с задачей отрезать полуостров Вимси. С юга и юго — запада наступают превосходящие силы противника, под давлением которых части 10–го стрелкового корпуса и полк Сутурина отошли на линию

обороны города. Около 17 часов был налет авиации. Танки врага вошли в лес Нымме. Артиллерия кораблей, береговой обороны, зенитная артиллерия ведут сильный огонь. Гавани, рейд обстреливаются противником. Военный совет, докладывая создавшуюся обстановку, просит ваших указаний и решения по кораблям, частям 10–го корпуса и береговой обороне флота на случай прорыва врага за черту города и отхода наших войск к морю.

Посадка на транспорты в этом случае невозможна»[44].

Можно видеть, что и тогда, когда судьба Таллина была предрешена, Военный совет флота не имел возможности принять самостоятельного решения об отводе кораблей на восток и эвакуации наших войск. Не ожидая ответа на наш доклад из штаба направления, мы начали готовиться к тому неизбежному шагу, который должны были сделать в ближайшие несколько дней. Военный совет отдал командиру Кронштадтской военно — морской базы контр — адмиралу В. И. Иванову распоряжение такого содержания: «Для помощи боевым кораблям и судам, прорывающимся из Таллина, и их встречи создать группу кораблей и вспомогательных средств, которую возглавить на острове Гогланд капитану 2 ранга Ф. В. Зозуле или И. Г. Святову».

Тем временем обстановка становилась все хуже. К 16 часам 26 августа противник повел наступление на Таллин по всему фронту. Отдельные его группы находились в шести километрах от города. Усилились удары по кораблям на рейде. Крейсер «Киров» почти непрерывно маневрировал. Вот что записано в его историческом журнале: «В 9 часов 50 минут сброшено 24 фугасные бомбы весом от 100 до 500 килограммов (на крейсер. — В. Т.).

В 16 часов 30 минут сброшено 42 фугасные бомбы весом от 100 до 500 килограммов.

В 17 часов 56 минут сброшено 38 фугасных бомб весом до 250 килограммов.

В 18 часов 12 минут сброшено 22 фугасные бомбы весом от 100 до 250 килограммов…»

И так четырнадцать раз за день! Бомбы рвались в восьми — десяти метрах от корабля.

Были прямые попадания в лидер «Минск» и эскадренный миноносец «Славный»[45], затонул транспорт «Луначарский».

Бои разгорались то на одном, то на другом участке, шли в предместьях города: Козе, Иру, Вяо, в районе аэродрома. Противник просочился в парк Кадриорг.

Защитники Таллина дрались до последнего. Между Тартусским шоссе и парком Кадриорг мужественно оборонялся

Таллинский рабочий полк. В парке Кадриорг сражались работники политуправления флота и курсанты Военно — морского училища имени М. В. Фрунзе. Курсанты — фрунзенцы проявляли стойкость и героизм. У памятника «Русалка» отделения курсантов Белова и Никитина в течение девяти часов отражали ожесточенный натиск врага, расстреливая его из пулеметов. Особое мужество и храбрость в последних боях проявляли бойцы 10–й стрелковой дивизии, морские пехотинцы бригады Т. М. Парафило, личный состав корпусного 242–го зенитного артиллерийского дивизиона, 62–го стрелкового полка, батальона связи корпуса, флотские зенитчики. Отважно сражался 35–й отдельный инженерный батальон под командованием капитана Н. В. Кваши и политрука Д. П. Тимонова. Документы сохранили имена сражавшихся в этом батальоне добровольцев инженеров Н. Н. Загвоздкина, М. А. Романенко, М. И. Марголина, В. М. Диденко, старшего политрука И. А. Ненад- кина; большинство из них погибли…

Защитники и население города по — прежнему проявляли исключительную выдержку, твердость духа и сплоченность. ЦК КП Эстонии, правительство республики, командование корпуса, Военный совет флота осуществляли твердое руководство обороной.

26 августа главнокомандующий войсками Северо — Западного направления, учитывая исключительно неблагоприятную для нас обстановку, а также необходимость сосредоточения всех сил для обороны Ленинграда, с разрешения Ставки приказал эвакуировать флот и гарнизон Таллина в Кронштадт и Ленинград. Немедленно был созван Военный совет, на его заседание приглашены командиры и военкомы соединений и отдельных частей. Начальник штаба контр — адмирал Ю. А. Пантелеев кратко доложил обстановку на море и в воздухе, генерал И. Ф. Николаев — на суше. Оба сделали выводы о возможности, или, лучше сказать, о невозможности дальнейшей обороны. Командиры соединений Дрозд, Чероков, Египко, Петрухин, Зашихин и другие кратко изложили свои предложения по этому вопросу.

Выслушав их, мы объявили решение главнокомандующего войсками Северо — Западного направления Маршала К. Е. Ворошилова эвакуировать всех защитников Таллина в Ленинград, где складывалась очень тяжелая обстановка. Были объявлены сроки отхода с позиций, методы прикрытия отходящих войск, время посадки на транспорты.

Времени оставалось мало, а подготовительной работы было много. К тому же противник, словно чувствуя наше намерение,

усилил удары. Потоплен плавучий док, получили повреждения склады в торговом порту. Участились налеты на корабли, транспорты и береговые батареи. Только на «Киров» сброшено за день около 140 бомб весом от 250 до 1000 килограммов. Сказывалось слабое воздушное прикрытие базы. 242–й зенитный артдивизион потерял уже семь орудий из восьми и до 70 процентов личного состава. Вставший к последнему орудию командир дивизиона майор Дионисьев погиб в бою.

27 августа Военный совет приказал войскам подготовиться к отходу с занимаемых рубежей. Для обеспечения отхода на всех участках обороны были предприняты контратаки, на многих направлениях противник отброшен на 1–1,5 километра.

В это время из штаба войск Северо — Западного направления мы неожиданно получили новую директиву: «Основная задача в данный момент — усилить минные заграждения Гогланда и тыловых позиций по намеченному плану. Дополнительно заградить район Выборгского залива, Нарвский залив, Лужскую губу»[46]. Выполнение этих задач требовало средств, кораблей и времени, когда ни того, ни другого, ни третьего, к сожалению, в нашем распоряжении уже не было. Обстановка вынудила нас все силы бросить на обеспечение прорыва почти 200 кораблей и судов из Таллина в Кронштадт.

Задачу прорыва на восток флоту предстояло решать в условиях сильно возросшей минной опасности, ударов с воздуха, возможных ударов надводных и подводных кораблей. Противник, предвидя нашу эвакуацию, с первых дней июля спешно минировал Финский залив.

«С середины августа немцами и финнами была отмечена значительная интенсивность советских эвакуационных работ в средней части заграждения, что, очевидно, было связано с закрытием прибрежного фарватера и приказом главкома Северо — Западного направления создать фарватер в средней части залива…

Чтобы помешать эвакуационной работе русских тральщиков, для которых не представляли опасности заграждения на глубине 33.5 м, было решено будущие заграждения ставить на глубине

1.5 м. Флотилия катеров заградителей поставила 19, 20, 24, 25 и 26 августа заграждения по 30 мин на глубинах 1,5 м (Д-8, Д-22, Д-24, Д-25, Д-29). Постановка заграждений на небольшом углублении оправдала себя[47].

Одновременно враг создавал систему артиллерийского огня, перекрывающую фарватеры, сосредоточивая штурмовую и бомбардировочную авиацию, формировал группы торпедных

катеров. К этому времени мы лишились в Эстонии последней посадочной площадки для самолетов, поэтому до маяка Вайндло (почти половина пути) корабли не могли быть прикрыты с воздуха истребительной авиацией. Военный совет флота просил штаб Северо — Западного направления организовать в дни перехода 28 и 29 августа удары по аэродромам противника бомбардировщиками, а истребителям с подвесными бачками для горючего прикрыть наши корабли и суда на максимальном расстоянии. Кроме того, мы просили разрешения перебросить с Ладожского озера в залив морские охотники для охраны фарватера, защиты кораблей и транспортов от самолетов и подводных лодок противника. Главнокомандующий войсками направления отдал соответствующий приказ, но выполнить его не представилось возможным, флот уже выходил в море.

В тот день противник усилил натиск на рубежи обороны. Особенно упорным было наступление вдоль Нарвского шоссе. Враг стремился ворваться в город и отрезать наши войска от гаваней. Несмотря ни на что, восточный, южный и западный участки продолжали удерживаться.

Защитники города проявляли массовый героизм. Примером может служить коллективный подвиг личного состава 105–й батареи 10–го зенитного артиллерийского дивизиона под командованием лейтенанта Е. П. Колпакова. Батарея на полной скорострельности вела огонь прямой наводкой по врагу, пытавшемуся прорваться в Таллин, одновременно сражаясь с его авиацией и батареями. На огневой позиции не было живого места, все изрыли снаряды, мины, бомбы. Здесь же находились отошедшие с траншей пехотинцы. При поддержке батареи они с резервом зенитного полка в составе прожекторной роты отбили очередную атаку противника.

После небольшой паузы фашисты снова пошли вперед. Из — за повреждений и перегрузки автоматика батареи вышла из строя, в действии оставалась лишь счетверенная пулеметная установка на автомашине. Настал критический момент. Командир батареи, человек редкого мужества, с возгласами «За Родину! За партию!» поднял людей в штыковую атаку и отбросил противника на исходные позиции. В бою пали смертью храбрых военком дивизиона политрук С. Д. Бирюков, командир прожекторной роты лейтенант Н. И. Родионов, Е. (П. Колпаков был тяжело ранен.

Начала ухудшаться обстановка на западном и юго — восточном участках обороны. Резервов здесь не было. Поддерживавшим эти участки батареям островов Вульф и Нарген приказали стрелять до выхода из строя материальной части. Сюда была переориентирована большая часть наших истребителей,

поднимавшихся уже с единственной небольшой прибрежной площадки, превращенной в аэродром.

Около полудня на восточных рубежах (Нарвская и Тартусская шоссейные дороги) из-за неправильной оценки обстановки возникла небольшая паника. Это было очень опасно. Если бы враг прорвался в город, не удалось бы организованно отвести и посадить войска на суда. Следовало во что бы то ни стало удержаться на занимаемых рубежах. Чтобы восстановить дисциплину, обеспе-ˆ чить выполнение приказов командиров в подразделениях, в которых ощущалась растерянность, мы направили на восточный участок группу политработников и командиров из резерва. В их числе были полковые комиссары С. А. Красников, М. И. Каганович, П. А. Мочалов, старший политрук Иголкин, профессор Ленинградского университета Орест Цехновицер, лектор Дома партийного просвещения политрук В. П. Щедренок и другие. Их усилиями порядок был восстановлен.

Фашисты наращивали удары также в направлении мызы Нахату, мызы Вяо, Козе, вдоль железной дороги на Нымме, северной оконечности озера Юллемистэ — Ярв. Они атаковали, не считаясь с потерями. Наша оборона подавлялась массированным артиллерийским, минометным и автоматным огнем. Врагу удалось выйти к восточной окраине города и создать реальную угрозу срыва эвакуации. Допустить этого мы не могли. Стремительными контратаками в парке Кадриорг, у целлюлозной фабрики, у аэродрома, на Козе фашисты были остановлены.

Приказ об отходе начальники штабов частей, оборонявших Таллин, получили около 12 часов 27 августа. На транспорты войска должны были садиться в Купеческой, Минной, Беккеровской и Русско — Балтийской гаванях, части береговой обороны — в Палди- ски, на островах Найссар и Аэгна. Транспорты и другие перевозочные средства рассредоточили заблаговременно. Теперь дело было за тем, чтобы, опираясь на заградительный огонь корабельной и береговой артиллерии, боевые действия войск прикрытия, организованно оторваться от противника, совершить быстрый марш к гаваням и погрузиться. Тут же транспорты и корабли дол жны были отойти на рейд. На все это отпускалось несколько часов. Нам помогло то, что мы начали планировать вывод из Таллина надводных и подводных кораблей, транспортов, вспомогательных судов до того, как поступило указание Ставки.

Я как командующий флотом мотивировал свое решение условиями, которые на территории Эстонии с каждым днем ухудшались. Военный совет флота и штаб отчетливо понимали,

что нам предстоит решать последовательно задачи по отрыву от противника обороняющихся войск и их эвакуацию.

На заседании Военного совета мы утвердили порядок движения с Таллинского рейда боевых кораблей и транспортов. Была утверждена и организация боевого управления ими на переходе. Флагманский командный пункт находился на крейсере «Киров», здесь же располагался Военный совет. Командование отрядом главных сил осуществлял командующий флотом. Первый заместитель командующего флотом — начальник штаба контр — адмирал Ю. А. Пантелеев — на лидере «Минск» (командир каштан 2 ранга П. Н. Петунии). Второй заместитель командующего флотом контр — адмирал Ю. Ф. Ралль — на эскадренном миноносце «Калинин». Радиосвязью разрешалось пользоваться только для докладов о противнике при возникновении чрезвычайных обстоятельств, требовавших вмешательства командующего. Командиры конвоев шли на головных транспортах, со своими судами имели визуальную связь, с командующим — по радио. Такая организация командования целиком себя оправдала, она обеспечивала живучесть, гибкость и непрерывность управления силами на переходе.

Сыграла большую роль хорошо налаженная связь, которую имел штаб флота с соединениями и частями, защищавшими Таллин. Флотские связисты в самой сложной боевой обстановке были на высоте. Всегда четко и бесперебойно работали радиоцентр главной базы, радиостанции Кронштадта, Ханко, острова Сарема. В период обороны Таллина связисты выполняли важную и ответственную задачу: радиоцентр осуществлял связь от Кронштадта до Ханко, от Сарема до одиночной подводной лодки, находящейся на боевой позиции в южной части Балтики. Надо отдать должное тем, кто организовывал ее бесперебойную работу — начальнику связи флота полковнику М. А. Зернову, военкому Н. Н. Чижову, связистам П. И. Иванову, П. М. Михайлову, начальнику Таллинского района ОНиС А. Е. Ловецкому, погибшему на переходе из Таллина, начальнику штаба капитану С. С. Миллеру, К. А. Белоногову, А. В. Лисичкину, Ю. Н. Заколпскому, А. А. Ус- кову. Они умело и добросовестно делали свое нелегкое дело, помогали поддерживать боевой дух военных моряков.

Согласно плану, разработанному штабом флота совместно с командованием 10–го стрелкового корпуса, отвод войск и посадку на корабли намечалось провести в ночное время. Днем же обороняющиеся части, сдерживая напор врага, продолжали контратаки, ликвидировали многочисленные прорывы своих

рубежей на всех направлениях. Одновременно изучались маршруты движения к гаваням. Проводилось минирование объектов в городе: фабрик, заводов, складов. Весь день ни на минуту не утихали артобстрелы, налеты самолетов. Мы вынуждены были отказаться от посадки войск на суда в районе Купеческой гавани.

В 18 часов специальные подрывные команды приступили к уничтожению военных объектов. В 21 час начали отходить войска. Для обеспечения их отхода артиллерия флота и корпуса в течение двух часов вела по запланированным рубежам массированный неподвижный заградительный огонь, затем до пяти утра осуществлялся последовательный перенос линии огня все ближе к городской черте для прикрытия последних отходящих частей. Это обеспечило отрыв войск от противника, их движение по городу и погрузку на транспорты. Связисты помогали артиллеристам в управлении огнем. Основной наблюдательно — корректировочный пост был развернут на башне «Длинный Герман» в Выш- городе, откуда хорошо просматривались все дороги и подходы к Таллину. Командир поста лейтенант Свирин и его подчиненные радисты, сигнальщики, телефонисты до последней возможности обеспечивали кораблям и береговым батареям эффективный огонь по врагу. До последнего стояли моряки и команда рейдового поста СНиС «Таллин» во главе с мичманом А. М. Дворецким на вышке в торговом порту. Одновременно подавлялись батареи и минометы, обстреливавшие наши корабли и транспорты на рейде. Ни одного судна здесь мы не потеряли, настолько продуманно и организованно все делалось.

Для обеспечения порядка при посадке людей на транспорты был назначен комендант из командиров штаба флота, в помощь ему выделялась группа командиров отдела военных сообщений. На случай нарушения линейной связи коменданты имели в своем распоряжении мотоциклистов.

Первые части подошли к гаваням около 23 часов. Погрузка производилась быстро и организованно.

В донесении командования 10–м стрелковым корпусом об этой операции говорится: «Отход главных сил частей корпуса и погрузку на транспорты непрерывно прикрывала артиллерия кораблей. Под прикрытием к 4 часам была закончена посадка на транспорты главных сил корпуса и в 7 часов 50 минут мелкими судами сняты с берега части прикрытия. Отход совершался в полном порядке, колоннами, без шума и паники. Успех отхода следует отнести к предпринятым в течение 27 августа контратакам на всем фронте, что ввело противника в

заблуждение относительно наших намерений, а также в связи с широкими подрывными работами и минированием, предпринятыми командованием КБФ и корпуса на всех рубежах. Характерным для боевых действий 10 ск[48] явля ется то, что здесь полностью осуществлялось взаимодействие с кораблями, береговой обороной и ВВС КБФ… В целом меры воздействия на противника силами береговой, корабельной артиллерии и ВВС флота и контратаками на всем фронте корпуса позволили сохранить управление войсками в своих руках и ликвидировать многочисленные прорывы противника на различных направлениях. Совместная работа штабов КБФ и 10 ск обеспечивала твердое планирование вывода войск из Таллина и посадку на транспорты… Николаев, Козлов, Березинский»[49].

Около четырех часов 28 августа начальник штаба флота контр- адмирал Ю. А. Пантелеев доложил, что посадка во всех гаванях и на пристанях окончена. Корабли и транспорты приняли более двадцати трех тысяч человек. Если кто-то еще оставался на берегу, то это были одиночки или небольшие группы, которым предстояло идти по тылам врага в надежде где-либо перейти линию фронта.

В течение всей этой ночи шел мелкий предосенний дождь. Члены Военного совета флота находились на своем командном пункте в землянке Минной гавани Таллина. Мы внимательно следили за тем, как выполняется принятое нами решение об отходе войск, их погрузка. Перед нашими глазами на пристани проходили колонны, у людей был усталый вид, но шаг тверд, суровые лица оставались спокойными, ни тени растерянности, никакой паники.

Многих не досчитывались в подразделениях, многие отдали свои жизни в боях за Таллин. Оставшимся в живых предстояло теперь защищать город Ленина, и они это знали. У Таллина они тоже дрались за Ленинград — те пять пехотных дивизий врага, которые были обескровлены здесь, предназначались для штурма Ленинграда.

Я стоял на пристани в Минной гавани и думал: «Мы вернемся к тебе, Таллин! Мы обязательно вернемся!»

# ГЛАВА 7. ПРОРЫВ

Единственный вариант движения — через минную позицию врага. Атаки с воздуха. Плавающие мины. Ночная стоянка на якоре у вражеских берегов. Гогланд оказывает помощь аварийным кораблям и судам. Герои Гогланда и Вайндло. Боевое ядро флота сохранено!

Итак, прорыв… Десяткам кораблей предстояло пройти через минные поля, под бомбами врага из Таллина в Кронштадт. На каждом километре нас подстерегала смертельная опасность. Удастся ли преодолеть этот путь? Такой вопрос задавали многие из тех, кому на рассвете 28 августа предстояло выйти в море. Я твердо верил в то, что дойти удастся. Верили и мои товарищи по боевой работе, по руководству флотом — члены Военного совета, командиры соединений, командиры штаба и политуправления. Уходили мы из Таллина с чувством глубокой горечи в сердце и в то же время с надеждой вернуться сюда вновь.

Впрочем, эти мысли и чувства занимали нас мало: отдаваться им было просто некогда, столько каждую минуту вставало новых задач, столько было забот, связанных с отправкой на восток не только боевых кораблей, воинских частей и подразделений. Мы обязаны были эвакуировать из Таллина также различные учреждения, прежде всего органы управления, партийный и государственный аппарат республики и города. Следуя здравому смыслу, их нужно было отправить намного раньше, а в Таллине оставить только то, что непосредственно обеспечивало оборону — войска и боевые корабли, оказывающие им поддержку. В этом случае наверняка уменьшилось бы количество жертв во время прорыва. Мы дважды обращались к главнокомандующему войсками Северо — Западного направления с просьбой разрешить нам сделать это, но главком, его штаб, морской отдел занимали отрицательную позицию, видимо, они полагали, что Таллин удастся отстоять.

Не раз члены Военного совета, начальник штаба флота, командиры штаба собирались, чтобы изучить обстановку в Финском заливе, избрать наилучший вариант прорыва. Все это делалось в строгой тайне. Возможности выбора были невелики, решение определялось сложившейся к моменту отхода из Таллина опера тивной обстановкой, отсутствием на пути перехода аэродромов и опорных баз, скованностью транспортами и вспомогательными судами. Нам предстояло пробиться в лоб через созданную противником минную позицию в самых

невыгодных для нас условиях. Мы хорошо представляли себе, сколь велика минная опасность и также полно отдаваличэтчет в том, насколько мало возможностей и средств у флота для борьбы с нею. Но выбирать, повторяю, было не из чего.

Кроме того, существовала еще угроза бомбовых ударов врага. Накануне выхода из Таллина, когда мы собрали командиров дивизий и сводных частей для того чтобы дать им последние указания, представители 10–го стрелкового корпуса спросили меня о прикрытии наших кораблей и транспортов с воздуха. Я уклончиво ответил, что больше придется полагаться на свои зенитные средства и маневр. Ответить иначе я не мог; сказать, что прикрытия, возможно, не будет, означало бы способствовать возникновению паники. Особенно важно было уберечь от паники людей, находившихся на транспортах. Транспорты или не имели зенитного вооружения, или имели его очень мало, к тому же обладали слабой маневренностью, уклоняться от бомб было трудно.

Не следует, однако, думать, что мы рисовали эвакуируемым защитникам Таллина радужную картину беззаботной прогулки по Финскому заливу. В боевом приказе на прорыв указывалось, что переход будет происходить в условиях сильного воздействия авиации, подводных лодок противника и минной опасности. Не исключалась возможность встречи и с надводными силами противника.

Отвлекаясь от основной нити воспоминаний, отмечу: некоторые историки ныне утверждают, что командование флота переоценивало опасность появления на пути прорыва надводных и подводных сил противника. Несомненно, переоценка возможностей врага опасна, но, по — моему, еще более опасна их недооценка. Любой исследователь, если он хочет быть объективным, должен считаться с тем фактом, что командование флота совершенно не располагало данными о намерениях противника. Мы не знали, решится он или нет на форсирование нашей минно — артиллерийской позиции, расположенной в устье Финского залива. Но нам было точно известно, что в финских шхерах находятся вражеские подводные лодки, а также легкие надводные силы — торпедные катера и сторожевые корабли. И мы допускали мысль о том, что они попытаются атаковать наши транспорты и боевые корабли. Так оно и случилось.

Из неверных посылок делается неверный вывод: «Переоценка угрозы появления надводных сил противника привела к отказу от использования северного фарватера, свободного от мин… Следовало маршрут перехода наметить на 7—10 миль севернее»[50].

Но сделать этого было нельзя. Ширина заˆйва между мысом Юминда и маяком Каллбодагрунд около 20 морских миль. Маршрут прорыва проходил по середине залива примерно на равном расстоянии как от мыса Юминда, так и от южной кромки финских шхер. Перенеся генеральный курс на 7—10 миль к северу, мы должны были бы идти по краю финских шхер…

Скорее можно говорить, как о более выгодном варианте, о прорыве по так называемому южному фарватеру, который проходил между берегом и южной кромкой поставленного врагом минного заграждения. В июле — августе здесь было интенсивное движение, и мы вначале считали наиболее вероятным маршрутом нашего прорыва именно этот путь, хотя в навигационном отношении он весьма сложен. За него говорило, прежде всего, то обстоятельство, что до середины августа по нему прошло свыше 220 транспортов в обоих направлениях, и лишь один из них был потоплен. Однако этот вариант, к сожалению, отпал после выхода вражеских войск на побережье залива у Кунды. 12 августа Военный совет Северо — Западного направления приказал этот фарватер закрыть, а взамен изыскать и оборудовать новый, вне досягаемости береговой артиллерии противника.

Может быть, мы виноваты в том, что не убедили главнокомандующего войсками в нецелесообразности закрытия южного фарватера. Но тут необходимо учитывать два обстоятельства. Во — первых, мы не знали, из чего исходил главком, отдавая свой приказ. Не подтащил ли противник к Кунде береговую артиллерию настолько сильную, что она не пропустила бы ни одного нашего судна? Мы могли думать все что угодно; штаб же направления располагал более достоверными сведениями. Во — вторых, у военных людей, да еще в военное время, не особенно-то принято доказывать вышестоящему военному органу, прав он или не прав, приказ есть приказ, его нужно выполнять. К этому можно добавить, что и обстановка была не та, когда можно опротестовывать решения…

Таким образом, оставался единственный путь — главный фарватер по центру залива. Мы знали, что он небезопасен. Только в августе здесь на участке Кэри — Вайндло (средняя часть Финского залива) погибло около десятка боевых кораблей и транспортов. Навигационные особенности (банки, мели, острова) дают возможность плавать в Финском заливе строго по определенным направлениям, которые в силу знания географии Балтики были хорошо известны противнику. Поэтому для засорения минами наших коммуникаций он имел идеальные условия. Этому способствовало и наличие многих шхерных фарватеров, выходящих на основную коммуникацию.

Если врагу многое сопутствовало, то для нас, наоборот, условия оказались в высшей мере неблагоприятными. Прежде всего, не было уверенности в том, что переход будет обеспечен авиационным прикрытием. Быстрое продвижение фашистских войск вы нуждало нашу авиацию перебазироваться все дальше на восток. Открытое небо создавало возможности для крупных потерь. Вторая беда — недостаток сторожевых кораблей и катеров. Мы не могли организовать сплошную оборонительную линию вдоль основной коммуникации Кронштадт— Таллин, у нас не хватало сил даже для того, чтобы систематически вести контрольное траление. Имеющиеся десятьч базовых тральщиков в августе были заняты встречей в море и проводкой из базы и обратно подводных лодок; они же доставляли горючее и бомбы на Сарема для минно — торпедной авиации, наносившей удары по Берлину. Вот моя запись за 24 августа: «…базовые тральщики 205, 210,217 с авиабомбами в охранении морских охотников шли из Кронштадта на Сарема. Адмирал И. С. Исаков и передал приказ Наркома: доставить на Сарема еще 600 тонн бензина, 100 бомб по 1000 килограммов, 200 бомб по 500 и 2000 мелких бомб…» Где уж тут было использовать тральщики для траления фарватера!

И во время самого прорыва сказался недостаток тральщиков. Мы вынуждены были планировать движение одной кильватерной колонной, растянувшись на несколько десятков миль… Это означало, что корабли не смогут прикрыть зенитным огнем каждый транспорт, что миноносцы с их слабой зенитной артиллерией во время вражеского удара с воздуха не смогут маневрировать. К тому же фарватер не был обвехован, да ночью его границы и с вехами едва ли удалось бы увидеть.

При построении боевого и походного порядка кораблей мы исходили также из необходимости защиты транспортов от ударов с воздуха. До 27 августа была надежда, что наши истребители, базировавшиеся на Липово (самый западный аэродром флота на территории Ленинградской области, северная часть Кургальского полуострова), сумеют защитить с воздуха корабли в центральной части залива от Таллина до Гогланда и дальше до Кронштадта.

Командующий флотской авиацией генерал М. И. Самохин получил от меня строгий приказ сосредоточить на этом аэродроме максимум истребителей. Случилось, однако, так, что под давлением фашистских войск наши части вынуждены были отступить на правый берег реки Луги, оставив Кургальский полуостров неприкрытым; истребители пришлось срочно перебазировать с Липово на восток в район Петергофа, откуда они уже ничем не могли нам помочь: у них не хватало теперь радиуса действия. Форсировать созданную противником минно —

артиллерийскую позицию по всей ее глубине пришлось без истребительного прикрытия.

Прорыв был беспримерным по трудности. Через плотные минные поля, под ударами авиации, торпедных катеров и береговой артиллерии врага предстояло провести из Таллина в Кронштадт около двухсот боевых кораблей, транспортов и судов вспомогательного флота.

В соответствии со своим положением я возглавлял командование флотом и во время прорыва. Флаг командующего был поднят на крейсере «Киров».

Вместе со мной на борту крейсера находился и командир отряда легких сил контр — адмирал В. П. Дрозд со своим штабом. Валентин Петрович за несколько дней до прорыва вернулся из Моон- зунда. Мне было приятно чувствовать рядом локоть этого замечательного командира. Я всегда с большой любовью и искренностью настоящего товарищества вспоминаю Валентина Петровича, одного из талантливых флагманов Балтийского флота, человека беспримерной храбрости, умевшего не терять хладнокровия в труднейших обстоятельствах. В тяжелые дни боев за Моонзунд, когда почти ежедневно десятки вражеских самолетов сбрасывали бомбы на корабли, находившиеся под его командованием, он подавал подчиненным командирам пример рассудительности, ответственного отношения к делу. Таким оставался Валентин Петрович и в дни прорыва.

К 23 часам 27 августа боевые корабли вышли на рейд к островам Нейссар и Аэгна, продолжая и отсюда вести артиллерийский огонь по наступающим частям противника. Около 5 часов утра 28 августа, когда основная часть защитников Таллина погрузилась на транспорты, покинул Минную гавань на посыльном корабле «Пиккер» Военный совет флота. На этом же корабле оставили Таллин часть работников ЦК КП и Совнаркома Эстонии.

На период перехода флот был разделен на главные силы, отряд прикрытия, арьергард и четыре конвоя. Начальником походного штаба при командующем флотом, взявшим на себя непосредственное руководство отрядом главных сил, шел капитан 1 ранга Г. Е. Пилиповский. Отрядом прикрытия командовал начальник штаба флота контр — адмирал Ю. А. Пантелеев. Он ушел из Минной гавани на катере около 7 часов утра, направляясь к лидеру «Минск», на котором был поднят его флаг. Начальником походного штаба отряда прикрытия был капитан 1 ранга С. В. Кудрявцев.

Вскоре гавань покинул начальник тыла флота генерал — майор

В. И. Москаленко с группами минирования объектов.

Когда все боевые корабли и транспорты вышли на Таллинский рейд, приступила к своей мало приятной работе минноподрывная партия под руководством флагманского минера ОВРа капитана 3 ранга П. Я. Вольского. В ее задачу входило закрыть входы в гавани Таллина и уничтожить ценные объекты. Южный вход в Купеческую гавань был загражден железнодорожными вагонами, паровозами и землечерпалкой, северный вход (частично) — транспортом «Гамма». Восточный вход в Минную гавань полностью загородил буксир «Мардус», западный вход закрыть не удалось; имелось в виду поставить здесь тральщик, но его сильным порывом ветра выбросило на мель. Вход в Каботажную гавань (тоже не полностью) загородили вспомогательным судном, бывшим минным заградителем «Амур». В гаванях и на рейдах было выставлено 112 мин различных образцов. Они причинили противнику некоторые потери.

Список объектов военно — морской базы, подлежащих уничтожению, утверждался по согласованию с республиканскими и городскими партийными и советскими органами. Мы дали санкцию на подрыв лишь того, что могло быть использовано врагом в борьбе против нас. Подрывные работы начались в полдень 27 августа с учетом движения отходящих войск; взрывы приурочивались к моменту обстрела врагом района уничтожаемого объекта. В Русско — Балтийской гавани по железнодорожной колее скатывались в море вагоны и паровозы. Более тысячи вагонов было сброшено в море с высокого берега у маяка Пакри по специально продолженной для этого железнодорожной ветке. В Купеческой гавани рвались вагоны с боезапасом. Около 21 часа взлетел на воздух арсенал. Зарево бушующих пожаров освещало Минную гавань и рейд. Ночью были взорваны нефтебаки и остатки боезапаса на последнем нашем аэродроме Пальяссари. Казалось, весь город объят пламенем, горит и взрывается. На рассвете, когда батареи береговой обороны на островах Нейссар и Азгна выполнили свою задачу по созданию неподвижных завес огня и весь их боезапас был полностью расстрелян, они также были взорваны. Одна из 12–дюймовых башен Аэгны почти целиком взлетела в воздух, разломилась на части и с грохотом упала вниз. Пожары и взрывы были видны с острова Хиума и с нашей базы на Ханко. Противник не рискнул войти в город по пятам отходящих войск; видимо, он не сразу обнаружил их отход, так как советский государственный флаг на башне Вышгорода был спущен лишь после полудня 28 августа.

По решению Военного совета флота вывод кораблей и судов в

море предполагалось начать вечером 27 августа и закончить в 10 часов 30 минут утра 28 августа с тем, чтобы самый трудный участок минного поля (к северу от мыса Юминда) форсировать в светлое время суток. Днем подсеченные плавающие мины видны, и их можно уничтожить. Однако возникло непредвиденное обстоятельство, которое внесло нежелательную поправку в наши планы. К вечеру 27 августа резко ухудшилась погода, ветер достиг семи баллов. При таком ветре малые корабли, буксиры, катера, тем более тральщики с тралами идти не могут. По прогнозу погода должна была улучшиться во второй половине дня 28 августа. Делать нечего, пришлось ждать. Чтобы не подвергать корабли и груженые транспорты опасности обстрела вражеской артиллерией, я приказал отвести их с рейда Таллина к островам Нейссар и Аэгна. На наше счастье, авиация противника активности не проявляла; первый вражеский разведчик появился в небе лишь около 12 часов 50 минут 28 августа.

Когда ветер стих, корабли и транспорты начали сниматься с якорей. Первый конвой снялся в 12 часов 18 минут. В его составе были шесть транспортов, плавучая мастерская «Серп и Молот», ледокол, три подводных лодки, учебный корабль «Ленинградсовет», два сторожевых корабля, буксирной судно. На одном из транспортов, «Виронии», эвакуировались отделы штаба и политуправления флота, на трех — «Элле», «Алеве» и «Колпаксе» — раненые. В охранении шли пять тральщиков, пять сторожевых катеров типа «Р», два морских охотника. Обеспечивали конвой эскадренные миноносцы «Свирепый» (командир капитан — лейтенант П. Ф. Мазепин), «Суровый» (командир капитан 2 ранга В. Ф. Андреев), имевшие задачу прикрыть суда в случае нападения на них легких надводных или воздушных сил врага. Командовал конвоем опытный начальник, в прошлом командир эскадренного миноносца капитан 2 ранга Н. Г. Богданов.

При выходе конвоя из Таллинской бухты в тралах тральщиков взорвалось несколько мин. Они оказались там, где еще накануне транспорты и корабли проходили в Таллин, не боясь подорваться. Противник не терял времени.

В 14 часов 52 минуты двинулся в путь второй конвой во главе с командиром дивизиона канонерских лодок капитаном 2 ранга Н. В. Антоновым. В составе второго конвоя шло шесть транспортов, в том числе два наиболее современные — «Казахстан» и «Иван Папанин» с людьми, два сетевых заградителя. Охраняли его от нападения противника канонерская лодка «Москва» и сторожевой корабль. Обеспечивали переход четыре крупных тральщика, девять катерных тральщиков и два

морских охотника. Следом за вторым вышли третий и четвертый конвои. В составе третьего (командир капитан 2 ранга А. Ф. Янсон) шли восемь транспортов и спасательное судно в охранении канонерской лодки «Амгунь», четырех тральщиков, сторожевого корабля, четырех катерных тральщиков, двух морских охотников. Наиболее ценными здесь были транспорты «Луга» с ранеными, «Вторая пятилетка» с бойцами и командирами и «Балхаш» с важным грузом. Четвертый конвой, которым командовал капитан 3 ранга С. А. Глу- ховцев, состоял из вспомогательных кораблей, но также имел охранение.

Всего на восток двигалось 22 транспорта. Большая их часть входила в состав Латвийского и Эстонского государственных паро- ходств. Как правило, это были устаревшие и небольшого водоизмещения суда, живучесть которых оказалась недостаточной для того, чтобы противостоять не только минам, но даже небольшим бомбам.

Отряд главных сил снялся с якорей около 16 часов. В его составе шли крейсер «Киров», лидер «Ленинград», эсминцы «Гордый», «Сметливый», «Яков Свердлов», подводные лодки «С-4», «С-5», «Лембит», «Калев», посыльный корабль «Пиккер». В голове находилось пять базовых тральщиков, в охранении — пять торпедных и шесть катеров морских охотников. Сразу за базовыми тральщиками шел ледокол «Сур Тылл». Пропуская вперед конвой, от ряд главных сил брел на себя их защиту от возможного нападения противника с запада. Выйдя в море, отряд начал обгонять транспорты с тем, что$ы первым форсировать юминдское минное поле. В связи с задержкой, о которой говорилось выше, сделать это предстояло в ночное время, что значительно усложняло уклонение от плавающих подсеченных мин и их уничтожение, затрудняло оказание помощи пострадавшим кораблям и транспортам.

Спустя час с лишним начал движение на восток отряд прикрытия. Его корабли уходили от острова Аэгна уже под огнем артиллерии противника, подтянутой к побережью полуострова Вим- си. В составе отряда шли лидер «Минск», эсминцы «Скорый» и «Славный», подводные лодки «Щ-322» и «М-95». Впереди было пять базовых тральщиков, в охранении — четыре торпедных катера и четыре морских охотника, спасательное судно «Нептун». В отряд прикрытия входили также подводные лодки «М-98» и «М-102», оставленные на позиции южнее Хельсинки.

Последним вышел в море арьергард — отряд контр — адмирала Ю. Ф. Ралля в составе миноносцев «Калинин», «Артем», «Володарский» и сторожевых кораблей «Снег», «Буря», «Циклон». В охранении у него шли два торпедных катера и пять морских

охотников. Отряд держался на Таллинском рейде до наступления темноты, ведя редкий огонь по берегу и принимая оттуда последние шлюпки с защитниками города. Перед уходом на восток под пулеметным огнем противника корабли приняли на борт еще 150 человек с полуострова Вимси и около 100 человек с полуострова Пальяссари. Отряду пришлось уже отбивать многочисленные атаки авиации противника. Лишь после 21 часа корабли 12–узловым ходом двинулись на восток.

Сразу же после выхода с рейда боевые корабли и транспорты начали подвергаться атакам с воздуха, а несколько позже артиллерийскому обстрелу батареи, установленной на мысу Юминда, и атакам торпедных катеров. Были замечены плавающие мины. В 18 часов на мине подорвался небольшой транспорт «Элла»; через две — три минуты он затонул. Это судно еще при приемке раненых в Купеческой гавани имело попадание снарядов, на рейд его выводили под прикрытием дымзавес. И вот теперь «Элла» шла ко дну… Спасти ее не удалось, подошедший транспорт 101 тоже подорвался и затонул. Часть раненых была подобрана спасателем «Нептун», который и доставил их в Кронштадт.

Это были первые наши потери, но, к сожалению, далеко не последние. Вскоре от вражеских бомб затонул ледокол «Вольдемаре». Тут же был атакован с воздуха транспорт «Вирония»; бомбы упали по его правому борту, повредив рулевое устройство и паропровод, в результате чего судно потеряло управление. Его взял на буксир спасатель «Сатурн». Для подстраховки к «Виронии» подошел транспорт «Алев», готовый в случае опасности принять на свой борт людей.

Обеспечивал эти суда морской охотник 208. К несчастью, подорвался на мине «Сатурн»; вслед за ним затонула и «Вирония». Вечером пять торпедных катеров противника пытались атаковать лидер «Минск». Артиллерийским огнем они были отогнаны и, по донесению контр — адмирала Ю. А. Пантелеева, понесли потери. Вторую попытку атаковать «Минск» враг предпринял в темноте; и эта попытка была отражена артиллерией лидера.

Корабли почти беспрерывно маневрировали среди плавающих мин. Маневр сковывался узостью протраленной полосы, ведь с тралами могли идти только базовые тральщики, которых, как я уже отмечал выше, было всего десять: пять в составе отряда главных сил и пять в отряде прикрытия. К тому же тральщики начали терять от взрывов тралы и гибнуть от мин. Так мы лишились тральщиков «Краб» и «Барометр». Охранные корабли и катера не успевали расстреливать все плавающие

мины. О том, как много их было, можно судить по записям в вахтенных журналах крейсера «Киров» и лидера «Минск». Наблюдатели крейсера обнаружили мины в 19 часов 17 минут, 19 часов 38 минут и в 19 часов 50 минут — с правого борта, в 19 часов 54 минуты — почти по носу, еще через две минуты — снова с правого борта. Пять мин за 39 минут! С лидера «Минск» одну мину увидели в 19 часов 34 минуты, три — в 19 часов 53 минуты, через 19 минут еще две мины, спустя 18 минут после этого — пять мин, в 20 часов 41 минуту — одну, в 20 часов 54 минуты — одну… Эти выписки можно было бы продолжить.

Около восьми часов вечера шедшая строго в кильватер крейсеру «Киров» подводная лодка «С-5» с командиром соединения капитаном 1 ранга Н. П. Египко на борту взорвалась и в считанные секунды исчезла под водой. Было совершенно непонятно, почему это произошло, на какой мине лодка могла подорваться. Египко и военкома соединения Г. Обушенкова выловили из воды морские охотники. Комдив лодок А. К. Аверочкин погиб.

Спустя несколько минут новая беда в отряде главных сил: крейсер правым параваном затралил мину. Мы с контр — адмиралом Дроздом спустились с мостика, прошли на полубак посмотреть, как будут обрубать трос паравана с миной. Пока готовили инструмент, мина быстро притягивалась к борту крейсера. Наконец параван обрубили. И тут же, прямо по курсу, подорвался эскадренный миноносец «Гордый».

Это было в 20 часов 36 минут. Я немедленно приказал капитану

2 ранга И. Г. Святову, командовавшему отрядом кораблей на Готланде, выслать на помощь «Гордому» спасательное судно и охранение. С Гогланда вышли сторожевой корабль «Коралл» и два морских охотника, кроме того, из Ленинграда к «Гордому» направился ледокол «Октябрь». Командир корабля капитан 3 ранга Ефет в такой чрезвычайно сложной обстановке принял все меры для спасения корабля. Не желая рисковать всем экипажем, он приказал остаться на корабле командирам боевых частей, групп 150 и батарей, всем артиллеристам, старшинам и санитарам, остальным перейти на подошедший тральщик. На долю 45 оставшихся членов экипажа достались тяжелейшие испытания. Почти двое суток эти мужественные люди вели борьбу за жизнь своего корабля. Отражая непрекращавшиеся атаки самолетов врага он-) расстреляли весь боезапас, на «Гордый» было сброшено 267 бомб, но ни одна из них не достигла цели. Корабль спасли мужество и стойкость экипажа, бесстрашие и воля его командира.

Более трагический случай произошел с эскадренным миноносцем «Яков Свердлов». Этим кораблем мне довелось командовать в 1935–1936 годах. Он один из старейших эсминцев на Балтийском флоте (бывший «Новик»), по образцу которого строились все миноносцы в период первой мировой войны. С его именем связаны лучшие страницы истории отечественного кораблестроения и боевой деятельности русского флота в первую мировую войну. На «Якове Свердлове» бывали С. М. Киров и К. Е. Ворошилов. За первые два месяца Великой Отечественной войны корабль не раз выполнял ответственные задания по охране боевых и транспортных кораблей и судов, переходивших из западных портов и баз на восток и обратно. В первых числах июля он охранял на переходе линейный корабль «Октябрьская революция». Он принимал участие в создании минных позиций в Финском заливе. Сейчас эсминец «Яков Свердлов» шел в охранении крейсера «Киров» с левого борта на кормовом курсовом углу. Вместе с другими кораблями его экипаж стойко отражал воздушные атаки, не допуская вражеские самолеты к «Кирову». Когда отряд главных сил двигался по наиболее плотному минному заграждению, командир эсминца капитан 2 ранга А. М. Спиридонов осторожно маневрировал, избегая столкновений с вражескими минами. В 20 часов 47 минут (я находился в это время на левом крыле командного носового мостика крейсера «Киров») вдруг мгновенно вырвался огненный столб с дымом из-под корпуса «Якова Свердлова» на высоту 200–250 метров и через секунды с шипением опустился, накрывая оставшихся в живых моряков из его экипажа. Шедшим в охранении торпедным катерам и морским охотникам удалось подобрать всего несколько десятков человек…

Гибель «Якова Свердлова» была большой потерей, но нам некогда было даже пережить в полной мере постигшее нас горе. Ни на минуту не ослабевала тревога за крейсер, за другие корабли и суда, которые продолжали двигаться через минное поле. События набегали одно на другое, как кадры на киноленте. «Киров» вновь затралил параваном мину. Только успели избавиться от этой опасности, как началась атака вражеских торпедных катеров. Одновременно крейсер обстреливала береговая батарея с мыса Юминда. И в то же время на флагманский командный пункт одно за другим поступали донесения об обнаружении пла вающих мин. Ко всему этому у трех тральщиков из пяти, шедших перед крейсером, были перебиты тралы…

Так было у нас, в отряде главных сил.

Не лучше обстояли дела и в отряде прикрытия. Наступавшая

темнота почти не давала возможности разглядеть плавающие мины. На носу и вдоль борта каждого корабля стояли десятки людей, до боли в глазах всматриваясь в море. В 21 час 40 минут у борта лидера «Минск» взорвалась мина, в некоторых местах разошлись швы, вода проникла в погреба, помещение гирокомпасов и кладовые, вышли из строя управление артиллерией и телефонная связь, заклинило рулевую машину. Экипаж под руководством командира капитана 2 ранга П. Н. Петунина самоотверженно боролся за жизнь корабля. Лидер остался на плаву, но лишился хода. Находившийся в охранении лидера эскадренный миноносец «Скорый» по приказу контр — адмирала Пантелеева подошел к борту «Минска», подал ему буксирные концы. Взяв лидер на буксир, эсминец дал ход, но вдруг разом осел. «Взрыв— вспоминает КЭ. А. Пантелеев, — всем показался далеким и негромким. «Скорый» быстро разломился пополам и начал тонуть. С лидера немедленно спустили шлюпки для спасения моряков. Более ста человек было поднято из воды. Командир «Скорого» капитан 3 ранга А. Н. Баландин и военком батальонный комиссар

С. П. Карликов погибли, находясь на мостике. Несколько позже пострадал эсминец «Славный», у которого взрывом мины в параване были выведены из строя гирокомпасы. Корабль остался на плаву и продолжал движение».

Тяжелые минуты пережил отряд контр — адмирала Ю. Ф. Ралля. В 22 часа 10 минут на меридиане маяка Калбодагрунд шедший головным эскадренный миноносец «Калинин» (командир капитан 2 ранга П. Б. Стасов) параваном затралил мину, которая взорвалась у борта. Корабль получил тяжелые повреждения, но героическими усилиями личного состава удерживался на плаву. Пятьдесят минут шла борьба за жизнь корабля. Однако вскоре стало ясно, что спасти его не удастся. Тут же с эсминца были прежде всего сняты на МО-211 раненые и отправлены на эсминец «Володарский». МО-211 находился уже вблизи «Володарского» (командир капитан 2 ранга Н. В. Фалин), когда на эсминце раздался страшной силы взрыв. Почти никто из экипажа не был спасен. МО-211 вернулся к «Калинину», на борт катера перешел контуженный командир отряда контр — адмирал Ю. В. Ралль. Оставшаяся часть экипажа снималась одним из подошедших тральщиков типа «Ижорец». Через 12–15 минут взорвался и эсминец «Артем» (командир старший лейтенант А. Б. Сей) с командиром дивизиона капитаном 2 ранга Л. Н. Сидоровым на борту.

Я хорошо знал командира дивизиона эсминцев и командира «Володарского». С Львом Николаевичем Сидоровым плавал в

одной бригаде. Это был отличный моряк, любящий свое дело, командир высокой культуры.

Он хорошо знал театр военных действий, прекрасно управлял кораблем, пользовался большим авторитетом в своем экипаже, его уважали командиры других эсминцев. И еще лучше, пожалуй, знал я Николая Васильевича Фалина, с которым мне довелось в молодости вместе служить на Балтике; мы оба были на линейном корабле «Парижская Коммуна» во время перехода из Кронштадта в Севастополь. У Фалина был меньший командирский стаж, чем у Сидорова, но он был также хорошо подготовлен тактически, прекрасно разбирался в обстановке на море. И вот оба молодые, отличные командиры погибли на своих боевых постах.

Флагманский артиллерист отряда легких сил капитан 2 ранга А. А. Сагоян, находившийся на «Артеме», вспоминает: «Миноносцы «Артем», «Калинин», «Володарский» в 21 час 10 минут последними оставили рейд, подавляя на ходу огонь батарей врага, прорвавшегося к Пирите — Кадриоргу. Следуя в арьергарде, миноносцы прикрывали идущие впереди конвои и главные силы. Около полуночи, форсируя минные поля на траверзе Юминда, все они в короткий срок погибли, сначала «Калинин», затем «Володарский» и «Артем». Исключительное мужество и выдержанность в момент гибели «Артема» проявили личный состав корабля и находившийся на мостике командир дивизиона Л. Н. Сидоров… Мне довелось быть в момент гибели вместе с ним. В считанные минуты до погружения корабля он спокойно, волевым голосом, с исключительной выдержкой отдавал последние распоряжения по спасению экипажа и, не покидая ходового мостика, погиб…»

Еще до подрыва эсминцев погиб на минах СКР «Циклон» (командир старший лейтенант М. А. Родзиев). По приказанию командира дивизиона капитана 3 ранга В. Н. Филиппова экипаж был подобран на СКР «Снег», который вместе с СКР «Буря» продолжал движение, прикрывая прорыв с запада.

Крупные потери понесли мы и в транспортах. Около полуночи 29 августа подорвалась на мине «Луга». Взрыв огромной силы встряхнул транспорт. В носовой части образовалась большая пробоина. На борту было 1226 раненых, некоторые из них, поддавшись панике, стали бросаться за борт. К счастью, на транспорте находился флотский врач Ф. Т. Коровин, заменявший заболевшего судового врача. Его властные команды приостановили панику. Экипаж, руководимый капитаном В. М. Мироновым, энергично боролся за жизнь судна, однако разрушения оказались настолько значительными, что прекратить доступ воды в отсеки не удалось. Положение становилось

безнадежным. Вскоре на помощь «Луге» подошел пароход «Скрунда» (капитан С. П. Остапенко). Дружными усилиями медиков и моряков обоих транспортов за полтора часа на «Скрунду» были перемещены все раненые. Экипаж «Лупи» сделал еще одну попытку спасти судно, но это оказалось невозможным; судно пришлось потопить. Остав шиеся в живых двенадцать человек во главе с В. М. Мироновым перебрались на теплоход «Вторая пятилетка».

Немного забегая вперед, замечу, что «Скрунде» тоже не повезло. На рассвете следующего дня ее начали атаковать вражеские самолеты. Более 150 бомб было сброшено на транспорт. Судно непрерывно маневрировало, и это спасало его от прямых попаданий. Одна из бомб разорвалась у самой кормы. Из строя вышло рулевое управление. Исправить повреждение не удалось. Неуправляемый транспорт вынесло на мель. Вражеские самолеты и здесь не оставляли «Скрунду». Был ранен капитан транспорта. Его обязанности принял на себя Ф. Т. Коровин. Вскоре к транспорту подошли два буксира, взяли 600 раненых и направились в Кронштадт. Еще часть раненых приняли катера. Последних сняли тральщики капитан — лейтенанта Д. Н. Белкова, доставили их на Гогланд, а затем в Кронштадт.

Поздно вечером 28 августа члены Военного совета — В. Ф. Три- буц, Н. К. Смирнов, А. Д. Вербицкий — обсудили обстановку. От командиров отрядов поступали донесения о появлении все новых и новых плавающих подсеченных мин; борьба с ними ночью практически становилась невозможной. Я принял решение: до рассвета приостановить движение. На корабли и транспорты был передан приказ принять меры защиты от атак торпедных катеров, установить круговую оборону. К полуночи все отряды и конвои заняли якорную стоянку в районе чуть западнее маяка Вайндло.

Противник мог атаковать наши корабли и транспорты торпедными катерами, но, видимо, не ожидая, что мы решимся на остановку, даже не предпринял каких-нибудь серьезных попыток сделать это.

Командиру отряда специального назначения капитану 2 ранга И. Г. Святову было приказано с рассвета 29 августа начать боевое траление основного фарватера, по которому нам предстояло двигаться.

Рано утром корабли и транспорты снова снялись с якоря и продолжали поход на восток. Впереди были еще многие часы пути, а положение наше стало намного хуже. В отряде главных сил, кроме крейсера «Киров», в исправном состоянии оставался единственный миноносец — «Сметливый». В составе отряда

прикрытия исправен был лишь лидер «Ленинград». Он обеспечивал поврежденный «Минск» и являлся ведущим для остальных кораблей, так как гирокомпасы на «Минске» вышли из строя. Эсминец «Суровый» сопровождал подорвавшийся «Славный»; «Свирепый» вел на буксире «Гордого». Мы не могли выделить ни одного крупного корабля для зенитного прикрытия транспортов. Каждый транспорт должен был защищаться, в первую очередь, наличными средствами, которых, как я уже отмечал, было очень и очень мало. Тральщики и катера — охотники, идущие в охранении транспортов, располагали крайне ограниченными возможностями для того, чтобы прикрыть транспорты от воздушных атак противника.

Первые воздушные разведчики врага появились около шести часов утра, а через час с небольшим начались бомбардировки. Основные усилия враг сосредоточил на ударах по «Кирову», «Минску», «Гордому», «Ленинграду». Отбиваться становилось все труднее, не хватало боезапаса. Бомбы начали падать вдоль бортов крейсера, за его кормой.

«Киров» по — прежнему был целью номер один, которую любыми путями пытались уничтожить фашистские асы. Они сбрасывали на корабль тонны бомб, но миля за милей оставались позади, а крейсер шел даже без повреждений. Командир корабля капитан 2 ранга М. Г. Сухорукое, старший помощник командира капитан 3 ранга С. П. Дегтев, штурман В. Т. Пеценко, связист П. Н. Ефремов, командир дивизиона главного калибра старший лейтенант И. Ю. Шварцберг, командиры электромеханической боевой части военные инженеры старшие лейтенанты А. Я. Андреев, В. М. Шатило, Л. М. Аврутис, зенитные расчеты старшего лейтенанта А. Ф. Александровского и лейтенанта Е. Г. Кравцова, весь экипаж, сплоченный стремлением сохранить крейсер, отражал одну атаку за другой, смелым маневром уходил от ударов фашистских самолетов. Моряков вдохновляли пламенным большевистским словом политработники И. А. Торяник, Г. А. Чесноков, А. В. Сухов, И. Л. Суровцев, постоянно находившиеся на боевых постах.

Мы уже подходили к той невидимой границе, где начиналась зона действия нашей истребительной авиации. Я направлял одну за другой радиограммы командующему авиацией флота, находящемуся в Петергофе на своем командном пункте; увы, он и сейчас не мог помочь нам: лишь около девяти часов утра появилась первая пара истребителей; они, конечно, не прикрыли корабли и транспорты. Больше было надежд на спешившие с Гогланда по моему приказу навстречу колонне тральщики, буксиры, катера, которые могли как-то помочь пострадавшим.

Крупные боевые корабли нашли выход в том, что, миновав минные поля, увеличили скорость до 22 узлов. Это было сделано в районе Лавенсари. Авиация врага потеряла из поля зрения крейсер «Киров», лидеры, эсминцы. Очередная группа самолетов сбросила бомбы на «Пиккер» и идущие за ним подводные лодки. В семнадцать часов с минутами крейсер «Киров», лидеры «Минск» и «Ленинград», эсминцы прибыли в Кронштадт. Ожесточенным атакам самолетов подвергся учебный корабль «Ленинградсовет» (командир капитан 3 ранга Н. Н. Амелько). На него было сброшено несколько сотен бомб, но корабль оставался в строю, его спасло исключительное мужество моряков, отличная выучка командного состава, смелость и мудрость командира. Прошедший на этом корабле путь из Таллина в Ленинград поэт Анатолий Тарасенков написал такие строки:

Три дня бесился лютый враг
В припадке гнева злом,
Но, как и прежде, реет флаг
Над славным кораблем.

В более сложном положении оказались транспорты и вспомогательные суда. Слабость протиеосамолетной защиты (а на некоторых транспортах полное отсутствие ее) позволяла фашистским самолетам в течение всего дня 29 августа с любой высоты бомбить их. Финский залив стал свидетелем замечательного мужества наших моряков, до последнего боровшихся за спасение жизни тысяч бойцов и граждан Таллина. Одним из первых на рассвете 29 августа от ударов вражеской авиации пострадал транспорт «Казахстан», на борту которого находилось около пяти тысяч бойцов и таллинцев.

На «Казахстане» были установлены три зенитных орудия, три пулемета ДШК, три счетверенных пулемета М-4, четыре пулемета М-1. Все эти зенитные средства находились в полной готовности. Но случилось так, что в транспорт на капитанский мостик попала бомба. Взрывом был выброшен за борт капитан Калитаев Вячеслав Семенович (его подобрал один из наших кораблей), вышло из строя рулевое управление, отказало управление машиной. На судне началась паника. Некоторые пытались на спасательных кругах и наспех сколоченных плотах уйти подальше от «Казахстана». Но усилиями наиболее стойкой части экипажа удалось восстановить элементарный порядок. Кое-как дали ход и сумели подвести транспорт к острову Вайндло. На рассвете 30

августа он приткнулся к отмели. С помощью подручных средств и катера с поста СНиС переправили на берег 2300 человек. Чтобы обмануть вражеских летчиков, на транспорте имитировали в это время пожар. Высадившиеся были организованы в полк, командование которым принял полковник Потемин. Они создали оборону острова, построили щели для укрытия, установили пулеметы. Позднее этих людей перебросили на Гогланд, а затем перевезли в Кронштадт. Люди были спасены. Не хотелось терять и транспорт «Казахстан». Попытку оказать ему помощь сделало небольшое транспортное судно «Тобол». Ему не повезло, оно было атаковано самолетами врага и потоплено. Около 18 часов в «Казахстан» тоже попала бомба. На исходе дня его сняли тральщики, спасатель «Метеор» взял транспорт на буксир и под охраной сторожевых кораблей увел на восток… Вражеская авиация и на переходе пыталась уничтожить «Казахстан», но тут уже действовали наши истребители. Транспорт благополучно прибыл в Кронштадт.

Еще более тяжелая судьба выпала на долю крупного транспортного судна «Вторая пятилетка». Утром 29 августа в него попала бомба, транспорт потерял ход, носовые трюмы заполнила вода. Находившиеся на нем 2500 человек были сняты подошедшими с Гогланда тральщиками. Капитан «Второй пятилетки» Н. И. Лукин вспоминает: «Около полудня мы находились между Гогландом и Родшером… Двадцатый налет фашистских бомбардировщиков. На верхнем мостике стрекочут наши спаренные пулеметы. Стреляют зенитные пушки… Все, кто вооружен винтовками, пистолетами встречают врага огнем… Судно начало погружаться в воду. Я приказал снимать пассажиров. К нам стали подходить военные тральщики, катера, шлюпки. Экипаж теплохода «принял все меры, чтобы спасти людей… На борту «Второй пятилетки» остались доктор Иванов и я… Подошедший катер подобрал Иванова, затем меня… Ряд членов экипажа был награжден орденами СССР. Мне в 1942 году вручили орден Ленина…»[51].

Тяжелые повреждения получил транспорт «Люцерна»; с трудом добравшись до Гогланда, он высадил своих 2500 человек на остров. Кое-как дотянул до Гогланда пылающий транспорт «Иван Папанин». И его 2500 пассажиров были высажены на берег. От бомб, сброшенных во время сорок седьмого налета вражеских самолетов, затонул пароход «Колпаке». Много часов героически боролся со смертью экипаж этого славного судна под руководством отважного капитана Эрнста Вейнбергса. При исполнении служебных обязанностей пал смертью храбрых второй помощник капитана Коппель. Пулеметной очередью

сражен стоявший на руле матрос Кокоришс. Сразила вражеская пуля и сменившего его матроса Лобучкина. Был убит ставший к штурвалу матрос Михалкин. Получил сильное ранение капитан Эрнст Вейн- бергс; он стоял у телеграфа, пока не истек кровью и не упал. Единственный оставшийся в живых на мостике старший помощник капитана Л. Ё. Шверс следил за атакующими самолетами, передавал приказания в машину и управлял кораблем. Пароход то устремлялся вперед, то быстро останавливался, то мгновенно сворачивал вправо, а затем — влево…

Когда «Колпакс» затонул, фашистские самолеты продолжали обстреливать из пулеметов плавающих людей, бросали на них бомбы. Катера подобрали около 70 человек, оставшихся в живых (из экипажа в 29 человек спаслось 16).

На буксире был приведен на рейд бухты Сууркюля на острове Гогланд транспорт «Шяуляй». С него выгрузили артиллерийский 1 дивизион численностью 700 человек. Приведший «Шяуляй» к острову ледокольный буксир «Тазуя» получил повреждение и сам приткнулся к берегу.

Потери наши в транспортах были велики, но почти со всех мы сумели эвакуировать личный состав. Самое ценное, люди, были спасены. Немалая заслуга в этом заблаговременно созданного на острове Гогланд отряда кораблей и вспомогательных судов под командованием капитана 2 ранга Ивана Георгиевича Святова (ныне контр — адмирал в отставке). В состав отряда входило двенадцать тральщиков, дивизион сторожевых кораблей, шесть торпедных катеров, восемь катеров МО-4, два буксира, четыре мото бота, спасателыное судно «Метеор» и два катера. Эти корабли оказывали помощь пострадавшим, подбирали из воды, снимали с тонущих транспортов людей, доставляя их на Готланд. Всего переброшено на остров более двенадцати тысяч человек; позже их переправили в Кронштадт. Фашисты, понимая роль отряда И. Г. Святова, систематически атаковали его корабли и суда на рейде Сууркюля на Готланде, сбросили на них сотни бомб, но экипажи самоотверженно делали свое нелегкое дело.

Не могу не вспомнить здесь, как спасали наших людей члены команды поста СНиС и маяка, расположенных на острове Вайндло (шведское название — Стеншер). Пост возглавлял старшина 1–й статьи М. Н. Гущанинов. Начиная с первых дней августа, самолеты противника почти ежедневно бомбили островок; трижды его пытался захватить вражеский десант. Двенадцать краснофлотцев и старшин, составлявшие команду поста, отбились. Когда у острова начал тонуть разбомбленный фашистской авиацией транспорт «вторая пятилетка», М. Н.

Гущанинов и его товарищи на катере и шлюпке поспешили на помощь погибающим. Маневрируя между взрывами, моряки подбирали людей; шестьдесят три человека вырвали они из холодных объятий смерти. На глазах команды поста СНиС развертывалась эпопея героической борьбы за жизнь транспорта «Казахстан». И снова катер, взяв на буксир шлюпку, сновал между минами, подбирая людей. О М. Н. Гущанинове и его подчиненных мне неоднажды рассказывали начальник связи флота полковник М. А. Зернов, а позднее — писатель Александр Ильич Зонин. Личный состав поста СНиС и маяка Вайндло покинул островок 9 сентября по приказу командования, до конца выполнив свой воинский долг. Подвиг старшины М. Н. Гущанинова и его товарищей был неоднократно отмечен боевыми орденами и медалями Советского Союза.

Остров Готланд при прорыве флота из Таллина стал убежищем для многих тысяч людей, спасшихся с погибших кораблей и транспортов. Начальник медицинской службы острова А. А. Ушаков организовал им медицинскую помощь. Этот исключительно деятельный человек, видя, что собственными силами не обойтись, так как среди спасенных было много женщин и детей, людей с серьезными психическими травмами после пережитых потрясений, и раненых бойцов, вызвал из Кронштадта специальные хирургические партии, привлек к работе спасенный медицинский персонал армейских частей и лечебных учреждений. Начальник базового лазарета хирург И. И. Полежаев наладил круглосуточную работу операционного блока, ему помогал в этом молодой врач Б. М. Маранц.

Спасенных отправляли с Гогланда в Ленинград, на подступах к которому развертывалась битва. Вчерашние защитники Таллина вместе с краснофлотцами и командирами кораблей Балтийского флота, пришедших в Кронштадт, вливались в ряды тех, кто оборонял город Ленина.

Несколько слов об экипажах транспортов и вспомогательных судов, шедших вместе с боевыми кораблями 28–29 августа. С первых дней войны, рука об руку с военными моряками Балтики, самое активное участие в боевых делах принимали и моряки торгового флота Балтийского, Эстонского и Латвийского государственных пароходств. Тесная боевая дружба военных, торговых моряков, воинов приморских фронтов была примером морского братства при обороне приморских рубежей в ходе всей войны.

Торговые моряки, воспитанные Коммунистической партией, также, как и весь советский народ, встретили начало войны стойко, мужественно, готовые отдать все свои силы на защиту

Родины.

На Балтике с первых дней войны суда Балтийского и других пароходств были мобилизованы на военные перевозки. Их рейсы из Кронштадта пролегали на Ханко, Таллин, в Моонзунд, куда они доставляли подкрепления, вооружение, топливо и продовольствие. Когда ухудшилась обстановка на суше, они вывозили раненых, оборудование промышленных предприятий и продовольствие из Таллина.

В беспримерном таллинском переходе можно было видеть картины поистине героических поступков личного состава транспортов и вспомогательных судов. Они вместе с военными моряками самоотверженно вели борьбу за спасение родного флота.

Так был совершен прорыв кораблей Балтийского флота и других судов из Таллина в Кронштадт. Историки по — разному оценивают его. Одни считают прорыв лишь героической эпопеей балтийцев, другие склонны видеть в нем явление трагическое и ищут причины этого. Я не разделяю ни той, ни другой точки зрения. Прорыв был одной из крупных операций, проведенных Балтийским флотом в годы Великой Отечественной войны. «Это не было бегством, а явилось организованным отступлением в исключительно трудных условиях. Управление соединениями кораблей сохранялось до последнего момента»[52].

Немецко — фашистское командование не сомневалось, что Балтийский флот будет во время прорыва полностью уничтожен силами авиации и минным оружием. Накануне прорыва оно на весь мир хвастливо заявило о том, что ни одному кораблю не удастся уйти из Таллина. Должен сказать, что для столь самонадеянного заявления не было ровным счетом никаких оснований. Фашисты не могли усложнить наш прорыв; для этого им потребовалось бы к моменту выхода из Таллина наших боевых кораблей и транспортных судов ввести в район западнее или севернее острова Найсаар свои крейсеры в сопровождении миноносцев под прикрытием авиации. В этом случае прорыв наших кораблей на восток был бы чреват значительно большими потерями (крейсер «Киров», наши эсминцы имели ограниченные запасы топлива и снарядов. К тому же мы не могли рассчитывать на поддержку авиации, она была занята в то время под Ленинградом). Но враг даже не сделал такой попытки, зная, что мощные минные заграждения, подводные лодки и батареи островов Хиума, Осмуссара и полуострова Ханко надежно удерживают вход в Финский залив. Основные надводные силы противника все это время находились в своих базах и портах, занимая «оборонительную позицию».

«Момент после взятия Ревеля был последним, — пишет В. Мель- цер, — когда немецкий военно — морской флот совместно с сухопутными силами и авиацией мог уничтожить советский Балтийский флот… советский военно — морской флот сохранил свою боеспособность… весьма активно участвовал в отражении наступательных действий немецких сухопутных сил и, наконец, в 1944 г. оказался там, где его присутствие было менее всего желательным»[53].

Да, враг просчитался, надеясь на уничтожение флота. Поставленная главнокомандующим войсками Северо — Западного направления флоту задача эвакуировать из Таллина войска, прорваться в Кронштадт была решена. Нам удалось вывести из-под удара основное ядро флота — 87 процентов боевых кораблей, которые пришли к месту назначения и сыграли важную роль в тяжелых боях за Ленинград. Кроме того, в Кронштадт было доставлено более 18 тысяч закаленных в боях красноармейцев, краснофлотцев и командиров. До места назначения не дошло 53 единицы, в том числе 22 транспорта и 12 вспомогательных судов. На них погибло около пяти тысяч человек.

Войны без жертв не бывает, но я утверждаю: жертв могло быть меньше, если бы эвакуация Таллина была осуществлена несколько раньше. О том, что мы промедлили с эвакуацией, свидетельствует и такая запись Н. Г. Кузнецова в уже названной мной книге «Оборона Ленинграда»: «Еще до отъезда из Москвы мне пришлось докладывать Ставке о критическом положении в Таллине и получить разрешение на эвакуацию главной морской базы флота. Хотя Балтийский флот оперативно подчинялся главнокомандованию Северо — Западного направления и именно прямой обязанностью главкома было решить, когда следует оставлять Таллин, на практике в таких случаях получалось сложнее. Кому хочется докладывать начальнику неприятные вести, спрашивать разрешение на отступление? Поэтому командование направления тянуло с докладом в Москву и разрешением комфлотом оставить столицу Эстонии. Понимая, что промедление с ответом может привести к излишним потерям, я вынужден был проявить инициативу и ускорить ответ, предоставляя командующему флотом больше времени на планирование и обеспечение такого сложного маневра под пушками противника, уже совсем вплотную подошедшего к городу»[54].

Я могу лишь добавить, что и вмешательство Наркома ВМФ мало облегчило решение задачи: на подготовку к прорыву нам давались одни сутки. Что бы мы делали, если бы не провели

заблаговременно всех необходимых обеспечивающих мероприятий до получения разрешения на эвакуацию. Не исключено, что врагу удалось бы сбросить мае в море, так как он сидел буквально у нас на плечах.

«Отсечным заградительным огнем артиллерия обороны успешно обеспечивала отрыв наших войск от противника, отход, погрузку и выход транспортов с войсками на внешний рейд. Это была беспрецедентная операция. Противник имел превосходство по пехоте в 2,5 раза, а по технике и авиации абсолютное»[55].

Основные потери в транспортных и вспомогательных судах мы понесли из-за слабости зенитно — артиллерийских и пулеметных средств борьбы с вражеской авиацией. От воздействия авиации погибло 45 процентов судов от общего числа потерь. К сожалению, флот не мог вооружить их лучше, он не располагал какими бы то ни было резервами боевой техники, все, что было можно, мы отдали обороне Таллина. Не мог флот прикрыть и небо над транспортами, организовать истребительное прикрытие, выделить достаточное число боевых кораблей и катеров для обеспечения надежной противовоздушной обороны.

Кроме того, было, на мой взгляд, одно обстоятельство, которое отрицательно сказывалось на создании условий на театре для прорыва флота на восток. Вот о чем идет речь. Анализ потерь показывает, что боевые корабли гибли главным образом от мин (63 процента всех потерь боевых кораблей). В начале главы я дал свое объяснение, в силу каких причин минное оружие врага могло нанести нам столь серьезный урон. Здесь перечень этих причин должен быть дополнен еще одной — недостаточной организованностью в отпоре врагу при заминировании им фарватеров на заливе в течение июля — августа. Получилось так потому, что командующий и штаб флота все свои силы, энергию, время вынуждены были отдавать «главному направлению» на юго — западе театра— обороне главной базы флота, Таллину. В то же время упускали Финский залив, его фарватеры, по которым шло снабжение Таллина, Ханко и по которому позже нам пришлось после боев на суше прорываться на восток.

В связи с этим хочу возразить тем товарищам, которые считают возложение главкомом направления на командующего флотом руководства обороной Таллина необходимым и правильным актом, для ко; орых вообще является аксиомой то, что при обороне военно — морских баз командовать должны военные моряки. И хотя так было не только при обороне Таллина, но и при обороне Одессы, Севастополя я придерживаюсь на этот счет иной точки зрения.

Готовили ли мы руководящий состав флотов к тому, чтобы ом

мог командовать силами, включая сухопутные войска, при обороне военно — морских баз с суши? Были ли подготовлены штабы флота и военно — морских баз к тому, чтобы обеспечивать командиру управление всеми силами в таких Случаях? Думаю, что на эти вопросы можно ответить только отрицательно. Ни на одной ступени подготовки военно — морские командиры не получали нужных для этого теоретических знаний. Ни один военно — морской штаб по своей структуре не был приспособлен для того, чтобы обеспечивать командиру управление войсками на суше. Тем не менее каждый раз на комфлотами, на командиров военно — морских баз возлагалось руководство обороной, а общевойсковые командиры назначались к ним заместителями. По — моему, всё это примеры неумелой и ненужной импровизации. Разумнее было бы при организации обороны Таллина прислать сюда штаб армии или штабную группу с общевойсковым командиром во главе, которому и следовало командовать войсками. Командующий же флотом должен заниматься своими делами — решать вопросы обеспечения войскам прикрытия флангов и поддержки их, действий на вражеских морских коммуникациях, защиты своих сообщений, контролировать обстановку на театре, предвидеть ее развитие и принимать меры к тому, чтобы не выпустить из своих рук инициативу. Такая организация, кажется мне, принесла бы больше пользы. На войне каждый командир, независимо от ранга, должен заниматься тем, чему учился в пору боевой учебы в мирное время.

Все эти и другие причины объективного и субъективного порядка ни в коей мере не умаляют значения столь крупной операции, проведенной в труднейших условиях в сложившейся в тот период обстановке, и могут служить уроком на случай решения подобных задач.

Потери могли быть меньше; но главное было не это, главным было то, что Балтийский флот продолжал существовать, основные его силы сохранялись, по — прежнему представляя серьезную угрозу для врага.

Флот внес свой достойный вклад в борьбу с немецко — фашистской армией, внезапно ринувшейся на нас два с лишним месяца назад. Корабли, авиация, зенитная и береговая артиллерия, морская пехота, оказав поддержку войскам 8–й армии, сыграли заметную роль в сдерживании натиска врага на подступах к городу Ленина. «Длительными и упорными оборонительными боями в Эстонии советские войска сковали пять вражеских дивизий и этим облегчили нашим войскам ведение боевых действий на ленинградском направлении»[56].

Совместные боевые действия сухопутных войск и флота в

Советской Эстонии приобрели особое значение еще и потому, что подводные лодки, авиация, эскадренные миноносцы, торпедные катера, береговая артиллерия, базировавшиеся в Таллине, вместе с силами военно — морских баз Ханко и Моонзундского архипелага в течение длительного времени препятствовали морским воинским перевозкам в Балтийском море, Рижском и Финском заливах для обеспечения наступления войск группы армий «Север» на ленинградском направлении. Этим самым флот выполнял крупную оперативную задачу на море. Участники героической обороны Таллина гордятся тем, что наряду с главными сражениями Красной Армии под Смоленском, Киевом, Одессой и Севастополем эта оборона явилась одним из начальных вкладов в ту всемирно — историческую победу, которую одержал над фашистской Германией советский народ под руководством Коммунистической партии и ее Центрального Комитета.

Советские люди буквально с первых же часов войны оказали фашизму такое сопротивление, подобно которому он не встречал никогда прежде и которое позволило вскоре сорвать планы врага. «Итоги Смоленского сражения, — пишет Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, — возросшая активность и силы сопротивления войск Северного, Северо — Западного фронтов, Балтийского флота и авиации знаменовали собой серьезную брешь в плане «Барбаросса»[57].

Это был тот период Великой Отечественной войны, когда каждый день, каждый час активной, успешной обороны создавал предпосылки для грядущих побед Красной Армии.

Оглядываясь сейчас на это самое тяжелое и горькое для нас время в Великой Отечественной войне, я думаю, что источники мужества наших людей находятся в истории Советского государства. Народ, который с оружием в руках отстоял свою власть в 1917 году, не хотел и не мог стать рабом. И, как в героические дни Великой Октябрьской социалистической революции, военные моряки — балтийцы находились в первых рядах защитников своей Родины.

«Попытки противника с ходу захватить город и военно — морскую базу отражались героическими действиями 10–го стрелкового корпуса 8–й армии, частями морской пехоты, корабельной артиллерией флота и вооруженными отрядами народного ополчения Таллина.

Конец июля и почти весь август продолжалась битва за Таллин и главную морскую базу флота. В конце августа вследствие истощения наших сил и усиления вражеских войск Ставка Главного Командования приняла решение вывести корабли флота из морской базы в Кронштадт и в Ленинградскую

гавань, а Таллин оставить.

Боевая авиация флота в боях за таллинский плацдарм принимала активное и непосредственное участие, нанося удары по атакующим соединениям противника. Надо отдать должное и морякамбалтийцам: на суше и на кораблях они дрались как настоящие герои»[58].

…Тяжело вспоминать о том, что довелось испытать мужественным защитникам Таллина < на долгом героическом и трагическом пути в Кронштадт. Еще тяжелее писать об этом. Скажу только, что военные моряки Краснознаменного Балтийского флота сделали все, что было в их силах, чтобы выполнить важное задание командования, привести основное ядро флота и тысячи бойцов, в каждом из которых остро нуждался осажденный блокированный и героически сражающийся Ленинград. А потери и жертвы? Что ж они, как говорится, могли бы быть меньше, даже в тех, на редкость суровых и неблагоприятных условиях прорыва из Таллина в Кронштадт. Пусть же будет утешением для нас, ветеранов и участников грозных событий 1941 года и вообще минувшей Великой Отечественной войны, то, что героическая гибель наших боевых товарищей не осталась неотомщенной. Тот, кто побывал» Финском заливе в августе 1941 года, вполне поймет меня.

# ГЛАВА 8. ЛЕНИНГРАД В ОПАСНОСТИ

Напряженная обстановка в начале сентября. Приезд Наркома ВМФ в Ленинград. Директива Ставки о судьбе флота. Бои за ораниенбаумский плацдарм. Перегруппировка сил противника. Задачи артиллерии флота. Собрание партийного актива Ленинграда. Клятва балтийцев.

А положение под Ленинградом все ухудшалось… 24 августа войска 16–й армии противника начали наступать от Чудова вдоль железной дороги Москва — Ленинград, овладели Любанью, под угрозой оказались Тосно, Мга, Кириши. С берегов Ладоги срочно была снята 168–я стрелковая дивизия, Ладожская флотилия перебросила ее на этот участок; сюда же была направлена 4–я дивизия народного ополчения. 28 августа противник захватил Тосно.

В этот день впервые были произведены непосредственно из Ленинграда выстрелы по танкам и пехоте врага, прорвавшимся в совхоз Красный Бор, из сверхмощного 406–миллиметрового орудия. Командовал огневым налетом капитан — лейтенант Е. Д. Романцов. Чтобы избежать паники среди населения, в газете «Ленинградская правда» было опубликовано сообщение о стрельбе с траекторией через город.

30 августа противник вышел на левый берег Невы к Ивановскому, где наших войск не было. Создалось критическое положение: все дороги перерезаны, финны в Новом Белоострове, казалось, еще нажим — и вражеские войска соединятся. Фашисты по радио протрубили на весь мир о том, что до падения Ленинграда остались считанные часы.

В последних числах августа в Кронштадт прорвались из Таллина основные силы Балтийского флота. С волнением всматривались мы, моряки, находившиеся на кораблях, в выплывавшие из дымки родные берега. Кронштадт, который обычно казался жизнерадостным, сейчас выглядел суровым, но спокойным. И вот мы на берегу, перед нами желтое здание штаба флота.

В этот же день в Ленинград прибыл из Москвы Нарком ВФМ адмирал Н. Г. Кузнецов. Встретив его, я на ходу доложил об обстановке, о наших потерях при прорыве флота из Таллина в Кронштадт, положении гарнизона на Моонзундских островах, который остался в глубоком тылу и которому помочь мы теперь ничем не могли. Нарком слушал внимательно, и все-таки мне

казалось, что его тревожит что-то еще более серьезное, скорее всего его беспокоила обстановка под Ленинградом, о которой он был осведомлен лучше, чем я, только что прибывший из Таллина. Как выяснилось, Нарком был озабочен выполнением поручения Ставки. Подробного разговора не получилось.

Расставшись с Николаем Герасимовичем, я занялся изучением положения наших войск на отдельных направлениях, особо меня интересовала деятельность командования и штаба морской обороны Ленинграда и Озерного района. Штаб проводил большую и полезную работу по формированию новых частей, батарей, рот, батальонов для фронта. В той обстановке это было главное.

Потом мы встретились с Наркомом снова. Н. Г. Кузнецов решил побывать на крейсере «Максим Горький», находившемся на огневой позиции в торговом порту. Командовал крейсером капитан 1 ранга А. Н. Петров, которого Нарком хорошо знал по совместной службе на Черном море. А. Н. Петров просил адмирала только об одном: выделить оружие для личного состава; все, что было, крейсер отдал отправленным на фронт морякам. Это была общая проблема — в оружии нуждались и другие корабли. Во время обороны Таллина винтовки и пулеметы приходилось доставлять самолетами с вновь строящихся кораблей, фортов и батарей, изъяли все до последнего патрона. Нарком обещал помочь, но выполнить обещание было не так просто. Оружие шло в первую очередь для вновь формируемых бригад морской пехоты, отправляемых на фронт.

На другой день мы с Н. Г. Кузнецовым выехали на машине в Ораниенбаум. В районе Петергофа — Мартышкино нам повстречались жители со скарбом, воинские подразделения, направлявшиеся в Ленинград. Мы заговорили с бойцами, бредущими по шоссе, — «Кто? Откуда?» — Ответ был:\ «Выходим из окружения». Перебираясь через залив в Кронштадт, мы обратили внимание на усиленное движение буксиров и катеров на его рейдах. Поравнявшись с линейным кораблем «Октябрьская революция», стоявшим на Малом рейде, мы отметили, что он готов к открытию огня своим главным калибром. Я доложил Наркому, что и другой линейный корабль, «Марат», находящийся в торговом порту Ленинграда, также готов немедленно открыть огонь по вражеским войскам.

— Да, дело приняло серьезный оборот, — сказал Николай Герасимович, — раз дошло до использования двенадцатидюймовых орудий по пехоте…

Н. Г. Кузнецов приказал собрать командиров соединений, находившихся в Кронштадте. Нарком хотел лично заслушать их

сообщения о состоянии соединений после прорыва из Таллина. Были вызваны В. П. Дрозд, Н. П. Египко, А. Е. Орел, М. И. Самохин, М. И. Москаленко, В. И. Иванов, И. Ф. Николаев, командиры штаба и политуправления. Не смог присутствовать на совещании начальник штаба флота, находившийся в то время с группой командиров в Койвисто, где проводил эвакуацию 50–го стрелкового корпуса, отступившего туда под давлением финских войск; нужно было вывезти в Ленинград более двух десятков тысяч бойцов. Каждый участник совещания, выступая, отмечал, что в ходе боев за Таллин, при прорыве кораблей морем в частях и соединениях сохранялось твердое управление, не допускавшее паники. В исключительно сложной обстановке военные моряки проявили мужество и волю при выполнении поставленной задачи. Вместе с тем мы не закрывали глаза и на промахи и ошибки, которых было немало, не преуменьшали в докладах Наркому значительных потерь боевых и транспортных кораблей, понесенных во время беспрецедентного, полного героизма и трагизма прорыва из Таллина в Кронштадт.

Нарком потребовал от командиров, руководителей политорганов, чтобы личному составу правдиво и глубоко разъяснялась сложная обстановка, складывавшаяся под Ленинградом; военные моряки должны знать, что флот совершил героический прорыв из Таллина для того, чтобы защищать город Ленина. Главнейшая задача флота — в самый короткий срок сконцентрировать все силы, всемерно помочь фронту удержать Ленинград во что бы то ни стало.

Мне запомнилась встреча Наркома с комендантом Ижорского укрепленного сектора генералом Г. Т. Григорьевым. Они знали друг друга еще по Дальнему Востоку. Григорий Тимофеевич обстоятельно доложил Народному комиссару о том, что его заботило в те недели — состояние оборонительных рубежей на подступах к «Красной Горке», созданных флотом задолго до подхода противника к территории Ленинградской области, формирование сухопутных частей из курсантов школы младших специалистов, установка дополнительных батарей на главных направлениях. Было доложено Наркому и о том, что превосходящие силы врага наступают в направлении Купля, Копоница,' Ильмово, Лучки, в связи с чем создалось угрожающее положение для частей 8–й армии, находящихся в районе Усть — Луги, — они могли быть отрезаны. Чтобы дать возможность нашим войскам отойти, морские пехотинцы семь раз переходили в контратаки в течение одной только ночи. Лишь после приказа командующего армией генерала

В. И. Щербакова они отошли на новые позиции. Генерал

Г. Т. Григорьев с гордостью рассказывал Н. Г. Кузнецову о мужестве и храбрости морских пехотинцев, отмечал высокую эффективность ударов морской артиллерии. Затронул генерал и известную уже Наркому проблему: у людей не хватает личного оружия.

Нарком понимал и разделял заботы коменданта сектора. Николаю Герасимовичу было приятно, что морские пехотинцы 2–й бригады успешно наступали из Копорья на Подозванье. Он вместе с нами жалел, что по противнику, рвавшемуся к побережью Ко — порской губы на Березняки, приходится вести огонь из 12–дюймовых орудий «Красной Горки» и 18–й железнодорожной батареи, но соглашался, что это единственный способ удержать выделенный генералом В. И. Щербаковым, командующим войсками 8–й армии, флоту для обороны участок фронта от Керново до реки Воронка и далее по реке Коваши до Порожки, примерно 50 километров. Он одобрил то, что для оказания помощи войскам 8–й армии было сформировано полтора десятка батальонов морской пехоты, брошенных под Старый Петергоф и к деревням Семиногонт, Мишино; они понесли очень большие потери, но дело свое сделали.

Нарком побывал на форту ««Красная Горка». Командовавший им майор Г. В. Коптев повторил все ту же просьбу: снабдить личный состав оружием… Я невольно вспомнил десант из Астрахани в село Лагань в 1919 году, в котором принимал участие. На весь десант у нас была винтовка, несколько пулеметов «максим», гранаты — но мы верили в победу и побеждали. Теперь был 1941 год, прошло более двух десятков лет, и все-таки что-то было общее: тогда в кольце блокады была молодая Советская Россия, сейчас враг пытается создать кольцо вокруг Ленинграда. Как и тогда, снова можно было увидеть моряков, увешенных пулеметными лентами крест — накрест, через плечо — прообраз матроса на суше 1918–1919 годов…

Стремясь ускорить решение вопроса о личном оружии для кораблей, Военный совет обратился непосредственно в Ставку Верховного Главнокомандования с просьбой выделить флоту 10 тысяч винтовок. Через некоторое время на ленинградские аэродромы начало поступать ручное оружие для нас. Об этом узнал А. А. Жданов и… попросил меня отдать винтовки во временное пользование вновь формирующимся частям, обещая при первой возможности вернуть такое же количество. Пришлось согласиться. Ничего нам не вернули, но мы не были в претензии: когда обстановка под Ленинградом изменилась в лучшую сторону, винтовки стали не так уж и нужны…

Нарком по возвращении из Ленинграда доложил Ставке о

состоянии флота. И. В. Сталин сказал, что он считает положение под Ленинградом тяжелым и даже предположил, что город, возможно, придется оставить, однако подчеркнул, что ни один боевой корабль не должен попасть в руки противника и приказал напомнить об этом нам, предупредив, что в случае невыполнения приказа виновные будут строго наказаны[59].

Вскоре меня пригласил к себе А. А. Жданов. В Смольном мне вручили телеграмму, подписанную Сталиным, Шапошниковым и Кузнецовым. Это был приказ подготовить все необходимое, чтобы в случае прорыва противником обороны Ленинграда уничтожить боевые и транспортные корабли, оборонные объекты флота, ценности, запасы оружия, боеприпасов и т. д. Я прочитал это страшное решение несколько раз и не поверил своим глазам. А. А. Жданов спросил, все ли мне ясно. Я ответил, что все, хотя выразил недоумение: неужели обстановка под Ленинградом требует проведения такого мероприятия? Жданов сказал, что положение на фронте очень серьезное, но не безнадежное, а этот приказ нужно выполнять только в крайнем случае. Позднее я узнал, что 15 сентября Военный совет фронта утвердил план мероприятий по выводу из строя важнейших промышленных и оборонных объектов, город готовился к уличным боям.

Приказ есть приказ; нужно было правильно разъяснить его ближайшим помощникам, тем людям на флоте, которые будут осуществлять предусмотренные им мероприятия, не допустить появления панических настроений. 11 сентября мы вместе с членами Военного совета Смирновым и Вербицким выехали из Ленинграда в Кронштадт; вызвали начальника штаба флота контр — адмирала Ю. А. Пантелеева, начальника тыла генерала М. И. Москаленко и начальника первого отдела штаба флота капитана 1 ранга Г. Е. Пи- липовского. Предупредив, что разговор будет особой важности, о нем никто не должен знать, кроме присутствующих, я информировал их об обстановке на фронте: противник продолжает наступать, пытаясь ворваться в город, не исключена возможность уличных боев, Ленинград будет защищаться до последнего солдата. На крупнейших предприятиях созданы специальные комиссии по уничтожению оборонных объектов на случай непосредственной угрозы захвата города. Будут заминированы мосты, наиболее крупные здания. От флота Ставка требует, чтобы ни один корабль, ни один склад с имуществом, ни одна пушка ни в Ленинграде, ни в Кронштадте не достались врагу, все должно быть уничтожено. Необходимо составить совершенно секретный план минирования кораблей, батарей, складов, других объектов. Боеприпасы для взрыва заложить в погребе кораблей и батарей, выделить специальные

подрывные команды. Первичные запалы передать на хранение ответственным командирам, выданы они могут быть только после получения приказа Военного совета. К уничтожению кораблей, всех объектов приступать только в крайнем случае по приказанию или по обстановке, когда станет ясно, что иного выхода нет. Все разработанные документы на этот счет в единственном экземпляре хранить в штабе флота, командиры соединений должны знать только то, что их непосредственно касается.

В соответствии с решением Ставки небольшая группа операторов штаба флота подготовила директиву командирам соединений, которым предлагалось разработать конкретный план уничтожения кораблей и объектов с указанием ответственных исполнителей и дублеров. В погреба и помещения кораблей были заложены бомбы и мины; личный состав знал об этом, но на его настроении, боевом духе это не отразилось. Люди думали о другом — о том, как отстоять город на Неве. Мы твердо верили, что уничтожать флот не придется.

Придя из Таллина в Кронштадт, боевые корабли, которые могли обойтись без большого ремонта, немедленно включились в сражение у стен Ленинграда. Крейсер «Киров» ловел вместе с линейным кораблем («Октябрьская революция», северными и литерными фортами Кронштадта артиллерийский огонь по вражеским войскам, наступавшим по северному берегу Невской губы в районах Олилла — Александровка и Белоостров — Куоккала. Флоткая артиллерия сдерживала дальнейшее наступление противника и вдоль южного берега Невской губы. По рубежам, занятым противником в районах Кипень, Красный Бор, Федоровна, с большой интенсивностью вели огонь корабли отряда, занявшие позиции на Неве.

Корабли этого отряда, линкор «Марат», крейсер «Максим Горький» оказывали поддержку и ведшим упорные бои на мгинском направлении дивизии НКВД полковника С. И. Донского и горнострелковой бригаде. Катера несли сторожевую службу на Неве, не давая врагу форсировать ее и соединиться с войсками финской армии, подошедшими к Новому Белоострову, а также выйти к южному берегу Ладожского озера. Дивизию С. И. Донского, кроме того, поддерживали канонерская лодка «Селемджа» и два бронекатера под командованием капитан — лейтенанта В. С. Сиро- тинского из состава Ладожской военной флотилии. Корабли флотилии обстреливали боевые порядки противника в районе Мги, Цниры, Горы, Ивановского, Пухолово, Погорелушки, Сологубово, высоты 266, громили вражеские батареи.

Находясь в Кронштадте, я получал подробные донесения об

отходе наших войск на Карельском перешейке и видел, как трудно им приходится, поэтому, не ожидая просьб общевойсковых командиров, приказал максимально использовать артиллерию фортов Кронштадта и кораблей для нанесения ударов по врагу.

В течение первой половины сентября форты Кронштадта, особенно литерные «П» и «О», линейный корабль «Октябрьская революция», крейсер «Киров» и «Максим Горький», канлодки «Москва» и «Амгунь» вели интенсивный огонь из своих орудий по узлам дорог, переправам, скоплениям живой силы противника в Терийоках и Куоккала, били по его огневым точкам, облегчая нашим войскам закрепление на основном оборонительном рубеже. На направлении Новый Белоостров противнику удалось прорвать этот рубеж. Врага отделяли от Невы считанные километры. Снимая опасность, артиллерия кораблей и фортов Кронштадта била в эти дни с максимальным напряжением.

По войскам врага открыли огонь новые, еще не закончившие испытаний эскадренные миноносцы «Стройный» и «Строгий» под командованием капитана 1 ранга В. С. Черокова, предусмотрительно поставленные в начале августа по правому берегу Невы, чуть ниже Ивановских порогов, и морской научно — испытательный артиллерийский полигон под руководством генерал — лейтенанта И. С. Мушнова. Использованием морской артиллерии лично руко водил командующий фронтом. В течение дня она тридцать раз открывала огонь из орудий всех калибров по военным объектам, где скапливались силы противника. Столь же интенсивно вела артиллерия огонь и в последующие дни, не давая противнику возможности форсировать Неву. Вскоре сюда были подтянуты канонерские лодки «Зея», «Сестрорецк», «Ока», «Красное Знамя», «Вирсайтис», «Разведчик», четыре бронекатера, четыре тральщика, вновь созданная плавучая батарея 45–миллиметрового калибра и другие силы.

Командир «Стройного» Алексей Никитович Гордеев позже мне докладывал, что за месяц пребывания на огневой позиции корабль открывал огонь 262 раза. Десятки благодарностей получили они от командования сухопутными войсками, а 1 октября получили благодарность от А. А. Жданова и Г. К. Жукова.

Флотская артиллерия оказывала поддержку и войскам, удерживающим рубежи в непосредственной близости от Ленинграда. Я имею в виду Красногвардейский укрепленный район, где теперь держала оборону 42–я армия под командованием генерал — лейтенанта Р. С. Иванова (с 16 сентября 1941 года командующий генерал — майор И. И. Федюнинский). Состав ее был невелик: она объединяла части укрепленного района, 291–ю стрелковую дивизию, 2–ю и 3–

ю дивизии народного ополчения, поэтому в помощь именно этой армии направлялся максимум сил артиллерии, а также авиации флота. Постоянно приходилось помогать и 55–й армии (командующий генерал — майор И. Г. Лазарев), в которую входили 168–я, 70–я, 90–я и 237–я стрелковые дивизии и 4–я дивизия народного ополчения. Войска этих двух армий поддерживали в общей сложности свыше 400 орудий флота. В период вражеского сентябрьского штурма Ленинграда только береговая и железнодорожная артиллерия насчитывала в своем составе 170 орудий.

С первых дней сентября флотская артиллерия со все возрастающей интенсивностью стала наносить массированные удары и по войскам врага, наступающим с юго — западного гатчинского направления. Хочу привести некоторые мои записи, относящиеся к первым дням сентября. Они дают представление о том, с каким напряжением действовали корабельная артиллерия и морская пехота в эти дни.

«2 сентября. 2–я бригада морской пехоты ведет бой за станцию Копорье… 12–я и 18–я железнодорожные батареи ведут огонь по станции Копорье и Заболотье… Канонерская лодка «Лахта» поддерживает войска генерала Цветаева на Ладоге. «Бира», «Конструктор», три тральщика перевозят батальон 4–й бригады морской пехоты с Валаама. «Нора» и «Олекма» поддерживают войска 19–го стрелкового корпуса, отступившего к побережью озера. «Селем- джа» и бронекатера поддерживают войска группы Донского под Шлиссельбургом. «Строгий» «Стройный», полигон, 19–я батарея ведут напряженный огонь по Ульяновке, Покровскому, Ивановским порогам.

4 сентября.!«Лахта» продолжает поддерживать войска генерала Цветаева, «Селемджа» — войска 19–го стрелкового корпуса, бронекатера — группы войск Донского. Комендант гарнизона Сарема сообщает, что наши части с боем оставили Виртсу. Донесение с Осмуссара: 3.09. Противник на 20 моторных катерах из района Шпитхамн сделал попытку высадиться и занять остров. Огнем батарей уничтожено два катера, повреждено два. Крейсер «Максим Горький», полигон, эсминцы «Строгий» и «Стройный» ведут огонь по Ульяновке — Рождественно. Форты «П» и «О», канлодка «Амгунь» ведут огонь по противнику, наступающему по северному побережью. На ораниенбаумском плацдарме противник вышел на рубеж Керново — Бол. Копорки — Юрьево — Заболотье…

7 сентября. Бронепоезд № 301 и батареи Ижорского укрепленного района ведут огонь по Готобужи (южный берег), слободе Упорной. 5–я бригада морской пехоты, поддержанная 10–

м железнодорожным батальоном, пулеметной ротой 21–го артдивизиона и стрелковой ротой, заняла оборону по реке Воронка от побережья Финского залива до Готобужи — Устье, 2–я бригада морской пехоты — на рубеже Коваши… Крейсер «Киров», северные форты ведут огонь по войскам врага на северном берегу. «Октябрьская революция» ведет огонь по южному берегу в районах Верхняя Рудица, Заостровье — Дятлицы…»

И такими были все дни…

Активному использованию артиллерии способствовала реорганизация управления. После того как основные силы флота с боем прорвались из Таллина в Кронштадт, командующий морской обороной Ленинграда и начальник морской артиллерии были подчинены командующему флотом. Корабли, пришедшие в Кронштадт, были включены в состав кораблей огневой поддержки. Артиллерию Кронштадтского и Ижорского секторов подчинили коменданту Ижорского укрепленного района. Корабельная и полигонная артиллерия сосредоточивалась в руках начальника артиллерии, подчиняющегося командующему флотом.

Попутно следует сказать, что реорганизация коснулась также управления Кронштадтской базой и корабельными силами. Кронштадтская база была переформирована в Главную, возглавлял ее теперь командующий флотом. Расформировали объединения минной обороны, охраны водного района Кронштадтской крепости и на их основе создали соединение охраны водного района флота, командиром которого назначили капитана 1 ранга Б. П. Птохова, военкомом — полкового комиссара Г. В. Радуна, а несколько позже — капитана 2 ранга И. Г. Святова и полкового комиссара П. И. Ильина. На это соединение возлагались задачи использования минного оружия, организация дозоров в Финском заливе, борьба с минами и подводными лодками противника, а также конвоирование кораблей и судов. Оно включало в себя отряд надводных заградителей (пять минных и три сетевых заградителя), отряд траления в составе пяти дивизионов базовых тральщи ков (44) и четырех дивизионов катерных тральщиков, истребительный отряд в составе четырех дивизионов морских охотников (51), дивизион разъездных катеров и дивизион сторожевых кораблей (13). Соединение подчинялось непосредственно командующему флотом. Расформировали также отряд легких сил, корабли передали в состав эскадры, командующим которой был контр — адмирал В. П. Дрозд, военкомом — бригадный комиссар Ф. Г. Масалов.

Принимались меры по укреплению позиций на Ладоге.

Предполагая, что противник попытается наступать на Шлиссельбург, командующий Ладожской военной флотилией развернул на подходах к нему батальон 4–й бригады морской пехоты. Моряки совместно с бойцами дивизии НКВД при поддержке огня канонерской лодк'4 «Селемджа» отражали наступление врага. Они опирались на Невскую укрепленную позицию, создававшуюся в середине августа для обороны водного пути, уничтожения переправ противника и артиллерийской поддержки сухопутных войск между Ленинградом и Ладожским озером.

В оборудовании позиции принял участие и флот. По просьбе командующего фронтом генерала М. М. Попова на правом берегу Невы были установлены 120–миллиметровые скорострельные ору- дия. Их сняли с линейных кораблей, так как резерва у нас к этому времени уже не было, вся артиллерийская техника находилась в действии. Место для установки орудий выбирала комиссия фронта с участием контр — адмирала И. И. Грена, котлованы готовили выделенные по нашей просьбе инженерные части. Орудия были сняты с кораблей с помощью рабочих завода «Большевик» и Кронштадтского ремонтного завода, которые помогали монтировать их на месте.

Всего на правом берегу Невы было установлено 18 таких орудий и два 180–миллиметрового калибра. Вся эта артиллерия носила на- звание Невской укрепленной морской позиции, командовал ею майор М. М. Барановский, подчиненный командующему Невской оперативной группой войск. Несколько позже здесь был сформирован сектор береговой обороны под командованием полковника И. А. Кустова (начальник штаба подполковник Г. А. Потемин) в составе двух дивизионов: 301–го майора Г. Г. Кудрявцева и 302–го полковника М. И. Туроверова. Их боевой состав был пополнен батареями 130–миллиметрового калибра.

Фашисты всеми средствами старались вывести из строя нашу артиллерию. Особенно доставалось центральной 180–миллиметровой батарее (командир капитан А. Г. Бондарев, позже — старший лейтенант К. К. Башмаков). За четыре месяца немцы выпустили по ней 7280 снарядов и мин. А за два года обороны Ленинграда по ней было выпущено около 18 тысяч снарядов и мин. Обстреливали ее и из крупнокалиберных пулеметов — батарею от противника отделяло всего 800 метров! Были попадания в броневые щиты орудий, в приборы, снаряды залетали на орудийные двори ки, были жертвы, но батарея всю блокаду не прекращала вести огонь по врагу.

Утром 6 сентября около трехсот фашистских

бомбардировщиков на узком участке фронта произвели налет на наши войска, оборонявшие подступы к Шлиссельбургу. В последующие два дня фа шистам удалось, сосредоточив здесь превосходящие силы, выйги на южный берег Ладожского озера и захватить Шлиссельбург. Они пытались с ходу форсировать Неву, выйти на ее правый берег, однако наши войска не позволили им сделать этого.

Большую помощь войскам оказал гарнизон острова Ореховый, знаменитого «Орешка», расположенного при выходе Невы из Ладожского озера. Сотни лет стоит посреди Невы, отделенный двухсотметровой протокой от Шлиссельбурга, этот древний бастион России. Петр I недаром называл крепость «ключом города». Мимо этого острова шел старый путь «из варяг в греки». Ощетинившись, стояла крепость в сентябре 1941 года. И «а этот раз «Орешек» оказался не по зубам врагу. Среди героических защитников крепости почетное место принадлежит морякам — артиллеристам, которыми командовали коммунисты капитан П. Н. Кочаненков и политрук А. Г. Морозов, снайперам артиллерийского огня < П. Г. Сивачеву, Н. Н. Конюшкину, В. Шелепеню, К. Н. Шкляру, В. Орлову и другим.

С захватом фашистами Шлиссельбурга было перерезано железнодорожное и речное сообщение Ленинграда со страной. Ленинград мог теперь поддерживать связь с тылом, получать продовольствие, снаряжение, боеприпасы только через Ладожское озеро. Но для того, чтобы новая коммуникация начала работать на полную мощность, нужно было многое сделать. А пока подвоз грузов для города резко сократился, хотя нужда в них была сейчас больше, чем когда бы то ни было.

Особенно нужны были Ленинграду, фронту значительные людские пополнения для отражения натиска немецко — фашистских дивизий. Эти пополнения, нередко посылаемые на решающие направления, часто давал Балтийский флот. Сроки их формирования были настолько сжатыми, что командиры изучали своих подчиненных во время переброски на фронт.

Не успели боевые корабли и транспорты войти в гавань Кронштадта, как поступило приказание срочно переформировать и пополнить 1–ю бригаду морской пехоты полковника Т. М. Парафило (военком полковой комиссар Н. В. Грачев). Тут же ее перебросили на баржах в Ленинград и направили в район Красного Села, выдав в пути оружие и боеприпасы. Бригада с ходу вступила в бой. Трое суток дрались морские пехотинцы под Красным Селом, отстаивая каждую пядь земли. Артиллерия «Марата», «Максима Горького», «Петропавловска» интенсивно поддерживала героев. В разгар сражения на этот участок фронта

прибыл командующий войсками Ленфронта Маршал К. Е. Ворошилов, воодушевляя своим присутствием бойцов, в боях погибло около 70 процентов рядэ — вого и 80 процентов командного состава, но враг не продвинулся ни на шаг. Остатки бригады были выведены на переформирование.

Кроме этой бригады, эвакуированной из Таллина, флот сформировал еще семь бригад морской пехоты — 2–ю, 3–ю, 4–ю, 5–ю, 6–ю, 7–ю, 260–ю. Личный состав некоторых кораблей почти полностью уходил в морскую пехоту, на корабле оставалось лишь несколько краснофлотцев, трюмных для того, чтобы поддерживать его на плаву.

Вспоминаю одно из донесений тех дней в Военный совет флота. В отряде моряков, сражавшемся под Петергофом, находилась молодая украинка Марта Бонжус, только что прибывшая на флот из киевского военкомата. Во время боя в ее роте был убит пулеметчик, Марта заменила его и метким огнем заставила противника остановиться. Атака гитлеровцев захлебнулась. В бою Марту контузило, ее отправили в госпиталь. Вылечившись, она вернулась в строй и до конца войны находилась в частях морской лехоты. Марта не раз спасала жизнь бойцам и офицерам, ее неоднократно награждали орденами и медалями. Сейчас она трудится в Керчи.

Я уже упомянул выше, что начальник штаба флота контр — адмирал Ю. А. Пантелеев занимался эвакуацией войск 50–го стрелкового корпуса 23–й армии. Так решил Военный совет флота, учитывая важность этого задания командования фронта. Уже в день прибытия в Койвисто Пантелеев погрузил и отправил в Ленинград части 43–й дивизии, затем были вывезены части 115–й и 123–й стрелковых дивизий. Более 27 тысяч человек, 188 орудий, 950 автомашин, 2000 лошадей были переброшены в Ленинград. Люди вскоре были перевооружены и отправлены на фронт.

Прикрытие и перевозка отступающих войск стоили нам огромного напряжения сил и больших потерь. Я уже отмечал, что сводный полк морских пехотинцев потерял половину своего состава. Кроме того, погибли от огня противника два бронекатера, баржа с материальной частью 32–го артдивизиона, два железнодорожных артиллерийских транспортера, торпедный катер и транспорт «Мееро».

После эвакуации войск части Выборгского укрепленного сектора и сводного полка морской пехоты общей численностью более 2 тысяч человек перебрались на Бьерке, чтобы оборонять острова Бьеркского архипелага. Они приступили к созданию противодесантной обороны островов, рассеивали скопления

пехоты врага, уничтожали его катера и шлюпки. Позднее моряки были переброшены на континент с целью усиления наших частей, оборонявших ораниенбаумский плацдарм.

Особое внимание мы по — прежнему уделяли ораниенбаумскому плацдарму; выше я объяснял, чем это было вызвано, потеря плацдарма имела бы для нас чрезвычайные последствия. Для его защиты использовались оба линейных корабля с их мощной 305–мил — лиметровой артиллерией, крейсеры, эскадренные миноносцы и канонерские лодки, форты «Красная Горка», «Серая Лошадь», крупные железнодорожные батареи Кронштадта. С воздуха плацдарм прикрывали зенитчики 2–го артиллерийского зенитного полка майора Н. И. Полунина и 6–го зенитного артиллерийского полка майора Д. З. Осипчука. Впрочем, зенитчики отбивали не только атаки вражеских самолетов; вместе с морскими пехотинцами и бойцами 8–й армии они вели тяжелые оборонительные бои с танками и пехотой врага. За помощь и поддержку наземных войск общевойсковое командование неоднажды выносило им благодарность.

Исключительную стойкость и мужество проявили при обороне плацдарма артиллеристы флотских бронепоездов «Балтиец» и «За Родину». Героически дрался на ораниенбаумском плацдарме отдельный латышский батальон, который ранее рука об руку с морскими пехотинцами защищал Таллин, вместе с ними на кораблях был переброшен на израненную ленинградскую землю. После осенних боев его переформировали и передали в латышскую стрелковую дивизию.

Глубина ораниенбаумского плацдарма от морского побережья до переднего края не превышала 30–35 километров. Для командования фашистских войск было заманчиво совершить многообещающий, хотя и рискованный, бросок к морю с целью захвата побережья. И все же оно не решилось на этот шаг — останавливал страх перед губительным огнем корабельной и береговой артиллерии. Фашисты, конечно, не могли знать, что в августе — сентябре 1941 года, когда мы оставили Стрельну и Петергоф, когда район Ораниенбаума был отрезан от Ленинграда, этот маленький плацдарм защищали лишь сильно поредевшие дивизии 8–й армии, батальоны 2–й и частично 5–й бригад морской пехоты да отдельные части Ижорского укрепленного сектора.

Это были дни, когда оборону на отдельных участках удерживали лишь небольшие горстки отважных патриотов.

Интересен рассказ бывшего подполковника, а ныне генерал — майора в отставке Т. М. Зубова о боях на плацдарме Котлы — Ораниенбаум (из его письма, присланного мне в начале 1961

года). «…Для частей 8–й армии создавалась критическая обстановка. С захватом Копорья немцы попытались пробиться к берегу Финского залива у устья реки Воронки. С их выходом к морю измученные и обескровленные войска 8–й армии, ее тылы, штабы могли быть полностью отрезаны от наших сил, находившихся еще в районе Пейпия и западнее. В этот трагический момент важную роль сыграл батальон морской пехоты. Его командир, сапер капитан С. И. Боковня, собранный, плотно сбитый, с волевыми чертами лица, был дисциплинированным и смелым человеком. Когда немцы повели наступление от Копорья к берегу Финского залива, его батальон должен был остановить гитлеровцев, не допустив к берегу. Боковня просил передать командующему, что задача будет выполнена. Весь день бой не стихал ни на минуту. Раненный в ногу командир батальона проявил исключительное мужество и стойкость. Своей неукротимой энергией, личным примером он зажигал бойцов, показывал им, как надо сражаться с врагом. Батальон выполнил приказ, прикрыл отход частей 8–й армии. Боковня со своим батальоном в течение дня 16 раз ходил в контратаку. Говорили, что в первый раз он пошел в контратаку со всем батальоном, затем с частью его, а в последний раз втроем — с ординарцем и связным…

При обороне станции Котлы части 2–й бригады морской пехоты потеряли до 80 процентов личного состава. Танковый батальон этой бригады много раз ходил в атаку на фашистов. К концу дня в батальоне осталась одна машина и шесть человек…

Немцы не пошли на форты «Красная Горка» и «Серая Лошадь», а пытались взять Ораниенбаум с востока. В районе Симоногон- та разыгрались ожесточенные бои, на каждый квадратный метр площади падали 3–4 немецких мины, а сколько взорвалось снарядов береговой, корабельной и железнодорожной артиллерии — установить не представлялось возможным.

За период боев в районе Котлы — Ораниенбаум погибло много батальонов военных моряков. «За эти батальоны Вы, — пишет мне Т. М. Зубов, — сильно ругали генерала Григорьева. Но если бы не эти батальоны и не артиллерийский огонь флота — Ораниенбаум не устоял бы, и кто знает, как сложилась бы обстановка для Кронштадта, тыла 23–й армии и всей обороны Ленинграда».

К концу первой декады сентября войска Ленинградского фронта занимали следующее положение. 8–я армия под командованием генерал — майора В. И. Щербакова вела оборонительные бои в северной части Копорского плато, отбивая при исключительно мощной поддержке сил флота атаки

противника. Особенно эффективно поддерживали ее войска 12–дюймовые батареи «Красной Горки».

42–я армия (командующий генерал — лейтенант Ф. С. Иванов) сдерживала врага от Финского залива до Пустошки. 55–я армия генерал — майора И. Г. Лазарева оборонялась на участке от Пустошки до Невы. Боевые действия войск этой армии активно поддерживала артиллерия Ленинградской морской обороны, усиленная 11–й, 12–й, 18–й, 19–й железнодорожными батареями, переданными из Ижорского сектора.

23–я армия генерал — лейтенанта М. Н. Герасимова, а с 9 сентября генерал — лейтенанта А. И. Черепанова оборонялась на Карельском перешейке. Боевые действия этой армии поддерживались артиллерией кораблей, фортов Кронштадта и Ижорского укрепленного района, обеспечивая отход наших войск и закрепление их на новых рубежах.

Перед фронтом наших армий, к этому времени сильно ослабленных, противник сосредоточил около двадцати дивизий. Пере группировка его сил была завершена к 9 сентября. На Красногвардейский укрепленный район должны были наступать одиннадцать пехотных и танковых дивизий. Против центра войск 55–й армии сосредоточивалась группировка в составе трех пехотных дивизий. Основной удар противник готовился нанести западнее Красногвардёйска на Красное Село — Урицк — Ленинград. Вспомогательный— из района южнее Колпино вдоль Московского шоссе также на Ленинград.

Противник располагал численным превосходством в живой силе и технике. В числе его дивизий две были танковые, в то время как в составе наших войск не было ни одной. Вражеская авиация превосходила нашу как по численности, так и по отдельным тактическим данным самолетов. В составе флота к этому времени оставалось всего 211 самолетов: 102 истребителя, 46 бомбардировщиков, 12 штурмовиков >и 51 морской разведчик.

9 сентября после сильной артиллерийской и авиационной подготовки мощная группировка немецких войск начала наступление в направлении Красного Села. Оборону здесь держала 3–я гвардейская дивизия народного ополчения, входившая в состав 42–й армии. К исходу дня противнику удалось вклиниться в нашу оборону. В бой были брошены 5–я и 6–я стрелковые дивизии народного ополчения, 1–я бригада морской пехоты полковника Т. М. Парафило. Однако натиск врага был так силен, что 12 сентября пришлось оставить Красное Село и Большое Виттолово. Пулковские высоты, как и в годы гражданской войны, оказались неприступными для врага.

На участке войск 55–й армии противник также пытался прорвать нашу оборону, но потерпел неудачу. Он бросал в бой все новые и новые резервы, стремясь любой ценой ворваться в Ленинград, который был виден ему невооруженным глазом.

10 сентября в командование Ленинградским фронтом вступил генерал армии Г. К. Жуков.

В этот день на участке 42–й армии создавалось критическое положение. Враг прорвал фронт и занял Константиновку и Соснов- ку. Введенная в бой последняя, резервная, 10–я стрелковая дивизия смогла лишь на один день задержать продвижение противника на Урицк, но не остановила его. Врага отделяло на этом направлении от центра Ленинграда менее полутора десятков километров…

Уместно привести здесь небольшой отрывок из книги Маршала Г. К. Жукова, который хорошо передает напряжение тех дней. «Всю ночь с 10 на 11 сентября мы провели с А. А. Ждановым и А. А. Кузнецовым, адмиралом флота Н. С. Исаковым, начальником штаба, командующими и начальниками родов войск и служб фронта, обсуждая дополнительные Меры по мобилизации сил и средств на оборону Ленинграда. Главная опасность грозила со стороны Урицка, который был частично уже захвачен немцами. Не меньшая опасность навмсла и в районе Пулковских высот. В результате коллективного обсуждения обстановки было решено:

— немедленно снять с ПВО города часть зенитных орудий и поставить их на прямую наводку для усиления противотанковой обороны на самые опасные участки обороны Ленинграда;

— огонь всей корабельной артиллерии сосредоточить для поддержания войск 42–й армии на участке Урицк — Пулковские высоты… — приступить к формированию 5–6 отдельных стрелковых бригад за счет моряков Краснознаменного Балтийского флота, военно — учебных заведений Ленинграда и НКВД со сроком готовности 6–8 дней»[60].

Были предусмотрены и осуществлены также другие меры, но, поскольку они не касались флота, я не стану о них говорить, и остановлюсь на действиях флотской артиллерии в те тревожные дни.

Артиллерия флота была готова к тому, чтобы выполнить особо серьезные задачи по отражению вражеского наступления. Централизованное командование, осуществляемое контр — адмиралом И. И. Греном, помогало сосредоточивать на опасных направлениях максимальное количество стволов. К сентябрю артиллерия флота имела около 400 стволов от 406 до 100 миллиметров.

И. И. Грен прилагал в этот период усилия и к формированию

батарей на базе материальной части артиллерии недостроенных кораблей.

Из Кронштадта в Ленинград пришли и, став на огневые позиции, немедленно включились в общую систему огня эскадренные миноносцы «Сметливый», «Стойкий», «Свирепый». На петергофском рейде и в открытой части Морского канала стояли на позициях линейный корабль «Октябрьская революция», эскадренный миноносец «Стерегущий», канонерские лодки «Амгунь», «Москва», «Волга», «Кама», ведущие огонь по врагу во всю мощь своих орудий. Позиции в Ораниенбауме занимали лидер «Ленинград», миноносцы «Славный» и «Грозящий». Из Минной гавани вел огонь крейсер «Киров». На полной скорострельности своих орудий они били по врагу, наступавшему на участке 42–й армии. На головы фашистов днем и ночью обрушивалась лавина смертоносного огня. Это была мясорубка для врага.

Корабли, форты Кронштадта, береговые и железнодорожные батареи, сооруженные руками рабочих заводов «Большевик», Металлического, Балтийского, им. Жданова и других, вместе с мощной наземной артиллерией фронта создали огневую стену на юго — западных и южных окраинах города, которую враг так и не смог преодолеть.

Показателем высокоактивного использования флотской артиллерии в сентябрьских боях может служить расход боезапаса. Только за один месяц на флоте было израсходовано 25 392 счаряда, из них тяжелых — 406 и 180–миллиметровых — 5828, или 23 процента.

Немецко — фашистское командование недооценивало значение артиллерии флота при проведении сентябрьского штурма Ленинграда. В дневнике Гальдера за 5 октября 1941 года имеется следующая запись: «Согласно докладу генерала Бранда, противник имеет в районе Ленинграда 16 батарей и на кронштадтском участке фронта 12 батарей. Наша артиллерия значительно превосходит по численности артиллерию противника на обоих участках»[61].

Не зная наших возможностей сосредоточения артогня на этом направлении, противник решил все же направить главный удар на урицком направлении, где артиллерия кораблей и батарей флота могла наносить массированные удары.

Бои у стен Ленинграда не прекращались ни на один день. Немецко — фашистское командование стремилось измотать силы защитников города, обескровить Ленинград.

В эти тревожные дни в историческом зале Смольного, откуда в октябре 1917 года В. И. Ленин руководил социалистической

революцией в России, состоялось собрание актива Ленинградской партийной организации. Руководитель ленинградских большевиков член Военного совета Ленинградского фронта А. А. Жданов, выступая на этом собрании, говорил: «Наступил момент, когда все большевистские качества должны быть приведены в действие. Без всякой фразеологии готовиться к защите Ленинграда. Здесь должно быть организовано тесное взаимодействие между подступами к городу и самим городом. Задача состоит в том, чтобы накоротко обучить главным, самым необходимым приемам борьбы: стрельбе, бросанию гранаты, уличному бою, рытью окопов, переползанию… Надо сделать так, чтобы никто не был простым наблюдателем, и провести в самое минимальное время такую же мобилизацию трудящихся Ленинграда, как это было сделано в 1918–1919 годах. Нужно побороть в себе элементы неорганизованности и благодушия. Враг у ворот. Вопрос стоит о жизни и смерти. Либо рабочий класс будет превращен в рабов и лучший его цвет будет истреблен, либо соберем все в кулак и ответим двойным ударом, устроим фашизму могилу под Ленинградом. Все зависит от нас. Будем крепкими, организованными, сильными, и победа будет за нами»[62].

Каждый участник собрания партийного актива, каждый ленинградец, почувствовав, что над городом нависла смертельная опасность, с беспокойством спрашивал себя: а что я сделал для того, чтобы остановить врага? В сердцах трудящихся находил отклик призыв городского комитета партии. «Каждый ленинградец должен научиться владеть винтовкой и гранатой!» Учились обра щаться со стрелковым оружием одновременно свыше 100 тысяч человек.

Из ленинградцев формировались дивизии, которые должны были укрепить линии обороны. Сотни тысяч рабочих и служащих, инженеры, ученые, представители творческой интеллигенции записывались в народное ополчение и уходили на фронт. В трехмиллионном городе не было, наверное, ни одного трудоспособного мужчины или женщины, которые не принимали бы участия в работах, предназначенных усилить оборону города. Заводы и фабрики, самые различные предприятия, совершенно не имевшие ранее отношения к производству оборонной продукции, теперь работали для фронта. На плацдарме, занимаемом в предместьях города, экстренно создавались новые оборонительные линии, узлы и районы. Каждый ленинградец считал своим святым долгом участвовать в работе по созданию защитных рубежей. Непосредственное участие в отражений штурма приняли моряки. На фронт уходили батальоны,

сформированные из краснофлотцев, старшин, командиров с подводных лодок, плавучих и береговых баз, крейсеров и линейных кораблей. В бригады и отряды морской пехоты ушло около 90 тысяч балтийцев, без малого столько же сражалось на кораблях, в авиации, береговой и железнодорожной артиллерии флота. Отстоять город значило сохранить флот. На имя командиров кораблей и частей от краснофлотцев и старшин, от командного состава шли рапорты и письма с просьбами отправить на фронт. Их нельзя читать без волнения.

«Командиру линкора «Марат».

Прошу Вашего ходатайства перед командованием флота о переводе меня на сухопутный фронт. Я лишу уже второй рапорт и надеюсь, что мое желание будет удовлетворено. Мой отец бил немцев, мое желание такое же. Если надо будет, отдам жизнь зэ Родину, за счастье своего народа, который воспитал меня большевиком.

Прошу просьбу удовлетворить и заверяю командование в том, что незапятнанное звание балтийца не опозорю. 19 августа 1941 г. Костыркин»

«Товарищ комиссар!

Прошу Вас как комиссара нашего, как друга и товарища в эти дни, когда Родина наша беспощадно громит паразитов, посягнувших на счастливую нашу жизнь, ходатайствовать перед командованием — отправить меня на передовую позицию. Я постараюсь с честью оправдать доверие, которое Вы мне окажете.

5 декабря 1939 года с отрядом моряков — лыжников пошел В. Т. Ха- ратанюк. Мы были призваны с одного завода по комсомольскому набору. Он честно отдал жизнь за Родину, я обещал отомстить за него врагам.

Если потребуется, отдам жизнь за Родину, за счастье нашего молодого поколения. Прошу в просьбе моей не отказать. Н. Чистяков»

«Командиру группы от краснофлотца В. А. Ктиторова.

Прошу отправить меня на фронт, так как я хочу отдать свой долг Родине, хочу отплатить ей за ту заботу, которую страна проявила о нас, бывших беспризорниках.

Заверяю наше командование, что буду бить врага, не жалея своей крови и самой жизни.

Прошу в моем рапорте не отказать. В. Ктиторов»

Встретиться с врагом лицом к лицу, не щадя жизни драться за Ленинград, умереть, если понадобится, но не сдать город — это было желание не единиц, это было всеобщее настроение балтийцев. Оно с полной силой отразилось в священной исторической клятве, которая была принята старшинами,

краснофлотцами, командным и политическим составом всех кораблей и частей флота в сентябре 1941 года. Военные моряки (присягали в ней городу Ленина, трудящимся Ленинграда:

«Дорогие товарищи ленинградцы!

В грозный и решающий час, когда взбесившийся ненавистный враг подошел к воротам города Ленинграда, мы, моряки Краснознаменной Балтики — краснофлотцы, командиры и политработники, всем сердцем, всеми помыслами с вами, героические граждане героического города.

Кровными и неразрывными узами связана с городом Ленина вся история Краснознаменного Балтийского флота.

Вместе с вами, товарищи, шли на штурм Зимнего балтийцы, вместе с вами под руководством партии балтийские отряды громили отборные белогвардейские полки генерала Юденича, вместе с вами строили большой флот СССР. На стапелях ленинградских верфей выросли новые корабли — гордость нашей страны. Здесь, в Ленинграде, ковались до конца преданные Советской власти и нашей большевистской партии кадры Военно — Морского Флота. Ленинград давал и дает Балтике лучших своих сынов.

Связь граждан великого города и балтийских моряков сцементирована кровью, пролитой в совместной борьбе под руководством Ленина в тяжелые годы посягательства врага на нашу святыню, цитадель пролетарской революции, — город Ленина.

И теперь фашистские бандиты хотят любой ценой захватить Ленинград. Они хотят залить кровью наших людей широкие площади и проспекты города, надругаться над нашими сестрами, женами, матерями, предать огню и мечу все то, что потом и кровью в жестоких боях завоевано трудящимися героического Ленинграда.

Не будет этого! Каких бы сил это ни стоило, какие бы жертвы ни пришлось принести — Ленинград впредь будет только советским!

Мы не сомневаемся в том, что трудящиеся города Ленина под руководством городского комитета Коммунистической партии, под руководством товарища Жданова будут непоколебимо стоять на своем посту в эти дни священной Отечественной войны. Они дадут оружие и боеприпасы во все возрастающих количествах, превратят город в неприступную крепость обороны, перекроют накрепко все подходы к городу, беспощадно уничтожат трусов, паникеров и нарушителей революционного порядка.

Товарищи ленинградцы! Балтийцы бьются с врагом на всех подступах к городу Ленина: морские бригады на сухопутье,

корабли в море, самолеты в воздухе разят врага, нанося ему жестокие потери.

Мы даем вам священную клятву: пока бьется сердце, пока видят глаза, пока руки держат оружие — не бывать фашистской сволочи в городе Ленина.

Мы удесятерим наши усилия, обрушив на коричневую гадину всесокрушающий артиллерийский шквал наших кораблей, всю огненную мощь береговых батарей, всю силу наших сухопутных частей.

Тесней сомкнем ряды! Не пустим врага в наш родной город! Будем биться за Ленинград! До последней капли крови, до последнего вздоха, но Ленинград на поруганье не отдадим! Защитим Ленинград. Истребим врага! Победим!»

14 сентября эта клятва, подписанная членами Военного совета флота Трибуцем, Смирновым, Вербицким, была опубликована в газете «Ленинградская правда», о ней узнали те, кому она давалась — трудящиеся Ленинграда.

Душой обороны Ленинграда была партийная организация. Она сплачивала трудящихся города, воинов фронта, военных моряков Балтийского флота на отпор врагу, вселяла веру в то, что немецко — фашистские захватчики будут разгромлены. Секретари областного и городского комитетов партии А. А. Жданов, А. А. Кузнецов, Я. Ф. Капустин, председатель исполкома Ленсовета П. С. Попков, члены обкома Т. Ф. Штыков, Н. В. Соловьев и другие часто бывали в воинских частях и на предприятиях, выступали перед защитниками города.

Напряженно работали в эти дни политуправление' флота, полит- органы соединений, политработники кораблей и частей. Для усиления политических органов флота горком и райкомы посылали своих работников. Флотские политработники объясняли морякам причины наших первоначальных военных неудач, рассказывали о трудовом подъеме в тылу, о принимаемых партией и правительством мерах по более быстрому техническому обеспечению Вооруженных Сил, созданию и обучению резервных армий. В основе партийно — политической работы лежала директива Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП(б).

Широкий размах в воспитательной работе приобрела популяризация наиболее ярких героических подвигов, совершенных на фронтах Великой Отечественной войны и в тылу врага; флотские политработники добивались, чтобы каждый военный моряк знал о проявлениях героизма среди краснофлотцев и командиров Бал тики. Активно попользовались формы массовой агитации. Большое воспитательное значение имели приезды на корабли и в части флота делегаций с фабрик и

заводов, совместные собрания военных моряков и рабочих, вручение знамен кораблям и частям от коллективов предприятий. Важную роль играла переписка экипажей кораблей, команд частей и батарей с коллективами тыловых предприятий.

«Главная задача политической работы в войсках летом и осенью 1941 года состояла в разъяснении личному составу сложившейся обстановки, справедливого характера и целей войны Советского Союза, в воспитании стойкости в обороне, в укреплении дисциплины и организованности войск, в воспитании ненависти к врагу»[63].

# ГЛАВА 9. РЕШАЮЩИЕ ДНИ

Корабли и бригады морской пехоты в боях за Ленинград. Решение генерала Г. К. Жукова. Последний штурм города. Морская артиллерия обрушивает на врага лавину огня. Железнодорожная артиллерия в боевых порядках войск. Отказ противника от дальнейшего наступления. Балтийские авиаторы защищают небо Ленинграда и Кронштадта.

15 сентября на участке 42–й армии вновь перешли в наступление четыре дивизии противника, поддерживаемые авиацией. Ценою больших потерь им удалось потеснить наши 10–ю и 11–ю стрелковые дивизии на рубеж окраины поселка Володарского — южной окраины Урицка.

Для усиления обороняющихся войск из военных моряков была сформирована 6–я бригада морской пехоты под командованием полковника Ф. Е. Петрова (военком батальонный комиссар П. Я. Ксенз) численностью более 8000 человек. Чтобы вооружить бригаду, пришлось снять пулеметы с кораблей «Марти», «Онега» и катеров, находящихся в ремонте. Спустя считанные дни, не закончив по — настоящему формироваться, бригада выступила на фронт, имея задание во взаимодействии с 6–й дивизией народного ополчения оборонять полосу железной дороги, совхоз «Южный массив», Фарфорово, Волково, Смоленское. На этом рубеже дрались морские пехотинцы 1–й бригады и бойцы 21–й стрелковой дивизии НКВД.

Совместными усилиями моряки, ополченцы, пехотинцы отбивал» упорные атаки врага, наступавшего через поселок Володарский и Сосновую поляну к Финскому заливу. Здесь находился последний рубеж обороны, далее шел непосредственно город, и его защитники стояли насмерть. В это время в командование войсками армии вступил генерал И. И. Федюнинский, с именем которого связано немало славных страниц обороны Ленинграда.

Для того чтобы ослабить натиск врага на Ленинград, командующий фронтом генерал Г. К. Жуков решил нанести фланговые контрудары силами 8–й и 54–й армий. Войска 54–й армии должны были предпринять наступление на Мгу и Шлиссельбург со стороны Волхова. Командующему 8–й армией было приказано оставить на участке Керново — Терентьево прикрытие из частей армии; бригады морской пехоты отвести на ковашинскую позицию, а 191–ю и 281–ю стрелковые дивизии и 2–

ю дивизию народного ополчения сосредоточить на левом фланге и нанести удар по врагу в направлении Володарского и Красного Села. Из состава же 8–й армии по приказу командующего две стрелковые дивизии (125–я и 268–я) выводились в резерв фронта. Их в кратчайший срок предстояло перевезти вместе с 47–м полком корпусной артиллерии в Ленинград.

В связи с этими решениями командующего фронтом плотность войск 8–й армии на ораниенбаумском плацдарме становилась меньше, и это тревожило Военный совет флота. Ведь от удержания плацдарма зависела безопасность движения кораблей между Ленинградом и Кронштадтом. Но как бы то ни было мы активно включились в решение поставленных командующим фройтом задач. 16–18 сентября флот перевез из Ораниенбаума в Ленинград 125–ю и 268–ю стрелковые дивизии, а 19–29 сентября — 47–й полк корпусной артиллерии, а также строительные батальоны как резерв фронта; все части перебрасывались вместе с боевой техникой, автомобильным и конным транспортом. Для перевозок было выделено свыше семидесяти кораблей и транспортов. С воздуха их непрерывно прикрывали полтора десятка истребителей 61–й авиабригады флота. Отход войск обеспечивала тяжелая артиллерия «Красной Горки», противовоздушную оборону осуществляли части 2–го зенитного полка ПВО флота, которые отбили все атаки противника. За короткий срок из Ораниенбаума в Ленинград было перевезено около 16 тысяч человек, 180 крупных минометов, 270 тонн боезапаса, кроме того, эвакуировано 17 тысяч раненых; потерь у нас не было.

Утром 16 сентября противник возобновил наступление в полосе войск 42–й армии. Особенно ожесточенными были бои в Володарском, Урицке и перед Пулковскими высотами. Артиллерия флота с максимальной скорострельностью, не жалея боеприпасов, била по местам сосредоточения живой силы и техники, командным и наблюдательным пунктам, по глубоким резервам врага. Некоторые населенные пункты. переходили из рук в руки по нескольку раз. Противнику удалось захватить Урицк, он вплотную подошел к Ленинграду на приморском направлении, выйдя к побережью Невской губы между Стрельной и Урицком. Войска 8–й армии и части флота на ораниенбаумском плацдарме оказались отрезанными с суши.

17 сентября бои велись с еще большим напряжением. В этот день шесть вражеских дивизий — 254–я, 291–я, 1–я, 58–я пехотные, 36–я моторизованная и 1–я танковая — при поддержке авиации предприняли попытку прорваться к Ленинграду с юга.

Изготовившись к нанесению контрудара, войска 8–й армии

перешли 19 сентября в наступление в направлении Красного Села. Однако враг силами четырех дивизий остановил наши войска и сам начал наступать, пытаясь ликвидировать приморский плацдарм. Войска 8–й армии отступили к окраине Старого Петергофа.

Тем не менее наше наступление сыграло свою роль: продвижение' войск врага на ленинградском направлении приостановилось. На участке 42–й армии наши части закрепились на рубеже Лиго- во — Нижнее Ковров0 — Пулково.

Все эти дни во исполнение приказа командующего фронтом с максимальной нагрузкой использовалась артиллерия флота. Крейсер «Максим Горький» (командир капитан 1 ранга А. Н. Петров), например, выпускал каждый день от 85 до 285 снарядов 180–миллиметрового калибра по батареям и пехоте врага. Это были необычные для корабельной артиллерии стрельбы. Орудия стреляли по сути дела прямой наводкой. Артиллеристы видели в свои прицелы танки, автомашины, солдат противника. И снаряд за снарядом'взрывались в боевых порядках гитлеровцев.

Крейсер тоже подвергся обстрелу. 16 сентября в него попал один снаряд, на другой день — четыре: два снаряда пробили верхнюю палубу и надводный борт, третий угодил в трубу, четвертый в надстройки. Возникшие пожары были быстро ликвидированы. Потери личного состава: убито 7, ранено 28 человек.

Командир корабля Анатолий Николаевич Петров (ныне вице — адмирал) в своих воспоминаниях об этих днях пишет: «Крейсер «Максим Горький» с начала сентября находился на огневой позиции в торговом порту. С ходового мостика я имел возможность в эти дни наблюдать бои, развертывавшиеся на западных подступах к городу на суше, в воздухе и на море. Кольцо вокруг города сжималось. Об этом свидетельствовали данные наших артиллеристов. Если первые залпы крейсер вел на дистанции тридцать с лишним километров, то уже в середине сентября дистанция сократилась до 15–20 километров и продолжала уменьшаться. Враг подходил вплотную к Ленинграду. 17 сентября противник усилил обстрел наших кораблей, находившихся в торговом порту. Несколько попаданий получил крейсер «Петропавловск». Первый снаряд разорвался и на нашем корабле. Днем 18 сентября из боевой рубки нашего крейсера, ведущего огонь по району Красного Села, было видно, как разгораются пожары на «Петропавловске». Пушки его смолкли, на корабле возникали взрывы. Фашисты перенесли огонь на «Максим Горький».

Долгое время батареи врага не могли нас накрыть. Снаряды рвались на берегу, в воде, в воздухе, но в корабль не попадали. Понимая, что крейсер все же скоро нащупают, лихорадочно пытаюсь определить, откуда ведут огонь батареи врага. Но увы! Ни сигнальщики — глаза корабля, ни артиллеристы, располагающие сильными дальномерами, не могут обнаружить стреляющие батареи. Вероятно, они расположены на южных обратных склонах холмов в районе Красного Села. Враг был невидим и лишал нас возможности ответить огнем на огонь.

А снаряды продолжали рваться вокруг крейсера. Вскоре одно попадание, второе, третье… Артиллеристы просят разрешение открыть ответный огонь. Но куда стрелять? Где батареи? Доклады вают, что кто-то выдел дымки выстрелов. Но данные так приблизительны, что дать разрешение на стрельбу не могу: надо экономить боезапас.

Меняем огневую позицию. Подгоняемый и сопровождаемый всплесками от рвущихся вокруг снарядов, «Максим Горький» отошел от Хлебного мола и на довольно большой скорости задним ходом пересек акваторию торгового порта. Корабль укрылся от немецких наблюдателей — корректировщиков в Гутуевском ковше. Этот сложный маневр был осуществлен без всяких аварий благодаря отличной выучке машинной команды крейсера, возглавляемой старшим инженер — механиком П. П. Газиным.

С наступлением темноты крейсер опять вышел на огневую позицию… Приходилось тяжело, из крупных кораблей только он остался на виду у врага в торговом порту. За ним началась своеобразная охота. Длительное время она не приносила врагу успеха, так как я старался чаще менять огневые позиции, занимая каждую только на время, необходимое для стрельбы. Но вот крейсер получил несколько попаданий. Старший артиллерист доложил, что фашисты подняли над Красным Селом аэростат с наблюдателем, который и корректировал огонь наземных батарей.

Тут снова я принял необычное решение. Хотя расход боезапаса строго лимитировался, я приказал дать несколько «внеплановых» залпов по корректировщику. После пятого залпа «пузырь», видимо, оторвавшись от привязи, взмыл вверх и исчез…»

Больше досталось «Марату», который вел огонь по батареям, моточастям и живой силе противника, выпуская в день по 150, 200 снарядов 305–миллиметрового калибра. Огнем своих 12–дюймовых орудий линкор неоднократно накрывал колонны врага, двигавшиеся по Приморскому шоссе. Пожалуй, ни один корабль

не наносил фашистам такого урона. Противник решил расправиться с грозным линкором. 14 сентября в «Марат» попало два снаряда — в трубу и в люк жилой палубы. Потери и повреждения были незначительные. 15 сентября три снаряда попали в 12–й и 14–й казематы. 16 сентября в результате двух попаданий из строя вышла батарея носовых автоматов, начал гореть боезапас. Лишь благодаря мужеству личного состава взрыва не последовало. Одновременно налетело 23 вражеских самолета, три сброшенных ими бомбы по 250 килограммов весом, упав на корабль, разрушили большую кают — компанию, салон командира, были затоплены кормовые коридоры гребных валов правого борта, кормовые дизеля, румпельное отделение, правый холодильник. За день в корабль попало 24 снаряда и три авиабомбы. Потери в экипаже составили 27 убитых, 61 раненый. «Марат» вынужден был сняться с якоря и уйти из торгового порта по Морскому каналу в Кронштадт.

На смену «Марату», которого пришлось поставить к причалам на ремонт, из Кронштадта вышел линейный корабль «Октябрьская революция» под командованием контр — адмирала М. З. Москаяенко. «Вступили в полосу жестоких боев, — говорится об этих днях в истории линкора «Октябрьская революция», — стреляем каждый день». С 5 сентября по 22 октября 1941 года корабль провел более 100 стрельб. Артиллеристы уничтожали фашистские батареи, вели огонь по живой силе и технике. Противник прилагал все усилия, чтобы уничтожить корабль с воздуха, но зенитчики отбивали его атаки.

Крейсер «Петропавловск» (командир капитан 2 ранга А. Г. Вани- фатьев, артиллеристы В. А. Сычев, В. С. Елагин), ведя огонь с открытой позиции у Угольной пристани, нанес большой урон танковым и моторизованным колоннам противника. Только за 1518 сентября он израсходовал 676 снарядов 203–миллиметрового калибра. Последние стрельбы велись с дистанции 4 километра.

17 сентября крейсер подвергся сильному обстрелу, было 52 прямых попадания снарядов в боевую рубку, электростанцию, котельное отделение, радиорубку. Возникли сильные пожары, взорвались цистерны с соляром. «Несколько снарядов, — пишет артиллерист крейсера (ныне инженер — капитан 1 ранга запаса) Я. Грейс, — угодило в помещение электростанции корабля. Командир дивизиона инженер П. И. Кудрявцев организовал тушение пожаров и заделку пробоин, но они были таких размеров, что имеющимися средствами заделать их не удавалось. Вода быстро поступала, всем было приказано покинуть помещение электростанции. Корабль остался без энергии, насосы

не работали». Внутрь корабля проникло много воды, с креном восемь градусов он сел на грунт. Экипаж пришлось снять… Позже, когда обстановка под Ленинградом изменилась, аварийные отряды заделали пробоины, откачали воду и вывели крейсер из торгового порта. Его орудия еще не раз громили вражеские войска.

На направлении действий войск 55–й армии, не допуская переправы врага через Неву, вели огонь миноносцы «Стройный», «Строгий», канонерские лодки «Красное Знамя», «Сестрорецк», «Зея». На других направлениях, от кронштадтских рейдов до Ивановских порогов сражались с врагом артиллеристы крейсеров «Максим Горький», «Киров», лидеров «Ленинград» и «Минск», эскадренных миноносцев «Сильный», «Сметливый», «Грозящий», «Опытный», «Стерегущий», канонерских лодок «Кама», «Москва», «Волга», «Амгунь», «Вирсайтис». Многие корабли находились в нескольких километрах от переднего края, с командных мостиков были видны вражеские танки.

Личный состав кораблей проявлял исключительную самоотверженность и стойкость, выполняя свою боевую работу под вражеским артиллерийским обстрелом и атаками с воздуха. Во время ожесточенной пушечной дуэли у борта лидера «Ленинград» разорвался снаряд. На палубе загорелся заряд, подготовленный для очередного залпа. Пожар и взрыв грозили гибелью всего корабля. Это видел тяжелораненый командир одного из орудий старшина 1–й статьи Василий Кузнецов. Напрягая последние силы, он дотя нулся до горящего заряда и пополз с мим к борту. На старшине горела одежда, но он думал только о том, как добраться до борта корабля и сбросить в воду заряд. Перед смертью последними словами Кузнецова были: «Спасайте корабль». Мужественный воин до конца выполнил свой долг перед Родиной. Он был посмертно награжден орденом Отечественной войны.

Истории многих боевых кораблей изобилуют примерами напряженного ратного труда их экипажей и боевых расчетов. Из штаба фронта в те дни поступали в Военный совет флота сообщения, в которых отмечались славные боевые дела железнодорожных батарей, которые полностью себя оправдывали и своей боевой деятельностью в напряженные дни обороны Ленинграда умножали героические дела балтийцев. Они появлялись в самых неожиданных местах и огнем дальнобойных орудий наводили панику среди врагов, уничтожали пехоту и технику противника.

В составе одного из артполков 55–й армии действовали железнодорожные батареи старших лейтенантов В. А. Глухарева,

А. В. Ко- пейко, А. И. Молостова. Их личный состав проявил в боях высокое мужество и стойкость. У станции Александровской батарея

А. И. Молостова оказалась без охранения. Враг решил окружить и захватить ее. Немецкой авиации удалось разбомбить полотно дороги и таким образом отрезать батарее путь отхода. Под непрерывным огнем вражеской артиллерии и минометов комендоры прямой наводкой отбивали атаки. В ход пустили пулеметы. Тем временем было восстановлено полотно железной дороги, орудия вывезли из кольца окружения.

Батарея А. В. Копейко наносила большие потери врагу у станции Капралово. Благодарность начальника артиллерии армии заслужила 18–я батарея. Отлично воевали в сложной обстановке под Красногвардейском и Красным Селом морские батареи И. М. Бе- локриницкого, П. И. Антощенко, В. С. Мясникова, И. Ф. Вовка. Особенно тяжелые бои вела 11–я отдельная железнодорожная батарея. Она громила врага в районе Ивановского, Сабека, била по переправе вражеских войск через реку Луга, сражалась за ораниенбаумский плацдарм. При отражении сентябрьского штурма мощные 356–миллиметровые орудия батареи выпустили по врагу 568 семьсоткилограммовых снарядов. Во время корректировки огня по пехоте врага в районе деревни Александровка у города Пушкино погиб командир батареи Николай Мазанов, мужественный, грамотный и инициативный офицер. Еще в финскую кампанию по предложению Мазанова батарею использовали для разрушения железобетонных укреплений линии Маннергейма. С первых дней Великой Отечественной войны она в непрерывных боях.

Всего на ленинградском железнодорожном узле маневрировали в зависимости от обстановки, сосредоточивая огонь на нужных направлениях, двадцать железнодорожных батарей 356- и 130–миллиметрового калибра. Каждая из них была грозной силой, умело использовавшейся командованием для отражения вражеского наступления.

Для поддержки войск 8–й, 23–й, 42–й, 55–й армий с максимальной нагрузкой использовались также стационарные батареи морского полигона, Ижорского и Кронштадтского секторов береговой обороны, находившиеся на своих постоянных позициях.

Мне хочется особо отметить боевые дела морских батарей, установленных на Дудергофских и Пулковских высотах, которыми командовали молодые командиры Иванов, Кодола, Клобуков. В грозные дни и ночи сентябрьского наступления они громили места скопления фашистских войск в Кипени,

Скворицах, Высоцком, Лампалово. 11 сентября батарейцы занесли на свой счет одиннадцать вражеских танков, уничтоженных в районе Никола- евки.

Девять орудий «Авроры», установленные на участках протяженностью 14,5 километра от Вороньей горы (Дудергоф) до Глиняной горки (Пулково), составляли отдельную батарею, созданную еще в июле 1941 года. Командовал ею старший лейтенант Дмитрий Николаевич Иванов, член Коммунистической партии с 1940 года, воспитанник Черноморского военно — морского артиллерийского училища.

В одну из сентябрьских ночей, проверяя готовность батареи, Иванов столкнулся с разведкой (противника и был ранен. Он сумел добраться до своего командного пункта и объявил тревогу. Артиллеристы приготовились к бою. Он начался утром. По огневой позиции батареи била вражеская артиллерия, ей помогали самолеты, наступали танки, за ними шла пехота. Орудия «Авроры» обрушили сотни снарядов на фашистские войска, рвущиеся к Ленинграду.

Можно без 'преувеличения сказать, что в самый критический момент обороны города артиллерия фронта и флота сыграла очень важную роль в отражении штурма. На приморском участке фронта она была главной огневой силой. Это подтверждается цифрами. Около 400 стволов корабельной, стационарной и железнодорожной артиллерии в сентябре открывали огонь по противнику 2165 раз, выпустив 25 792 снаряда от 100- до 406–миллиметрового калибра — 1858 тонн металла (для сравнения: в августе был израсходован 1531 снаряд, в октябре—14094, ноябре — 18 671, декабре — 11 820).

Флагманские и дивизионные артиллеристы корабельных соединений Н, Э. Фельдман, Д. Д. Чистосердов, А. А. Сагоян, Н. И. Федосов, А. П. Кухта, Г. Н. Склизкой, А. С. Федоров, М. Г. Левин, командиры артиллерийских боевых частей крупных кораблей И. А. Яхненко, К. П. Лебедев, Л. В. Бредун, И. Ю. Шварцберг, В. А. Сычев, В. С. Елагин, Ю. Г. Юлинец, С. А. Волков, командиры береговых и железнодорожных артиллерийских дивизионов

С. С. Кобец, Е. А. Проскурин, Г. Г. Кудрявцев, А. И. Берг, В. Т. Румянцев, командиры дивизионов кронштадтских и ижорских диви зионов, научно — исследовательского морского артиллерийского полигона — все они умело организовывали боевую работу, в трудные дни защиты Ленинграда показали хорошие знания своего дела.

В результате героического сопротивления воинов Ленинградского фронта и моряков Краснознаменного Балтийского флота враг был остановлен. 19 сентября он

предпринял последнюю крупную попытку штурмом сломать нашу оборону, но, как и прежде, безуспешно[64].

За время сентябрьского штурма сжалось вражеское кольцо вокруг Ленинграда. С выходом противника в район Лигово, Володарского, Стрельны, Петергофа было перерезано сообщение по Приморскому шоссе с Ораниенбаумом, теперь все перевозки для войск 8–й армии и частей флота в Кронштадт и Ораниенбаум можно было осуществлять только водным путем и в ночное время. Противник мог вести артиллерийский огонь по улицам Кронштадта и Ораниенбаума.

Обстановка на ораниенбаумском плацдарме оставалась критической до конца сентября. И вдруг разведчики донесли, что немцы возле Гостилиц зарываются в землю! Были видны массовые постановки противотанковых мин и проволочных заграждений. Сомнения исчезли, когда аналогичные сообщения стали поступать с других участков обороны Ленинграда. Да, буквально перед фронтом обороны Ленинграда, на всем ее протяжении гитлеровцы создавали укрепленный рубеж, предназначенный препятствовать наступлению советских войск. Они переходили к длительной обороне…

9 мая 1961 года неподалеку от Ломоносова открыт памятник. На нем надпись «На этих рубежах в 1941–1943 годах воины Ленинградского фронта и моряки Балтийского флота в жестоких боях с немецко — фашистскими захватчиками отстояли приморский плацдарм. Отсюда и со стороны Пулковских высот в январе 1944 года начался разгром врага, завершившийся освобождением Ленинграда от блокады. Вечная слава героическим защитникам Ленинграда!»

Боевая жизнь флота в сентябрьские дни 1941 года будет неполной, если не рассказать о действиях балтийских авиаторов в небе Ленинграда. Когда фашисты начали наступление, авиация флота была задействована на поддержку войск 42–й армии.

Боевые возможности нашей авиации использовались с максимальной отдачей. Только за 9—18 сентября было совершено 1274 боевых вылета, из них около двух третей — для помощи войскам 42–й армии. Наиболее напряженно работали авиаторы 3 сентября, когда они сделали 241 боевой вылет: 5–го—159, 8–го—179, 9–го260, 10–го—234, 11–го—245, 12–го—160, 13–го—131, 16–го—284, 17–го—162 вылета.

Морские летчики вместе со своими товарищами по боевой работе, фронтовыми авиаторами, наносили удары по войскам и технике врага, барражировали над полем боя, совершая в день по четыреч! ять боевых вылетов. Кроме бомбардировочной и штурмовой авиации для ударов по фашистским войскам широко

привлекались истребители. Используя мелкие осколочные бомбы, зажигательные средства, пулеметы, реактивное оружие, они с успехом атаковали войска противника и даже танковые части, восполняя недостаток бомбардировщиков и штурмовиков. Летчики — бал- тийцы насмерть дрались с фашистскими стервятниками в небе Ленинграда. Когда обозначился провал замысла молниеносного овладения Ленинградом, фашисты решили попользовать мощь своей авиации для систематического разрушения города и деморализации населения.

Вечером 8 сентября авиация противника произвела ожесточенный налет на промышленные объекты и жилые кварталы города. Были сброшены тысячи зажигательных бомб с горючей смесью, вспыхнуло более двухсот крупных пожаров. Деся'гки тысяч бойцов, моряков, жителей вступили в борьбу с огнем. К исходу следующего дня самолеты врага повторили массовый налет на город, еще не оправившийся от первых пожаров и разрушений. Тяжелые бомбардировщики сбрасывали огромные фугасные бомбы, от которых мгновенно рушились многоэтажные дома. Погибло много гражданского населения. В последующие два дня налеты носили еще более ожесточенный характер.

В эти дни совершил свой подвиг лейтенант комсомолец А. Я. Щербинин. В одном из воздушных боев вражеский истребитель поджег его самолет Ил-2. Создалось безвыходное положение. В этот момент он увидел, что вражеский истребитель заходит в атаку на самолет его товарища. Щербинин направил горящий самолет на фашистский истребитель и ценою своей жизни спас боевого друга. Подвиг Александра Яковлевича Щербинина навечно вошел в летопись суровых схваток с врагом за небо Ленинграда.

Авиацией флота все годы войны командовал генерал Михаил Иванович Самохин. Хочу рассказать об этом замечательном военачальнике подробнее. Окончив Качинское авиационное училище, он за годы напряженной военной службы в авиации Черноморского флота прошел путь от рядового летчика до командира бомбардировочного полка. Во время финской кампании Самохин являлся уже заместителем командующего ВВС Балтийского флота. Когда началась Великая Отечественная война, Михаил Иванович вскоре самостоятельно руководил боевым использованием флотской авиации, с большой энергией доукомплектовывал ее полки машинами, техникой, оружием, готовил кадры, укреплял тыл. На нем лежала огромная ответственность, и он делал все для того, чтобы наши самолеты в любой час дня и ночи могли подняться на встречу врагу и бить

его без промаха. Самохин обладал для этого разнообразного труда незаурядными способностями, немалым опытом.

В обстановке ошеломляющих событий начавшейся войны, круто изменившей весь уклад нашей жизни, рельефнее обнаруживались достоинства и недостатки людей. У Самохина достоинств оказалось больше, чем недостатков. При вынужденном отступлении наших войск кораблям Балтийского флота было куда отходить: на востоке имелись гавани неприступного Кронштадта, оборудованные заводские причалы, доки, мастерские в устье Невы. Флотская же авиация, потеряв аэродромы с разнообразным наземным оборудованием и складами, ничего готового взамен получить не могла. Впору было приуныть, но у генерала Самохина, наоборот, прибавилось энергии; под его руководством наскоро воссоздавались аэродромы, склады топлива и боезапаса, ремонтные мастерские, учебные пункты, служба погоды на новых трассах и т. д., и наши авиаторы продолжали драться.

В короткие перерывы между боями летчики часто встречали своего командующего, вместе с ним разбирали боевые полеты, с интересом слушали его замечания, советы, указания.

Сначала руководство ВВС держалось принципа располагать аэродромы возможно ближе к фронту и местам базирования флота, при условии, конечно, что будет исключен постоянный обстрел самолетов вражеской артиллерией. Но при этом наши летчики не имели необходимой свободы маневра, не могли скрытно подготавливать удары с воздуха. Поэтому было принято решение вынести за пределы Ленинградской области аэродромы прежде всего минно — торпедной авиации. Хотя создание новых пунктов базирования с элементарно сносными условиями для боевой деятельности авиации требовало напряженнейшего труда и времени, мы пошли на это. Дело усугублялось еще и тем, что в 1941 году очень рано началась зима. Существенное значение имел выбор участков для развертывания аэродромов. Конечно, на первых порах не приходилось думать о бетонированных или асфальтированных взлетно- посадочных полосах — мирились с естественными грунтами даже для тяжелых машин.

Хорошо помогал генералу Самохину начальник штаба ВВС флота полковник Дмитрий Иванович Сурков. Опытный штабист, он ни дня ни ночи не знал покоя, обеспечивал командующему надежную постановку боевых задач. Сурков прекрасно сочетал в себе хорошее знание штабной службы и организаторские способности. Этот замечательный командир погиб в начале 1942 года в Новой Ладоге при выполнении боевого задания.

Хорошо знал я и военкома ВВС флота бригадного комиссара

Леонида Николаевича Пурника. Он был участником гражданской войны, познал все тонкости партийно — политической работы еще во время службы военкомом тяжелой бомбардировочной эскадрильи ВВС Тихоокеанского флота. Леонид Николаевич обладал даром рассказ — чика и умел заряжать людей оптимизмом. С первых дней Великой Отечественной войны Л. Н. Пурник появлялся там, где было трудно, пламенным большевистским словом воодушевлял летчиков и техников на выполнение боевых задач. У него был большой авторитет на флоте. флотская авиация должна была особое внимание уделять защите кораблей от налетов врага. Так как корабельная артиллерия играла крупную роль в отражении сентябрьского штурма, противник сосредоточил за счет других участков фронта на какой-то период максимум усилий своей авиации с целью уничтожения наших кораблей, в первую очередь крупных. Положение создавалось тяжелое, из-за узкостей и малых глубин корабли не могли маневрировать, уклоняться от атак пикировщиков.

Первый налет на Кронштадт был совершен 19 сентября группой в 15 самолетов. Бомбы упали в Средней гавани, районе Морского завода и Морского госпиталя. Повреждения были незначительными, зенитная артиллерия и истребители не дали самолетам противника прицельно бомбить корабли. Небольшая группа вражеских самолетов нанесла удар по гавани Ораниенбаума, где находился краснознаменный крейсер «Аврора». Бомбы рвались в нескольких метрах от борта, осыпая корабль градом осколков. Интенсивный огонь оставшихся на крейсере зенитных орудий заставлял врага беспорядочно сбрасывать бомбовый груз.

Через несколько дней фашисты повторили удар по «Авроре». От разорвавшейся бомбы на крейсере возник пожар. Как ни самоотверженно боролся личный состав с огнем и водой, поступавшей через большую пробоину, все же пришлось спустить пары и остановить механизмы. Крейсер на ровном киле, касаясь грунта, с затопленными отсеками простоял в гавани до июля 1944 года, затем его подняли.

21 сентября около полудня мощная группа бомбардировщиков противника, следуя в направлении на Ленинград, круто развернулась над Петергофом и пошла на Кронштадт, где атаковала линейные корабли, крейсер, лидер «Ленинград», эскадренные миноносцы, находившиеся на восточном рейде. Прямое попадание в носовую часть получил линкор «Октябрьская революция»; вышел из строя от тяжелых повреждений эскадренный миноносец «Стерегущий».

Контр — адмирал Е. П. Збрицкий, бывший командир эскадренного миноносца «Стерегущий», в своих воспоминаниях пишет:

«21 сентября. Вчера весь день вели интенсивный огонь по противнику, после чего всю ночь принимали боезапас. Сейчас… услышал доклад старпома: «Справа за кормой четыре «Ю-87». В это же время он нажал рычаг замыкателя сигнала боевой тревоги. Дежурный боцман, еще по привычке с Моонзунда, все время неотлучно находился у шпиля, поэтому, услышав сигнал боевой тревоги, сейчас же начал выбирать якорь — цепь. На клюзе было всего 20 метров, и поэтому через минуту мы уже дали ход.

Еще до съемки с якоря зенитчики открыли огонь по пикировщикам. Шестнадцать «Ю-87» из сорока участвовавших в налете построились в круг и начали пикировать на корабль. Первые же бомбы упали за кормой и попали в катер, находившийся на бакштове. Бомба переломила катер пополам, а взорвавшись на грунте, подбросила его на высоту мачт корабля. Один за одним срывались в пике «юнкерсы», переваливаясь через крыло.

Бомбы непрерывно рвались около эсминца, но он, закрываемый фонтанами взрывов, упорно продолжал идти вперед, отстреливаясь всеми калибрами. Наконец одному из самолетов удалось накрыть корабль серией бомб. От близких разрывов некоторые зенитчики были ранены, контужены или сброшены взрывной волной в море. Их место заняли торпедисты. Уже каждый пикировщик по два раза спикировал на корабль. Часть из них летела на малой высоте вдоль корабля и штурмовала его пулеметно — пушечным огнем. Появились убитые и раненые. Все тяжелее и тяжелее отбиваться от атак. Вот замолчал левый пулемет ДШК на мостике. Военком корабля полковой комиссар Малявкин, раненный в голову, пересиливая боль, занял место пулеметчика. Уже убит старший помощник. Все больше раненых и убитых. Взглянув с мостика, я увидел, что у зенитного орудия левого борта остался один старшина 2–й статьи Букин. Очередью пулемета, разрывными пулями у него срезало мышцы ног. Обливаясь кровью, он продолжал наводить орудие на врага. Подбежавший к нему радист Ведерников заряжает орудие, а Букин ведет огонь.

Одному самолету удалось положить серию бомб вдоль правого борта в расстоянии одного — двух метров. Корабль сильно тряхнуло, и он начал медленно крениться на правый борт. Из поста энергетики доложил механик Киркевич:

— Товарищ командир, машины затоплены, хода дать не можем. Политрук Михайлов убит.

Вскоре замолчала зенитка, так как увеличившийся крен не позволял стрелять. Стреляют только пулеметы ДШК и ручные пулеметы. Вот уже остался только один ручной пулемет. Старшина 1–й статьи Шиловский спокойно, короткими очередями стреляет по пикировщикам.

Личный состав, выйдя из внутренних помещений, в суровом молчании стоит на палубе, обстреливаемой из пулеметов. Здоровые поддерживают раненых. Некоторые моряки, сброшенные взрывами в воду, плавают около корабля, им бросают под бомбами спасательные круги, протягивают концы тросов, помогают взобраться на корабль. В это время наши истребители вместе с подоспевшими канонерскими лодками и катерами МО отбивают атаки «юнкерсов», и те, не выдержав совместных ударов, скрылись в облаках…»

В тот же день, когда был выведен из строя «Стерегущий», авиация противника три раза днем и один раз ночью бомбила Кронштадт. В дневных налетах одновременно принимало участие до

75 самолетов. Был потоплен один транспорт, разрушен завод по ремонту приборов, пострадали оружейные мастерские и сторожевой корабль «Пионер», затонул сторожевой корабль «Вихрь». Тяжелым разрушениям подвергся старейший в Европе Морской кронштадтский госпиталь; было убито и ранено около ста медицинских работников и больных.

22 сентября на Кронштадт было совершено два налета, в которых участвовало около сорока самолетов. Получили повреждения миноносцы «Сильный», находившийся на Восточном рейде, и «Грозящий», который был в доке, потоплена баржа также у борта «Марата».

Наши авиаторы дрались с фашистами в воздухе насмерть. Они смело шли на превосходящие по силам вражеские эскадрильи, врезались в их боевые порядки, уничтожали самолеты противника по частям. Флотским истребителям помогали артиллеристы 1–го зенитного артиллерийского полка флота[65], воины противовоздушной обороны Ленинграда. Но враг продолжал усиливать удары с воздуха. 23 сентября был совершен наиболее интенсивный налет. В течение дня самолеты противника несколько раз бомбили наши объекты, главным образом корабли. В налетах приняло участие до 270 самолетов. Летчики — истребители от рядовых до командиров авиаполков не выходили из машин, поднимаясь снова и снова для отражения воздушных атак.

Мне запомнился этот день. Я находился на командном пункте флота, в бетонном подземном сооружении, куда мы перешли, как

только на Кронштадт начались массированные налеты. Изредка я выходил из помещения. Утро было безоблачное. Около полудня прозвучал сигнал воздушной тревоги. С холма, возвышавшегося над нашим командным пунктом, я видел в бинокль, как группы самолетов от Петергофа шли к Кронштадту. Ударили зенитные орудия кораблей, находившихся на Восточном и Малом рейдах. К ним подключились пушки зенитных полков, защищавших Кронштадт. Десятки, сотни сине — голубых разрывов испещрили небо.

Появилась шестерка истребителей. Больше едва ли будет, подумал я, под Ленинградом трудно, ®ся наша авиация там. Истребители вступают в неравный бой. Позже мне доложили фамилии летчиков, это были испытанные авиаторы Каберов, Костылев, Ефимов, Мясников, Львов. Трудно приходится нашим зенитчикам: в воздухе свои самолеты.

Докладывают, что сброшены бомбы в районе Морского госпиталя, Морского завода, у пирсов подводных лодок, в доках, где стоят поврежденные корабли. Болит сердце за корабли на рейдах и в гаванях. Наконец вижу, как отдельные вражеские самолеты с черными шлейфами дыма уходят в сторону линии фронта. В это время звонит А. А. Жданов, спрашивает, живы ли мы. Я прошу прислать на подмогу истребителей. Андрей Андреевич обещает. Поднимаюсь снова наверх и вдруг вижу огромный черный столб дыма высотой в несколько сот метров. Ясно — попадание в корабль, горит нефть. Докладывают, что бомба попала в носовую часть ««Марата», находившегося у стенки Средней гавани после тяжелых повреждений, полученных при стрельбе по войскам противника 15–17 сентября. Бросаюсь к машине, еду в гавань. На рогатку ехать нельзя, падают бомбы, самолеты на бреющем полете штурмуют корабли. От Петровского парка иду по стенке, направляясь к «Марату».

Линкор «Марат»! Три года я служил на нем старшим помощником командира, знал командно — начальствующий состав, многих стар- шин — сверхсрочников, краснофлотцев. С командиром линкора капитаном 2 ранга Павлом Константиновичем Ивановым ходил в заграничный поход в Англию. А с военкомом «Марата» Семеном Ивановичем Чернышенко плавал >в первые годы после окончания училища на линкоре «Парижская Коммуна», вместе шли из Кронштадта в Севастополь…

Подойдя к кораблю, увидел: вся носовая часть линкора вместе с первой башней, главным командным пунктом и носовой мачтой рухнула в воду. Со всех сторон гавани спешат катера и буксиры, чтобы оказать ломощь краснофлотцам и командирам,

очутившимся после взрыва в воде. Зенитные пушки «Марата», расположенные на крышах башен, ведут бешеный огонь по самолетам противника, которые с воем носятся над кораблями. «Марат», осевший носовой частью на грунт, продолжал сопротивляться.

Когда я вернулся на командный пункт, тут же доложили, что серьезно поврежден и сел на грунт на Большом рейде лидер «Минск», эсминец «Грозящий» получил вторичное повреждение, две бомбы попали в крейсер «Киров», находившийся у выхода из Средней гавани, затонули подводная лодка «М-74», буксир и транспорт. Потери тяжелые… Но это были последние попытки противника расправиться с кораблями, мешавшими наступлению его войск на суше.

Через четыре дня авиация противника — около 40 самолетов — произвела последний дневной налет. Был поврежден линкор «Октябрьская революция», у него вышла из строя одна башня, вскоре ее восстановили.

Когда нашим летчикам приходилось отвлекаться для боевой работы на фронте, они не могли дать должного отпора авиации врага, штурмовавшей Кронштадт и другие места расположения кораблей. С ней мужественно сражались сами моряки. Они делали все, чтобы сохранить живучесть и боеспособность кораблей. Мне хочется отметить массовый, именно массовый, героизм башенных, орудийных и особенно зенитных артиллеристов. Днем и ночью, в жару и холод они несли вахту на своих боевых постах, готовые по первому сигналу открыть огонь для отражения очередного налета вражеской авиации. В помощь им мы в срочном порядке перебросили с ораниенбаумского плацдарма полк зенитной артиллерии (командир майор Д. З. Осипчук). А когда обстановка под Ленинградом несколько разрядилась, Военный совет фронта разрешил привлекать для обороны Кронштадта не только истребители флота, но и фронтовую истребительную авиацию. Дышать стало заметно легче. С 29 сентября авиация противника прекратила дневные налеты на объекты Кронштадта; теперь корабли беспокоили только артиллерийские обстрелы.

Отражение налетов фашистской авиации было важной задачей ВВС флота, как и военно — воздушных сил фронта, но не единственной. Летчики столь же самоотверженно наносили удары по вражеским аэродромам, тем более что расположение их было нам хорошо известно. Так, 9 сентября гитлеровцы недосчитались на своих аэродромах 35 самолетов; всего же в воздушных боях и на аэродромах в сентябре противник потерял 272 самолета.

В сентябре наши летчики 4435 раз поднимались в воздух,

чтобы сражаться с врагом. С равным напряжением сражались в этот период истребители 61–й авиационной бригады, бомбардировщики и штурмовики 8–й авиационной бригады, разведчики 15–го морского разведывательного полка.

Отказавшись от массированных налетов, фашисты избрали другую тактику воздушной войны — тактику охоты за нашими самолетами — одиночками. В небе дежурили фашистские асы — «волки». Выследив наш одиночный самолет, они набрасывались на него. Особенно активно охотились «волки» за нашими транспортными самолетами и прославленными летчиками — истребителями, которых успели запомнить в ходе воздушных сражений. «Волками» занялись наши летчики — истребители М. Мясников, М. А. Ефимов, Г. Д. Ко- стылев, П. Чепелкин. К. В. Соловьев и другие.

Константин Владимирович Соловьев, впоследствии Герой Советского Союза, однажды возвращался на своей «чайке» с боевого задания. Он уже подходил к аэродрому, как вдруг из-за облаков вывалилась четверка истребителей противника. Соловьев не растерялся, пошел в лобовую атаку. При сближении самолеты противника открыли огонь, но летчик маневром вывел машину из зоны огня и контратаковал. Тогда враги разошлись попарно, решив взять «чайку» в клещи. Соловьев разгадал план противника и провел маневр с круговой осмотрительностью. Метким огнем он повредил два вражеских самолета, остальные ушли. После двухтрех ««волчьих» нападений балтийские летчики распознали эту тактику, выработали приемы борьбы с «волками».

Отличала наших летчиков крепкая боевая дружба, готовность к самопожертвованию во имя боевого товарищества, взаимная выручка. Здесь мне хочется рассказать об одном случае периода осенних боев за Ленинград. Он связан с именем Ивана Ивановича Сербина, летчика, а затем военкома эскадрильи, военкома пол ка, начальника политотдела дивизии, начальника политотдела авиации флота.

Военком Сербин часто летал вместе с командиром полка Коро- нецом. Однажды их полк вел воздушный бой. Алексей Васильевич Коронец из боя на аэродром не вернулся. Что с ним — погиб, ранен? Никто не знал. Сербин вылетел на поиски командира. Плохая погода заставляла вести самолет на самой малой высоте. В заливе, на льду, Сербин обнаружил сгоревший самолет, рядом лежал летчик. Возвратившись на аэродром, Сербин попросил разрешения слетать ночью в тыл врага за командиром. Вылетел. Разыскав его на льду, решил садиться без подсветки снежного поля. Удачно приземлился и, не выключая мотора, побежал к разбитому самолету. В контуженном,

находившемся в тяжелом состоянии летчике, Сербин узнал Шахбазьяна. Шахбазьян дрался в том же бою один против нескольких «фоккеров». Помогали ему летчики Твердохлебов и Семеряко. Втроем они сбили машину врага. Но и самолет Шахбазьяна загорелся, пошел к земле… Стряхнув с лица Шахбазьяна снег, комиссар влил ему в рот глоток водки, лотом поднял на руки и отнес в кабину.

Засверкали вражеские прожекторы, показались фигуры лыжников. Сербин быстро вырулил, дал газ и взлетел под носом у фашистов. Найти командира ему не удалось, но рисковал собой не зря: спас другого летчика.

Как бы ни было трудно, наши авиаторы ни на секунду не теряли высокого боевого духа, готовы были отдать жизнь за Ленинград. Так они действовали, так они думали, так они говорили. Командир авиационной эскадрильи А. Азевич, выступая перед трудящимися города, сказал: «Я, товарищи ленинградцы, ваш земляк. Много лет жил в Ленинграде, работал на Кировском заводе электромонтером, а теперь летчик боевого подразделения истребительной авиации Балтики, защищаю подступы к городу Ленина от налетов фашистской авиации. Наше подразделение уже вогнало в землю четырнадцать фашистских самолетов. Мы и впредь будем беспощадны к врагу, чтобы у него отпало желание не только вновь прилетать, но чтобы и возможности летать не было». Это были не пустые слова. После тяжелых поражений осенью 1941 года противник перестал днем появляться над Ленинградом и Кронштадтом.

Однако гарантии в том, что их не будет и впредь, никто дать не мог. Поэтому мы приняли решение, одобренное Военным советом фронта, все подводные лодки и большую часть надводных кораблей перевести в Ленинград. Учитывалось, разумеется, и то, что враг не предпринимал даже попыток морем оказать помощь своим войскам, окопавшимся под Ленинградом. В Кронштадте кораблям делать было нечего; в Ленинграде мы могли интенсивно использовать их артиллерию, да и защита с воздуха здесь была надежнее. 24, 30 сентября и 1 октября были перебазированы крейсер «Киров», миноносцы «Гордый», «Сильный», «Суровый», а несколь ко позже и «Грозящий». Отряд заграждения перебазировали еще раньше. Линейный корабль «Октябрьская революция» перешел в Ленинград 23 октября.

Конечно, трудности базирования были и здесь, основная — нахождение кораблей в зоне обстрелов артиллерии врага. Уберечь их от вражеских снарядов было невозможно. Однако потери были не столь велики, чтобы ослабить (помощь флота войскам, оборонявшим город. К тому же в Ленинграде с его

мощной промышленностью легче было организовать ремонт кораблей, в котором они очень нуждались, особенно подводные лодки: мы имели в виду активно использовать их для наступательных действий в кампанию 1942 года.

«Всем нам, кто участвовал в сентябрьских боях за Ленинград, — вспоминает Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, — пришлось пережить немало тяжелых дней. Однако нашим войскам удалось — сорвать замысел врага. Благодаря беспримерной стойкости и массовому героизму советских солдат, матросов, сержантов, старшин, выдержке и твердости командиров и политработников враг встретил на своем пути к Ленинграду непреодолимую оборону»[66].

К осени 1941 года выросло военное мастерство балтийцев, вместе с воинами фронта они изматывали врага, наносили ему большие потери. Военные моряки верили в победу, верили, что нанесут фашистам поражение и отбросят их за пределы нашей Советской Родины.

К этому времени обнаружилась явная несогласованность фашистского плана «Барбаросса»: армия застряла на подступах к Ленинграду, а флот занимал «оборонительную позицию» в своих базах в южной части Балтийского моря. Ю. Майстер так оценил создавшееся положение: «Дивизии, предназначенные для действий против Ленинграда, из-за трудностей в снабжении продолжали оставаться на месте, а морской транспорт для этой цели использован не был». Западногерманский историк Ф. Руге пишет: «Армия не подумала о том, чтобы обеспечить выполнение своей трудной задачи (наступление на восток) путем использования моря и военно — морского флота. Полная рассогласованность планов сухопутного и военно — морского командования продолжалась до конца войны, в чем мы не раз убеждались».

У нас было иначе. Военные моряки с первого дня войны дрались с врагом в одном строю с воинами Красной Армии.

Имена надводных кораблей Краснознаменного Балтийского флота, таких как «Октябрьская революция», «Марат», «Петропавловск», «Киров», «Максим Горький», «Ленинград», «Минск», «Строгий», «Стройный», «Стойкий», «Сильный», «Стерегущий», «Страшный», «Свирепый», «Сметливый», «Грозящий», «Гордый», «Славный», «Сторожевой», «Опытный», канонерские лодки «Красное Знамя», «Волга», «Кама», «Москва», «Зея», «Амгунь», минные заградители «Марти», «Урал», и их экипажей навечно войдут в герои ческую летопись обороны Ленинграда. Советское правительство за мужество, высокую дисциплину и организованность, проявленные в боях с

фашистами, несколько позже наградило орденом Красного Знамени линейный корабль «Октябрьская революция», «Киров», «Максим Горький», дивизион канонерских лодок. Балтийцы с честью и достоинством защищали завоевания Великого Октября. Они сражались с врагом так же храбро, стойко и мужественно, как сражались балтийцы в октябрьские дни 1917 года. «Большую помощь в отражении штурма Ленинграда оказал Балтийский флот, — пишет Маршал Советского Союза М. В. Захаров. — В дни штурма корабельная артиллерия и орудия Кронштадтских фортов обрушили на врага шквал огня. Морская авиация громила скопления противника, наносила бомбовые удары по тылам врага. Защитники города стояли насмерть. У стен Ленинграда было совершено много бессмертных подвигов, здесь с исключительной силой проявился массовый героизм советского народа, поднявшегося на защиту своего социалистического Отечества против фашизма»[67].

# ГЛАВА 10. ВРАГ НЕ ПРОШЕЛ

Напряженная борьба в Финском заливе. Балтийские подводники действуют. Вражеская эскадра в Або-Аландском архипелаге. Чудовищный план окружения и уничтожения Ленинграда. Командующий фронтом генерал Г. К. Жуков приказывает высадить десанты. Морская пехота в боях за Невскую Дубровку. Враг наступает на Тихвин.

Сентябрьское наступление врага захлебнулось, а основные силы флота перешли на базирование в Ленинград, но у читателя не должно складываться впечатление, будто флот прекратил боевые действия на море. Ни на один день не прекращалась напряженная борьба в Финском заливе. Главную роль в ней играли морские охотники, тральщики, сторожевые корабли, торпедные катера, действовавшие при поддержке штурмовой и истребительной авиации.

Мы заботились о том, чтобы противник не мог прорваться к Ленинграду с моря. Для этого нужно было во что бы то ни стало удерживать в своих руках устье Невы и восточную часть Финского залива. Мы создали здесь укрепленный район с островами Лавенсари и Сескар, хотя по северному и южному берегам залива их обошли сухопутные войска противника. Важнейшую роль в решении этой задачи играл также прочно удерживаемый нами ораниенбаумский плацдарм с фортом «Красная Горка».

На заливе функционировали маневренные базы для легких сил и оперативных аэродромов, наш флот был здесь полным хозяином. Имелись условия для развертывания наших надводных и подводных сил к боевым действиям в Балтийском море на коммуникациях врага и возвращения их домой.

Не менее важной задачей являлось прикрытие флангов сухопутных войск на море и на Ладожском озере. Мы не могли не считаться с возможностью высадки вражеского десанта на побережье ораниенбаумского плацдарма, на северный берег Финского залива и на Неве. Противник мог высадиться и ударить в тыл нашим войскам.

Сознавая свою ответственность за безопасность приморских флангов наших войск, балтийцы внимательно следили за обстановкой на море. И результаты были налицо: враг не попытался высадить десант даже в дни самых напряженных боев.

Вместе с тем тяжелая обстановка на суше все же отвлекала наше внимание от моря. Это проявилось при решении такого

важного вопроса, как использование подводных лодок в сентябре. В связи с тяжелыми боями, неясностью, как же окончательно сложится обстановка под Ленинградом, Военный совет флота решил временно воздержаться от посылки их в море.

Но как только положение на фронте стабилизировалось, мы вновь вернулись к этому вопросу. В двадцатых числах сентября Нарком ВМФ запросил наше мнение о возможности прорыва подводных лодок «С-7», «С-9» и «Л-3» из Балтики через проливную зону в Атлантику. Военный совет флота высказался за прорыв. Наше решение одобрил Военный совет фронта, утвердил Нарком. Непредвиденные обстоятельства помешали выполнить этот замысел: у Аландских островов появилась эскадра немецко — фашистского флота, пришлось эти подводные лодки направить на позиции в Финский залив.

Тогда же Военный совет флота глубоко изучил состояние дел в соединении подводных лодок (командир Н. П. Египко, военком Г. М. Обушенков) и пришел к выводу, что в новых условиях базирования и ведения боевых действий целесообразно перестроить организацию управления этими кораблями. Было решено объединить все подводные лодки в одно соединение. С нашим решением согласился Нарком ВМФ. Командиром соединения Военный совет флота назначил капитана 2 ранга Александра Владимировича Трипольского.

А. В. Трипольский вырос на Балтике. Окончив в 30–х годах курсы командиров — подводников, плавал помощником командира на «Л-2», позднее командовал подводной лодкой «Л-55», а с 1939 года в звании капитан — лейтенанта — современной подводной лодкой «С-1», лучшей на флоте по боевой и политической подготовке.

Начальником штаба соединения мы оставили опытного подводника капитана 1 ранга Н. С. Ивановского, а военным комиссаром — полкового комиссара И. М. Майорова. Командирами дивизионов были назначены подготовленные начальники В. А. Егоров, В. А. По- лещук, Е. В. Шевцов, Е. Г. Юнаков, В. А. Червинский, Н. Э. Эйхбаум и Н. К. Мохов.

Обстановка на море, в которой приходилось действовать подводным лодкам, с каждым днем ухудшалась. Гитлеровцы лихорадочно наращивали минные заграждения в Финском заливе. В осенние шторма многие мины срывались с якорей и плавали по заливу. Ночью такую мину обнаружить невозможно. Это было опасно, так как аккумуляторы на подводных лодках заряжались в основном ночью и в надводном положении. Кроме того, противник, использовавший для базирования сил противолодочной обороны бухты северного и южного берегов

залива, контролировал путь подводных лодок от Невской губы до устья залива. В этих условиях даже переходы из Ленинграда в Кронштадт и обратно стали необычным делом. Для их обеспечения мы вынуждены были привлекать значительные надводные и воздушные силы и береговую артиллерию.

Трудными стали не только переходы, даже стоять в Ленинграде и Кронштадте было в то время опасно. Систематические обстрелы лишали подводные лодки стоянок у пирсов береговой базы. Приходилось рассредоточивать их по всем гаваням и рейдам. Это усложняло ремонт, снабжение и обслуживание подводных кораблей. Готовить их к походам, грузить боезапас, горючее, продовольствие можно было только по ночам. Но даже меры предосторожности не исключали возможности повреждений. Случалось, полностью подготовленная к боевому походу лодка после артиллерийского обстрела не могла выйти в море. Экипажи исправляли повреждения своими силами — рабочие судостроительных заводов были заняты обеспечением фронта. К тому же наступила поздняя осень, с жестокими штормами и холодами. Тем не менее подводные лодки должны были действовать. Интенсивность движения фашистских транспортов на морских коммуникациях значительно возросла, и только подводники могли наносить по ним удары.

И еще одну задачу предстояло выполнить подводным лодкам. Фашистская пропаганда объявила на весь мир, что советского Балтийского флота больше не существует, а оставшиеся незатопленными корабли прочно заблокированы и выйти в море не могут. Надо было доказать, что Балтийский флот существует и способен наносить удары по врагу.

В середине сентября 1941 года, в период сильных штормов, командир подводной лодки — малютки «М-97» капитан — лейтенант А. И. Мыльников получил боевое задание провести разведку на подступах к Таллину. При выполнении задания кораблю предстояло форсировать залив, пройти через минные заграждения. Став на позицию севернее Таллина, подводная лодка длительное время не имела встречи с врагом. Командир решил форсировать заграждение и прорваться на Таллинский рейд. Смелое решение, подкрепленное грамотным тактическим маневром, принесло успех экипажу. Один из вражеских транспортов был тяжело поврежден. Это был яркий пример высокой боеспособности флота. Лодка благополучно вернулась на базу. Рейд «М-97» подтвердил, что решение о выходе подводных лодок в море, принятое Военным советом, было правильным.

Вскоре в море вышла подводная лодка «Щ-320» капитана 3

ранга И. М. Вишневского. Этого командира я знал уже двенадцать лет, познакомился осенью 1929 года, когда он был сигнальщиком на линейном корабле «Парижская Коммуна». Во время перехода линкора из Кронштадта в Севастополь, когда мы шли бурным Бискайским заливом, я разговорился с ним, спросил, как он представляет свое будущее. «Как? Конечно, на флоте, — ответил он. — Учиться пойду, стану штурманом, только хочу перейти на подводные лодки». Своей цели Вишневский добился.

Военкомом «Щ-320» был один из лучших политработников флота батальонный комиссар М. Д. Калашников. Вместе с командиром и секретарем партийной организации старшиной 1–й статьи А. И. Шаляпиным он настойчиво воспитывал личный состав подводной лодки в духе высокой боевой активности, патриотического отношения к выполнению воинского долга. Калашникова любили на корабле как человека большой души, умевшего найти путь к сердцу каждого воина.

«Щ-320» предстояло форсировать Финский залив, преодолев поставленные врагом плотные минные заграждения. Она решила эту задачу, использовав сведения штурманов кораблей, участвовавших в походах на Ханко. В южной Балтике командир приступил к активному поиску. На третий день пребывания на позиции подводная лодка успешно атаковала транспорт. Противник, по — видимому, предполагал возможность появления в этом районе наших подводных кораблей. Конвой шел по самым малым глубинам. Несмотря на это, атака прошла хорошо, транспорт был взорван. Обнаружить лодку катерам противника не удалось. Однако во время срочного погружения сгорели предохранители электрического управления рулями, и корабль провалился на 70 метров. Пришлось покинуть позицию, уйти в открытое море. Но как только повреждение было ликвидировано, Вишневский вновь вернулся в свой район.

Много дней провела «Щ-320» на позиции, наблюдая за врагом, и каждый день похода закалял волю моряков. Это была школа мужества. Экипаж выполнил задачу, собрал ценные сведения о движении вражеских транспортов. Через сорок дней сначала Кронштадт, а затем Ленинград встречали подводников. Балтийские шторма серьезно потрепали корабль. Но и у вернувшихся, и у встречавших на душе было радостно: подводная лодка вернулась с победой. 23 человека из ее экипажа были награждены орденами и медалями Советского Союза.

Следующий выход в море совершила подводная лодка «Щ-323» капитан — лейтенанта Ф. И. Иванцова (военком старший политрук А. Ф. Круглов). У мыса Ристна (остров Хиума) она атаковала надводные корабли, обстреливавшие позиции наших

войск, но безуспешно. На подходах к стокгольмским шхерам «Щ-323» обнаружила и потопила танкер противника. Спустя две недели был уничтожен транспорт «Балтенланд». А через пять дней, в канун 24–й годовщины Великого Октября, 5 ноября 1941 года подводная лодка потопила еще один танкер противника.

За тридцать суток пребывания в море «Щ-323» неоднократно попадала в жестокий шторм. Это не помешало экипажу добиться отличных результатов, нанести врагу серьезные потери. В первой декаде ноября «Щ-323» возвратилась к родным берегам. Я находился на борту плавбазы, стоявшей на Неве, встречал корабль. Капитан — лейтенант Ф. И. Иванцов кратко доложил о боевых успехах, состоянии экипажа и материальной части. Я горячо поздравил подводников с победой и благополучным возвращением, передал поздравления А. А. Жданова, который так оценил успех экипажа: «Балтийцы действуют, враг еще не раз почувствует их удары». В ответном слове командир «Щ-323» сказал: «Подводники Балтики вместе с воинами Красной Армии отстаивают Ленинград. Пробыв тридцать дней в море, мы топили вражеские транспорты. Не помешали нам это сделать ни минные поля, ни вражеские самолеты, ни надводные корабли. Так будет и впредь — до полной победы над врагом». В январе 1942 года Указом Президиума Верховного Совета СССР подводная лодка «Щ-323» была награждена орденом Красного Знамени, а ее командир капитан — лейтенант Ф. И. Иванцов— орденом Ленина. Орденами и медалями были награждены и другие члены экипажа.

Оценивая действия наших подводных сил осенью 1941 года, Ю. Ровер пишет: «В конце сентября русские подводные лодки снова начали проявлять активность. У Хельсинки, Ханко и Брюсте- рорта ими были поставлены минные заграждения, которые вызвали у немцев две потери. Во время обстрела побережья у Свордбе крейсерами «Лейпциг» и «Эмден» 26–28 сентября с целью отвлечения внимания противника от готовящейся десантной операции в восточной части острова Эзель крейсеру ««Лейпциг» пришлось уклониться от следов двух торпед; при аналогичных действиях крейсером «Кёльн» 12–13 октября также было обнаружено несколько русских подводных лодок. Другие подводные лодки действовали на немецких коммуникациях подвоза между Таллином и Хельсинки и вдоль шведского побережья»[68].

Это признание свидетельствует о том, что от хвастливого заявления немецко — фашистской пропаганды об уничтожении Балтийского флота ничего не осталось уже после нескольких ударов наших подводных кораблей. Успехи подводников

воодушевляли советских людей, множили их силы, укрепляли веру в победу. Пусть помнит читатель: это было в сентябре — октябре 1941 года, когда фашистские армии рвались к Москве.

А под Ленинградом продолжались бои. Фашистская армия, истощенная в период сентябрьского штурма, тем не менее не оставляла попыток захватить город на Неве. Гитлеровское командование считало, что захват Ленинграда — дело нескольких дней. Они еще и еще раз пытались сломить сопротивление защитников города. Для широкого наступления сил не было, и левый фланг армии фон Лееба остановился на реке Воронке. Но центром и правым флангом противник продолжал наступать к Ладожскому озеру, пытаясь соединиться с финской армией, идущей со стороны Карельского перешейка. Немецкому генералу удалось дойти до Невы, но финской армии он здесь не нашел: она была остановлена на берегу реки Сестра.

Тогда фашисты решили сосредоточить силы и наступать в направлении Пушкина. Снова день и ночь шли ожесточенные бои на пулковском направлении. Ценою огромных потерь фашисты захватили Пушкин — Слуцк. Наши войска вынуждены отступить на рубеж Большое Кузьмино — Новая (исключая Путролово). 8–я, 42–я, 55–я и 23–я армии, корабли и части Балтийского флота оказались в осаде. Восточнее Шлиссельбурга была изолирована 54–я армия Ленинградского фронта.

Врагу оставалось пройти совсем немного, чтобы соединиться с войсками финской армии. Фашистские пропагандисты подогревали солдат, широко оповещая о том, что из города бежит население, эвакуируются учреждения, что идут уже последние часы наступления. Фашистское командование было уверено в том, что триумфальное вступление немецких солдат в Ленинград состоится. Из этой его уверенности родились документы, которые нельзя читать без усмешки. Первый документ — директива № 35 от 6 сентября 1941 года, в которой Гитлер требовал: «Во взаимодействии с финнами, используя минные заграждения и артиллерийский огонь, блокировать Кронштадт, чтобы воспрепятствовать выходу сил противника в Балтийское море»[69]. Во втором говорилось: «Усилия флота должны быть направлены на то, чтобы создавая угрозу военно — морским базам противника, по возможности не допускать ухода его боевых сил флота для интернирования в шведских портах»[70]. Немецко — фашисткое командование развернуло в Балтийском море основные силы своего флота с задачей не допустить ухода кораблей советского флота в Швецию для интернирования[71]. Северная группа кораблей в составе линейного крейсера «Тирпиц», тяжелого крейсера «Адмирал Шеер», легких крейсеров

«Нюрнберг», «Кёльн», шести эскадренных миноносцев и других кораблей под командованием вице — адмирала Цилиакса вышла из Свинемюн- де и 24 сентября заняла позицию у Аландских островов. Южная группа в составе легких крейсеров «Эмден», «Лейпциг», двух эскадренных миноносцев и других кораблей 23 сентября прибыла из Свинемюнде в Лиепаю.

На протяжении всей Великой Отечественной войны это был, пожалуй, единственный случай, когда немецкие крупные надводные корабли вышли в море в таком составе.

До этого вражеская эскадра отстаивалась в своих базах, не попытавшись даже прорваться в Финский залив, а сейчас вышла на перехват кораблей Краснознаменного Балтийского флота. Фашисты ждали, что корабли КБФ придут к ним с приспущенными флагами. Какая наивность!

Действительно, я как командующий флотом приказал в те дни всем кораблям находиться в полной готовности к выходу в море, но с другой целью — для нанесения ударов по кораблям противника. На боевые позиции в устье залива были направлены подготовленные к действиям на Балтике подводные лодки «Щ-319» капитан — лейтенанта Н. С. Агашина, «С-9» капитана 3 ранга С. А. Ро- гачевского, «Щ-324» капитан — лейтенанта Г. И. Тархнишвили, «Щ-309» капитана 3 ранга С. И. Кабо, «Щ-311» капитан — лейтенанта П. А. Сидоренко. Ряд подводных кораблей, в том числе подводный минный заградитель «Л-3» капитана 3 ранга П. Д. Грищенко, заняли позиции в Нарвском заливе и на Гогландском оборонительном рубеже.

Мы не знали, с какой целью вышла в море вражеская эскадра, но если бы она сделала попытку форсировать наши рубежи, ее ждала достойная встреча. В полной боевой готовности находилась также береговая артиллерия Ханко, Хиума, Осмуссара, Гогланда и Тютерса и бомбардировочная авиация. Все силы флота были сконцентрированы для нанесения сокрушительного удара, если бы враг попытался оказать помощь своим войскам с моря.

Лишь после 15 октября, когда фашистская эскадра, не дождавшись выхода кораблей Балтийского флота для интернирования, убралась восвояси, наши подводные лодки, развернутые на боевых позициях в Нарвском заливе и Гогландском плесе, вернулись на свою базу.

В то же время, ввиду резкого изменения обстановки на суше, было принято решение дооборудовать минами Гогландскую и тыловую позиции. Для этой цели командиру охраны водного района флота выделялись минные заградители «Марти», «Урал», «Ристна», эскадренные миноносцы «Сильный», «Стойкий»,

«Сметливый», «Грозящий», лидер «Ленинград», «Калинин», «Онега», «Вятка», все базовые тральщики, морские охотники. С 6 сентября по 16 октября в районах Гогланда, Нерва — Сескар, Стирсудден — Койвисто, Неугрунд — Намси было поставлено восемнадцать заграждений[72]. Начав создание рубежей и позиций на западе, мы постепенно увеличивали их глубину на восток по мере отхода наших войск. Система минных заграждений превращала этот район в зону, опасную для кораблей противника, усиливала оборону ближних подступов к Ленинграду с моря, улучшала оперативный режим на военно — морском театре, надежно прикрывала морские сообще ния Кронштадт — Лавенсари — Гогланд, создавала благоприятные условия для развертывания сил нашего флота. Поддержанные артиллерией, эти позиции способствовали упорной обороне защитников города на приморском ораниенбаумском плацдарме и ближних подступах к Ленинграду с моря, надежно прикрывали морские фланги сухопутных войск. Из-за минно — артиллерийских позиций противник вынужден был держать свои надводные силы вне Финского залива, что значительно облегчало положение войск, оборонявших Ленинград.

Усиливая свои минные позиции, флот стремился ослабить вражеские. Еще в конце июля 1941 года Военный совет утвердил план траления на морском театре с целью обезопасить плавание наших кораблей и судов в Финском заливе, в восточной части Балтийского моря, на выходах из Рижского залива. Особо опасными были район Ирбенского пролива, подходы к Соэла Вяйну, Хари Курку, Шпитгамнскому проливу, Палдиски, маяку Мохни, бухте КунДа и южный Гогландский плес.

Финский залив был разделен для траления на две части: к востоку от меридиана Гогланда тралили корабли Кронштадтской военно- морской базы, среднюю и западную части залива — соединение охраны водного района главной базы. Оно же несло ответственность за подходы к островам Моонзундского архипелага. Подходы к Ханко и восточную часть моря тралила отдельная бригада траления.

При уничтожении минных заграждений противника наши труженики моря должны были считаться с их большой плотностью, а также с тем, что они состояли из хитроумных комбинаций якорных контактных, взрывающихся при подсечении, и антенных мин. Комбинации эти были опасны при тралении, особенно устойчивыми и коварными были антенные мины. Потребовалось время, пока мы разгадали все хитрости противника и выработали тактику уничтожения заграждений.

Беда была и в том, что мы имели крайне мало современных

мореходных, имеющих хорошее тральное вооружение, кораблей, о чем я уже писал выше. Мы просили Народного комиссара ВМФ ходатайствовать перед правительством о дополнительном изготовлении тралов, обязать начальника минно — торпедного управления разместить в промышленности заказы на магнитные и электромеханические тралы, помочь установить на кораблях минометы для борьбы с всплывавшими минами.

К решению этой чрезвычайно трудной для всех наших флотов задачи были привлечены крупные научные силы. Работы возглавил академик Игорь Васильевич Курчатов, замечательный советский ученый. Были теоретически разработаны специальные методы измерения магнитного поля корабля, сделаны расчеты обмоток, располагаемых по обоим его бортам. Еще в июле по нашей просьбе в Таллин приезжали ленинградские ученые с группой инженеров. В тесном содружестве с инженерами флота

С. П. Беликовым, Е. Бравиным были выполнены расчетные работы по конструированию противомагнитных обмоток на эскадренных миноносцах отряда легких сил, базирующихся в главной базе флота Таллине.

Большие монтажные работы под руководством флотских инженеров, участвовавших в разработке проекта, были выполнены на Таллинском судоремонтном заводе. Параллельно велись работы по созданию новых электромагнитных тралов. К весне 1942 года флот уже имел их на вооружении. Большие корабли проходили теперь размагничивание на специальных станциях. Магнитные мины врага перестали быть таким грозным оружием, каким они являлись в начале войны.

А пока мы принимали меры к тому, чтобы выйти из положения наличными силами. Прежде всего уменьшили осадку базовых тральщиков. С них сняли ненужные запасные части и шкиперское имущество, уменьшили боезапас, количество воды и топлива. Это снизило вероятность столкновения тральщиков с минами противника. Группа инженеров конструкторского бюро Кронштадтского судоремонтного завода разработали чертежи переоборудования рыболовных траулеров «Скат», «Поводец», «Пикша», «Сиговец» в тральщики с электромагнитным тралом, а также новых катеров типа «КМ-5» в катерные электромагнитные тральщики. Кронштадтский завод успешно выполнил заказ флота по переоборудованию этих кораблей.

Затем тральное оборудование было поставлено на катера и буксиры, мобилизованные с торгового флота. Эти труженики моря с лейтенантами, а то и мичманами в должности командиров стали воистину универсальными боевыми кораблями. Они вели траление, разведку фарватеров, несли дозорную службу,

перевозили десантников.

Их тактические данные были более чем скромными: малая скорость, ограниченная мореходность. К тому же не отапливались жилые помещения (представьте себе, как жили моряки осенью, в октябрьские и ноябрьские холода!), но они делали свое дело, и делали его хорошо.

Траление велось систематически, на всех фарватерах. Оно осуществлялось пятью дивизионами тральщиков, тремя дивизионами катерных тральщиков, дивизионом магнитных тральщиков с постоянным базированием в Кронштадте. Им удавалось поддерживать коммуникации в состоянии, которое позволяло боевым кораблям и судам ходить без происшествий.

В последних числах сентября бои на Ленинградском фронте приняли местный характер. Фашисты выдохлись, их наступательный порыв иссяк. Чтобы скрыть эту истину от немецкого народа, фашистскому руководству приходилось изворачиваться, заниматься демагогией. В своей речи 8 ноября 1941 года Гитлер заявил: «Тот, кто прошел от границы до Ленинграда, может пройти еще 10 километров и войти в город. В этом нельзя усомниться. Но в этом нет нужды. Город окружен, никто никогда его не освободит, и он будет в наших руках»[73].

Мы знаем, что Ленинград не только выстоял, но и, когда пришло время, сам перешел в наступление. А хваленая, якобы не знающая преград немецкая армия, так и не смогла преодолеть считанные километры. Стало очевидным, что план захвата Ленинграда провалился. Все сроки, назначенные Гитлером, истекли, а его войска по — прежнему оставались в лощинах и болотах, у стен Кировского и Ижорского заводов.

И сейчас буржуазные фальсификаторы истории вновь выискивают всякие причины поражения и неудач немецко — фашистских войск в первую военную кампанию 1941 года, ссылаясь на огромные просторы, бездорожье, холода и т. д. Однако они забывают о том, что основная причина их поражения и крушения стратегических планов заключается в самоотверженном героическом сопротивлении воинов и всего советского народа и связанных с этим огромными потерями врага.

Все это спутало и сорвало планы гитлеровского командования, отразилось на боеспособности войск, породило в их рядах растерянность и неверие в успех.

25 сентября командующий группой армий «Север» генерал — фельд- маршал фон Лееб отдал приказ о прекращении наступательных действий. К этому времени гитлеровцы потеряли под Ленинградом убитыми и ранеными многие десятки тысяч

солдат и офицеров, сотни орудий и танков. В декабре 1941 года Гитлер отстранил фон Лееба и назначил вместо него генерал — полковника Кюхлера. Этот генерал также не смог изменить положения под Ленинградом. Оно оставалось неизменным почти до января 1943 года. Новый немецкий план, рожденный военными неудачами, заключался в том, чтобы создать двойное кольцо окружения, полностью изолировать Ленинград, задушить его в тисках голода. В директиве оперативного отдела немецкого генерального штаба «О блокаде Ленинграда» от 21 сентября говорилось: «…б) сначала мы блокируем Ленинград (герметически) и разрушаем город, если возможно, артиллерией и авиацией… г) остатки «гарнизона крепости» останутся там на зиму. Весной мы проникнем в город… вывезем все, что осталось живое, в глубь России или возьмем в плен, сровняем Ленинград с землей и передадим район севернее Невы Финляндии»[74].

В идее уничтожения Ленинграда не было ничего нового. Намерение стереть с лица земли города нашей Родины неоднократно высказывалось фашистами и раньше. Но положение блокированного Ленинграда, его населения, войск фронта и флота было действительно тяжелым. Подвоз продовольствия, боеприпасов, топлива и сырья для промышленности резко сократился. Имеющиеся в городе запасы подходили к концу. Но никто из руководителей обороны не допускал и мысли о том, что Ленинград может быть уничтожен.

Поздней осенью 1941 года в Смольном собрался партийный актив города. Выступивший с речью А. А. Жданов доложил обстановку. Он говорил, что за частоколом фашистских пушек, обстреливающих Ленинград, видно начало крушения мощи германской армии. Вместе с тем А. А. Жданов предупреждал, что население должно знать о надвигающихся бедствиях, которых в течение некоторого времени не удастся избежать. «Русские люди много раз смотрели в лицо смерти, проявляя при этом душевную силу, и на этот раз они не дрогнут, но надо говорить народу правду такой, как она есть, и он нас поймет… Главная задача коммунистов, комсомольцев, всего населения — беречь имеющиеся ресурсы, растянуть их на большой срок. Нам надо выиграть время. Всеми силами бороться за выпуск большего количества снарядов, боевой техники, оружия. Женщины и молодежь должны заменить мужчин на производстве. Центральный Комитет Коммунистической партии и правительство следят за нашим фронтом и принимают необходимые меры. Недалеко, товарищи, то время, когда вражеская армия будет разбита обязательно»[75].

Трудящиеся делом отвечали на призыв партийной

организации. Несмотря на то, что не хватало продовольствия, топлива, жизнеспособность города оставалась высокой. Даже в условиях окружения промышленность Ленинграда изготовила и переправила самолетами на другие фронты тысячи орудий и минометов, огромное количество средств связи.

Не теряя времени, командование фронтом принимало энергичные меры для углубления обороны на важнейших направлениях, накапливало резервы. На случай, если враг предпримет новый штурм, было принято решение о строительстве оборонительных сооружений и рубежей внутри города.

Флот тоже использовал затишье на фронте. С согласия Народного комиссара ВМФ мы создали в Ленинграде военно — морскую базу со всеми ее функциями. Командиром базы был назначен контр — адми- рал Ю. А. Пантелеев, который неоднократно просил перевести его со штабной работы на командную. И в этой обстановке, когда вся ответственность за выполнение конкретных задач легла на него, как на единоначальника, проявились лучшие качества Ю. А. Пантелеева. Начальником штаба флота вместо него был назначен контр — адмирал Ю. Ф. Ралль, умный и выдержанный адмирал. Юрий Федорович всегда глубоко продумывал задачи флота, объективно оценивал условия, в которых ему приходилось вести боевые действия, и предлагал правильные решения. В короткий срок Ралль сумел перестроить работу штаба, добился от каждого офицера более глубокого понимания создавшейся обстановки и критической оценки положения дел в соединениях и частях.

Начальником штаба Ленинградской военно — морской базы назначили контргадмирала В. П. Петровского, военкомом — опытного, боевого бригадного комиссара А. А. Матушкина, начальником политотдела— полкового комиссара И. М. Малышева. А. А. Матушкин прекрасно показал себя в боях за Таллин, всегда стремился находиться там, где было труднее, и теперь почти все свое время проводил в частях и на кораблях базы. Его можно было видеть на плацдарме у Невской Дубровки, огневых позициях железнодорожных батарей, кораблях у Ивановских порогов. Он проводил семинары с политработниками, часто выступал, поднимая моральный дух защитников города.

Командованию базы предстояло, прежде всего, установить тесную связь с командующими 42–й, 55–й и 8–й армий, Невской оперативной группы — поддержка этих соединений была ее главной задачей.

Принимались меры по улучшению организации ремонта кораблей. Техническое состояние линкоров, крейсеров, эсминцев, быстроходных тральщиков явилось предметом постоянного

беспокойства. Все они требовали ремонта после тяжелых дней июня — сентября, когда не только люди, но и механизмы с большим напряжением, без отдыха выполняли боевые задачи. Кронштадтский морской завод не справлялся с таким объемом работ. Приходилось отправлять корабли для ремонта на судостроительные заводы Ленинграда. Надо сказать, они шли нам навстречу, находили возможность помогать флоту. В несколько лучшем состоянии находились подводные лодки, но и здесь механизмы требовали ремонта.

В этот период окончательно оформилось управление начальника артиллерии флота. Оно подчинялось Военному совету флота, на который была возложена ответственность за правильное использование морской артиллерии. Начальником управления оставался контр — адмирал И. И. Грен.

Штаб артиллерии фронта и управление начальника артиллерии флота разработали совместный план борьбы с батареями противника, обстреливавшими город. Между КП артиллерии фронта, флота, армий установили прямую связь. Наличие же оборудованных на топографической основе огневых позиций кораблей и батарей, сети наблюдательно — корректировочных постов, усиление техническими средствами разведки и корректировки огня повышало эффективность стрельб артиллерии флота по наземным целям противника.

Улучшили также управление железнодорожной артиллерий. В начале войны на флоте было пять отдельных мощных железнодорожных батарей, созданных советской промышленностью и обладавших маневренностью и высокими тактико — техническими данными, значительно превосходящими подобные образцы иностранных установок.

С началом боевых действий на дальних подступах к Ленинграду интенсивно создавались новые отдельные железнодорожные батареи, к осени их действовало в составе флота несколько десятков. Остро встал вопрос об их подчинении единому командованию.

В конце 1941 года все железнодорожные батареи вывели из подчинения общевойсковых командиров. Приказом Народного комиссара ВМФ было создано крупное соединение флота — 101–я морская железнодорожная артиллерийская бригада. Ее командиром стал опытный артиллерист, участник боев на Ханко — генерал — майор Иван Николаевич Дмитриев, военкомом — полковой комиссар Григорий Макарович Яичников, начальником штаба — подполковник Н. С. Кузьмин, начальником артиллерии — майор С. С. Кобец. В составе бригады было 28 батарей из 63 орудий, их свели в семь артиллерийских дивизионов.

В тяжелые сентябрьские бои соединение железнодорожной артиллерии флота показало свою мощь. Десятки тысяч снарядов крупного калибра были посланы на головы фашистов. Огненный вал, созданный нашими батареями вместе с артиллерией фронта, преграждал врагу путь к городу Ленина. Соединение было мощным резервом командования фронта и флота для борьбы с артиллерией врага, нанесения ударов по его удаленным сухопутным и железнодорожным коммуникациям и важным тыловым объектам.

Одновременно с централизацией использования артиллерии была улучшена корректировка, повышена живучесть артиллерийской связи, оборудованы прямые и обходные линии связи. Сделать это флоту помогли партийные и советские организации Ленинграда. Живучесть артиллерийской проводной связи повысили за счет исследования городских телефонных подземных кабелей.

Когда Ленинград оказался блокированным, возникли трудности с порохом, начальник тыла флота генерал И. М. Москаленко и начальники артиллерийского отдела тыла и научно — исследовательского морского артиллерийского полигона приняли меры к изысканию заменителей. Свои предложения внесли командиры и инженеры полигона В. Д. Святцев, В. В. Ярыгин, Ф. А. Храпченко, Л. Н. Афанасьев. Наиболее удачная идея Чернышева была воплощена в жизнь. В ноябре к производству пороха и суррогатов, других взрывчатых веществ привлекли 14 промышленных предприятий Ленинграда. В связи с переходом на новые сорта пороха были разработаны новые таблицы стрельбы. Их создали, несмотря на голод, холод и отсутствие света, научные сотрудники филиала Астрономического института Академии наук СССР. Оценивая героический труд ленинградцев, А. А. Жданов писал: «…Никогда еще ленинградская промышленность, ее кадры не проявляли такой маневренной способности, такого большевистского умения выйти из самых трудных положений и выполнить во что бы то ни стало свою задачу, как это было в суровые месяцы блокады»[76].

Научно — исследовательский морской артиллерийский полигон за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте

Указом Президиума Верховного Совета СССР 17 июня 1942 года был награжден орденом Красного Знамени.

Для усиления обороны Ленинграда и Кронштадта продолжали создавать стационарные и железнодорожные батареи. До конца 1941 года были введены в строй десятки батарей.

Некоторые организационные мероприятия были проведены в отношении флотской авиации. Генерала М. И. Самохина оперативно подчинили командующему авиацией фронта генералу С. Д. Рыбальченко. В Новой Ладоге создали оборудованный командный пункт авиации, на который возложили прикрытие коммуникаций на Ладоге и пунктов разгрузки в Гостинополье. Для ударов по кораблям в море была создана специальная группа самолетов — бомбардировщиков под командованием полковника Е. Н. Преображенского. Это был резерв командующего флотом на случай появления кораблей противника в море.

Несмотря на признаки затухания наступления вражеских войск, никто из нас не думал, что противник откажется хотя бы временно от захвата города. Заводы и фабрики круглосуточно работали для нужд фронта, город превращался в крепость. Войска Ленинградского фронта при поддержке артиллерии и авиации флота контратаковали противника на урицком направлении, а также в районе Старого Петергофа вдоль приморского шоссе с целью отбросить его от побережья.

Мне кажется, что именно в эти дни командующий фронтом генерал армии Г. К. Жуков пришел к выводу организовать наступление 42–й и 8–й армий в направлении Урицк — Новый Петергоф с одновременной высадкой тактических десантов на южное побережье Невской губы. Во всяком случае, приказ готовить десанты был отдан как раз в это время. Ударив по тылам, они должны были нарушить управление вражескими войсками и тем самым содействовать нашим армиям в изгнании противника с южного побережья Невской губы.

В конце сентября начальник штаба флота контр — адмирал Ю. Ф. Ралль был вызван к командующему фронтом Г. К. Жукову для доклада о возможности высадки десанта в районе Петергофа. Ю. Ф. Ралль высказался за высадку десанта только при поддержке артиллерии. Командующий фронтом не согласился с ним, мотивируя тем, что предварительная обработка плацдарма высадки демаскирует десант.

Через несколько дней командующий войсками фронта генерал Г. К. Жуков вызвал командира Ленинградской военно — морской базы контр — адмирала Ю. А. Пантелеева и приказал ему высадить внезапно в тыл врага роту морских пехотинцев из 6–й бригады, занимавшей участок под Урицком. Рота должна была нанести удар по тылам врага, поддержав наступление войск 42–й армии. Мы немедля приступили к выполнению поставленной комфронтом задачи, начали срочно готовить людей и высадочные средства. Но так как войска 42–й и особенно 8–й армии, находящейся на ораниенбаумском плацдарме, были

сильно обескровлены, то наступление успеха не имело. Высаженные в Петергофе и Стрельне десантники с малыми потерями продвигались в глубину прибрежной полосы, пытаясь развить наступление, однако, не получив поддержки сухопутных войск, попали в тяжелое положение.

В ночь со 2 на 3 октября катера охраны водного района Ленинградской военно — морской базы под руководством контр — адмирала Ю. А. Пантелеева высадили восточнее стрельнинского завода «Пишмаш» усиленную роту из состава той же 6–й бригады морской пехоты. Десант благополучно был доставлен на вражеский берег, углубился на захваченную территорию; позже он попал в окружение, часть десантников погибла.

Более крупный десант был высажен в ночь с 4 на 5 октября в районе пристани Петергофа. Он был сформирован из корабельных комендоров, электриков, минеров линейных кораблей «Марат» и «Октябрьская революция», инструкторов школ учебного отряда, курсантов военно — морского политического училища. В десантный полк отбирали добровольцев, самых лучших и физически сильных. Его перебросили на катерах из Кронштадта. Вел полк участник гражданской войны, краснознаменец, удостоенный ордена за штурм Перекопа, полковник А. Т. Ворожилов. Рядом с ним шел один из опытнейших политработников флота полковой комиссар А. Ф. Петрухин. Десант в основном состоял из коммунистов и комсомольцев. Из последних запасов флота десантникам выдали автоматы, карабины, ручные пулеметы, гранаты.

Мы надеялись, что боевые действия десантников морского полка будут поддержаны артиллерией и войсками 8–й армии со стороны ораниенбаумского плацдарма. Десант должен был рассечь петергофский клин противника, облегчив соединение войск 8–й и 42–й армий. Продумывая детали предстоящего боя за высадку, мы понимали, что полной гарантии успеха нет. Командовать высадкой Военный совет флота поручил командиру охраны водного района флота капитану 2 ранга И. Г. Святову, опытному и храброму военному моряку; помощниками к нему были назначены командир соединения торпедных катеров капитан 2 ранга В. А. Соломатин и командир дивизиона эскадренных миноносцев капитан 2 ранга Г. С. Абашвили. Личный состав катеров, на которых должен был идти десант, тщательно готовился к переходу. Командиру десанта было приказано: высадившись в Новом Петергофе, нанести удар во фланг и тыл противника и уничтожить его совместно с частями 8–й армии.

Перед посадкой на катера с десантниками встретились члены Военного совета флота. Это было вечером 4 октября.

Историческая Якорная площадь. Отсюда уходил в Питер трехтысячный отряд балтийских матросов встречать на Финляндском вокзале

В. И. Ленина, возвращавшегося в апреле 1917 года в Россию. Рано утром 25 октября 1917 года отсюда ушел в Петроград десятитысячный отряд революционных рабочих, матросов и солдат, чтобы принять участие в вооруженном восстании. Теперь здесь мы напутствовали тех, кто уходил на защиту родного всем нам Ленинграда.

В темную ночь от Кронштадтской пристани отошло несколько десятков катеров морских охотников и сторожевых катеров с гребными шлюпками на буксире.

Подробности боя стали известны из рассказов оставшихся в живых участников десанта. Краснофлотцы, подняв над головой оружие, прыгали в холодную воду и бежали к берегу. Действовали стремительно; враг заметил их, когда значительная часть десанта была уже в парке. Вспыхнули лучи прожекторов. Густая разноцветная сеть трассирующих пуль засверкала среди вековых деревьев, статуй, дворцовых зданий. Выбравшись на берег, балтийцы, перепоясанные пулеметными лентами, с гранатами и автоматами в руках устремились в атаку. Преодолевая яростное сопротивление врага, занимали один рубеж за другим, В опубликованной в Западном Берлине книге фон Веделя «Германия в огне» есть строки: «Матросский десант в Петергофе застал наши войска врасплох. Боевая тревога была объявлена, когда он уже высадился на берег и смял нашу охрану. Матросы неудержимо продвигались вперед, захватывая наши позиции. Бой шел трое суток…»

К середине первого дня боя' десантники овладели почти всем нижним парком. Отдельные группы сумели вырваться на улицы города и там завязывали бои. Опомнившиеся от неожиданного вторжения с моря, фашисты открыли огонь из пушек и минометов. Командование войсками стрельнинско — петергофской группировки противника запросило поддержки. Против десанта были брошены танки и вся наличная артиллерия. Несмотря на героизм моряков, врагу удалось оттеснить десант от залива и овладеть береговой чертой. С десантниками делал попытки соединиться из района Старого Петергофа стрелковый полк 10–й дивизии 8–й армии. Вместе с ним наступал и батальон балтийцев, находящийся в составе 8–й армии. Активно помогали в преодолении сопротивления противника артиллеристы армии и флота. Однако силы были неравны, пробиться к десанту воинам

не удалось.

Три дня и три ночи, отрезанные от основных сил, десантники вели ожесточенные бои с гитлеровцами у Большого Петергофского дворца, у Монплезира в нижнем парке и даже в городе. Врагу были нанесены значительные потери. Командование фашистских войск, наступавших на Ленинград, сняло с фронта некоторые части, предназначенные для штурма Ленинграда, и направило их для ликвидации десанта. Наши катера с боеприпасами подойти к берегу не смогли. Десантники продолжали сражаться в окружении, бились с врагом одними гранатами и трофейными автоматами. Бой стих лишь под вечер 7 октября. За эти дни артиллеристы Кронштадта, его фортов и кораблей обрушили на головы фашистов огненный шквал, выпустив до 3000 крупнокалиберных снарядов.

В первые минуты боя погиб командир отряда полковник Андрей Трофимович Ворожилов. Его гибель не могла не сказаться на управлении полком, организации боя и выходе бойцов из окружения навстречу войскам, пытавшимся прийти на помощь. В начале боя были убиты и радисты. Две радиостанции, имеющиеся в распоряжении десанта, были повреждены. В течение почти недели мы принимали меры, чтобы установить какую-либо связь с десантом, вновь и вновь посылали катера с боеприпасами. Но ни один катер не смог подойти к берегу. С первых часов боя над десантом появлялись наши самолеты, но они не приносили никаких известий. Ночью высаживались группы разведчиков в тыл противника. Из двадцати групп, направленных со стороны ораниенбаумского плацдарма, только четырем удалось пройти через линию фронта. Попытки установить связь с десантом не прекращались до 15 октября. К сожалению, все они оказались безрезультатными.

Десант совершил геройский подвиг. Признание героизма моряков содержалось даже в сообщении берлинского радио, переданном 7 октября 1941 года: «5 октября западнее Ленинграда, в Петергофе, был высажен морской десант из Кронштадта. Это были мощные советские силы, состоящие из коммунистов, специально отобранные для борьбы с войсками фюрера. В многодневных и упорных боях с матросами наши войска понесли большие потери, но и комиссарский десант был измотан и уничтожен частично нами, частично самими матросами, так как они не сдавались в плен, предпочитая смерть…»

До нас дошло два волнующих документа. В Петродворце нашли флягу с двумя записками. В одной из них говорится: «Люди! Русская земля! Любимый Балтфлот! Умираем, но не

сдаемся. Рядом убит Петрухин. Деремся вторые сутки. Командир я. Патронов! Гранат! Прощайте, братишки! Вадим Федоров».

В другой записке, короткой и яркой, как вспышка выстрела, всего несколько слов: «Живые! Пойте о нас! Мишка».

Эта находка воскресила короткую, но изумительную по отваге и мужеству страницу истории беспримерной обороны героического Ленинграда.

В ночь на 5 и на 6 октября были высажены десанты из дивизии НКВД в районе завода «Пишмаш» — Стрельна. Бой десанта, высадившегося у Стрельны, во взаимодействии с колонной танков «КВ», описан в истории 58–й пехотной дивизии противника: «Началась опасная атака русских, при которой двадцать сверхтяжелых танков прорвались на побережье через позиции 209–го пехотного полка и вышли на запад. Танки, прорвавшиеся на запад, шли вдоль берега через поселок Ленина и таким образом находились уже на рубеже 58–й пехотной дивизии. В то время как сигнал тревоги поднял все подразделения разведотряда на ноги, лейтенант фон Грамм сообщает, что на берегу высадилось двести русских и атакуют в направлении к югу. На шоссе начался жестокий бой с танками. Теперь все силы направляются на то, чтобы воспрепятствовать со единению вражеского десанта с танками…» Красноармейцы и краснофлотцы сражались мужественно, но цели не достигли — слишком слабы были силы.

Десанты не смогли решить главной задачи — оказать поддержку наступлению наших войск, так как его не удалось осуществить в то время. Но десантники не даром отдали свои жизни, они наносили врагу урон в живой силе, доказывая, что Ленинград, Балтийский флот способны к активным боевым действиям. Не нужно иметь большой фантазии, чтобы представить, каким неиссякаемым мужеством и самоотверженностью обладали краснофлотцы и командиры десантных отрядов, которым приходилось высаживаться в тыл врага, почти не имея возможности вернуться обратно. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков пишет: «Десантные отряды моряков неоднократно высылались в тыл противника. Везде и всюду они проявляли чудеса храбрости и высоко держали честь и достоинство советского Военно — Морского Флота»[77].

Не сумев захватить Ленинград в сентябре, фашисты поставили перед собой цель заставить его капитулировать с помощью голода и холода. 7 октября немецко — фашистское командование издало новый приказ о разрушении Ленинграда, которым отвергалась капитуляция, даже если бы ее предложили сами защитники города. Но это не означало, что противник

откажется от мысли захватить город штурмом. Количество вражеских соединений не сокращалось под Ленинградом. Поэтому наше командование стремилось активными действиями сорвать нанесение возможного удара вражескими войсками.

Еще в дни сентябрьского штурма, когда под Урицком и Пулковом наши войска отбивали атаки гитлеровцев, перед 115–й стрелковой дивизией (командир генерал — майор В. Ф. Коньков), находившейся в обороне на правом берегу Невы, ставилась задача переправиться на левый берег и оттеснить врага от реки. Впоследствии здесь на плацдарме предполагалось создать группировку, которая выступила бы навстречу войскам 54–й армии, находившейся восточнее Шлиссельбурга с целью деблокады города. В середине сентября сюда прибыл батальон балтийцев капитана Никанорова из 4–й бригады морской пехоты.

Левый берег, занятый противником, крутой и обрывистый, был изрыт десятками тысяч воронок, длинными рядами по нему тянулись полузасыпанные траншеи и окопы. Наш берег — пологий и открытый — простреливался артиллерией противника. Ширина Невы в этом месте около 500 метров.

Местом сосредоточения войск для форсирования Невы был избран глубокий овраг вблизи поселка Невская Дубровка. В ночь с 19 на 20 сентября части дивизии и батальон моряков под общим командованием полковника А. Е. Калашникова с боем форсировали реку. Смелые и стремительные действия воинов оказались исключительно удачными. Начался тяжелый бой за удержание плацдарма. Противник бросил вперед значительные силы, но стойкость и мужество наших людей оказались сильнее. Тогда фашисты стали перебрасывать сюда свежие силы с других участков фронта, на некоторое время была задержана отправка ряда дивизий на московское направление. Командующий войсками фронта генерал Г. К. Жуков потребовал ввести в бой 4–ю отдельную бригаду морской пехоты в полном составе.

Командир бригады генерал — майор Б. П. Ненашев и военком полковой комиссар И. П. Вайдо получили приказ вместе с частями 115–й дивизии расширить захваченный у врага плацдарм и наступать в направлении станции Мга для соединения с войсками 54–й армии. Батальон морской пехоты под командованием капитана Роева (военком полковой комиссар Н. И. Сергеев) форсировал Неву с плацдарма Невской Дубровки, 23 и 24 сентября нанес сильные удары по позициям врага и отбросил его за шоссейную дорогу. В разгар боя был тяжело ранен капитан Роев, но продолжал командовать. На следующий день его заменил инженер — капитан 2 ранга Н. Д. Мочалов. Новый командир с военкомом Сергеевым не раз водил в атаку

моряков. Позднее, в октябре, в жаркой схватке с врагом Мочалов был убит. Посмертно его наградили орденом Красного Знамени. Вслед за этим Неву форсировал 3–й батальон капитана Б. Н. Пономарева (военком батальонный комиссар К. Ф. Зеленков).

Гитлеровцы не хотели примириться с потерей своих позиций. Над Невой стояла сплошная завеса артиллерийского, минометного и автоматного огня. Дождь смертоносных осколков усыпал берег и воду. Казалось, никто не способен преодолеть завесу этого огня. Но морские пехотинцы умело форсировали реку, усиливая высадившиеся батальоны, врывались в окопы врага и уничтожали его. Имена храбрейших моряков Горшкова, Зимина, Ланковского знала вся бригада. Бои шли с исключительным напряжением. Выбыл из строя начальник штаба бригады полковник Н. В. Дьяков, его место занял начальник химслужбы полковник А. Ф. Ярыгин, несколько позже он стал командовать бригадой вместо выбывшего Б. П. Ненашева.

Ночами 27 и 28 сентября Неву форсировал и батальон полковника Дмитриева (военком батальонный комиссар С. А. Демидов). «Фашисты откатились к лесу, и клочок земли, отвоеванный красноармейцами и краснофлотцами и названный «пятачком», стал плацдармом, который не только препятствовал форсированию врагом Невы, но и служил для систематического нанесения ударов по врагу…» — вспоминает участник боев А. Ф. Белоголовцев.

Каждый клочок земли отвоевывался в кровопролитных боях. Военные моряки и воины 115–й дивизии, преодолевая мощный огонь и отражая контратаки врага, метр за метром расширяли плацдарм. В результате упорных боев на левом берегу Невы наши войска захватили участок до 1000 метров по фронту и 900 в глубину.

Действия морских пехотинцев высоко оценило командование Невской оперативной группы: «Мы в течение двух недель не смогли осуществить форсирование Невы, а моряки первым броском выбили немцев. С таким народом можно воевать».

В составе 4–й бригады морской пехоты немало было курсантов и юнг из флотской Валаамской школы боцманов. Многим из них тогда не исполнилось и семнадцати. Однако это были воины, готовые принять бой. Уже в августе сорок первого года, когда враг прижал к берегу Ладожского озера бойцов 168–й стрелковой дивизии полковника А. А. Бондарева, на своих шлюпках и парусно — моторных шхунах «Учеба» и «Практика» они принимали активное участие в эвакуации войск этой дивизии. А в середине сентября, оставив Валаам, юнги и

старшины прибыли в Осиновец, с ходу совершив 50–километровый марш, прибыли на плацдарм Невской Дубровки, а оттуда ранним утром с бойцами морской пехоты форсировали Неву и с боем ворвались на левый берег реки.

В боях за плацдарм особенно отличилась 4–я рота 3–го батальона. Командир роты лейтенант В. И. Павловский в начале боя погиб, а политрук Д. С. Лапин был тяжело ранен. Противник при поддержке танков перешел в контратаку, создалось критическое положение. Командование ротой принял старшина 2–й статьи Б. Ивашкевич. Морские пехотинцы, удерживая позиции, нанесли противнику большие потери.

До декабря 1941 года моряки 4–й бригады вместе с бойцами 115–й дивизии фронта вели тяжелые оборонительные бои на плацдарме Невской Дубровки, потом получили новую боевую задачу: оборонять западное побережье Ладожского озера.

На вторую половину октября Ставка Верховного Главнокомандования наметила наступление войск 54–й армии с рубежа реки Вол- хово. Навстречу этим войскам с отвоеванного плацдарма Невской Дубровки должны были наступать 55–я армия и войска Невской оперативной группы — обе в направлении на Мгу. Наступлением предполагалось деблокировать город. В связи с этим командование фронтом решило усилить наши войска на плацдарме, переправив сюда 86–ю, 20–ю и 265–ю стрелковые дивизии. Для их переправы потребовались, кроме понтонных частей фронта, морские переправочные средства.

Военный совет фронта назначил ответственным за морскую часть переправы командира Ленинградской военно — морской базы контр- адмирала Ю. А. Пантелеева. Он приступил к отбору и доставке на правый берег Невы плавучих средств. Из личного состава корабельных соединений был создан специальный отряд переправы; в него вошла также флотская инженерная рота. Командирам инженерного отдела флота В. Г. Гречаному, А. И. Калмыкову, Н. Н. Коршикову, Г. А. Амханицкому, В. М. Аничину, А. Г. Дружинину, С. П. Кузнецову и В. Ф. Смирнову под руководством воен- инженера 1 ранга А. Н. Кузьмина поручили оказать техническую помощь в доставке техники на левый берег Невы. Одновременно на переправе от флота работало около 400 воинов, краснофлотцев и командиров. Создавался резерв личного состава.

За морским отрядом была закреплена одна из нескольких переправ — переправа № 5, получившая название «танковой». Тут же работали понтонные батальоны фронта и саперы флота, которыми командовал старший лейтенант П. П. Чухно.

Вместе со своими товарищами по фронту Б. В. Бычевским, Н.

М. Пи- липец и другими морские специалисты капитаны 1 ранга Ф. В. Зозуля, А. И. Янсон (погибший на переправе), Ф. Л. Юрковский, А. К. Павловский выполняли не совсем свойственные им задачи.

23 октября резко похолодало, выпал обильный снег, на реке появилась шуга. В§реправа находилась на фланге плацдарма и хорошо просматривалась и простреливалась противником на расстоянии 350–400 метров. Работали только ночью, но и в это время противник, используя осветительные ракеты, вел беглый огонь по паромам и берегу. Потери в людях были большие. Приходилось вновь и вновь восстанавливать разрушенные артиллерией врага пристани и паромы. Снабжение войск, отстаивающих плацдармы, не прекращалось ни на час.

В первых числах ноября на реке пошла сплошная шуга, припай льда у берегов достигал трех — четырех сантиметров толщины, паромы ходили с трудом. 12 ноября река окончательно встала, а к

18 ноября лед достиг толщины восемь — десять сантиметров. Паромную переправу закрыли. Кто-то подал мысль укладывать на лед большие рамы из досок, а на них — тросы, закрепленные на берегах за сваи. Тросы с рамами вмораживались в лед, сверху застилались тонкие бревна, которые тоже заливались водой. Вся эта конструкция перед рассветом маскировалась. К 28 ноября этот своеобразный мост был построен, и по нему пошла техника, включая танки.

Мне довелось побывать на переправе, видеть условия боевой работы наших людей. Это была огненная земля, каждый метр которой простреливался врагом. Командиры и краснофлотцы работали в немыслимо тяжелых условиях, часто приходилось под огнем входить в холодную воду. Здесь нужны были смелые, мужественные люди с золотыми руками.

Инженер — полковник А. Н. Кузьмин, руководитель флотской группы инженеров и саперов, в письме ко мне пишет: «Полтора месяца наша группа из восьми военных инженеров принимала участие в переправе людей, техники и танков… Забыть этот фронтовой «ад» трудно, его из памяти не вычеркнешь. До сих пор непонятно, как мы оттуда ушли живыми…»

Начальник инженерных войск фронта генерал Б. В. Бычевский объявил благодарность личному составу, принимавшему участие в переправе. В условиях сильнейшего сопротивления противника инженерные войска фронта переправили на левый берег Невы около 16 000 бойцов и командиров, 128 орудий, 24 танка, большое количество продовольствия и боезапаса, вывезли около 6000 ране ных. До

декабря 1941 года отряд переправы действовал на Неве, выполняя задачи в самых тяжелых условиях и при отсутствии специальных переправочных средств.

Сейчас там, где был плацдарм Невской Дубровки, неподалеку от поселка балтийские ветры овевают величественный обелиск. Танк «Т-34» на постаменте, красноармеец в обмундировании первых лет войны с автоматом на груди, застывший по команде «смирно», каменный матрос, держащий в руках бескозырку, полны величия и скорби…

В период переправы и наступления войск Невской оперативной группы и 55–й армии фронтовая артиллерия, боровшаяся с батареями противника, была усилена орудиями эскадренных миноносцев «Гордый», «Сметливый», «Суровый», четырех канонерских лодок, шести крупнокалиберных железнодорожных и четырнадцати стационарных батарей — это около 90 орудий крупного и среднего калибра.

Войска были поддержаны также авиацией флота. Почти 200 боевых самолетов выделили для этой цели.

С 27 сентября Ставка включила в состав Ленинградского фронта 54–ю армию, которую месяц спустя возглавил генерал И. И. Федю- нинский. Фланг этой армии с озера поддерживал отряд кораблей Ладожской военной флотилии.

Намечавшиеся удары 54–й и 55–й армий и Невской группы войск вызвали тревогу у немецкого командования. На самолетах, поездах, машинах сюда срочно перебрасывались резервы, в том числе печально знаменитая испанская Голубая дивизия, впоследствии длительное время находившаяся под Ленинградом. Противник понимал, какая опасность могла для него возникнуть в случае успешного наступления войск 54–й армии: полоса, разделявшая войска Невской оперативной группы и 54–й армии, составляла на направлении Мга — Синявино всего шестнадцать километров. Поэтому, выйдя к Шлиссельбургу, гитлеровцы приступили к укреплению этой полосы, к созданию здесь большой плотности артиллерийско — мино- метных средств.

16 октября противник, упредив наступление наших войск, начал наступать сам в направлении Грузино — Будогощь — Тихвин на участке нашей 4–й армии, занимавшей оборону по реке Волхов. Его целью являлось окружение Ленинграда вторым кольцом в глубине нашей обороны в районе Тихвина. 39–й моторизованный корпус врага должен был закрыть дорогу через Ладожское озеро, соединиться с финнами на реке Свирь, захватить Тихвин и, продвинувшись на Вологду, перерезать коммуникации Карельского фронта. Бои сразу же приняли самый ожесточенный характер. 20 октября началось наступление 54–й и

55–й армий и Невской оперативной группы с целью деблокирования. Сражение продолжалось до

24 октября. Артиллерия кораблей, береговых и железнодорожных батарей, авиации флота поддерживали войска. Тысячи стрельб провели наши артиллеристы, израсходовав более 20 тысяч снарядов крупных и средних калибров. Успеха нам это наступление не принесло. Войска Невской оперативной группы задачу деблокирования не решили, однако сковали противника тяжелыми боями и расширили свой плацдарм.

В служебном дневнике генерал — полковника Гальдера говорится, что наступательные действия советских войск заставили немецко- фашистское командование не только задержать под Ленинградом на десять дней силы, предназначавшиеся для переброски на московское направление, но и перебросить из группы армий «Центр», из Франции и Восточной Пруссии по воздуху и железной дороге парашютные части, три пехотные дивизии, десятки тысяч мин. Тем самым было облегчено положение войск Западного фронта в критические дни битвы за Москву.

Как известно, до 30 сентября 1941 года, когда началось первое наступление фашистских армий на Москву, Красная Армия сумела остановить противника под Смоленском 10 июля и длительное время удерживала в этом районе; на Лужском оборонительном рубеже противника удерживали войска Северного фронта при активном участии Балтийского флота; более двух месяцев силы противника были скованы нашими войсками в Эстонии, где упорные оборонительные бои вели и части флота.

К сожалению, о значении активной борьбы наших Вооруженных Сил в Прибалтике, о том, что верховное немецкое командование до 22 августа 1941 года упорно стремилось захватить прежде всего Прибалтику, Ленинград, уничтожить Балтийский флот, до сих пор в наших военно — исторических работах недостаточно рассказано. Между тем без всестороннего анализа и освещения событий в этом районе, без раскрытия тесной связи между боевыми действиями на западном и северо — западном направлениях нельзя понять причин провала плана «Барбаросса».

Я далек от мысли преувеличивать значение прибалтийского направления в 1941 году. Однако анализ планов и решений ставки противника, принимавшихся вплоть до конца августа 1941 года, свидетельствует о том, что боевые действия наших Вооруженных Сил на правом стратегическом фланге советско — германского фронта, где вместе с войсками действовали корабли,

авиация и части Балтийского флота, сыграли исключительно важную роль в наиболее трудный период Великой Отечественной войны — летом и осенью 1941 года.

Даже беглый обзор боевых действий в начальном периоде Великой Отечественной войны дает основание утверждать, что для срыва намерений противника важное значение имели совместные действия советских войск и сил Балтийского флота, его кораблей, авиации, береговых частей. Благодаря активности флота в течение кампании 1941 года вражеские надводные боевые корабли не смогли выпустить ни одного снаряда (не считая Моонзундских островов) в поддержку своим войскам на ленинградском направлении. В то же время наши корабли и береговая артиллерия с авгу ста по декабрь 1941 года только под Ленинградом выпустили более 70 тысяч снарядов по пехоте, танковым колоннам, батареям и узлам сопротивления противника. Авиация флота в течение этого периода выполнила только в интересах сухопутных войск более 20 тысяч боевых вылетов.

Так, рожденное в гражданской войне взаимодействие кораблей Красного Флота и частей Красной Армии достигло своего расцвета в годы Великой Отечественной войны. Этот богатейший опыт является важнейшей составной частью советского военного и военно- морского искусства. Этот опыт нужно изучать, его необходимо сделать достоянием нашей молодежи, которая несет ныне вахту на священных рубежах Советского государства.

# ГЛАВА 11. МОРСКОЙ БАСТИОН

Подвиг инженеров, строителей, воинов флота, создавших на Моонзундских островах мощную артиллерийскую оборону. Удары кораблей отряда В. П. Дрозда, самолетов полковника А. И. Крохалева, торпедных катеров В. П. Гуманенко, батареи А. М. Стебеля. Ключ к Риге в руках защитников Моонзунда. Балтийские летчики Е. Н. Преображенского наносят удары по Берлину.

Острова Моонзундского архипелага (Сарема, Хиума, Вормси и другие), расположенные к северу — западу от Рижского залива, имели важное значение для обороны западных морских рубежей нашей страны; они прикрывали дальние подступы к Риге, Таллину, Ленинграду. Огонь мощных орудий, установленных на Моонзундских островах и полуострове Ханко, надежно закрывал входы в Рижский и Финский заливы.

На протяжении многих веков острова архипелага привлекали внимание государств, расположенных на побережье Балтийского моря. По договору между Россией и Швецией, заключенному в 1721 году, архипелаг перешел к России. В первую мировую войну он превратился в операционную базу Балтийского флота. Базируясь на Моонзунд, корабли осуществляли удачные операции с целью затруднить совместные боевые действия сухопутных и морских сил Германии на Курляндском побережье. На островах была создана довольно мощная артиллерийская противодесантная и сухопутная оборона.

Моонзундские острова сыграли огромную роль в октябре 1917 года, помешав германскому флоту прорваться через Финский залив к Петрограду. Немецкое командование сосредоточило для прорыва свыше 320 кораблей и судов, в том числе 10 новейших линейных кораблей, 9 крейсеров, 6 подводных лодок, 30 тральщиков, 48 транспортов и около сотни самолетов. Русские гарнизоны на островах, корабли революционного Балтийского флота сорвали планы немецких империалистов, в ожесточенных боях отстояли морские подступы к городу революции.

В годы, предшествовавшие Великой Отечественной войне, Советское правительство, заботясь об укреплении границ первого в мире социалистического государства, достигло договоренности с правительством буржуазной Эстонии об аренде некоторых островов и портов для нужд Балтийского флота.

Глубокой осенью 1939 года командование Военно — Морского Флота обсудило систему обороны Краснознаменного Балтийского флота, разработанную группой командиров Главного штаба ВМФ под руководством вице — адмирала С. П. Ставицкого. Выступая при обсуждении, член Главного Военного совета ВМФ А. А. Жданов отметил, что в первую очередь следует создать артиллерийскую оборону на острове Оденсхольм (Осмуссар) для борьбы с легкими силами вероятного противника. Было сформировано командование береговой обороны Балтийского района под руководством генерала С. И. Кабанова и военкома бригадного комиссара П. Е. Дорофеева со штабом и политотделом в Палдиски.

Бесной 1940 года Народный комиссар ВМФ приказал выбрать места для установки батарей на Ханко, Осмуссаре, Сарема и Хиума и разработать план их сухопутной, противодесантной и противовоздушной обороны. Это сделала комиссия, в которую входили опытнейшие специалисты артиллерийского дела флагман 2 ранга И. И. Грен, комдив А. Б. Елисеев, комбриги И. В. Кокорев и

В. В. Крюков, военинженеры 2 ранга А. К. Дубинин и С. С. Лебедев и другие. В июле Главный Военный совет ВМФ рассмотрел и одобрил предложенную комиссией И. И. Грена систему обороны «а островах Моонзунда. Для ее создания правительство отпустило флоту на 1940—'1941 годы значительные денежные и материальные средства. Были созданы специальные строительно — монтажные организации, началась транспортировка и выгрузка на острове тяжелых деталей башенных и открытых батарей. В Кронштадте формировались боевые расчеты вновь строящихся батарей, которые «направлялись к местам строительства. Так как оборонительные работы выполнялись в условиях буржуазной страны, необходимо было сохранить в тайне характер этих уникальных по тому времени сооружений от разведок империалистических государств.

Для строительства открытых батарей был установлен срок шесть месяцев, долговременных крупнокалиберных — год. Дело осложнялось тем, что каждый клочок земли принадлежал своему хозяину. Помню, в одном месте на Сарема нужно было проложить дорогу, она шла через частный участок, с трудом строители договорились с местными властями. Мешали запоздалая весна, льды на подходах к островам Моонзундского архипелага. Первые инженерные батальоны начали прибывать на Сарема и Хиума только а апреле — мае 1940 года, а на Осмуссар и того позже. Однако, несмотря на трудности, руководители строительства

оборонных объектов А. И. Евстигнеев, А. Н. Кузьмин, А. Ф. Лабайдин и Я. З. Кронрод сумели организовать дело. Установленные правительством сроки были выдержаны. Монтаж средств управления, различных систем выполнялся бригадами ленинградских заводов. Комендант Моонзунда генерал — майор С. И. Кабанов был отличным организатором обороны и душой строительства на всех островах. Он показал себя дальновидным военным руководителем, настойчиво доказывал, что береговые батареи должны стрелять не только в море, но, если понадобится, и на сушу. На быстрейшее завершение строительства направлялась вся партийно — политическая работа, возглавляемая начальником политотдела батальонным комиссаром Л. Е. Копновым. Вопросы сооружения оборонных объектов регулярно обсуждались на партийных и комсомольских собраниях. Бригады строителей соревновались между собой, задания постоянно выполнялись на 150–200 процентов.

На полуострове Сырве земляные работы начались в мае 1940 года, на мысе Тагаранна — в августе, на мысе Тахкуна — в июле.

На Сарема строительство и монтаж батарей возглавляли военные инженеры Ф. Н. Усков, С. И. Могилев и В. И. Гордиенко. В их распоряжении находились два отдельных инженерных батальона, которыми командовали майор С. К. Воинов и капитан Ф. Н. Сараев. Участие в создании обороны принимали также 10–я отдельная саперная рота старшего лейтенанта Г. В. Кабака и саперный батальон капитана Евдокимова.

За девять месяцев батальон Ф. Н. Сараева соорудил и сдал оригинальную по конструкции 180–миллиметровую дальнобойную открытую батарею и две 130–миллиметровые обычные батареи. Батальон К. С. Воинова передал артиллеристам капитана А. М. Сте- беля 180–миллиметровую башенную дальнобойную защищенную броней 315–ю батарею. Непосредственные руководители работ начальник участка военинженер 3 ранга Ю. Г. Васильев, Г. А. Амха- ницкий, М. М. Богданов, Е. Д. Дорофеев обеспечили отличное качество строительства и монтажа. 8 июня 1941 года 315–я батарея была практически в строю, но до 12 июля она не стреляла, чтобы скрыть от врага свое местонахождение.

На Хиума строительство возглавляли военные инженеры Е. С. Соколов, Н. И. Патрикеев и В. И. Бондаренко. В северной части острова, неподалеку от маяка Тахкуна, монтировалась 180–миллиметровая бронебашенная батарея. Работы вел 36–й инженерный батальон майора Г. С. Дубовского (политрук А. С. Зудин), а затем и 33–й инженерный батальон. Выбор места батареи здесь задержался из-за сложных грунтовых условий,

только 10 июля 1940 года были утверждены ее координаты. И тем не менее через год саперы и артиллеристы доложили Военному совету флота, что батарея готова к боевой эксплуатации.

В первый месяц войны в Латвии и Эстонии было введено в строй

16 долговременных береговых батарей, из них три бронебашенных, кроме того, две позиции для крупных железнодорожных батарей. Такого количества объектов в один год не строили еще ни на одном флоте. Это был настоящий подвиг наших военных инженеров, командиров и красноармейцев, рабочих и инженеров ленинградских заводов. И столь же героически они сражались позднее в неравных боях с фашистами на Моонзундских островах и под Таллином.

Строители, краснофлотцы, старшины и командиры боевых расчетов батарей (всего около 40 тысяч человек) работали в три смены.

Ни сорокаградусный мороз, хотя люди жили в палатках, ни недостаток техники не могли задержать выполнения поставленной задачи. Можно удивляться, как удалось все это сделать. Заслуга в этом, прежде всего, командиров, политработников и партийных организаций, которые умело мобилизовали личный состав на ударный труд.

Осенью на острова прибыла специальная комиссия Наркомата ВМФ во главе с полковником В. К. Зайнчковским для рекогносцировки и привязки к местности долговременных и деревоземляных огневых точек. Выводы комиссии были утверждены Военным советом флота и переданы в Главный штаб ВМФ, но в декабре строительство сухопутной инженерной обороны передали военному округу. Лишь весной 1941 года на Сарема было организовано управление инженерными работами и начали прибывать части 3–й отдельной стрелковой бригады. Одновременно на Хиума прибыло два батальона из 16–й стрелковой дивизии. Работы по созданию опорных пунктов в глубине обоих островов начались; до начала боев успели сделать немало: сотни дотов, дзотов, оборонительные рубежи, отсечные позиции, проволочные заграждения, заминированные районы, аэродромы, пристани и другие военные сооружения.

Батареи на островах сооружались с таким расчетом, чтобы можно было вести оборону и своего сухопутного фронта. Но, к сожалению, мы плохо учитывали то обстоятельство, что все острова разделены между собой проливами; в сложных условиях немецко- фашистского наступления мы не могли перебрасывать немногочисленные сухопутные подразделения с одного острова на другой, особенно с Сарема на Хиума. Гарнизон каждого

острова бился в одиночку, и в этом была самая большая слабость обороны всего архипелага.

И еще одна беда — не было заблаговременно определено, кто отвечает за оборону островов, кто будет командовать силами, кому подчинить батареи, команды, строительные батальоны. На второй день войны мы получили от начальника Генерального штаба директиву: «Ответственность за сухопутную оборону острова Сарема возлагается на войска ПрибВО, острова Хиума — на войска ЛВО. Командуют обороной островов сухопутные командиры. Береговая оборона (артиллерия — В. Т.) — за командованием КБФ, которое ставит задачу. При отсутствии морских целей и наличии сухопутных целей береговая оборона выполняет заявки сухопутного командования». Фактическая ответственность за оборону островов Моонзунда Ставкой ВГК была возложена на Военный совет КБФ.

Я позвонил Народному комиссару ВМФ адмиралу Н. Г. Кузнецову:

— Для обороны Сарема нужен хотя бы батальон танков, а для Хиума — стрелковый полк и рота танков. Елиссеев не имеет никаких маневренных средств на случай высадки десантов с воздуха, каких маневренных средств на случай высадки вражеских десантов с воздуха.

230

Но в распоряжении Наркома общевойсковых резервов не было.

Какими же силами мы здесь располагали. Костяком всей сухопутной и противодесантной обороны Сарема и Муху была отдельная стрелковая бригада полковника П. М. Гаврилова (военком И. В. Кулаков) — около 6500 человек. Бригада участвовала в войне 1939/40 года, почти весь командный и даже рядовой состав имел боевой опыт. В ходе боевых действий в бригаду вливались подразделения военных моряков, личный состав частей береговой артиллерии, авиации. Подчинялась бригада командующему 8–й армией, а в гарнизонном отношении — коменданту береговой обороны. На Хиума находились два батальона 16–й стрелковой дивизии. Четыре инженерных батальона численностью около 5000 человек, по два на Сарема и Хиума, были переданы полностью в подчинение генералу А. Б. Елисееву.

Штаб и политотдел береговой обороны Балтийского оайона находились на Сарема в городе Курессаре (Кингисепп). Комендантом береговой обороны после убытия на учебу в академию в 1940 году генерала С. И. Кабанова был назначен генерал — майор А. Б. Елисеев, один из наших старейших

военных моряков, большой специалист в области использования береговой артиллерии, участник гражданской войны. В прошлом рядовой балтийский матрос — комен- дор и артиллерийский унтер — офицер, он служил до революции на крейсере «Россия» и линейном корабле «Слава», на батареях островов Моонзундского архипелага. Алексей Борисович до тонкости знал организацию и материальную часть береговой артиллерии, обладал широкими познаниями в вопросах ее использования. Военкомом береговой обороны был дивизионный комиссар Гавриил Федорович Зайцев, утвержденный в этой должности в июле 1941 года. Опытный политработник, имевший к тому же твердый, волевой характер, он сумел сработаться с Елисеевым, умело направлял деятельность политотдела района.

Добрым словом я всегда вспоминаю и начальника штаба района опытного артиллериста, грамотного, дисциплинированного командира Алексея Ивановича Охтинского. Это был требовательный к себе и подчиненным человек, хороший штабист, отлично знавший части береговой обороны, командный состав. По характеру Охтинский казался несколько суховатым. Он неоднократно просился в строй, хотел лично участвовать в боевых действиях.

Война застала гарнизон архипелага в полной боевой готовности (Елисеев имел на это заблаговременное приказание командующего флотом). Пока шли бои на территории Латвии и Эстонии, а в районе Моонзунда находились наши корабли, противник активных действий не предпринимал, ограничиваясь эпизодическими бомбардировками батарей и кораблей в районе Касарского плеса. Пользуясь этим, гарнизон, привлекая местное население (кроме Осмуссара, где населения не было), продолжал строить и монтировать батареи, долговременные и деревоземляные огневые точ ки. Доты и дзоты строили по всему побережью. Руководил работами начальник инженерной службы района полковник Сергей Сергеевич Навагин, скромный, знающий дело командир.

Откуда враг будет наступать на острова, никто из наших командиров не знал; могло быть так, как в первую мировую войну, когда немцы высадили крупный десант при поддержке почти всего флота в бухте Тага — Лахт[78]. В первую очередь нападения ждали с моря, с запада, поэтому и усилия сосредоточивали на создании возможно более стойкой противодесантной обороны на юго — западном и западном побережье Сарема, а также на западном и северном берегах Хиума.

На северо — западе Сарема стоял 46–й стрелковый полк

майора

А. С. Марголина; он занимал оборону на Тагаранне и прикрывал входы в бухты Кюдема — Лахт и Тага — Лахт. Южное и юго — восточное побережье острова — от Ромассаре до мыса Кюбоссар — оборонял 79–й стрелковый полк майора Ладеева.

Угроза вторжения возникла, однако, не с запада и юго — запада, а с юга и востока, то есть с материка, а на этих направлениях как раз и не было предусмотрено инженерных оборонительных сооружений. Кто мог знать, что через несколько дней после начала войны враг окажется у Лиепаи, а потом у Риги и Таллина!

В июле, когда противник подошел к Нарве, командующий 8–й армией решил подчинить непосредственно себе стрелковую бригаду, находившуюся на Сарема. Если учесть, что командарм и его штаб находились от Сарема за 600–700 километров, можно представить, к чему могло привести подобное переподчинение. Решением Военного совета флота от 10 июля все без исключения части, расположенные на Сарема и Хиума, включая надводные и подводные корабли и авиацию, были подчинены коменданту архипелага генералу Елисееву, о чем мы доложили командующему фронтом. Командующий генерал М. М. Попов согласился с нами.

Народный комиссар ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов приказал: «Сарема и Хиума оборонять при всех условиях обстановки на сухопутном фронте. План обороны в кратчайший срок представить на утверждение…» Приказ был передан генералам Кабанову и Елисееву (на Ханко и Сарема)[79].

Понимая обстановку, комендант обороны островов и его штаб приняли меры для создания более мощной обороны. Все было пущено в ход: проволока с огородов, непригодные к использованию авиабомбы, учебные пулеметы. Помощник коменданта по материально — техническому обеспечению майор И. Г. Фролов сумел обеспечить гарнизон продовольствием и топливом.

К 1 августа на островах Сарема, Хиума и Осмуссар закончили строительство и монтаж всех батарей. Для предотвращения возможного вторжения противника со стороны Эстонии были установлены дополнительно батареи на мысах Паммана, Кейгуста, островах Абрука и Муху, в бухте Репику, кроме того, поставили шесть полевых батарей на южном побережье Сарема, на Муху и в бухте Лыу.

С артиллерией теперь было, можно сказать, все более или менее в порядке, но не хватало сухопутных сил, не было танков. Слабыми оставались зенитная оборона и истребительное

прикрытие островов. Недоставало вооружения для строительных и инженерных частей, оставшихся на островах. Плотность войск в обороне была низкой — один стрелковый полк занимал оборону на фронте до 120 километров. Гарнизон самого крупного острова Сарема насчитывал всего лишь 18 с лишним тысяч человек.

Настроение, однако, в частях и подразделениях островов было бодрым, защитники заявляли о своей решимости до конца сражаться за родную землю. Каждый понимал, что бои с врагом на Моонзундских островах отвлекут силы противника от Ленинграда. В обращении к Главному политическому управлению ВМФ командование гарнизона островов писало: «Весь личный состав полон решимости сражаться за каждую пядь земли, не щадя своих сил и жизни. Можете смело заявить Центральному Комитету Коммунистической партии, что мы будем по — большевистски драться и оправдаем долг перед Родиной». Многие воины просились на материк для участия в боях в составе сухопутных войск. Командирам и политработникам приходилось разъяснять важность обороны островов Моонзунда, занимавших выгодное военно — стратегическое положение.

Немецко — фашистское командование готовилось к захвату островов архипелага задолго до начала войны. Мельцер, в прошлом офицер сухопутных войск, участник захвата островов, в своей книге «Борьба за Моонзундские острова» пишет: «В директиве от 31 января 1941 года о стратегическом развертывании для осуществления восточной кампании (план «Барбаросса») говорилось: «18–я армия… проводит все необходимые подготовительные мероприятия к занятию Моонзундских островов таким образом, чтобы обеспечить возможность внезапного осуществления этой операции… Подготовка к взятию Моонзундских островов была начата в штабе группы армий «Север» заблаговременно. Составлялись планы операции, и они, естественно, предусматривали возможное участие флота»[80].

А вот свидетельство еще одного немецкого историка Ю. Майсте- ра: «Командование армией первоначально предполагало план захвата балтийских островов осуществить внезапным вторжением с моря сразу же с открытием военных действий. Учитывая силу советского флота, германский флот этот план отверг»[81]. Немецкие адмиралы еще помнили о героизме и мужестве революционного гарнизона, дравшегося на островах в 1917 году, что стоило немалых потерь германскому флоту. Видимо, поэтому он и теперь не был использован до тех пор, пока Краснознаменный Балтийский флот в силу создавшейся обстановки не отошел в Кронштадт.

Со второго дня войны противник начал наносить по островам удары авиацией — главным образом по аэродромам и крупным батареям. На Сарема трудно, а порой и невозможно было отражать атаки вражеских самолетов на аэродром Кагул, пристань Триигги, батареи на полуострове Сырве. Зенитные средства, особенно автоматические и крупнокалиберные, на острове практически отсутствовали.

После захвата противником Виртсу создалась непосредственная угроза вторжения на острова[82]. Наиболее вероятным местом высадки десанта стал остров Муху. Командование гарнизона приняло решение возвести на этом острове инженерные укрепления. На предполагаемых путях наступления противника с материка вокруг батарей начали создаваться рубежи обороны. К работам привлекались инженерные батальоны, ранее занимавшиеся строительством батарей, местное население, части стрелковой бригады. Саперный батальон стрелковой бригады и отдельная саперная рота лейтенанта Г. В. Кабака заминировали мосты на дамбе.

Первой открыла огонь по противнику 43–я батарея лейтенанта

В. Г. Букоткина.

Выход противника к Виртсу никак не входил в наши расчеты. Войск для обороны здесь не было, пришлось флоту принимать экстренные меры. В донесении начальнику штаба Северо — Западного направления генералу М. В. Захарову мы писали: «В районе Виртсу— Лихула противник сосредоточивает силы. Состав не установлен. В деревнях Уэкюля, Раусте, севернее Виртсу в 8—10 километрах находятся батареи, противодействующие проходу наших кораблей в Рижский залив. Сухопутных частей на этом направлении нет. Предполагаю дальнейшее продвижение противника на Хапсалу. Прошу приказать командующему 8–й армией выслать разведывательный батальон на это направление. Поддержу авиацией и надводными кораблями».

Коменданту островов генералу А. Б. Елисееву и командиру отряда легких сил контр — адмиралу В. П. Дрозду было приказано высадить десант, поддержав его артиллерией с берега и с кораблей, а также авиацией, выбить противника с Виртсу и удерживать этот важный плацдарм. А. Б. Елисеев и В. П. Дрозд четко и быстро выполнили приказ. На рассвете 18 июля около трехсот десантников под командованием полковника Н. Ф. Ключникова (начальник штаба техник — интендант 1 ранга А. М. Ершов) приступили к выполнению боевой задачи. Высадке десанта предшествовала разведка. Посы лали через пролив на материк также эстонских коммунистов и комсомольцев,

помогавших нашим разведчикам. После небольшой артиллерийской подготовки, которую провели эскадренные миноносцы и батарея Букоткина, десант, прикрываемый истребителями с Сарема, высадился и начал продвигаться к дамбе, соединяющей материк с Виртсу. Здесь фашисты оказали сильное сопротивление, но десантники и бойцы истребительного отряда, подоспевшего из района Лихула, разбили врага и отбросили его на. полсотни километров к Пярну.

В этой операции проявился военный талант заместителя командира 3–й стрелковой бригады, участника гражданской войны, полковника Николая Федоровича Ключникова. Бесстрашный, находчивый боевой командир, он затем умело организовал бой за остров Муху, решительно действовал в боях на полуострове Сырве. Одновременно с десантом в Виртсу в Рохукюла были высажены батальон 156–го стрелкового полка 16–й дивизии, которым командовал майор А. Б. Столяров, и батарея старшего лейтенанта П. А. Хопшоносова. При поддержке авиации с Сарема они начали наступать в направлении Поливере — Ристи и вскоре заняли плацдарм для обороны в районе Хапсалу — Рохукюла.

В результате разгрома в Виртсу противник почти два месяца не предпринимал здесь активных действий. И лишь после того, как наши боевые корабли покинули рейд Куйвастэ и ушли в Таллин, враг начал снова готовиться к захвату островов.

Рассказ о Моонзунде будет неполным, если обойти молчанием действия находившихся в этом районе наших кораблей и авиации. Их судьба в летние и осенние месяцы 1941 года была тесно связана с судьбой островов.

Корабли пришли сюда из Усть — Двинска после того, как наши войска оставили Ригу. Условия базирования в Моонзунде, в Куйвастэ оказались значительно хуже, чем в Усть — Двинске; мы не имели здесь минных запасов, наземных складов, топлива, мастерских даже для элементарного ремонта кораблей и катеров. Рейды, где базировались эсминцы и катера, были открытыми, не защищенными ни с моря, ни с воздуха. Потребовалось и соответствующее навигационное оборудование района базирования боевых кораблей и многочисленных вспомогательных судов, снабжавших гарнизон. Эта обязанность возлагалась на гидрографов И. Чишко и М. Махонина.

Корабли, торпедные катера приходилось снабжать из Таллина или же, используя автотранспорт, подавать все необходимое для них на пристани Виртсу и Рохукюла, а оттуда доставлять в Куйвастэ. Это еще более осложняло пребывание кораблей в Моонзунде.

Оперативные возможности использования наших сил в Рижском заливе сильно сократились. Левый фланг минной позиции, поставленной нами в Ирбенском проливе, теперь упирался в берег, занятый противником. Вдоль южного берега противник срочно поста вил береговые батареи. Лишились мы и морского аэродрома на озере Киш, под Ригой, где базировались самолеты — разведчики. Непрерывно самолеты врага вели разведку наших кораблей в заливе, по их сигналу сразу же вылетали бомбардировщики. Чтобы избежать потерь, миноносцы и сторожевые корабли находились в постоянной готовности к передвижению. Маневрировать приходилось полными ходами по малым глубинам. А авиация врага атаковывала по 12–14 раз в сутки группами от 4 до 20 бомбардировщиков.

Нуждалась в совершенствовании организация управления нашими силами в Рижском заливе. Здесь было три самостоятельных оперативных начальника: командир сформированной накануне войны Прибалтийской военно — морской базы П. А. Трайнин, комендант острова А. Б. Елисеев и командир отряда легких сил В. П. Дрозд. Ни одному из них не подчинялась авиация, базирующаяся на прибрежных аэродромах. Обсуждая на Военном совете различные варианты организации единого командования, мы приняли решение возложить ответственность за оборону островов и Рижского залива на контр — адмирала П. А. Трайнина. Ему были подчинены гарнизоны островов, соединение охраны водного района, дивизион торпедных катеров капитана 3 ранга А. Н. Богданова (военком Д. М. Грибанов) и оперативно — авиация острова Сарема. Отряд легких сил должен был проводить операции в Рижском заливе только по его указаниям. Подводные лодки, участвовавшие в обороне островов и подходов к Рижскому заливу, подчинялись командиру своего соединения, но все приказания, поступавшие к ним, командир соединения в копии сообщал Трайнину.

Новая организация была, однако, вскоре нарушена. Обстановка на сухопутном фронте изменилась к худшему, противник подходил к Марьямаа. В этих условиях П. А. Трайнин отдал приказ (на мой взгляд, несколько поспешно) об эвакуации Рохукюла и вывозе всего ценного на Сарема в бухту Трииги. Мы тут же упразднили Прибалтийскую военно — морскую базу, возложив командование всеми кораблями и торпедными катерами на контр — адмирала

В. П. Дрозда, войсками и береговой артиллерией островов — на генерала А. Б. Елисеева, бомбардировочной авиацией — на генерала М. И. Самохина. Все они были подчинены командующему флотом.

Военные действия на море в это время носили острый характер. Перед нашим флотом главной задачей стало систематическое нарушение коммуникаций противника, лишение его возможности проводить и разгружать конвой в Риге. Группа армий «Север», наступавшая на Ленинград, к концу июля 1941 года начала испытывать трудности в снабжении, и ей нужна была Рига как порт. Единственный путь, проходивший через Ирбенский пролив, находился под огнем нашей батареи, установленной на южном берегу Сарема, к тому же он был перекрыт минными заграждениями, поставленными в течение первой недели войны нашим отрядом лег ких сил[83]. Сильное противодействие попыткам врага пройти к Риге оказывали также эскадренные миноносцы и торпедные катера, базировавшиеся на рейд Куйвастэ и пристань Мынту и поддерживаемые флотской авиацией.

Стремясь преодолеть сопротивление, противник перебазировал в Лиепаю и Вентспилс значительные силы ударной и истребительной авиации, на побережье Рижского залива в Латвии установил несколько батарей, под прикрытием которых могли выходить его корабли и суда.

Мы ответили на это усилением минных заграждений. Выполнявшие минирование эсминцы, сторожевые корабли и тральщики работали ночью, часто под ударами вражеской авиации и торпедных катеров. В августе в Ирбенском проливе и Рижском заливе было поставлено 17 линий минных заграждений — 1318 мин и 40 минных защитников.

Успешное выполнение плана минных постановок, а также использование всех родов сил флота позволило нам с первых дней войны надежно контролировать вход в Ирбенский пролив. Это сказалось и на положении защитников архипелага: противник в этот период не делал даже попыток высадить десант на острова.

Пользуясь тем, что южный берег находится в его руках, противник, протралив небольшой ширины фарватер, попытался 5 июля провести в Усть — Двинск плавбазу для тральщиков, имея в виду очистить потом от мин Рижский залив. Наши истребители и бомбардировщики нанесли удар по аэродрому и кораблям врага в Вентспилсе. По полученным позднее данным, серьезные повреждения получили два минных прорывателя, предназначенных для траления мин в Рижском заливе, и несколько тральщиков. Плавучая база «Модерн-2» в сопровождении тральщиков все же вышла из Вентспилса в Усть — Двинск.

В Моонзунде в это время к выходу в море готовился отряд наших кораблей. Эскадренный миноносец «Сильный» (командир

капитан

3 ранга А. Е. Комаров) вместе с двумя другими кораблями принял мины на рейде Рохукюла, имея задачу выйти в море для минной постановки. Эскадренный миноносец «Сердитый» (командир капитан — лейтенант А. Г. Письменный) должен был осуществлять их прикрытие.

Утром 6 июля отряд снялся с якоря. Командир отряда капитан

1 ранга Б. В. Хорошхин находился почему-то на сторожевом корабле «Туча», где условия для управления были наихудшими, указания на случай встречи с врагом были недостаточно хорошо продуманы, приказания на переходе не отличались четкостью.

После полудня командир «Сердитого» А. Г. Письменный сообщил командиру отряда, что видит транспорт противника в охранении двух малых кораблей, а позже поправился, что видит эсминец противника. В 13 часов плавбаза противника (это, оказалось, была плавбаза, а не эсминец) открыла огонь по «Сердитому» с дистанции 112 кабельтовых. «Сердитый» также открыл огонь двумя носовыми орудиями с дистанции 103 кабельтовых. Вместо того чтобы, связывая боем корабли врага, дать возможность своим кораблям освободиться от опасного груза, а затем общими усилиями уничтожить противника, командир дивизиона капитан 2 ранга Г. С. Абашвили приказал загруженному минами «Сильному» подтянуться к «Сердитому» и тоже вступить в бой. «Сильный» открыл огонь, сбивая уже пристрелянные залпы «Сердитого». На кораблях противника был замечен пожар, они поставили дымовую завесу. «Сердитый», увеличивая курсовой угол, ввел в действие остальные орудия. Спустя несколько минут, «Сильный» получил попадание в корму. От взрыва загорелась бочка со смесью для дымовой аппаратуры и одна из находившихся на палубе мин. Катастрофа казалась неминуемой. К мине бросились раненый старший краснофлотец И. П. Уложенко, старшина 2–й статьи В. В. Карпов и старший краснофлотец В. С. Александров. Общими усилиями во главе с лейтенантом И. Я. Горовым они столкнули мину за борт. Корабль был спасен. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 июля 1941 года герои были награждены орденами Советского Союза.

Неделю спустя после этого боя, 12 июля, в свое первое сражение с врагом вступила батарея капитана А. М. Стебеля, открыв огонь по вражескому конвою на подходах к Ирбенскому проливу. Очень скоро она накрыла вражеские корабли и транспорты. Более 150 мощных снарядов было выпущено по противнику; с батареи видели пожары, некоторые суда получили

значительные повреждения. С этого дня батарея постоянно находилась в полной боевой готовности, закрывая вход в Рижский залив. Противник ничего не жалел, чтобы уничтожить ее — совершал массированные налеты, делал попытки расстрелять с моря, но безуспешно. Дальнобойность 180–миллиметровых орудий значительно превосходила дальность стрельбы любых кораблей противника, они не могли подойти к ней на достаточно близкое расстояние. Неуязвима батарея была и с воздуха. Ее прекрасно защищали броня и бетон, толстый слой земли. По приказанию генерала А. Б. Елисеева рядом с батареей была создана ложная огневая позиция, на которую фашисты сбросили не одну сотню бомб.

Один из лучших артиллеристов береговой обороны капитан

А. М. Стебель умело руководил боевым расчетом; расчет действовал исключительно самоотверженно. Стойкость и мужество показывали коммунисты, которых было на батарее свыше тридцати человек. Амельченко, Шаповалов, Боронец, Афанасьев, Астафьев, секретарь парторганизации Пушкин, другие члены партии цементировали и сплачивали коллектив, воспитывали личный состав в духе ненависти к врагу, в духе безграничной любви к Родине и Коммунистической партии, словом и делом увлекали комендоров на героические подвиги.

Донесение о конвое противника было получено в штабе флота около 18 часов. Вражеские суда, потрепанные батареей Стебеля, прошли уже Ирбенский пролив и находились на траверзе мыса Колгасрагс. Эскадренные миноносцы «Стойкий» и «Грозящий» получили приказ выйти в море, найти и уничтожить корабли противника. Но еще до того как их настигли эсминцы, задержавшиеся с выходом из-за отсутствия топлива, конвой обнаружила на рассвете 13 июля группа торпедных катеров под командованием

В. П. Гуманенко. Они атаковали концевые суда конвоя, смело ворвались внутрь боевого порядка, нанося удары торпедами и пушечно — пулеметным огнем. Возвратились без потерь. Вслед за ними мощные удары по конвою нанесла и авиация. Эскадренные миноносцы нагнали конвой у входного буя в Ригу, когда уже ничего нельзя было сделать.

Мне хочется более полно рассказать об участии в бою наших ка- терников — торпедистов. Один из них, капитан 2 ранга В. И. Белугин, вспоминает: «В 23 часа торпедные катера № 73 лейтенанта М. Г. Чебыкина, № 17 лейтенанта И. С. Иванова, № 64 главного старшины А. И. Афанасьева, № 93 под моим командованием вышли из бухты Мынту для нанесения торпедного удара. В. П. Гуманенко находился на головном катере

№ 73. Отряд шел строем кильватера. До боли в глазах всматривались в горизонт… Наконец наступил рассвет. Почти сразу катера обнаружили на горизонте дымы. Стали видны очертания судов, идущих в кильватерных колоннах при сильном охранении боевых кораблей.

Четыре торпедных катера ринулись в атаку. Вперед и только вперед! Катера настигают конвой. Фашисты видят стремительно приближающиеся буруны и, не предполагая атаки, дают опознавательные: они принимают наши катера за свои! Не отвечая, мы идем на сближение с конвоем. По сигналу командира отряда катера № 17 и № 64 вышли из общего строя и начали атаку со стороны берега. № 73 и № 93 врезались в середину колонны. Противник открыл ураганный огонь, снаряды рвутся со всех сторон. Но строй вражеских кораблей нарушился. Катер лейтенанта Чебыкина атакует большой транспорт, мой катер выпустил одну торпеду по самоходной барже с танками, вторую — по транспорту. Там, обезумев, мечутся фашисты. Катерные боцманы И. Малинов и В. Огромное ведут прицельный огонь почти в упор из пулеметов ДШК. Сквозь грохот боя ветер доносит приглушенные вопли врага…

Торпедный катер лейтенанта Чебыкина в бою получил много пробоин. Поврежден двигатель. Тяжело ранен моторист старшина

Горбунов. Командир отряда приказывает Афанасьеву и мне оказать помощь катеру Чебыкина — охранять его. Атака закончена, катера ложатся на курс отхода в базу. Несколько кораблей и транспортов противника получили тяжелые повреждения, некоторые пошли на дно».

Впервые в истории военно — морского флота торпедные катера самостоятельно, без поддержки и наведения, в условиях хорошей видимости атаковали врага, во много раз превосходящего по силам, и нанесли ему значительный урон. Для этого надо было обладать особыми качествами, и наши катерники доказали, что обладают ими. Противник недосчитался нескольких судов и кораблей, у нас же потерь не было.

Оценивая действия наших сил в этих боях, Ю. Майстер писал: «Противодействие авиации, береговой артиллерии, легких сил было столь сильным, что пришлось отказаться на ближайшее время от проведения конвоев»[84]. Майстер отмечает, что в этом бою было повреждено около 25 судов и катеров и один десантный корабль потоплен.

Однако полностью разгромить конвой не удалось. Народный комиссар ВМФ и главком Северо — Западного направления обратили «а это наше внимание, отметили недостатки в организации боевой работы моряков, решительно потребовали

улучшить воздушную разведку.

Одновременно нам было предложено заградить минами устье реки Западная Двина. Минно — торпедная авиация выставила первые мины, а позднее, вечером 17 июля, в залив вышли сторожевые корабли «Туча» и «Снег» под командованием командира дивизио- на капитан — лейтенанта В. Н. Филиппова, имевшие на борту по 30 мин. Их обеспечивали эскадренные миноносцы «Сердитый» и «Грозящий».

Поход оказался неудачным. При подходе к району постановки подорвался на мине сторожевой корабль «Туча». Часть экипажа, находившаяся на корме, взрывом была выброшена за борт. Помощник командира старший лейтенант Кудряшов, руководивший работами по приготовлению мин к постановке, был ранен. Кормовая часть «Тучи» деформировалась, вода поступала в румпельное отделение, корабль потерял ход. Командир одной из боевых частей лейтенант В. В. Цветков, будучи контуженным, поспешил извлечь запальные устройства из поврежденных мин, чтобы предотвратить их взрыв. Ему помогали моряки. Сторожевой корабль «Снег» взял «Тучу» на буксир.

Но и на этом испытания не кончились. При следовании в Моонзунд наши корабли в течение 16 часов подвергались непрерывным атакам вражеских бомбардировщиков. Мужество и стойкость моряков, встречавших врага плотным заградительным орудийным и пулеметным огнем, не позволила ему добиться цели. Сторожевой корабль «Туча» был приведен в Рохукюла, а затем через Таллин в Кронштадт на ремонт. В дальнейшем он активно чествовал в боевых действиях.

На заседании Военного совета флота мы тщательно проанализировали эти случаи. Руководители, командиры штаба и соединений должны были задуматься: для разгрома конвоя противника задействовали такие силы, а результат получен минимальный. Почему не уничтожили конвой полностью? Военный совет указал штабу флота и командующему авиацией на плохую организацию разведки, потребовал: противника искать, установив его точные координаты, самолету — разведчику висеть над целью до прибытия ударных групп авиации. Для ведения разведки в южной, средней и северной частях моря были выделены две авиаэскадрильи боевых самолетов ДБ-3 и СБ. Командирам авиационных частей полковникам Н. К. Логинову и Н. Т. Петрухину поручено лично руководить ими. В последующем нам удавалось наносить более результативные удары.

Вновь на Военном совете рассмотрели вопрос о едином командовании в Рижском заливе и Моонзунде. Мы приняли решение об объединении всех сил в руках коменданта береговой

обороны Балтийского района генерала А. Б. Елисеева; подчинили ему авиацию, базирующуюся на Сарема; оперативно ему подчинялись также надводные и подводные силы, базировавшиеся в Моонзунде. Штаб района усилили за счет командиров расформированной Прибалтийской военно — морской базы.

Кораблям контр — адмирала В. П. Дрозда, находящимся в Моонзунде, ставилась задача — проводить эпизодическую разведку Рижского залива (до Ирбена) и совместными усилиями авиации, торпедных катеров и береговой артиллерии уничтожать корабли и суда врага. В случае попыток высадки десанта на острова они должны отразить ее. Генералу А. Б. Елисееву предоставлялось право по докладу В. П. Дрозда принимать решения об отправке на восток кораблей, нуждающихся в ремонте. Коменданту еще раз напомнили на Военном совете, что главная его задача — организовать оборону островов, а также заниматься боевым тралением в море, встречей и выводом подводных лодок. В помощь генералу Елисееву направили опытного моряка капитана 1 ранга М. С. «левенского. Начальником тыла был назначен капитан 1 ранга М. А. Нефедов.

Возвращаясь к тем июльским дням, я не перестаю удивляться, как мы смогли оборонять фронт побережья, исчисляемый сотнями километров, оборонять, в сущности, одной стрелковой бригадой да двумя батальонами, не имея никаких маневренных средств— ни танков, ни самоходных артиллерийских установок. Но тогда ни у меня, ни у других членов Военного совета не было мысли, чтобы оставить острова. Н. Г. Кузнецов в одной из своих книг пишет, что ему предлагали в начале войны снять гарнизон с островов. Это — ошибка. Такой разговор был, но уже в августе, когда враг стоял под Ленинградом и не оставалось сомнений относитель но судьбы Таллина. К середине августа противник еще не предпринимал решающего наступления на Таллин, и наши войска с Сарема и Хиума могли беспрепятственно высадиться в Виртсу и Рохукюла, чтобы потом 130–140 километров преодолеть пешим порядком за три — четыре дня. Возможно, что даже с их помощью организовать контрудар из Таллина не удалось бы, условия могли сложиться по — разному, но, несомненно, влившись в состав 10–го стрелкового корпуса, они оказали бы ему мощную поддержку, перемололи бы не одну дивизию противника. По — моему, эффект от использования двадцати с лишним тысяч хорошо обученных, свежих бойцов под Таллином был бы значительно выше, нежели в боях за острова.

Однако вернусь к боевым делам эскадренных миноносцев и авиации в Рижском заливе.

Утром 18 июля в штаб флота поступило донесение разведки о том, что в Рижском заливе обнаружен вражеский конвой. Я приказал Самохину и Дрозду уточнить место его нахождения, состав, курс, скорость и нанести по нему совместный удар.

В результате стремительных атак наших бомбардировщиков, торпедных катеров и эскадренного миноносца «Стерегущий» несколько транспортов получили повреждения, было уничтожено четыре вражеских истребителя. С нашей стороны потери были невелики: авиация противника уничтожила один торпедный катер, его экипаж мы подобрали.

После возвращения «Стерегущего» на рейд Куйвастэ контр — адмирал В. П. Дрозд позвонил мне в Таллин и доложил: «Стерегущий» только в конце дня настиг хвост колонны противника, причиной тому противоречивые разведывательные данные, неясные, запоздалые. Необходима надежная разведка, способная быстро давать данные и наводить силы для удара».

Да, разведка пока что оставалась узким местом. Я приказал группе командиров во главе с начальником штаба контр — адмиралом Ю. А. Пантелеевым срочно выехать на Сарема к Елисееву, чтобы на месте разобраться, как организованы воздушная разведка и наблюдение за обнаруженными на подходах к Ирбену кораблями и судами противника. Ю. А. Пантелееву поручалось также разобраться с материальным обеспечением гарнизона. Виртсу к этому времени освободили от фашистов, и начальник штаба смог машиной проехать до Рохукюла, а оттуда на морском охотнике добрался до Куйвастэ. Прибыв в Курессаре на командный пункт генерала Елисеева, он занялся порученным делом. Под его руководством были разработаны маршруты авиационной разведки, организована радиосвязь для передачи донесений в штаб Елисеева, на командный пункт Дрозда и одновременно в штаб флота, чтобы мы могли использовать нашу бомбардировочную авиацию. Адмирал выслушал просьбы коменданта архипелага, касающиеся доставок на острова оружия, боеприпасов и топлива, чтобы доложить о них в Таллине. Просьбы генерала Елисеева об улучшении снабжения были приняты во внимание; все, что могли, мы сделали для островов.

Перевозками всего необходимого на острова занималось несколько судов. Особо следует отметить два из них. Первое — небольшой портовый буксир «Эзро» во главе с капитаном Альфонсом Янсоном, который неоднократно под ударами авиации врага доставлял на Сарема и Хиума из Хапсалу продовольствие и боеприпасы, а иногда выполнял и роль дозорного корабля. Второй — пароход «Колпаке». Он с первых

дней войны неоднократно ходил из Таллина на Сарема и Хиума, доставляя боеприпасы, продовольствие, пополнение гарнизонам, а обратным рейсом вывозил раненых. Отличное знание района и условий плавания капитаном Эрнстом Вейнбергсом позволило благополучно уходить от вражеских бомб и торпед.

Наше вмешательство также улучшило организацию последующих совместных ударов по кораблям и судам противника.

Чтобы снизить активность авиации противника, атаковавшей корабли и батареи Моонзунда, мы решили, используя данные разведки, нанести удар по его аэродрому в районе Вентспилса. В последней декаде июля сюда вылетели наши истребители «чайка» с подвешенными реактивными снарядами. Командовали храбрые балтийские летчики Ехин, Крайнов и Смирнов. Подойдя с моря к аэродрому, летчики нанесли внезапный удар по вражеским самолетам. Из района Лиепаи вдруг появились истребители противника. Связав их боем, наши истребители дали возможность бомбардировщикам завершить удар. Уничтожено и повреждено было много вражеских самолетов и аэродромных сооружений. Несколько позже по этому аэродрому был нанесен еще один, столь же мощный, удар самолетами Ил-2 под прикрытием истребителей с острова Сарема.

Нелегко приходилось в те дни летчикам, техникам, вооруженцам

15–й и прибывшей с Ханко на усиление 81–й отдельным разведывательным авиационным эскадрильям капитанов А. Г. Грищенкова и В. Н. Каштанкина, базировавшимся на Сарема. Нелегко потому, что задачи по разведке приходилось выполнять на самолетах, скорость и вооружение которых значительно уступали вражеским. А разведку приходилось вести на всем военном театре. Особенно трудно было в южной части моря, у военно — морских баз врага. К тому же противник не оставлял попыток уничтожить наш морской аэродром на Сарема, хотя и тщетно. Летчики, штурманы, стрелки — радисты, техники отважно дрались с фашистами и в воздухе, и на земле, проявляя лучшие качества наших авиаторов — спаянность, взаимную выручку, самоотверженность. Командир самолета МБР-2 старший лейтенант Куликов, возвращаясь с боевого задания с напарником, был атакован врагом. Самолет напарника сбили, и он упал в море. Куликову удалось оторваться от преследователей, затем он вернулся к месту падения товарища, посадил самолет на воду и подобрал двух человек. При подходе к своему аэродрому самолет Куликова снова атаковали истребители противника. В неравном бою он был сбит. Двое из экипажа спаслись, сам же Куликов

геройски погиб.

Много летали экипажи А. П. Агеенко, В. С. Дубасова, Рожанского. Командир эскадрильи капитан Каштанкин являлся примером постоянного стремления летать и побеждать. Это стремление он прививал всем летчикам.

Тем временем противник продолжал охотиться за нашими кораблями. Миноносцы и торпедные катера подвергались одиночным и групповым атакам фашистских самолетов. Бомбежки не прекращались ни днем, ни ночью. Особенно ожесточенными они были на выходе с рейда Куйвастэ в Рижский залив.

Мне часто удавалось приезжать в те дни из Таллина в Рохукюла; хотелось знать, какое настроение у наших людей в Моонзунде. Должен сказать, что они не теряли бодрости духа, как бы туго им не приходилось. Несмотря на трудности, отряд В. П. Дрозда (иногда его заменяли капитаны 2 ранга И. Г. Святов или С. Д. Солоухин) делал свое дело, и противник, хотя и имел превосходство, не показывался в Рижском заливе. Тут играл немалую роль опыт командира отряда. Валентин Петрович уже испытал на себе удары фашистской авиации в 1936–1937 годах, находясь в Испании, и хладнокровно относился к ней, а кроме того, он умел передать свою уверенность, настроение командирам кораблей.

Валентин Петрович рассказывал мне, что на первых порах, пока не была выработана тактика уклонения от пикирующих бомбардировщиков противника, отряд нес некоторые потери: часть кораблей страдала от осколков многочисленных бомб, повреждения получили эскадренные миноносцы «Энгельс» и «Суровый». Однако со временем командиры научились уходить от воздушных атак. Так, 17 июля эсминец «Сердитый» двенадцать раз подвергался атакам вражеских самолетов, на него было сброшено свыше 100 бомб, и все — с нулевым результатом. Отлично показал себя в этом бою командир миноносца капитан — лейтенант А. Г. Письменный, командир электромеханической боевой части старший инже- нер — лейтенант Голобородько.

— Больше неприятностей и потерь, — говорил Валентин Петрович, — приносят магнитные мины, широко применяемые врагом в узком маневренном пространстве, каким является рейд у Куйвастэ. Чтобы мины стояли на самых уязвимых местах — в узком проливе Хари Курк, у острова Хари Лайд, на рейде Рохукюла, в бухте Трии- ги, в проливе Виире Курк, — противник ставит их днем.

18 августа на магнитных минах подорвался и затонул миноносец «Статный». С его командиром капитаном 3 ранга

Н. Н. Алексеевым я служил на «Якове Свердлове», он был тогда старшим помощником. Я прибыл на место подрыва через полтора часа, корабль еще горел, лежа на рейде левым бортом. Было обидно, что у нас нет магнитных тральщиков, которые могли бы тралить районы стоянок кораблей, нет специальных тралов для борьбы с магнит ными минами. Размагничивание же кораблей в это время начали осуществлять лишь на Черном море.

Спустя несколько дней после случая с миноносцем, мы получили данные разведки о подходе вражеского конвоя к Ирбену. Эскадренные миноносцы «Суровый» и «Артем» (командиры капитан

2 ранга В. Ф. Андреев и капитан 3 ранга А. В. Сей, управляющие огнем старшие лейтенанты Мешков и Атаманюк) под общим командованием капитана 2 ранга С. Д. Солоухина вышли с рейда и у мыса Мерсрагс обнаружили группу транспортов. Сблизившись на дистанцию, выгодную для артстрельбы, они вместе с торпедными катерами атаковали врага. Корабли охранения и транспорты открыли ответный огонь. Через несколько минут на двух транспортах возник пожар. Появились вражеские бомбардировщики.

Одну группу самолетов сменяла другая. Прикрываться было нечем, зенитные средства были малоэффективны. Оставалось выйти из боя и на зигзагах отходить, что и сделал командир отряда. К счастью, воздушные атаки оказались безуспешными, миноносцы вернулись на рейд Куйвастэ.

Если судить по документам, содержание которых стало нам известно после войны, о сопротивлении наших сил прорыву вражеских транспортов в Ригу знало высшее немецко — фашистское командование. 19 июля 1941 года Гитлер в своей директиве № 33 писал командующему группой армий «Север»: «Желательно как можно быстрее овладеть островами на Балтийском море, которые могут явиться опорными пунктами советского флота»[85]. В дневнике фашистского генерала Гальдера 22 июля записано: «Русские… активизировались. Их малые военные корабли контролируют Рижский залив. Нам не удается в достаточной степени усилить свои минные заграждения. Порт Рига прикрывается незначительными силами нашего флота, однако использовать его в качестве постоянной военно — морской базы пока еще невозможно. Авиация противника совершает воздушные налеты на порт Виндаву. В связи с этим военно — морскими базами для наших кораблей на Балтийском море могут служить пока лишь Мемель и Либава»[86]. Майстер в своей книге пишет: «Германские и финские подводные лодки в течение 1941 года действовали неэнергично, в результате чего

были достигнуты весьма скромные результаты… В Финском заливе не использовались современные по тому времени германские торпедные катера и положение с ними обстояло так же, как и с подводными лодками»[87].

Как это ни парадоксально, но основные надводные силы вражеского флота даже в такой обстановке продолжали отстаиваться в своих базах, не выходили в море, опасаясь быть уничтоженными нашими подводниками и минно — торпедной авиацией. А ведь гитлеровские войска очень нуждались в помощи флота, прежде всего в обеспечении морских коммуникаций.

Балтийский флот прочно удерживал господство в районе Моонзундских островов. Значение архипелага возросло еще больше после того, как с одного из островных аэродромов бомбардировочная авиация флота под командованием Е. Н. Преображенского нанесла несколько ударов по столице фашистской Германии — Берлину.

Расскажу, как это было.

30 июля Народный комиссар Военно — Морского Флота адмирал Н. Г. Кузнецов передал штабу флота приказ Ставки: «Выделить

15 наиболее подготовленных экипажей для ночных полетов из состава 1–го минно — торпедного авиационного полка, тщательно осмотреть и подготовить материальную часть. К 5 часам утра

2 августа иметь на аэродроме Кагул бомбы и бензин. 3 и 4 августа подготовка, подробности нарочным».

На аэродроме Кагул как раз заканчивалось строительство грунтовой взлетно — посадочной полосы длиной 1200 метров.

Через два дня в 1–й авиационный минно — торпедный полк прибыл командующий авиацией ВМФ генерал — лейтенант С. Ф. Жаворонков. Он знал состояние полка, так как перед этим пробыл здесь дней восемь — десять. Вызвав командира полка полковника Е. Н. Преображенского и военкома батальонного комиссара Г. З. Оганезова, генерал выслушал их подробный доклад о боевой деятельности части за последнее время, состоянии машин, готовности летчиков к сложным полетам, после чего объявил им, что Ставка решила бомбить военные объекты в Берлине и что эту задачу доверено решить 1–му минно — торпедному полку. Преображенский и Оганезов заверили командующего авиацией, что с честью ее выполнят. Затем вместе с командованием полка С. Ф. Жаворонков приступил к отбору летного состава для выполнения этого особо ответственного задания. Как только Е. Н. Преображенский доложил о готовности к перебазированию на Сарема, С. Ф. Жаворонков назначил время

перелета — 4 августа. Информировав Военный совет, он с созданной авиагруппой вылетел на Кагул, находящийся на острове Сарема. Несколько позже сюда прибыл летчик — испытатель В. К. Коккинаки.

1–й минно — торпедный авиационный полк являлся одним из лучших на флоте по своей слаженности, организованности, качеству боевых машин и, конечно, здесь были прекрасные люди, все уже опытные, как на подбор. Выполнение сложных тактических и огневых задач отрабатывалось летным и техническим составом еще в мирное время. Командир полка Евгений Николаевич Преображенский пришел в авиацию флота по призыву комсомола. Прежде чем возглавить тяжелый авиационный полк, летал почти на всех машинах, но больше всего любил бомбардировщики, особенно тяжелые, с современной скоростью, хорошей дальностью и бомбовой нагрузкой до тонны. Евгений Николаевич был зрелым, подготовлен ным в тактическом и летном отношении командиром, прекрасно знал технику, умел выжимать из нее все. Среднего роста, коренастый крепыш с открытым смелым взглядом больших карих глаз он внушал с первой встречи симпатию и уважение.

С первого часа Великой Отечественной войны полк Преображенского блестяще выполнял боевые задачи по постановке мин на узких фарватерах. Тяжелые машины полка можно было видеть и над танковыми колоннами врага. Летный состав дрался смело и храбро. И вот теперь Верховный Главнокомандующий поставил перед полком новую, необычную задачу. Летчики тщательно готовились к ее выполнению. В. К. Коккинаки, испытывавший наши самолеты, консультировал экипажи. Предварительные проигрывания полета на земле по маршрутной карте под руководством штурмана полка капитана П. И. Хохлова показали, что летный и штурманский состав группы готов к ответственному полету. Маршрут до цели и обратно равнялся 1760 километрам, из них 1400 километров предстояло лететь над морем, на высотах от предельно малых до потолка — восемь тысяч метров.

В состав группы, прибывшей в Кагул, входили пятнадцать экипажей— М. Н. Плоткина, В. А. Гречишникова, А. И. Фокина, А. Я. Ефремова, Дроздова, Тричкова, Юрина, Дашковского, Финягина и других. Комендант архипелага генерал А. Б. Елисеев организовал в самые сжатые сроки рассредоточение и маскировку самолетов, так как разведчики врага висели над островом, а бомбардировщики довольно часто бомбили предполагаемые места нахождения наших машин. До вылета на Берлин командир полка, весь летный состав тщательно изучили метеорологическую

и навигационную обстановку на маршруте, систему противовоздушной обороны столицы рейха.

Все же сосредоточить экипажи с машинами на аэродроме Кагул было проще, чем обеспечить их горючим и бомбовым запасом для выполнения задания. И то и другое нужно было в считанные дни доставить из Кронштадта. Таллин ничего не мог дать, так как готовился к отражению штурма. Нужно отдать должное штабу флота, возглавляемому Ю. А. Пантелеевым, начальнику тыла М. И. Москаленко, командиру Кронштадтской военно — морской базы В. И. Иванову и начальнику штаба Ф. З. Зозуле, которые приняли немалые усилия, чтобы в срок доставить все необходимое. Несмотря на сложную обстановку в Финском заливе, перевозки успешно выполнили базовые тральщики под командованием опытных командиров, таких как М. П. Ефимов, Н. С. Дебелов, А. М. Сав- левич, М. Годяцкий и другие. Все было сделано в строжайшей тайне.

Перед вылетом Е. Н. Преображенский собрал летный и штурманский состав. «Родина и партия доверили нам выполнить правительственное задание, — сказал он. — Мы должны нанести удар по фашистскому логову. Я верю вам и спокойно поведу полк на выполнение задачи». Далее он подчеркнул важность и политическое значение операции, дал характеристику противовоздушной обороны подходов к Берлину, сообщил утвержденный маршрут полета.

Боевому полету на Берлин всей группы предшествовал проведенный по указанию генерала С. Ф. Жаворонкова в ночь с 4 на 5 августа разведывательный полет эскадрильи самолетов под командованием Ф. А. Усачева. Этот замечательный человек, начавший службу на Балтике в 1935 году, обладал недюжинными способностями и считался одним из передовых командиров на флоте. За высокие показатели в боевой подготовке в 1938 году он был награжден орденом Красной Звезды. Во время войны с Финляндией 1939/40 года эскадрилья Усачева успешно выполняла боевые задания командования, за что многие летчики и техники получили правительственные награды, сам Усачев был награжден орденом Красного Знамени.

С первых дней Великой Отечественной войны авиационная эскадрилья Усачева, вынесенная далеко на запад, вела активную разведку на морских коммуникациях врага. Нужно обладать исключительной храбростью, выдержкой и знанием военного театра, чтобы на самолетах «ЧЕ-2», во много раз уступавших по своим данным самолетам противника, летать к нему в логово. За лето 1941 года Усачев около сорока раз летал к берегам фашистской Германии, находясь в воздухе по шесть — семь часов.

Полеты его эскадрильи имели огромное значение, на разведанные ею объекты вылетали бомбардировщики и штурмовики, уничтожая их мощными ударами.

Сейчас эскадрилья Усачева провела разведку погоды и подходов к берегам противника. Летчик — разведчик в течение девяти — десяти летных часов наносил на карту в средней и южной частях моря у Борнхольма, Штеттина фактическую метеобстановку: форму, высоту и мощность облачности, горизонтальную и вертикальную видимость, осадки, фиксируя все данные на специальной карте. С возвращением самолета в бухту Кихельконна на Сарема эти разведывательные данные немедленно докладывались руководителю полетов генералу С. Ф. Жаворонкову. После тщательного изучения принималось решение о маршруте, высоте и режиме полета самолетов — бомбардировщиков. Поскольку самолеты — разведчики выполняли свою задачу днем, их нередко встречала истребительная авиация врага. Не обходилось без потерь, порой очень тяжелых. За выполнение ответственного задания майор Ф. А. Усачев в сентябре 1941 года был награжден орденом Красного Знамени. Позднее Усачев принял разведывательный полк авиации Краснознаменного Балтийского флота, которым командовал до конца войны. Ему было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

На исходе дня 7 августа тринадцать самых лучших экипажей полка, тремя группами, которыми командовали Е. Н. Преображенский, В. А. Гречишников и А. Н. Ефремов, тяжело загруженные бомбами и горючим, с трудом оторвались от земли и, набрав высоту, ушли на запад. Вели воздушную эскадру флагманский штурман П. И. Хохлов, штурманы Ермолаев и В. Соколов. Самолеты на предельной высоте прошли Свинемюнде, Штеттин и вскоре показались огни Берлина. Фашистская столица не считала нужным маскироваться. Враг и в мыслях не допускал, что советская авиация сможет добраться сюда.

После уточнения штурманами расчетов командиры вывели свои группы на боевой курс. Самолеты начали сбрасывать фугасные и зажигательные бомбы. Взрывы потрясли столицу фашистской Германии. Это был первый удар по столице гитлеровской Германии — Берлину.

Радист флагманского самолета лейтенант В. Кротенко включил радиостанцию и передал в эфир: «Мое место Берлин. Бомбардировали. Все в порядке. Возвращаемся».

Небо над Берлином рассекали голубые мечи прожекторов, вокруг самолетов стеной вставали разрывы зенитных снарядов, носились самолеты — истребители.

На обратном пути резко ухудшилась погода. Над морем самолеты попали в сплошную низкую облачность и в грозовые облака. Весь путь летчики и штурманы вели тяжелые воздушные корабли по приборам. Мастерство помогло им преодолеть и эти трудности.

На рассвете 8 августа самолеты были в Кагуле. Некоторые летчики от нервного и физического напряжения садились неуверенно. Первой приземлилась группа Преображенского, затем — Ефремова и последней — Гречишникова. Самолет Дашковского не дотянул сотню метров до полосы, врезался в лес; летчик погиб со всем экипажем.

Выйдя из самолета, Е. Н. Преображенский доложил генералу С. Ф. Жаворонкову о выполнении боевой задачи.

Советское Информбюро сообщило: «В ночь с 7 на 8 августа 1941 года группа наших самолетов произвела разведывательный полет в Германию и сбросила некоторое количество зажигательных и фугасных бомб над военными объектами Берлина. В результате бомбежки возникли пожары и наблюдались взрывы». Фашистское руководство не хотело признать, что удар по германской столице нанесла советская авиация. Немецкие радиостанции сообщили о налете английской авиации и о шести сбитых самолетах. И то и другое было ложью, что подтвердили английские радиостанции, передавшие: «Германское сообщение о бомбежке Берлина интересно и загадочно, так как 7–8 августа английская авиация Берлина не бомбила и не летала».

Мы предупредили генералов С. Ф. Жаворонкова и А. Б. Елисеева, что после таких сообщений английской прессы следует ожидать массированного удара авиации противника по нашим аэродромам на островах, потребовали от коменданта улучшить маскировку самолетов, рассредоточить их, максимально защищать от возможных ударов.

9 августа поступил приказ Народного комиссара Обороны; «В ночь с 7 на 8 августа группа самолетов Балтийского флота произвела разведывательный полет в Германию и бомбила Берлин. 5 самолетов сбросили бомбы над центром Берлина, а остальные — на предместья города. Объявляю благодарность личному составу самолетов, участвовавших в полетах. Вхожу с ходатайством в Президиум Верховного Совета о награждении. Приказ объявить экипажам самолетов, участвовавших в бомбежке Берлина, и всему личному составу авиасоединения».

Налеты на Берлин продолжались и позднее. Во втором ударе по столице фашистской Германии участвовало, как и в первом, три группы лётчиков с ведущими Преображенским, Гречишниковым и Ефремовым. Условия полета на этот раз

оказались более тяжелыми, мешала сплошная облачность и очень плохая видимость. Люди выкладывались до предела, физическое и моральное напряжение было максимальным. Теперь уже в Свинемюнде, Штеттине и Берлине не было огней, враг замаскировался. При подходе к побережью Германии самолеты были встречены сильным зенитным огнем, который возрастал по мере приближения к цели. Появились и ночные истребители, которые быстро исчезли в темноте, не обнаружив наших бомбардировщиков. Несмотря на трудности, балтийские летчики уверенно шли не меняя курса. Берлин вновь подвергся бомбардировке, запылали военные заводы, склады[88].

Несколько слов хочется сказать об аэродромных тружениках, обеспечивавших полеты — инженерах, техниках, механиках. Они сами не летали, но без их самоотверженного труда наши летчики не смогли бы одерживать в воздухе побед над врагом. Летчики верили своим боевым помощникам, знали, что те не подведут. С какой тщательностью готовили наземные специалисты материальную часть к полетам, с какой уверенностью отправляли самолеты в этот дальний рейс! А какая радость сияла на их лицах, когда все самолеты возвращались на свой аэродром! Встретив боевые машины, инженеры, техники, механики тотчас начинали готовить их к очередному вылету. Случалось так, что самолеты возвращались, изрешеченные пулями. Тут уже механики не отдыхали, пока приводили их в порядок.

В последующих налетах на Берлин вместе с балтийцами принимали участие и летчики бомбардировочной авиации дальнего действия, группа которой под командованием майора В. И. Щелкунова и капитана В. Г. Тихонова перебазировалась на аэродром Асте в двадцати километрах от Кагула. Их действия также были успешными.

Днем 10 августа десять вражеских самолетов бомбили аэродром Кагул. На другой день налет повторился. 26 самолетов бомбили аэродромы на острове Сарема. При отражении налета командир авиаэскадрильи капитан И. И. Горбачев вел двенадцать минут неравный бой с двумя вражескими самолетами. Его машина загорелась. Противник торжествовал. Но даже после того, как был израсходован весь боезапас, наш летчик не хотел отдать жизнь даром. Он таранил самолет противника, а сам, открыв парашют, приводнился в море, где был подобран морским охотником.[89]

В эту же ночь тринадцать тяжелых бомбардировщиков, в том числе девять из состава ВВС Красной Армии, вновь бомбили Берлин. Мне хочется привести здесь воспоминания бывшего

военкома авиации флота бригадного комиссара Л. Н. Пурника, который рассказал любопытную деталь, относящуюся к этому полету: «11 августа я вылетел на Сарема, прихватив с собой свежие листовки, предназначенные для фашистов. Провожая авиаторов в третий полет на Берлин, я обошел все экипажи. Побеседовал с летчиками, радистами, штурманами. Настроение у людей было боевое. Только в экипаже М. Н. Плоткина ко мне обратился радист с жалобой: оказывается, на их самолет листовок не хватило. Я вытащил из кармана пачку газет «Красный флот», попросил его связать их и сбросить над Берлином. Пусть Геббельс узнает, кто бомбил Берлин! Радист обещал все точно выполнить».

Ввиду участившихся налетов вражеской авиации на аэродромы генерал Елисеев вновь получил приказ сосредоточить максимум зенитной артиллерии для их защиты. Приходилось менять время вылета наших самолетов, чтобы спутать расчеты противника.

16 августа Берлин бомбили 22 самолета (из них 13 от ВВС Красной Армии) несколькими группами с разных направлений и высот. Возникло много пожаров. Противовоздушная оборона врага была не в состоянии защитить город от наших ударов. При возвращении, уже на посадке, погибли летчики Кравченко и Александров со своими экипажами.

Удары по Берлину продолжались периодически в течение тридцати пяти дней. На столицу фашистской Германии было сброшено более трехсот тяжелых бомб, вызвавших десятки пожаров. Противник встречал наши самолеты, подходившие к целям на предельной высоте, ураганным зенитным огнем. Были подняты сотни аэростатов, чтобы затруднить прицельное бомбометание. Наших летчиков искали прожекторами, однако мужество, точный расчет, знание своего оружия, мастерство пилотирования и самолетовождения постоянно обеспечивали нашим авиаторам успех. За выполнение ответственных заданий балтийским летчикам Е. Н. Преображенскому, П. И. Хохлову, В. А. Гречишникову, А. Я. Ефремову и М. Н. Плоткину присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Так морские летчики Балтийского флота и дальней бомбардировочной авиации Красной Армии продемонстрировали перед изумленным взором всего мира бесстрашие и мощь военно — воздушных сил нашего Отечества, первыми начали штурм логова фашизма. В День Победы 9 мая 1945 года первый советский комендант Берлина генерал — лейтенант Н. Э. Берзарин прислал нам в Таллин телеграмму: «Летчики Балтики! Вы первыми начали штурм Берлина с воздуха. Мы закончили его на земле и, выполняя приказ правительства и

партии, водрузили знамя Победы над рейхстагом. Поздравляю вас с победой. Берзарин».

# ГЛАВА 12. БОЙ ЗА МООНЗУНД

Уход кораблей из Моонзунде. Бои у Виртсу. Захват врагом Вормси. Ожесточенные бои на Муху. Батарея Букоткина сражается до конца. Рубеж Сальми — Мельдри. Удар по кораблям врага. На батарее Сте- беля. Защитники Хиума ведут тяжелые бои. Последние дни на батарее Тахкуна. Ханко помогает защитникам Хиума.

Пока наши корабли находились в Моонзунде, враг не пытался высадиться на острова. Тем самым еще раз подтверждено положение, что морские крепости и базы берут с суши. Однако, когда враг захватил Ригу и подошел к Таллину, реальной стала угроза противника полностью захватить побережья Моонзунда и блокировать все выходы. В этом случае отряд легких сил мог оказаться отрезанным, лишиться возможности уйти на восток.

Мы доложили о своих опасениях главнокомандующему войсками направления и получили разрешение вывести эсминцы и ряд других кораблей с баз Моонзунда. Два эскадренных миноносца, четыре тральщика, ледокол «Тасуя», спасатель «Нептун» и гидрографическое судно «Лоод» накануне прорыва флота перешли в Таллин. И уже через десять дней после этого противник начал высадку на острова.

Уход кораблей из Моонзунда был необходим и по другой причине. Вражеские самолеты начали интенсивно сбрасывать магнитные мины с целью затруднить базирование и боевую деятельность наших сил.

Кроме создания оборонительных рубежей на Сарема, штаб Елисеева много внимания, времени и сил уделял обеспечению выхода и возвращения в Моонзунд, базирования транспортов, танкеров, боевых кораблей, особенно подводных лодок. Приведу две цифры: выведено в море для боевых действий 52 и встречено 48 подводных лодок, принято из Таллина и возвращено 38 конвоев.

В выполнении этих задач активно участвовали морские охотники, тральщики, сторожевые катера, сыграли свою роль боновые и сетевые партии охраны водного района береговой обороны. Умело руководили экипажами дивизионов, отрядов катеров капитаны 3 ранга Егоров, Н. Ф. Басуков, П. А. Яковлев, капитан — лейтенант Оленицкий, политрук И. А. Кострикин, инженер — механики

В. С. Кривченко и К. К. Роговцев. Особо ожесточенная борьба ве лась с выставленными фашистскими самолетами магнитными

минами. Разбросанные вдоль побережья Моонзунда посты наблюдения засекали места падения вражеских мин, предоставляя самолетам МБР-2 и морским охотникам уничтожать эти мины путем сбрасывания глубинных и авиационных бомб.

Не менее трудной и сложной являлась проводка боевых кораблей и транспортов с различными грузами. Это была незаметная, но важная и героическая работа, полная примеров мужества и отваги военных моряков гидрографического района и охраны водного района Моонзундского архипелага. Нельзя было не восхищаться умелыми действиями лейтенантов и старших лейтенантов Н. Г. Оле- сова, Ф. Ф. Власова, Т. М. Кудинова, Н. К. Беклемишева, А. П. Ви- тязева и многих других. Под их руководством день и ночь по рейдам и плесам Моонзунда плавали корабли и транспорты, обеспечивающие стойкость всей обороны Моонзундского архипелага. Лейтенант Т. М. Кудинов, тогда начальник военно — лоцманской службы, мне пишет: «Проводка боевых кораблей и транспортов осуществлялась в ночное время, так как днем налетала авиация противника. Мы проводили корабли и суда только известными нам курсами, свободными от мин. И только по особой нашей заявке включалось навигационное ограждение, которое постоянно было выключено. Если длительно горели буи и створы, то появлялись самолеты противника, и у буев и на створах ставились мины. Все приказания о проводке кораблей мы получали от капитана 3 ранга Егорова. Но когда в Моонзунде базировались эскадренные миноносцы и сторожевые корабли, то часто мы получали приказания от контр — адмирала В. П. Дрозда…»

После ухода кораблей для защитников островов главной задачей стала подготовка к отражению штурма, которого теперь следовало ожидать со дня на день. Случилось, однако, так, что часть своих сил нам пришлось направить на континент. 23 августа главнокомандующий войсками Северо — Западного направления приказал: «Для облегчения положения Таллина нанести удар во фланг коммуникации противника, действующей из Пярну на Таллин. Удар осуществить с помощью части сил гарнизона Сарема в направлении с Виртсу на Пярну или на Марьямаа. Второй удар нанести частью гарнизона Хиума от Хапсалу в направлении на Марьямаа»[90].

Мы немедленно передали приказ генералу А. Б. Елисееву для подготовки расчетов и одновременно доложили в штаб главкома: «Весь берег и территория от Пярну, кроме небольшого плацдарма у Виртсу, заняты противником. Все корабли нашего флота обстреливаются с берега». Мы надеялись, что штаб, получив такое донесение, уточнит поставленную задачу. Так и было, через день

пришло уточняющее приказание: «В ночь на 27 августа высадить в Виртсу стрелковый полк, усиленный артиллерией, в Рохукюла два стрелковых батальона с задачей нанести удар во фланг и тыл противника, с Виртсу на Марьямаа, с Хиума на Нисси».

Трудно было надеяться, что эти силы сумеют оказать существенную помощь нашим отступающим войскам. Спустя несколько часов мы еще раз сообщили в штаб главкома: «Ваше приказание о высадке войск с Сарема и Хиума выполняется… Противник наступает на Таллин, оставил Виртсу в стороне. Рохукюла удерживается стрелковой ротой… Частям гарнизона Сарема и Хиума нужно пройти 130 километров. При беспрепятственной высадке и марше в тыл противника без боев их можно ожидать на подходе к Таллину 31 августа (Таллин был оставлен 28 августа. — В. Т.). По данным разведки, из Пярну наступает пехотная дивизия и еще одна пехотная дивизия доформировывается в Пярну (это сообщение требует проверки). Наличие на этом направлении двух пехотных дивизий дает возможность противнику полностью атаковать наши наступающие части, не трогая и не снимая части, наступающие на Таллин. Ваше окончательное решение прошу сообщить»[91].

Мы открыто выражали сомнение в целесообразности высадки наших частей, но штаб не счел нужным менять свое решение.

Генерал А. Б. Елисеев приказал с Сарема высадиться на побережье 46–му стрелковому полку подполковника А. С. Марголина, усиленному 39–м артиллерийским полком, стрелковым батальоном с острова Хиума (численность до 300 человек). В авангард полк выделил 4–й стрелковый батальон, усиленный 1–й пулеметной ротой, противотанковой батареей, минометным и саперным взводами. 24 августа батальон высадился в Виртсу. Не ожидая высадки следующих эшелонов, он начал движение в направлении Лихула, уничтожая на пути прикрытие фашистских войск, с боем овладел Лихулой. Одновременно разведка велась в направлении Пярну. Успешно действовал и батальон с острова Хиума.

Батальоны нанесли противнику значительные потери, но оперативного выигрыша не дали — главные силы полка не успели высадиться, они вернулись и заняли свои рубежи. 26 августа главком направления приказал вернуть части на острова. Нужно было вывести их из боя, отойти от наседавшего противника к пристаням и погрузиться. Задача не из легких, но выполнили ее успешно. Часть десанта осталась для обороны Виртсу.

В это время противник сосредоточивал силы для активного действия по овладению островами. Для их захвата были выделены две пехотные (61–я и 217–я) дивизии и части усиления.

Как планировало немецко — фашистское командование захват архипелага? Главный удар намечался по острову Муху. Форсировав узкий пролив Муху — Вяйн на десантных и подручных средствах, части 61–й пехотной дивизии должны были высадиться в нескольких местах острова и создать здесь плацдарм для наступления на Сарема, а потом и на Хиума. Одновременно на полуостров Кюбоссар (восточное побережье Сарема в районе огневой позиции 43–й ба тареи старшего лейтенанта Букоткина) и на южной оконечности Сарема, в бухте Лью предполагалось высадить вспомогательные десанты.

Немецко — фашистское командование торопилось. Оставшиеся у него в тылу военно — морские базы на Моонзунде и на Ханко вызывали постоянную тревогу у морского командования противника, которое докладывало в ставку Гитлера, что советский флот «…имеет возможность действовать в районе между Таллином и Балтийскими островами, доставляя нам беспокойство и атакуя наши морские линии снабжения и наш правый фланг»[92]. Кроме того, они боялись, что без захвата этих баз не смогут воспрепятствовать прорыву советского флота из Финского залива в Швецию для интернирования в момент захвата гитлеровскими войсками города Ленина. «Такой прорыв может быть еще больше затруднен с помощью использования подводных лодок и катеров, если в руках немцев будут Ганге и Балтийские острова», — писали Гитлеру из штаба фашистского военно — морского командования[93].

Противник предпринимал настойчивые попытки расстроить систему базирования нашей авиации и лишить возможности балтийских летчиков вылетать с аэродромов Сарема. Последний удар по аэродрому Кагул он нанес 6 сентября. Около тридцати самолетов врага уничтожили шесть наших тяжелых бомбардировщиков, один истребитель и один штурмовик. Обстановка заставила нас прекратить налеты на Берлин. Таллин был уже в руках противника, бензин и боезапас кончились, подвозить их стало невозможно. Оставшиеся в строю самолеты ДБ-3 улетели на восток.

Одновременно противник принимал меры к вытеснению из плацдарма в районе Виртсу наших немногочисленных войсковых подразделений. Усиленный полк при поддержке авиации, артиллерии и бронемашин повел наступательные бои. Державшие оборону батальоны Абдулхакова и Огородникова при поддержке истребительной авиации и артиллерии с Муху и Сарема отбивали атаки противника, нанося ему значительные потери. Особенно отличались в этих боях пулеметчики и взвод военных моряков техника- интенданта 2 ранга Скворцова. Успешно использовалась

артиллерия; стрельбу корректировали наблюдатели, находившиеся в составе обороняющихся войск.

Упорной была борьба за дамбу. Боевые порядки наших подразделений быстро редели. Погиб в бою отважный капитан И. Г. Абдулхаков. Попал в окружение штаб одного из батальонов. Автоматчики врага подходили все ближе. Лейтенант комсомолец Смирнов, корректировавший огонь, сумел связаться со своей батареей, передал: «Я окружен. Отбиваемся от наседающего противника. Приказываю открыть огонь по мне». Командир батареи Букоткин сначала помедлил, но затем разрешил стрелять по штабу батальона.

Вскоре связь со Смирновым прервалась. Но снаряды пощадили корректировщиков. Позднее стало известно, что залпы, вызванные Смирновым на себя, обратили гитлеровцев в бегство.

В ночь на 5 сентября наши сильно поредевшие части под давлением превосходящих сил противника были вынуждены оставить Виртсу. На последнем катере уходили и корректировщики батареи Букоткина.

Отходить было тяжело. Враг наносил один удар за другим по катерам и мотоботам, переправлявшим людей в Куйвастэ. Попали под бомбы морские охотники отважного балтийского пограничника капитан — лейтенанта Алексея Финочко. Катера отчаянно отбивались от вражеских самолетов, но, взбешенные самоотверженностью экипажей, фашисты продолжали атаки. Балтийцы дрались насмерть. Один, второй самолеты ушли на аэродром, оставляя за собой длинные шлейфы дыма… Но вот два прямых попадания, катера взорвались и быстро затонули, с экипажами погибли А. Д. Финочко и батальонный комиссар А. И. Макаров.

Одновременно с боями на суше противник начал разрушать оборону на восточном берегу Муху, бомбил Вормси. Вражеская авиация приступила к бомбежкам находившихся в районе островов кораблей, катеров и транспортных средств. Противостоять ударам стало трудно: в отдельные дни по бухтам и пристаням одного только острова Сарема действовало до девяносто самолетов. Враг стремился отрезать все пути для отхода обороняющихся войск. Кроме того, наши боевые корабли и катера могли помешать ему при высадке десантов.

В отличие от 1917 года теперь немцы вели наступление не с запада, а с востока. Они решились на операцию лишь после того, как корабли отряда легких сил и подводные лодки нашего флота ушли из Моонзунда в связи с неблагоприятной обстановкой под

Таллином.

Может быть поставлен вопрос: вправе ли был генерал Елисеев, видя развитие событий, продолжать держать силы гарнизона на западе вместо того, чтобы перебросить их на остров Муху или на позицию Ориссааре? Поскольку теперь мы знаем планы немецко- фашистского командования, легко можно обвинить Елисеева в неправильном использовании сил. Его оправдывает то, что он учитывал исторический опыт высадки десанта немцами в 1917 году, и поэтому расположил значительную часть сил на северо — западе и юго — западе Сарема. Комендант не мог знать планов немецко — фашистского командования, не имея разведывательных данных. Наоборот, мы располагали сведениями о сосредоточении в Лиепае, Вентспилсе, Усть — Двинске значительных корабельных сил, способных поднять и высадить сильный десант с моря. Если это были демонстративные действия флота противника, то они, надо признать, сыграли не в нашу пользу.

Высадка началась на рассвете 8 сентября. После усиленной артиллерийской подготовки враг с трех направлений высадил на остров

Вормси около восьмисот человек. Гарнизон острова оказал десанту упорное сопротивление. Активно поддерживали защитников мощные батареи Осмуссара и Хиума. Их огонь удачно корректировал лейтенант А. Я. Чистяков с маяка, расположенного на северо — западной стороне острова. Стрелковой роте старшего лейтенанта Я. З. Винокурова из 36–го отдельного инженерного батальона при двух 45- и двух 76–миллиметровых орудиях удалось очистить южную часть острова. Тогда фашисты усилили натиск с севера и достигли небольшого успеха. Высаженная с Хиума рота 151–го стрелкового полка многократно ходила в штыковые атаки, но не смогла отбросить врага — противник высадил подкрепление. На третий день ожесточенных боев остатки малочисленного гарнизона вынуждены были оставить Вормси. Отвагу и героизм проявили моряки сигнально — наблюдательного поста на острове. Когда противник решил захватить маяк, где располагался пост, восемь смельчаков открыли огонь. Они держались двое суток, истребив до сотни фашистов.

С захватом Вормси оказались отрезанными от материка Муху и Хиума. Остров Вормси стал трамплином для захвата Хиума; был закрыт врагом морской путь из Моонзунда в Финский залив. К этому времени враг подтянул к островам свои основные силы — 61–ю и 217–ю пехотные дивизии, многочисленные части усиления: морские артиллерийские дивизионы, понтонные и

саперные части, батареи зенитной обороны, большое число высадочных средств: катера, десантные баржи, шхуны, шлюпки, мотоботы; специально выделенную планерно — парашютную часть; боевые корабли: миноносцы, тральщики, торпедные катера (вплоть до крейсеров). Финский военно — морской флот выделил для участия в операции броненосцы береговой обороны. Из этого перечня видно, что десантная операция планировалась с расчетом на несомненный успех. Вряд ли есть смысл оценивать соотношение сил, оно было, безусловно, на стороне противника.

Сухопутные силы враг использовал с ленинградского направления, где они явно не были лишними. Если бы понадобилось, он мог привлечь оттуда, безусловно, и новые дивизии. Враг не считался ни с чем, чтобы захватить Моонзундские острова. В ином положении находились наши войска на островах. Их было мало на Муху и Сарема, еще меньше на Хиума. А резервов и пополнений ждать не приходилось.

Немецко — фашистское командование выделило также значительные силы военно — морского флота для демонстрации высадки десантов на Сарема с различных направлений, эти силы значительно превосходили отряды непосредственной поддержки десанта. «Пехотных частей было достаточно. Дальнобойной артиллерии совершенно не хватало. Несмотря на особые заряды, снаряды их почти не достигали берега, занятого противником. Поэтому пехота во время высадки действовала практически без поддержки… При таком положении была бы весьма уместной поддержка боевых кораблей флота или хотя бы плавбатарей. Однако они участвовали в демонстративных действиях»[94].

В тот же день, 8 сентября, десантные войска противника высадились и на небольшом островке Кессулайд восточнее Муху, где оставалось всего около двух десятков наших бойцов.

Для обороны Муху генерал Елисеев создал специальный боевой участок под командованием заместителя командира бригады полковника Н. Ф. Ключникова (начальник штаба техник — интендант 1 ранга А. И. Ершов). В состав участка вошли батальон капитана Огородникова, пулеметная рота капитана Шатерина и минометный взвод. Батальон Огородникова был наиболее боеспособным в 46–м стрелковом полку, многие красноармейцы и командиры участвовали в войне 1939/40 года, воевал и сам командир. Из 79–го стрелкового полка для обороны Муху также был выделен батальон. Кроме того, здесь находились батареи старших лейтенантов Н. А. Лукина и Л. Поварова из 39–го артполка, роты старшего лейтенанта Р. М. Жукова и лейтенанта В. Ф. Смышникова из 37–го инженерного батальона, рота моряков — добровольцев, зенитная батарея старшего

лейтенанта Белоусова; была установлена на временных деревянных основаниях 100–миллиметровая батарея[95]. Сюда же мог быть вызван и огонь батареи Букоткина.

Защитники островов не знали, что собирается предпринять враг. Вечером 13 сентября группа вражеских кораблей под условным названием «Вествинд» в составе 2–й флотилии миноносцев, 2–й и 3–й флотилий торпедных катеров, трех транспортов, трех сторожевых катеров и трех катерных тральщиков подошла с юго — запада к Ирбенскому проливу. Ее обнаружила и обстреляла батарея капитана Стебеля, а затем под прикрытием истребителей атаковали торпедные катера лейтенантов Афанасьева и Налетова. Однако это была не высадка; действовала группа демонстрации. Получив отпор, корабли противника вышли за пределы дальности стрельбы батареи и больше в этот день не появлялись.

Другая группа вражеских кораблей, под условным названием «Нордвинд», куда входили и финские броненосцы «Ильмаринен» и «Вайнемайнен» должна была находиться к северу от Хиума. При выходе из шхер группа попала на наше минное заграждение, подорвался и затонул броненосец «Ильмаринен», после чего вся группа вернулась в свою базу. Третья группа, «Зюйдвинд», вышла из Риги тремя эшелонами в составе пятидесяти небольших судов, маневрируя против южного берега Сарема.

На рассвете 14 сентября враг нанес сильный артиллерийский и авиационный удар по оборонительным сооружениям восточного побережья острова Муху. Вслед за этим из Виртсу в направлении чуть севернее пристани Куйвастэ волна за волной двинулось более сотни катеров и шлюпок с фашистами. Начался ожесточенный бой. Огнем наших батарей, пулеметов и подоспевших истребителей фашисты уничтожались на подходе к острову. «Внезапность высадки полностью не удалось обеспечить, — признает Мельцер. — Начиная с 14 сентября, противник находился в боевой готовности»[96]. Оценка сил и возможностей противника была не вполне точной. Считалось, что он располагает меньшими силами, чем это было в действительности Фактически на островах было 25 тысяч человек, большей частью отборные войска (морская пехота). Они сражались упорно и ожесточенно»[97].

В течение 14 сентября побережье острова Муху несколько раз переходило из рук в руки. В этих боях особо отличились батареи Н. А. Лукина, Л. Поварова и Л. С. Михейкина из 39–го артполка. Стрельбу вели прямой наводкой. С первых залпов были потоплены десятки катеров и шлюпок. Десант фашистов пришел в замешательство, часть высадочных средств повернула обратно.

Последовала короткая передышка, затем на наших защитников обрушились тысячи снарядов и бомб. Через пролив устремились новые сильные десантные группы. На этот раз им удалось зацепиться за берег. Вводя новые силы, гитлеровцы расширяли свой плацдарм, нацеливая главный удар в направлении Ориссаарской дамбы. Постепенно усилившись за счет подкреплений, десант потеснил наши части. Но это была далеко не прогулка, как пытается представить фашистский адмирал Ф. Руге в своей книге «Война на море 1939–1945 годов», где пишет: «С помощью понтонов, инженерных войск и десантных судов военно — морского флота армейские части переправились через Моонзунд как через реку…»

Это была не просто переправа, а ожесточенный бой, в котором фашисты понесли большие потери. Сотни вражеских солдат остались на дне пролива.

«Защитники острова, — пишет мне в письме бывший командир

2–й батареи 39–го артполка старший лейтенант запаса Н. А. Лукин, — подпустили врага к середине пролива и открыли артиллерийский огонь. Особенно эффективным был огонь орудий, стрелявших прямой наводкой. Первый эшелон гитлеровцев был отрезан от материка их огнем, расстрелян и потоплен в водах пролива».

Активно действовала против фашистского десанта наша авиация. Летчик — истребитель 12–й отдельной эскадрильи, базировавшейся на Сарема, П. Ф. Гузов вспоминает: «14 сентября нас подняли около пяти часов утра по тревоге. Еще до прибытия на аэродром мы узнали, что враг начал высадку морского десанта на остров Муху. Когда прибыли к самолетам, они были уже подготовлены, около них находились техники и мотористы, все были взволнованы. Здесь же, у. самолетов, командир поставил перед нами задачу: пятеркой «чаек» (ведущий группы старший лейтенант Крайнов, ведомые летчики Ильичев и Шевцов) нанести удар по десантным средствам врага. Мы с летчиком Мурашевым должны были прикрывать наши самолеты.

Метеорологические условия были сложными. При подходе к острову Муху видимость несколько улучшилась. Мы продолжали полет на малой высоте, чтобы обеспечить скрытность удара. Когда подошли к пристани Куйвастэ, то увидели, что весь пролив забит катерами, шхунами, лодками и кораблями, хотя последних было не особенно много. Не разворачиваясь и не перестраиваясь, мы с ходу нанесли первый бомбовый удар группой по катерам и кораблям с малой высоты. Затем перестроились и, поскольку самолетов противника не было видно, стали в круг и всей

пятеркой начали расстреливать и уничтожать десант реактивными снарядами и пулеметным огнем. Десантники под градом трассирующих и зажигательных пуль прыгали в воду. Одновременно с нами по катерам ерага огонь вела и наша артиллерия. По всему проливу горели катера и другие плавсредства».

Однако фашисты бросали на штурм острова новые и новые части; накопив на захваченном плацдарме силы, они начали продвигаться в глубь острова. Бойцы стрелковой бригады, краснофлотцы спецбатальона, артиллеристы полевых, зенитных и береговых батарей оказали им ожесточенное сопротивление, дрались насмерть за каждый клочок земли. Не раз ходили в контратаку роты лейтенантов Смышникова и Жукова из 37–го отдельного инженерного батальона майора Сараева. Тяжелые потери понесла рота Жукова; командир был ранен. Принявший роту политрук Цингауз вскоре тоже получил ранение и в тяжелом состоянии попал в плен; фашисты расстреляли его. К исходу второго дня боев рота Смышникова также потеряла большую часть состава, погиб и ее командир. Был ранен командир зенитной батареи лейтенант Белоусов; его заместитель лейтенант Малафеев и военком политрук Зименков решили отходить от наседавшего противника. Орудия бойцы тащили на себе. Оказавшись отрезанными, они установили две оставшиеся пушки и в упор расстреливали наступающих фашистов. Геройски дрались военные моряки роты, сформированной из состава частей авиации флота. Прибывший на Муху в первый день боя начальник штаба обороны района подполковник А. И. Охтинский на одном из боевых участков в районе пристани Куйвастэ лично заменил убитого пулеметчика и отражал наступление фашистов. После тяжелого ранения его доставили к машине, но он был убит осколком бомбы.

К концу дня появилась угроза прорыва противника к дамбе, соединяющей Муху с Сарема. Если бы это удалось, все части на Муху оказались бы отрезанными.

Все сильнее и сильнее становились удары вражеской авиации. Она наносила сильный урон обороняющимся частям, выводила из строя наши батареи. После полудня фашисты высадили севернее пристани Куйвастэ новые крупные силы. Перед обороняющимися встала задача: задержать наступление врага до темноты. С Сарема им выслали подкрепление, но авиация противника не позволяла передвигаться по дамбе. Она расстреливала наши машины, идущие по дамбе. Два катера морских охотника, высланных для борьбы с самолетами, были подожжены.

В итоге первого дня боев за Муху противнику удалось закрепиться на плацдармах высадки, овладеть пристанью Куйвастэ. Находившиеся на острове батареи большей частью были уничтожены. Но успех дался фашистам дорогой ценой. На каждом шагу они несли большие потери. Особенно тяжелый бой выпал на долю 130–миллиметровой стационарной батареи В. Г. Букоткина, установленной на мысу Кюбоссар.

Для ликвидации батареи противник создал специальную группу «Бенеш» из морского и планерного десантов. На рассвете 14 сентября, почти одновременно с началом боя за Муху, над батареей появились самолеты с планерами; с моря подходил десант. Замысел врага был ясен, он хотел атаковать батарею одновременно с воздуха и с моря. Командир батареи и его помощник младший лейтенант А. З. Кухаренко открыли огонь лишь тогда, когда шхуны и мотоботы подошли близко к берегу. У противника должно было сложиться впечатление, что с батареей разделалась авиация. Как только десант приблизился, батарея на полной скорострельности повела огонь прямой наводкой. Снаряды пробивали шхуны, как бумагу, они горели и взрывались. Десятки фашистов оказались в воде. Вражеская авиация не замедлила ударить по огневым позициям батареи. До пятисот бомб было сброшено на нее. Орудийные расчеты редели. Командир батареи был сильно контужен, получил более десяти ранений, но с боевого поста не ушел, продолжая управлять огнем.

Трое суток продолжался ожесточенный бой. Много было убитых и раненых. В тылу старший политрук Карпенко со взводом пулеметчиков, прожектористов и хозяйственников истреблял парашютистов и приземлившиеся планеры. На подмогу им пришла рота велосипедистов 35–го инженерного батальона и бойцы батальона Огородникова. Их совместными усилиями почти весь планерный десант был уничтожен, но и наши потери были велики. До 80 процентов велосипедистов погибло. Когда все орудия батареи оказались выведенными из строя, Г, А. Карпенко с группой бойцов пошел на прорыв и погиб смертью храбрых.

Рядом с батареей жил эстонский рыбак Василий Алексеевич Кааль с женой Юлией и дочерью Марией. Они крепко сдружились с мо- ряками — артиллеристами. Рыбак не раз выручал их еще во время строительства батареи, указывая наилучшие подходы к мысу, места для разгрузки барж, наиболее выгодные пути подвоза стройматериалов по суше, на своей рыбацкой лайбе перевозил лес для оборонительных сооружений. Как только батарею стали бомбить, Букоткин посоветовал семье рыбака переселиться в глубь острова. В тот день, когда батарея была окружена, на позиции неожиданно появилась Мария. Отец прислал ее, чтобы

помочь артиллеристам выйти из окружения. На рыбачьей лайбе оставшиеся в живых защитники переправились через залив на соседний остров, чтобы оттуда пробиваться к своим. Спустя некоторое время Кааль вернулся на батарею, он хотел предать земле погибших. Фашисты схватили его и Марию и расстреляли.

Букоткина еще раньше отправили в госпиталь, батареей до последнего часа командовал лейтенант И. С. Мельниченко.

Героические дела личного состава батареи Букоткина были отмечены в донесении, поступившем от Елисеева и Зайцева в Военный совет флота. Комендант Моонзунда высоко оценил также боевые дела артиллеристов батареи Е. П. Будаева (мыс Кейгусте), на которую упало свыше двухсот бомб, но и батарея нанесла врагу значительные потери. Экипажи торпедных катеров дивизиона А. Н. Богданова (военком Д. М. Грибанов) также героически сражались, имея до сотни лробоин в бортах катеров.

Руководитель обороны Муху полковник Н. Ф. Ключников, опасаясь окружения, приказал своим частям с боем отходить на запад, к дамбе, чтобы в темноте перейти ее и занять оборону на Сарема. После трех дней ожесточенных боев все части 46–го и 79–го стрелковых и 39–го артиллерийского полков, пулеметная рота, 100–миллиметровая стационарная батарея, зенитные батареи, оборонявшие остров, имели большие потери. Артиллеристы 100–миллиметровой батареи, будучи отрезанными, взорвали орудия и попытались пробиться к своим. Все они, в том числе командир, погибли.

Стремясь отрезать путь отхода нашим войскам, фашисты продвигались к дамбе, наносили беспрерывные удары с воздуха по расположенным здесь дотам. Сбивая наступательный порыв врага, руководители обороны переориентировали сюда огонь двух стационарных и нескольких полевых батарей. День и ночь они били по врагу, не давая ему возможности ворваться на Сарема на плечах отступавших войск. Но даже в этих условиях вывести части из боя и переправить их по узкой каменной дамбе с Муху было не так просто. У самой дамбы завязались упорные бои. Бойцы 46–го стрелкового полка, краснофлотцы, пограничники одну за другой отбивали атаки фашистов, контратаковали сами. Иногда казалось, что гитлеровцы вот — вот прорвутся к дамбе, закроют ее горлышко, «о мужественные защитники вновь и вновь отбрасывали их.

Полковник Н. Ф. Ключников приказал заблаговременно минировать дамбу. Саперы капитана Сараева под бомбами приготовили ее к взрыву и теперь ждали только сигнала. Приказ о взрыве последовал лишь после того, как на дамбу вошли вражеские танкетки и колонны пехоты. Когда они приблизились к

ее середине, раздался мощный взрыв. В воздух полетели обломки техники, каменные глыбы, столбы грязной воды.

Фашисты решили высадить небольшой десант в бухте Кейгусте, по берегу которой проходила дорога на Курессаре, пытаясь на ней отрезать путь нашим отступающим войскам. Подходы к бухте защищала береговая батарея лейтенанта Е. П. Будаева. Ее огнем попытка противника высадиться была пресечена. Батарея уничтожила несколько катеров и повредила тральщик, который был после этого брошен экипажем и затонул на подходах к бухте. Отказавшись на время от высадки, фашисты обрушились всей мощью своей авиации на зенитную батарею, защищавшую подходы к бухте с воздуха. Земля вокруг нее была буквально перепахана. Подвергалась ударам и батарея Будаева. На ней возник сильный пожар. Командир и огневой расчет мужественно боролись с пожаром, спасая под бомбежкой боезапас. От осколков погиб командир комсомолец Е. П. Будаев.

Лишь 17 сентября, обойдя наши части с флангов, противник форсировал мелководный пролив Вяйке — Вяйн и ворвался на Сарема. Возможно, если бы генерал Елисеев бросил на позицию под Орис- сааре 46–й и 79–й стрелковый полки, врага удалось бы удержать на этой позиции. Комендант ограничился тем, что двинул сюда резерв, но из-за малочисленности он не смог противостоять врагу. Ориссаарская позиция оказалась прорванной.

Прорвавшись на Сарема, противник начал движение тремя группами: одна группа войск наступала к югу на Кюбоссар и дальше на Курессаре, вторая — к северному берегу на Тригги, Паммана, Тага — Лахт с целью оттеснить защитников в глубь острова и отрезать им пути отхода на Хиума; третья продвигалась в направлении на юго — запад к полуострову Сырве. Стрелковая бригада, понесшая большие потери, держать оборону на всем фронте в 40–45 километров не могла. Командование маневрировало войсками, стараясь сохранить наиболее важные узлы и опорные пункты. Совещание руководящего состава бригады, штаба и политотдела района обсудило, куда отступать — на юг или же к северному берегу Сарема, чтобы уйти на Хиума. Мнения высказывались разные. Одни командиры считали, что отступать нужно к северному берегу: в случае, если противник прижмет защитников к проливу Соэла Зунд, можно перебраться на Хиума. Другие высказывались за то, чтобы продолжать борьбу на Сарема, перейдя на полуостров Сырве, где имелись инженерные сооружения. Этот вариант привлекал и тем, что на юге были мощные батареи, которые могли поддержать оборону, аэродром, стояли торпедные катера. Возможности держать

длительную оборону ни тот ни другой вариант не давал — слишком малы были силы. К тому же противник уничтожил почти все плавучие средства, оставались считанные торпедные и разъездные катера; коммуникации, связывающие остров с Кронштадтом, были нарушены.

Генерал А. Б. Елисеев принял решение отходить к полуострову Сырве, о чем 20 сентября сообщил Военному совету флота. Измотанные непрерывными боями, ощущая недостаток оружия и > боеприпасов, наши отступающие части держались за каждый населенный пункт, каждый хутор. Отход частей к позициям на Сырве прикрывал саперный батальон капитана Евдокимова. Батальон справился с задачей, но понес большие потери, погиб в боях и коман дир батальона. В иные дни противник продвигался всего лишь на десятки метров, теряя при этом сотни людей.

22 сентября, на восьмой день боев за острова, генерал Елисеев прислал донесение, в котором сообщал о том, что части береговой обороны отошли на последний рубеж Сырве. Генерал просил помочь истребителями с подвесными бачками (для увеличения дальности полета. — В. Т.). «Удержание Сарема без реальной помощи мало вероятно, — сообщал он. — Требуется немедленно до 20 самолетов И-16». Мы долго обсуждали донесение. Ленинград переживал критические дни, враг наступал, бои шли на подступах к городу, каждый самолет был на счету. К тому же с аэродромов, находившихся под Ленинградом, истребители даже с подвесными бачками едва — едва дотянули бы до Сарема, а сажать их было некуда: в руках защитников уже не оставалось ни одного аэродрома. Как ни тяжело было нам признать это, мы ничем не могли помочь защитникам острова. Все же, несмотря на исключительно неблагоприятные условия полета, из Ленинграда на Сарема ночами 24 и 25 сентября вылетали два транспортных самолета за ранеными.

Последующие дни проходили — в исключительно жестоких оборонительных боях. Защитники отстаивали каждую пядь родной земли. Значительный урон врагу нанес сводный отряд коммунистов и комсомольцев 46–го стрелкового полка, прикрывавший рубеж Трииги- Лейси. Два дня шли здесь бои. Отряд поддерживала 180–миллиметровая батарея старшего лейтенанта Джофера Османова, расположенная на мысу Ниназе. Она прикрывала подходы к бухтам Тага — Лахт и Кюдема — Лахт. Когда мощная 317–я батарея израсходовала боезапас, личный состав взорвал ее. Комендоры присоединились к подразделениям 46–го стрелкового полка, отступавшим мимо Кихельконны к Сырве. Чтобы отрезать путь отхода, фашисты

выбросили в районе Мустьяла — Кихельконна крупный воздушный десант. Бойцы 2–го стрелкового батальона капитана Звездина этого же полка вместе с артиллеристами 39–го артиллерийского полка стрелковой бригады полностью его уничтожили.

Оборону на восточном берегу бухты Тага — Лахт занимала рота с пулеметным взводом под командованием лейтенанта Варламова, который отличился еще в финскую войну и был награжден орденом Красного Знамени. Начав по приказу отход к Сырве, рота столкнулась с крупными силами противника. Полтора суток, ведя неравный бой в полном окружении, она нанесла фашистам большие потери, дав тем самым возможность нашим войскам отойти к полуострову. Рота тоже потеряла немало бойцов, погиб и ее командир.

Ожесточенно сражалась 25–я батарея старшего лейтенанта А. С. Зи- нова. Когда кончился боезапас, комендоры взорвали два орудия, а два волоком дотащили на полуостров Сырве, где их срочно установили в районе Рахусте. Командовал новой батареей (ей присвоили номер 25–й) вернувшийся из госпиталя Букоткин.

К 27 сентября войска противника подошли к Сырве. На первом оборонительном рубеже Сальми — Мельдри они были остановлены. Оборону здесь держали 46–й стрелковый полк, 39–й артиллерийский полк, 69–й отдельный пулеметный батальон и другие подразделения бригады и береговой обороны. Командовал сухопутной обороной командир 46–го стрелкового полка подполковник А. С. Марголин.

Стремясь сбросить наши войска в море, противник неоднократно переходил в атаки на этом рубеже, теряя сотни солдат и офицеров. Защитники держались, но ряды их редели, силы таяли. В бой были брошены люди из штаба, политотдела, тыловых учреждений, актеры театра Балтийского флота.

Встретив на полуострове сильное сопротивление, фашистское командование ввело в действие надводные корабли, включая крейсеры «Лейпциг», «Кёльн», «Эмден». Почти ежедневно они подходили к бухте Лыу и обстреливали наши обороняющиеся войска с тыла. Одновременно наносились удары с воздуха. 27 сентября были обстреляны позиции на рубеже Сальми — Мельдри. Кораблям отвечали батареи Стебеля и Букоткина. Атаковали врага также оставшиеся в строю торпедные катера под прикрытием немногочисленной (прибывшей с Ханко) истребительной авиации летчиков Творогова, Бадаева, Бегуна, Лобанова, Шитова.

В неравных боях здесь отличился молодой командир звена торпедных катеров Борис Ущев. Торпедный катер Ущева первым

прорвал вражескую огневую завесу, вышел на предельно короткую дистанцию и атаковал корабли противника. Его примеру последовали и другие катера. Катер Н. Кременского попал в тяжелое положение; Ущев, невзирая на опасность, бросился на помощь товарищу, под огнем врага снял весь экипаж, поставил дымовую завесу и благополучно вышел из зоны огня.

Борис Ущев пришел на флот по призыву комсомола в 1937 году, успешно окончил Военно — морское училище имени М. В. Фрунзе и в первых же боях с врагом проявил мужество и героизм. Слава о его подвигах гремела на Балтике всю Великую Отечественную войну. Он заслуженно награжден Золотой звездой Героя Советского Союза.

Бесстрашно шли в атаки катерники В. П. Гуманенко, В. Д. Налетов, А. И. Афанасьев и другие защитники Моонзунда. В результате совместного удара батарей и торпедных катеров корабли противника были вынуждены уйти из бухты Лыу.

Тяжелые бои на этом рубеже продолжались неделю. В боях погибли почти все зенитчики 510–й батареи во главе с лейтенантом Матвейчуком. До последнего патрона сражались саперы 46–го стрелкового полка, саперы 34–го батальона, строившего знаменитую 315–ю батарею Стебеля. Роты капитана Б. Н. Тихомирова и старшего лейтенанта Ф. Н. Ковалева погибли почти в полном составе. После шести дней боев у защитников из 137 пулеметов осталось 11, а из 32 орудий — 3.

30 сентября наши сильно поредевшие части отошли на оборонительный рубеж по линии Каймри — Рахусте — Лью.

Защитники дрались с беспримерным упорством. Днем, после жестоких бомбежек и артиллерийских обстрелов, фашисты захватывали укрепления, а ночью наши люди шли в атаку и выбивали врага.

1 и 2 октября враг не прекращал атак, артиллерийских обстрелов и бомбежек ни днем, ни ночью. Сил и упорства у обороняющихся еще хватало, но у полевых батарей кончались снаряды, кончались винтовочные патроны, уже несколько дней бойцы не получали горячей пищи. Днем 2 октября фашисты прорвали последний оборонительный рубеж.

В этот день генерал — лейтенант А. Б. Елисеев на совещании командиров зачитал телеграмму, полученную из штаба фронта: «…За вашей борьбой с фашистской сволочью внимательно следим. Гордимся вашими боевыми успехами. Отличившихся представляем к правительственным наградам. Крепко жмем ваши руки. Жуков, Жданов».

Елисеев запросил у Военного совета разрешения отойти на Хиума. Согласие было дано. Фашисты, понимая, что силы

защитников иссякают, рвались вперед. Вот что пишет политрук сводного батальона военных моряков И. П. Денисов: «2 октября фашисты повели наступление на нашу линию обороны. Авиация повисла над нами, артиллерия била с суши, автоматчики поливали разрывными пулями. Все горело, смрад душил нас, дышать было трудно, со всех сторон раздавались стоны раненых, вой снарядов и гул самолетов. Но ряды наши были крепки. Когда я добирался ползком к окопу, не потерявшие бодрости военные моряки, летчики, техники, шоферы, катерники, пехотинцы и саперы задавали один вопрос: «Скоро ли, товарищ политрук, в атаку?»

Враги наседали. Они прозвали нас «черной смертью», и не напрасно. Я видел, как удирали от моряков вооруженные до зубов фашисты, бросая свои автоматы. Однако силы были неравные. Наши пулеметы все чаще и чаще стали глохнуть. Один за другим выходили из строя пулеметчики, а подкрепления уже не было».

По приказу оставить остров в последний раз поднялись в воздух шесть «чаек» — все, что осталось от 12–й Краснознаменной эскадрильи. Летчик — истребитель И. Творогов в письме ко мне пишет: «…все летчики сражались на Сырве смело, мужественно и геройски. Мы знали, что под нами на полуострове льется кровь наших братьев, и не жалели своей… Потом, продолжая воевать, я уже нигде больше не испытывал такого накала боя, как там, на полуострове… Можно представить себе, как мы взлетали и садились под висящими над нами истребителями противника, в воздухе беспрерывно шли бои».

В ночь на 3 октября четыре исправных торпедных катера с командованием, частью штаба и политотдела, группой раненых на борту вышли через Ирбен на Хиума.

3 и 4 октября бой продолжался. Остатки гарнизона продолжали стойко обороняться. В эти дни погибли в боях опытный политработник коммунист М. З. Шкарупа, помощник начальника политотдела по комсомолу М. М. Боровков, много других прекрасных командиров и политработников, сотни бойцов.

Мы в Ленинграде получили в это время телеграмму техника — ин- тенданта 2 ранга Александра Пантелеева:

«Командование береговой обороны выбыло на Хиума. Отправил туда же трех специалистов. Сам остался со Снимщиковым до последнего. Видимо, отсюда не вырваться. Мы прижаты к воде. Отступать некуда, помощи тоже не ждем. Если удастся, мелкими группами будем пробиваться по тылам. Настроение здоровое. Еще раз прошу: за документы не беспокойтесь, уничтожим и в руки врага' не дадим. Привет всем».

А. Пантелеев выполнил свой воинский долг. Документы были уничтожены. Он дрался до конца, последнюю пулю оставил для себя.

5 и 6 октября бои на полуострове пошли на убыль, организованное сопротивление подошло к концу, В ночь на 5 октября были уничтожены средства связи стрелковой бригады. В это время погибли руководившие обороной полуострова Сырве полковник П. М. Гаврилов и военком бригады батальонный комиссар И. В. Кулаков. Они ушли с группой командиров на последнем торпедном катере и были потоплены в море вражеским миноносцем.

Штаб бригады оказался в окружении. Начальник штаба полковник

В. М. Пименов, член партии с 1918 года, участник гражданской войны, боевой командир, после окончания боев уничтожил все документы и возглавил группу бойцов и командиров. Она прорвалась через боевые порядки войск врага и действовала в его тылах до 21 октября. В одном из столкновений В. М. Пименов был тяжело ранен и схвачен гитлеровцами. После девяти дней допросов и пыток отважный и мужественный советский воин был расстрелян на площади города Курессаре.

Трагический конец выпал на долю капитана А. М. Стебеля. Бывший секретарь парторганизации 315–й батареи сержант Н. Н. Пушкин вспоминает: «Когда гитлеровские войска приблизились к огневым позициям, более двухсот артиллеристов пошли защищать сухопутные подступы к батарее. Поддерживаемые орудийным огнем, они под руководством военкома батареи Белякова много раз ходили в контратаку на врага. Земля полуострова Сырве была усеяна трупами гитлеровцев. В кровавых схватках погибли военком Н. Ф. Беляков и многие командиры.

В первых числах октября гитлеровцы, понеся большие потери, подошли вплотную к батарее. На орудиях кончился боезапас, и капитан Стебель приказал взорвать башни. Со слезами на глазах мы подрывали пушки, уничтожали приборы управления огнем, затопляли подземные помещения.

На обломках батареи с новой силой разгорелся рукопашный бой… Капитан Стебель с группой моряков сражался до конца и, будучи раненым, попал в плен. Гитлеровцы зверски истязали его. Но командир коммунист стойко перенес чудовищные пытки и погиб героем».

Москва приняла радиограмму, переданную открытым текстом. «Радиовахту закрываю, идем в последний и решительный бой». Это была последняя весточка с острова

Сарема.

Около 170 человек — в том числе генерал Елисеев и другие руководители береговой обороны — на четырех торпедных катерах, как уже говорилось выше, оставив Сарема, перешли на Хиума. На коротком оперативном совещании комендант принял решение послать на Сырве все имеющиеся плавсредства, чтобы вывезти защитников полуострова. На Хиума было до восьми разъездных катеров «КМ», ограниченно пригодных для перехода открытым морем, так как большая часть требовала ремонта. Назначенному командиром отряда капитану 3 ранга П. А. Яковлеву было приказано вывести катера в ночь на 4 октября. Однако свежая погода и довольно сильный ветер делали переход невозможным. К утру отряд укрылся от большой волны и ветра у полуострова Кыпу (западная часть Хиума). Воздушные разведчики противника тщательно наблюдали за подходами к Хиума. Катера были обнаружены и подвергались ожесточенной бомбардировке.

Почти одновременно с катерами «КМ» на Сарема были посланы мотобот № 1 и речной катер «Свеаланд». Они также не добрались до цели. Вечером 4 октября были посланы торпедные катера. Кроме того, самостоятельный поход должны были выполнить катер «Этта» и небольшой металлический катер «МБЛ-3». На «МБЛ-3» штурманское обеспечение перехода выполнял гидрограф лейтенант Т. М. Кудинов, механическое — инженер — механик К. К. Роговцев, с командой шел политрук И. А. Кострикин. Несмотря на прямую угрозу быть уничтоженными, катер в невероятно тяжелых условиях погоды совершил переход открытым морем и подошел к полуострову Сырве. Вернуться назад ему не удалось. Вражеские самолеты сожгли катер, а оставшиеся в живых моряки были захвачены фашистами. Это были последние попытки помочь тем, кто остался на Сарема.

В свою очередь, защитники предпринимали попытки выбраться с Сарема на подручных средствах. Вспоминает капитан И. Я. Двойных: «В последний день боев на полуострове заместитель командира бригады полковник Ключников собрал на совещание оставшихся в живых командиров и предложил принять коллективное решение о дальнейших действиях. «Надежд на катера нет, боеприпасы кончились, — сказал он. — Остается одно — материальную часть вывести из строя». После этого Ключников предлагал подорваться на командном пункте, но с ним не согласились. Было принято решение строить ллоты и ночами перебираться через Ирбен- ский пролив на латвийский берег. Немногим удалось его достигнуть; большинство нашли свою

могилу в водах пролива или были выловлены катерами противника…»

Комендант обороны генерал Елисеев прислал в Военный совет донесение: «Все наши старания на скудных плавсредствах что-либо вывезти с Сырве на Хиума не увенчались успехом. Ни торпедные катера, ни катера «КМ», ни буксиры не могли прорваться… Противник сосредоточил большое количество кораблей, авиации, которые все уничтожают. Защитники Сарема сорок пять раз ходили в рукопашную… Мы заявляем всему советскому народу и правительству что личный состав Сарема отдал все для защиты Родины». Вооруженная борьба на Сарема не прекратилась и после захвата врагом полуострова Сырве. Многим защитникам удалось прорваться в тыл врага и бить его. Об этом сообщают политрук 34–го инженерного батальона А. Н. Костромин, старшина Г. А. Егорычев и другие. Сообщения такого рода содержатся и в документах врага, попавших в наши руки. Так, например, в донесении политической полиции Сарема указывается, что 21 октября группа советских воинов уничтожила полевой караул немецкого аэродрома. Приведу также письмо, которое мне прислал политрук И. П. Денисов, секретарь парторганизации батальона военных моряков, которым командовал капитан В. И. Ковтун. «… Я был слаб от потери крови. Ко мне подошел краснофлотец и сказал, что группа моряков собирается уходить в тыл врага. Раздумывать было некогда. Я попросил его перевязать мне раны. Достали винтовки, патроны и гранаты. К нам присоединились еще девять человек. Набили сумки противогазов тушенкой и хлебом. Я всех построил и сказал, что дело это добровольное, но важное, и, значит, дисциплина должна быть железная. Я брался командовать, хотя остров знал плохо. Краснофлотец (позже я узнал, что его фамилия Федоров, он из СНиСа) сказал, что два отряда уже ушли и что остров он знает хорошо. Мы решили переждать день в тростнике. Весь день просидели в воде. Было уже холодно. С наступлением темноты отправились в путь. Полуостров прошли за двое суток, дважды вступали в бой с фашистами (без потерь). Решили ночью двигаться, днем отдыхать, одновременно охотиться за одиночками. Каждый будет вести свой счет.

На четвертый день мы встретили большой отряд наших бойцов под командованием начальника связи береговой обороны майора Г. Г. Спицы, хорошо знавшего остров. Комиссаром отряда был военком 24–й батареи старший политрук Д. И. Беляев, комсоргом Кочепасов. После небольшой, но тщательной проверки нас приняли в отряд. От майора я узнал, что по острову разными дорогами идут три отряда, которые должны встретиться у

деревни Ориссаар в лесу, недалеко от дамбы. Предполагалось напасть на охрану перевоза, отбить самоходный паром и переправиться либо на латвийский берег, либо на Готланд. Когда в нашей группе узнали об этом, все воспряли духом, забыл и я свои раны, гноившиеся от сырости и грязи.

Тернистый путь выпал на нашу долю. Не так просто было добраться даже до Ориссааре. В бою около Кейгусте мы потеряли четы рех убитыми и шестерых ранеными. Перевязывать было нечем. Ежедневные стычки с немцами и кайселитами, ночные переходы по болотам до предела измотали людей. Мы были разуты и раздеты, без сна и отдыха, мокрые и голодные. Питались мерзлыми грибами, мхом, клевером. Отряд таял. Мы валились с ног от недосыпания и голода. Майор Спица уже неделю ходил с высокой температурой, старший политрук Беляев был весь в фурункулах. Коче- пасов еле передвигал ноги, меня связал радикулит. Но мы не сдавались.

Иногда удавалось подстрелить машину с продуктами: день — два мы были обеспечены. За время похода мы подбили около 10 автомашин, 8 мотоциклистов, уничтожили много кайселитов, которые больше всего нас преследовали. 26 октября утром, когда мы дошли до места встречи с другими отрядами (нас оставалось 18 человек), нас снова обнаружили кайселиты. Завязался бой. Патронов было очень мало. В бою смертельно ранило майора Спицу. Со стороны противника тоже были потери. На подмогу им подоспели фашисты с пулеметами и автомашинами. Мы рассредоточились почти по одному. Нас с Беляевым загнали в залив, мы едва стояли на ногах… Началась новая, мучительная, полная унижений и оскорблений, жизнь в неволе…»

Больше месяца скитались по острову командир 37–го инженерного батальона Сараев и военком Колегаев с товарищами, пока при пяˆ той попытке перейти дамбу на остров Муху их не схватили фашисты. Избив, изорвав одежду и сняв обувь, они завязали пленным глаза и связанных привезли на телеге в лагерь в Курессаре. Сюда же был доставлен начальник штаба батальона майор Тюрин. Окрестности Курессаре стали свидетелями гибели от истязаний, расстрелов и чудовищных издевательств многих тысяч людей, сражавшихся до конца с немецко — фашистскими захватчиками. У развилки одной из дорог на полуострове Сырве высится обелиск с надписью: «В 1941 году здесь сожжено немецкими фашистами свыше 100 офицеров и политработников Советской Армии». На этом месте когда-то стоял гарнизонный клуб. Его построили незадолго до войны. Октябрьским днем сорок первого года клуб запылал ярким факелом. Фашисты заперли в нем советских командиров и

политработников, облили бензином и подожгли. Каждого, кто пытался выбраться из огня, встречала автоматная очередь. Все они остались безымянными. Но подвиг их бессмертен.

А теперь рассказ о защитниках острова Хиума, втором по величине в архипелаге. Периметр обороны Хиума — 238 километров. Высадка десанта противника была возможна на многих направлениях.

Хиума обороняли незначительные силы — всего около 4000 человек. Командовал гарнизоном полковник А. С. Константинов, военкомом был полковой комиссар М. С. Биленко, начальником штаба— полковник П. В. Савельев. Получив приказание обороняться, А. С. Константинов доложил Военному совету флота: «Заверяем

Военный совет и просим доложить Наркому ВМФ, что личный состав готов сражаться до последней возможности».

Комендант острова имел в своем распоряжении батальон 79–го стрелкового полка, артдивизион 39–го артполка, два батальона 16–й стрелковой дивизии, оставшейся на материке, два инженерностроительных батальона: 33–й — капитана А. П. Морозова и 36–й — майора Г. С. Дубовского с довольно слабым стрелковым вооружением, саперный взвод, кавалерийский взвод, различные команды, шесть береговых батарей. Артиллерийская рборона была создана со знанием дела, в нее входили мощная 180–миллиметровая батарея капитана А. А. Никифорова на северном мысу, три 130-, одна 152-, одна 100–миллиметровые и две зенитные батареи.

Когда противник начал высадку одновременно на трех направлениях, коменданту было трудно решить, куда же бросить свои незначительные силы. Высадка началась на рассвете 12 октября, спустя семь дней после окончания боев на Сарема; целая неделя понадобилась противнику, чтобы сосредоточить здесь достаточные силы. Для высадки на Хиума были подготовлены крупные части 217–й пехотной дивизии, сосредоточенных на Сарема, Вормси и на побережье материка. Десант поддерживали авиация, миноносцы и легкие крейсеры[98].

В ночь на 12 октября наблюдатели южного берега Хиума заметили на Сарема необычное оживление и свет многих автомобильных фар. На рассвете, почти в темноте, противник, прикрываясь ураганным огнем своей артиллерии, начал форсировать залив. Шесть десантных отрядов шли на участок, занимаемый 33–м инженерным батальоном и 44–й батареей. Батарея немедленно, на предельной скорострельности открыла огонь. Точно посылаемые снаряды сметали с водной глади катера и шлюпки. В бой вступили и полевые орудия, пулеметы,

автоматы. Четыре десантных отряда были разбиты.

Противник направил усилия на левый фланг участка Теркма, где не было наших войск и куда огонь батарей не доставал. Вскоре фашисты высадились и на правом фланге участка, у деревни Нур- сте. Командир батальона А. П. Морозов бросил в бой свой резерв. С рассветом появились вражеские самолеты. Нарушилась связь с ротами; командиры рот и взводов действовали теперь самостоятельно. К деревне Валга был выдвинут отряд капитана Горюнова численностью 150 человек. Двое суток герои дрались на этом рубеже, нанося врагу значительные потери. Будучи раненым, Горюнов продолжал командовать отрядом. Смелый и мужественный человек, коммунист, он геройски погиб в бою. Остатки отряда отошли к деревне Нымба. Военный совет флота посмертно наградил Горюнова орденом Красного Знамени.

Фашистам мешала развивать успех западная батарея капитана Ф. Н. Волкова. Крейсер и миноносцы противника открыли по ней огонь, одновременно вели стрельбу орудия с Сарема, бомбила авиация. Против батареи Катаева, непосредственно в район огневой позиции, враг бросил часть десанта.

Пулеметчики и прожектористы защищали батарею ружейно — пулеметным огнем и гранатами, артиллеристы в упор расстреливали пехоту. Целый день бойцы сдерживали натиск противника. Вражеская группа захватила казарму батареи; несколько залпов — и казарма вместе с фашистами взлетела на воздух. То же самое произошло с сараем, куда ворвались фашисты. Около суток шли ожесточенные бои. До трехсот вражеских солдат было уничтожено на подходах к батарее.

— Нахожусь в окружении, — доносил Катаев, — веду бой. Противник у проволочного заграждения. Подвергаюсь обстрелу, бомбит авиация, коды сжигаю. Давайте открыто.

С наступлением темноты оставшиеся в живых артиллеристы взорвали орудия, штыками и гранатами расчистили себе путь, чтобы отойти на север к батарее Тахкуна. Командир отделения комсомолец сержант Ф. Е. Попов, находившийся в погребе с боезапасом, взорвал его. Мужественно и бесстрашно вели себя командир батареи М. А. Катаев, военком И. В. Паршаев, лейтенант Шалаев, старшина Бабаев, младший сержант комсорг И. В. Сабен- ников и другие.

На западном берегу жестокие бои разгорелись к югу от местечка Луйдья, там, где скрещиваются дороги Кярдла — Кипу — Эммасте— Луйдья. Здесь удар противника приняла на себя 5–я

рота 33–го инженерного батальона. Сюда же отходили разрозненные остатки 1–й и 3–й рот этого батальона. В многодневных боях с фашистами бойцы под командованием старшего лейтенанта Тихомирова сдерживали значительно превосходящие силы противника. Ни бомбежки, ни яростные атаки в течение нескольких суток не смогли сломить их сопротивления. Когда командир роты коммунист Тихомиров погиб, в командование вступил политрук М. М. Чернов. Рота с боями отошла на полуостров Тахкуна.

В условиях почти полного окружения пробивалась на север рота капитана М. И. Голованя из 36–го инженерно — строительного батальона. Полковник Константинов доносил: «Двое суток сдерживали натиск врага бойцы капитана Голованя. 15 октября, уничтожив свыше трехсот гитлеровцев, несколько противотанковых орудий и пять танкеток, они перешли в наступление. На следующий день, когда немцы бросили в тыл отряда батальон, Голованю было приказано отходить на Тахкуну. В ночь на 17 октября отважный командир со 120 бойцами и 76–миллиметровой пушкой с боем прорвался через вражеское кольцо. В боях за Кяйну и Нымбу противник потерял убитыми свыше семисот человек».

Учебная рота старшего лейтенанта М. П. Троязыкова создавала лесные завалы и минировала основные подходы к лолуостро — ву Тахкуна. На батареях бои шли до полного израсходования боезапаса, после чего по приказу коменданта сектора орудия взрывали, а личный состав вливался в ряды немногочисленных пехотных подразделений, отступая к оборонительному рубежу на полуострове Тахкуна. У основания полуострова подразделения встречали и по проходам в минных полях выводили на боевые участки.

На пятый и шестой день боев фашисты подошли к этой позиции. Подтянув артиллерию и пехоту, они начали ее штурм.

Левый фланг рубежа занимали сильно поредевшие батальоны из 16–й стрелковой дивизии. (Дивизия воевала в это время в составе 8–й армии на подступах к Ленинграду.) На мысу Тахкуна находились 180- и 130–миллиметровые батареи. Под прикрытием их мощного артиллерийского огня защитники отражали на этой последней позиции яростные атаки врага. Резервов больше не было.

До 20 октября шли ожесточенные, кровопролитные бои. Генералу Кабанову было приказано начать эвакуацию с Хиума. Здесь же находился начальник штаба военно — морской базы Ханко капитан

1 ранга П. Г. Максимов, прилетевший для того, чтобы вместе

с комендантом острова составить предварительный план эвакуации. В течение трех ночей, начиная с 19 октября, под обстрелом и бомбежкой к острову подходили катера и мотоботы.

Лейтенант В. М. Огарков, служивший в то время в составе охраны рейдов Хиума, вспоминает: «Командир охраны рейдов капитан — лейтенант Оленицкий получил приказание погрузить ночью на шхуну «Мария», находящуюся в миле от берега, людей, выведенных из боя. Катера, нагруженные людьми, в сильный шторм и ветер, в темноте вышли в море к месту стоянки шхуны. Катера шхуну не нашли, лишь потеряли время. Комендант острова Хиума полковник Константинов вызвал меня и приказал обеспечить погрузку людей. Когда я на катере вышел в море, то понял всю трудность задания. Сильно штормило, катера с большим трудом шли в нужном направлении. Шхуну обнаружили, но возникла другая трудность: как перегрузить на ее борт личный состав на волне. Опытный моряк мичман Капустин сумел использовать подъемы каждого катера на волне для выгрузки бойцов. Была организована поточная линия погрузки людей и оружия в срок, указанный командованием. На шхуну погрузили несколько сот человек с личным оружием».

Рассказ В. М. Огаркова дополняет письмо военкома 44–й батареи И. В. Паршаева: «21 октября после нескольких вражеских атак я был ранен и выбыл из строя. Мне предстояло эвакуироваться с другими ранеными на единственной рыбацкой лодке, с которой нас должны были перегрузить на маневрировавший в отдалении о г маяка Тахкуна мотобот. Около 13 часов к месту эвакуации прибыл командир батареи М. А. Катаев, также раненный в ногу. Я предложил ему пойти на мотобот. Михаил Александрович ответил: «Иди ты, Иван Васильевич, у тебя дети, а я холост, если будет возмож — мость, я приду со следующим рейсом шлюпки». Больше шлюпка с берега с людьми не пришла».

К утру 21 октября часть катеров и мотоботов снова пришла за бойцами. Сторожевой катер «МО» лейтенанта А. И. Терещенко подошел к пристани Лехтма, расположенной в восточной части рстрова. Во время швартовки катер был накрыт вражеским снарядом, погиб командир, смертельное ранение получил находившийся на катере командир звена К. М. Шевченко. В командование вступил младший лейтенант С. Г. Гончарук. Катер по сложному фарватеру, под сплошным огнем фашистов с трудом отошел от пристани. Выйдя в Финский залив, он встретился с несколькими торпедными катерами противника. Передав на Ханко о том, что вступает в бой, Гончарук несколько раз менял курс, отбиваясь от наседавшего врага. Четко и слаженно

действовали в бою мотористы во главе с воентехником 2 ранга К. И. Смирновым и старшиной группы мотористов С. П. Кулагиным. Удачными выстрелами из 45–миллиметровых пушек и пулемета наши моряки подбили два катера врага, остальные вышли из боя. Весь личный состав храбро вел себя в бою, подлинный героизм проявили командиры орудий Петр Черных и Александр Подлевский и пулеметчик Василий Андруцкий. Ночью морской охотник прибыл на Ханко, хотя и со значительными повреждениями и многочисленными ранеными.

Трое суток вывозили ханковцы защитников Хиума. В последние дни боев брали людей, стоявших по грудь в воде, но продолжавших драться с фашистами. Более шестисот человек было эвакуировано на Ханко и Осмуссар.

До последней возможности вели неравные бои роты 36–го инженерного батальона майора Г. С. Дубовского и остатки батальонов 16–й стрелковой дивизии. Упорно держала свои позиции рота старшего лейтенанта М. П. Троязыкова. 18, 19 и 20 октября она стояла на своих рубежах, обеспечивая эвакуацию защитников. Кольцо окружения сжималось все больше. 21 октября бой гремел на мысу весь день. Несмотря на многократное превосходство, фашисты особого успеха не имели. И 22 октября все еще держались наши люди. Но это был предел, силы иссякали с каждой минутой. Чтобы не оказаться сброшенными в море, было решено с наступлением темноты пробиваться небольшими группами в глубь острова и искать средства для переправы на материк.

Часть защитников во главе с майором Г. С. Дубовским и капитаном А. П. Морозовым прорвалась в глубь острова. Майору Дубов- скому далеко уйти не удалось, он погиб в неравном бою у Кяр- дла; погиб и военком батальона А. С. Зудин. Был ранен и попал в плен командир 33–го инженерного батальона капитан А. П. Морозов. Другие прорвавшиеся долго еще дрались с фашистами.

В 1949 году на Хиума было найдено письмо, в котором героические защитники береговых батарей писали: «Товарищи краснофлот — цы! Мы, моряки Балтийского флота, находящиеся на острове Даго (Хиума. — В. Т.), в этот грозный час клянемся нашему правительству и партии, что лучше погибнем до единого, чем сдадим остров. Мы докажем всему миру, что советские моряки умеют умирать с честью, выполнив свой долг перед Родиной! Прощайте, товарищи! Мстите фашистским извергам за нашу смерть. Курочкин, Орлов, Конкин».

Последний бой у Тахкуны вело всего несколько моряков, успевших отойти по каменистой гряде к морю. Они дрались

насмерть. Последний оставшийся в живых поднялся на сорокаметровый маяк. Он швырнул вниз винтовку, а затем и сам на глазах у фашистов бросился с маячной площадки вниз. Имя героя до сих пор неизвестно.

Оборона островов Моонзундского архипелага — тяжелая, но славная страница истории Великой Отечественной войны.

Победа на островах досталась врагу дорогой ценой. За время боев фашисты потеряли убитыми около 25 тысяч солдат и офицеров, много военной техники, десятки катеров, десантных барж, мотоботов. Немалые были потери и в составе боевых кораблей и транспортных судов. Финские ВМС поплатились гибелью броненосца.

Оборона островов Моонзундского архипелага силами флота продолжалась почти 120 дней от начала войны. Были скованы значительные силы врага. Минные заграждения по линии Ханко — Ос- муссар — Тахкуна — острова Моонзунда, прикрываемые артиллерией, были серьезным препятствием для кораблей противника. Попытки врага прорвать этот рубеж в Ирбенском проливе и наладить регулярное движение транспортов в Ригу не увенчались успехом. Стойкая оборона островов Моонзунда — Осмуссара и военно — морской базы Ханко лишила врага возможности вводить силы своего флота в Финский залив, а также организовать через Таллин, Хельсинки и другие порты регулярное снабжение своих войск.

Бои на островах Моонзунда происходили в то время, когда на рубежах непосредственной обороны Ленинграда шло ожесточенное сражение. Фашисты ничего не жалели, чтобы сломать нашу оборону и обезопасить свой тыл. За каждый метр советской земли враг платил дорогой ценой. Наши люди в тяжелых и кровопролитных боях проявили стойкость и мужество, бесстрашие и героизм, любовь и преданность своей Родине.

В обороне островов, особенно Сарема, активно участвовало население. За те полтора года, которые части флота провели на островах архипелага, военные моряки крепко сдружились с местными жителями. Эта дружба еще больше проявилась в дни боев за острова. Саремаский уком обороны в составе первого секретаря уездного партийного комитета А. Муя, председателя исполкома уездного совета М. Эллама и члена исполкома В. Рийса мобилизовали все людские резервы, транспортные средства, материаль — ныв возможности для помощи войскам. Из коммунистов, комсомольцев и советского актива был сформирован истребительный батальон под командованием капитана Лошманова, военкома секретаря укома КПЭ А. Кууль. Батальон вел напряженную борьбу с фашистами, сражаясь плечом

к плечу с воинами бригады. Окруженный на чердаке своего дома, сражаясь, погиб верный сын < эстонского народа Александр Муй.

Защитники Моонзунда совершили выдающийся боевой подвиг и заслужили право на бессмертие. На полуострове Сырве, на берегу моря в поселке Тахумарди в память о мужестве и героизме советских людей, защищавших, а потом освобождавших Сарема, стоит величественный монумент. Устремленный ввысь меч — символ стойкости советского воина, берегущего свою социалистическую Родину. Памятник символизирует вечную благодарность трудящихся Эстонии воинам, избавившим эстонский народ от фашистской оккупации.

# ГЛАВА 13. ОСМУССАР

Маленький экскурс в историю острова. На Осмуссаре строят батареи. Монтажники остаются воевать на башнях. Вражеские катера пытаются высадить десант. Осмуссар подчинен генералу С. И. Кабанову. Ответ защитников острова на ультиматум фашистов. Защитники покидают Осмуссар.

В устье Финского залива, там, где открываются просторы Балтийского моря и волна в штормовую погоду заставляет искать укрытия даже большие корабли, затерялся маленький скалистый остров Осмуссар (старое название — Оденсхольм). С военной точки зрения он расположен очень удачно, прижимаясь к побережью Эстонии в 12 километрах от самой западной точки берега и как бы прикрывая вход в залив.

Оденсхольм вошел в историю русского Балтийского флота еще в период первой мировой войны. В ночь на 13 августа 1914 года отряд немецких боевых кораблей особого назначения под командованием адмирала Беринга попытался проникнуть в Финский залив и уничтожить русские дозорные корабли. В тумане крейсер «Магдебург» с большого хода наскочил у Оденсхольма на камни и сел на мель. Попытка немецкого миноносца снять крейсер с камней успеха не имела. Тем временем к острову подошли русские крейсеры «Паллада» и «Богатырь». Немцы вынуждены были подорвать свой корабль. Позднее русские водолазы нашли на затонувшем крейсере трехфлажную сигнальную книгу германского флота, а в каюте командира обнаружили шифровальную таблицу, вахтенные журналы, карту морских квадратов и дневники. Эти документы позволили русскому командованию точно определить боевую обстановку на Балтийском море и в дальнейшем дешифровывать немецкие радиограммы. Копия шифровальной таблицы и экземпляр сигнальной книги были переданы англичанам[1].

Название острова не раз встречалось в сводках о военных действиях Балтийского флота и в годы Великой Отечественной войны. Еще в начале 1940 года по договору между Советским правительством и правительством Эстонии остров Осмуссар был передан Советскому Союза для строительства здесь мощных батарей. Такие батареи намечалось создать для защиты наших границ на нескольких островах, в том числе на соседнем с Осмуссаром острове Хиума, а также на полуострове Ханко, который арендовался у Финляндии по советско — финскому

договору 1940 года. Специальная комиссия, назначенная Народным комиссаром Военно — Морского Флота во главе с флагманом 2 ранга И. И. Греном, выбрала на Осмуссаре места для строительства батарей: четырехорудийной башенной 180–миллиметровой и открытой четырехорудийной 130-миллиметровой. Во взаимодействии со строившимися батареями на острове Хиума и полуострове Ханко они должны были надежно закрыть будущему противнику вход в Финский залив. Строительство на Осмуссаре возглавил военинженер 2 ранга П. И. Сошнев, главным инженером был назначен военинженер 2 ранга Б. Я. Сле- зингер.

В первой декаде июня 1940 года батальон строителей—1200 москвичей и ленинградцев — под командованием капитана Н. П. Токарева и военкома старшего политрука Е. Ф. Васильева на транспорте «Днестр» прибыл из Ораниенбаума к небольшой лоцманской пристани Осмуссара. Плоский, покрытый мелкой щебенкой остров в тот день, пожалуй, впервые за всю свою историю увидел такое количество людей.

Забивая колья для палаток, приехавшие убеждались, что работа здесь будет нелегкой: каждый кол упирался в скалистый грунт. А строительство как и на Моонзундских островах предстояло завершить всего за год. Военнослужащие строительного батальона были специалистами высокой квалификации. Все они хорошо понимали свою задачу: как можно быстрее и в глубокой тайне вырубить в известняке и песчанике котлованы, забетонировать этажи подземелья для будущих орудийных систем, смонтировать самую мощную в те времена дальнобойную береговую артиллерию. Прошло несколько месяцев, прежде чем с помощью пневматических инструментов и взрывчатки, вгрызаясь в скалистую землю ломами, бойцы сделали три котлована, два из которых глубиной до 12 метров — для двух башен, один — для командного пункта. Круглые сутки вывозили наверх взломанные пласты породы. Бороться приходилось не только со скалами, но и с водой. Как только строители начали выбирать породу ниже уровня моря, в котлованы хлынули грунтовые воды. День и ночь качали воду насосами. Порою котлованы затопляло. Всем приходилось подниматься наверх, работа приостанавливалась.

Одновременно с котлованами на острове сооружался бетонный завод. Когда начался новый этап строительства — бетонирование объектов (это было под новый, 1941 год) — разыгрался страшный снежный буран. Шесть дней и ночей над островом ревел ветер. Температура воздуха упала ниже 18 градусов. Но работу нельзя было приостановить. От бойцов,

командиров и инженеров потребовались буквально нечеловеческие усилия. Это была проверка их выдержки и мужества. Собрав всю свою волю, напрягая все силы, люди боролись со стихией. Горячее чувство патриотизма, тре «ога за порученное дело спаяли их в единый дружный коллектив. Каждый стремился помочь другому, и они победили, весной 1941 года строители закончили бетонирование башенных блоков. Начался монтаж обеих башен (в каждой по два орудия), ˆприборов на командном посту. Сборку артиллерийских систем вели < 60 ленинградских мастеров — монтажников под руководством опытного инженера П. П. Белозерова. Они имели большой опыт сооружения оборонных объектов.

Началась Великая Отечественная война. С первых же ее дней строители и монтажники принимали энергичные меры для ввода оборудования в эксплуатацию. 11 июля из Палдиски доставили все, что нужно для стрельбы башенной батареи на электрическом действии. Кроме строителей и монтажников, в оборудовании береговой артиллерии активное участие принимал прибывший на остров личный состав батареи, которой командовал старший лейтенант И. Т. Клещенко, выполнявший одновременно и обязанности коменданта гарнизона. Военкомом батареи был старший политрук В. П. Усков.

Большая часть краснофлотцев и командиров гарнизона прибыла «а остров с фортов Кронштадтской крепости. Все они, как правило, являлись старослужащими, понюхавшими порох еще в финскую кампанию 1939/40 года. Многие из них в составе берегового отряда генерала Н. Ю. Денисевича и отряда Б. М. Гранина прикрывали в ту жестокую зиму левый фланг наших войск от нападения противника со стороны Выборгского залива (через лед). Это были физически крепкие, хорошо подготовленные к несению боевой службы со всеми ее тяготами и лишениями воины, воспитанные на славных традициях Краснознаменного Балтийского флота. Высокое чувство ответственности за выполнение воинского и гражданского долга поднимало красноармейцев, краснофлотцев, командиров и рабочих на трудовой подвиг, в результате которого Осмуссар за короткое время превратился в немалую боевую силу, все трудились напряженно день и ночь, отдыхая и обедая тут же на рабочих местах. В течение 104 часов 130–миллиметровая батарея была установлена и подготовлена к отстрелу. 3 июля батарея, орудийный расчет которой состоял из краснофлотцев еще не законченной первой башни Ф. С. Митрофанова, встала на боевую вахту. Это была победа гарнизона острова, вселившая в каждого уверенность в свои силы, в возможности выполнения любых,

самых ответственных задач.

С таким же большим подъемом шли монтажные работы на башенкой батарее. Трудностей встречалось много, не хватало материала м отдельных деталей, а в августе, в связи с боями под Таллином, убыл на берег инженерно — строительный батальон. Обстановка осложнилась, сроки ввода в строй башенной батареи отодвигались. Но воля, изобретательность и, наконец, полное напряжение физических и моральных сил помогли гарнизону преодолеть все трудности.

Инженер П. П. Белозеров в одном из писем ко мне пишет: «Все береговые башенные батареи большого калибра устанавливались, монтировались тружениками нашего завода. Нет такого уголка, где бы мы не работали: Очаков, Одесса, Севастополь, Керчь, Прибалтика…

Нам поручали важное дело, и мы ехали, оставляли семьи в Ленинграде, меняли уют, хорошие квартиры на полуразрушенные бараки. Часто недосыпали, недоедали…

На Осмуссаре мы должны были установить башенную батарею и сдать ее командованию в 1942 году. В нашем распоряжении' вместо двух кранов оказался один, да и тот потерпел аварию, повредив башню. Золотые руки наших рабочих совместно с личные составом башни за две недели восстановили кран, исправили все- повреждения башни, опустили ее в гнездо. Этим же краном смонтировали вторую башню, причем в чрезвычайно сложных условиях. Наступала война, а у нас монтаж башен только начался. Командир- дивизиона на острове требует от нас укоротить высоту крана на 8—10 метров, так как он виден с берега, занятого врагом, а нам еще надо работать и работать с краном, поднимать и опускать детали по 20–30 тонн весом. Командование гарнизона поставило перед нами задачу работать день и ночь: башню нужно было- пустить хотя бы на ручном действии. Людей нам давали сколько[1] нужно, еду носили на башню. И мы ценой неимоверных усилий сделали то, что тогда считали чудом… Вы представьте, только за несколько считанных дней и ночей мы установили качалки — пушки, «накидали» с помощью крана броню на каркас стола, а потом из- башни уже домкратами наводили все на свои законные места. Всю неимоверную трудность этой работы может понять только артиллерист или опытный монтажник башен.

Здесь отличились мастера нашего завода Александр Степанович Захаров, Иван Февралов, Василий Гвоздев, медник Саша Медведев» (погибший в пути, при эвакуации), Никита Федорович Кукайло, Александр Егорович Юленков и многие — многие другие. Через десять дней башня уже стреляла… Морская

башенная артиллерии главного калибра, может быть, первый раз в жизни, стреляла, как полевая, без приборов, прямой наводкой по ручному визиру и глубокой шкале вертикального и горизонтального наведения. Он заставила корабли противника, прорывавшиеся в Финский залив, повернуть обратно…

Были взяты Сарема, Хиума и другие острова. Фашисты многократно пытались взять и наш остров, несколько раз пробовали высадить десант… Не было мин, не было запалов. И вот рабочие совместно с личным составом сами проектировали, сами точили и- изготовляли из тола, различных труб мины и всякие запалы: ударные, гальванические и управляемые из дзотов.

Потомки питерских рабочих готовились стоять насмерть, стояли» до конца и остались непокоренными. По нашему острову фашисты выпускали до трех тысяч снарядов в день, сожгли все наружные постройки. Мы ушли в землянки и, как ханковцы, продержались 165 дней…»

В июле командиром дивизиона и начальником гарнизона на острове назначили капитана М. Р. Цепенюка, ранее служившего в Кронштадте, военкомом — полкового комиссара Голубева, начальником штаба дивизиона — капитана Г. Г. Кудрявцева, исключительно деятельного командира, прекрасного артиллериста и душевного человека. Внимание командования было сосредоточено на быстром окончании строительства тяжелой батареи, формировании штаба и управления дивизиона. Капитан Кудрявцев, несмотря на то, что весь личный состав был занят на строительно — монтажных работах, находил время, чтобы изучить с артиллеристами правила стрельбы по береговым и морским целям. Ему был обязан гарнизон острова высокой культурой управления огнем и хорошей подготовкой артиллерийских расчетов. Вскоре на остров прибыл и личный состав 130–миллиметровой батареи во главе с ее командиром капитаном А. Н. Пановым, артиллеристы лейтенанты Москаль, Саковский, Синопальников и Шептуха из Севастопольского военно — морского училища.

Инженеры и рабочие предприятий имели право вернуться в Ленинград. Но все они решили остаться на острове и были включены в боевые расчеты батарей и подразделений противодесантной обороны. Воспитанники революции, уроженцы Выборгской стороны и Невской заставы, они понимали, в каком тяжелом положении находится Родина. Бывшие рабочие и инженеры включились в оборонительные работы по укреплению острова, подготовке траншей, дотов, дзотов. Часть из них стала саперами и создавала минный пояс вокруг острова. Они отлично

несли боевую вахту, проявляя выдержку, мужество и отвагу наравне с кадровыми краснофлотцами и старшинами. Парийский и Василевский стали командирами орудий, Н. Ф. Кукайло — старшиной комендо- ров — электриков, кроме того, он обучал личный состав овладевать новой техникой. А. Е. Юленков стал горизонтальным наводчиком, а П. П. Белозеров — политруком батареи и секретарем партбюро дивизиона.

Закончив строительство и монтаж артиллерийских систем, вооруженные первоклассной техникой, объединенные общим командованием, командиры и бойцы гарнизона смогли доложить, что Осмуссар к бою готов.

Фашисты не предполагали, что остров за короткое время сможет стать неприступной крепостью. Поэтому в начале войны они не предпринимали почти никаких активных действий против его гарнизона. Эти действия начались уже осенью, в сентябре, когда вся территория Эстонии оказалась в руках захватчиков. 28 августа корабли и части, оборонявшие Таллин, оставили город. Из Палдиски ушел штаб береговой обороны. Вскоре почти весь материковый берег залива до непосредственных подступов к Ленинграду, за исключением ораниенбаумского плацдарма, был занят врагом.

А далеко на западе, в глубоком тылу противника, продолжали — защищаться два героических гарнизона: на полуострове Ханко и на отделенном от него тридцатимильным проливом острове Осмуссар. Они стояли непреодолимым препятствием на пути фашистского флота в Финский залив.

6 сентября противник решил операцию ло захвату Моонзундских дотровов начать с Осмуссара. Маленький остров по сравнению с другими казался гитлеровцам самым беззащитным. В этот день первые вражеские снаряды разорвались на его территории. Мощная броневая и железобетонная защита позволяла спокойно и уверенно нести службу советским артиллеристам даже в минуты самого сильного обстрела. Осколки вражеских снарядов лязгали по броне. Снаряды взрывались на поверхности бетона, оставляя на нем лишь воронки глубиной в 20–30 сантиметров. Затем стрельба стала более интенсивной. Батареи противника располагались на. мысу Шпитхамн — Ригульди (западная точка на побережье Эстонии).

Все наши боевые расчеты находились в полной готовности, но ответного огня не открывали, не давая возможности противнику засечь точные места батарей. Вскоре пост наблюдения и дально- мерный пост обнаружили около 12 вражеских катеров, идущих из Рыбачьей бухты (около мыса Шпитхамн) по направлению к острову, и другую группу — из

девяти катеров, вышедших из бухты Ригульди и тоже направившихся к острову. Выждав, пока они подойдут на дистанцию, с которой можно поражать цель с большей эффективностью, наши батареи открыли огонь. К разрывам вражеских снарядов добавился оглушительный грохот батарейных залпов с острова. Фашисты пытались ослабить силу наших ударов по десантным катерам, усилив огонь. Но противник недооценил мощь артиллерийской обороны острова. Итог для врага оказался плачевным: часть катеров была уничтожена, часть повреждена л выброшена на камни. Уничтожив в море десант, батареи острова нанесли короткий, но мощный удар по огневым позициям врага на материке.

В двадцатых числах сентября у Або — Аландского архипелага появилась эскадра немецко — фашистского флота, готовая идти на прорыв в Финский залив, чтобы поддержать свои сухопутные войска, остановленные Красной Армией у стен Ленинграда. Но путь им был накрепко закрыт минными заграждениями, а также введенными в строй в первые дни войны (уже под обстрелом врага) усилиями рабочих, строителей и моряков батареями военно — морских баз Ханко и Осмуссара.

Противник не оставлял мысли о захвате острова. Установив более мощные батареи на побережье, он начал систематический обстрел. Тысячи снарядов падали в районе жилых построек, складов, огневых позиций и дальномерного поста. Изнуряющий повседневный огонь, угроза высадки десанта, постоянная боевая готовность стали будничной жизнью острова. Его батареи отвечали редко, сбере — тая боезапас на тот случай, если враг попытается высадить десант. Никто не мог знать, в какую из ночей противник предпримет попытку захватить остров. Поэтому ночью вся противодесантная оборона находилась в полной боевой готовности: две трети личного состава отдыхали тут же на боевых постах, одна треть бодрствовала, большое количество «слухачей» располагалось по периметру острова, непосредственно у уреза воды, наблюдая за горизонтом. Днем боевая готовность сохранялась: дальномерщики зорко наблюдали за морем. Краснофлотцы продолжали рыть в земле, в известняке щели и укрытия, сохраняя от случайных снарядов боезапас, продовольствие и, главное, людей.

7 сентября Военный совет Балтийского флота, учитывая обстановку в западной части залива, решил подчинить остров Осмуссар командиру военно — морской базы Ханко генералу С. И. Кабанову, который командовал теперь всей западной оборонительной позицией в Финском заливе. 10 сентября на Осмуссар прибыл военком военно — морской базы Ханко

дивизионный комиссар А. Л. Расскин с работниками штаба и политотдела для ознакомления с обстановкой и оказания необходимой помощи защитникам.

После возвращения на Ханко командование базой предложило усилить руководство на острове, учитывая особое положение и значение Осмуссара. Военный совет флота назначил командиром дивизиона капитана Е. К. Вержбицкого, военкомом — батальонного комиссара Н. Ф. Гусева, имевших большой боевой опыт и хорошо проверенных в работе. Проводя партийно — массовую и разъяснительную работу с личным составом, они учитывали тяжелое в то время положение на фронтах Великой Отечественной войны, изолированность гарнизона, огромное физическое и моральное напряжение людей, вынужденных совмещать трудовую и боевую «агрузки. Гусев требовал, чтобы политработники и пропагандисты доводили до сведения личного состава действительное положение на фронтах, разъясняли меры, которые партия и правительство принимали для мобилизации сил страны на борьбу с врагом, чтобы «четко ставилась задача перед каждым бойцом. Н. Ф. Гусев со знанием дела проводил семинары, оказывая политработникам и пропагандистам большую помощь в организации партийно — политической работы среди защитников острова. А это было очень важно в связи с отрывом от Кронштадта, отсутствием систематической доставки газет.

Многие из защитников острова в этой сложной обстановке вступили в ряды Коммунистической партии. Свидетельством высокого боевого духа, развитого чувства коллективизма и боевого товарищества являлись многократные случаи отказа раненых покинуть остров и эвакуироваться в тыл. На первой башне бессменную охрану объекта нес боец, потерявший левую руку в результате ранения. Отказался уйти с острова и старик — эстонец — механик погибшего военного транспорта «Вохи», добровольно изъявивший желание помочь гарнизону. Вооруженные наганами, они с особым пристрастием несли свою нелегкую двенадцатичасовую вахту изо дня в день на протяжении нескольких месяцев.

Командир дивизиона капитан Е. К. Вержбицкий учел запасы продовольствия, боеприпасов, горючего на острове и рассредоточил их в нескольких местах с расчетом продержаться не менее года. Оживилось строительство бытовых помещений — кухонь, столовой и подземного госпиталя. Эти работы не могли быть выполнены раньше, когда все силы направлялись на то, чтобы ввести в строй батареи. Штаб дивизиона под руководством капитана Г. Г. Кудрявцева отрабатывал новую, более действенную

и приспособленную к сложившейся обстановке организацию противодесантной обороны. Главной ударной силой становились батареи, а доты, дзоты, окопы и траншеи с боевыми расчетами и оружием располагались между ними. Был сформирован трехротный батальон численностью до 450 человек. Каждая рота занимала определенный участок обороны побережья. Командиром батальона назначили начальника строительства военинженера 2 ранга П. И. Сошнева, начальником штаба — главного инженера Б. Я. Слезингера (погибшего впоследствии при эвакуации). В распоряжении командира дивизиона оставался для маневра взвод численностью до 50 человек. Одновременно на побережье создавались траншеи полного профиля, дзоты и доты для пулеметов. Районы, наиболее удобные для высадки десанта; перекрывались плотными проволочными заграждениями под током, минами, управляемыми фугасами. Над инженерной подготовкой обороны трудился весь личный состав острова. Особенно отличался изобретательностью подрывник сержант Георгий Вдовинский, в прошлом большой мастер по применению взрывчатки в мирных целях. Он устроил на острове целую фабрику по производству различных мин, используя для этого все что попадалось под руку, вплоть до водопроводных труб, начиняя их толом. В течение сентября батареи несколько раз открывали огонь почти на предельной дистанции по транспортам противника, выгружавшим на остров Вормси подкрепления войскам, которые готовились к высадке на Хиума, по тральщикам, пытавшимся протралить фарватер в нашем минном заграждении. Враг подтянул на побережье десятки батарей, которые ежедневно выпускали по острову тысячи снарядов. Защитники острова понимали, что они, заставляя врага растрачивать свои силы, облегчают в какой-то степени положение советских войск под Ленинградом.

После окончания всех монтажных работ на башенных установках на острове развернулись большие работы по противодесантной обороне. К ноябрю личный состав Осмуссара создал более надежную противодесантную оборону, использовав для этого все людские и инженерные возможности. «Люди почувствовали, что они не одни, что есть командование, которое о них заботится и в беде их не бросит, есть общая боевая задача и единая боевая организация, а это в военном деле имеет решающее значение… Трудно в таких обстоятельствах сохранить веру в необходимость действий на одиноком клочке земли. Трудно, но надо. Потому и победили мы в этой тягчайшей и величайшей войне, что верили в партию, в народ свой, в конечную победу, в Родину нашу, в то, что каждый, на каком бы

клочке земли он не был оставлен, должен выполнить свою воинскую обязанность и драться до последней капли крови… Теперь это была часть нашего Гангута, такая же, как и все другие соединения и подразделения, только на более опасном и отдаленном участке, и мы чувствовали свою ответственность за судьбу оставленных там людей»[99].

Известный швейцарский историк Ю. Майстер писал: «В начале сентября русские внезапно обстреляли с острова эстонское побережье и временно вывели из строя германскую батарею. Кроме того, русские мешали перевозкам снабжения и пополнения из Ревеля в гавани, расположенные к западу. Таким образом, имелись более чем достаточные основания, чтобы овладеть этим опорным советским пунктом. Однако в связи с тем, что район вблизи Оденсхольма не был протрален, а также в связи с большой активностью советских батарей германское командование решило предоставить остров самому себе и ждать того момента, когда русские, измученные голодом, вынуждены будут сдаться… Фактически этого момента не наступило»[100].

Да, события развивались совсем не так, как планировало фашистское командование. После двух месяцев почти непрерывного обстрела территории острова и неудавшейся попытки захватить его с помощью десанта вражеское командование решило, что моральные и материальные ресурсы на острове исчерпаны, что настало время для предъявления ультиматума.

В начале ноября фашисты прекратили обстрел острова. Стояли морозные ясные дни. Корабли эскадры и отряда заградителей Балтийского флота уже начали эвакуацию защитников полуострова Ханко. Днем 4 ноября наблюдатели Осмуссара обнаружили в море шлюпку, шедшую от мыса Шпитхамн к острову. В ней сидели три человека — наши краснофлотцы, взятые в плен фашистами на Моонзундских островах. Бойцы противодесантной обороны встретили их у пирса и доставили к командиру дивизиона. Немецкое командование передало с ними капитану Вержбицкому письмо от командующего фашистскими войсками генерала Карлса. В письме генерал лицемерно восхвалял защитников острова, отлично выполнявших свой воинский долг. Там была также дезинформация о взятии Ленинграда и окружении Москвы. Враг предлагал прекратить сопротивление и сдаться в плен. Командиру дивизиона предлагалось через сутки собрать личный состав острова в юго- восточной части и вывесить на кирхе белый флаг.

Капитан Вержбицкий и военком Гусев немедленно донесли о

случившемся командиру базы Ханко генералу Кабанову. Вечером на острове были собраны командиры для ознакомления с ультимату мом и проведены общие собрания по подразделениям. На собраниях краснофлотцы, бойцы, рабочие, командиры единогласно решили: острова не сдавать и продолжать выполнение поставленных задач.

Утром 5 ноября на Ханко были приведены в готовность авиация, артиллерия, торпедные катера. Подводные лодки, находившиеся в устье залива на позициях, получили предупреждение о возможной высадке десанта на Осмуссар.

На следующий день ровно в 12 часов над островом взвилось боевое Красное знамя нашей Родины, символ свободы и мужества. Это был ответ героических защитников фашистам. Одновременно все артиллерийские орудия открыли интенсивный огонь по врагу. В первые минуты противник молчал, затем тоже ответил артиллерийским огнем. Немецкие батареи били по кирхе, стремясь разрушить ее и вместе с ней сбить Красное знамя. Но напрасно. Несколько дней фашистская артиллерия совместно с авиацией обрушивала на остров тонны металла. Надежные укрытия защищали его гарнизон. Ни техника, ни орудийные расчеты потерь не имели.

14 ноября задолго до рассвета артиллерия врага снова открыла огонь. Видимо, противник подтянул новые батареи. Тысячи снарядов опять летели на остров. После 8 часов утра дальномерщики гарнизона обнаружили 18 больших моторных катеров, которые шли в сторону острова. По предварительным расчетам, они могли иметь на борту до тысячи солдат. Вскоре катера направились к намеченным фашистами местам высадки. Капитан Вержбицкий некоторое время выжидал, чтобы в бой смогли вступить орудия и меньшего калибра. Когда катера противника подошли на расстояние около 60 кабельтовых (примерно 13 км), открыли огонь зенитчики старшего лейтенанта П. Л. Сырма. Затем в бой вступили орудия капитана А. Н. Панова. Наконец, огонь открыли мощнейшие в мире советские 180–миллиметровые орудия И. Т. Клещен- ко. Один за другим взлетали на воздух вражеские катера. Поверхность залива покрылась бросавшимися в воду фашистами. Шесть катеров пошли на дно, несколько, сильно поврежденных, выбросились позднее на берег у мыса Шпитхамн.

Командир первой башни Ф. С. Митрофанов вспоминает: «Десант противника был разбит на подходах к острову. От всплесков кипело море. Вражеские катера метались из стороны в сторону, взрывались, переворачивались вверх днищем, налетали друг на друга, а Осмуссар, крохотный неприступный остров,

который, казалось, весь обуглился от артиллерийского огня и бомбардировок, продолжал изрыгать огонь и сталь. В довершение боя в небе появились советские истребители, прилетевшие с Ханко. На бреющем полете они прошлись над десантом, расстреливая врага огнем своих пушек и пулеметов. Разгром десанта был полный…»[101].

Мощная артиллерийская оборона, созданная самоотверженным трудом защитников Осмуссара, отличная выучка артиллерийских расчетов, мужество, проявленное доблестным гарнизоном, сделали свое дело: очередная попытка противника подавить сопротивление героев провалилась. Особенно отличились артиллеристы тяжелой батареи и ее командир капитан Клещенко, командиры башен лейтенанты Митрофанов и Синопальников, командир 130–миллиметровой батареи капитан Панов и зенитчики старшего лейтенанта Сырма. В сообщении Советского Информбюро от 19 ноября 1941 года отмечалось: «Береговые батареи Балтийского флота отразили лолытку немцев высадить десант на остров О. Метким огнем советские артиллеристы потопили 6 катеров с солдатами противника» «Чувство гордости присуще всем оставшимся в живых, — писал в письме ко мне командир башни Митрофанов. — Мы гордимся героическими делами своих соратников, погибших в боях с заклятыми врагами Родины и не щадивших своей жизни в борьбе с ними. Мы гордимся тем, что нам выпала честь быть членами замечательного боевого коллектива защитников Осмуссара. Несмотря на тяжелую обстановку, настроение личного состава оставалось бодрым, боевые повреждения немедленно устранялись, ежедневно появлялись новые сооружения, делавшие оборону острова еще крепче, еще неприступнее. В бою краснофлотцы и младшие командиры проявляли мужество и отвагу, высоко держали боевой авторитет Краснознаменной Балтики».

Активность артиллерии противника снизилась. А тактика его осталась старой: «редкий огонь на изнурение». Но' этот огонь был не опасен, он велся почти всегда в одно и то же время и одинаковым количеством снарядов. Командир дивизиона приказал совершенствовать противодесантную оборону острова, ибо враг не отказался от мысли овладеть им. В это время по приказу Ставки корабли Балтийского флота продолжали эвакуировать гарнизон Ханко, а Осмуссар прикрывал своим огнем переходы боевых и транспортных кораблей от возможного воздействия противника. Помимо отражения попыток врага высадиться на остров, батареи с момента ввода их в строй провели до 70 стрельб по береговым и подвижным целям

противника на море.

Не исключено, что стойкость защитников Осмуссара была одной из причин пассивности немецко — фашистских и финских надводных кораблей в течение тех полутора месяцев, когда мы вывозили защитников Ханко.

По приказу командира военно — морской базы Ханко эвакуация гарнизона на Осмуссаре началась 22 ноября. К этому моменту на острове находилось чуть более тысячи человек. Капитан Вержбицкий получил приказ эвакуировать на Ханко в первую очередь больных, раненых и тех, кто не связан непосредственно с обороной острова. Вместе с личным составом вывозилось все носимое оружие, боеприпасы, продовольствие. Фортификационные сооружения подлежали уничтожению.

Все было выполнено точно по приказу. На канонерской лодке «Лайне» за четыре последних дня ноября было вывезено 649 человек с оружием, боезапасом и продовольствием. К 1 декабря на Осмуссаре оставалось более 350 человек, способных, если нужно, открыть огонь для прикрытия кораблей, эвакуировавших защитников Ханко. В ночь с 1 на 2 декабря 1941 года базовый тральщик 205 под командованием Е. Ф. Шкребтиенко снял с острова личный состав гарнизона в количестве 340 человек и доставил их на Ханко, откуда они эвакуировались на турбоэлектроходе, за исключением группы подрывников под руководством старшего лейтенанта Васерина, военпреда флота, принимавшего от строителей готовую батарею. Теперь Васерину предстояло уничтожить эти ценные объекты. Верным помощником у Васерина остался специалист по подрыву сержант Г. А. Вдовинский и пятеро краснофлотцев. Им было приказано в ночь со 2 на 3 декабря после отхода последнего эшелона с Ханко подорвать артиллерийские батареи и железобетонные блоки. Небольшая группа патриотов точно выполнила приказ командования. Подошедший к острову сторожевой катер старшего лейтенанта Г. И. Лежепекова снял подрывную команду и доставил ее на остров Гогланд.

Так сражались рабочие — ленинградцы, красноармейцы, краснофлотцы, инженеры, техники, командиры непокоренного острова Осмуссар. Вместе с защитниками Ханко они отвлекли на себя часть сил противника, наступавшего на Ленинград. Дальние морские подступы к городу Ленина в самые тяжелые дни его обороны были прикрыты от прорыва вражеских надводных кораблей. Защитники Осмуссара выполнили поставленную перед ними задачу.

# ГЛАВА 14. ГАНГУТЦЫВОЗВРАЩАЮТСЯ В ЛЕНИНГРАД

Ставка дала согласие на эвакуацию Ханко. Вице — адмирал В. П. Дрозд ведет отряд кораблей. Гибель «Сметливого» и «Гордого». Последний эшелон. Летчики — истребители прикрывают посадку гарнизона. В Ленинград доставлено 23 тысячи бойцов. Письмо гангутцев москвичам и ответ. Приказ по войскам Ленинградского фронта.

В 3–й главе книги я подробно рассказал о героической обороне военно — морской базы Ханко. 164 дня продолжалась эта легендарная эпопея. Ничто не могло сломить боевого духа гангутцев. Оборона Ханко, как и Севастополя, Одессы, Таллина, относится к числу операций Советских Вооруженных Сил, сыгравших важную роль в первом периоде войны. Оборонительные действия наших войск и флота замедляли наступление немецко — фашистских армий на ряде направлений советско — германского фронта, наносили значительные потери врагу.

Кроме того, оборона военно — морских баз имела большое морально — политическое значение. Это было яркой демонстрацией величия духа и стойкости советских воинов, благодаря которому советский народ изгнал фашистских захватчиков с территории нашей Родины и победоносно завершил войну. Ни одна наша военно- морская база, несмотря на неблагоприятные условия, сложившиеся для Советского Союза в начале войны, не была с ходу захвачена противником ни с суши, ни с моря. Только после того как задачи обороны баз были выполнены, они оставлялись в связи с передвижением и изменением линии фронта по решению Верховного Главкомандования.

Как правило, наши войска и силы флота уходили из военно — мор- ских баз морским путем. Это было довольно сложно. В окружении превосходящих сил противника требовалось быстро погрузить на боевые корабли и транспортные суда и перевезти морем крупные контингенты войск, техники и вооружения. Часто перевозки осуществлялись в условиях господства авиации противника в воздухе и очень сложной минной обстановки на

море. Именно в такой обстановке пришлось эвакуировать легендарный гарнизон Ханко.

Мы отдавали себе полный и ясный отчет в том, насколько трудна эта задача. Предстояло в сжатые сроки перевезти свыше двадцати тысяч человек с боевой техникой и всеми видами имущества. Флот располагал очень незначительными транспортными средствами и топливными ресурсами. На последнем участке пути Ханко — Ленинград и Кронштадт корабли и транспорты подвергались артиллерийскому обстрелу противника, занимавшего южный берег Невской губы; на самый слабый демаскирующий сигнал он немедленно отзывался стрельбой. При обнаружении мест разгрузки наших войск в Ораниенбауме и Ленинграде неизбежно следовали удары вражеской авиации.

И тем не менее откладывать эвакуацию было нельзя. Интенсивные действия неприятеля в сентябре свидетельствовали о том, что на базу готовится решительное наступление. Еще более осложнилось положение с наступлением осенней непогоды и приближением ледостава. Стоило образоваться льду, и полуостров переставал быть неуязвимым с моря. Организовать же наличными силами прочную круговую оборону было невозможно. И помочь гарнизону было трудно: что мог дать Ленинград, блокированный вражескими войсками. Поэтому, как ни просил генерал С. И. Кабанов принять срочные меры для подвоза боезапаса, продовольствия, топлива и различных материалов для усиления обороны, мы думали о другом — об эвакуации Ханко. Этого требовала и острая необходимость пополнить войска Ленинградского фронта в связи с предпринятой врагом тихвинской операцией.

Решение об эвакуации было принято не сразу. Я неоднократно вел на эту тему продолжительные разговоры с А. А. Ждановым. Не знаю, на что он надеялся, но в течение октября неизменно отвечал, что нужно подождать. Лишь в конце месяца его позиция изменилась. Было это так. Я доложил ему, что на Ханко отправляется отряд базовых тральщиков с запасом бензина и медикаментами на борту. На обратном пути они могут взять тяжелораненых и доставить их в Кронштадт. А. А. Жданов согласился с этим. После того как тральщики дошли до Ханко, я предложил Андрею Александровичу погрузить на борт вместо раненых батальон бойцов стрелковой бригады с личным оружием и доставить его на ораниенбаумский плацдарм, где исключительно велика была нужда в пополнении. Не знаю, что произошло, видимо, А. А. Жданов получил разрешение Ставки начать эвакуацию гарнизона Ханко, но только мне было дано

согласие на перевозку в Ленинград всего личного состава с техникой и запасами.

Расскажу о первом походе на Ханко. Подготовка к нему началась в середине октября 1941 года. Начальник штаба флота контр — адмирал ЙЭ. Ф. Ралль совместно с командиром охраны водного района капитаном 2 ранга И. Г. Святовым и командирами базовых тральщиков, изучая возможность доставки на Ханко ста тонн бензина для истребителей, пришли к выводу, что горючее можно перевезти в носовых соляровых цистернах тральщиков. Мысль эту подал И. Г. Святов. На обратном пути тральщики должны были по согласованию с командованием Ленинградского фронта вывезти раненых. В поход вышли три базовых тральщика со срезанными мачтами (чтобы уменьшить дальность обнаружения наших кораблей с береговых постов противника) и два катера — охотника с продовольствием, боеприпасами и медикаментами, кроме основного груза — бензина для истребителей. Командовал отрядом капитан

3 ранга В. П. Лихолетов, военкомом был полковой комиссар Н. И. Корнилов.

Для сокращения времени перехода от Гогланда до Ханко тральщики шли без тралов. До маяка Кери во главе отряда шли, выполняя роль прорывателей минных заграждений, БТЩ-203 (командир капитан — лейтенант М. Я. Ефимов) и БТЩ-217 (командир старший лейтенант И. Я. Становов). Одному из них, БТЩ-203, не суждено было дойти до Ханко. Он подорвался на мине и затонул.

На обратном пути тральщики, по указанию Военного совета флота, вывезли вместо раненых батальон стрелковой бригады с ручным оружием, противотанковыми ружьями. Батальон был направлен для усиления наших войск на ораниенбаумском плацдарме. Всего с Ханко было доставлено 499 бойцов и командиров.

Судя по всему, противник не заметил перехода наших кораблей на запад и с запада. В журнале Маппе КипйзЬаи, издаваемом в Западной Германии, в октябрьском номере за 1961 год приводится хронология боевой деятельности сторон осенью 1941 года. В хронологии ничего не говорится о появлении в это время советских кораблей в Финском заливе. А может быть, буржуазным историографам невыгодно и теперь, через двадцать с лишним лет, вспоминать о промахах нацистов в войне на море.

Обстановка на сухопутном направлении базы благоприятствовала эвакуации: противник отвел к этому времени на Карельский перешеек значительную часть своих войск из состава ударной группировки «Ханко», резко сократил здесь

действия артиллерии и авиации; корабли врага ограничивались несением дозоров, разведкой и эпизодическими нападениями на наши дозорные корабли.

На пути от Гогланда до Ханко наибольшую опасность представляли минные поля между мысом Юминда и Каллбодагрундом (средняя часть Финского залива) и между Хельсинки и Наргеном (с — евернее Таллина). И противник продолжал усиливать их. В районе Юминда — Каллбодагрунд только в сентябре противник поставил 958 мин и 700 минных защитников.

Свидетельство этой сложной минной обстановки можно найти, в частности, в уже упоминавшейся статье Ю. Ровера «Минная война в Финском заливе, сентябрь — ноябрь 1941 года». «Так как после эвакуации из Ревеля находящиеся при входе в Финский залив базы Ханко и Оденсхольм оставались в советских руках, — пишет Ю. Ровер, — немецкое командование считалось с возможностью советских попыток прорыва через заграждение Юминда, чтобы обеспечить или эвакуировать отрезанные западнее Кронштадта и Ленинграда базы. Поэтому прежде всего считали необходимым закрыть проходы в заграждении Юминда, сделанные при прорыве советских кораблей. Так, ночью 29, 30 и 31 августа флотилия кате ров — заградителей поставила три заграждения (Д-31, Д-32, Д-33) восточнее старого финского заграждения «Валкярви» (по 30–36 мин ЕМС и соответствующее число буев). На пути русских в центре Юминды было поставлено дополнительное заграждение из 36 мин ЕМС и 40 буев…

В ночь на 3 сентября финский заградитель поставил западнее Юминды новое заграждение из 84 мин, одновременно немецкий заградитель «Кайзер» западнее этого заграждения поставил 120 предохранительных буев… Чтобы затруднить рейды советских кораблей в Ханко, финские сторожевые катера ночью 24 и 29 августа и 3 сентября поставили заграждение по 12 мин южнее подступов к Ханко.

…В ночь на 8 сентября катера из Котки поставили 48 мин северо- восточнее Сескара, охраняемые 40 буями… В ночь на 11 сентября флотилия катеров — заградителей поставила на путях к востоку от Гогланда заграждение из 36 мин ЕМС и 40 буев…

Повышенная активность Балтийского флота, связанная с применением артиллерии, вызывала опасения, что Советы в случае грозящей потери Ленинграда и Кронштадта смогут попытаться с готовыми к выходу в море кораблями своего флота пробиться на запад и интернироваться в шведских водах. Чтобы предотвратить это, было решено усилить заграждение Юминда. 17 сентября минный заградитель «Кобра» поставил заграждение

севернее мыса Пури- кари из 66 мин ЕМС и 100 буев и западнее Юминды — заграждение из 136 мин ЕМС, прикрытых 200 буями. Чтобы избежать возможности обхода этих заграждений, заградитель «Кайзер» поставил 21 сентября севернее маяка Каллбодагрунд заграждение из 126 мин и 100 буев и западнее этого маяка — 86 мин ЕМС. При возвращении с минной постановки заградитель «Королева Луиза» попал на мину и погиб.

…2 ноября в первый раз был отмечен, очевидно успешный, прорыв соединения из восьми кораблей на запад через заграждение Юминда. Были приняты соответствующие меры. В ночь на 3 ноября немецкий заградитель «Кайзер» поставил западнее Юминды на предполагаемом советском пути новое заграждение из 150 мин ЕМС (Д-46). Но в последующую ночь с берега наблюдали обратный рейс этого соединения и от этих мер, направленных против прорыва на запад, отказались… 12 ноября два финских заградителя вышли в ночь, чтобы поставить заграждение северо — западнее Юминды (Д-46). 14 ноября в районе этого заграждения наблюдалось большое число взрывов».

Можно видеть, что после прорыва флота из Таллина в Кронштадт противник два с половиной месяца выставлял все новые и новые минные заграждения. Всего же в Финском заливе с начала войны противник поставил 4631 мину и 3361 минный защитник.

Кроме того, на всем пути перехода существовала опасность обстрела наших кораблей береговыми батареями, атак авиации, торпедных катеров и подводных лодок. Враг находился в базах

(Хельсинки, Котка, Порккалауд, Таллин), которые располагались на обоих берегах залива; расстояние от них до фарватера, которым шли наши корабли, составляло всего 8—12 миль. В этих условиях корабли при каждом переходе вынуждены были избирать новые пути, постоянно менять курсы. Почти все маяки в Финском заливе не работали. Лишь на участке Кронштадт — Гогланд использовалась служба навигационного ограждения для обеспечения переходов.

Предварительное траление также было невозможно вести, так как в районе переходов господствовал противник. Но если бы оперативная обстановка и позволяла предварительно тралить минные поля, то и это не спасало положения, так как корабли и суда, проходя ночью опасные районы по счислению, далеко не всегда держались бы в пределах очищенной полосы.

Полное исключение подрывов на минах могло быть достигнуто только в результате достаточно точного определения границ опасных районов с последующим частичным уничтожением мин на фарватере шириною 10–12 кабельтовых и

охраны протраленных фарватеров. Однако в этом случае противник сразу обнаружил бы боевое траление и, надо полагать, немедленно отреагировал. Поэтому оставалось единственное — проводка кораблей непосредственно за тралами базовых тральщиков, которые обеспечивали относительную безопасность движения за ними боевых кораблей и транспортов, большую скорость хода и скрытность.

Личному составу тральщиков, экипажам боевых кораблей и транспортов предстояли большие моральные и физические испытания, особенно при совместном плавании ночью, когда необходимо было сохранять свое место в походном порядке, поддерживать непрерывную связь друг с другом, быть в постоянной готовности к оказанию взаимной помощи.

Наши люди были хорошо подготовленными моряками. За четыре месяца войны они приобрели немалый боевой опыт. За это время почти все эскадренные миноносцы участвовали в боях с вражескими кораблями в Рижском заливе, многократно противоборствовали вражеской авиации, особенно в ходе боев в Моонзунде. Многим из них приходилось иметь дело с неприятельскими минами, приносившими большие потери и повреждения. Экипажи эокадренных миноносцев и их командиры Е. П. Збрицкий, В. Ф. Андреев, Е. Б. Ефет, Б. П. Левченко, М. Т. Устинов, М. Д. Осадчий, В. И. Маслов, командиры дивизионов Г. С. Абашвили, С. Д. Солоухин, А. И. Заяц были уже «обстреляны» и подготовлены к решению самых сложных задач.

Базовые тральщики, отлично построенные советскими кораблестроителями, за эти месяцы также совершили много славных дел. Ни дня, ни ночи не знали покоя эти боевые корабли. Непрерывная проводка за тралами и сопровождение транспортов и боевых кораблей, боевое траление, перевозка на борту таких важных грузов, как бензин, боезапас для авиации в отдаленные гарнизоны, — вот далеко не полный перечень их обширных задач. Отличные экипажи под командованием П. Т. Резванцева, М. Д. Годяцкого, И. Я. Станового, Н. С. Дебелова, А. В. Цыбина, А. М. Савлевича, Г. А. Бада- ха, С. В. Панкова, М. П. Ефимова, Е. Ф. Шкребтиенко, В. Л. Гиллер- мана, М. А. Опарина и других представляли к этому времени слаженные боевые организмы, получившие солидный боевой опыт. Нужно отметить, что и экипажи минных заградителей «Марти» и «Урал» под командованием капитана 1 ранга Н. И. Мещерского и капитана 2 ранга И. Г. Карпова также были прекрасно подготовленными боевыми кораблями. Они выполнили на морском театре за четыре месяца войны основные оборонительные минные постановки и сыграли заметную роль в обороне морских подступов к

Ленинграду.

План эвакуации гарнизона Ханко оформился не сразу. На Военном совете флота был рассмотрен порядок и очередность вывоза личного состава, обслуживающего персонала, техники, продовольствия и других материальных ценностей. Учитывая мнение командира базы, решили вывезти в первую очередь войска второго эшелона, тылы, гражданское население, личный состав, не принимавший непосредственного участия в обороне. Наиболее боеспособные части, державшие оборону, — десять — двенадцать тысяч человек — запланировали эвакуировать последними на больших транспортах и боевых кораблях одновременно. Эшелонированная эвакуация обусловливалась тем, что мы не располагали необходимым количеством транспортных средств и кораблей обеспечения.

В ходе операции штаб флота скрупулезно анализировал все данные по обстановке, особенно минной, с учетом предыдущего похода разрабатывал рекомендации для предстоящего, которые утверждались Военным советом. В рекомендациях учитывалось, что путь между Гогландом и Ханко 130–140 миль корабли и суда должны проходить в темное время суток, чтобы не быть обнаруженными и не подвергаться ударам вражеской авиации и обстрелам крупнокалиберных батарей, установленных на острове Мяки- луото, на мысе Юминда и в других пунктах.

Для оказания помощи кораблям и судам на случай подрыва на минах был создан специальный аварийно — спасательный отряд (командир капитан 2 ранга И. Г. Святов, военком бригадный комиссар Р. В. Радун), который с 27 октября базировался на остров Гогланд. В него входили тральщики, буксиры, спасательные суда, сторожевые и торпедные катера. Отряду вменялась в обязанность также перевозка с Гогланда в Кронштадт грузов и людей, которые окажутся на острове в результате спасательных действий.

На Гогланде сосредоточивались запасы горючего для торпедных и сторожевых катеров, которые не могли пройти от Кронштадта до Ханко за одну ночь. Сюда направлялись корабли при ухудшении погоды.

Кроме того, дневную стоянку кораблей у Гогланда могли частично прикрыть истребителями флота. Конечно, ни на какое прикрытие с воздуха кораблей и транспортов на переходах Гогланд — Ханко и обратно мы тогда рассчитывать не могли. Во — первых, потому, что истребители, базировавшиеся в районе Ленинграда, обладали недостаточным радиусом действия и не могли прикрывать корабли и суда, находившиеся в боевых походах западнее Гогланда. Во- вторых, мы располагали тогда

ограниченными ресурсами горючего. Короче говоря, корабли и транспорты в случае нападения вражеской авиации могли рассчитывать только на свою корабельную зенитную артиллерию и пулеметы.

Получив разрешение Ставки на эвакуацию всего гарнизона Ханко, мы вызвали в Кронштадт начальника штаба базы капитана 1 ранга П. Г. Максимова. Ему были переданы указания для командования базы о порядке эвакуации, после чего он возвратился на Ханко. Кабанов и Расскин приняли эти указания безоговорочно, хотя, прибыв в декабре в Кронштадт, признались, что с болью в сердце думали о том, что придется оставить землю, на которой вложено столько сил, за которую пролита кровь наших воинов.

Общее руководство эвакуацией Военный совет флота оставил за собой, непосредственное командование отрядами было возложено на командующего эскадрой вице — адмирала В. П. Дрозда и военкома бригадного комиссара Ф. Г. Масалова. Очередность эвакуации частей и подразделений устанавливалась командиром базы; на него возлагалась организация полной эвакуации гарнизона с минимальными потерями, обеспечивая надежную оборону занимаемых рубежей. То, что невозможно эвакуировать (вооружение и ценные объекты), решили уничтожить.

Руководил посадкой бойцов на корабли и суда, следил за порядком во время погрузки также командир базы. Большую работу вел штаб базы. Основная ее цель состояла в том, чтобы сорвать попытки противника интенсивными обстрелами гавани и причалов нарушить погрузку. При получении извещения о выходе кораблей и транспортных судов из Кронштадта штаб базы каждый раз составлял план в нескольких вариантах. В плане предусматривалась погрузка войск и техники с причалов; погрузка войск на корабли, находившиеся на рейде; погрузка войск при сильном артиллерийском обстреле и воздействии авиации противника.

С приходом кораблей и судов в гавани Ханко приводилась в немедленную готовность часть береговой артиллерии. Благодаря этому, во время нахождения в базе они не получали повреждений от вражеской артиллерии. Случай с миноносцем «Сметливый», в носовое орудие которого попал снаряд, был исключением. Прикрытие с воздуха при летной погоде осуществлялось зенитной артиллерией и истребительной авиацией; в нелетную погоду самолеты находились в боевой готовности на земле. Воздушное прикрытие было эффективным: 2 и 6 ноября было сбито три вражеских самолета. Прикрывались места погрузки и с моря.

Велась непрерывная разведка подходов к базе, находились в ночных дозорах сторожевые катера. посредственно за прием и отправку кораблей, организацию посадки бойцов отвечал командир охраны водного района базы капитан 2 ранга М. Д. Полегаев. Ему подчинялись лоцманская служба, плавучие средства, гидрорайон со службой маяков, коменданты посадок на кораблях.

Оперативным обеспечением эвакуации, разведкой на морском театре, прикрытием на переходах кораблей и судов ведала специальная группа командиров штаба флота, которая подчинялась непосредственно начальнику штаба контр — адмиралу Ю. Ф. Раллю, находившемуся в Кронштадте.

На позициях в различных районах Финского залива были развернуты подводные лодки, обеспечивали эвакуацию также части минно — торпедной и бомбардировочной авиации и береговая артиллерия. Особенно детально продумывалась защита конвоев в Невской губе. Когда корабли входили в губу, в готовность приводились корабельные, береговые и железнодорожные батареи; в любой момент они могли вступить в бой с вражеской артиллерией. На аэродромах в это время дежурили самолеты — ночники.

Все эти меры служили гарантией того, что эвакуацию удастся осуществить успешно.

30 октября приказом командующего флотом в Кронштадте был сформирован для перевозки войск отряд боевых надводных кораблей в составе эскадренных миноносцев «Стойкий» (командир капитан 3 ранга Б. П. Левченко) и «Славный» (капитан 2 ранга М. Д. Осадчий), минного заградителя «Марти» (капитан 1 ранга Н. И. Мещерский), четырех базовых тральщиков — 207, 210, 215, 217 и пяти сторожевых катеров из дивизиона капитан — лейтенанта М. В. Капралова. Командовал отрядом вице — адмирал В. П. Дрозд (военком бригадный комиссар Ф. Г. Масалов). Штурманское обеспечение осуществлял флагштурман эскадры капитан — лейтенант Л. Е. Родичев.

31 октября отряд вышел к Гогланду. Для оперативного обеспечения переходов на позициях в устье Финского залива находились подводные лодки «С-9» (капитан — лейтенант С. А. Рогачевский) и «Щ-324» (капитан — лейтенант Г. А. Тархнишвили), а в районе Таллина — «С-7» (капитан — лейтенант С. П. Лисин).

Днем 1 ноября отряд находился уже на рейде у Гогланда. Здесь командующий эскадрой В. П. Дрозд лично передал И. Г. Святову решение Военного совета об эвакуации Ханко. И. Г. Святову предписывалось оставаться на Гогланде, привлечь в

состав отряда прикрытия все корабли и катера соединения охраны водного района, которым он командовал. В тот же день вечером отряд В. П. Дрозда вышел из Гогланда и 2 ноября без потерь пришел на Ханко. Немедленно началась погрузка. Корабли отряда неоднократно обстреливались артиллерией противника. Вечером отряд вышел в обратный путь. Возвращение проходило в гораздо худших условиях. В тралах тральщиков и параванах — охранителях миноносцев взорвалось 16 мин. Один из взрывов произошел в непосред ственной близости от минного заградителя «Марти», котлы на корабле сдвинулись с фундамента, часть помещений затопило, был погнут шток цилиндра высокого давления, нарушен режим работы главных машин. Еще от одного взрыва на БТЩ-210 (командир старший лейтенант С. В. Панков) деформировалась палуба в кормовой части. Била по кораблям и артиллерия противника с мыса Юминда. Тем не менее 3 ноября отряд уже стоял на Гогландском рейде, а еще через день пришел в Кронштадт, доставив 4230 бойцов и командиров с вооружением и боеприпасами, а также два дивизиона полевой артиллерии. От маяка Толбухин до Ленинграда корабли двигались во льдах толщиной до 10 сантиметров.

Насколько сложным и трудным был этот поход, можно представить по небольшой выдержке из вахтенного журнала минного заградителя «Марти», которую мне прислал капитан 1 ранга Н. И. Мещерский, командовавший тогда этим кораблем.

«2 ноября 1941 года.

18.30. Закончили погрузку войск. Приняли 2029 человек, пушек разных 60, много боезапаса, винтовок, минометов, патронов и разное военное имущество.

19.12. Отдали швартовы, вышли из гавани.

21.47. По правому борту в расстоянии 20 метров плавающая мина.

22.00. С левого борта прошла плавающая мина.

23.25. Прямо по носу взрыв мины в трале БТЩ. Дали средний ход.

23.37. С левого борта плавающая мина на расстоянии 10 метров.

23.38. С левого борта 2 плавающие мины, с правого борта одна плавающая мина на расстоянии 10 метров.

3 ноября 1941 года.

02. 22. Прямо по носу в трале БТЩ взрыв мины.

02.27. Прямо по носу взрыв мины в трале БТЩ.

02.42. С левого борта на расстоянии 30 метров плавающая мина. Разрыв снаряда на расстоянии 5 кабельтов. Огонь ведет батарея Юминды.

03.00. По правому борту прошли 2 плавающие мины.

03.25. Прямо по носу взрыв мины в трале БТЩ.

03.27. Второй взрыв в трале БТЩ.

03.55. С левого борта плавающая мина. Уклонились.

07.55. Стали на якорь у бухты Сууркюля у о. Гогланд».

Еще до возвращения отряда вице — адмирала В. П. Дрозда из Кронштадта на Ханко был направлен новый отряд боевых кораблей в составе эскадренных миноносцев «Суровый» (командир капитан 3 ранга М. Т. Устинов) и «Сметливый» (капитан 2 ранга В. И. Маслов), четырех базовых тральщиков, четырех морских охотников, четырех торпедных катеров. Командовал отрядом капитан 2 ранга В. М. Нарыков. Выйдя в поход 3 ноября, отряд благополучно достиг Ханко. Этому помогала исключительно благоприятная погода. Луна и штиль были такие, что плавающие мины замечали за 50–70 метров.

Во время стоянки кораблей на Ханко в эскадренный миноносец «Сметливый» попал снаряд противника. (На этом эсминце находился командный пункт отряда.) После чего В. М. Нарыков перешел на миноносец «Суровый», на «Сметливом» остался его заместитель командир дивизиона капитан 1 ранга А. И. Заяц. Приняв бойцов и технику, миноносцы и тральщики вышли в Кронштадт. На борту «Сметливого» находилось 560 человек, на борту «Сурового» — 507, на тральщиках — по 260 человек. Вскоре погодˆ резко ухудшилась, небо затянуло тучами, поднялся ветер норд — вестовой четверти силой пять — шесть баллов. Эта неприятность обернулась бедой при форсировании минного поля. В одиннадцати милях к северо — западу от Наргена в параван — тралах началу взрываться мины. Около полуночи одна из мин взорвалась в параван — трале миноносца «Сметливый». Исправляя повреждения, он несколько отстал. Вскоре с эсминца донесли командиру отряда, что повреждения исправлены, корабль продолжает движение. Однако через несколько минут он подорвался на второй мине. Взрывной волной оторвало полубак, погибли командир корабля В. И. Маслов, военком С. В. Щеглов, командир дивизиона

А. И. Заяц.

После гибели командира экипаж эсминца возглавил старший лейтенант П. И. Иванов. Он приказал всем перейти на борт подошедших к эсминцу тральщика 205 и катеров морских охотников. Через десять минут взорвалась третья мина… 80 членов экипажа и 270 эвакуированных воинов были сняты с гибнущего корабля. Потеряв «Сметливого», отряд 5 ноября прибыл на Гогланд, а затем перешел в Кронштадт, доставив с Ханко более 1200 человек.

Всегда переживаешь, когда узнаешь о том, что кто-то погиб или умер; вдвойне бывает тяжко, когда из жизни уходит человек, с которым встречался, служил или работал. Я близко знал Виктора Ивановича Маслова. Это был хороший военный моряк, прекрасный товарищ, рассудительный и спокойный человек. В 1935–1936 годах, когда мне довелось командовать эскадренным миноносцем «Яков Свердлов», В. И. Маслов был флагманским минером в составе того же соединения, куда входил и этот корабль. Довольно часто Виктор Иванович выходил в море на «Якове Свердлове» для практических торпедных стрельб и минных постановок, обучая личный состав корабля, в том числе и командира, лучшему использованию этого грозного оружия. За высокие показатели в боевой и политической подготовке в 1935 году Военный совет признал «Якова Свердлова» лучшим надводным ибраблем в составе флота. Немалая заслуга в этом принадлежала

В. И. Маслову. Два сына Виктора Ивановича продолжают дело отца, служат на флоте.

…Однако, несмотря на потери, задачу надо было выполнять. 9 ноября из Кронштадта к Гогланду вышел еще один отряд кораблей. В его состав входили эсминец «Стойкий» (командир капитан 3 ранга Б. П. Левченко), лидер «Ленинград» (капитан 3 ранга Г. М. Горбачев), минный заградитель «Урал» (капитан 2 ранга И. Г. Карпов) и транспорт «Жданов» (обеспечивающий капитан 1 ранга Н. И. Мещерский). Их переход обеспечивали пять базовых тральщиков и четыре морских охотника. Возглавлял отряд опытный моряк, командир линейного корабля «Октябрьская революция» контр — адмирал М. З. Москаленко, поднявший свой флаг на эсминце «Стойком», военкомом был полковой комиссар В. В. Смирнов. Штурманское обеспечение боевого похода осуществлял флагштурман эскадры капитан — лейтенант Л. Е. Родичев. Поздно вечером 10 ноября отряд направился от Гогланда к Ханко.; Ветер усилился до семи баллов, резко ухудшилась видимость. Походный порядок кораблей нарушился, они не могли идти за тральщиками. В районе маяка Родшер (к западу от Гогланда) пришлось стать на якорь.

Сложная гидрометеорологическая обстановка заставила командира отряда вернуть все корабли на рейд Гогланда, куда они и пришли утром 11 ноября. Следует признать, что командование и штаб флота допустили ошибку, разрешив отряду выход в столь неблагоприятную погоду. (Начальник штаба флота запретил впредь выходить кораблям при ветре свыше четырех баллов.) Вечером отряд вновь вышел в море. Два поврежденных базовых тральщика заменить было нечем, переход обеспечивали

три оставшиеся в строю — 210, 211, 215, — идущие в голове отряда. Этого было недостаточно, так как ни транспорт «Жданов», ни минный заградитель «Урал» не имели параванов — охранителей. Контр — адмирал М. З. Москаленко сразу за тральщиками поставил эсминец «Стойкий», на котором находился сам. За ним шли заградитель «Урал», лидер «Ленинград» и транспорт «Жданов» в охранении четырех морских охотников и торпедного катера. Порывистый ветер и высокая волна сильно затрудняли тральщикам идти строем уступа, это сводило почти на нет цсе меры противоминного обеспечения идущих за ними кораблей. В 22 часа 30 минут в левом параване — охранителе лидера «Ленинград», вышедшего за пределы протраленной полосы, взорвалась мина. Гирокомпас и лаг вышли из строя, носовая часть корпуса получила незначительное повреждение, но лидер продолжал движение. В 0 часов 23 минуты в параване — охранителе взорвалась вторая мина, были повреждены левая машина и корпус корабля. Командир лидера приказал застопорить машины. Вместе с ним остановился транспорт «Жданов», шедший ему в кильватер. Командир отряда не заметил этого, корабли продолжали движение. Вскоре лидер «Ленинград» стал ˆа якорь, командиру отряда была послана телеграмма: «Дважды подорвался на мине. Пробоины в первом отделении, в центральном посту, четвертом погребе, компас, лаг вышли из строя. С трудом справляюсь с откачкой воды. Самостоятельно идти не могу. Нуждаюсь в помощи. Стал на якорь». Давая телеграмму, командир лидера «ЛенингЬад» капитан 3 ранга Г. М. Горбачев не проверил, насколько серьезны повреждения. Сделав это, он, возможно, не стал бы поднимать тревогу, так как серьезных оснований для нее не было. Его поспешные действия привели к неправильной оценке обстановки командиром отряда, а потом и к потерям.

Получив телеграмму с лидера, контр — адмирал М. З. Москаленко приказал отряду лечь на обратный курс и идти на помощь. Решение неправильное, в подобных условиях ни в коем случае нельзя менять курс, по существу это означает уклонение от выполнения основной задачи. Тем более что можно было поручить оказать помощь аварийно — спасательному отряду И. Г. Святова, который базировался на рейдах Гогланда.

Дальнейшее развитие событий было драматическим. Два тральщикр, направившиеся для оказания помощи, от взрывов мин остались без тралов. При этом они потеряли ориентировку и не смоли найти лидер.

Видя, что на помощь никто не приходит, Г. М. Горбачев снялся с якоря, но так как гирокомпас работал плохо, обратился к

командиру транспорта «Жданов» с просьбой идти головным, следуя к Гогланду. И это его решение было ошибочным. Если, идя на запад, лидер с параван — охранителем создавал некоторое противоминное прикрытие для имеющего глубокую осадку транспорта, то теперь транспорт, не располагавший никакими средствами защиты от мин, мог надеяться только на счастливый случай. Но чуда не произошло. В 5 часов утра транспорт «Жданов» подорвался на мине и через 8 минут затонул. Команду спасли. Лидер снова стал на якорь, а затем подошедший БТЩ-211 привел его на Гогланд. Между тем отряд контр — адмирала Москаленко, повернувший на обратный курс почти с траверза Таллина (до Ханко оставалось 55 миль), попал на плотное минное заграждение. Базовые тральщики начали подсекать мины. Корабли и суда растянулись, управление отрядом нарушилось. Только в первой половине дня ˆноября отряд снова сосредоточился у Гогланда. Эсминец «Стойкий» и лидер «Ленинград» получили разрешение уйти в Кронштадт. На смену им пришли эсминцы «Суровый» (командир капитан 3 ранга М. Т. Устинов) и «Гордый» (капитан 3 ранга Е. Б. Ефет), базовые тральщики 206 и 207.

Вечером 13 ноября отряд, теперь уже под командованием капитана 1 ранга В. М. Нарыкова, вышел с рейда Гогланда. Впереди по курсу шли базовые тральщики 211 (старший лейтенант

А. М. Савлевич), 215 (капитан — лейтенант М. А. Опарин), 206 (старший лейтенант Г. А. Бадах), 217 (старший лейтенант В. Л. Гиллер- ман), за ними — эсминец «Суровый», минный заградитель «Урал», эсминец «Гордый» и морские охотники. В составе отряда шли подводная лодка «Л-2» (командир капитан — лейтенант А. П. Чабанов) — в Данцигскую бухту для постановки мин и «М-98» (командир капитан — лейтенант И. И. Беззубиков) — на позицию в устье Финского залива. В 21 час 19 минут с головного базового траль — щика увидели след торпеды, вероятно, ее выпустили с финской подводной лодки. Через некоторое время след второй торпеды был замечен с эсминца «Суровый». Вреда они не причинили. После полуночи 14 ноября отряд снова попал на плотное минное поле, выставленное противником накануне прохождения наших кораблей. В параванах базовых тральщиков начали рваться мины. На плавающей мине подорвался и затонул сторожевой катер М0–301.

Вскоре та же участь постигла базовый тральщик 206. Через три минуты последовал взрыв мины у левого борта «Сурового», пу- стя еще минуту от очередного взрыва миноносец потерял ход. Свежий ветер после недавнего шторма буквально гнал по

поверхности моря мины. Командир подводной лодки «Л-2», находившейся в окружении мин, решил встать на якорь, но это не спасло ее. Раздалось один за другим несколько взрывов, и лодка затонула. Вместе со всем экипажем «Л-2» погиб ее штурман! замечательный молодой поэт — маринист Алексей Лебедев. В командование отрядом вступил находившийся на миннодА заградителе «Урал» капитан 1 ранга Н. И. Мещерский (обеспечивающим командиром). Он приказал эсминцу «Гордый» следовать головным за тральщиком 215. С эсминца «Суровый» не было вестей, он продолжал оставаться там, где подорвался, в его распоряжении находились также два базовых тральщика. Отряд продолжал настойчиво идти на запад. В 3 часа 30 минут подорвался на мине й начал тонуть эсминец «Гордый». Тральщику удалось снять с него часть команды. Сопровождаемый морским охотником, утром 14 ноября тральщик 215 пришел на Ханко, приведя за собой минный заградитель «Урал».

Тяжела была потеря эсминца «Гордый». Командовал им прекрасный военный моряк капитан 3 ранга Е. Б. Ефет. Я лично знал его. Ефет считал себя потомственным моряком, он родился и вырос в Евпатории, работал на заводе «Красный путиловец» в Ленинграде. В 1930 году поступил в Военно — морское училище имени М. В. Фрунзе. Здесь он стал членом Коммунистической партии. Успешно закончив училище, Евгений Борисович плавал штурманом на эсминце «Ленин», помощником, а затем командиром на тральщике «Клюз». Он любил море, морскую службу, мог сутками не сходить с мостика, отлично управлял маневрами, увлекался историей военно — морского флота.

В 1939 году Ефета назначили командиром эсминца «Карл Маркс», он принимал со своим кораблем активное участие в войне против белофиннов, двенадцать членов экипажа были награждены орденами и медалями. Ефет был удостоен ордена Красного Знамени. Накануне Великой Отечественной войны Евгений Борисович стал командиром эскадренного миноносца «Гордый». Он знал настроение своих людей, любил общаться с ними, воспитывал у них стремление к подвигу, к прославлению военно — морского флага. Я уже писал о том, как бесстрашно действовал Е. Б. Ефет во вре мя таллинского перехода. Это был один из молодых командиров, которые после окончания училища столь быстро продвигались па командной линии.

Полетать командиру был военком эсминца батальонный комиссар Д. И. Сахно. В 1936 году он окончил Военно — политическое училище имени Энгельса. Уже спустя четыре года получил назначение военкомом эсминца «Энгельс». В июле 1941 года эсминец попал под удары вражеской авиации. Одна из бомб

сильно повредила корпус корабля. В эти часы Сахно вместе с краснофлотцами заделывал пробоины и щели в разорванных бортах, подбадривая личный состав. «Энгельс» пришел своим ходом в Таллин] после чего был направлен на ремонт в Кронштадт, но до базы он не дошел. Подорвавшись на минах, эсминец погиб. Комиссар вместе с командиром последними сошли с корабля. Получив назначение на «Гордый», Д. И. Сахно с присущей ему энергией и деловитостью быстро вошел в жизнь нового коллектива

И вот жизнь этих отличных военных моряков, настоящих большевиков — командира корабля Е. Б. Ефета и комиссара И. Д. Сахно — так же, как и жизнь их боевых друзей, трагически оборвалась. Артиллерист эсминца, в то время старший лейтенант Н. В. Дутиков, в письме ко мне так описывает гибель корабля; «Курсом 264° прошли меридианы маяков Хельсинки и Таллина. Маяки горели. На ходовом мостике находились командир дивизиона П. Н. Петунии, командир корабля Ё. Б. Ефет, военком Д. И. Сахно, штурман А. К. Лященко, помощник командира И. С. Багринов, я и несколько краснофлотцев. На мостике царили спокойствие и порядок, каждый занимался своим делом. Когда прошли некоторое расстояние от меридиана Хельсинки на запад, с левого борта раздался глухой взрыв. В параване — охранителе взорвался защитник или мина. Корабль подбросило. Не снижая скорости, мы продолжали движение на запад. Поступило несколько докладов об устранении незначительных повреждений механизмов. ' Спустя некоторое время с левого борта в районе кормового торпедного аппарата раздался второй мощный взрыв. Носовая часть корабля зарылась в воду, по палубе прокатилась волна. Корабль остановился и начал крениться на левый борт.

Всех, кто находился на мостике, сильно подбросило и контузило. Меня ударило о надстройки с такой силой, что пошла кровь из носа и ушей, на некоторое мгновение я потерял сознание.

Погас свет, механизмы были остановлены, многие из них вышли из строя. Крен увеличивался. На мостик поднялись инженер — механик И. К. Дергачев и главный старшина Анисимов: они доложили, что с левого борта большая пробоина, заделать ее пластырем невозможно, вода распространяется по всему кораблю, спасти корабль своими силами невозможно. Командир приказал принимать все меры к сохранению плавучести корабля.

Крен увеличивался все больше. Командир и все находившиеся на мостике сошли на полубак и ростры правого борта. Инженер- механик Дергачев вторично доложил, что спасти

корабль невозможно. Г Идущий позади минный заградитель «Урал» под командованием капитана 1 ранга Н. И. Мещерского начал обходить нас с правого борта, намереваясь оказать помощь. Но между «Гордым» и «Уралом» плавало много мин, Ефет приказал офицерам кричать, чтобы минзаг не подходил. Эсминец продолжал ложиться на левый борт. Завалило внутрь корабля шлюпку правого борта, спустить ее на воду мы не смогли бы. Шлюпка левого борта уже касалась поверхности воды. Все понимали, что положение безнадежное, но на корабле царили спокойствие и организованность. Корабль медленно погружался в воду. Г Командир корабля приказал спустить на воду шлюпку левого борта, на которой я был расписан. Вместе со старшиной В. В. Лагутиным и краснофлотцем Хреновым я вскочил в шлюпку, мы отдали крепление, она опустилась на воду…

К борту подходил катер морской охотник, идущий в охранении «Гордого», с него кричали: «Командира и комиссара на катерЬ Однако командир приказал посадить на катер командиров и краснофлотцев, объявив, что они с комиссаром сойдут последними. На катер перешло 74 человека. Отправлял катер военком Сахно. Он же отправил и последнюю шлюпку, после чего стал пробираться на полубак, где находился командир с частью экипажа. Корма миноносца к этому времени так глубоко ушла в воду, и крен был настолько большой, что передвигаться по борту можно было только ползком, цепляясь за скобы и выступы, как на обледенелом скате крутой скалы. До гибели корабля оставались считанные минуты, но ни командир, ни военком не покинули полубака, так как на баке виднелись фигуры нескольких краснофлотцев. Личный состав без приказания выстроился вдоль правого борта. Ефет и Сахно запели «Интернационал», его подхватили все командиры, старшины и краснофлотцы. Пели в полный голос, звуки гимна далеко разносились по заливу.

В 4 часа 36 минут утра 14 ноября 1941 года после взрыва третьей мины под кормой волны Финского залива поглотили эскадренный миноносец «Гордый».

В ноябре противник поставил несколько новых минных заграждений, и поэтому Военный совет флота решил вывозить защитников Ханко на небольших кораблях — тихоходных тральщиках, сетевых заградителях и канонерских лодках, — хотя при этом сроки завершения эвакуации отодвигались. И. Г. Святову было приказано использовать все пригодные для эвакуации тральщики и сторожевые суда своего соединения. Роль этого толкового командира возросла, фактически он стал руководителем эвакуационных сил.

19 ноября с рейда Гогланда на Ханко вышел отряд, в состав

ко — торого входили сетевой заградитель «Азимут», сторожевой корабль «Вирсайтис» и тихоходные тральщики «Клюз», 58, 35, 42. Возглавлял отряд командир дивизиона тральщиков капитан 3 ранга Д. М. Белков, военкомом был батальонный комиссар В. А. Фокин.

Идти было очень трудно: дул сильный южный ветер, шел снег. Небольшие корабли не имели гирокомпасов и лагов, с трудом определяли свое место в море. Тем не менее на следующий день отряд прибыл на Ханко. От Гогланда корабли по указанию И. Г] Святова шли для ускорения движения без тралов и несколько измененным, нежели первые отряды, курсом — прижимались к финским шхерам.

Почти одновременно на Ханко прибыли два базовых тральщика. С ними шли транспорт 548 тыла флота и два морских охотника, однако из-за пурги они отстали и вернулись на Гогланд.

21 ноября отряд Д. М. Белкова отправился в обратный путь. Кораблей стало больше: «Азимут», «Вирсайтис», пять тральщиков и транспорт «Майя» тыла флота. Из-за ветра, достигавшего семи баллов, шли без тралов. В ночь на 22 ноября «Азимут» (командир капитан 2 ранга А. Ф. Цобель) столкнулся с плавающей миной, подорвался и затонул со всем личным составом. Такая же судьба постигла и ТЩ-35 «Менжинский». Остальные корабли и транспорт «Майя» благополучно пришли в Кронштадт, доставив с Ханко более 1500 красноармейцев и командиров и 520 тонн продовольствия.

Удачным был поход на Ханко транспорта 548, сторожевого корабля «Коралл», тральщика «Ударник» и двух морских охотников под командованием капитан — лейтенанта Г. С. Дуся (военком батальонный комиссар Банников); корабли пришли в пункт назначения 23 ноября. В этот же день на Ханко вышел отряд капитана

3 ранга Д. М. Белкова в составе сторожевых кораблей «Вирсайтис» и 18, тральщиков 42 и «Клюз» и двух морских охотников. С Ханко с ними шел также транспорт «Минна». Обратный путь был не столь успешным. Тральщик «Клюз» (командир лейтенант Ф. Д. Шалаев) подорвался на мине и затонул в течение четырех минут: из-за взрыва образовался большой дифферент на нос, оголились винты, и корабль почти вертикально ушел под воду, спасти его было невозможно.

Три последних отряда вывезли с Ханко 4424 человека, 18 танков, 720 тонн продовольствия и 250 тонн боезапаса. Вслед за ними на Ханко успешно сходили минный заградитель «Урал», 4 базовых тральщика и 6 морских охотников, доставив оттуда 4588

человек и 300 тонн продовольствия.

На Ханко оставалось 12 тысяч человек, которые удерживали оборону. Их следовало вывезти в один прием. 29 ноября из Кронштадта вышли турбоэлектроход, эсминцы «Стойкий» и «Славный», 6 базовых тральщиков, 7 морских охотников и 4 торпедных катера. Руководил отрядом вице — адмирал В. П. Дрозд. Тральщиками командовал капитан 2 ранга Н. А. Мамонтов, штурманские обеспечение осуществляли на «Стойком» капитан — лейтенант Ю. П. Ковель, на «Славном» — Л. Е. Родичев, на головном тральщике— Ф. П. Гусев.

В восточной части залива корабли подверглись обстрелу с форта Ино, их атаковали самолеты противника. От попадания авиабомбы затонул ледокол «Октябрь». Утром 30 ноября отряд прибыл на Ханко.

Сутками позже сюда пришел и отряд капитан — лейтенанта П. В. Шевцова в составе транспорта 538, БТЩ-210, канонерской лодки «Волга», сторожевого корабля «Вирсайтис», тральщика «Ударник» и двух морских охотников. Отряд П. В. Шевцова подвергся обстрелу вражеской батареи Мякилуото, по нему одновременно попытались нанести удар вражеские корабли и торпедные катера, но безуспешно. Оценивая этот бой, Ю. Майстер пишет: «Для финнов бой не принес ожидаемых результатов по причине слабых сил, технически несовершенного оружия и отсутствия необходимого взаимодействия между германскими и финскими кораблями».

В конце ноября в гаванях Ханко сосредоточилось около 15 боевых кораблей, 2 транспорта, 8 катеров и 4 буксира. Командир базы, учитывая остроту и ответственность момента, составил специальный план отхода частей с занимаемых островов и позиций, их прикрытия, а также уничтожения ценных объектов. Отход и погрузку планировалось начать 30 ноября и провести в течение двух с половиной суток. Днем 30 ноября на турбоэлектроход грузились части войск из состава вторых эшелонов и некоторые подразделения береговой артиллерии. Погрузка на транспорты личного состава продолжалась и в течение следующего дня, одновременно в трюмы грузили продовольствие и боезапас.

В ночь на 2 декабря с большинства островов отошли части, лишь на островах Деден, Меден, Хесте — Бос, Руссаре оставались небольшие группы прикрытия. Днем 2 декабря скрытно и быстро начали отходить части с переднего края обороны полуострова, оставляя прикрытие и'з автоматчиков, усиленных артиллерий, танками и танкетками. Артиллерия и противовоздушная оборона до 16 часов находились в боевой готовности, но с сокращенными

расчетами. Оставшиеся подрывали материальную часть и направлялись к пунктам погрузки.

Группы прикрытия начали отходить с переднего края в 16 часов

2 декабря на машинах с таким расчетом, чтобы прибыть к пунктам погрузки к 18 часам. Последними отходили 150 саперов и 50 подрывников, минировавших дорогу и устанавливавших «сюрпризы». Отдельные части противника, видимо, обнаружив отход наших гарнизонов, начали занимать острова и вести пулеметный обстрел отходящих войск.

Грузились так, чтобы на Ханко не осталось ни одного человека, и врагу не досталось ничего ценного. Транспортные возможности кораблей и судов пришлось намного превысить. Погрузка была предельно плотной, никакими нормами, разработанными в мир- ное время, не измерить. На эсминец грузилось до 600 человек с личным оружием, на тральщик — более 300 человек, на канонерской лодке «Волга» разместили 558 человек. На транспорты, кроме личного состава, погрузили 1735 тонн продовольствия, боезапас, танки и топливо. В перегрузке кораблей и судов был свои риск, но иного выхода не оставалось.

В врздухе непрерывно патрулировала истребительная авиация, прикрывая отход войск с островов и позиций и погрузку на корабли и транспорты. Так продолжалось до конца светлого времени 2 декабря. В сумерках все исправные самолеты — истребители были до предела заправлены горючим: дальность перелета до ближайшего аэродрома составляла более четырехсот километров. Сняв все, что только возможно, с самолетов и взяв дополнительно баки с горючим, каждый летчик посадил за броневую спинку своего одноместного истребителя техника. Как? Трудно себе представить. Но долетели и летчики и техники. Все самолеты, кроме одного, благополучно приземлились в Кронштадте. Среди летчиков, защищавших небо Ханко, были те, кто потом стали Героями Советского Союза — А. К. Антоненко (он погиб 26 июля при посадке на аэродром Ханко), П. А. Бринько, Л. Г. Белоусов, А. Ю. Байсултанов, М. Я. Васильев, В. Ф. Голубев, Д. М. Татарен- ко, Г. Д. Цоколаев, Е. Т. Цыганов.

На аэродроме героев — летчиков встречали члены Военного совета флота.

Вечером 2 декабря наши корабли и суда, предельно загруженные, начали выходить из бухт Ханко. Первым в путь отправился отряд капитан — лейтенанта П. В. Шевцова. В составе отряда шли транспорт 538, базовый тральщик 210, канонерская лодка «Волга», сторожевые корабли «Вирсайтис» и «Лайне», тральщик «Ударник», два морских охотника и четыре буксира.

Погода стояла ясная, ветер четыре — пять баллов, норд — вест, видимость средняя, почти полный диск луны светил в юго — западной части горизонта. Вражеская батарея Мякилуото, обнаружив корабли, в течение часа вела по ним безрезультатный огонь. Произошла также короткая перестрелка с двумя кораблями противника. В тралах кораблей взорвалось четыре мины; сторожевой корабль «Вирсайтис» подорвался и затонул. Несмотря на огромный риск, транспорт «Майя», тральщик «Ударник» (командир М. П. Ефимов), СКР «Лайне» застопорили машины, спустили шлюпки и начали подбирать из ледяной воды тонущих людей. Личный состав сторожевого корабля был спасен. Вскоре подорвалась канонерская лодка «Волга», однако ей удалось дойти до Гогланда. К 20 часам 3 декабря отряд пришел на рейд Гогланда, а 4 декабря подошел к Кронштадту. Навстречу вышел ледокол «Ермак». Во льду конвой продвигался очень медленно, корабли часто останавливались. Финны не замедлили открыть огонь, вражеские снаряды падали в

10—15 метрах от бортов кораблей, но, к счастью, обошлось без потерь.

Вечером 2 декабря в 21 час 30 минут вышел из Ханко основйой отряд, которым командовал вице — адмирал В. П. Дрозд. На катерах уходило командование базы. В числе последних, кто покидал Ханко, были генерал — лейтенант С. И. Кабанов и дивизионный комиссар А. Л. Расскин. В голове колонны шли 6 базовых тральщиков, затем следовали миноносец «Стойкий», турбоэлектрокод, миноносец «Славный», замыкал колонну БТЩ-217. В охранении находилось 7 морских охотников и 4 торпедных катера, периодически сбрасывавших противолодочные бомбы. Корабли двигались со скоростью 13 узлов.

Через три с половиной часа хода в тралах головного БТЩ-218 почти одновременно взорвались две мины, и оба его трала оказались перебитыми. Вскоре были перебиты оба трала у БТЩ-211, а затем и у БТЩ-215. Это был наиболее ответственный момент за весь переход; все, возможно, закончилось бы благополучно, если б командиры, зная о предстоящем пересечении опасного района, подтянули корабли, точно соблюдали походный порядок. К сожалению, на курсе за базовым тральщиком хорошо держался только эсминец «Стойкий». Турбоэлектроход непозволительно отстал (находился в восьми кабельтовых от «Стойкого»). Командир турбоэлектрохода, увидев взрывы мин в тралах идущего впереди базового тральщика, приказал уклониться влево, на ветер. Рулевой взял слишком круто, и судно выкатилось за пределы протраленной полосы.

Правое крыло его паравана подсекло мину, и она взорвалась. Вскоре последовал второй взрыв уже вблизи кормы. Турбоэлектроход получил тяжелые повреждения, лишился хода и управления, волной и ветром его быстро развернуло поперек курса.

Несмотря на опасность подрыва на минах, к турбоэлектроходу немедленно подошли эсминец «Славный», несколько базовых тральщиков и морской охотник с командиром дивизиона капитан- лейтенантом М. В. Капраловым. Эсминцу и БТЩ-217 командир отряда приказал взять турбоэлектроход на буксир. Сделать это не удалось: под корпусом турбоэлектрохода раздался третий взрыв.

«Славный», имевший на борту около 700 человек, опасаясь подрыва, отошел от транспорта и стал на якорь. Базовым тральщикам 205 и 217 было приказано протралить район вокруг транспорта. вскоре в 100 метрах от «Славного» была подорвана мина. Когда район был очищен, «Славный» начал подходить к трубоэлектро- ходу, чтобы взять его на буксир. Однако под носовой частью судна произошел четвертый, самый сильный взрыв. Буксирный конец был перебит. Вдобавок ко всему батарея Мякилуото открыла огонь. И, то ли снаряд попал, то ли от нового взрыва мины на транспорте сдетонировали снаряды, была разрушена палуба, некоторые надстройки и часть ходового мостика.

«Славный» снова отошел от турбоэлектрохода и стал на якорь. К борту транспорта стали подходить базовые тральщики, несмотря на ˆперегруженность (на борту каждого находилось свыше 300 человек), они начали снимать с него бойцов. Тральщик 205 принял на борт около 200 человек, 217 — свыше 600, 207 — свыше 100, 2111 и 215 — около 500 человек, морские охотники сняли около 400 человек. Всего было снято 1740 человек.

Оставшийся на турбоэлектроходе личный состав предполагали снять с помощью кораблей аварийно — спасательного отряда капитана 2 ранга И. Г. Святова, который получил мое приказание выйти в море для оказания помощи турбоэлектроходу: «Людей снять, судно потопить!»

После получения данных от наших самолетов — разведчиков о нахождении турбоэлектрохода и учитывая, что посылка отряда Святова без прикрытия и с воздуха, и с моря не обеспечена и может привести еще к большим потерям, Военный совет флота принял решение возвратить с моря отряд Святова на рейд Гогланда. К тому же наступала ранняя суровая зима, нужно было все корабли и суда с острова Гогланда возвратить в Кронштадт и Ленинград, куда без помощи ледоколов попасть уже было

невозможно. К исходу

4 декабря все корабли отряда Святова возвратились на рейд Гогланда. Турбоэлектроход в это время дрейфовал и находился у южного берега залива в районе полуострова Суропа (чуть западнее Таллина), затем он сел на мель и попал в руки фашистов. Свыше месяца корабли Балтийского флота ходили к Ханко и обратно, выполняя поставленную Верховным Главнокомандованием задачу эвакуировать героический гарнизон. Всего с 23 октября по

5 декабря 1941 года совершено 11 боевых походов, лишь два из них оказались неудачными: корабли вернулись на Гогланд, по тем или иным причинам не выполнив задания.

66 боевых кораблей, сторожевых и торпедных катеров, 22 вспомогательных судна, ледоколы, транспорты, спасательные суда, буксиры, катера принимали непосредственное участие в операции. Личный состав кораблей и судов на всех этапах эвакуации хан- ковцев проявлял исключительное мужество, героизм и самоотверженность. Мне хочется привести выдержку из письма контр — адмирала в отставке И. Г. Святова, в котором он вспоминает о тех незабываемых днях: «Нельзя не отметить героизм и самоотверженность всего личного состава кораблей, принимавших участие в боевых походах, — пишет Иван Георгиевич. — Только два первых боевых похода проходили в более или менее благоприятных метеорологических условиях, остальные, как правило, при шести — семи- балльных штормах. Все переходы осуществлялись ночью при невероятно большой минной опасности, так как к концу ноября Финский залив представлял собой буквально «суп с клецками» из подрезанных и стоящих на якорях мин. Можно предполагать, что противник после каждого перехода наших кораблей подновлял минные заграждения. Во время их прорыва весь личный состав кораб лей, не занятый у действующих механизмов, выходил на верхнюю палубу и как мог боролся с минной опасностью. Краснофлотцы из футштоков и отпорных крюков сооружали ухваты, обмотанные ветошью, и с этими ухватами занимали места на обмерзших привальных брусьях, отталкивая от бортов плавающие мины. Если не хватало ухватов, это делали руками и ногами, ежеминутно и ежесекундно рискуя попасть в центр взрыва. Возвращаясь на Гогланд, краснофлотцы говорили: «Ну, на этот раз пронесло». И тем не менее не было зафиксировано ни одного случая отказа от выполнения боевой задачи или проявлений какой-либо нерешительности.

Операция проходила в условиях исключительных трудностей материального обеспечения. В связи с недостатком топлива в

Кронштадте и Ленинграде доставлять его приходилось с Ханко попутными рейсами. В Кронштадте и на Гогланде в этот период почти не было угля для рейдовых паровых тральщиков. У Гогланда стоял на мели разрушенный авиацией противника во время нашего прорыва из Таллина транспорт 513, палуба которого находилась на уровне воды. Краснофлотцы с тральщиков обнаружили в его трюмах уголь. Стоя по горло в ледяной воде, ныряя в трюмы транспорта, они ведрами брали уголь для своих кораблей. Два боевых похода с Гогланда на Ханко и обратно совершили тральщики Белкова и военкома Фокина на этом угле. Подобную самоотверженность могли проявить только советские люди, которые твердо знали, во имя чего они это делали».

Массовый героизм, самоотверженность балтийцев — это главное, что определило успех операции. Были, к сожалению, и крупные промахи, и недочеты, приводившие к потерям людей, кораблей и судов, но не только ошибками и просчетами должны мы мерить действия флота осенью 1941 года.

На подвиги моряков вдохновляли политические органы соединений и партийные организации кораблей. Перед каждым выходом в море они проводили большую разъяснительную работу среди личного состава. Каждый краснофлотец и командир понимал серьезность и трудность поставленной задачи, личную ответственность за ее выполнение. Решающая роль принадлежала коммунистам, которые цементировали экипажи кораблей. Личный состав кораблей и судов, участвовавших в операции, продемонстрировал высокие морально — политические и боевые качества, беспредельную любовь к социалистической Родине, жгучую ненависть к ее врагам, железную стойкость и несгибаемую выдержку, непоколебимую веру в победу.

В тяжелейших условиях наши корабли и транспорты вывезли с Ханко в Ленинград около 23 тысяч человек со стрелковым оружием, легкой и зенитной артиллерией, боеприпасами, а также 1200 тонн продовольствия. Эшелонированное выполнение эвакуации позволило до конца сохранить прочную оборону на Ханко, обеспечить отвод войск без потерь.

До середины ноября противник вообще не догадывался о том, чем занимаются наши корабли, хотя неоднократно обстреливал их на переходах. Об этом свидетельствует доклад командующего немецким флотом 13 ноября 1941 года при разборе военных действий на море. В этом докладе указывалось: «…несколько дней тому назад отряд русских кораблей отважился дойти до заграждения Юминда, где они понесли потери (имеется в виду подрыв лидера «Ленинград» и транспорта «Жданов» в ночь на 12

ноября. — В. Т.) Цель этой операции неизвестна, возможно, была подготовка к эвакуации Оденсхольма и Ханко. Мы усилили заграждения Юминды»[102].

Свидетельство тому, что немецко — фашистское командование допустило крупный оперативный просчет, относится к значительно более позднему времени. В журнале «Марине Рундшау» № 6 за 1961 год опубликованы некоторые данные летописи войны на море. Имеется такая запись: «2–4 ноября. Одно соединение советского Балтийского флота (флагманский корабль лидер «Ленинград»), «Урал», «Марти» направились на Ханко, чтобы принять там на борт часть гарнизона для эвакуации, но на обратном пути оно встретилось с минными заграждениями у полуострова Юминда… По меньшей мере 4 корабля подорвались на минах, в том числе миноносец «Сметливый» затонул. При дальнейших попытках эвакуации в ноябре затонул миноносец «Гордый». Вот и все, что заметил противник в ноябре!

Ю. Майстер отмечает: «Эвакуация гарнизона Ханко была первой тактической, стратегической и моральной победой советского флота. Германо — финская сторона, по — видимому, недооценивала русских»[103].

В канун 24–й годовщины Великого Октября защитники героического Гангута обратились с письмом к защитникам Москвы. Ханковцы писали: «На суровом скалистом полуострове в устье Финского залива стоит несокрушимая крепость Балтики — Красный Гангут. Пятый месяц мы защищаем ее от фашистских орд, не отступая ни на шаг. Здесь, на неуютной каменистой земле, мы, граждане великого Советского Союза, не испытываем одиночества. Мы знаем, что Родина с нами, Родина в нашей крови, в наших сердцах… Сильна и крепка наша вера в будущее, нерушима наша преданность Родине, Коммунистической партии. Каждый из нас твердо решил: я должен или победить, или умереть, нет мне жизни без победы, без свободной советской земли, без родной Москвы… Мы твердо знаем: конечная победа будет за нами».

Москвичи в своем письме защитникам Гангута отвечали: «Пройдут десятилетия, века пройдут, а человечество не забудет, как горстка храбрецов — патриотов земли советской, ни на шаг не отступая перед многочисленным и вооруженным до зубов врагом, под непрерывным шквалом артиллерийского и минометного огня, преэирая смерть во имя победы, являла пример невиданной отваги и героизма. Великая честь, бессмертная слава вам, герои Ханко. Ваш подвиг не только восхищает советских людей, он вдохновляет на новые подвиги,

учит, как надо оборонять страну от жестокого врага, зовет к беспощадной борьбе с фашистским зверем»[104]. Военный совет Ленинградского фронта на специальном заседании обсудил итоги героической обороны военно — морской базы Ханко и эвакуации гарнизона кораблями Балтийского флота. По войскам фронта был издан приказ. В нем говорилось: «Военным советом Ленинградского фронта Краснознаменному Балтийскому флоту была поставлена задача — провести эвакуацию гарнизона полуострова Ханко, пять с половиной месяцев боровшегося с фашистской нечистью.

Благодаря стойкости, мужеству краснофлотцев, командиров и политработников, эскадры КБФ, отряда заграждения, отряда траления, отряда катеров морских охотников, торпедных катеров, команд транспортов и летчиков — истребителей эта большая и ответственная задача Балтийским флотом решена. Несмотря на упорное противодействие противника, сквозь минные поля, артиллерийский огонь, шторм и туман героический гарнизон полуострова доставлен на Родину моряками — балтийцами.

Товарищи гангутцы! Вашим мужеством, стойкостью и упорством гордится каждый советский патриот. Используйте весь свой боевой опыт на новом участке фронта в славных рядах защитников города Ленина. Товарищи балтийцы! Вы показали образцы стойкости и упорства в выполнении поставленной перед вами задачи. С такой же настойчивостью бейте врага до полного его уничтожения. За отличное выполнение поставленных задач личному составу кораблей КБФ объявляю благодарность. Желаю вам новых подвигов, новых боевых удач по разгрому и истреблению гитлеровских бандитов»[105].

Влившись в состав войск Ленинградского фронта, защитники Ханко с честью поддерживали боевые традиции Красного Гангута. Слова «ханковец», «гангутец» были синонимами слов «стойкость», «мужество», «отвага», и не случайно в своем последнем номере газета «Красный Гангут» писала:

Вперед на бой, сердца отвагой бьются,
Мы наше знамя не уроним вниз,
И слово, нас связавшее, «гангутцы»
На всех фронтах нам будет как девиз.

Родина не забыла мужественного подвига защитников Ханко. Вскоре после окончания Великой Отечественной войны в Ленинграде по проекту архитектора В. И. Каменского на улице,

носящей имя декабриста Пестеля, напротив церкви, построенной как памятник в честь знаменитой победы Петра I в 1714 году над шведским флотом у полуострова Гангута, сооружен памятник в честь защитников Ханко. Архитектор умело использовал торцевую стену четырехэтажного дома, расположенного по оси улицы. Белоснежная стена, украшенная строгой лепкой, изображающей знамена, серп и молот, форштевень корабля, превратилась в монументальную мемориальную доску. На ней надпись: «Слаеа великому советскому народу) Доска воздвигнута в честь героической обороны полуострова Ханко (22 июня — 2 декабря 1941 г.) в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Слава мужественным защитникам полуострова Ханко!»

# ГЛАВА 15. НА БАЛТИКЕ НАЧИНАЕТСЯ ЗИМА

Подводники на коммуникациях врага. Армия переправляется через залив. Отход гарнизонов с островов Финского залива. Ледоколы вступают в бой. Морские охотники и тральщики на защите своих коммуникаций. Кронштадт — огневой щит Ленинграда. Удары минно — торпедной авиации. Тыл — к зиме. Моряки помогают ленинградцам. Обращение Военного совета флота к личному составу в день 24–й годовщины Великого Октября.

В минувшей войне не было более сложного и трудного для действий подводных лодок морского театра, чем Балтийское море. И все же, несмотря на трудности, на сложность нашего положения под Ленинградом, балтийские подводники продолжали и глубокой осенью — выходить из Кронштадта. Они форсировали минные заграждения в Финском заливе и активно действовали на коммуникациях противника в Балтийском море, срывая оперативные перевозки войск, боевой техники, оружия, перевозки сырья из Швеции.

В ноябре успешно ставила мины на подходах к Бьерке — Зунду подводная лодка «Лембит» под командованием старшего лейтенанта

А. М. Матиясевича. «Лембит» вошла в состав Балтийского флота в 1940 году (раньше принадлежала буржуазной Эстонии). А. М. Ма- тиясевич был назначен на «Лембит» в июле 1941 года помощнйком командира, а в сентябре был утвержден командиром. В юности Алексей Михайлович был моряком советского торгового флота, позднее он окончил штурманское училище и сдал экзамен на капитана дальнего плавания, водил суда в порты многих стран, бороздил все океаны, зимовал в Арктике. Перед войной А. М. Матиясевича призвали на военно — морской флот, он прошел соответствующую переподготовку; опыт плавания на торговых судах позволил ему быстро освоить управление подводной лодкой. Установив правильные взаимоотношения с личным составом, Матиясевич быстро подготовился к решению боевых задач.

Как стало известно, на выставленных «Лембитом» минах подорвалось специальное судно финского военно — морского флота. Осенней штормовой ночью, предельно загрузившись

снарядами, вышла из Кронштадтской гавани подводная лодка «С-7» капитан- лейтенанта С. П. Лисина. Она скрытно подошла к вражескому берегу в Нареском заливе и на рассвете 7 ноября открыла огонь с предельной скорострельностью по железнодорожной станции.

Вызвав большие пожары горючего на складах, «С-7» вернулась в базу. Военный совет флота поздравил подводников с выполнением боевой задач < и.

Тогда же осенью возник замысел подготовить новую океанскую подводную лодку для автономного плавания продолжительностью в четыре месяца. Мы исходили из того, что даже одиночная подводная лодка, если она будет активно действовать на морских коммуникациях, сможет держать врага в напряжении, заставит его посылать суда с усиленными конвоями, что увеличит время их прохождения между портами. Отлично подготовленный экипаж лодки возглавлял командир дивизиона капитан 2 ранга В. А. Егоров.

Однако осуществить замысел не удалось. Наступала суровая зима, на заливе появился лед. Лодка вышла в море за ледоколом, но в районе Лавенсари получила повреждение и была вынуждена вернуться.

Всего за лето и осень подводники 79 раз выходили в море для выполнения боевых заданий. Противник знал о боевых походах подводных лодок и, остерегаясь их, держал свои крупные надводные корабли в базах. Тем не менее торпедами и артиллерией подводники уничтожили вражескую подводную лодку и около 20 транспортов; к этому нужно добавить несколько десятков транспортов и боевых кораблей, выбывших из строя от подрыва на минах, поставленных лодками. Свобода плавания для врага в течение всей осенне — зимней кампании 1941 года на Балтике была нарушена.

Наши подводные лодки выходили в море даже тогда, когда весь флот вынужден был перейти в Кронштадт и Ленинград, под стенами которого гремели напряженные бои. Подводники постоянно искали случая нанести противнику урон на море; уже повеяло суровой зимой, а балтийцы продолжали находиться в море, угрожая врагу. Штормы той осенью были особенно свирепыми. В боевых походах случались аварии и поломки механизмов; в штормовые ночи моряки спускались за борт в студеную воду исправлять повреждения. Лишь лед, сковавший Финский залив, заставил нас вернуть подводные лодки в базу.

Не всем удавалось вернуться из боевых походов. Многие остались в ту осень в море навсегда, отдали свои жизни за советскую Родину.

'Передо мной записи военных лет. Даты, фамилии. Многих хочется вспомнить, назвать. Ловишь себя на мысли: а нужно ли? Может, лучше сказать лишь о тех, кто возвращался с победой? Нет, это было бы нечестно перед памятью тех, кого подстерегали неудачи, кто не всегда мог доложить об успехе. А ведь и они боролись во имя того, чтобы был повергнут гитлеризм, чтобы скорее пришли мирные дни.

В Кронштадте воздвигнут памятник героям — лодводникам, бесстраш- но воевавшим в 1941–1945 годах.

Возвращаясь мысленно к тем дням, я говорю: честь и хвала вам, герои! Слава вам, командиры дивизионов и подводных кораблей: Д. С. Абросимов, А. К. Аверочкин, И. В. Автономов, Н. С. Агашин, Б. К. Бакунин, А. А. Бащенко, И. И. Беззубиков, И. Я. Браун, И. А. Быховский, И. М. Вишневский, П. В. Гладилин, Г. А. Гольдберг, П. Д. Грищенко, И. В. Грачев, Н. В. Дьяков, В. А. Егоров, Н. П. Египко, В. А. Ермилов, Г. А. Жаворонков, А. Т. Заостровцев, Ф. А. Зубков, Н. С. Ивановский, Ф. И. Иванцов, И. С. Кабо, В. А. Касатонов, Н. А. Костромичев, Н. Н. Куликов, В. Ф. Кульбакин, Н. Н. Кулыгин, Л. А. Курников, С. П, Лисин, А. М. Матиясевич, С. И. Матвеев, А. И. Маринеско, Н. К. Мохов, А. И. Мыльников, Б. А. Ныров, А. Е. Орел, Н. И. Петров, В. А. Полещук, И. П. Попов, С. А. Рога- чевский, Д. М. Сазонов, А. М. Середа, И. А. Сидоренко, П. С. Сидоренко, И. М. Татаринов, Г. И. Тархнишвили, А. В. Трипольский, И. Ю. Тузов, М. В. Федотов, Н. А. Хлюпин, А. П. Чебанов, В. А. Чер- винский, П. М. Шалаев, Е. В. Шевцов, Д. Л. Шевченко, Н. Э. Эйх- баум, Е. Г. Юнаков, Д. К. Ярошевич.

Вы сделали все, что могли, чтобы отстоять родной Ленинград в незабываемом 1941 году.

В те месяцы закладывались основы успехов, которыми радовали нас подводники позднее. Сейчас можно утверждать, что балтийские подводные лодки в условиях сложнейшей оперативной обстановки проявили себя как мощный род сил нашего флота. Они были способны вести самостоятельные боевые дейтвия в удаленных от баз морских районах без поддержки других сил. Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин в своем выступлении в Калининграде при вручении Краснознаменному Балтийскому флоту второго ордена Красного Знамени 24 июля 1965 года сказал: «Военно — морская история не знает такого подвига, который совершили подводники Балтийского флота. Когда фашистские захватчики поняли, что им не удается уничтожить Балтийский флот, они попытались запереть его в Финском заливе. Но и эта попытка не удалась. Прорывая мощные противолодочные рубежи, наши подводники выходили из осажденного Ленинграда и топили вражеские суда

повсюду на Балтике, в том числе и у самых берегов фашистской Германии».

К середине октября 1941 года огромные уоилия защитников города на Неве позволили отбить осенний штурм фашистских войск, выдержать их массированные удары артиллерии и авиации. Надводным кораблям и судам в это время предстояло выполнить важное задание командования фронта — осуществить перегруппировку соединений и частей 8–й армии с ораниенбаумского плацдарма в Ленинград. Сделать это нужно было одновременно с эвакуацией гарнизонов Ханко, островов Бьерского архипелага и средней части Финского залива. Десятки ть>сяч бойцов с оружием и техникой должны были быть переброшены на новые для них оперативные направления. Кроме того, флот, учитывая приближение зимы, доставлял в это время топливо, боеприпасы, продоволь ствие войскам на ораниенбаумском плацдарме, в Кронштадте и на островах Лавенсари, Сескар.

Противник, выйдя на берег Невской губы, мог теперь наблюдать за Морским каналом и кораблями, идущими из Ленинграда в Кронштадт и обратно, подвергать обстрелу места погрузки и выгрузки войск, техники, грузов. Началась борьба за непрерывное действие дороги жизни Ленинград — Кронштадт, продолжавшаяся до наступления ледостава.

Для перехода небольших кораблей и судов, а также подводных лодок в надводном положении было приказано проложить в северной части Невской губы, на максимальном удалении от побережья, занятого врагом, новый фарватер. С этим заданием отлично справилась гидрографическая служба флота. Новым фарватером пользовались до 1944 года. все делалось и для того, чтобы обеспечить нормальное использование фарватеров Кронштадт — Гогланд, которые почти на всем протяжении противник минировал. Специальный гидрографический отряд капитан — лейтенанта С. В. Братухина привел в действие все манипуляторные средства ограждения и радиомаяки, проявил изобретательность, чтобы создать скрытые, надежные средства ограждения.

Кроме того, при охране водного района была создана военно — лоцманская служба, в задачу которой входило сопровождение конвоев и отдельных кораблей. Непосредственно это делали бывшие лоцманы Ленинградского торгового порта, призванные на военную службу, Н. Г. Олесов, И. Л. Оболкин, М. М. Спиридонов, В. В. Семенов, С. Г. Курочкин, Г. Ф. Рощенко, А. В. Димченко, Я. Л. Коркин. Это были настоящие моряки, нередко смотревшие смерти в глаза. Их часто можно было видеть рядом с командирами

катерных тральщиков, проводивших контрольное траление фарватеров.

Приступая к перевозкам, мы знали, что пути движения наших кораблей противнику известны. Кроме того, малые глубины в Невской губе позволяли плавать лишь кораблям и судам с небольшой осадкой и строго по фарватерам. Особенно важно было не допустить гибели транспорта или боевого корабля в Морском канале, так как в этом случае застопорилось бы вообще все движение из Ленинграда в Кронштадт и дальше в море.

Чтобы предотвратить такие случаи, с выходом судов и кораблей из Ленинграда и Ораниенбаума батареи Кронштадтского и Ижорского укрепленных секторов и железнодорожные батареи приводились в полную боевую готовность. На траверзе Нового Петергофа мы держали канонерскою лодку для стрельбы прямой наводкой по активным батареям противника. Тут же, в Невской губе, находился подвижной дозор сторожевых катеров. На аэродромах в полной готовности стояли бомбардировщики и истребители авиационной бригады ВВС. В готовность приводилась зенитная артиллерия флота. В светлое время суток все средства обеспечения, в том числе боевые корабли, уходили либо в Кронштадт, либо в Ленинград.

В конце дня 15 октября к причалам Ораниенбаумского порта подошел первый небольшой отряд судов из Ленинграда — транспорты «Аретуза», «Пятилетка» и самоходная баржа. До этого противник нанес по порту сильный артиллерийский удар, который эффекта не имел. Погрузив на борт в течение трех с половиной часов около двух стрелковых батальонов, суда вышли в Ленинград и спокойно разгрузились. В эту же ночь в Ораниенбаумский порт вошел следующий отряд — транспорты «Скатус», «Труд» и самоходная баржа. Как и первый, он в короткий срок выполнил свою задачу. Каждую ночь отряды делали по два — три рейса. К 18 октября перевозка 191–й стрелковой дивизии в Ленинград была закончена.

Тут же в связи с тяжелой обстановкой потребовалось срочно начать вывоз с ораниенбаумского плацдарма нескольких дивизий и полевого управления 8–й армии[106]. Поджимала наступавшая зима, она могла помешать выполнить поставленную задачу. На вывоз войск бьши задействованы все малые транспорты, самоходные баржи, буксиры и несамоходные баржи. Началось интенсивное движение по Морскому каналу и по вновь проложенным фарватерам под северным берегом Невской губы. Противник, зная точное расположение нашего основного фарватера, открывал огонь по заранее пристрелянным точкам.

Наши артиллеристы и летчики не давали спуску врагу — на огонь одной его батареи отвечал десяток. Конвой и отдельные транспорты прикрывались плотными дымовыми завесами.

К 4 ноября перегруппировка шести стрелковых дивизий 8–й армии с боевой техникой в Ленинград была в основном завершена. Тыл армии вывозили в ноябре.

Обстановка в Невской губе к этому времени еще более осложнилась, быстро образовывался лед. Пришлось снять катера, находившиеся в дозоре; конвои на переходе в какой-то степени лишались прикрытия дымовыми завесами, уменьшились и без того скудные возможности маневра. Но задачу выполнили.

Всего из Ораниенбаума в Ленинград было доставлено 38057 бойцов и командиров, более 1700 машин и тракторов, 309 орудий, свыше 6500 лошадей, много других грузов. Одновременно для пополнения частей Приморской группы войск мы перевезли из Ленинграда в Ораниенбаум 14 600 человек, 44 танка, 23 орудия, 3721 тонну боеприпасов, 4799 тонн продовольствия, 680 тонн горючего и 1000 тонн другого груза. Потери у нас были незначительные— буксир, три баржи, транспорт[107].

Благодаря тому, что флот в установленные сроки выполнил поставленную командующим фронтом задачу, и войска, переброшенные с ораниенбаумского плацдарма, заняли позиции Невской опе ративной группы по правому берегу Невы, а из резерва фронта переброшенные через Ладогу дивизии и бригада оказали поддержку 4–й и 54–й армиям, Волхов, Новую Ладогу и восточный берег Ладожского озера удалось удержать. Это позволило впоследствии обеспечить снабжение блокированного города, фронта и флота, тем самым помочь Ленинграду выстоять все 900 дней тяжелой блокады. Более подробно об этом рассказывается в главе «На Ладоге».

Однако после эвакуации дивизий 8–й армии на ораниенбаумском плацдарме осталось очень мало войск. Поэтому Военный совет флота решил направить сюда все снимаемые с островов Финского залива части и гарнизоны, в том числе гарнизоны островов Бьерк- ского архипелага. Штаб флота составил план эвакуации частей и подразделений Выборгского и Гогландского секторов береговой обороны. Материальную часть артиллерии и орудийные расчеты предполагалось частично использовать и для усиления юго — восточной части острова Котлин.

Эвакуацию возглавил командир охраны водного района капитан

2 ранга И. Г. Святов.

Авиация флота, корабельные соединения подготовились противодействовать попыткам противника нанести удар по конвоям на переходах, местам погрузки и выгрузки. Время переходов выбиралось с таким расчетом, чтобы наиболее опасные районы проходить в темное время суток.

Укрепляя оборону ораниенбаумского плацдарма и острова Котлин, мы надеялись организовать и в зимних условиях надежную оборону Ленинграда с моря, оградив себя от всяких возможных сюрпризов противника.

В тяжелых метеорологических условиях с 30 октября по 7 ноября в Кронштадт и Ораниенбаум незаметно и без потерь были вывезены гарнизоны островов Гогланд и Тютерс — 3270 бойцов и командиров, кроме того, вывезли все гражданское население, 49 орудий, 98 лошадей, четыре танка, 1500 тонн боезапаса, 450 тонн продовольствия. До окончания эвакуации с Ханко, которая продолжалась до декабря, на Гогланде оставалось около 400 человек. Если бы противник узнал о малочисленности нашего боевого состава на Гогланде, то мог бы небольшими силами захватить его и поставить все конвои, идущие на Ханко и обратно, в тяжелейшее положение. Ошибка могла дорого обойтись нам; к счастью, все окончилось благополучно.

Гарнизон Выборгского сектора береговой обороны был эвакуирован в течение полутора суток. В ночь на 31 октября четыре отряда кораблей под командованием капитана 2 ранга Ю. В. Ладинского у островов Пийсари, Тиуринсари и Бьерке приняли людей, технику, запасы. Пятый отряд прикрывал погрузку от внезапного появления противника. Всего отсюда вывезено 6547 краснофлотцев и командиров, 74 орудия и 110 лошадей, 308 пулеметов, 630 тонн боезапаса и 500 гражданских лиц.

Осенние перевозки войск и техники, вообще переходы боевых кораблей и транспортных судов проходили в напряженной обстановке борьбы с вражеской артиллерией, авиацией и диверсионными группами. Врагу удавалось наносить нам урон. С наступлением ледостава ледокольные буксиры едва справлялись с перестановками кораблей на огневые позиции и выводом их из-под обстрела, сами рискуя попасть под огонь вражеских батарей.

Кроме артиллерии, противник интенсивно использовал ночные бомбардировщики. Наша истребительная авиация в это время поддерживала войска 54–й армии, отражавшей попытки врага занять Волхов, и не могла прикрыть корабли и суда. 30 ноября вражеской авиации удалось потопить ледокол «Октябрь», транспорт «Скатус», тральщик 67, а 1 декабря — ледокол «Тасуя». Пытался противник расправиться и с «Ермаком», уже имевшим

два попадания снарядов, однако тут дежурила группа самолетов — истребителей флота. Летчик Иван Цапов, заметив приближающиеся к ледоколу четыре фашистских самолета, смело вступил в бой, сбил головную машину, остальных обратил в бегство. Экипаж ледокола послал летчику письмо, преисполненное чувства глубокой благодарности за поддержку в трудном походе.

Комсомолец Иван Цапов принимал участие еще в обороне Таллина. Он совершал по шесть — семь вылетов в день, атакуя гитлеровские самолеты, рвавшиеся к кораблям на рейде. А теперь Цапов защищал город Ленина, прикрывал «Дорогу жизни» на Ладоге. За годы войны он совершил более 600 боевых вылетов, сбил лично и в групповых боях более 20 самолетов врага. Родина высоко оценила подвиг балтийского летчика. Ему присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Иван Иванович Цапов и сейчас служит в военно — морском флоте, передает свой богатый боевой опыт молодым летчикам.

Затем начались потери от мин. 24 ноября из Кронштадта в Ленинград вышел конвой под командованием капитана 2 ранга Ф. Л. Юрковского в составе ледоколов «Волынец», «Октябрь», лидера «Ленинград», минного заградителя «Урал» и транспорта «Пятилетка» с войсками. В районе Каменной банки головной ледокол «Волынец» подорвался на мине. Через восемь минут он вторично подорвался на двух минах. Благодаря героическим усилиям экипажа, «Волынец» вместе со всем отрядом дошел до Ленинграда. Но ледокол, так необходимый для проводки судов, вышел из строя. Его заменил мощный ледокол «Ермак», возглавляемый опытным капитаном М. Я. Сорокиным.

6 декабря лыжники обнаружили на фарватере Морского канала свежие проруби и детали для крепления мин. От проруби по направлению к Петергофу шел след саней. Было ясно, что противник поставил мины на дно канала. Две мины наши люди подорвали, но их, как выяснилось 9 декабря, было больше. В этот день по каналу следовал «Ермак» с миноносцем «Стойкий» на буксире. Третья мина взорвалась в 20 с лишним метрах впереди ледокола.

Взрывной волной и массой льда было ранено свыше 20 человек, один погиб. Ледокол получил сильную деформацию корпуса. 12 декабря на минах подорвался еще один линейный ледокол, правда, из строя он не вышел.

Упорные попытки врага сорвать движение кораблей и судов по каналу заставили нас принять специальные меры по его обороне на всем протяжении. Командиры военно — морских баз А. Б. Елисеев и Ю. А. Пантелеев усилили количество и боевой

состав подвижных ночных разведывательных дозоров. На дамбе Морского канала и на востоке острова Котлина находилось несколько рот лыжников, в районах Петергофа и Стрельны южнее фарватера были выставлены противопехотные минные заграждения. Начальник артиллерии флота контр — адмирал И. И. Грен организовал борьбу с батареями и прожекторами противника. В полной готовности находились ночные бомбардировщики. Эти меры лишили врага возможности минировать Морской канал. До конца 1941 года линейные ледоколы благополучно проводили корабли и суда в обоих направлениях.

В итоге работы наших кораблей, транспортов, озерных пароходов и барж, поддерживаемых авиацией и береговой артиллерией, в

1941 году всего было перевезено около 135 тысяч бойцов и командиров (из Таллина, Ханко, Койвисто, с ораниенбаумского плацдарма, с островов) для сосредоточения на опасных и важных направлениях обороны Ленинграда; 20 тысяч — для усиления обороняющейся 54–й армии под Волховом и более 14 тысяч для усиления группировки войск, оборонявшей ораниенбаумский плацдарм. Кроме того, флот доставил более тысячи орудий, тысячи автомашин и тракторов и много различной боевой техники.

Конечно, перевозки войск и техники внешне не выглядели так эффектно, как боевые действия кораблей или авиации флота. Перевозки есть перевозки. Формально это даже не бой, не операция. Но хочу подчеркнуть: это был подвиг военных, торговых и речных моряков, подвиг, который позволил командованию фронтом не только накопить резервы, но и сосредоточить их на главных участках. Благодаря этому удалось разгромить врага сначала на тихвинском, а затем и на волховском направлениях. Росла мощь фронта, увеличивались его маневренные возможности при ведении операций на приморском и приозерном направлениях, что для флота, пожалуй, было главным.

В числе островов, с которых мы вывозили людей осенью 1941 года, были: Гогланд, Тютерс, Соммерс, расположенные в средней части Финского залива. И сейчас существуют разные взгляды на то, нужно ли было эвакуировать отсюда гарнизоны, оставлять острова противнику без боя. Я считал и считаю, что эвакуация в тех условиях была единственно правильным шагом. Никто из нас не знал, чем окончится наступление противника — под Тихвином. Сложное положение войск 4–й и 54–й армий заставило командование Ленинградского фронта перебросить сюда сначала

две диви зии и одну бригаду морской пехоты, а затем с ораниенбаумского плацдарма были вывезены еще шесть стрелковых дивизий 8–й армии. Пусть не в полной мере, но их все же заменили почти 15 тысяч человек, снятых нами с Выборгского и Гогландского секторов. Кроме того, была значительно усилена (на 3000 человек) зимняя оборона Котлина и северных фортов, ибо никто из нас не знал, как поведет себя противник зимой, когда Невская губа превратится в сухопутный плацдарм.

И еще одно соображение. Гогланд с немногочисленным гарнизоном располагался далеко за линией фронта. У нас не было никакой возможности оказать ему помощь при наступлении противника из шхер, особенно зимой, когда по льду можно подойти к острову с любой стороны. Мы не располагали продовольствием, чтобы создать на острове запасы до мая 1942 года, не имели достаточного количества транспортных самолетов, чтобы снабжать гарнизон по воздуху. Вот почему Военный совет фронта утвердил наше решение.

В 1942 году, когда обстановка под Ленинградом улучшилась, было предложено отбить Гогланд у противника. Но, как показали события, успешно воевать на льду без поддержки авиации, артиллерии и танков невозможно.

Таким образом, самым западным форпостом, обороны Финского залива стали острова Лавенсари и Сескар с небольшими гарнизонами под командованием полковника С. С. Молодцова. Кто из нас перед войной мог предположить, что в течение почти трех лет войны эти острова будут играть столь важную роль в обороне морских подступов к Ленинграду и выполнять сложные боевые и оперативные задачи. Ни в Военном совете, ни в штабе флота не думали о вооружении этих островов, и тем более о создании на >.'их опорных баз.

В ходе войны стало ясно, что эти небольшие изолированные участки земли на западном рубеже обороны могут стать хорошим трамплином для нападения на морские пути врага. И было сделано все для того, чтобы здесь организовать надежную непреступную оборону.

Низкий, открытый со всех сторон Сескар мы могли использовать ограниченно, но и на нем были установлены батареи, построены инженерные сооружения для защиты от десантов.

Лавенсари имел хорошие бухты, где можно было устроить причалы для стоянки катеров всех типов. Здесь же отрабатывались учебно — боевые задачи.

Лесные заросли на Лавенсари укрывали штабы, батареи, противодесантные инженерные сооружения, жилье, госпиталь.

Строили все это быстро, хотя не было ни штатных строителей, ни специальных механизмов.

Золотые руки военных моряков, морских пехотинцев, артиллеристов и подсобных рабочих, в том числе женщин, превращали Лавенсари в неприступную крепость. Недаром теперь этот остров называется Мощный. Люди, обеспечивавшие анормальную» жизнь на островах, были большими патриотами. Они начали прочно обживаться, занимались прибрежным ловом рыбы, даже готовили к весне землю для огородов.

Во время блокады я не один раз выходил на Лавенсари и Сескар на катере. Укрепления там начинались у самой воды. Все побережье было опутано заграждениями из колючей проволоки, установленными в несколько рядов с минами и фугасами, хорошо прикрывалось огнем орудий, минометов и пулеметов по заранее пристрелянным секторам. В узловых пунктах были созданы надежные доты и дзоты.

Оборона этих островов имела для нас очень важное значение на протяжении всей войны, вплоть до начала наступления Советских Вооруженных Сил. Опираясь на Сескар — Лавенсари, мы могли не только прикрывать свои морские пути, но и развернуть боевые действия на коммуникациях противника.

Противник создал в устье Финского залива «замок», который являлся серьезным препятствием для наших подводных лодок, а тем более для надводных кораблей.

Но и мы наглухо закрыли морские подходы к Ленинграду. Наши усиленные части на островах Лавенсари — Сескар держали врага в постоянном напряжении. Для их уничтожения противник поставил на Кургальском полуострове новые крупнокалиберные батареи.

Наша береговая и корабельная артиллерия неоднократно наносила по ним ощутимые удары.

На долгие недели уходили в открытое море подводные лодки для своих дерзких атак, выходили торпедные катера на перехват вражеских конвоев. Мужественно сражались с фашистскими самолетами экипажи канонерских лодок «Красное Знамя», «Волга», «Москва».

До наступления зимы, опираясь на Лавенсари и Сескар, активно действовали в Финском заливе морские охотники и тральщики всех типов.

Я хочу подробнее рассказать об этих неутомимых тружениках моря.

В свое время морские охотники создавались для истребления подводных лодок противника. Поэтому их основным оружием были глубинные бомбы. Пушки и пулеметы первоначально

предназначались лишь для обороны. Но случилось так, что это оружие оказалось основным. «Глазами и ушами» на катерах являлась гидроакустическая аппаратура, которая прослушивала на морских глубинах вражеские подводные лодки по всему горизонту. Их моторы обеспечивали великолепную маневренность и высокую скорость. Отличными были корпуса, созданные на ленинградских судостроительных заводах. Со временем на мостиках установили броневые щитки, выдали командирам стальные шлемы, усилили артиллерийское вооружение.

Морские охотники стали в Великую Отечественную войну лидерами «малой морской войны». Полностью оправдывая свое назначение истребителей подводных лодок, их широко использовали для охраны коммуникаций в средней и восточной части Финского залива вплоть до устья Невы, они держали под контролем и подходы к финским шхерам. Пожалуй, не было ни одного боевого похода или перехода, тем более боя на море, в котором морские охотники не принимали бы самого активного участия. Они высаживали десанты и разведчиков в тылах противника и вновь принимали их, подавляли огневые точки противника. Звенья охотников ходили в дозоры и охраняли протраленные фарватеры от новых минных постановок. С первых дней войны морские охотники вместе с торпедными катерами ставили минные банки в водах противника. Часто им приходилось вступать в бой с катерами и самолетами врага. Наконец, морские охотники охраняли транспорты в конвоях, эскортировали подводные лодки до точки погружения и встречали их после боевых походов.

От начала белых ночей и до ледостава экипажи морских охотников вели в море насыщенную героическими схватками жизнь. Можно дивиться собранности, физической и моральной стойкости катерников, в подавляющем большинстве молодежи. На морских охотниках блестяще проявили себя командиры Ю. Азеев, М. Аму- син, М. Анпилов, И. Боков, В. Гавриков, Н. Докукин, Н. Каплунов, А. Киселев, П. Колесник, А. Обухов, В. Панцирный, Н. Соколов, В. Титяков, А. Терещенко, Е. Червонный, Г. Черевиченко, И. Чернышев, командиры отрядов и дивизионов И. А. Бочанов, М. В. Капралов, М. М. Карпышев, Г. И. Лежепеков, А. Н. Перфилов, М. К. Турков, отважный пограничник Я. Г. Резниченко и многие другие.

Настоящий ратный подвиг совершили также экипажи морских, базовых и катерных тральщиков.

В предыдущих главах я рассказал о тяжкой и опасной работе, которую проводили базовые тральщики — основа тральных сил

флота. Названы фамилии их командиров. А рейдовые и катерные тральщики? Много, очень много сделали и эти корабли. Они тралили с первого и до последнего дня войны, уничтожая мины всех видов, продолжали делать это и после войны. Экипажи тральщиков, десятки раз смотревшие в глаза смерти, десятки раз поправшие ее своим невиданным бесстрашием, мужеством и мастерством, познали все, что только дано познать человеку на войне. На тральщиках воевали мужественные люди такие, как Д. М. Белков, М. Н. Безбородов, Н. П. Визиров, М. Д. Годяцкий, Гудзиев, Г. С. Дусь, Крастин, В. К. Кимаев, И. И. Круглов, В. П. Лихолетов, Н. А. Мамонтов, Ф. Б. Мудрак, Ф. Е. Пахольчук. Этот список можно пополнить еще и еще.

Один из лучших командиров, Ф. Е. Пахольчук, начал свою опасную работу на Балтике еще в 1940 году. (Командир отряда, а затем дивизиона катеров — тральщиков, Пахольчук провел за тралами сквозь минные поля невиданной плотности сотни боевых кораблей и транспортов. Его дивизиону не раз приходилось пробивать фарватеры вблизи берега, занятого противником. Федор Пахольчук был известен на флоте как мастер по разоружению самых сложных образцов вражеских мин. И сейчас он передает свой богатый боевой опыт молодежи.

Хочется отметить талантливого организатора боевого траления, бесстрашного в боях командира В. К. Кимаева. Он личным примером воспитывал людей, учил их искусству воевать. Его маленькие катера — тральщики одними из первых вступили в схватку с врагом. День и ночь Василий Кузьмич неотлучно находился в своем дивизионе. До поздней осени тяжелого 1941 года дивизион Кимаева на морских подступах к городу Ленина нес дозорную службу, вел боевое траление, сопровождал транспорты. И отдыхая в редкий час тут же, на катерах, и отдирая от корпуса катера при побудке примерзшую одежду, Кимаев вместе с экипажами делил победы, трудности, горечь потерь. Моряки любили и гордились своим прославленным комдивом.

Достойно сожаления, что до сих пор не поделился своими воспоминаниями о боевых действиях тральщиков ни один из тех, кто в годы войны служил на этих кораблях. Ни одной книжки о «пахарях моря». А то, что написано о них в других книгах и статьях, лишь в малой степени отражает действительный героизм тех, кто обеспечивал непрерывную боевую деятельность сил флота.

Как ни важны были для нас Лавенсари и Сескар, их роль непосредственно в боевых действиях в этот период была невелика. Основную тяжесть борьбы с врагом на морских подступах к Ленинграду нес на своих плечах Кронштадт.

Созданная два с половиной столетия назад Петром I крепость морской славы Кронштадт надежно охраняла морские ворота в город на Неве. Ни один вражеский корабль ни разу не смог за два с половиной века прорваться к ее устью.

Кронштадт славен своими боевыми и революционными традициями. Здесь зародился и вырос наш регулярный флот, отсюда он вышел на просторы морей и океанов, неся славу русского военно- морского флага. Военным морякам Кронштадта, солдатам и рабочим города — крепости принадлежит почетное место в истории революционного движения в России.

В 1941 году цепочка фортов, опоясывающих остров Котлин, на котором стоит Кронштадт, надежно прикрыла Ленинград с моря. Артиллерийского огня номерных, литерных фортов, а также «Красной Горки» и «Серой Лошади», кораблей, расположенных в гаванях, фашисты боялись. Они не забыли и тот урон, который им был нанесен в осенних боях 1941 года.

С сентября Кронштадт, как и корабли в его гаванях и на рейдах, подвергался многочисленным авиационным и артиллерийским ударам врага. В зоне бомбежек и обстрелов оказался один из основных объектов города — Морской завод. Только за два дня, 21 и

22 сентября, на его территории взорвалось около 40 вражеских бомб, имелись прямые попадания в корпуса цехов с оборудованием, нарушалась подача электроэнергии. Серьезные разрушения были в механическом цехе, стенке дока имени Сургина, на южной причальной стенке завода, в электроцехе, столярных и шлюпочных мастерских. Но, несмотря ни на что, завод продолжал работать, выполняя срочный ремонт на линейном корабле «Октябрьская революция», минном заградителе «Марти», эсминце «Грозящий», лидере «Ленинград» и других кораблях.

В этих условиях были осуществлены сложные и очень важные для укрепления нашей артиллерийской мощи работы по восстановлению боеспособности линейного корабля «Марат». Их вели не только Кронштадтский морской завод, но и ремонтный. Принимали участие в них моряки с линкора, из аварийно — спасательного отдела флота.

Руководили ремонтными работами специалисты флота — инженер Н. Н. Кудинов, от завода — Н. Л. Чарторижский. Обоих я знал по совместному плаванию на линейных кораблях. Восстановлением корпуса руководил инженер П. М. Хохлов. Это было сложное дело, так как носовая часть корабля, оторванная бомбой вместе с первой башней и мачтой, соединялась с корпусом только килевой балкой и днищем. Линкор сидел 1на

грунте в гавани на глубине около девяти метров. Для восстановления корпуса необходимо было полностью загерметизировать и забетонировать переборки 56 шпангоутов, ликвидировать приток забортной воды, откачать из отсеков воду и т. д. Эти сложные работы были выполнены в декабре 1941 года. Особенно потрудились рабочие корпусного цеха завода во главе с прорабом Н. С. Шведовым и мастером Б. Е. Тетериным и рабочие электроцеха под руководством инженера А. М. Прокопенко.

Будучи восстановленным, линкор «Марат» в течение всей блокады вел мощный, эффективный огонь по врагу.

Под огнем вражеской артиллерии ремонтировались и другие корабли. Почти 900 рабочих и техников ушли на фронт, но завод продолжал работать. Отлично выполняли свои обязанности в течение всей войны кораблестроители В. И. Авдеев, С. И. Афанасьев, А. А. Бурлаков, Н. Г. Доброчаев, А. М. Захаров, Б. Е. Ладанов, И. С. Липатов, Н. А. Мамушкин, А. Мельников, Г. Я. Мудрых, П. М. Овсянников, С. П. Петров, И. Е. Сарпов, П. А. Семенов, В. А. Смирнов, П. П. Эомонт. Этот список можно продолжить. Приводились в порядок боевые корабли, поднимались на поверхность из воды и ремонтировались корабли и суда. Но не только ремонтом занимался завод. По заданию командования его коллектив в исключительно короткий срок освоил производство некоторых видов оружия.

Творческую смекалку и настойчивость при этом проявили инженеры М. М. Лапин, Б. Таращанскмй, И. И. Коноплев, техник Е. Г. Павлова, мастер Г. П. Щербаков.

Особенно трудно пришлось заводу в декабре. Все сильнее давала себя знать блокада. Голод валил людей, нарастала смертность. Прекратилась подача электроэнергии, иссякали запасы топлива, но все равно жизнь завода не замирала.

Организаторами выполнения заданий по ремонту кораблей и судов, по изготовлению вооружения, организации обороны завода были начальник инженер — капитан 2 ранга Б. М. Волосатое и главный инженер Т. И. Гушлевский. Сплачивала коллектив заводская партийная организация. Благодаря ее усилиям дух рабочих оставался столь же непреклонным и суровым, как и прежде. Впоследствии Кронштадтский морской завод был награжден орденом Ленина. Это достойное признание его заслуг в тяжкое время блокады.

Тем временем почти пятидесятикилометровый ледовый фронт, фланги которого упирались в ораниенбаумский плацдарм и район Сестрорецка, давал возможность противнику проникнуть со стороны моря в Ленинград и Кронштадт. Никакой обороны на этом направлении не было. А корабли, скованные льдом, маневр

потеряли.

22 ноября наши разведчики обнаружили скопление войск и танков противника в районе Петергофа. Через некоторое время под прикрытием темноты гитлеровцы в сопровождении танков вышли на лед и стали продвигаться в сторону неогражденной части Морского канала. Для того чтобы сразу же отбить у фашистов охоту выходить на лед, 305–миллиметровые орудия линейного корабля «Марат» (который, кстати, берлинское радио давно уже объявило уничтоженным) поставили вдоль береговой черты огневую завесу, взломав лед. Не выдержав огня, гитлеровцы в панике бежали, оставив десятки трупов.

Командующий фронтом отдал приказ об обороне города с сухо- путно — морского направления. Приказом создавалось управление внутренней обороны города, которому подчинялись части и подразделения Ленинградской военно — морской базы, корабли эскадры, железнодорожные батареи. Командующим войсками обороны был назначен генерал — лейтенант Г. А. Степанов; вскоре его сменил генерал С. И. Кабанов. Заместителем командующего был назначен командир Ленинградской военно — морской базы контр — адмирал Ю. А. Пантелеев.

Укреплялась оборона побережья Невской губы. Позиции от Стрель- ны до Урицка в сторону Морского канала обороняли войска 42–й армии, Кировские острова — части внутренней обороны (ВОГ) и 9–я отдельная стрелковая бригада, усиленная подразделениями Ленинградской военно — морской базы. Подразделения базы несли днем и ночью дозорную службу на льду Невской губы до разграничительной линии с Кронштадтской крепостью.

Командир военно — морской базы имел в своем распоряжении лыжные отряды, батареи 45–миллиметровых орудий на санях, буерный отряд, резерв на молу Морского канала. В случае выхода против ника на лед со стороны Стрельны или Петергофа он мог привлекать артиллерию линейного корабля «Октябрьская революция», крейсеров «Максим Горький» и «Киров», отряда кораблей Невы капитана 1 ранга С. Д. Солоухина, батареи морского научно — исследовательского полигона, береговые и железнодорожные батареи. Могла быть использована на угрожаемом направлении и артиллерия Кронштадта.

По плану командира базы районы стоянок кораблей на Неве и ее протоках были закреплены за командирами соединений. Ответственность за оборону района торгового порта нес командир отряда особого назначения капитан 1 ранга В. Ф. Черный, района от устья Невы до Дворцового моста —

командующий эскадрой вице — адмирал В. П. Дрозд; за участки Невы от Дворцового моста до 5–й ГЭС отвечал командир соединения подводных лодок, выше электростанции — командир отряда кораблей Невы капитан 1 ранга С. Д. Солоухин.

Ночами вокруг основных стоянок кораблей дежурили подвижные и неподвижные дозоры, организовывались пулеметные огневые точки. В домах на подходах к кораблям построили дзоты, личный состав занимал их по тревоге.

Каждый район имел свой план обороны и борьбы с диверсионными группами врага. Военный совет обязал командиров соединений кораблей сформировать из экипажей стрелковые подразделения по типовым штатам морской пехоты. Их использование планировало управление обороны города. Зенитная артиллерия кораблей, находящихся в Ленинграде, включалась в общую систему противовоздушной обороны с подчинением командиру зенитного полка.

Корабельные взводы, роты, батальоны прошли курс обучения, отработали задачи по стрельбе из ручного оружия. Как и летом, город готов был драться за каждый дом, каждую улицу. Тысячи огневых пулеметных и орудийных точек, прикрытых мощной корабельной броней, располагались по улицам, и горе было бы врагу, если бы ему удалось сюда прорваться.

Невскую губу и морские подходы к городу держал под контролем Кронштадт, непобедимый огневой щит Ленинграда. Была отработана организация взаимодействия с войсками 23–й армии, оборонявшей северный берег Невской губы, и войсками Приморской оперативной группы, которая отвечала за оборону ораниенбаумского плацдарме.

Комендантом крепости Кронштадт был генерал А. Б. Елисеев, военкомом — бригадный комиссар П. В. Боярченко, начальником политотдела — полковой комиссар Л. Е. Копнов. Несколько позже Военный совет флота назначил комендантом крепости генерал-майора И. С. Мушнова. Мы считали, что генералу Елисееву, пережившему трагедию на Моонзундских островах, лучше быть на более спокойном участке, артиллерийском полигоне, куда он был назначен начальником.

И. С. Мушнов был очень опытным морским артиллеристом, хорошо знал местность на ораниенбаумском плацдарме и на обоих берегах Невской губы. В двадцатые годы он командовал артиллерийской бригадой, входившей в состав Кронштадтской крепости, а затем и всей артиллерией Кронштадта и хорошо знал материальную часть артиллерии, правила стрельбы по морским, береговым и сухопутным целям. Иннокентий Степанович был в то же время энергичным, требовательным к себе и подчиненным

командиром. Каждую стрельбу он подробно разбирал с подчиненными, совершенствуя культуру ведения огня, обучая их бить врага наверняка.

Несмотря на все эти меры, у нас все же не было полной уверенности в том, что нам удастся остановить противника в случае его наступления по льду. Поэтому мы еще раз изучили возможности максимального использования артиллерии и авиации флота, усиления инженерной обороны на льду. На специальном заседании Военного совета флота был рассмотрен план мероприятий по укреплению обороны Котлина. Мы утвердили создание здесь нескольких оборонительных районов. В каждом из них предусматривалась система деревоземляных пулеметных и орудийных огневых точек, подводных и наземных минновзрывных и фортификационных заграждений, строились командные пункты, местность расчищалась для улучшения углов обстрела. Город окружила цепь подводных управляемых фугасов общей протяженностью 25 километров. Круговая оборона Кронштадта была развита в глубину путем укрепления зданий на магистральных улицах. Западную часть города прикрывал противотанковый ров, фланкируемый орудийным огнем. Огневые сооружения имелись на всех молах и причалах гаваней.

Для усиления артиллерийской обороны были сняты батареи с некоторых островов; сняли также орудия с подводных лодок типа «К» и «П», достраивавшихся на заводах. В Кронштадте вновь организовали батареи с орудиями среднего калибра. Они были установлены в Петровском парке, у Ленинградской пристани, на территории Морского судоремонтного завода, кладбище, Лисьем Носу.

По указанию Военного совета флота Кронштадтский морской завод создал несколько десятков бронированных плавучих дотов и специальных саней для установки на них крупнокалиберных пулеметов.

За каждым кораблем, находившимся в гаванях Кронштадта, за каждой береговой и железнодорожной батареей были закреплены секторы для стрельбы по льду. Разработали систему неподвижного, заградительного и сосредоточенного огня, которая вводилась в действие по приказу коменданта крепости или начальника артиллерии крепости полковника Д. И. Терещенко. Батареям и кораблям дали координаты, определили расход боеприпасов. Кронштадтские форты во взаимодействии с войсками 23–й армии и Приморской оперативной группой надежно прикрывали подступы к городу с запада.

Активное участие в создании зимней обороны Кронштадта принимали районный комитет партии и исполком районного

Совета Кронштадта. По их призыву все население города — крепости включилось в строительство оборонительных сооружений. Под руководством прорабов Л. Б. Брохеса, А. П. Леонова, И. М. Кононова на улицах сооружались баррикады, устанавливались пулеметные точки. Среди строителей часто можно было видеть секретаря райкома Е. И. Басалаева и председателя райисполкома М. И. Парамонова.

Большие оборонительные работы проводились также и на льду. В лед вмораживали тысячи столбов, на них натягивали колючую проволоку, на снег укладывали противопехотные и противотанковые мины. В снегу рыли окопы, ходы сообщения, создавали укрытия. В специальных броневых точках, созданных на Кронштадтском морском заводе, устанавливали 45–миллиметровые пушки и пулеметы, снятые с катеров и кораблей. Работали только ночью, не считаясь с жестокими морозами и ветрами.

Одновременно формировались батальоны лыжников, специальные отряды дозоров. На вооружение были приняты и буера, которые под командой чемпиона по парусному спорту лейтенанта Матвеева поддерживали связь между Кронштадтом, фортами и Ленинградом. Вражеские батареи часто обстреливали наши буера, но это не мешало отважным морякам выполнять задания командования. Диверсионные отряды лыжников противника неоднократно пытались прорваться в район Кронштадта и его фортов, но каждый раз отступали с большими потерями.

Небо Кронштадта прикрывали три артиллерийских зенитных полка и один истребительный авиационный полк. Плотность артиллерийского и пулеметного огня была достаточной, чтобы отразить наступление противника по льду одновременно с нескольких направлений. Круговая оборона острова Котлин и города Кронштадта стала теперь надежной.

Серьезные меры принимались по усилению контрбатарейной борьбы. Враг сосредоточил на побережье Невской губы довольно крупную группировку тяжелой артиллерии, которая обстреливала стоянки наших кораблей в Кронштадте и Ленинграде. И хотя основные соединения кораблей мы максимально рассредоточили по Неве и ее протокам, удары вражеской артиллерии были чувствительными для флота. А батареи противника, расположенные в Красном Селе, Пушкине, Красном Бору, Ивановском, Шлиссельбурге, Стрельне, Сосновой Поляне, Коркулях, обстреливали Ленинград и его пригороды, боевые порядки войск, находящихся не только на первой позиции, но и в глубине — в резерве или на отдыхе. От вражеских снарядов

выходили из строя цехи на «Большевике» и на «Электросиле». Под развалинами жилых домов погибали ленинградцы. Даже коммуникации на Ладожском озере, в Шлиссельбургской губе подвергались артиллерийским обстрелам. Многие флотские артиллерийские коллективы под руководством контр — адмирала И. И. Грена показали образцы самоотверженной, героической работы. Отличались артиллеристы морского полигона и Ленинградской военно — морской базы. Прекрасными организаторами контрбатарейной борьбы проявили себя наши командиры: П. Т. Гребенчук, А. А. Сагоян, Г. Н. Слизкой, Н. А. Федосов, В. В. Чистосердов, артиллеристы линкоров и крейсеров Л. В. Бредун, С. А. Волкоб, В. С. Елагин, В. А. Сычев, И. Ю. Шварцберг, И. А. Яхненко, артиллеристы эскадренных миноносцев

В. И. Голеншин, Н. В. Дутиков, М. Т. Егоров, В. Ф. Кобат, М. Н. Нефедов, береговые и железнодорожные артиллеристы П. И. Антощенко, Г. И. Барбакадзе, К. К. Башмаков, Д. И. Видяев, С. И. Жук, П. П. Крюков, Г. Г. Кудрявцев, С. С. Кобец, П. Я. Мельников, Е. А. Проскурин, Л. С. Резников, В. Т. Румянцев, Л. М. Тудер и многие другие.

Артиллерийская оборона Ленинграда была серьезно усилена благодаря переводу в город кораблей. Не все были согласны с этим решением, так как крупные корабли могли привлечь к себе внимание авиации и артиллерии противника. Я был убежден, что наличие сильных артиллерийско — авиационных групп флота в Ленинграде, Кронштадте, Ижорском секторе усилят сухопутные войска. Немаловажно было и то, что мы могли использовать судостроительные заводы Ленинграда, готовить надводные корабли и подводные лодки в кампании 1942 года.

Палубы кораблей, стоящих в Ленинграде, были закрыты листами корабельной брони, а мостики и зенитки — тюками прессованного хлопка: в нем застревали осколки. Корабли, в первую очередь подводные лодки и плавбазы, маскировались. Корпуса многих кораблей защищались бревнами.

Для усиления противовоздушной обороны кораблей в Ленинграде был направлен зенитный артиллерийский полк под командованием майора Г. Г. Мухамедова. Его батареи расположились в торговом порту, на Васильевском острове, на заводе «Судомех», на набережной Невы в непосредственной близости от стоянок линкора «Октябрьская революция», крейсеров «Киров» и «Максим Горький».

Вместе с зенитками противовоздушной обороны города они надежно прикрыли корабли от атак авиации врага.

По указанию Ставки Верховного Главнокомандования артиллерия фронта и флота проводила эпизодические

массированные удары по местам сосредоточения артиллерии противника. Вспоминаю один из таких мощных ударов, с 20 на 21 ноября, когда артиллерия флота израсходовала более 3000 крупных снарядов. В сложившейся под Ленинградом обстановке одной из основных задач артиллерии флота являлась борьба с батареями противника. Флот выделил для защиты города от артиллерийских обстрелов около 320 орудий. Более чем в 60 случаях огонь противника подавлялся нашими батареями. Значительное количество вражеских батарей было уничтожено.

Активное участие в борьбе с вражеской артиллерией принимали балтийские летчики. Они уничтожили батареи противника в районах Стрелыны, Беззаботного, Гатчины, в других пунктах южнее Ленинграда.

Документы сохранили имена тех, кто водил грозные Илы для ударов по дальнобойным батареям врага — летчиков — штурмовиков Ф. В. Фоменкова, А. А. Карасева, Ф. А. Морозова, Н. Г. Степаняна, М. Г. Клименко. Мастерски громили вражеские батареи и летчики- пикировщики майор Лазарев, капитан Пасынков, старший лейтенант Косенко и другие. Доставляемые фотоснимки подтверждали точность их работы.

Случалось, на подавление батарей врага вылетала и тяжелая авиация, во главе которой по — прежнему стояли Е. Н. Преображенский, Г. З. Оганезов, П. И. Хохлов. Как и раньше, летчики наносили удары по кораблям противника в Балтийском море и Финском заливе, по вражеским войскам в районах Кириши, Будогощи, Волховстроя и Тихвина. Но главным их делом было минирование морских подходов к базам врага.

Вылетали небольшими группами и одиночными самолетами, в каждом полете совершая подвиг. Командир полка Е. Н. Преображенский рассказывал мне о летчике М. Н. Плотине, человеке большой выдержки и самообладания. Внешне Михаил Николаевич казался человеком суровым и не очень общительным, на самом же деле имел добрейшее сердце. Его знали как отличного летчика, мастера минных постановок и торпедных атак. Вскоре после осенне — зимних боев под Ленинградом ему было поручено заминировать подходы к Усть — Двинску, важному порту, использовавшемуся гитлеровцами для снабжения войск. При возвращении на свой аэродром самолет Плоткина был перехвачен истребителями противника. Он успел передать по радио: «Прощайте, друзья — балтийцы, мы сделали все что могли». Так оборвалась жизнь комсомольца Плоткина. Вместе с ним погибли штурман Надха и стрелок — радист Кудряшов. Среди пяти морских летчиков — балтийцев, наносивших удары по Берлину и удостоенных высокого звания Героя Советского Союза,

значится имя и Михаила Николаевича Плоткина? Золотую Звезду Героя мне довелось вручать ему от имени Президиума Верховного Совета СССР 7 ноября 1941 года. Вместе с членами Военного совета Н. К. Смирновым и А. Д. Вербицким я был в этот день в полку. Тогда же ордена Ленина и Золотые Звезды Героев Советского Союза были вручены полковнику Е. Н. Преображенскому, майору П. И. Хохлову, капитану А. Я. Ефремову. Среди тех, кому было присвоено звание Героя, значился летчик Василий Гречишников, но его уже не было среди нас, он погиб в конце октября, громя фашистов под Тихвином.

В те дни среди авиаторов много говорили о подвиге летчика И. И. Борзова. С полной бомбовой нагрузкой его самолет шел к цели. Когда оставалось всего несколько километров, появились «мессершмитты». Они со всех сторон атаковали машину Борзова. Штурман Астафьев был убит, но самолет продолжал идти боевым курсом. Воздушный стрелок Иван Беляев сбил одного преследователя, тот камнем полетел вниз. Но и машина Борзова загорелась. В кабине стало жарко, пламя подбиралось все ближе. Взорвался бензобак, один за другим вспыхивали моторы. Борзов нацелил машину на вражеские танки, аварийно сбросил бомбы и приказал Беляеву покинуть самолет. Сам он оставил самолет последним; уже находясь в воздухе, услышал сильный взрыв. Бомбардировщика больше не было.

Одиннадцать суток брели летчики среди топей и болот. Обожженных и истощенных, их подобрали бойцы на ничейной земле. Чуть подлечившись, Борзов снова летит с Беляевым на боевое задание. Сейчас Герой Советского Союза генерал — полковник И. И. Борзов отдает свой боевой и организаторский опыт авиации и родному флоту.

Хочу вспомнить еще одного замечательного авиатора Балтики — летчика — инструктора И. Н. Пономаренко. Он снискал в частях всеобщую любовь и уважение, не считаясь со временем, «возился» с молодыми летчиками, помогая им овладевать искусством полетов над морем, прививая навыки метких бомбовых ударов. Он производил разборы боевых полетов, сам не раз возглавлял направлявшиеся на задания группы бомбардировщиков. Многим воспитанникам инструктора Пономаренко — Ю. Э. Бунимовичу, В. А. Ба- лебину и другим — позднее было присвоено звание Героя Советского Союза. И. Н. Пономаренко также было присвоено звание Героя за исключительную отвагу, проявленную им при уничтожении фашистского крейсера ПВО.

Источник силы полка заключался, прежде всего, в дисциплине и организованности, отличном знании и

эффективном использовании боевой техники.

В начале 1942 года полку было присвоено звание гвардейского. Мне довелось в торжественной обстановке вручать боевому коллективу гвардейское знамя. Летчики и штурманы, техники и воору- женцы, стрелки — радисты дали священную клятву. Встав на колено, они повторяли ее за своим командирам: «Родина, слушай нас! Сегодня мы приносим тебе святую клятву на верность. Сегодня мы клянемся тебе еще беспощаднее и яростнее бить врага, неустанно прославлять грозную силу советского оружия, драться, громить, истреблять нацистских зверей, не зная страха, не ведая опасности, презирая смерть во имя полной и окончательной победы над фашизмом».

Своими победами флотская авиация обязана не только храбрости летчиков, но и четкой, бесперебойной работе авиационного тыла. Бойцы и командиры тыла проделали огромную работу, чтобы в условиях быстрой смены аэродромов обеспечить нормальную боевую деятельность летных частей.

Огромное значение имела партийно — политическая работа. Командиры и политработники, коммунисты м комсомольцы первыми шли в бой, выступали проводниками политики партии, призывавшей народ разгромить ненавистного врага. Летный состав хорошо знал Л. Н. Пурника, Н. С. Александрова, И. И. Сербина, С. С. Бессонова, А. Г. Соловьева, М. Ф. Чернышева, Г. З. Оганезова и других командиров и генералов, руководивших партийно — политической работой в частях и подразделениях авиации флота.

Кроме забот сугубо военных, были у нас в это время заботы другого характера, которые по своему значению, можно сказать, не уступали первым. В их числе особое место занимала подготовка и организация ледовых дорог на Финском заливе. Как я уже отмечал выше, флот имел уже опыт использования ледовых дорог. В начале декабря, а иногда и позже, Невская губа покрывалась льдом. Кронштадт на какое-то время лишался связи с Ораниенбаумом и Ленинградом. Но как только появлялся достаточно прочный лед, мы организовывали здесь ледовую дорогу, ограждали ее вехами и мигалками. Некоторый боевой опыт использования такой дороги для переправы крупных войсковых соединений был накоплен в войну 1939/40 года, когда через Финский залив из района («Красной Горки» переправляли не только войска с техникой, но и танки.

Теперь нам предстояло организовать ледовые дороги на нескольких направлениях: Лисий Нос — Кронштадт — Ораниенбаум, Кронштадт— «Красная Горка», Кронштадт — форты «ГЪ>и «О», Батарейная бухта — Сескар и далее на

Лавенсари (имелось в виду поддерживать непрерывное сообщение с гарнизонами этих островов). Мы не раз собирались с начальником штаба флота Ю. Ф. Раллем, главным гидрографом капитаном 2 ранга Г. И. Зимой, начальником гидрометеорологической службы подполковником Г. Д. Селезневым, специалистом по ледовым вопросам М. М. Казанским для обсуждения возможных вариантов направления ледовых дорог, чтобы выбрать лучшие из них. 8 ноября я подписал приказ, который регламентировал ответственность различных служб и частей флота за движение по льду. На начальника гидрографического отдела возлагалась ответственность за разведку ледовых трасс и их оборудование средствами светового ограждения; он организовывал наблюдение за дорогами, определял их проходимость, обеспечивал, в случае необходимости, сопровождение эшелонов.

С наступлением ледостава в Невской губе на ледовую разведку вышли командиры гидрографы Н. П. Клюев, А. В. Гагарин, Б. Есаулов, В. А. Черкасов и К. А. Васильев. Вскоре они доложили о возможности начать движение по ледовым дорогам (морозы форсировали ранее намечавшиеся нами сроки).

Для обслуживания ледовых дорог был организован специальный гидрографический отряд под командованием М. П. Мартьянова (его заместителем был назначен гляциолог М. М. Казанский). Для обеспечения островов, учитывая их положение, выделили группу гидрографов во главе с В. С. Зябревым. Гидрографы сопровождали войсковые части, автомашины с боезапасом и продовольствием, боевую технику, вплоть до танков, идущие на острова по неизученным ледовым трассам.

Нередко эшелоны двигались под непрерывным воздействием авиации противника; были встречи с группами разведчиков врага. Не каждый переход кончался благополучно. Во время боев на трассе при исполнении служебных обязанностей погибли гидрографы Б. Есаулов и А. Федоров. Отличился в эту зиму гидрограф

В. А. Черкасов. Суровой декабрьской ночью он вывел незамеченным отряд наших войск с Лавенсари на Гогланд. Для врага это было настолько неожиданно, что он в панике бежал. В. А. Черкасов был награжден орденом Красной Звезды.

На зимний лад перестраивал свою деятельность тыл флота, руководимый генерал — майором М. И. Москаленко (военком бригадный комиссар М. С. Родионов). Как и весь личный состав флота, работники тыла за полгода войны накопили огромный опыт, они научились обеспечивать корабли и части всем

необходимым в самых сложных боевых условиях. Нет нужды доказывать, что без нормального снабжения всеми видами техники, боезапасом, горючим, продовольствием нет ни операции, ни боя.

Флот имел полноценный тыл — склады, заводы для ремонта кораблей, судов и боевой техники, арсеналы, мастерские. Гарнизоны отдаленных баз и островов располагали всем необходимым на полгода ведения войны, на флотских складах тоже были немалые запасы. Мы не раз, случалось, выделяли продовольствие городу, особенно в трудные дни блокады.

Тылу флота пришлось заниматься не только снабжением, он принимал участие в эвакуации гражданского населения, оборудования промышленных предприятий, народнохозяйственных грузов из приморских городов.

Все это делалось в условиях отступления; руководители, все работники тыла сумели сохранить дисциплину и порядок и, как бы ни было трудно, обеспечивали потребности флота и его соединений. Тысячи рабочих, моряков, командиров предприятий флота, вспомогательных судов, складов, арсеналов, управлений и отделов тыла за мужество и отвагу, за образцовое выполнение заданий командования награждены орденами и медалями Советского Союза.

Теперь работники тыла сосредоточили свои усилия на подготовке кораблей, судов, боевой техники к весенне — летней кампании 1942 года.

Говоря о тружениках флотского тыла, мне хочется отметить добрым словом и тех, кто плечо к плечу работал с ними в эти военные полгода — капитанов, штурманов, механиков, шкиперов, матросов вспомогательного флота. Моему сердцу с первых лет военной службы близки и дороги эти люди. Мне по душе неустанный труд экипажей танкеров, транспортов, водолеев, ледоколов, буксиров, плавучих кранов. Я нередко выражал свое удовлетворение их работой капитану — наставнику Н. С. Сверчкову, с которым приходилось делить и радости и горести предвоенных и военных лет.

Работавшие на этих судах гражданские моряки, смелые и отважные люди, каждодневно совершали подвиг, порой не сознавая значимости своего вклада в дело разгрома врага. Ими руководили хорошие организаторы, военные моряки П. И. Стрельцов, В. В. Гаврилов, А. В. Климов, Г. А. Бутаков, Г. М. Близнкж и другие.

Каждый переход между Кронштадтом — Таллином — Моонзундом, Ленинградом — Кронштадтом — Ораниенбаумом, по рейдам и гаваням Кронштадта под огнем и бом1бежкой врага,

без трального обеспечения требовал от моряков вспомогательного флота немало мужества и самоотверженности. Вместе с боевыми кораблями они подвергались опасности и риску. Экипаж танкера «Железнодорожник» (капитан Ф. Ф. Залесов), обеспечивая бункеровку кораблей в первые дни войны на рейде Лиепаи, погиб под бомбежкой самолетов противника. Экипаж буксира «КП-12» (капитан В. А. Рогачев) из блокированной военно — морской базы Ханко через минные поля, без охранения привел в Кронштадт плавучую мастерскую. Сотни людей спасли из воды экипажи буксиров «КП-6» (капитан И. П. Сиваков), «КП-2» (капитан Москвин), рижские речные буксиры «Альфа», «Эзро», «Меднис». Они пришли в Кронштадт настолько загруженные людьми, что палуба уходила в воду. На боевом посту погибли капитаны А. Краснощеков, Сытник. Навсегда останутся в памяти балтийцев героические дела экипажей вспомогательных судов, которыми командовали капитаны Ф. С. Степанов, А. И. Иванов, И. П. Сиваков, А. Л. Леонов, П. А. Тарасов, Н. Флок.

Невозможно дать в полном объеме картину повседневной, будничной, но всегда героической работы транспортов, буксиров, плавкранов, барж и других специальных судов, обеспечивавших боевую деятельность флота. Все боевые действия наших сил проводились с их участием — они выводили и вводили корабли в гавани под огнем врага, снабжали корабли боезапасом и топливом. И они же в туман и непогоду, в темные осенние ночи обеспечивали перевозки войск 8–й армии и Приморской оперативной группы Ленинградского фронта, поддерживали постоянную связь с гарнизонами островов Сескар и Лавенсари. Это о них кронштадтский поэт

А. Баюров написал:

…А о тебе забыли все поэты,
Обыкновенный труженик морской,
Забыли, кто в ненастную погоду,
Борясь со штормом что есть сил,
По самый мостик зарываясь в воду,
Израненный эсминец выводил.
Кто кораблям на рейд в туман и ветер
Боезапас и воду доставлял,
Кто безоружным шел навстречу смерти,
Но никого в беде не оставлял.
Герой, — кто в битве под свинцовым градом
Разил врага, держа неравный бой,
Но тот, кто бить не мог врага снарядом,

А шел вперед, — тот трижды был герой…

И еще слово о флотских медиках. Они тоже не стояли у корабельных орудий, не ходили в бой в рядах морской пехоты. Но их героический труд имел огромное значение. Благодаря врачам, сестрам, санитарам были сохранены тысячи жизней защитников Ханко и Таллина, тем, кто сражался на ораниенбаумском плацдарме, на оборонительных рубежах Ленинграда, на кораблях Ладожской военной флотилии, в авиации и береговой артиллерии.

Замечательными организаторами медицинской службы и отличными врачами показали себя В. Р. Баудер, Г. Е. Гонтарев, М. Н. Ермаков, И. Н. Томилин, виднейшие в стране хирурги профессор Б. В. Пунин, десятки лет прослуживший на флоте, М. С. Лисицын, В. К. Лубо, главный терапевт флота Г. А. Смагин, эпидемиолог

В. И. Иоффе.

Осенью и зимой 1941 года главной опасностью для осажденного города и его защитников стал голод. Он разрушал не только организм, но и влиял на психику людей. Из частей флота, с кораблей в военно — морские госпитали стали поступать больные дистрофией. Им требовалось полноценное питание, тепло, покой, но ни того, ни другого не было. И в этих условиях надо было спасать бойцов, быстрее возвращать их в строй.

Научную и практическую работу по борьбе с дистрофией возглавлял главный терапевт флота (профессор Г. А. Смагин. Разработанный метод лечения больных дистрофией — белковое литание, переливание крови и кровезаменяющих жидкостей, витамины, предупреждение осложнений — позволял в довольно короткий срок восстанавливать здоровье командиров и краснофлотцев. Большую помощь Г. А. Смагину оказывал старейший и популярнейший на флоте терапевт Л. Е. Гилянов, начавший военно — морскую службу врачом в 1912 году в госпитале в Ревеле. В тяжелые годы блокады Л. Е. Гилянов заведовал терапевтическим отделением Ленинградского военно — морского госпиталя.

Одному из военно — морских госпиталей, руководимому А. С. Веригиной, мы придали санитарный профиль. В этот госпиталь на две- три недели направляли командиров с явлениями сильного переутомления после тяжелых и длительных боевых действий. Командир подводной лодки «Щ-406», впоследствии Герой Советского Союза, Е. Я. Осипов после

краткого пребывания в этом госпитале писал; «В условиях блокированного Ленинграда создан госпиталь — здравница для командиров, восстанавливающий силы и уверенность для решительных боев с ненавистным врагом. Выходя из госпиталя, кажется, что покидаешь свой дом». Командир звена торпедных катеров, впоследствии Герой Советского Союза

А. И. Афанасьев, написал коллективу госпиталя полные благо дарности слова: «Хочется выразить большое душевное спасибо вам, замечательные товарищи. Примите от меня простую человеческую благодарность — русское спасибо за внимание и заботу». Такие же санаторные отделения были открыты в госпиталях в Кронштадте и в одном из авиагарнизонов.

Важное значение для возвращения в строй бойцов имело создание в Ленинграде батальона выздоравливающих, куда направляли легкораненых и выписанных из госпиталей из-за нехватки коек для дополнительного лечения и отдыха. Медицинскую часть в этом батальоне возглавлял опытный врач А. А. Ушаков.

Я пишу о работниках тыла, экипажах вспомогательных судов, медиках кратко, хотя о них следовало бы написать книги. Пусть сделают это те, кто в годы войны занимался снабжением кораблей, перевозил людей и грузы, спасал жизнь защитников Ленинграда — они сумеют сделать это лучше меня.

А враг продолжал стоять у стен города. Положение флота, так же как и Ленинграда, было тяжелое. Топлива не хватало, водопровод и канализация не работали, автотранспорт остановился. Морозы доходили до 40 градусов. Постоянные обстрелы разрушали заводы, предприятия, жилые дома и больницы.

Вместе с ленинградцами краснофлотцы и командиры флота переносили лишения и трудности. Продолжая содействовать фронту на многих участках, и особенно на Неве, мы оказывали блокированному городу также помощь иного рода. Для снабжения населения продовольствием были использованы запасы, имевшиеся в Кронштадте. Более трех тысяч тонн муки, сахара, мяса, жиров было передано в общий котел. Флот выделил Ленинграду около

7 тысяч тонн мазута и соляра. В те суровые дни председатель Ленинградского горисполкома П. С. Попков обратился в Военный совет флота с просьбой помочь городу соляром для электростанций. Основные его запасы хранились в Кронштадте. Мы решили использовать для перевозки подводную лодку «Правда», которой командовал капитан 3 ранга И. П. Попов. 21 декабря вечером «Правда» отправилась в путь по Морскому

каналу. Дорогу ей прокладывал ледокол, на котором находился командир конвоя, отличный моряк, капитан 1 ранга Ф. Л. Юрковский.

Толщина льда в канале и на заливе превышала 30 сантиметров. Чтобы не демаскировать себя, лодка была выкрашена в белый цвет. Однако это не спасло ее от обстрела. Как только ледокол и лодка, идущая в притопленном состоянии, вышли из огражденной части канала, вражеская артиллерия повела по мим ожесточенную стрельбу, продолжавшуюся около 45 минут. Осколками снарядов на лодке было ранено несколько человек, корабль получил много незначительных повреждений. В ледокол попало шесть снарядов, был убит вахтенный рулевой, но конвой добрался до Кронштадта. В балластные цистерны подводная лодка приняла 700 тонн соляра. Вечером 30 декабря конвой вышел в обратный путь. Мороз доходил до 20 градусов. Морской канал прошли на этот раз благополучно, и только когда уже находились в огражденной его части, артиллерия врага открыла огонь; попаданий, к счастью, не было. Доставленное в Ленинград топливо обеспечивало работу электростанций блокадного города в течение всей суровой зимы 1941 /42 года.

Вспоминаю разговор с командиром Ленинградской военно — морской базы контр — адмиралом Ю. А. Пантелеевым. Он показал мне свои записи. В этом своеобразном дневнике фиксировалось то, что делали балтийцы по заявкам города и фронта. Но очень много они делали и по собственной инициативе, обычно в жилых домах тех кварталов, у которых стояли корабли, в детских садах, больницах, яслях. Мы узнавали об этом из трогательных писем ленинградцев и сообщений политработников.

Вот лишь краткий перечень работ, выполненных краснофлотцами и старшинами с кораблей эскадры, перешедшей зимовать в Ленинград. Ее командующий вице — адмирал В. П. Дрозд направил на городской водопровод большую бригаду слесарей и токарей. Они отогревали, сваривали, заменяли трубы, кое — где ставили моторы для подачи воды.

Там же работал и экипаж подводной лодки «К-56» капитана 2 ранга к Г. Гольдберга. Краснофлотцы и старшины крейсера «Максим Горький», линейного корабля «Октябрьская революция» работали на Металлическом заводе, выполняли фронтовой заказ. Краснофлотцы эсминца «Стойкий» восстановили водопровод в детском доме в Октябрьском районе, работали также на фабриках «Канат», «Светоч», восстанавливали бани, котельные, налаживали противопожарные средства. Краснофлотцы эсминца «Опытный» отремонтировали плавучий док Канонерского завода, отгружали

1 уголь из торгового порта для электростанции. Два месяца краснофлотцы, старшины и командиры эсминца «Сторожевой» работали I в мастерских Масляного буяна, восстанавливая водопровод, энергосеть и телефонную связь. Краснофлотцы и старшины эсминцев I «Опытный» и «Сторожевой» демонтировали станки на заводах § «Большевик» и «Красногвардеец» для отправки их в тыл страны, ремонтировали и восстанавливали на «Красногвардейце» паровые молоты.

Экипажи почти всех кораблей эскадры работали на судостроительных заводах, главным образом на Балтийском, где строили металлические баржи и самоходные тендеры для Ладоги. На них летом 1942 года непрерывно перевозили на восток женщин и детей, а обратно — продовольствие и грузы для фронта. Моряки эскадренного миноносца «Славный» вскрыли и отремонтировали турбины на 2–й ГЭС.

Выполнялись также работы в Публичной библиотеке имени! М. Е. Салтыкова — Щедрина — здесь трудились моряки с крейсеров и эсминца «Свирепый».

Рабочие, краснофлотцы и командиры изготовляли для фронта мины, противотанковые гранаты, различные снаряды.

Ленинградцы горячо благодарили военных моряков Балтики за эту помощь. Руководство завода «Русский дизель» прислало на имя командования подводной лодки письмо, в котором написано: «В условиях многомесячной блокады города, частых бомбежек и артиллерийских обстрелов, и особенно в период ленинградской зимы, помощь, оказанная моряками, позволила заводу в короткий отрезок времени стать действующим предприятием…

…Двигатель, собранный в основном силами моряков, дал возможность, не отнимая у города ни одного киловатта электроэнергии, обеспечить питание чугунно — литейного цеха и вспомогательных механизмов для него. Без вашей помощи завод не смог бы провести этой работы и боеприпасы на нашем заводе не могли бы выпускаться…»

В первых числах ноября Военный совет флота с согласия Военного совета фронта перевел штаб, политуправление и тыл флота из Кронштадта в Ленинград, где к этому времени сосредоточилась большая часть боевых кораблей. Главную базу флота Кронштадт преобразовали в Кронштадтскую крепость. Охрану водного района крепости осуществляло крупное соединение кораблей и катеров под командованием капитана 2 ранга И. Г. Святова. Оно обороняло наши коммуникации, идущие из Кронштадта на запад, систематически тралило основные фарватеры, вело борьбу с дозорами врага.

Штаб и политуправление флота в Ленинграде разместились

на Васильевском острове в здании Военночморской академии. Защищенного командного пункта у нас в то время не было, на время обстрелов и бомбежек мы уходили в подвал основного здания, не прерывая работы.

Штаб Ленинградской военно — морской базы находился в Адмиралтействе. Знаменитый вестибюль с фигурными форштевнями старинных кораблей имел обычный «блокадный» вид: на стенах изморозь, окна заложены досками и мешками с песком, полумрак.

Это были трудные, отчаянно трудные дни, но никто из нас ни на миг не допускал мысли о том, что мы не выдержим; наша вера в победу была беспредельной. Эта вера с особой силой звучит в строках праздничного приказа по флоту, изданного в день 24–й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции: «Свой всенародный праздник народы Советского Союза встречают в обстановке Отечественной войны против немецкого империализма… Пятый месяц идут ожесточенные и кровопролитные бои. Враг несет огромные потери, но, не считаясь ни с чем, яростно лезет вперед.

…В Великой Отечественной войне решается судьба Родины. Гитлеровская свора стремится поработить и ограбить советские народы. Вся страна по зову партии Ленина поднялась на борьбу против кровавого и лютого врага… В Великой Отечественной войне советский народ борется за свою свободу, честь и независимость, за свою родную Советскую власть…

В жестокой и упорной борьбе наша героическая армия сохранила свою боеспособность, уничтожила и развеяла миф о непобедимости немецкой армии и нанесла жестокий, непоправимый урон фашистским полчищам…

Красная Армия и Военно — Морской Флот за время войны показали, какие величайшие источники героизма таятся в толще советского народа, с оружием в руках защищающего свое социалистическое государство. Тысячи бойцов и командиров, советских патриотов показали, на что способен народ в борьбе за Родину. Мужество, бесстрашие, презрение к смерти проявляют бойцы Красной Армии на полях ожесточенных сражений Отечественной войны. Все силы страны поднялись на помощь фронту. Когда Родина в опасности, вся страна стала фронтом, а все ее граждане — бойцами…

Вместе с частями Красной Армии Краснознаменный Балтийский флот стойко и мужественно борется с фашистскими извергами. Огнем корабельной артиллерии, фортов, береговой обороны моряки Балтики уничтожают фашистские полчища на подступах к Ленинграду. Подводники смелыми атаками топят

вражеские транспорты с войсками и боеприпасами. Наши славные соколы летчики- балтийцы, проявляя беспримерный героизм, отвагу, высокое летное мастерство, уничтожили не одну сотню фашистских стервятников. Храбро дерутся бойцы морской пехоты.

…Выражаю уверенность, что бойцы, командиры и политработники флота будут беспощадно уничтожать на воде, в воздухе, под водой и на суше гитлеровских двуногих хищников. На истребление наших людей ответим беспощадным и безжалостным истреблением врагов. Ненависть к врагу должна стать законом.

Гитлеровские орды пытаются сломить сопротивление города — героя, города, где родилась Великая Октябрьская революция. Но не сломить им упорство защитников Ленинграда. Не бывать им в Ленинграде никогда! Красная Армия, КБФ разгромят врага и сделают подступы к городу Ленина могилой для фашистских хищников. Крепче удар по врагу! Все силы, всю волю на разгром врага! Мы победим! Силы наши неисчислимы. Они растут. Каждый день укрепляет мощь Красной Армии. Растет сила сопротивления. В глубине страны формируются новые части, обучаются новые резервы. Советский народ полон решимости драться до победы, до полного разгрома врага. Победа будет за нами!»[108].

# ГЛАВА 16. НА ЛАДОГЕ

Ладожское озеро — единственная коммуникация. Первые баржи с зерном разгружаются в Осиновце. «Дорога жизни». Враг в Тихвине. Морские пехотинцы 6–й бригады вступили в бой с врагом. Балтийские летчики поддерживают войска генерала И. И. Федюнинского. Зимняя «Дорога жизни». Разгром врага под Тихвином. Город Ленина стоял непоколебимо.

Ладожское озеро полностью отошло к СССР после войны 1939/40 года. Русские изучали его с давних времен. ((На острове Валаам, в библиотеке бывшего монастыря удалось найти сведения о том, что русские монахи начали промер глубин еще в 990 году нашей эры»[109]. Уже при Петре 1 они хорошо знали, что оно собой представляет. Обширные гидрографические исследования были проведены на озере в XIX веке. Составленные по материалам экспедиции Гидрографического управления под руководством полковника Андреева карты и лоции озера до тридцатых годов нашего столетия являлись основными пособиями для мореплавания[110]. В связи со строительством Беломоро — Балтийского канала в 1930–1935 годах в южной части озера были проведены подробные гидрографические исследования под руководством профессора Н. Ю. Рыбалтовского. Изучение колебаний уровня озера, его гидрометеорологического и ледового режима велось на Новоладожском и Шлиссельбургом участках Северо — Западного речного пароходства и позже. К началу войны Ладожское озеро было хорошо изучено; флотилия располагала картами крупных масштабов и подробными планами бухт его южной части. К тому же на озере имелось первоклассное навигационное оборудование.

Однако, как ни полны были сведения о Ладоге, осенью 1941 года перед нами встали новые, совершенно неожиданные проблемы. Гидрографы, ученые — гидрологи и гляциологи должны были дать данные о ледовых (покровах озера, расчеты прочности и грузоподъемности льда. К этому времени озеро осталось единственной (кроме воздушной) коммуникацией, связывающей блокированный Ленинград с тылом страны.

На озеро и Ладожскую военную флотилию было обращено особое внимание. До Великой Отечественной войны на озере базировались для учебных целей (морской подготовки курсантов военно- морских учебных заведений) дивизионы учебных кораблей, катеров и специальных подразделений,

обслуживающих нужды этих дивизионов. Все это хозяйство подчинялось начальнику управления военно — морских учебных заведений, находившегося в Ленинграде.

С вступлением в войну против Советского Союза Финляндии и вторжением в июле 1941 года вражеских войск на Карельском перешейке сразу потребовалось создать на Ладоге полноценное соединение кораблей, способное оказывать поддержку и помощь нашим войскам. Для усиления дивизионов кораблей и катеров на Ладогу из Ленинграда и Кронштадта были перебазированы морские охотники, катерные тральщики, два небольших транспорта, учебный корабль «Шексна».

В предыдущих главах я бегло показал участие кораблей Ладожской военной флотилии в эвакуации наших войск с северного берега озера и поддержку флангов 7–й и 23–й армий.

Флотилия подчинялась командующему морской и озерной обороной Ленинграда контр — адмиралу Ф. И. Челпанову, который, в свою очередь, подчинялся главнокомандующему Северо — Западным направлением.

Военный совет флота, возвратившись из Таллина в Кронштадт, понимал обстановку, создавшуюся на этом важном направлении. Положение флотилии еще больше ухудшилось после захвата фашистами Шлиссельбурга, когда она лишилась своего берегового штаба. Сказывалось и то, что за два месяца боевых действий на флотилии сменилось четыре командующих.

3 сентября Государственный Комитет Обороны вынес решение об ответственности флотилии за все перевозки и их обеспечение. Флотилии было подчинено Северо — Западное речное пароходство. Наиболее компетентный в военно — морских делах орган — Военный совет Балтийского флота — не мог занимать позицию бесстрастного наблюдателя. Мы поставили перед командованием Ленинградского фронта вопрос об упразднении должности командующего морской и озерной обороной, считая, что его функции следует принять командующему флотом. Решение было принято. Корабли и части обороны вошли в состав вновь созданной Ленинградской военно — морской базы, подчиненной флоту. Столь же оперативно Военный совет фронта подчинил флоту Ладожскую военную флотилию.

Мы принимали тем самым на себя ответственность за выполнение задач, которые возлагались на флотилию. И это было правильно, так как флот располагал людьми, кораблями, авиацией, которые можно было переключить ей на помощь.

В октябре командующим флотилией был назначен капитан 1 ранга

В. С. Чероков, возглавлявший до августа соединение торпедных катеров, а с августа — отряд кораблей на Неве. Эти корабли сдерживали натиск вражеских войск, прорвавшихся к левому берегу Невы у Ивановского, Дубровки и Шлиссельбурга. Виктор Сергеевич — человек выдержанный, спокойный, рассудительный и аккуратен в работе. Назначая его на этот ответственный пост, мы надеялись, что он сумеет правильно повести дело, и не ошиблись.

В. С. Чероков наладил хорошие взаимоотношения с руководителями тыла фронта и Северо — Западного речного пароходства, сумел воодушевить подчиненных, улучшил работу штаба, тыла флотилии. Начальником штаба флотилии назначили капитана 1 ранга С. В. Кудрявцева, уже известного на флоте боевого командира. Военкомом оставили бригадного комиссара Ф. Т. Кадушкина, а начальником политотдела— толкового комиссара Б. Т. Калачева. Заместителем командующего флотилией по сухопутной обороне был назначен генерал — майор Г. С. Зашихин. Эти опытные, обстрелянные командиры хорошо понимали важность поставленных перед флотилией задач и энергично взялись за их реализацию.

Мы оказывали флотилии постоянное внимание, я и другие члены Военного совета часто, почти каждую неделю, а то и два — три раза на неделе выезжали в Осиновец и Новую Ладогу, где находились ее основные силы. В. С. Черокову и Ф. Т. Кадушкину мы сказали: «Весь Ленинград надеется, что единственная действующая артерия будет сохранена, и враг не сможет поставить город на колени». Задачи флотилии были рассмотрены < на заседании Военного совета флота. Предстояло наладить через озеро бесперебойную доставку продовольствия и боезапаса в город, используя корабли и транспорт флотилии и пароходства. Кроме того, флотилии следовало заботиться о прикрытии и поддержке флангов 23–й, 7–й и 54–й армий. Военный совет приказал штаб флотилии перевести в Новую Ладогу, откуда шел основной поток продовольственных грузов, а в Осиновце, где он находился, создать военно — морскую базу.

Основным корабельным соединением флотилии были два дивизиона канонерских лодок, которыми командовали капитан 2 ранга Н. Ю. Озаровский и капитан — лейтенант В. С. Сиротинский. Канонерские лодки не обладали строгими формами обводов корпусов и внешней красотой, однако, вооруженные современными орудиями, укомплектованные опытными военными моряками — балтий- цами, они превратились в грозную силу для врага. Командиры, пришедшие с современных кораблей, сумели подготовить их для отражения

воздушных атак и умело маневрировали при использовании своей артиллерии. У противника кораблей с таким вооружением не было, преимущество в артиллерии находилось на нашей стороне.

С удовольствием вспоминаю имена первых командиров грозных ладожских «линейных кораблей» капитана 2 ранга Н. Ю. Озаров- ского («Бурея»); капитанов 3 ранга П. И. Турыгина («Нора»), М. А. Антонова («Селемджа»), И. В. Дудника («Бира») и В. Л. Ро — тина («Лахта»). Трудно переоценить значение проделанной ими работы по вооружению, укомплектованию, подготовке кораблей к участию в тяжелых боевых действиях в июле — августе и особенно осенью 1941 года, Капитан 2 ранга Н. Ю. Озаровский — ветеран флота, один из немногих морских офицеров, перешедших в первые дни революции на сторону Советской власти. Мне довелось встречаться с Николаем Юрьевичем еще в гражданскую войну, когда он командовал канонерской лодкой «Роза Люксембург» сначала в составе Астрахано — Каспийской, а затем Каспийской флотилий. Я тогда плавал на канонерской лодке «Ленин», входившей в тот же дивизион, что и «Роза Люксембург», и видел, как прекрасно относился к Николаю Юрьевичу личный состав корабля, каким авторитетом он пользовался. Это был, несомненно, храбрый, культурный и знающий командир. В 1926–1928 годах мы вместе служили на линейном корабле «Парижская коммуна». Осенью 1941 года Николай Юрьевич командовал дивизионом кораблей.

Важное значение имел для флотилии также дивизион сторожевых кораблей под командованием капитан — лейтенанта К. М. Балакирева.

Велика заслуга в выполнении задач на Ладоге дивизиона тральщиков, состоявшего из мобилизованных судов гражданского речного флота. Вчерашние буксиры с экипажами из моряков торгового флота и речников стали боевыми кораблями. Они не только несли боевую службу, но и выполняли воинские и народнохозяйственные перевозки на озере. Командиры этих кораблей М. П. Рупышев (с октября 1941 года он командовал дивизионом), Ф. Л. Ходов, С. В. Ефремов, А. А. Борисов — Смирнов, И. П. Тюньков, В. И. Зайцев, Г. П. Ровкин, А. А. Александров и другие хорошо знали обстановку на озере, храбро воевали. Корабли — труженики буксировали баржи с хлебом, понтоны с паровозами, перевозили раненых, эвакуировали ленинградцев, обеспечивали прокладку кабеля и принимали активное участие во всех боевых делах Ладожской военной флотилии.

В состав флотилии входил и отряд транспортных судов, которым командовал капитан — лейтенант В. П. Беляков. Суда

этого отряда «Стенсо», «Ханси», «Совет», «Кремль», «Чапаев», «Щорс», «Вилсан- ди» осуществляли перевозку войск и грузов для Ленинграда ˆ эвакуацию населения.

Обстановка, в которой кораблям и судам флотилии приходилось осуществлять перевозки, усложнялась с каждым месяцем. После того как противник вышел к станции Мга и перерезал последнюю железную дорогу, связывающую Ленинград со страной, в нашем распоряжении оставался лишь водный путь от Лодейного Поля и Волховстроя по приладожским каналам. 30 августа Государственный Комитет Обороны обязал Северо — Западное речное пароходство ежедневно доставлять в Ленинград до 20 барж с продовольствием и горючим. Положение осажденного города Ленина уже тоща было исключительно тяжелым[111]. Требовалось немедленно начать эвакуацию гражданского населения, больных и раненых — всего около 900 тысяч человек. Все мы, военные моряки флота и флотилии, водники СЗУРЛа[112], понимали, какая огромная ответственность возложена на нас. Личный состав, принимавший участие в перевозках, делал все возможное для решения этой сложной задачи.

Когда враг вышел на левый берег Невы в районе села Ивановское и транзитное речное движение по Неве прервалось, стали планировать перевалку грузов с барж, приходящих из Лодейного Поля по каналам в Шлиссельбург. Но 8 сентября противник занял Шлиссельбург, выход из ладожских каналов был перекрыт. Оставалась единственная трасса — озеро, причем его южная часть была захвачена фашистами, а северная — финнами. Новая Ладога и западная часть озера из-за частых штормов до войны почти не использовалась для судоходства. К тому же на западном берегу не было ни одной оборудованной причалами или пристанями бухты. Решили в кратчайшие сроки приспособить находившиеся в районе маяка Осиновец открытые, мелководные, с большим количеством валунов и подводных камней, небольшие бухточки. Вскоре отсюда взяла свое начало легендарная «Дорога жизни», спасшая город Ленина и его защитников от казалось бы неминуемой катастрофы.

Гидрографы флотилии под руководством капитана 3 ранга П. Ф. Павлова совместно с ладожским техническим участком

В. Шурпицкого быстро создали здесь навигационное ограждение, позволявшее кораблям и судам плавать в любое время суток. По указанию Государственного Комитета Обороны Военный совет фронта возложил ответственность за благоустройство бухт и руководство всеми перевозками на командование Ладожской военной флотилии. Был назначен

уполномоченный по строительству и благоустройству бухты Осиновец — заместитель командующего флотилией капитан 1 ранга Н. Ю. Авраамов. Его заместителем назначили начальника Северо — Западного пароходства И. И. Логачева. По нескольку дней находились в Осиновце члены Военного совета флота, решая на месте неотложные вопросы.

Состоялось совещание руководящих работников областного и городского комитетов партии, Ладожской военной флотилии и Северо — Западного речного пароходства, на котором выступил А. А. Жданов. Он сказал, что от военных моряков и водников Ц СЗУРПа зависит дальнейшая судьба Ленинграда, потребовал развернуть строительство причалов на западном берегу озера.

На Ладогу из резервов флота отправлялись зенитные пушки и пулеметы для вооружения боевых кораблей, озерных буксиров и барж, сюда посылали людей, имевших боевой опыт командования К кораблями и судами, экипажи усиливали военными моряками, создавая двух- и трехсменные вахты.

Большую помощь флотилии оказывало политуправление флота. Занимался Ладогой в политуправлении непосредственно заместитель начальника бригадный комиссар В. В. Корякин, опытный, знающий политработник, прекрасной души человек. Он часто бывал на кораблях флотилии и судах пароходства, в частях авиации, погрузочных командах. Вместе с военкомом флотилии бригадным< комиссаром Ф. Т. Кадушкиным они направляли партийно — политиче- скую работу на выполнение стоящих перед флотилией задач. Центральный Комитет партии и Советское правительство принимали все меры, чтобы облегчить положение Ленинграда и войск фронта. Государственный Комитет Обороны обязал Народный комиссариат путей сообщения ежедневно направлять на ближайшие к Ладожскому озеру станции восемь маршрутов с продовольствием, два маршрута с боеприпасами и один с горючим. Их переброску в Ленинград обеспечивала флотилия. Основные транспортные гражданские силы на озере составляли буксирные пароходы «Морской лев», «Орел», «Никулясы», «Буй», «Гидротехник», незначительное количество озерных и деревянных речных барж. Этого было мало; главные надежды возлагались на боевые корабли, канонерские лодки, тральщики и на отряд транспортов флотилии.

Единый диспетчерский пункт транспортных средств Северо — Западного пароходства находился в Новой Ладоге; управлял им главный диспетчер Л. Г. Разин, прекрасно знавший возможности своего хозяйства, пользовавшийся заслуженным уважением среди гражданских и военных моряков. Командующий флотилией капитан 1 ранга В. С. Чероков быстро установил с ним деловой

контакт. Флотилия; и речное пароходство представляли единый боевой организм; их слаженная работа обеспечивала максимальное использование на перевозках грузов для Ленинграда как военных кораблей, так и гражданских судов.

Все грузы, которые посылала Ленинграду страна, поступали теперь к этому пустынному, не оборудованному причалами месту — бухточке в Осиновце, расположенной на западном берегу озера. Первые озерные баржи с морскими буксирами вышли из Волхова и Ладейного Поля 3 сентября. Видимо, эту дату и следует считать началом перевозок продовольствия и боеприпасов через озеро. Первые две баржи с зерном и мукой прибыли в Осиновец 12 сентября. Когда же к реке Свирь вышли финны и использовать свирские пристани стало невозможно, пунктом отправки грузов стала волховская пристань Гостинополье, находящаяся в девяти километрах от железнодорожной станции Волхов. Гостинополье превратили в речной порт. Его руководителями назначили опытных работников Северо — Западного пароходства С. К. Харламова и Е. М. Борисова. Первые груженые суда и баржи из Гостинополья в Осиновец вышли 14 сентября. Так начал действовать единственный путь, связывавший осажденный Ленинград со страной — осенью по воде, зимой по льду, затем с весны снова по воде. Путь этот справедливо был назван «Дорогой жизни». На протяжении всех дней блокады в течение 309 суток перевозки для Ленинграда осуществлялись только водным путем с перевалкой в Осиновце и Морье.

Гораздо сложнее оказалось организовать использование естественных бухточек на западном берегу озера. «9 сентября Военный совет фронта принял решение: уполномоченным Военного совета фронта по строительству и благоустройству бухты Осиновец был назначен заместитель командующего Ладожской военной флотилии капитан 1 ранга Н. Ю. Авраамов. Срок готовности гавани устанавливался первой очереди — 18 сентября и второй очереди (на двенадцать судов в сутки) — 25 сентября… Размах работ по строительству порта с одновременной эксплуатацией судов оказался не по плечу Авраамову. Он хорошо знал морское дело, но не знал организации строительства»[113].

Ознакомившись на месте с положением дел вместе с начальником инженерного отдела флота Т. Т. Коноваловым, мы пришли к выводу, который был доложен Военному совету фронта: условия, характер и объем строительства, а также обстановка в городе требуют для выполнения всех работ привлечения строительных организаций города, Метростроя, саперных войск фронта и флота. Военный совет фронта рассмотрел эти

предложения и решил: всю ответственность за строительство возложить на инженерное управление фронта, персонально на толковника Б. В. Бычевского. Мы сразу же предложили изыскания, проектирование возложить на инженерный отдел флота, в распоряжении которого имелись опытные инженерные кадры и проектные организации по строительству гидротехнических сооружений. С нашими предложениями согласились, и изыскания, проектирование и руководство гидротехническими работами по созданию причалов было поручено инженерам флота П. А. Никанорову, Н. И. Патрикееву и В. Я. Левину. Для строительства были выделены инженерные войска фронта, флота, привлекались организации Северо — Западного речного пароходства, Балттехфлота, Ленинградского метростроя, Октябрьской железной дороги.

Работы по созданию портового хозяйства, способного (переработать большой поток продовольственных грузов, боеприпасов, погрузку населения и станочного оборудования, продолжали почти всю осень.

Тысячи воинов фронта и флота, вместе со строителями города, работали не покладая рук, чтобы построить первые четыре больших пирса для барж и судов, приема и переработки тысяч тонн груза. Но это были только начальные работы. По перспективному плану эти бухточки должны были превратиться в оборудованные гавани.

Строились новые ряжевые причалы, способные выдержать бурные волны озера, расширялись и заново создавались подъездные грунтовые, твердые и железнодорожные пути, устанавливались погрузочно — разгрузочные механизмы, расширялись складские помещения. Немалые работы по 'Дноуглублению бухт и подходов к ним проводил Балттехфлот под руководством Г. С. Гребенщикова. Кипела работа на восточном берегу озера в районе Кобоны. Здесь все строилось заново. Этот район обстреливался врагом, систематически налетала авиация. Руководили изысканием и проектированием на месте флотские инженеры — гидротехники В. Д. Ласси и

С. И. Коваленко. Строительные работы вели ленинградские метростроевцы под руководством И. Г. Зубкова.

Все причалы и сооружения проектировались по картам и планам, изготовленным в гидрографических подразделениях флота и флотилии; вместе с инженерами — строителями они провели изыскательские работы, составили планы фарватеров, оборудовали их навигационным ограждением. А когда заканчивалось строительство, гидрографы промеряли глубины акваторий гаваней и портов. Многие из них — Х. Мамян, А.

Намгаладзе, А. Анищенко, В. Санников, Е. Лебецкий за свой самоотверженный труд были удостоены высоких правительственных наград.

Тогда уже наметились две основные трассы. Малая трасса, Кобо- на — Осиновец, протяженностью около 15 миль, являлась основной. Здесь можно было 'использовать рыбацкие мотоботы, разъездные катера и речные буксиры с баржами. По этой трассе ходили созданные позднее в Ленинграде так называемые самоходные тендеры. Учитывая значение Кобоны, мы послали сюда для организации работ заместителя командующего флотилией капитана 1 ранга А. И. Эйста и одного из руководителей Северо — Западного речного пароходства А. Н. Новоселова.

Большая трасса, 1ˆовая Ладога — Осиновец, имела протяженность почти в четыре раза длиннее первой. На этой трассе использовались в основном крупные боевые корабли, канонерские лодки, озерные буксиры с баржами, охранявшиеся во время пути катерами и истребителями. Переходы продолжались по двенадцать- шестнадцать часов, корабли и суда ходили в основном ночью или при малой видимости.

Ввод «Дороги жизни» в действие и выполненный совместными усилиями объем работ во многом определили положение в городе и на фронте в период блокады и в последующем разгроме врага. Открытая артерия лишь в незначительной мере удовлетворяла потребности в продовольствии.

Но это было только начало. Через короткий срок Военный совет фронта вынес решение о строительстве и оборудовании перевалочных баз на обоих берегах Ладожского озера для летней кампании 1942 года. Этот грандиозный план предусматривал строительство и оборудование новых причалов, подъездных путей, складов, сооружений для слива горючего, специальных спусков для боевых кораблей и озерных барж, построенных в Ленинграде и перевозимых на Ладогу по железной дороге.

За осуществление плана взялись сразу же. Труд красноармейцев и краснофлотцев, их командиров, инженерных, строительных и железнодорожных батальонов фронта и флота, рабочих Ленинградского метростроя, гражданских и военных инженеров был по- истине героическим. Несмотря на противодействие авиации противника, работы велись день и ночь, никто не покидал своих мест даже во время налетов. Противник много позже понял значение вновь созданных портов на западном берегу озера, но сделать уже ничего не мог.

Как-то в это время нас пригласил в Смольный Андрей

Александрович Жданов.

— Все наши попытки наладить связь со Ставкой, проложить кабель через озеро кончаются неудачами, — сказал он. — Чем богат флот?

Вопрос был неожиданный, ответить на него сразу мы не могли и попросили дать некоторое время для уточнения наших возможностей.

В Военный совет флота были вызваны начальник связи флота полковник М. А. Зернов, начальник института связи центра инженер- капитан 1 ранга Я. Г. Вараксин, начальник связи Ленинградской военно — морской базы Р. Б. Шварцберг. 'Выяснилось, что в наших запасах в Ленинграде имеется бронированный кабель специального назначения, который хранится в торговом порту. Мы поручили связистам в кратчайший срок подготовить его и на железнодорожных платформах отправить на Ладогу.

Военный совет фронта возложил ответственность за прокладку кабеля на флот. К работе подключались фронтовые связисты, которыми руководил генерал И. Н. Ковалев. Он обеспечивал нас рабочей силой, средствами железнодорожного и автомобильного транспорта.

Из специалистов института связи была организована бригада под руководством военного инженера 2 ранга П. А. Анисимова, в которую вошли также флотские инженеры и мастера завода «Севкабель». Для укладки кабеля на грунт на обычной барже установили специальные приспособления. Гидрограф капитан — лейтенант П. Т. Ивановский и командир гидрографического судна «Сатурн» старший лейтенант Х. Н. Мамян наметили и обвеховали трассу, определили места вывода кабеля на оба берега.

29 октября в нелетную погоду (что практически исключало возможность появления авиации врага) баржа, буксируемая пароходом «Буй» капитана А. И. Патрашкина, вышла в озеро, в резерве находились тральщик «УК-4» и буксир «Морской лев». С воздуха, несмотря на непогоду, экспедицию прикрывали истребители флота и фронта. В полдень 29 октября она подошла к восточному берегу у мыса Черный, а в ночь на 30 октября работы были завершены. Осажденный Ленинград (получил связь со страной, ею пользовались также Ленинградский, а позднее Волховский фронты и Краснознаменный Балтийский флот. Участники экспедиции, связисты фронта и флота, мастера завода «Севкабель», гидрографы, водолазы были отмечены в приказе командующего флотом, а некоторые из них удостоились правительственных наград.

Однако продолжу рассказ о «Дороге жизни». То, что

считалось немыслимым в мирных условиях, стало возможным в дни войны. Днем и ночью, в любую погоду ладожцы вели свои конвои, отдельные суда и баржи, катера и мотоботы, до предела нагруженные продовольствием, боеприпасами и пополнением для фронта. Труд экипажей буксиров и барж, совершавших переходы по озеру в шторм, под бомбежками вражеских самолетов, был поисти- не самоотверженным. Противник внимательно следил за движением наших кораблей и судов. Переход до Новой Ладоги занимал около 16 часов, пройти весь путь за ночь не удавалось. Авиация врага гонялась буквально за каждым нашим буксиром, тем более за группами кораблей и судов.

На тральщике 82 старшего лейтенанта в. А. Щербакова во время перехода из Морье в Кобону после налета вражеских самолетов 25 человек из 30 вышли из строя. Однако уже через час доукомплектованный за счет других кораблей тральщик вышел в озеро, продолжая выполнять свои задачи.

Совершил подвиг экипаж тральщика 126 лейтенанта В. Орешко. На полпути в Новую Ладогу его атаковали самолеты противника, погибла значительная часть личного состава, в том числе командир корабля В. Орешко и его помощник Б. Петровский. Лишь пять человек во главе с военкомом Усачевым были способны выполнять свои обязанности, и они привели корабль в базу.

17 сентября 1941 года небольшой тральщик 122 старшего лейтенанта Ф. Л. Ходова в сильный шторм возвращался в Новую Ладогу. На переходе он получил приказ оказать помощь терпящей бедствие деревянной барже, на которой находились бойцы. Несмотря на опасность перевернуться, тральщик подошел к барже. Маневрируя около нее, командир делал все, чтобы спасти как можно больше людей. Моряки бросались в холодную воду, поднимали на борт обессилевших, потерявших сознание бойцов. Около 200 человек было спасено.

Командир рассчитывал встать на якорь у берега, расстояние до которого не превышало трех — четырех миль. Но когда корабль, захлебываясь в волне, направился к берегу, на него налетели вра жеские самолеты. Они пикировали с разных направлений, а единственная 45–миллиметровая пушка могла бить по врагу только с носа. Заходя с кормы, пикировщики могли беспрепятственно сбрасывать свой смертоносный груз. Тральщик был на краю гибели. Но ни командир тральщика Ф. Л. Ходов, ни матросы не растерялись. Комендоры били по самолетам из единственной лушки. Бойцы подносили им снаряды, боролись за живучесть корабля. Даже когда вражеская бомба оторвала корму и он стал погружаться в воду, балтийцы не прекратили борьбы.

Комендор Николай Абакумов и его помощники продолжали бить из лушки по врагу и тогда, когда вода поднялась уже до колен. Спасая корабль и бойцов, командир посадил его на мель. Корабль был смертельно ранен, но не побежден. Над головами моряков гордо развевался советский военно — морской флаг, за честь которого они постояли доблестно и самоотверженно. Подоспевшие к месту боя корабли спасли более 200 человек. Последним оставил свой корабль командир.

4 ноября из Осиновца в Новую Ладогу вышли сторожевые корабли «Конструктор» и «Пурга» с женщинами и детьми на борту. Самолеты противника начали охоту за ними. Отбивая атаки, сторожевики уклонялись от бомб. Все же в палубу «Конструктора» попала бомба, были причинены серьезные повреждения. Корабль начал тонуть. Канонерская лодка «Нора» оказала ему своевременную помощь. Полузатонувший «Конструктор», буксируемый спасателем «Сталинец» и пароходом «Орел», вошел в бухту Морье.

Вражеская авиация буквально висела в воздухе. Только в октябре на район Осиновца было совершено 58 налетов, в которых участвовало около 300 самолетов, но перевозки продолжались. Военные моряки, красноармейцы, речники мужественно выполняли свой долг. Трое суток боролся за дрейфующую в штормовом озере баржу шкипер И. В. Антошихин и спас ее. Баржу Татьяны Шубиной сорвало с якоря и отнесло к вражескому берегу. Под покровом ночи отважная комсомолка на самодельном плоту добралась до своих и привела за баржой буксир.

На перевозке грузов для Ленинграда особенно отличались военные транспорты отряда В. П. Белякова. В составе этого отряда были такие суда, как «Вилсанди» капитана 2 ранга М. О. Котельникова и «Чапаев» старшего лейтенанта И. В. Дудникова. «Чапаев» свыше 45 лет курсировал между Ораниенбаумом и Кронштадтом, потом его включили в состав Ладожской военной флотилии. Экипаж «Чапаева» показывал образцы героизма и отваги. Не раз он подвергался атакам вражеских бомбардировщиков, получал сильные повреждения, но каждый раз с честью выходил из самых сложных положений. За образцовое выполнение заданий командования по перевозке грузов для Ленинграда командир «Чапаева» И. В. Дудников награжден орденами Ленина и Красного Знамени. [1]

В сентябре в Осиновец удалось доставить около 10 тысяч тонн продовольствия, в то время как суточный расход одной только муки составлял свыше тысячи тонн. За месяц напряженной работы завезли продуктов всего на восемь дней; 22 дня город жил

за счет имеющихся запасов. А ведь наступал холодный октябрь, предвещающий ранние заморозки, когда через озеро не смогут ходить суда. Из-за шторма во второй половине октября пришлось прекратить отправку грузов на озерных судах. Метеослужба работала плохо, суда и корабли отправляли с риском. Увеличились потери транспортных средств.

В октябре Военный совет фронта назначил на Ладогу своего уполномоченного генерала А. М. Шилова, энергичного организатора, который должен был обеспечить необходимые темпы погрузки, выгрузки и доставки грузов в Ленинград. Капитан 1 ранга В. С. Че- роков дружно работал с ним все тяжелое время блокады города.

Немецко — фашистское командование понимало, какое значение имеет для блокированного Ленинграда эта единственная коммуникация. В середине октября оно сосредоточило на волховских рубежах мощную группировку своих войск, которую направило на Тихвин с целью соединиться на Свири, в районе Ладейного Поля, с финской армией. Цель этого удара была сформулирована с беспощадной ясностью еще в плане «Барбаросса»: «Наступлением западнее или по обеим сторонам Ладожского озера сковать как можно больше русских». А в дополнении к директиве ОКВ № 34 от 12 августа Гитлер приказал: «Осуществляемое здесь наступление должно привести к окружению Ленинграда и соединению с финскими войсками»[114]. В случае успеха наступления ему удалось бы это сделать.

Но Ленинград снова выстоял. Советские войска, поддержанные авиацией и морской пехотой, срывали планы гитлеровского командования. Дивизии 4–й и 52–й армий при участии авиации флота отбивали атаки танковых и моторизованных сил врага. Из резерва Ставки, из резервов Ленинградского и Северо — Западного фронтов им на помощь шли подкрепления.

В это же время противник резко усилил артиллерийские обстрелы и авиационные удары по Ленинграду, стремясь подавить моральный дух его защитников. Так, с сентября по декабрь 1941 года по Ленинграду было выпущено 13 тысяч тяжелых снарядов и сброшено 3295 фугасных и 67 078 зажигательных бомб, не считая обстрелов и бомбежки боевых порядков войск, Кронштадта и ораниенбаумского плацдарма[115]. Руководителям фронтовых и флотских артиллеристов генералу В. П. Свиридову и контр — адмиралу И. Й. Грену пришлось срочно организовать контрбатарейную борьбу в необходимых масштабах, чтобы сохранить город от разрушения. авловВ двадцатых числах октября флотилии было приказано в самые

кратчайшие сроки перебросить из Осиновца в Новую Ладогу 44–ю и 191–ю стрелковые дивизии и 6–ю бригаду морской пехоты, восстановленную после тяжелых боев под Урицком. Они должны были прикрыть тихвинское направление, отстоять совместно с войсками пункты погрузки продовольствия — Новую Ладогу и Кобону, станцию разгрузки — Волхов[116].

В пунктах погрузки сосредоточили наиболее быстроходные корабли и суда флотилии, разработали план перевозок; маршруты движения определили с таким расчетом, чтобы свести до минимума вероятность встреч с противником: усилили противовоздушную оборону; истребительная группа авиации флота, базировавшаяся на аэродроме Новая Ладога, обеспечивала надежное прикрытие коммуникации.

Из-за срочных оперативных перевозок доставка продовольствия и боезапаса озером была сведена до минимума.

Основными пунктами выгрузки войск были: Новая Ладога — для стрелковых дивизий и район мыса Песоцкий (бухта Черная Сата- ма) — для морской пехоты. Первый конвой в Новую Ладогу вышел 25 октября из Осиновца в составе канлодок «Бурея», «Нора», транспорта «Совет» и тральщиков с баржами. Они перевезли свыше тысячи бойцов и командиров. И в дальнейшем конвои направлялись ночью этим же маршрутом.

Ежесуточно перевозилось до двух тысяч человек. Штормовая погода сильно тормозила перевозки, к тому же авиация противника, несмотря на противодействие, очень активно охотилась за нашими кораблями и судами.

К концу первой декады ноября обе дивизии и бригада были перевезены, а к 18 ноября завершили перевозку чх тылов. Всего с 24 октября по 18 ноября на восточный берег озера доставили более 20 тысяч человек, около 1000 лошадей, 235 орудий, около 200 автомашин, танкеток и повозок. Эти оперативные перевозки сыграли важнейшую роль в срыве наступления волховско — тихвин- ской группировки врага, а затем и в освобождении Тихвина. Дивизии с ходу вступали в бой под Тихвином и Волховым в самый критический момент наступления противника, пытавшегося полностью замкнуть второе кольцо блокады вокруг осажденного Ленинграда.

Едва успела флотилия переправить эти три соединения, как ее командующий получил приказ доставить на восточный берег из Ленинграда большую группу эвакуируемых рабочих Кировского завода с семьями. В этих высококвалифицированных кадрах испытывали крайнюю нужду оборонные заводы на востоке. И эта задача тоже была выполнена. в ноября противник захватил Тихвин, расположенный в восьмидесяти километрах к

востоку от Волхова, Ладога была отрезана от Вологды. Фашистские газеты писали: «Теперь Ленинград вынужден будет сдаться без пролития крови немецких солдат»[117]. Действительно, удар был нанесен по очень уязвимому месту. Оборвались сухопутные коммуникации, по которым страна питала Ленинград. Стала реальной угроза полного окружения.

На какой-то период снабжение города и фронта прекратилось. Хлеба на складах оставалось очень мало. Поезда с продовольствием из глубины страны стали поступать теперь на станцию За- борье в 160 километрах от Волхова. До Ладожского озера от нее можно было добираться лишь проселочными дорогами и лесными тропами. Возникла срочная необходимость построить шоссе в обход Тихвина по лесной чаще. На его строительство были брошены все силы, привлекли и колхозников, и дорожников.

В середине ноября противник снял часть сил из-под Тихвина и ударил встык 54–й и 4–й армиям, пытаясь захватить станцию Волхов и выйти к побережью озера. До Новой Ладоги, где базировалась флотилия, оставалось всего 25 километров. Командующий флотилией принимал меры к обороне города. Его заместитель по сухопутной части генерал — майор Г. С. Зашихин мобилизовал все силы для создания оборонительных рубежей вокруг Новой Ладоги. Сотни военных моряков с кораблей, частей и учреждений флотилии были сведены в отряды для защиты города.

Захват Волхова был чреват для нас большими неприятностями, так как в этом случае мы потеряли бы последнюю железнодорожную станцию, на которую для Ленинграда поступали грузы из глубины страны. Командующий войсками 54–й армии генерал И. И. Федюнинский, понимая обстановку, делал все от него зависящее, чтобы остановить противника.

Заметную помощь войскам армии оказывала 6–я бригада морской пехоты, правда, в ее боевой деятельности имелись свои сложности. Бригада была переправлена через озеро без артиллерии и тылов (а это 30 процентов состава), они прибыли лишь месяц спустя. Кроме того, часть ее (2–й батальон) оказалась в распоряжении 4–й армии. Тем не менее бригада внесла немалый вклад в борьбу с врагом. Получив направление на деревню За- речье — Чернецово, расположенную в 30–35 километрах южнее Волхова, куда наступали передовые части противника, моряки сразу же при поддержке 881–го тяжелого артиллерийского полка вступили в бой. На другой день во время бомбежки осколком был убит командир, командование принял

военком бригады батальонный комиссар П. Я. Ксенз. В течение 20 суток морские пехотинцы совместно с войсками 3–й гвардейской стрелковой и 310–й стрелковой дивизий героически отражали попытки врага захватить Волхов.

В самые напряженные дни боев на окраинах Волхова мы на самолетах перебросили 800 человек из Кронштадта; бригада получила также пополнение в станковых пулеметах; с аэродрома Новой Ладоги были присланы крупнокалиберные пулеметы ДШК для борьбы с бронемашинами и легкими танками противника. В ночь на 18 ноября резерв бригады под командованием военкома штаба батальонного комиссара А. М. Яковлева на своем боевом участке выбил врага с занимаемых позиций и отбросил его. Военные моряки делали все, что было в их силах. Генерал И. И. Федюнинский, командовавший войсками 54–й армии, оборонявшей этот участок, пишет: «Капитана 1 ранга В. С. Черокова, который не был мне подчинен, я попросил снять пулеметы с большей части боевых кораблей Ладожской флотилии и вместе с расчетами на автомашинах перебросить в район Волхова.

Капитан 1 ранга Чероков мою просьбу выполнил точно и своевременно. К рассвету моряки с пулеметами влились в боевые порядки стрелковых частей. Зенитная артиллерия заняла огневые позиции для стрельбы прямой наводкой»[118].

В конце ноября командующий армией перебросил 6–ю бригаду в район Новый Быт — Пурово — Тупышево, где шли ожесточенные бои. А как только возникла угроза прорыва в районе Войбокала, бригада морских пехотинцев посылается на этот участок фронта. Противник рвался к побережью озера, чтобы лишить нас пристаней. Кроме того, в районе Кобоны хранились запасы продовольствия и боеприпасов, подготовленных для отправки в Ленинград. В течение двух недель моряки отражали яростные атаки фашистов, а вскоре сами перешли в наступление, освободили несколько населенных пунктов и отбросили противника на 25 километров от Войбокала.

2 декабря командование бригадой принял полковник Д. А. Синоч- кин, подготовленный, смелый и решительный командир. Прекрасно показал себя в боях военком бригады батальонный комиссар П. Я. Ксенз, почти месяц выполнявший обязанности командира. Он отлично знал людей, умело руководил ими, не раз водил в атаку, личным примером воодушевляя на подвиги. Я вспоминаю о боях военных моряков 6–й бригады морской пехоты, воевавшей в составе 54–й армии потому, что об их подвигах, мужестве написано очень мало и скупо.

Отстаивали «Дорогу жизни» от врага и балтийские летчики.

Когда враг подходил к Волховстрою, в штаб флотской авиационной группы в Новой Ладоге генерал И. И. Федюнинский передал мне:

— Если ночью нас не поддержат с воздуха, станцию удержать будет трудно.

Погода в эту ноябрьскую ночь была нелетная, ветреная, шел дождь со снегом. Но поддержку нужно оказать; командование группы решило, что полетят добровольцы. Добровольцами оказались все.

Одним из звеньев самолетов МБР-2 командовал известный на Балтике летчик старший лейтенант А. В. Пресняков. Он первым вылетел на боевое задание ночью в такой сложной метеорологической обстановке. Примеру командира последовали другие летчики. Летели на высоте 150–200 метров. Противник обстреливал самолеты из всех видов оружия, но это не помешало звену выполнить задачу. Следующую ночь авиаторы провели снова в тяжелых боях. Самолет Преснякова был подбит, но отличное знание техники пилотирования и мужество позволили ему удачно приземлиться, сохранить жизнь экипажу. Командующий армией объявил А. В. Преснякову благодарность, а командование эскадрильи представило его к награждению орденом Красного Знамени. Впоследствии летчик получил самолет ДБ-3. В июле 1944 года гвардии старшему лейтенанту А. В. Преснякову было присвоено звание Героя Советского Союза. Александр Васильевич и ныне служит в Вооруженных Силах.

При поддержке флотской авиации войска армии генерала Федю- нинского не только сдержали врага, но и перешли в наступление, оттеснили его.

В середине ноября в южной части озера начал появляться лед толщиной 15–20 сантиметров. Использовать баржи стало невозможно; несколько позже остановились и озерные буксиры. Нужно было, пока позволяла обстановка, решать вопрос о зимней дислокации кораблей флотилии. Противник занял к этому времени железнодорожную линию Тихвин — (Волхов, под угрозой находилась основная база флотилии — Новая Ладога. Поэтому Военный совет флота избрал для зимней дислокации участок Морье — Осиновец на западном побережье озера, где корабли могли стоять под прикрытием артиллерии. Сюда пришли на зиму шесть канонерских лодок, четыре тральщика, три транспорта и 29 различных катеров.

Несмотря на то, что озеро постепенно сковывал лед, прекращать перевозки продовольствия и боеприпасов было нельзя. Военный совет фронта требовал продолжать их до

последней возможности. 17 ноября из Новой Ладоги вышел конвой в составе сторожевого корабля «Пурга», канонерских лодок «Селемджа» и «Бира» в охранении морских охотников и бронекатеров. Они везли муку для Ленинграда, четверо суток пробиваясь через сплошное ледяное поле. Следующий рейс длился уже семь суток; его проделали «Бира», «Чапаев», «Вилсанди», семь катеров КМ и три тральщика.

«На Ладоге становился лед, — вспоминает Д. В. Павлов, — суда ходить не могли. И все же моряки каким-то чудом пробивались через лед и наряду с боеприпасами доставляли продовольствие. И те, кто знал истинное положение с продовольствием, до глубины души были взволнованы, когда узнали, что 23 ноября в порт

Осиновец прибыли суда «Совет», «Учеба», «Практика», «Вилсан- ди», доставившие 195 тонн муки. Никто этого не ждал. Тогда по льду только что пошли первые автомашины, и в этот же день он л доставили 33 тонны продовольствия, а на следующий день только 19 тонн, что объяснилось хрупкостью льда, который на большом протяжении трассы был неровный, местами совсем тонкий. И вот моряки флотилии по своей инициативе, рискуя жизнью, пробрались через льды и доставили 195 тонн муки. 26 ноября они завезли еще 96 тонн, а 29 ноября — 503 тонны… Каждый выигранный день — это удар по врагу»[119].

Это были последние осенние рейсы. 5 декабря, не дойдя восьми миль до Новой Ладоги, застряли во льдах канлодки «Лахта» и «Шексна», штабной корабль «Связист», спасательный корабль «Сталинец», транспорты «Стенсо» и «Ханси», тральщик 63.

«С 12 сентября по 1 декабря было доставлено на западный берег озера 51 324 тонны различных продовольственных грузов, вывезено 10 354 тонны оборудования и 30 586 человек населения, не считая войсковых перевозок. В числе 51 324 тонн было доставлено 24 097 тонн зерна, муки и крупы, 1131 тонна мясных и молочных продуктов. Самолетами было доставлено 1500 тонн наиболее калорийных и ценных продуктов. Но этого было мало, очень мало. Однако эти тонны дали возможность ленинградцам выиграть 20 дней, а в условиях осады даже каждый день много значит для осажденных»[120].

«В ноябре Военный совет фронта в третий раз уменьшил нормы выдачи хлеба. С 20 ноября рабочие стали получать в сутки 250 граммов хлеба, служащие, иждивенцы и дети — 125 граммов, войска первой линии, личный состав кораблей и летно — технический состав авиации — 500 граммов, остальные воинские части — 300 граммов. В эти дни был введен самый минимальный

за все время блокады суточный расход муки — 510 тонн. Но и за эти тонны нужно было вести отчаянную борьбу»[121].

Период с середины ноября до конца января 1942 года был самым тяжелым за время всей блокады. Внутренние ресурсы оказались исчерпанными. Ценою больших усилий, под ударами авиации тральщики старшего лейтенанта М. П. Рупышева и транспорты капитан — лейтенанта В. П. Белякова, экипажи озерных буксиров и барж проявляли массовый героизм, оказывая неоценимую помощь трудящимся и защитникам родного города. Теперь только можно удивляться мужеству всего личного состава, занятого перевозками продовольствия и боеприпасов.

На корабли флотилии поступали многочисленные письма, в которых ленинградцы горячо благодарили военных моряков за самоотверженную помощь городу. «Ленинград никогда не забудет ваших славных подвигов, — писали рабочие Выборгской стороны экипажам канонерских лодок. — Своими замечательными делами вы вписали яркие страницы в боевую летопись героической обороны города Ленина». «Спасибо, дорогие товарищи балтийцы, за спасение наших детей», — писали ленинградцы экипажу канонерской лодки «Бира».

Оценивая напряженный труд военных моряков и речников, «Правда» 2 февраля 1942 года писала: «Ни налеты фашистских разбойников, ни артиллерийский обстрел, — ничто не могло остановить движение судов. Что нужно фронту, доставлялось в любых условиях».

С наступлением зимы началась не менее героическая ледовая эпопея «Дороги жизни». К подготовке к ней приступили задолго до того, как Ладогу сковал мороз. Как это происходило, можно судить по воспоминаниям участника тех событий инженера — гидрометеоролога М. М. Казанского: «Еще в самом начале сентября, — пишет он, — вызвали в Смольный начальника морской обсерватории Балтийского флота Г. Д. Селезнева и меня (я в ту пору был главным инженером обсерватории). А. А- Жданов задал неожиданные для нас вопросы: «Что вы знаете о Ладожском озере? Когда оно покрывается льдом и целиком ли? Какова толщина ледяного покрова в мягкую, среднюю и суровую зиму? В каком месте лед наиболее надежен? Не наблюдается ли на озере движение льда под влиянием ветров? Сколько времени уходит на образование льда такой толщины, которая выдерживала бы движение автомашин?».

В тот момент ни на один вопрос точного ответа мы дать не могли.

— Через две недели жду от вас подробный доклад, — сказал А. А. Жданов. — Дело вам поручается очень ответственное.

Постарайтесь собрать как можно больше необходимых сведений.

Мы понимали значение заданных вопросов: озеро было единственной коммуникацией, связывающей город Ленина с тылом страны.

Гидрографический отдел штаба флота поднял архивные данные. Вся справочная литература по Ладоге, имеющаяся у нас, в Публичной библиотеке, библиотеке Академии наук была изучена. Использовали подготовленный к отправке архив Гидрологического института, много ценных сведений дали профессора С. И. Руденко и Н. В. Молчанов»[122].

Гидрометеоролога М. М. Казанского послали с группой гидрографов на Ладогу, где в технических управлениях Северо — Западного пароходства также было много материала. Нужно было встретиться и переговорить со старожилами, рыбаками — ладожцами.

Так постепенно были собраны и систематизированы материалы для подробной докладной записки. Они подкреплялись справочными данными, картами, где были обозначены места образованbя торосов, трещин, указан самый надежный по деловой прочности участок Кокорево — Кобона. Возможно, эта докладная записка гидрографической службы флота и стала своего рода техническим проектом ледовой «Дороги жизни».

12—13 ноября Военный совет фронта поставил перед командиром полка майором А. С. Можаевым и перед нами задачу: провести разведку будущей ледовой трассы, выставить ограждение и при первой возможности открыть дорогу сначала для конного, а затем и автомобильного транспорта. В Осиновец немедленно выехал командир Ленинградской военно — морской базы контр — адмирал Ю. А. Пантелеев. Здесь он вместе с командиром Осиновецкой базы — флотилии капитаном 1 ранга Н. Ю. Авраамовым и начальником гидрорайона флотилии капитаном 3 ранга П. Ф. Павловым проверил наметки будущей трассы, ознакомился с изыскательской техникой, определил и проверил состояние разведывательной партии, назначив ее руководителем гидрографа лейтенанта Е. Р. Чурова. Группа Чурова сразу вышла на лед и в короткий срок, 17 ноября, закончила обследование трассы Осиновец— Кобона. На обратном пути ими была проложена новая трасса маяк Кареджи — Осиновец.

Одновременно разведку льда вела группа из дорожно — эксплуатационного полка майора А. С. Можаева под командованием воентехника 2 ранга Л. Н. Соколова. 18 ноября командир полка А. С. Можаев лично на коне проверил

обвехованную трассу. Обобщенные результаты разведки льда были доложены Военному совету фронта, который решил организовать военно — автомобильную дорогу и открыть перевозки через озеро по льду. Вся ответственность за организацию перевозок возлагалась на начальника управления тыла фронта генерала Ф. Н. Лагунова. Начальником ВАД (военно — автомобильной дороги) был назначен генерал- майор интендантской службы А. М. Шилов[123].

Открывая военно — автомобилыную дорогу, Военный совет фронта вместе с партийной организацией города провели ряд мероприятий по мобилизации на ледовую дорогу автомобильных и дорожных частей. Военным советом фронта были выделены специальные зенитные части, стрелковые части для прикрытия дороги с южного направления озера, занятого врагом. Нужны были войска и для прикрытия обороны западного берега озера. Мобилизовались медицинские работники города для обслуживания трассы при эвакуации населения. Нужны были дорожные машины для расчистки трассы от снежных заносов. Тысячи людей различных специальностей были привлечены для прикрытия и постоянного обслуживания автомобильных батальонов. Дорога постепенно начала набирать темпы.

19 ноября из Кобоны (восточная часть ледовой трассы) на лед вышли первые подводы, груженные мукой, а через три дня, не — смотря на неблагоприятную погоду, на лед вышли и первые 60 автомашин. От флотилии был назначен специальный начальник ледово — дорожной службы гидрограф В. С. Купрюшин. Эта служба вела круглосуточное наблюдение за состоянием и грузоподъемностью льда на всем протяжении дороги, поддерживала навигационное оборудование на должном уровне, чтобы его можно было использовать и ночью. Большую работу по составлению новых расчетов прочности и грузоподъемности льда выполняли гидрометеорологи М. М. Казанский, В. С. Зябрев, К. Я. Дерюгин под руководством члена — корреспондента Академии наук СССР Кобеко.

Первым начальником ледового участка дороги был назначен воен- инженер В. Г. Монахов[124] а чуть позже мы предложили на должность начальника ледового участка ВАД, подчиненного генералу А. М. Шилову, кандидатуру капитана 1 ранга Михаила Александровича Нефедова, члена партии с 1918 года, активного участника гражданской войны, хорошего организатора с большой инициативой. 9 декабря приказом Военного совета фронта Нефедов был утвержден в должности начальника ледового участка, а позже он был назначен заместителем начальника дороги[125]. Будучи начальником ледового участка, Нефедов ввел

на ней флотский распорядок. «На льду все должно быть так же, как у моряков на воде», — часто говорил он. Он появлялся здесь в самые критические моменты в самых опасных местах. Штаб ледового участка находился в здании школы в деревне Кокореве и в обиходе назывался не иначе, как «домик Нефедова», хотя сам он бывал там очень редко.

М. А. Нефедов вел дневник наблюдений за льдом. На их основе был создан «График зависимости перевозок от метеорологических условий, подвижки и толщины льда, снегового покрова, воздействия противника». Этот документ, представлявший научную ценность, помогал Нефедову принимать правильное решение, многое предвидеть.

В своем последнем докладе с ледовой трассы Нефедов доносил: «23 апреля 1942 года ледовая пятимесячная эпопея пришла к своему естественному концу. Лед растаял, дорога окончила свое существование… Задача, поставленная нашей партией: заставить лед служить делу обороны социалистической Родины, выполнена»[126].

Вскоре Нефедова назначили помощником командующего Ладожской военной флотилии по перевозкам, а затем он был назначен командиром Осиновецкой военно — морской базы, куда с весны по «фарватерам прибывали корабли и суда с грузом для города Ленина. 24 мая 1943 года во время налета вражеских бомбардиров щиков на Осиновец и Морье Михаил Александрович погиб на боевом посту.

Контр — адмирал Ю. А. Пантелеев получил приказ выявить среди военных моряков опытных яхтсменов — буеристов, переправить на озеро все имеющиеся в Ленинграде буера и, используя их, организовать прикрытие трассы, главным обраяом от разведывательных групп противника… В короткие сроки был создан отряд под командованием опытного яхтсменанбуериста И, И. Сметанина а составе Е. И. Лодкина, А. М. Михайлова, В. К. Кочегина и К. И. Александрова. Буера, не только прикрывали дорогу от противника, но и переправляли на восточную часть озера людей, оказывали помощь застрявшим на льду машинам. Впоследствии буерно — лыжный отряд был подчинен начальнику ледовой дороги и использовался по его указанию.

Учитывая малую толщину льда, соблюдая интервалы, шли потоком грузовые машины. К некоторым из них были прикреплены обычные сани. На машину брали небольшую часть груза, в основном же его везли на санях. Лед трещал под машинами, он был еще слишком тонок, но дорога начала жить. Первые недели темп (перевозок никак не удовлетворял потребностей города и фронта. Военный совет фронта и

партийная организация города призывали весь коллектив дороги выполнить чрезвычайное задание. Темпы перевозок постепенно нарастали. Уже к 8 января было доставлено вместо запланированных 2000 тонн — 2500. 25 января было принято решение Военного совета фронта повысить нормы выдачи продуктов населению. «Дорога была единственным спасением. За неполных четыре месяца по ней эвакуировали 514 069 человек, доставили 361 109 тонн груза, три четверти которых составляли продовольствие и фураж, фронт получил 31 910 тонн боеприпасов и 34 717 тонн горюче — смазочных материалов»[127].

Политуправление флота, политорганы соединений, политработники кораблей и частей принимали все меры, чтобы не допустить упадка боевого духа личного состава, усилить его ярость и ненависть к фашистам, рассказывали личному составу флота о мерах, принимаемых партией и правительством по оказанию помощи продовольствием осажденному городу, фронту и флоту. И наши люди были тверды в своей стойкости, в самые трагические минуты не теряли веры в победу.

Газета «Правда» писала: «Когда-нибудь поэты и писатели сложат песни о легендарной «Дороге жизни». Они вспомнят о том, как шли по льду эшелоны машин с грузами из Москвы, Свердловска, Горького, Сталинграда, как везли по ней подарки из Средней Азии, как тянулись по ней красные обозы партизан из оккупированных районов Ленинградской области. Страна с глубокой благодарностью узнает о подвиге каждого из тружеников и воинов, проложивших и оберегавших дорогу, об огромном внимании, ко — торое уделили ледовой магистрали ленинградские партийные организации»[128].

Колонны автомобилей и конные обозы бесконечной лентой двигались к берегу Ладоги, а оттуда по ледовой дороге в Ленинград.

Остро встал вопрос о прикрытии озерных коммуникаций с воздуха. Противник бросил на Ладогу сотни самолетов, стремясь огнем и бомбами прервать эту единственную артерию, связывающую Блокированный город со страной. На защиту этой артерии были направлены силы Осиновецкого, Свирского бригадных районов, корпуса ПВО фронта.

За счет сил флотской авиации была создана специальная авиаци- онная группа, которую возглавил заместитель командующего ВВС флота генерал — майор И. В. Рожков. Над «Дорогой жизни» развернулись ожесточенные воздушные бои.

Состав группы не был постоянным, он менялся в зависимости от обстановки и главным образом от активности авиации врага. В начале функционирования Ладожской озерной коммуникации в

состав группы входили 13–я Краснознаменная эскадрилья капитана Г. Д. Костылева, авиаэскадрилья старшего лейтенанта Осипова из 5–го истребительного авиаполка и эскадрилья капитана В. П. Жар- никова из 13–го истребительного авиаполка. В декабре 5–й и 13–й истребительные авиаполки подполковника П. В. Кондратьева и Б. И. Михайлова вошли в группу уже в полном составе.

Понимая, что оборона трассы имеет первостепенное значение для жизни города, фронта и флота, наши авиаторы не жалели своих сил и жизней, успешно отражали удары фашистских самолетов. Балтийские летчики — истребители били фашистов над озером, над перевалочными пунктами Гостинополье, Кобона, Осиновец. 14 октября при налете на Осиновец враг не выдержал атак наших истребителей, сбросил бомбы в озеро и повернул обратно. 17 октября противник не был допущен к объектам Осиновца. 23 ноября наши истребители встретили врага на подступах к Кобоне и отбили его налет. Прикрывая ледовую трассу на участке Кобона — остров Зеленец, летчики — истребители не допускали вражеских самолетов к автоколоннам. Однажды семерка истребителей с ведущим капитаном М. Я. Васильевым, несмотря на численное превосходство фашистов, смело пошла в атаку, врезалась в строй бомбардировщиков, сбила три из них, остальные повернули обратно. Каждая победа летчика — истребителя была в то же время победой инженеров, техников, мотористов, оружейников. Эти скромные труженики, не считаясь со временем, готовили машины к боевым полетам. Летчики вылетали на задания будучи уверенными, что машины их не подведут. В боевых донесениях не раз отмечались старший техник — лейтенант Захир Масуфранов и моторист Корженков, чья «чайка» поднималась в воздух более 500 раз; на счету этой машины более 20 сбитых самолетов. Не один раз «чайка» возвращалась с задания сильно поврежденной, но вскоре снбва поднималась в воздух.

Мужественно сражались с врагом летчики 13–го истребительного авиационного полка подполковника 5. И. Михайлова (военком С. Г. Хахилев). Этот полк начал свой путь боями над островами Моонзунда, полуостровом Ханко, Таллином. В дальнейшем о1н самоотверженно прикрывал стоянки кораблей в Кронштадте, а теперь с успехом дрался на Ладожском озере. Бывший командир полка гвардии полковник запаса Б. И. Михайлов пишет: «Выполняя задачу по прикрытию трассы во взаимодействии с зенитной артиллерией, установленной по пути следования автоколонн, летчики бессменно, в любых условиях погоды, осенью и зимой отражали

попытки фашистской авиации разрушить «Дорогу жизни». Каждому из нас ежедневно приходилось вести по три — пять воздушных боев. Кроме того, мы обеспечивали действия флота в Финском заливе и войск Ленинградского фронта. Только за первые шесть месяцев боевых действий авиаполк произвел 5945 боевых вылетов», В этих полках выросли и прославились мастера воздушных сражений, первые Герои Советского Союза на Балтике Алексей Антоненко и Петр Бринько, бесстрашные и умелые летчики Михаил Васильев, Анатолий Кузнецов, Иван Творогов, Владимир Дмитриев, Григорий Семенов, Петр Кожанов, Владимир Петров, Алим Байсултанов и многие другие.

Вспоминаю неоднократные доклады генерала С. И. Кабанова об одном из храбрейших летчиков — истребителей, защищавших небо над Ханко, Алиме Байсултанове, родом из Кабардино — Балкарии. Товарищи шутили над Байсултановым: «У нашего Алима храбрости на троих». Бесстрашный летчик летал на разведку в логово врага, отважно дрался, защищая базу. Не раз он своим самолетом прикрывал мужественного командира эскадрильи Белоусова. Так же героически сражался Алим и в небе Ленинграда. Не было дня, чтобы Алим не поднимался в воздух, и не один раз, а дважды, трижды и более. Как бы трудно не складывалась обстановка, Алим всегда выходил победителем. 277 боевых вылетов, 13 лично сбитых фашистских самолетов — таков итог короткого боевого пути Героя Советского Союза Алима Юсуфовича Байсултанова. В боях под Ладогой прославился замечательный летчик — балтиец Петр Бринько. Боевое крещение он получил вскоре после окончания школы морских летчиков в боях против японских милитаристов. В начале Отечественной войны находился в составе истребительного полка на Балтике, участвовал в первых воздушных брях над Ханко, сражался в небе главной базы флота Таллина. 15 июля 1941 года Петру Антоновичу Бринько было присвоено звание Героя Советского Союза. В жарких августовских схватках лейтенант Бринько вместе со старшим лейтенантом Мальцевым во время воздушного боя таранил вражеский самолет и благополучно приземлился. 14 сентября 1941 года капитан Бринько записал на свой личный счет пятнадцатый сбитый самолет врага, а через девять дней погиб при выполнении боевого задания.

Отличным воспитателем летчиков проявил себя командир коммунист Герой Советского Союза К. В. Соловьев. «Больше летать, видеть, наблюдать. Можешь не быть ведущим, но наблюдать, определять летную обстановку — обязан, драться — обязан. На ведущего надейся, но и сам не плошай. Помни: в бою ошибка- это смерть.

То, что положено делать самому, никто за тебя делать не будет». Так он учил и воспитывал своих подчиненных. Он в совершенстве овладел своей «чайкой», умело сочетал маневр и сильный огонь. Командир лучшей истребительной эскадрильи, мастер бомбоштурмового удара, — таким знали его на Балтике. За год войны К. В. Соловьев совершил 427 боевых вылетов. В конце 1942 года Константин Владимирович погиб. Его имя навсегда сохранится в памяти (балтийских летчиков.

Громил! врага летчик — истребитель Л. Г. Белоусов, человек редкой судьбы. Зимой 1938 года, совершая посадку вслепую при плотном снегопаде на свой аэродром, он потерпел аварию. Самолет разбился, взорвались бензобаки, кабину охватило пламя. Сбежавшиеся бойцы и техники потушили пожар, помогли Белоусову выбраться из кабины. Ему сделали десятки пластических операций на лице. Он продолжал летать. В войну 1939/40 года Белоусов совершил много боевых вылетов, выполняя задания командования. В январе 1940 года он был награжден орденом Красного Знамени, а вскоре получил назначение командиром авиационной эскадрильи на Ханко. С первых дней Великой Отечественной войны вместе со своими подчиненными он зорко стережет небо Ханко, вступая в ожесточенные бои с врагом, бомбит и штурмует его береговые и зенитные батареи, уничтожает катера. До последних дней авиационная эскадрилья Белоусова обороняла Ханко. После возвращения в Ленинград его назначили помощником командира полка, оборонявшего «Дорогу жизни». Леонид Георгиевич продолжал летать, много раз отражал налеты авиации противника, штурмовал его передний край, вел разведку, уничтожал мотоколонны на дорогах. Но постоянное напряжение, последствия ожога вызвали газовую гангрену сначала одной, а затем другой ноги. 426 дней провел Белоусов в госпиталях. Воля, мужество, желание отомстить фашистам преодолели все недуги. Усилия, тренировки, и Леонид Георгиевич вернулся на Балтику, его самолет снова в воздухе.

На Ладоге совершил свой последний подвиг летчик — истребитель гвардеец Степан Горгуль. Он в составе звена прикрывал ледовую трассу. Обнаружив приближающиеся самолеты врага, Горгуль и его друзья Байдраков и Дмитриев атаковали их. Горгуль был ранен, но продолжал драться. Получив второе тяжелое ранение в ногу, Горгуль понял, что долго в воздухе не продержится. Он решил сохранить самолет и сел на лед, хотя мог выпрыгнуть с парашю том. С трудом летчик выбрался из машины. Самолеты врага сделали несколько заходов, в упор расстреливая машину Горгуля. Она вспыхнула факелом, а

мужественный гвардеец получил еще одно ранение. Прощаясь с жизнью, Степан Горгуль достал блокнот и кровью, сочившейся из обрубленного пальца, написал: «Родина, комсомол, я дрался с врагом, как клялся, получая комсомольский билет, не жалея собственной жизни. Я умираю, но знаю, что мы победим!». Степан Горгуль собрал последние силы и встал в полный рост. Он бесстрашно глядел, как «а на него снова шли «мес- сершмитты», как, выбивая на льду дорожку, приближалась к нему пулеметная очередь. Он продолжал стоять, гордо подняв голову, пока вражеская пуля не оборвала его жизнь.

Можно было бы продолжать и продолжать рассказ о героических подвигах авиаторов Балтики. Это были самые напряженные! самые трудные для наших летчиков дни за всю войну. О их боевой активности в этот период говорят такие цифры: всего за войну истребители флота сделали 34 254 боевых самолето — вылета, из них на 1941–1942 годы приходится 23968 самолето — вылетов, или 77 процентов. Иначе говоря, в период обороны Ленинграда бревое напряжение было в три раза больше, чем в период наступления.

21 февраля 1942 года 13–му истребительному авиационному полку было вручено гвардейское знамя. Опустившись на колено, летчики, техники, мотористы, командиры и политработники вслед за командиром полка подполковником Б. И. Михайловым повторяли слова священной клятвы: «Родина, пока наши руки держат штурвал самолета, пока в груди бьется сердце и в жилах течет кровь, будем драться, громить и истреблять нацистских зверей, не зная страха, не ведая жалости, презирая смерть, во имя полной и окончательной победы над фашизмом».

Наши авиаторы оказали существенную помощь войскам, преградившим фашистам путь к «Дороге жизни».

В самые напряженные дни боев под Тихвином, Волховстроем, Ки- ришами, Будогощью, Ладогой они наносили удар за ударом по врагу.

Контрнаступление советских войск под Тихвином сыграло огромную роль в поражении противника глубокой осенью 1941 года. Оно началось в трудные для нашей Родины дни, когда бои под Москвой достигли наивысшего напряжения. 12 ноября войска 52–й армии нанесли удар по флангу вражеского клина и 20 ноября овладели Малой Вишерой. Ставка Верховного Главнокомандования требовала от командования 54–й, 4–й и 52–й армий совместными усилиями разгромить врага восточнее Волхова, а Ленинградскому фронту был отдам приказ во взаимодействии с флотом активными действиями сковывать противника, не давая ему свободно маневрировать резервами.

После ожесточенных боев 9 декабря советские войска освободили Тихвин.

Генерал И. И. Федюнинский, сосредоточив >на правом берегу реки Волхов ударную группировку из трех дивизий, 6–й бригады мор ской пехоты и танковой бригады, нанес сильный контрудар по противнику. вражеские войска покатились назад, бросая оружие и технику. К 23 декабря наши войска вышли к реке Волхов, откуда в октябре противник начал свое продвижение на Тихвин. Несколько пехотных, танковая и моторизованная дивизии врага понесли большие потери и были отброшены. Много подвигов совершили в этих боях морские пехотинцы 6–й бригады.

Для поддержки войск на тихвинском направлении флотские летчики совершили свыше двух тысяч боевых вылетов. Командующий Волховским фронтом генерал К. А. Мерецков не раз объявлял летчикам благодарность. Многие из них были награждены орденами и медалями, а штурмовикам Н. В. Челнокову, Н. Г. Степаняну, А. А. Карасеву и А. С. Потапову присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

План фашистов замкнуть второе кольцо вокруг Ленинграда и удушить егр голодом с Треском провалился. Мы пережили в эти дни, наверное, самое трудное время за всю войну, но, с другой стороны, в эти дни в успехах наших войск под Тихвином и Волховом мы ощутили! радость первых побед. Наши Вооруженные Силы окончательно сорвали гитлеровский план, рассчитанный на захват Ленинграда и Соединение немецко — фашистских войск с финскими, нанесли мощный удар и разгромили врага. В ожесточенных боях за город Ленина воины фронта и флота, народного ополчения сражались с исключительным упорством, проявляя невиданный героизм. Город стоял, как неприступная крепость, показывая всему миру пример легендарного мужества и стойкости.

Так, в тяжелую пору осени сорок первого года Краснознаменный Балтийский фл°т оказывал помощь и поддержку советским войскам в разгроме волховско — тихвинской группировки противника, в ликвидации смертельной опасности, нависшей над Ленинградом.

Освобождение Тихвина имело для Ленинграда чрезвычайно важное значение. К моменту разгрома фашистов под Тихвином хлеба в Ленинграде оставалось всего на девять — десять дней. Городской комитет партии и Военный совет фронта принимали все меры для улучшения работы дорожной ледовой службы. А. А. Жданов и

А. А. Кузнецов лично выезжали на Ладожское озеро, изучали трассу и условия движения автомашин. Был принят целый ряд

решений по улучшению работы зимней дороги. На Ладоге создавались филиалы ленинградских авторемонтных заводов, специальные пункты медицинской помощи, спасательные отряды Эпрона.

22 декабря через озеро доставлено 700 тонн продовольствия, на другой день — 800 тонн. 24 декабря Военный совет фронта решил увеличить паек рабочим и инженерам на 100 граммов, служащим и детям на 75 граммов. Это был риск, так как дорога работала еще плохо, но прибавка сохраняла жизнь ленинградцев. 5 января 1942 года Военный совет фронта, Ленинградский обком и горком обратились с письмом к водителям Ладожской трассы, в котором говорилось: «…Все, от кого зависит нормальная работа дороги: водители машин, регулировщики, ремонтники, связисты, командиры, политработники, работники управления дороги, каждый на своем посту должен выполнять свою задачу, как бойцы на передовых позициях… Чтобы быстро наладить доставку грузов для Ленинграда и фронта… Ваших трудов Родина и Ленинград не забудут никогда»[129].

24 января хлебный паек увеличился вторично. Рабочие стали получать 400 граммов, служащие — 300, иждивенцы и дети — по 250 граммов хлеба.

«Дорога жизни», открытая военными моряками и моряками Северо- Западного речного пароходства в сентябре, продолженная по льду в зиму 1941 года, была единственным путем, связывающим осажденный город со страной. История навсегда сохранит ламяигь о героических делах воинов фронта, военных моряков, летчиков, речников, строителей на Ладоге.

Сейчас в конце длинной дороги, которая начинается у Финляндского вокзала на трудовой Выборгской стороне Ленинграда, и проходя через леса и перелески, через села Колтуши, Мяглово и Морозово приводит к Вагановскому спуску на берегу Ладожского озера, стоит памятник — две белые полуарки, словно выросшие из-под земли. Полуарки — символ блокадного кольца, а разрыв между ними — это «Дорога жизни». Слева от полуарок — большая круглая чаша, похожая на морскую мину, справа — гранитная отшлифованная стела. На стеле барельеф: рука, возносящая факел с вечным огнем, и надпись, обращенная к грядущим поколениям:

Потомок, знай В суровые года.
Верны народу, долгу и Отчизне,
Через торосы ладожского льда
Отсюда мы вели «Дорогу жизни»,
Чтоб жизнь не умирала никогда.

Авторы (проекта памятника — главный конструктор Ленгипротранса архитектор В. Филиппов, И. Рыбин и скульптор К. Симун. Воплотили памятник в металл рабочие Выборгской стороны.

На восточном берегу Ладоги в Кобоне сооружен памятник, на котором высечена надпись: «…«Дорога жизни», прорвавшая блокаду, соединила сердца Ленинграда с родной Москвой, со всей Отчизной».

# ГЛАВА 17. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Ленинград выстоял. Коммунистическая партия — организатор отпора врагу. Роль Пубалта. Флотская газета «Красный Балтийский флот». Писатели и журналисты на флоте. Впереди — новые задачи.

О героической обороне Ленинграда написано много книг, статей, очерков.; Б них исследуется вопрос: как и почему выстоял город. У одних беспримерный подвиг города Ленина вызывает величайшее восхищение, у других — слезы, потому что нельзя не плакать над дневником Тани Савичевой, у третьих — гордость за народ, который мог свершить такое. Но все исследователи — даже те, которые во время войны находились по ту сторону фронта, — единодушны в одном: ленинградцы сделали невозможное возможным.

Мои воспоминания не преследуют цели рассказать о ленинградской блокаде. Я пишу об участии Балтийского флота в битве за город. И горжусь тем, что балтийские летчики, подводники, артиллеристы, катерники, краснофлотцы и командиры крейсеров, эскадренных миноносцев, тральщиков, морские пехотинцы, тыловики, связисты, саперы, строители являются участниками исторического подвига. Никогда за всю свою историю Балтийский флот не сражался в такой сложной обстановке, никогда его боевые действия достигали такого огромного оперативного размаха и напряжения.

Балтийский флот был в числе первых оперативных соединений Советских вооруженных Сил, принявших на себя удар гитлеровских армий на рассвете 22 июня.

В течение первых шести месяцев войны боевая деятельность флота была подчинена общим стратегическим целям Советских Вооруженных Сил. Содействие войскам на приморском направлении являлось его главной задачей. Читатель видел, что боевые действия сил флота отличались сложностью и многообразием решаемых задач, их зависимостью от обстановки на сухопутном фронте и характера борьбы на море.

В течение всего этого периода флот в полную меру своих сил и возможностей выполнял ответственные задачи — оборонял военно — морские базы, оказывал авиационную и артиллерийскую Поддержку прибрежным флангам сухопутных войск, осуществлял крупные оперативные перевозки войск, техники и вооружения, нарушал вражеские морские сообщения, защищая от ударов /врага свои морские коммуникации.

Балтийский флот являлся надежным щитом, прикрывавшим с моря один из наиболее ответственных участков Северо — Западного направления советско-германского фронта. Флот противника, имевший превосходство в силах, не смог создать даже угрозы флангам наших войск, прервать наши морские сообщения ни в финском заливе, ни на Ладоге. Это, несомненно, оказало существенное влияние на ход боевых действий Красной Армии под Ленинградом и на приморских направлениях Балтийского театра военных действий. Сопротивление наших войск изматывало и обескровливало врага, ослабляло его ударную группировку, снижая темп наступления. Благодаря боевой активности сил флота, в течение всей кампании 1941 года вражеские надводные боевые корабли не смогли выпустить ни одного снаряда для поддержки своих войас В то же время корабли, береговые и железнодорожные батареи Балтийского флота за шесть месяцев войны выпустили более 160 тысяч снарядов, провели несколько тысяч стрельб по скоплениям пехоты и танков, батареям и узлам сопротивления противника. Авиация флота только в интересах сухопутных войск осуществила более 30 тысяч боевых вылетов. Эти действия представляли собой существенную помощь сухопутным войскам.

Боевые действия на море велись преимущественно легкими силами, включая эсминцы, под прикрытием и при поддержке авиации, с широким применением бомбового, торпедного, артиллерийского и минного оружия. Это была упорная и ожесточенная борьба за каждую квадратную морскую и озерную милю, за каждый остров, за непрерывность работы своих коммуникаций.

Борьба на море в 1941 году требовала огромных усилий и человеческих жертв. Наши люди подверглись суровым испытаниям и героически выдержали их. Не вернулись из походов многие подводные лодки. Погибли эсминцы «Гордый», «Сметливый», «Артем», «Володарский», «Калинин», «Энгельс», «Карл Маркс», «Яков Свер- лов»; мы теряли базовые тральщики, морские охотники. торпедные катера, самолеты. Погибло много замечательных военных моряков, летчиков, отличных командиров и политработников.

Нам пришлось пережить горечь потерь, вынужденное отступление наших вооруженных сил от западных границ через Лиепаю — Ригу — Таллин до пригородов Ленинграда. Но каждый новый день войны даваЛ многочисленные примеры мужества, героизма, бесстрашия и ненависти к врагу.

Каждый гарнизон, каждая военно — морская база защищалась до последнего человека, до последней капли крови.

Каждый километр продвижения в глубь нашей страны давался гитлеровцам ценой тяжелых потерь и срывал их планы молниеносной войны.

Пусть мне поверит читатель, что у нас не было флагманов и военачальников, которые бы отвлеченно подсчитывали успехи и неудачи, не думая о том, какой ценой они оплачены. Несомненно одноу— без летних боев 1941 года трудно было бы удержать Ленинград в критические сентябрьско — октябрьские дни. «Немецко- фашистские войска прорвались к Ленинграду. Но личный состав Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота и житёли города поклялись не отдавать в руки врагу колыбель революции и с честью сдержали клятву. План противника установить здесь общий немецко — финский фронт провалился. 4–я танковая группа немцев, составлявшая основу их тарана, нацеленная на Ленинград, потерпела поражение и была серьезно ослаблена. А это оказало прямое влияние на последующее развитие борьбы, поскольку враг намеревался после взятия Ленинграда перебросить отсюда танки под Москву»[130].

К началу боев непосредственно за Ленинград обстановка для флота оказалась чрезвычайно сложной и тяжелой. Большая часть военно — морских баз была временно оккупирована врагом. Все основные корабельные соединения сосредоточились в Кронштадте и Ленинграде. Не было ни одной стоянки кораблей, которая не подвергалась бы вражеским обстрелам, дополняемым ударами авиации. Но хотя геббельсская пропаганда не раз заявляла об уничтожении флота, флот был жив и разил врага, топил его корабли, наносил сокрушительные удары по сухопутным войскам своей авиацией, огнем корабельных, береговых и железнодорожных батарей. Не было ни одного боя, и тем более операции войск Ленинградского фронта, в котором силы флота не принимали бы участия. Балтийцы участвовали в создании оборонительных рубежей на подходах к городу и в самом городе, в форсировании Невы и овладении плацдармом у Невской Дубровки, в создании рубежей для зимней обороны. Флот помогал фронту людьми и оружием, оказывал помощь населению города.

Экипажи линейных кораблей, крейсеров, эскадренных миноносцев, канонерских лодок длительное время выполняли роль плавучих батарей, оказывая существенную поддержку оборонявшимся войскам. Экипажи тральщиков, морских охотников, торпедных катеров надежно охраняли подступы к городу с моря, вели ожесточенную борьбу за бесперебойную работу коммуникаций Ленинград — Кронштадт — Ораниенбаум — Лавенсари — Гогланд. За шесть месяцев войны на морском

театре перевезено 188 тысяч бойцов и командиров, гражданских лиц, 7995 автомашин, 28,5 тысячи тонн боезапаса, 41 тысяча тонн горючего, 218 тысяч тонн различного груза. За эти шесть месяцев мы обеспечили переходы в крайне тяжелых и невыгодных условиях 273 конвоев. Наиболее интенсивно работала коммуникация Кронштадт — Таллин — Ханко, по которой прошло 80 конвоев, Таллин — Моонзунд — 53 конвоя. За тем идет коммуникация Кронштадт — острова в восточной части залива, где проследовало 65 конвоев. 71 раз конвои встречалась с противником, в том числе 52 раза с самолетами и семь раз с подводными лодками. Свыше 70 раз конвои имели дело с минами противника. Всего в 273 конвоях было 1918 кораблей и суфв, из них 1114 конвоирующих и 804 конвоируемых. Наши потери составили 1,3 процента этих кораблей и судов, в основном от минного оружия.

Ценным в боях под Ленинградом был опыт тесного взаимодействия всех видов и родов сил, организации борьбы с батареями противника, применения мощных артиллерийских средств в обороне и наступлении, использования авиации фронта и флота для совместных массированных ударов по врагу. Согласованная работа командования, штабов, политуправлений фронта и флота, личное общение командующих и командиров соединений, совместная разработка планов взаимодействия, обмен оперативными группами, установление линий связи, единой системы опознавания, взаимная информация, наличие единых карт целеуказания — все это обеспечило четкость организации и поддержание согласованных и целеустремленных действий всех видов вооруженных сил, принимавших участие в боях на данном стратегическом направлении.

Осенью 1941 года войска Ленинградского и Волховского фронтов и Краснознаменного Балтийского флота вынудили врага перейти к обороне. Фашисты окопались, зарылись в землю в предместьях города. Это явилось несомненной военной и моральной победой наших Вооруженных Сил. Три вооруженные до зубов армии врага, усиленные авиацией и танками, были скованы под Ленинградом. Впервые в истории второй мировой войны «непобедимые» гитлеровские дивизии, с триумфом прошедшие по дорогам Европы, были вынуждены надолго остановиться. Город, который Гитлер требовал сровнять с землей, превратить в руины и пепел, продолжал жить и бороться.

Сотни тысяч ленинградцев — мужчины и женщины, старики и подростки— все, чья судьба была неразрывно связана с судьбой Ленинграда, работали не зная отдыха, чтобы помочь Красной Армии не допустить врага в город, уберечь Ленинград от

разрушений, спасти его материальные и культурные ценности. Несмотря на невероятные трудности и лишения, ленинградцы, воспитанные на героических революционных традициях, держались стойко, сохраняли непреклонную волю к победе.

Клятвой ленинградцев звучали слова известного советского поэта и общественного деятеля Николая Тихонова из его поэмы «Киров с нами», написанной в суровые дни блокады:

Враг силой не мог нас осилить,
Нас голодом хочет он взять.
Отнять Ленинград у России,
В полон ленинградцев забрать.

Такого вовеки не будет
На невском святом берегу,
Рабочие русские люди
Умрут, не сдадутся врагу.

Заканчивался 1941 год. Позади было полгода войны. Ей не было видно конца, никто не мог предугадать, как развернутся события завтра. Но одно оставалось несомненным: мы выстояли, мы выдержали. Фашисты были остановлены под Ленинградом и биты под Москвой. Наши люди были полны решимости драться до победного конца. Так было на фронте и в тылу, так было и на Балтийском флоте.

Думая об этом сейчас, спустя много лет, я не могу не сказать о той силе, которая цементировала наши ряды, вселяла веру в победу, — о партии. Коммунистическая партия всегда играла решающую роль в руководстве Вооруженными Силами нашей Родины. Еще в 1918 году Центральный Комитет партии, руководимый В. И. Лениным, постановил, что «…политика военного ведомства, как и всех других ведомств и учреждений, ведется на точном основании общих директив, даваемых партией в лице ее Центрального Комитета и под его непосредственным контролем…»[131]

Война потребовала перестройки всей работы политорганов и партийных организаций. От них требовалось прежде всего довести до сознания каждого командира и краснофлотца Директиву Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 года, которую народ знает как речь И. В. Сталина 3 июля; глубоко разъяснить сущность, характер и цели Великой Отечественной войны, поддержать и развить патриотический

подъем, укрепить в личном составе уверенность в победе над врагом. ЦК партии и правительство, указав на смертельную опасность, нависшую над Родиной, и подчеркнув освободительный характер войны Советского Союза, призвали советский народ к решительной борьбе с фашистской Германией. Все формы и методы партийной работы и средства политической пропаганды были направлены на решение этой основной задачи.

Партийная организация Краснознаменного Балтийского флота еще теснее сплотила свои ряды вокруг Центрального Комитета. Через Военный совет флота, политорганы и партийные организации партия на протяжении всей войны укрепляла моральный дух наших воинов. Она развивала и совершенствовала партийно — политическую работу, следуя ленинскому указанию о том, что «…где наиболее заботливо проводится политработа в войсках и работа комиссаров, — …там больше побед»[132].

В первые месяцы войны наши люди не растерялись, не поддались панике. В той сложной обстановке, когда не было еще и не могло быть достаточной боевой закалки, особенно важна была роль партийного вожака, коммуниста, командира и политработника.

Политорганы и партийные организации флота были призваны обеспечить авангардную роль коммунистов в бою. «Коммунисты, вперед!» — таков был лозунг воинов — большевиков, которые всегда находились там, где труднее и опаснее, где надо было вселить в бойцов бодрость и смелость, проявить воинское мастерство, личную храбрость и отвагу, обеспечить успешное выполнение боевого приказа. Словом и делом, мужественным поведением в бою коммунисты подтверждали принадлежность к партии Ленина[133].

С честью выполняли свою роль руководителей и воспитателей наши командные кадры, 80 процентов которых были коммунистами. Ярким показателем их политической зрелости и высокой активности являлся рост партийных организаций за счет командных кадров. Всю свою работу, обучение и воспитание личного состава они строили в полном соответствии с указаниями партии, ее политикой и идеологией.

Партийные организации флота поддерживали постоянную связь с предприятиями Ленинграда. Флотские коммунисты часто выступали на фабриках и заводах; в свою очередь, активисты партийных и комсомольских организаций города были частыми гостями на кораблях и в частях флота.

Большую роль на флотё играли комсомольские организации, их деятельность была направлена на лучшее выполнение боевых задач кораблями и частями. Желание быть в комсомоле молодежь

выражала в своих заявлениях о приеме, подкрепляя их героическими делами в боях с врагом. Своей боевой работой комсомольцы стремились заслужить великую честь быть принятыми в ряды Коммунистической партии.

С приходом на флот осенью 1941 года нового начальника политуправления дивизионного комиссара В. А. Лебедева значительно улучшился контакт между командирами основных соединений и Пубалтом. Для информации о боевых делах соединений в Пубалт систематически приходили их командиры В. П. Дрозд, В. С. Чероков, М. И. Самохин, генералы А. Б. Елисеев, И. С. Мушнов, И. И. Грен, начальник тыла М. И. Москаленко. Этот непосредственный деловой контакт способствовал улучшению руководства пар- тийночтолитической работой на кораблях и в частях флота. Установилась и поддерживалась самая тесная связь между руководителями политуправлений флота и фронта.

Политические органы под руководством опытных, закаленных в боях политработников таких, как Г. Ф. Рыбаков, В. В. Карякин, В. А. Лебедев, К. П. Добролюбов, А. А. Матушкин, П. В. Боярчен- ко, Ф. Г. Масалов, Л. В. Серебрянников, М. С. Родионов, Л. А. Расскин, Е. Л. Копнов, П. А. Скутский, П. И. Ильин, П. И. Власов, Г. М. Яичников, В. И. Медведицкий, И. Т. Зубенко, А. А. Кадушкин, Б. Т. Калачев, А. Т. Караваев, П. Я. Ксенз, Л. Н. Пурник, умело орга — низовывали балтийцев на выполнение боевых задач, всемерно укрепляя мощь флота, обеопечивая повседневное партийное влияние, сплачивая личный состав вокруг партии и ее Центрального Комитета.

Нельзя не сказать о той огромной роли в воинском воспитании балтийцев, которую сыграла флотская печать во главе со старейшей военно — морской газетой «Красный Балтийский флот»[134]. Ее редакторами были опытные военные журналисты Л. О. Осипов, а затем Г. Ф. Бороздкин. Задолго до начала войны газета призывала овладевать новой техникой, совершенствовать тактическую подготовку, повышать бдительность. В нескольких номерах печатались материалы о том, что боевую подготовку необходимо проводить приближенно к боевой обстановке. Выполняя указание Народного комиссара ВМФ, газета нацеливала личный состав на поддержание флота в постоянной боевой готовности.

На второй день войны «Красный Балтийский флот» опубликовал статью, в которой говорилось: «Настал исторический час. Правительство, партия, народ возложили на нас почетную задачу разгромить и уничтожить фашистскую армию и флот Германии». В передовых статьях и других материалах газета ориентировала личный состав на тяжелые и суровые испытания;

25 июня 1941 года в статье «Дадим сокрушительный отпор фашистским варварам» она писала: «Мы смело глядим опасности в лицо. Мы знаем, что враг, напавший на нас, силен. Мы знаем, что победа над фашизмом, над чужеземными ордами, вторгшимися в нашу страну, будет трудна и потребует от нас немало жертв». Спустя два дня, в статье «Наше дело правое. Враг будет разбит» газета продолжает ту же мысль: «Мы знаем и не забываем ни на минуту, что враг силен, что он собрал для удара все свои силы, мобилизовал все свои ресурсы. Бой будет труден. Впереди много испытаний, много лишений, много жертв. Но мы смело идем на все испытания, ибо мы защищаем правое дело».

На протяжении всей войны газета вооружала краснофлотцев и командиров идеями Коммунистической партии, говорила им правду, какой бы горькой она не была, оперативно и ярко освещала военные события на море и фронтах, поддерживала боевой дух.

Столь же важны были для воинского воспитания личного состава многотиражные газеты, выходившие в соединениях кораблей и береговых частей флота: «Вымпел», «Дозор», «Победа», «Ленинец», «Сокол Балтики», «Красный Гангут» и другие.

Особое внимание все газеты и, прежде всего, «Красный Балтийский флот» уделяли пропаганде боевых традиций родного флота, его замечательных деятелей, показу выдающихся подвигов русских и советских военных моряков. Много статей посвящалось героизму наших воинов, боевым делам кораблей, авиации. Газеты прививали личному составу флота ненависть к фашизму, раскрывали его истинное лицо, рассказывая о зверствах и насилии, творимых на временно оккупированной территории.

Корреспонденты собирали материал на передовой, часто рискуя жизнью. На страницах газет регулярно выступали командиры и военкомы соединений флота, поэты и писатели. Материалы газет — это правдивая документальная летопись подвигов, созданная журналистами непосредственно на кораблях, в частях, батареях, авиа- эскадрильях.

«Газеты времен Отечественной войны… Я читаю их, как летопись тех строгих, кровавых дней, — пишет Н. Тихонов. — На каждой странице — борьба, потоки крови, сражения, и на каждой странице подписи тех маленьких летописцев, которые сохранили бесчисленные имена героев. Я горжусь тем, что сам жил среди них и сам, такой же маленький летописец, внес свои записи в большую книгу жизни и смерти.

Я горжусь, что был работником военной печати в те незабываемые дни больших испытаний»[135]. Эти слова мог бы повторить, наверное, каждый, кто писал в наши газеты в те дни.

Я знал лично или по статьям и очеркам всех журналистов, работавших во флотской газете, многих сотрудников многотиражек. Это были люди, неплохо знавшие военно — морское дело. Серьезно помогли редакции и прибывшие в первые дни войны на флот из Москвы и Ленинграда писатели, композиторы и художники. Многие из них имели фронтовой опыт, участвовали в гражданской войне либо финской кампании. В числе художников слова были люди, чьи произведения знала вся страна. Руководил группой писателей Всеволод Вишневский, в нее входили Илья Амурский, Александр Зонин, Орест Цехновицер, Алексей Зиновьев, Ефим Добин, Еремей Лаганский, Григорий Мирошниченко, Лев Успенский, Николай Чуковский, Сергей Кудряв цев — Скайф, Иоганн Зельцер.

Большинство писателей до конца войны работали в многотиражных газетах, принимая подчас непосредственное участие в боях. Илья Амурский, например, редактировал многотиражную газету крейсера «Максим Горький», плавал на бронекатерах, тральщиках и морских охотниках, много раз участвовал в боях. При подрыве на вражеской мине бронекатера он получил контузию, но остался в строю, дошел до Пиллау. Александр Зонин работал в газете подводников, неоднажды выходил на подводных лодках в море. Профессор Ленинградского университета Орест Цехновицер выступал с лекциями под Таллином; он, заменив комиссара части, смело водил в атаки морских пехотинцев и погиб в бою смертью храбрых. Лев Успенский на протяжении всей войны был тесно связан с железнодорожными артиллеристами и воинами бронепоездов. Николай Чуковский писал прекрасные статьи и очерки о боевых делах балтийских летчиков. Григорий Мирошниченко создал во время войны ряд очерков о героях — летчиках и книгу «Гвардии полковник Преображенский».

Активно проявляли себя литераторы младшего поколения Александр Крон, Александр Штейн, Николай Михайловский, Алексеи Лебедев, Юрий Инге, Александр Яшин, Николай Браун, Всеволод Азаров, Семен Липкин, Анатолий Тарасенков, Михаил Дудин, Соломон Фогельсон, Василий Скрылев. Владимир Рудный, находившийся в рядах защитников Ханко, писал в «Правду» и создал две книги о ханковцах; Петр Капица был активным корреспондентом газет «Красный Балтийский флот» и «Огневой щит» (Кронштадт), часто ходил на морских охотниках и написал о них правдивую, интересную книгу. Постоянными авторами флотской газеты были ленинградские писательницы В. Инбер, О. Берггольц, В. Кетлинская.

Военный совет и политуправление заботились о том, чтобы

писатели знали боевую обстановку на флоте, ясно понимали свои задачи. Члены Военного совета, работники политуправления встречались с писателями, интересовались их творческими планами, подсказывали темы выступлений в печати.

Активно участвовали во флотской печати сотни и тысячи военкоров, краснофлотцев, старшин, сержантов и командиров всех званий и рангов. Их помощь корабельным и другим многотиражкам была неоценима. На крейсере «Максим Горький», например, актив многотиражки называли боевой частью — по аналогии с боевыми частями артиллеристов, штурманов, машинистов.

С первых дней войны ярко показывала боевые действия подводников многотиражная газета «Дозор». Подводники любили свою газету, активно выступали на ее страницах с заметками, рассказами, очерками о своих боевых делах. Газета умела хорошо показать и боевые будни подводников, убедительно раскрывая мысль о том, что храбрость, стойкость, отвага должны проявляться повседневно каждым моряком, на каком бы посту он не выполнял боевую задачу. На страницах этой газеты, редактировавшейся А. А. Кроном, а позднее политруком М. Я. Бруком, систематически печатались стихи поэтов Алексея Лебедева, Всеволода Азарова и Анатолия Тарасенкова. Оформляла газету группа художников, в которую входили Б. И. Пророков, Ю. М. Непринцев, А. В. Сой- фертис и С. К. Вишневецкая.

Война унесла немало жизней талантливых газетчиков, писателей, поэтов. Помню, к нам в Военный совет приходил редактор многотиражки с «Марата», драматург Иоганн Зельцер; как-то он рассказал об исключительно высоком моральном духе зенитчиков линкора. Кто, как не он, мог это знать: по боевой тревоге И. Зельцер всегда был вместе с орудийным расчетом зенитной батареи. Его корреспонденции хорошо и точно передавали настроение людей. В газете «Красный Балтийский флот» журналист поместил репортаж из Кронштадта, в котором писал: «До боли знакомые места полыхали пожарищем, огненные языки, окутанные черным дымом, поднимались к небу. Краснофлотцы выходили на верхнюю палубу, молча стояли у борта, всматриваясь в разрушительную работу гитлеровских головорезов. Никто не разговаривал. Постоит боец несколько минут и уходит вниз. Но и сюда, даже сквозь броню, доносились раскаты орудийных залпов… Придет час, он приближается с каждой минутой, и расплата будет неумолимой. Сполна заплатят фашистские убийцы за кровь лучших людей, за насилие над невинными людьми, за издевательство и пытки». Вещие слова

написал журналист Иоганн Зельцер. Но ему самому не удалось дожить до Дня Победы. Во время массового налета вражеских бомбардировщиков на линкор писатель — воин погиб на боевом посту у орудия.

Со своим боевым кораблем погиб молодой командир штурман-подводник Алексей Лебедев, гармонично сочетавший в себе высокую морскую и поэтическую культуру. Он был талантливым лириком, оставил нам ряд поэтических сборников.

После настойчивых просьб получил разрешение пойти в поход на одной из подводных лодок сотрудник газеты ««Красный Балтийский флот» коммунист А. Власов, автор многих хороших очерков о героических делах подводников. Но погибла подводная лодка, а вместе с ней погиб и журналист А. Власов.

Вспоминаю неутомимого в поисках темы Петра Звонкова, корреспондента газеты «Красный Балтийский флот». Накануне выезда на морской аэродром он спрашивал меня об особенностях обороны Гогланда, советовался, на какие стороны жизни гарнизона острова нужно обратить внимание. Самолет МБР-2, на котором летел журналист, был сбит в неравном бою фашистскими истребителями. Талантливый флотский журналист Петр Звонков погиб, не успев написать корреспонденцию. Пулей фашистского снайпера был сражен молодой сотрудник Кондратюк, находившийся в частях морской пехоты под Ленинградом. Во время перехода кораблей из Таллина в августе 1941 года погибли фотокорреспондент «Правды» М. Прехнер и фотокорреспондент ТАСС Ю. Зеньковский, сотрудники газеты «Красный Балтийский флот» Н. Данилов, В. Смолин, Ф. Локазюк, В. Смирнов, М. Гейзель, М. Марков и молодой флотский поэт Юрий Инге, задолго до войны воспевавший героику будней военных моряков.

Все они внесли свой неоценимый вклад в дело защиты любимой Родины в самый трудный период великой Отечественной войны — лето и осень 1941 года.

Обстановка на советско — германском фронте, в том числе и под Ленинградом, менялась в пользу Советских Вооруженных Сил. Изменились и задачи флота. Теперь мы должны были, не ослабляя поддержки войск, оборонявших Ленинград, вести развернутую подготовку к новым боям в летней кампании 1942 года. Военный совет флота собрал в холодном конференцзале военно — морской академии командиров, военкомов и начальников политотделов соединений. Мы уже могли сказать, что «блицвойна» провалилась. Мы приводили заявления некоторых фашистских руководителей, не одобрявших гитлеровского руководства военными действиями на территории

СССР.

В статье контр — адмирала П. Доннера под названием «Война на море против Советской России» говорилось: «…германские вооруженные силы при содействии военно — морских сил захватили Балтику. Вместе с Балтийскими островами пал Выборг, включая Ханко. Ленинград окружен; так же, как и при падении Ревеля, произойдет катастрофа проклятого флота. Кронштадт с военными гаванями находится под артиллерийским огнем и бомбами, многие русские корабли уже уничтожены, а к остаткам флота все ближе продвигаются германские минные заграждения. Видимо, скоро придет конец».

Но катастрофы не произошло, конца не было. Гальдер отмечал в своем дневнике на восьмой день войны: «Русские сражаются до последнего человека». Типпельскирх пишет: «Убедительным было упорство противника… Это был противник со стальной волей, который безжалостно, но и не без знания оперативного искусства бросал свои войска в бой… Однако уже было ясно одно: здесь не могло быть и речи о том, чтобы быстрыми ударами «разрушить карточный домик»[136].

Эти и другие высказывания характеризовали порочность планов командования фашистской Германии; с другой стороны, в них содержалось невольное признание значения боевой деятельности сил Балтийского флота на морских сообщениях противника и в защите морских подступов к городу Ленина. Пусть Ф. Руге на многих страницах своей книги говорит о бездействии русского флота; он не может не признать, что «кампания на Балтийском море закончилась без взятия Кронштадта и полной ликвидации советского флота. В последующие годы это привело к большему напряжению немецких сил» [137]. У Руге не хватает духу пойти в признании до конца, он замалчивает тот факт, что кампания 1941 года окончилась полным провалом не только на суше под Ленинградом и Москвой, но и на Балтийском море. Рухнули планы молниеносной войны, против Советского Союза, ни одна из задач плана «Барбаросса» не была решена.

Но враг был еще силен и упорно сражался, поэтому мы призвали командиров, военкомов, начальников политотделов напрячь все силы, мобилизовать личный состав соединений для последующего разгрома врага. Военный совет флота требовал разъяснить личному составу обстановку под Ленинградом и на всех фронтах, исходя из нее, проводить конкретную, целеустремленную, оперативную партийно — политическую работу. Мы информировали командиров соединений об общих и о возможных зимних боевых действиях войск Ленинградского и

Волховского фронтов и тех задачах, которые, наверное, придется решать флоту.

Военный совет флота поставил перед руководителями соединений кораблей и тыла флота задачу — хорошо отремонтировать корабли, подготовить их к активным боевым действиям в кампании 1942 года. Им предстояло мобилизовать внутренние резервы, полностью загрузить флотские плавучие и корабельные мастерские, организовать работы в три смены.

Важными задачами, поставленными Военным советом флота, были улучшение расстановки командных кадров, подготовка в школах учебного отряда специалистов для кораблей из вновь призванной молодежи, изучение боевого опыта кампании 1941 года. Усвоению боевого опыта мы требовали уделить особое внимание, считая, что это поможет глубже анализировать обстановку и делать правильные выводы — разгадывать намерения врага и своевременно принимать меры для выполнения поставленных задач. Разбор боев, изучение опыта артиллеристов, штурманов, связистов, механиков, методов борьбы с минным оружием врага должны были исключить в будущем повторение многих ошибок, допускавшихся раньше, способствовать повышению нашей боевой мощи. Командующему авиацией генералу М. И. Самохину было указано на необходимость тщательнее готовить летный и штурманский состав к боевой работе над морем, учить авиаторов умению активно вести разведку в море.

Успешное выполнение поставленных перед флотом задач зависело, прежде всего, от их понимания, от единства мышления и воли личного состава. Помочь нам добиться такого единства должны были партийные и комсомольские организации. Военный совет рекомендовал им развернуть повседневную разъяснительную работу среди всего личного состава флота.

Много внимания было уделено работе тыла, технического отдела флота, их руководителям инженерам К. Х. Звейнеку, Н. Е. Гончарову, И. С. Липатову, Ф. П. Кондратюку, Н. Н. Балахонскому, Н. Г. Григорьеву, флагманским инженер — механикам, которые планировали и организовывали ремонт кораблей в судостроительной промышленности, судоремонтных предприятий флота, плавучих и береговых мастерских.

Военный совет флота обратился к личному составу кораблей, рабочим судостроительных и судоремонтных предприятий города и флота с воззванием, призывая их быстро и высококачественно выполнить ремонт кораблей. Политуправление флота выпустило листовки и памятки, в которых содержались советы и рекомендации участникам ремонта.

По нашей просьбе, в начале января 1942 года Военный совет Ленинградского фронта принял решение, в котором говорилось: «Производство зимнего ремонта и подготовку кораблей к весенним боевым действиям считать главной боевой задачей Краснознаменного Балтийского флота и ленинградской судостроительной промышленности». Тридцать промышленных предприятий города обязывались принимать заказы флота на ремонт кораблей. На ремонт выделялись лучшие инженеры, мастера, рабочие, их зачисляли на довольствие вместе с экипажами кораблей. Выполняли не только ремонт, но и вели предварительные работы по постройке магнитных тральщиков, тралбарж, минных прерывателей, новых бронекатеров. Военные моряки учились у инженеров и рабочих, выполняя вместе с ними огромную и сложную работу. Большой зимний судоремонт, нигде и никогда ранее не проводившийся в подобных условиях, к 1 мая 1942 года был блестяще закончен.

Хуже обстояли дела на Ладоге. Осенью нам удалось создать маленькую мастерскую, всего в несколько станков в крестьянской избе в Осиновце; работала мастерская в Новой Ладоге на базе моторно — рыболовной станции. Туда же доставили док подъемной силой 1500 тонн, который обеспечивал докование всех кораблей флотилии. Сложные работы выполняли выездные бригады судоремонтной мастерской флота № 1237, прибывшие из Ленинграда.

Это было, далеко не то что требовалось. Поэтому в конце ноября Военный совет принял специальное решение о создании ремонтной базы для ремонта кораблей флотилии в зиму 1941/42 года. Технический отдел флота, флагманский инженер — механик П. С. Касьянчук и инженер — механики флотилии сделали все, чтобы оно было выполнено. Значительную помощь Ладожской флотилии оказывали Кронштадтский морокой завод, судостроительные заводы Ленинграда.

Тыл флота, руководители технического отдела инженер — капитан 1 ранга К. Х. Звейнек и Н. Е. Гончаров, флагманские инженер — механики соединений кораблей с их плавучими ремонтными мастерскими, начальники флотских судоремонтных заводов и мастерских, а также мастерские по ремонту оружия оказались на высоте.

К весне 1942 года в составе Балтийского флота было отремонтировано более 200 боевых надводных и подводных кораблей, около 300 морских охотников, торпедных катеров, катерных тральщиков.

В то время я часто думал о том, каким будет для нас 1942 год, пытался предугадать, как будут развиваться события под

Ленинградом < и на Балтике. Думали над этим и другие флотские руководители.

Начальник штаба флота контр — адмирал Ю. Ф. Ралль подготовил информационный доклад об общем значении балтийских коммуникаций для противника. В докладе указывалось, что из Швеции враг получает важнейшее стратегическое сырье — железную руду и металл, из Прибалтики — металлический лом. Морской транспорт на Балтике нужен противнику еще и потому, что находящиеся в его распоряжении железные дороги не справляются с перевозками для фронтов, вдобавок их работу довольно часто нарушают партизаны.

«Значит, надо бить по морским коммуникациям», — повторял я себе истину, известную еще с мирных времен. Но теперь решать эту задачу предстояло без надводных сил и только частью авиации. На морских коммуникациях должны были действовать преимущественно подводные лодки, значит, следовало настойчиво изучать условия их боевых походов, практически готовиться к выходам в море.

Не было оснований предполагать, что боевые действия в кампанию 1942 года примут иной характер. Следовало ожидать, что противник в стремлении обеспечить безопасность овоих коммуникаций в Балтийском море и Финском заливе будет пытаться заблокировать наш флот минами, действиями авиации и огнем береговой артиллерии. Не исключалось также, что враг попытается уничтожить силы нашего флота, прежде всего надводные корабли и подводные лодки, базирующиеся в Ленинграде.

Так мы осмысливали наши задачи. Заботы о предстоящей кампании все больше овладевали мной, хотя, должен признаться, сосредоточиваться на них было довольно трудно, слишком много было текущих дел.

Говорили мы о боевых действиях сил флота в море в предстоящую кампанию 1942 года и на Военном совете. Разговоры были необычными. Партия, народ доверили нам превосходные кадры, замечательную молодежь. На нас лежала ответственность за правильное руководство ими. Что мы можем обещать им в сложившейся обстановке? К чему должны готовить флот? — спрашивали мы себя.

Зимой я зашел как-то в штаб, в здание Военно — морской академии на Васильевском острове, в кабинет Ю. Ф. Ралля и встретил начальника политуправления В. А. Лебедева. Владимир Алексеевич давно был мне знаком. Чрезвычайно сдержанный, доброжелательный, скупой на разговор, он казался мне похожим на ученого. Впрочем, Владимир Алексеевич и уверял меня, что

настоящий политработник должен стоить профессора. Они с начальником штаба флота обсуждали волновавшие всех вопросы кампании 1942 года.

— Какие, на ваш взгляд, Владимир Филиппович, у флота первоочередные задачи? — спросил меня В. А. Лебедев.

Я ответил

— Общая задача: защищать Родину, сражаться за Ленинград, бить врага. А конкретно и именно сейчас — ремонт и строительство кораблей.

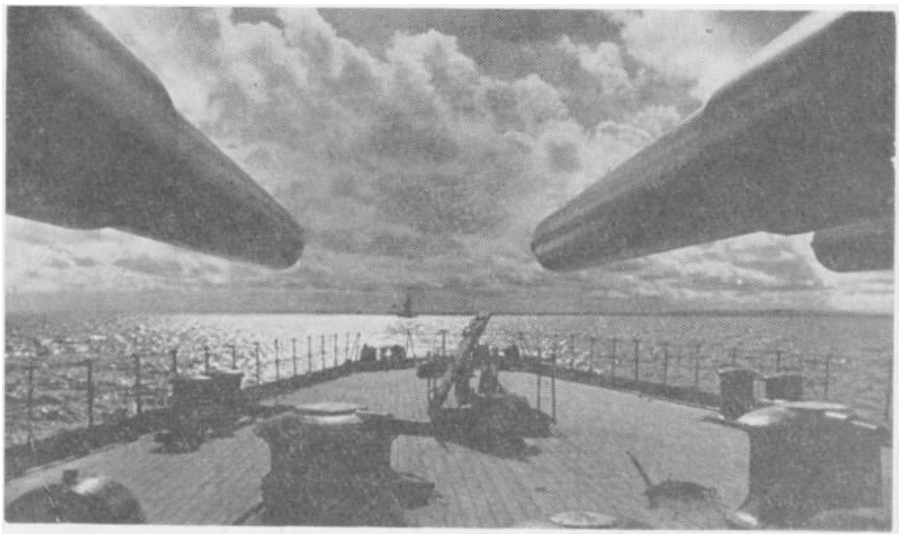
— А для чего? Где они будут воевать?

— Такой проблемы не существует, — сказал я. — Флот должен направить все свои силы на содействие войскам фронта в наступательных боях и в обороне занимаемых позиций. Это главная задача.

Бить врага в море, на его коммуникациях, удерживая свои плацдармы на западе в Островном районе для последующих наступательных операций. Наконец мы будем по — прежнему с весны решать задачу снабжения города, фронта и флота всем необходимым по Ладожскому озеру.

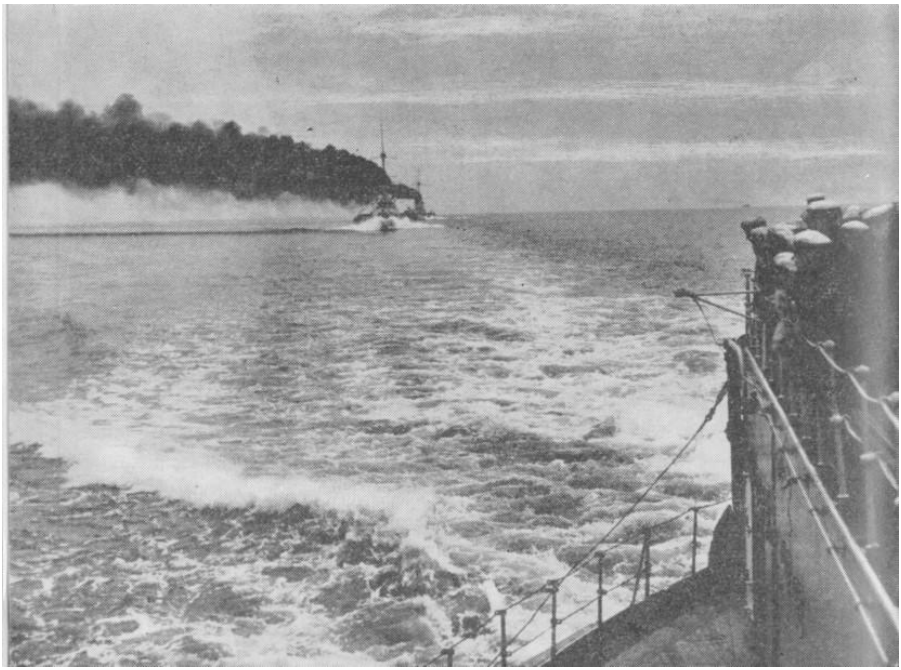
Время показало, что мы были правы, готовясь к решению этих ответственных и сложных задач. 1941 год заканчивался, Великая Отечественная война продолжалась…

# ФОТОИЛЛЮСТРАЦИИ



А. А. Жданов, Н. Г. Кузнецов, В. Ф. Трибуц в море на учении

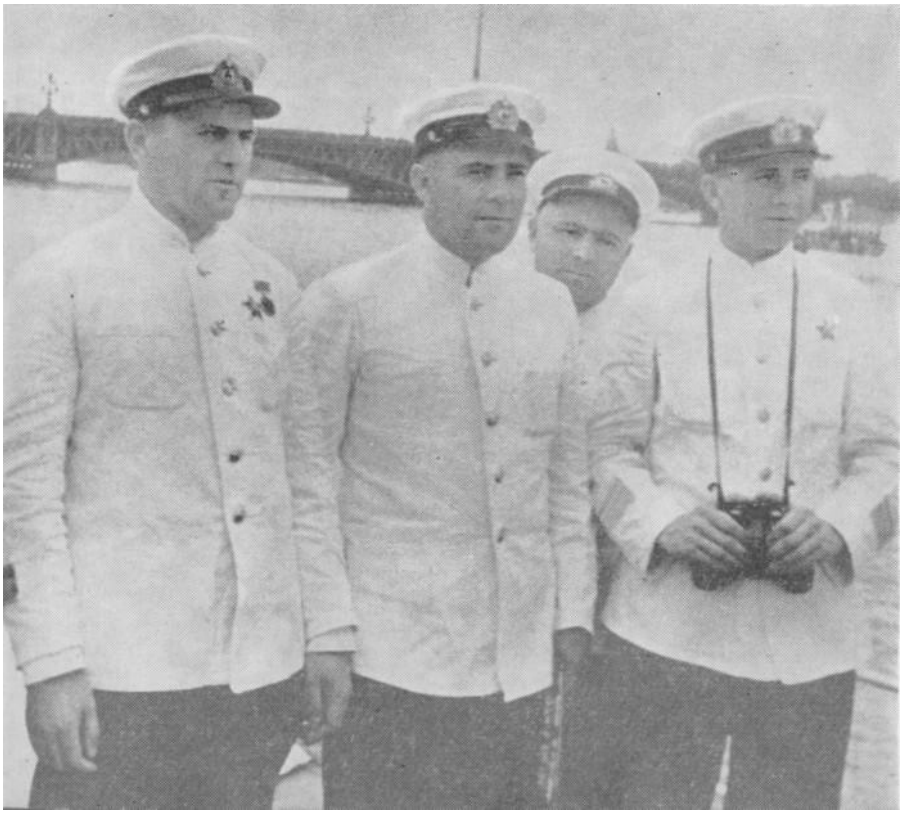
Линейные корабли в походе



Секретарь Центрального Комитета КП Эстонии Н. Каротамм

Слева направо: военком штаба флота П. Л. Сидоров, начальник штаба флота Ю. А. Пантелеев, заместитель начальника штаба Ф. В. Зозуля

Члены Военного совета КБФ В. Ф. Трибуц, М. Г. Яковенко, С. Д. Морозов и заместитель начальника штаба флота С. С. Рамишвили. 1940 г.



Командир подводной лодки Герой Советского Союза А. В. Трипольский

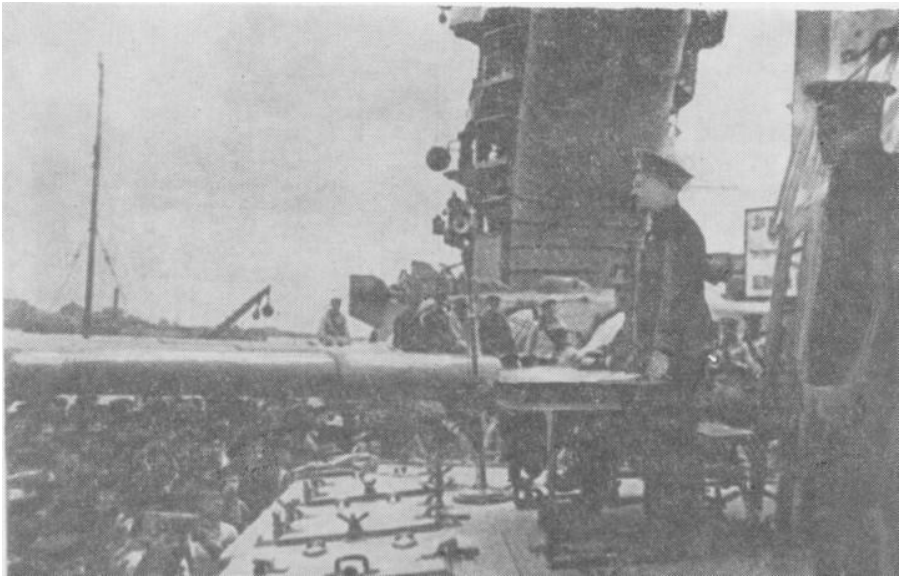
Капитан 1 ранга С. В. Кудрявцев. Штаб флота

Начальник отдела штаба флота Г. Е. Пилиповский

Начальник отдела штаба флота Н. С. Фрумкин

Помощник начальника штаба флота В. Ф. Чёрный

Митинг личного состава на линейном корабле "Октябрьская революция"



Начальник управления политической пропаганды флота А. Т. Муравьёв

Командир подводной лодки "Л-3" П. Д. Грищенко среди личного состава

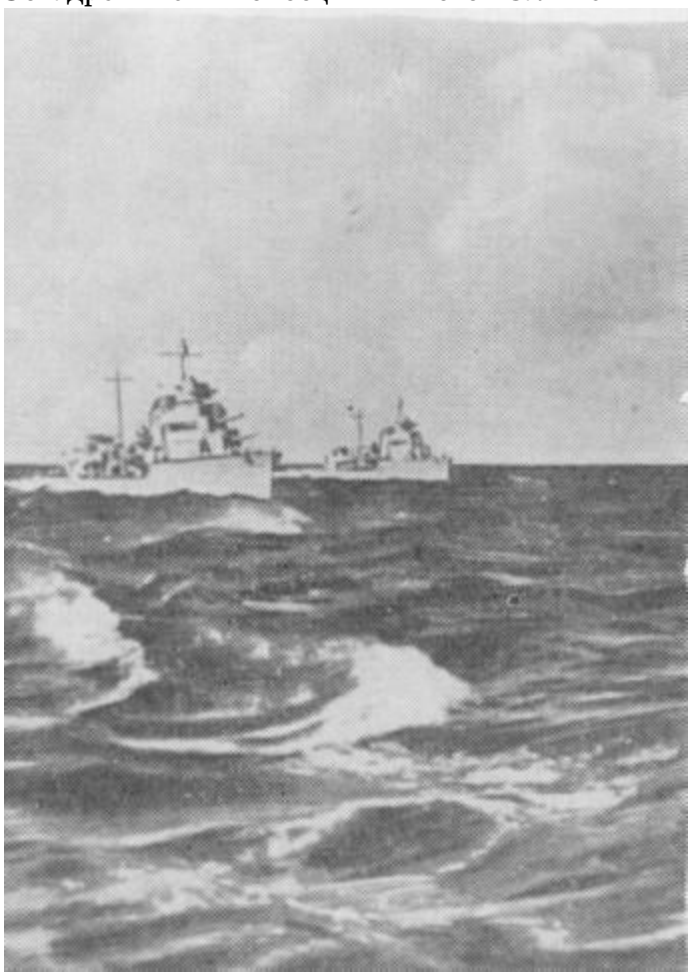
Командир Прибалтийской военно-морской базы П. А. Трайнин

Заместитель командующего авиацией флота М. И. Самохин

Командир экипажа тажёлого бомбардировщика П. С. Игашев

Оперативный дежурный штаба КБФ в ночь на 22 июня Н. М. Овечкин

Эскадренные миноносцы в Рижском заливе



Командир военно-морской базы Лиепая М. С. Клевенский

Командир 67-й стрелковой дивизии Н. А. Дедаев

Заместитель командира военно-морской базы Лиепая П. И. Поручиков

Начальник штаба 67-й стрелковой дивизии В. М. Бобович

Командир зенитного артдивизиона В. Х. Русских

Военком зенитной батареи Е. И. Бирюков

Командир отдельной разведывательной эскадрильи И. Я. Вахтерман

Командир торпедного катера И. С. Иванов

Командир базового тральщика "Фугас" В. Л. Гиллерман

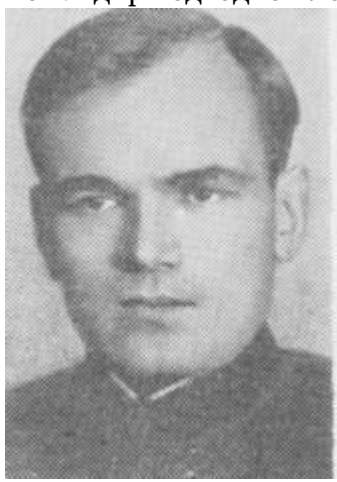
Командир роты курсантов военно-морского училища В. А. Орлов

Командир дивизиона подводных лодок А. К. Аверочкин

Командир подводной лодки "М-81" Ф. А. Зубков

Командир подводной лодки "С-3" Н. А. Костромичёв

Командир подводной лодки "С-1" И. Т. Морской



Слева направо: командир стрелковой бригады Н. П. Симоняк, командир военно-морской базы Ханко С. И. Кабанов, начальник политотдела бригады Г. П. Романов

Ханко. Десантники из отряда Б. М. Гранина (в центре)

Военком военно-морской базы Ханко А. Л. Расскин

Ханко. Лётчик-истребитель Герой Советского Союза А. К. Антоненко

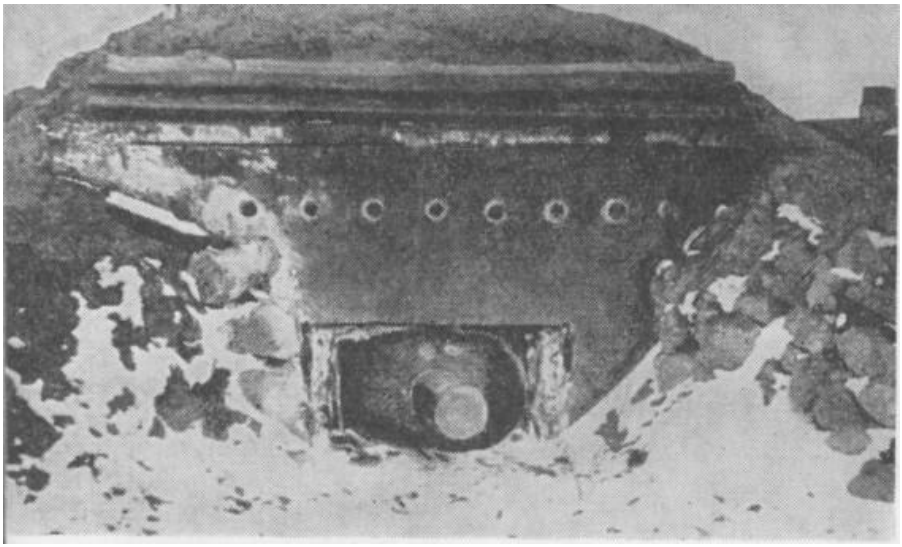
Ханко. Лётчик-истребитель Герой Советского Союза П. А. Бринько

Ханко. Снайпер Герой Советского Союза П. Т. Сокур

Ханко. Командир авиагруппы А. В. Ильин ставит летчикам боевую задачу (второй слева)

Ханко. Отряд десантников автоматчиков. Перед строем младший сержант А. И. Лукьянов

Долговременная артеллерийская огневая точка с использованием морской брони



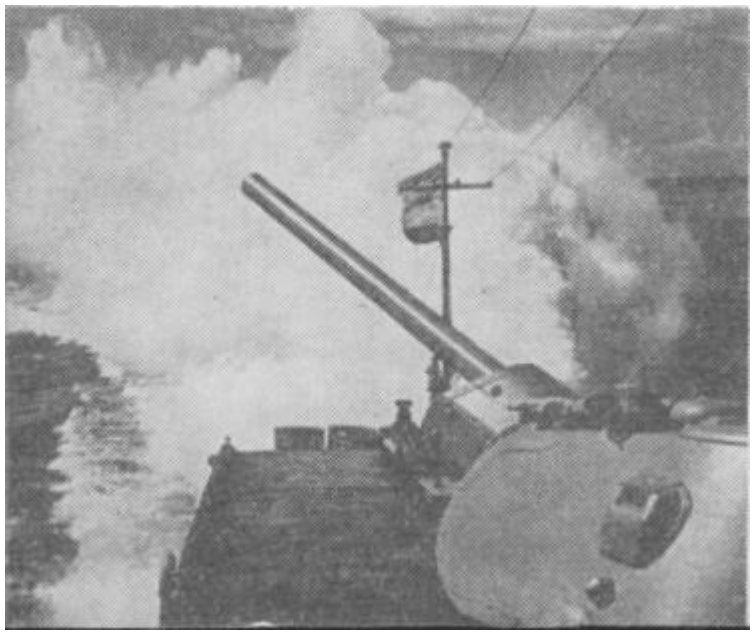
Командующий войсками Северного фронта М. М. Попов

Летчик-штурмовик Герой Советского Союза М. Г. Клименко

Летчик-истребитель Герой Советского Союза В. А. Михалев

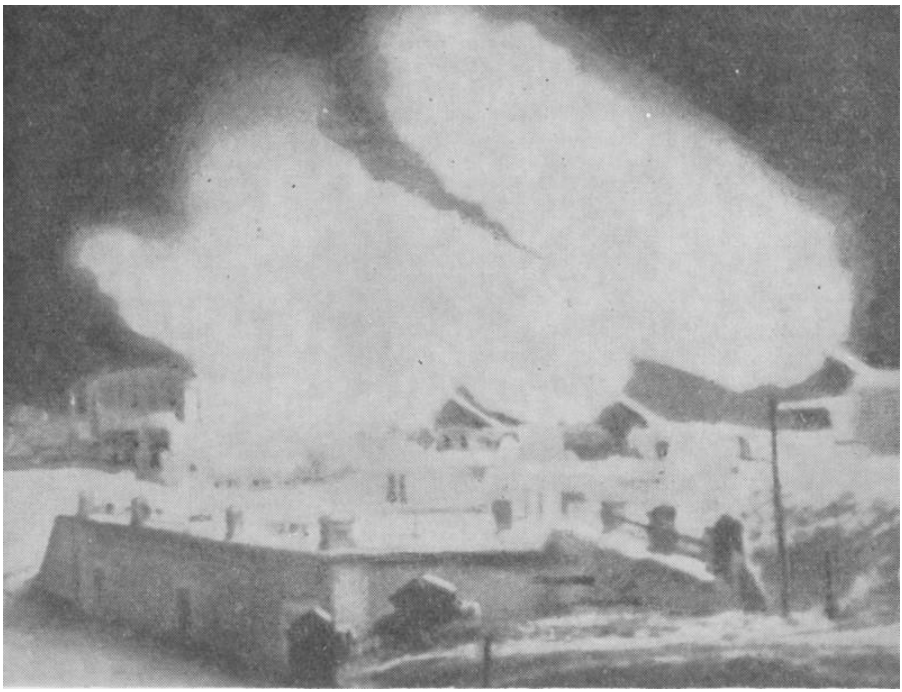
Батальонный комиссар А. И. Федотов, один из первых орденоносцев Ладожской флотилии 1941 года

Бронекатер обстреливает позиции врага, прикрываясь дымовой завесой

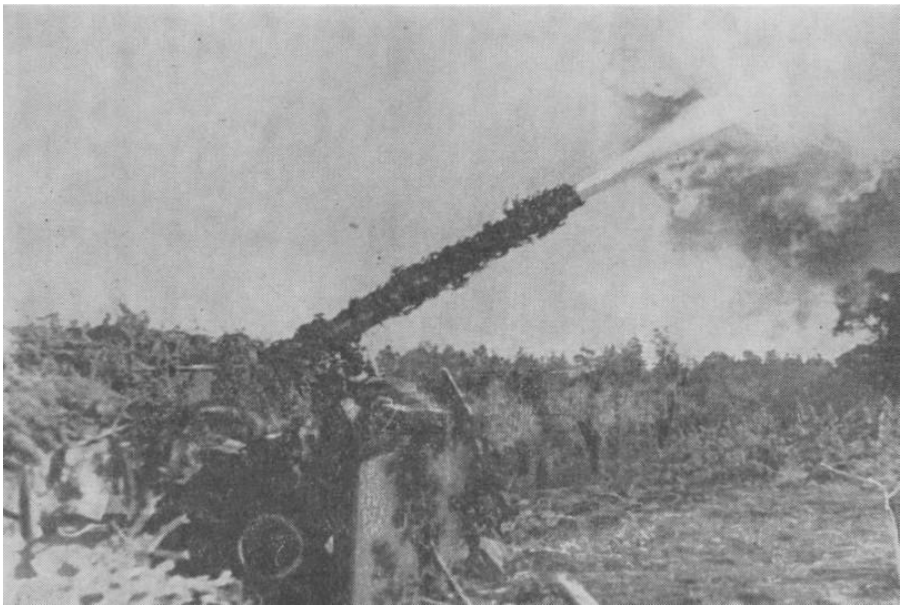


Командир подводной лодки "С-4" Д. С. Абросимов (справа) и его помощник Д. Д. Винник

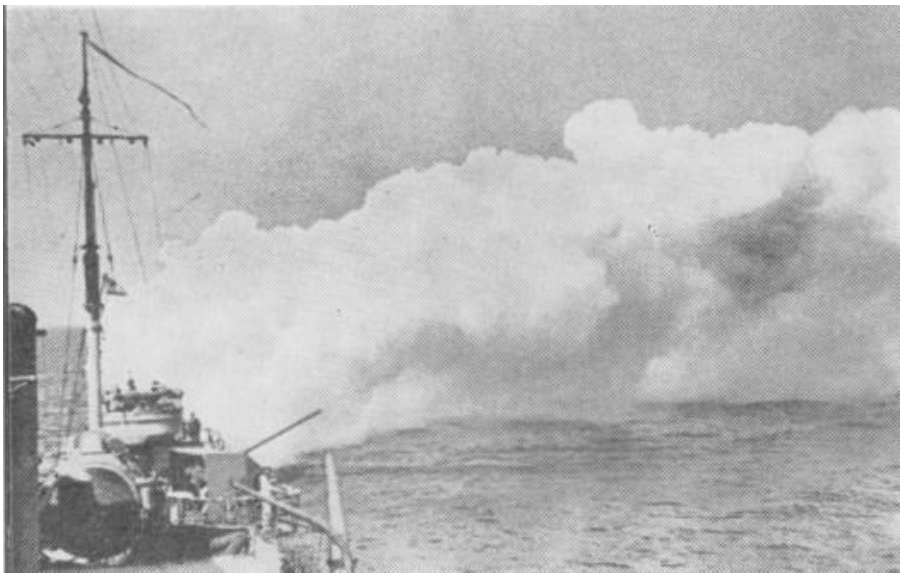
Бьют береговые батареи флота



12-дюймовое орудие "Красной Горки" бьет по сухопутным позициям врага



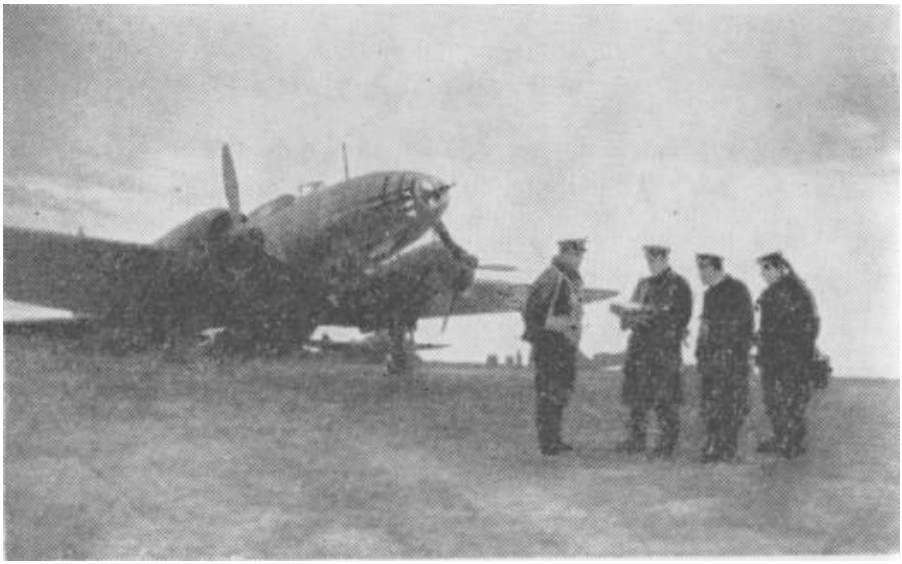
Эскадренный миноносец ставит дымовую завесу на Таллинском рейде



Командир 10-го стрелкового корпуса И. Ф. Николаев

Командующий противовоздушкой обороной флота Г. С. Зашихин (слева)

Последнее уточнение задачи



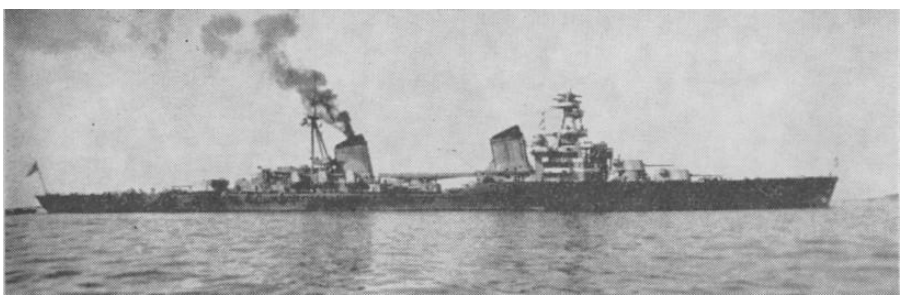
Командир 1-й отдельной бригады морской пехоты Т. М. Парафило

Заместитель командира бригады морской пехоты И. Г. Костиков

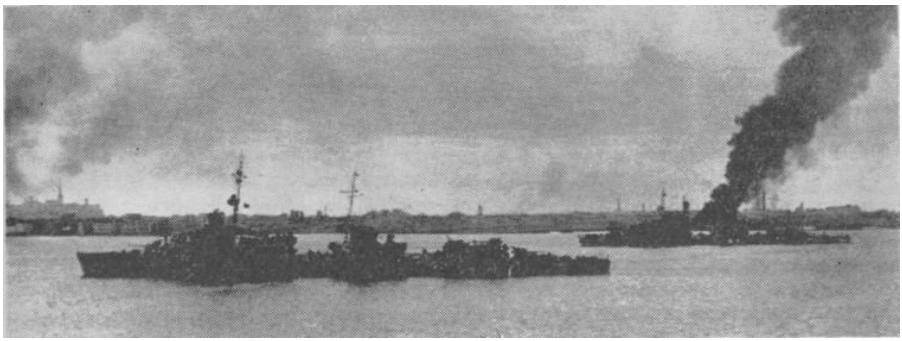
Командир зенитной батареи Е. П. Колпаков

Герой Советского Союза Е. А. Никонов

Крейсер "Киров" на Таллинском рейде



Боевые корабли флота оставляют Таллин



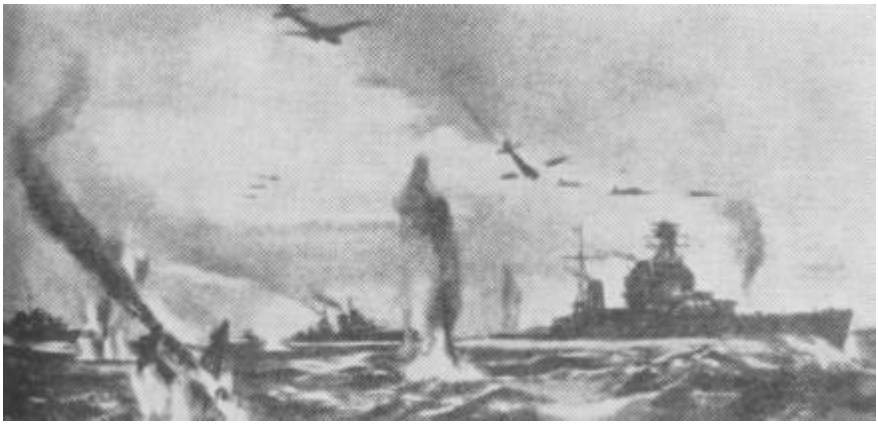
Командир четвертого конвоя С. А. Глуховцев

Командир эсминца "Суровый" В. Ф. Андреев

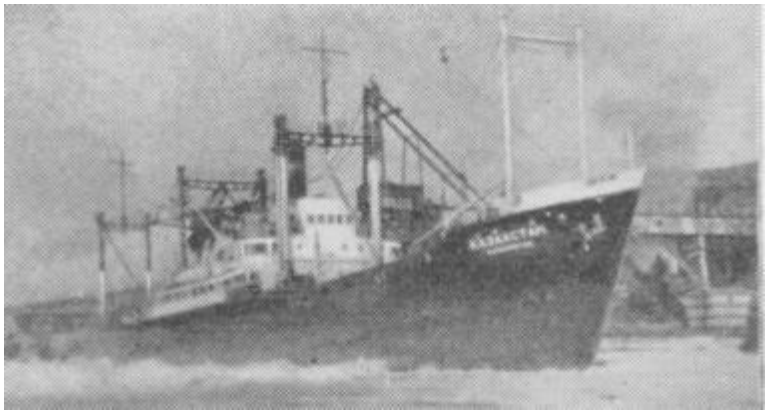
Командир эсминца "Гордый" Е. Б. Ефет

Командир корабля "Ленинградсовет" Н. Н. Амелько

Прорыв кораблей флота из Таллина в Кронштадт 28–29 августа 1941 года



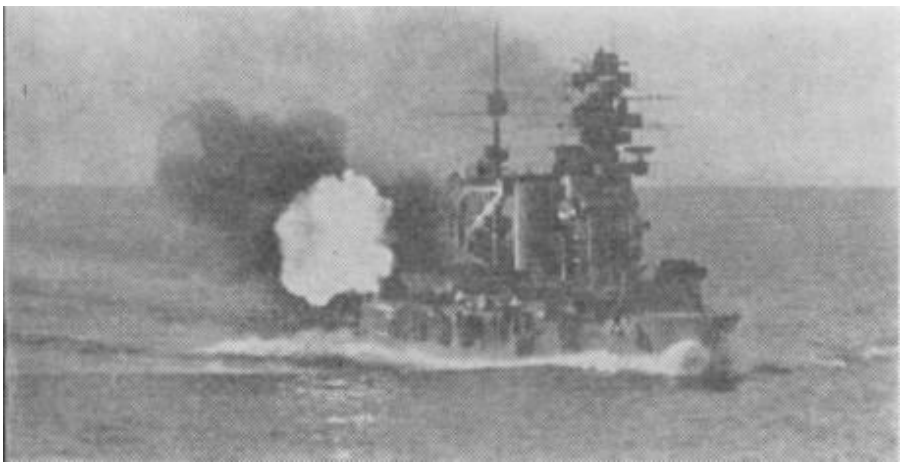
Транспорт "Казахстан" в Ленинграде



Клятва балтийцев

Командир батальона морских пехотинцев С. И. Боковня

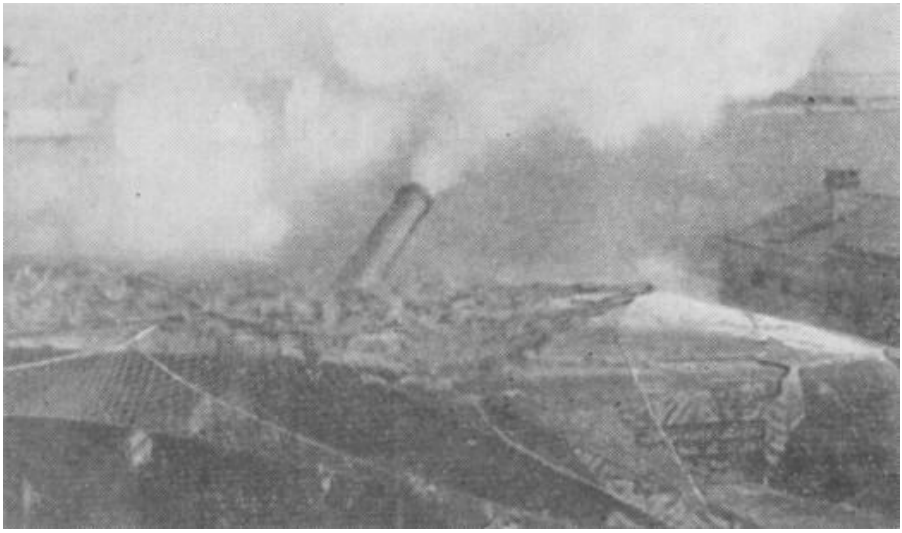
Линейный корабль "Октябрьская революция" ведет огонь главным калибром



По врагу бьет та самая тяжелая артиллерия флота

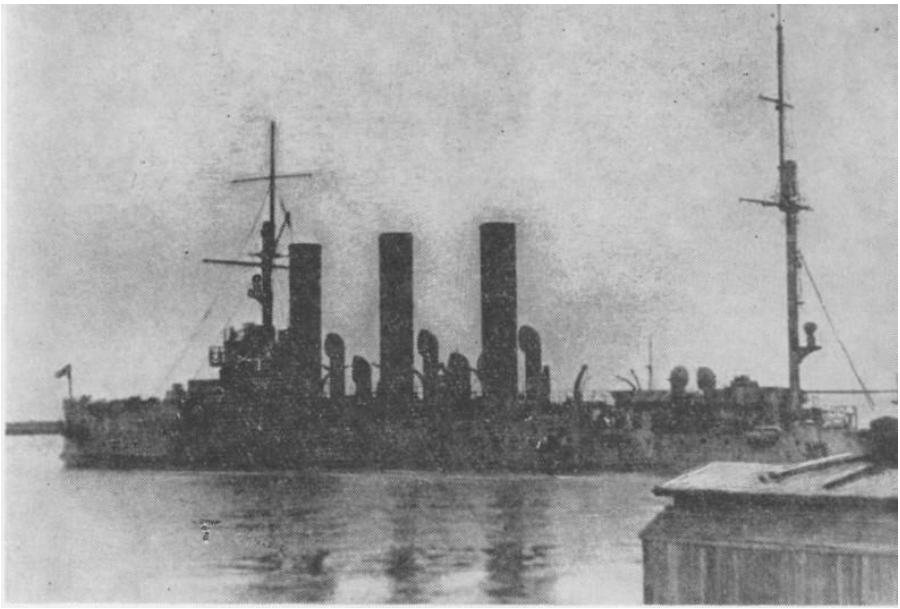
Боевой расчет орудия эскадренного миноносца "Стойкий" (слева направо): Г. Б. Новиков, Т. А. Жаров, П. Ф. Антоненко, И. К. Павлев

Тяжелое орудие флота "П" ведет огонь по противнику

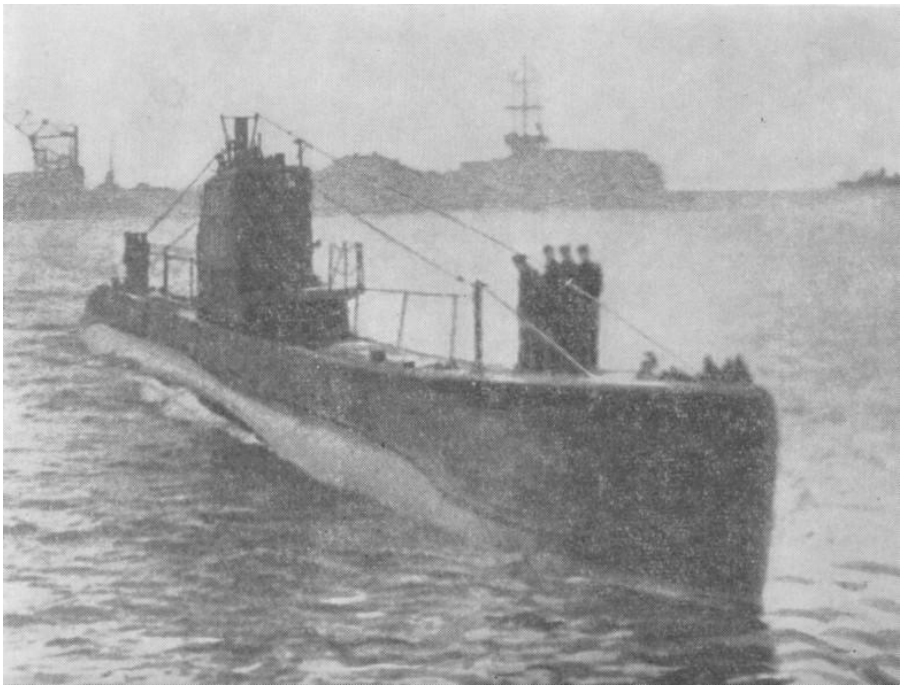


Бронепоезд "Балтиец". В рубке его командир В. Д. Стукалов

Крейсер "Аврора" в гавани Ораниенбаума осенью 1941 года



Подводная лодка выходит из гавани в море на выполнение боевой задачи



Среди морских летчиков. Рядом с командующим командир авиаполка Е. Н. Преображенский, справа — П. В. Кондратьев

Командир подводной лодки "Щ-320" И. М. Вишневский

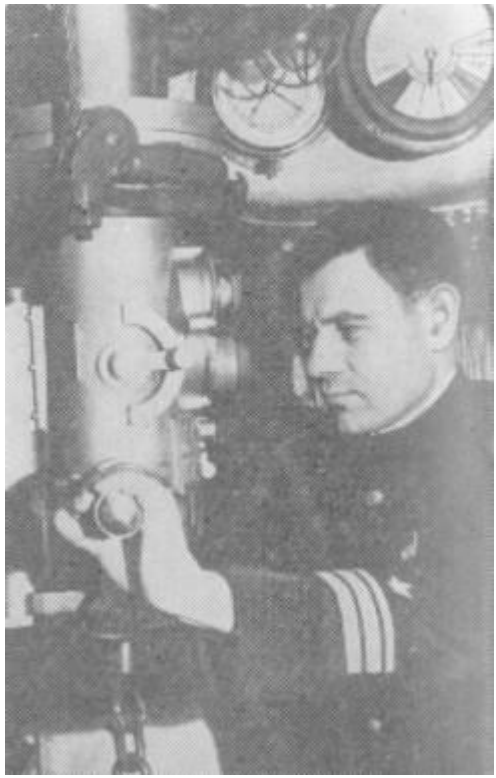
Летчик-истребитель Герой Советского Союза К. В. Соловьев

Летчик-истребитель Герой Советского Союза Г. Д. Цоколаев

Командир орудия лидера "Ленинград" В. С. Кузнецов

Катерные тральщики на боевом тралении

Командир подводной лодки "Щ-323" Ф. И. Иванцов



Командир отряда военных моряков флота, высадившихся в Петродворце, А. Т. Ворожилов

Военком отряда военных моряков флота, высадившихся в Петродворце, А. Ф. Петрухин

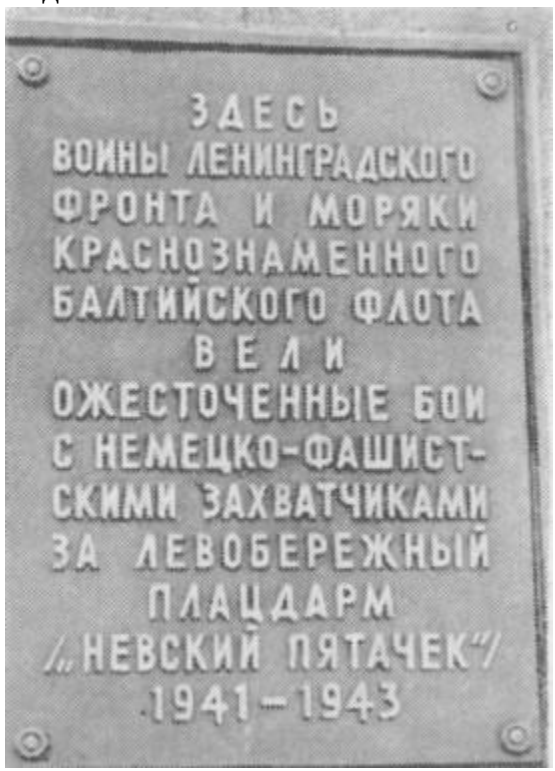
Командир 4-й бригады морской пехоты Б. П. Ненашев

Сосредоточение десантных переправочных средств в районе Дубровки

На Невском «пятачке». Левый берег Невы — октябрь 1941 года

После вручения наград. Морские пехотинцы (слева направо): Г. Иванов, В. Шишкин, А. Решетников

Надпись на обелиске

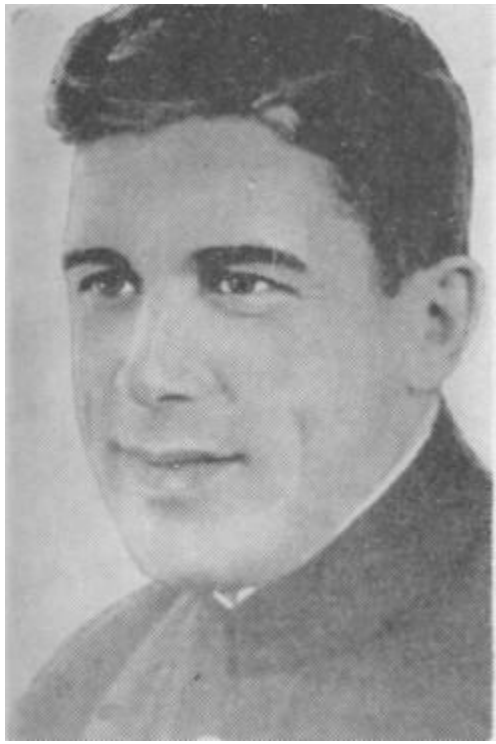



Летчик-торпедоносец Герой Советского Союза М. Н. Плоткин

Летчик-торпедоносец Герой Советского Союза В. А. Гречишников

Штурман авиаполка Герой Советского Союза П. И. Хохлов

Летчик-торпедоносец Герой Советского Союза А. Я. Ефремов



Командир 1-го минно-торпедного авиаполка Герой Советского Союза Е. Н. Преображенский

Рижский залив. В атаку идут торпедные катера

Комендант береговой обороны Балтийского района А. Б. Елисеев

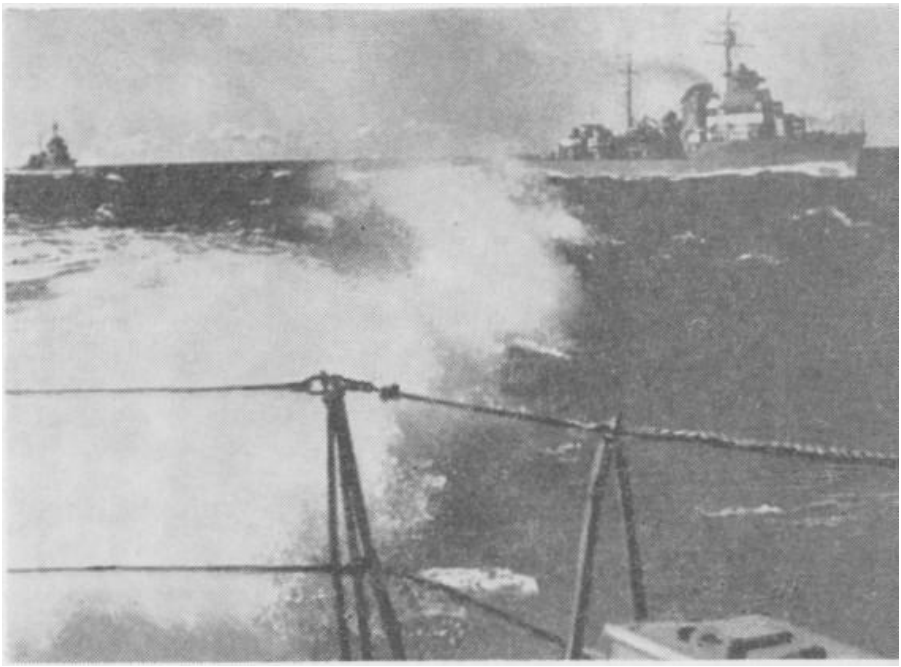
Заместитель командира 3-й стрелковой бригады Н. Ф. Ключников

Командир отряда торпедных катеров Б. П. Ущев

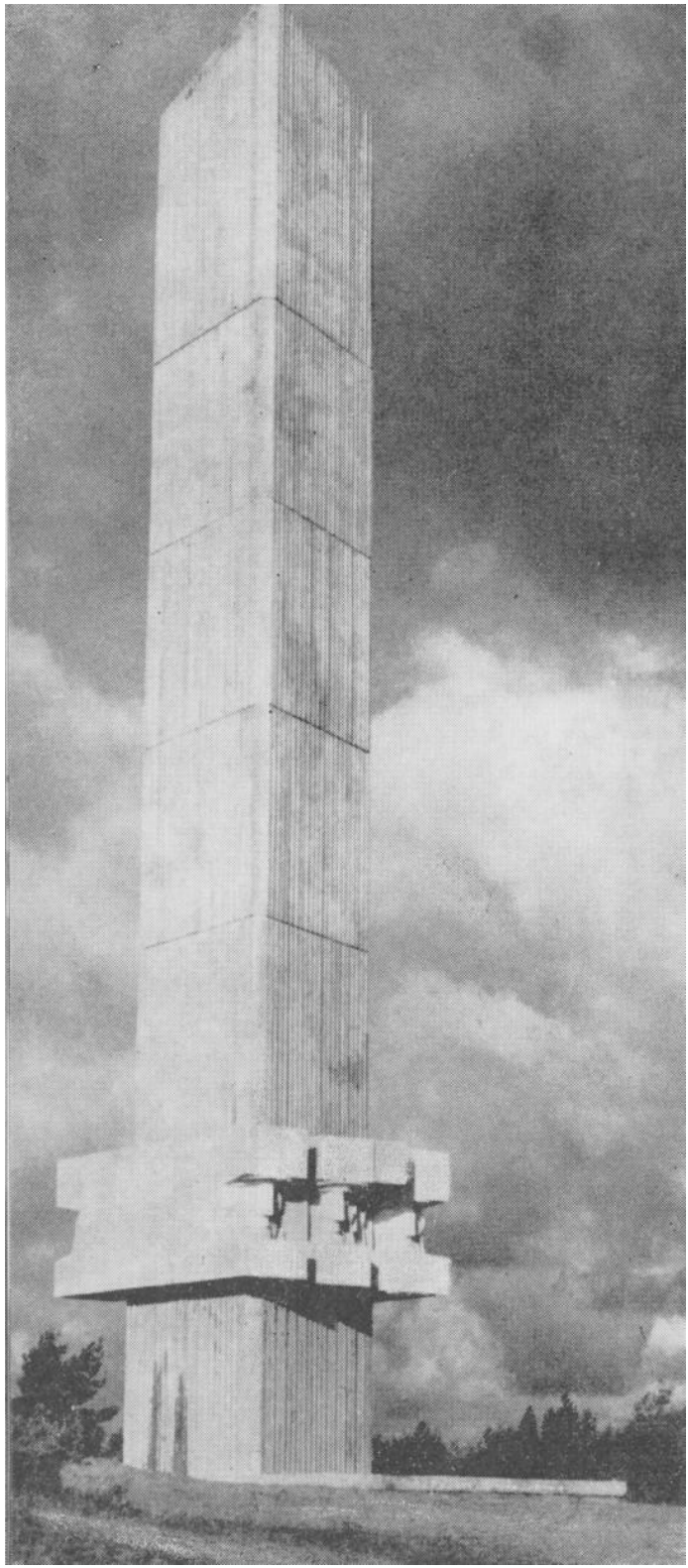
Старший краснофлотец эсминца «Сильный» В. С. Александров

Старший краснофлотец эсминца «Сильный» И. П. Уложенко

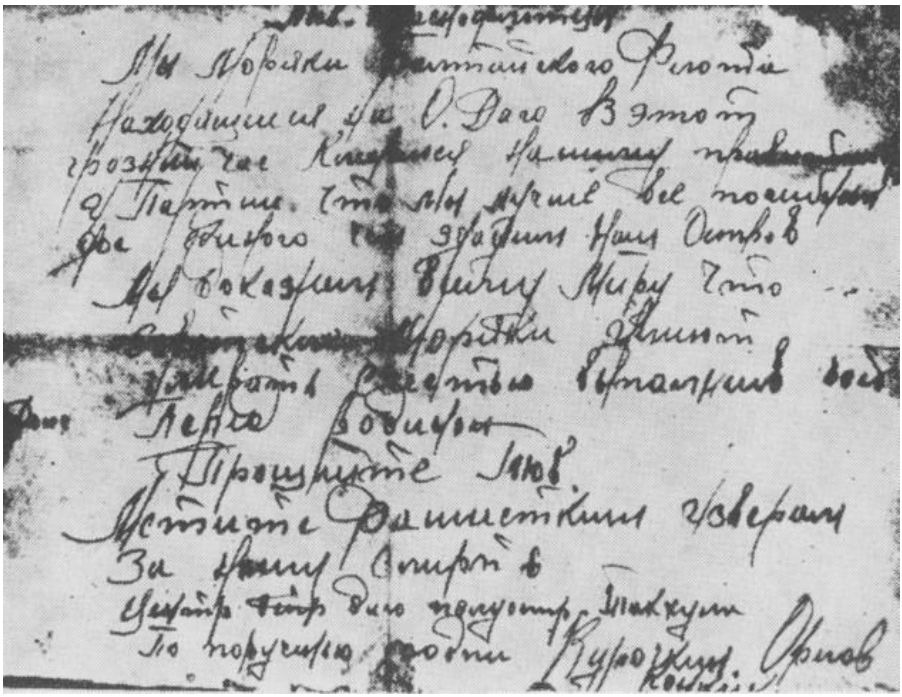
Поиск противника в Рижском заливе, июль 1941 год



Памятник советским воинам, защищавшим Сарема. Поселок Тахумарди



Клятва защитников острова Хиума



Командир 25-й береговой батареи
В. Г. Букоткин

Командир 44-й береговой батареи М. Л. Катаев

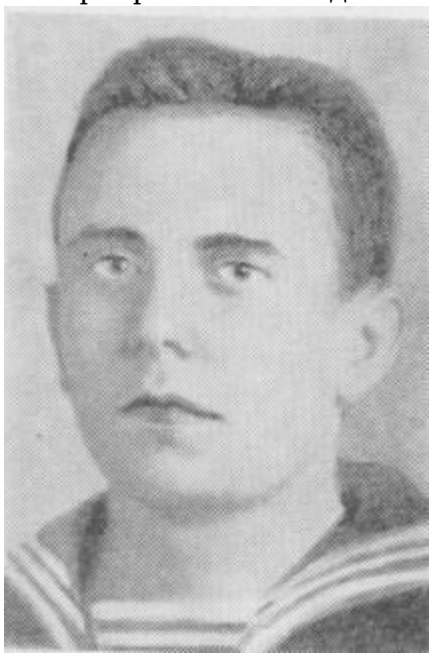
Командир 315-й 180-миллиметровой батареи А. М. Стебель

Военком 25-й береговой батареи Г. К. Карпенко

Памятник погибшим защитникам Сарема

Начальник штаба артиллерийского дивизиона и гарнизона острова Осмуссар Г. Г. Кудрявцев

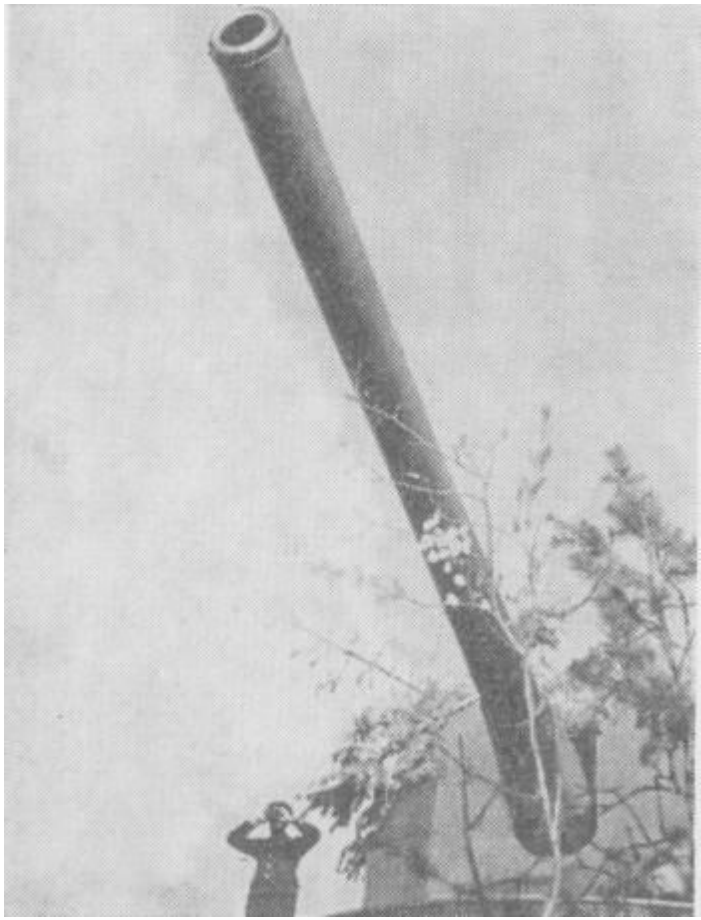
Минер-взрывник Г. А. Вдовинский



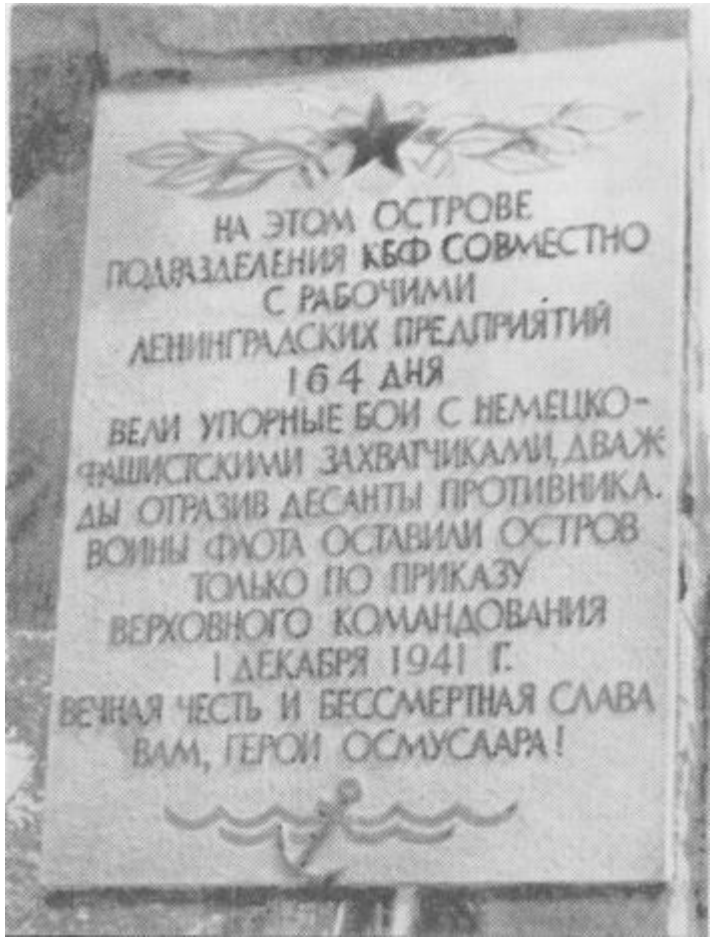
Комендант гарнизона острова Осмуссар Е. К. Вержбицкий

Военком гарнизона острова Осмуссар Н. Ф. Гусев

Дальнобойная артиллерия флота бьет по вражеским тылам



Героям Осмуссара




Командир дивизиона эскадренных миноносцев А. И. Заяц

Командир эскадренного миноносца "Славный" М. Д. Осадчий

Командир эскадренного миноносца "Сметливый" В. И. Маслов

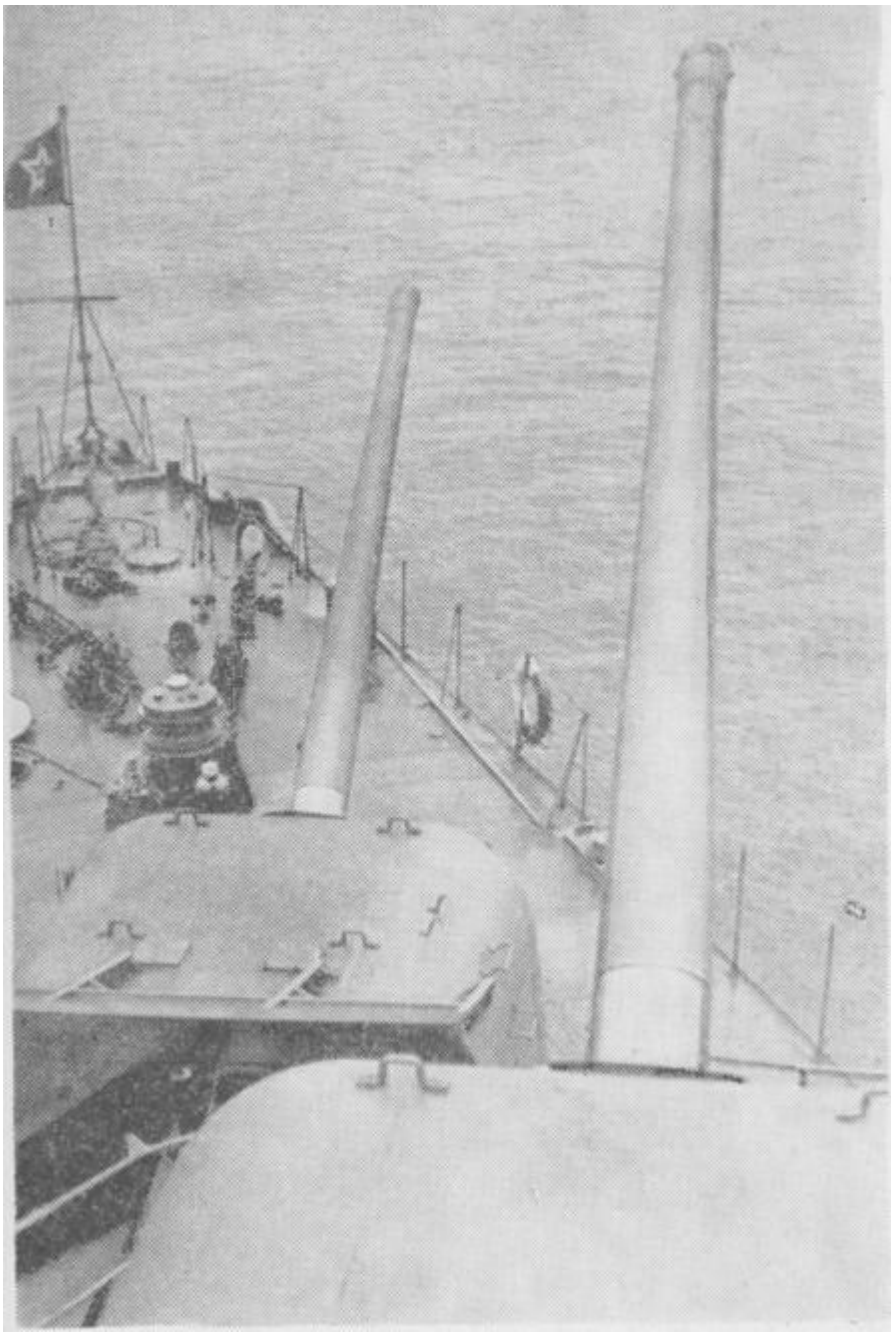
Командир эскадренного миноносца "Стойкий" Б. П. Левченко

Командир эскадренного миноносца "Сметливый" В. А. Волошин

Комнадир эскадренного миноносца "Гневный" М. Т. Устинов

Командующий эскадрой Краснознаменного Балтийского флота вице-адмирал В. П. Дрозд

Эскадренный миноносец ведет огонь по берегу



Группа командиров минного заградителя «Ока», награжденных боевыми орденами. Слева направо: С. М. Сизоненко, командир корабля Н. И. Мещерский, К. М. Кононов,

Михайлов

Военком гвардейского минного заградителя «Ока» А. А. Коваль (слева) и старший помощник командира П. В. Шевцов

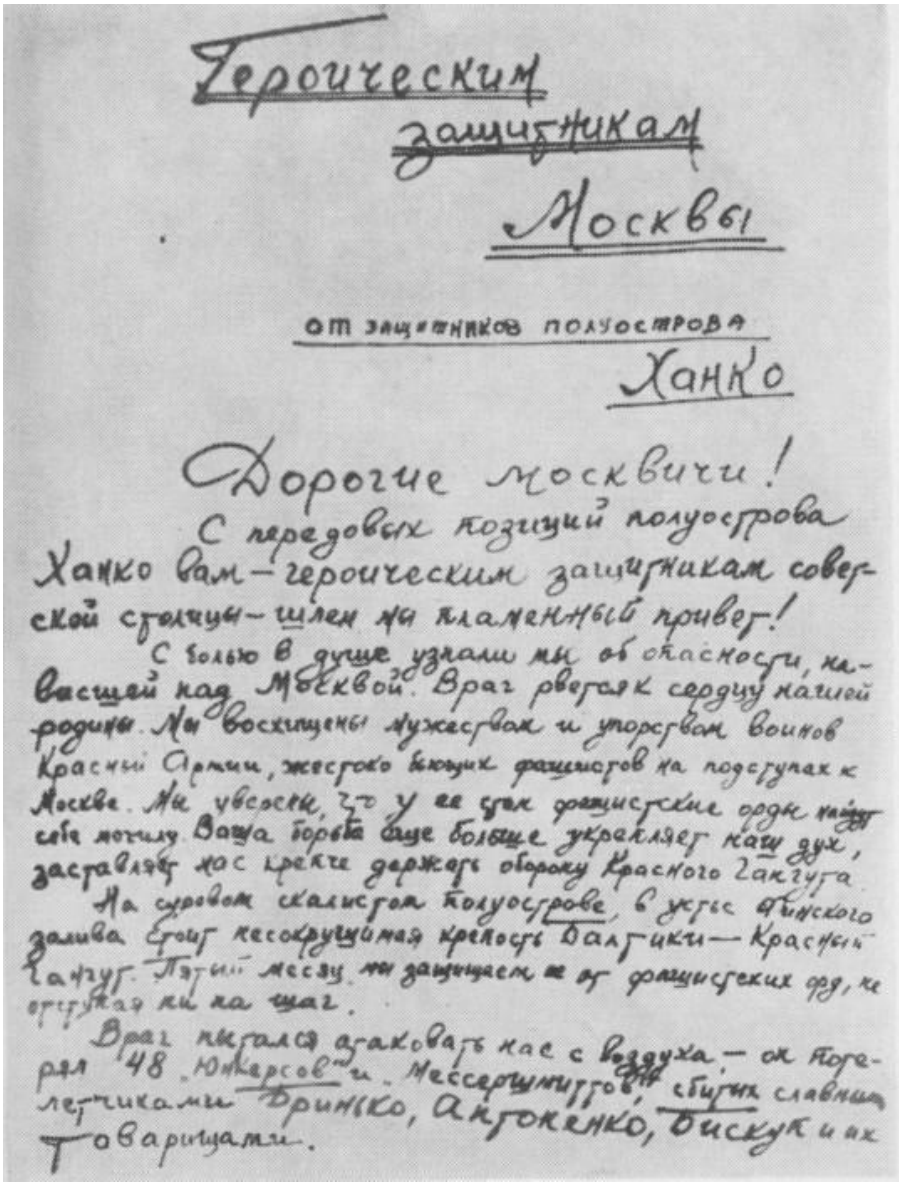
Командир минного заградителя «Урал» И. Г. Карпов

Командир базового тральщика 205 Е. Ф. Шкребтиенко

Командир охраны водного района флота И. Г. Святов

Катерные тральщики в море

Обращение героических защитников Ханко к защитникам Москвы



Героическим защитникам Москвы

От защитников полуострова Ханко

Дорогие москвичи!

С передовых позиций полуострова Ханко вам — героическим защитникам советской столицы — шлем мы пламенный привет!

С болью в душе узнали мы об опасности, нависшей над Москвой. Враг рвется к сердцу нашей родины. Мы восхищены мужеством и упорством воинов Красной Армии, жестоко бьющих фашистов на подступах к Москве. Мы уверены, что у ее стен фашистские орды найдут себе могилу. Ваша борьба еще больше укрепляет нашу дух, заставляет нас крепче держать оборону Красного Гангута.

На суровом скалистом полуострове, в устье Финского залива стоит несокрушимая крепость Балтики — Красный Гангут. Пятый месяц мы защищаем ее от фашистских орд, не отступая ни на шаг.

Враг пытался атаковать нас с воздуха — он потерял 48 „Юнкерсов" и „Мессершмиттов", сбитых славными летчиками Бринько, Антоненко, Бискуп и их товарищами.

Командир базового тральщика 207 Н. С. Дебелов

Командир базового тральщика М. А. Опарин

Командир базового тральщика 206 Г. А. Бадах

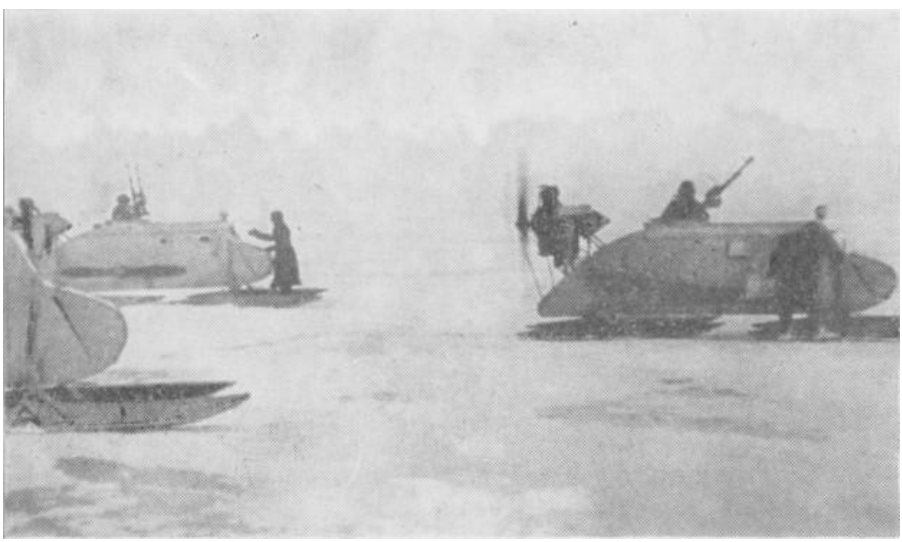
Командир базового тральщика М. П. Ефимов

Командир дивизиона базовых тральщиков П. Т. Резванцев

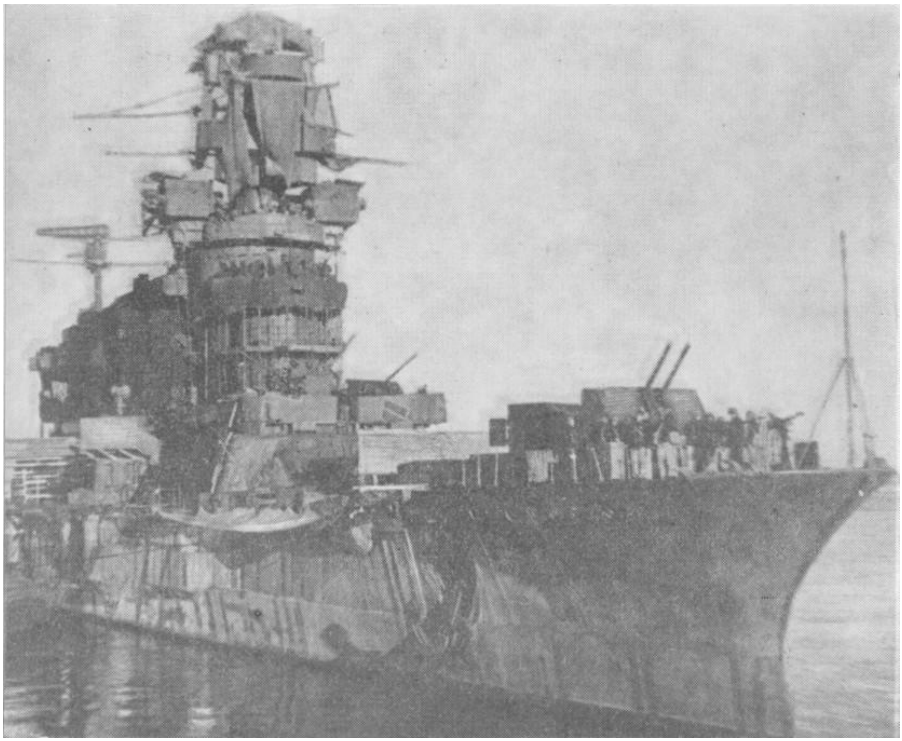
Командир базового тральщика 21 ˚С. В. Панков

Капитан ледокола «Ермак» М. Я. Сорокин

Аэросани готовятся к установлению связи материка с островами

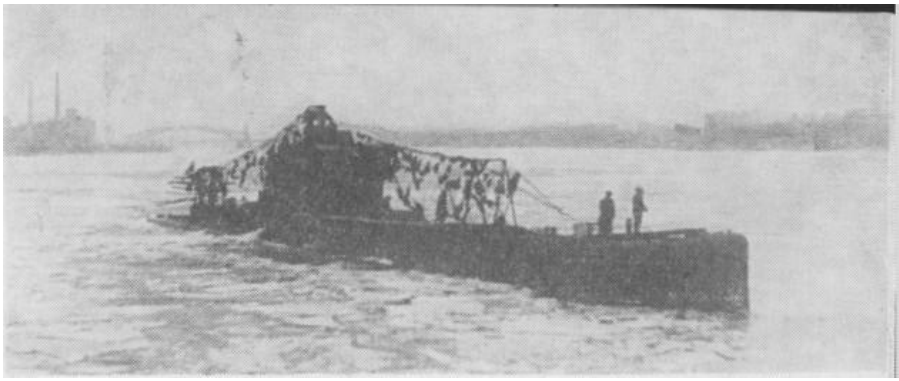


Линейный корабль «Октябрьская революция» у стенки Балтийского завода осенью 1941 года



Командир дивизиона подводных лодок В. А. Егоров

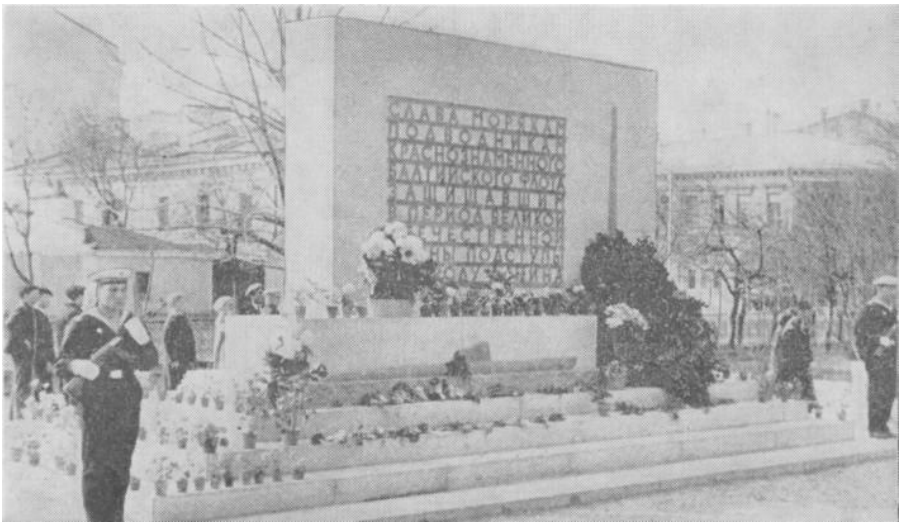
Подводная лодка на Неве осенью 1941 года



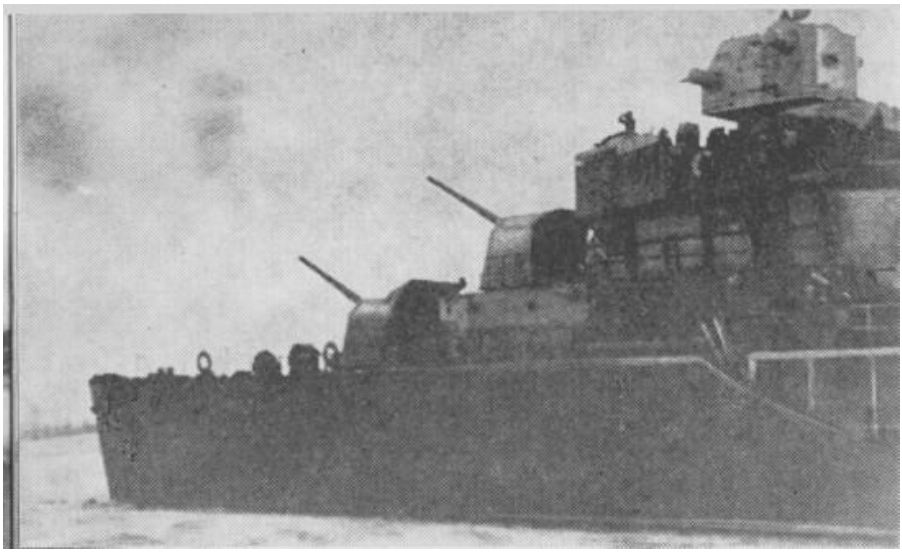
Командир подводной лодки «Щ-309» И. С. Кабо

Командир и военком подводной лодки «С-7» С. Лисин и В. Гусев (второй и третий слева) среди личного состава

Памятник балтийским подводникам в Кронштадте



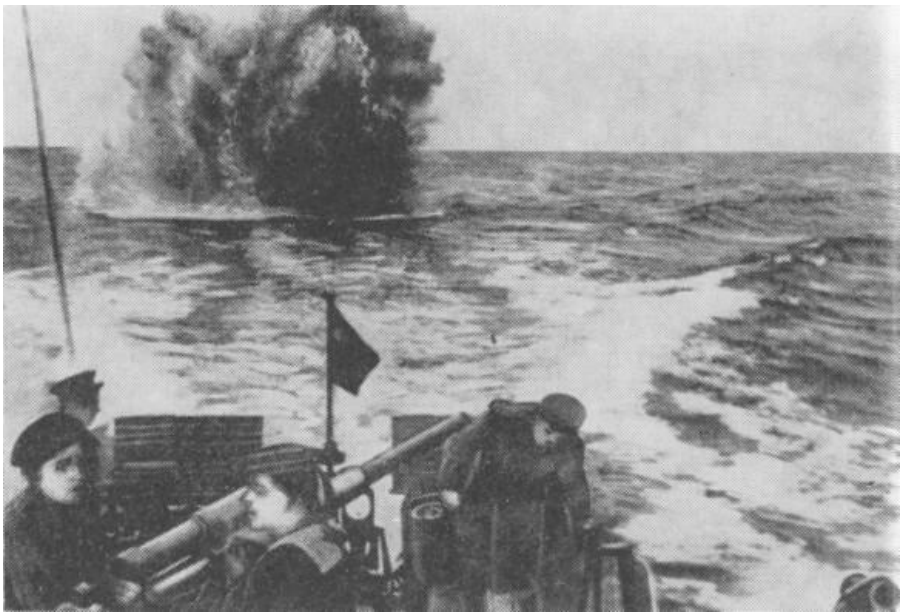
Эскадренный миноносец ведет огонь по войскам врага с огневой позиции на Неве



Краснофлотец А. А. Ромашкин досылает очередной снаряд

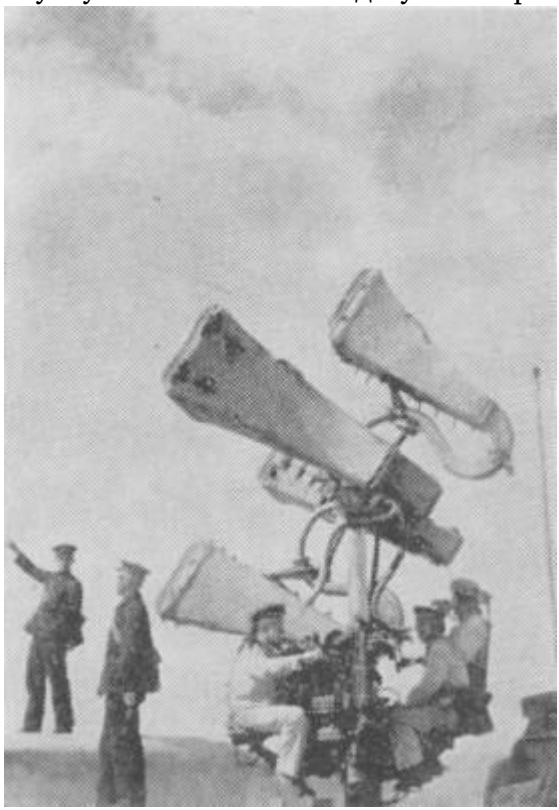
Командир морского охотника М. Анпилов

Морской охотник атакует вражескую подводную лодку

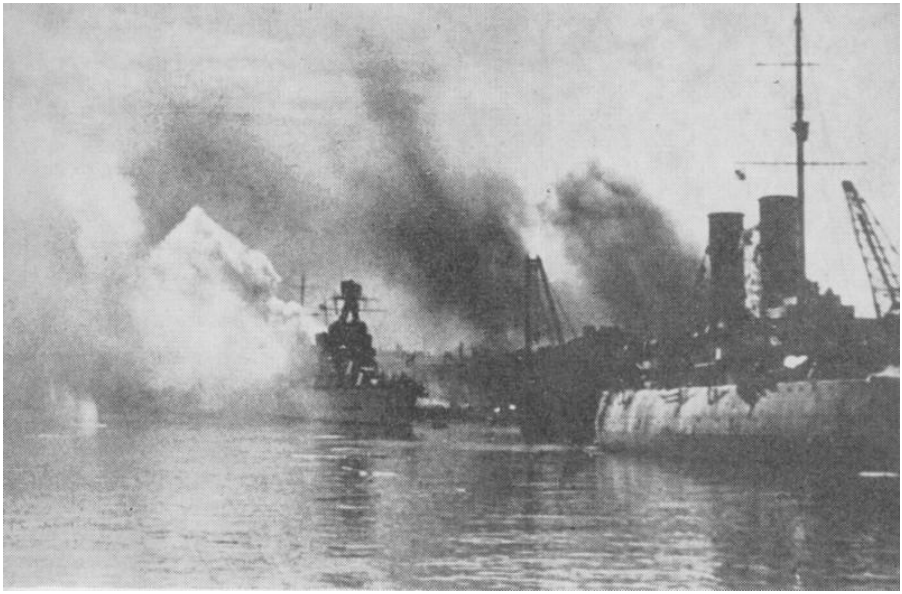


Экипаж командира А. Т. Дроздова: штурман Н. Д. Котов, стрелок-радист В. М. Кузин (слева направо).

Звукоулавливатели на подступах к Кронштадту



Вражеская артиллерия обстреливает корабли на Неве



На Неве. Замаскированная подводная лодка

Канонерские лодки в озере охраняют коммуникацию

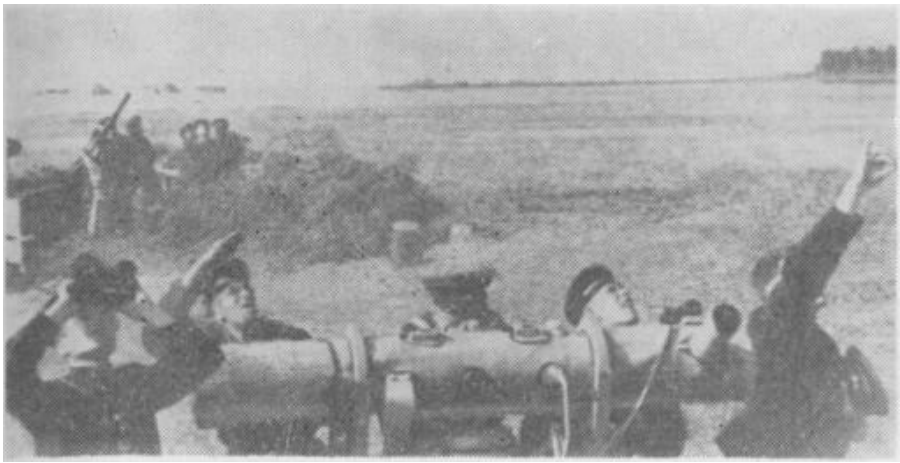
Командующий Ладожской военной флотилией В. С. Чероков

Начальник политического отдела Ладожской военной флотилии Б. Т. Калачев

Начальник ледоовой дороги М. А. Нефедов

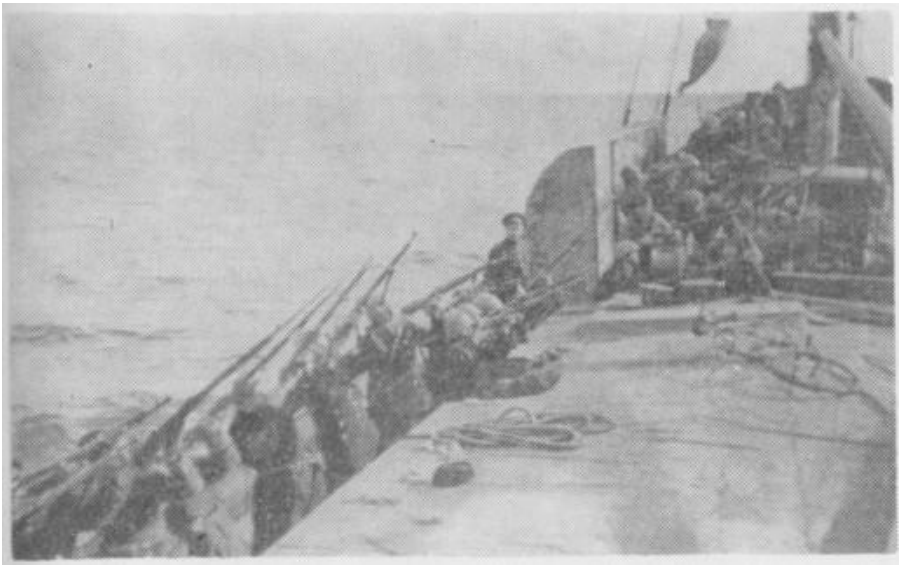
Летчик-истребитель Л. Г. Белоусов

Зенитчики отражают налет на порт Осиновец



Летчик-истребитель Алим Байсултанов

На транспорте «Стенсо». Отражение вражеского налета



Летчик-штурмовик Герой Советского Союза Н. В. Челканов

Летчик-штурмовик Герой Советского Союза А. С. Потапов

Летчик-штурмовик Герой Советского Союза А. А. Карасев

Летчик-штурмовик Герой Советского Союза Н. Г. Степанян

Начальник политуправления флота В. А. Лебедев

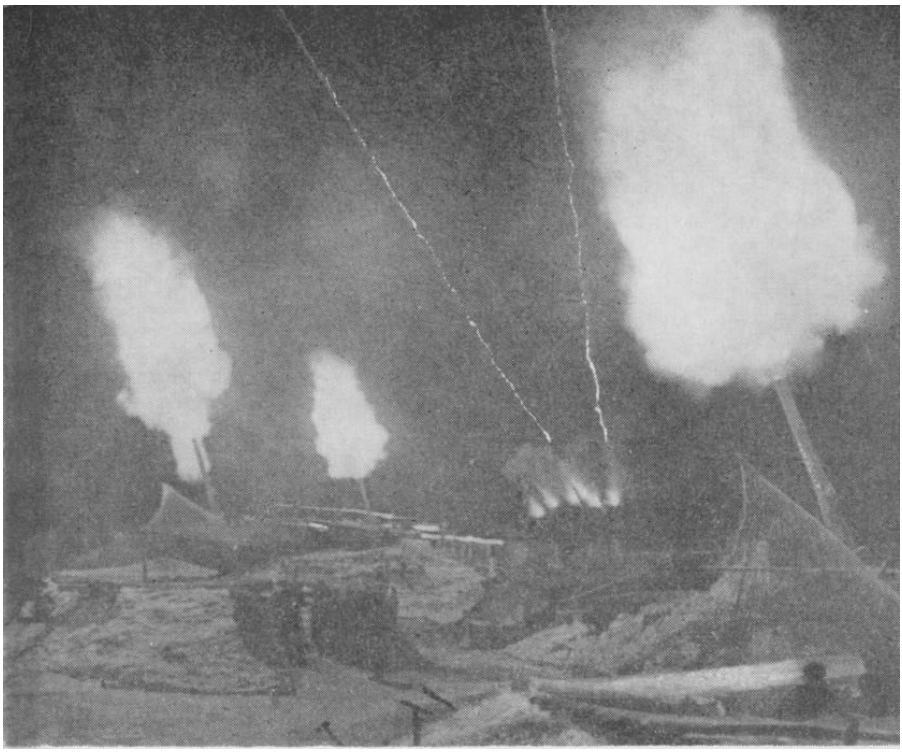
Журналист В. Б. Азаров с военкорами газеты «Подводник Балтики»

Свежие газеты

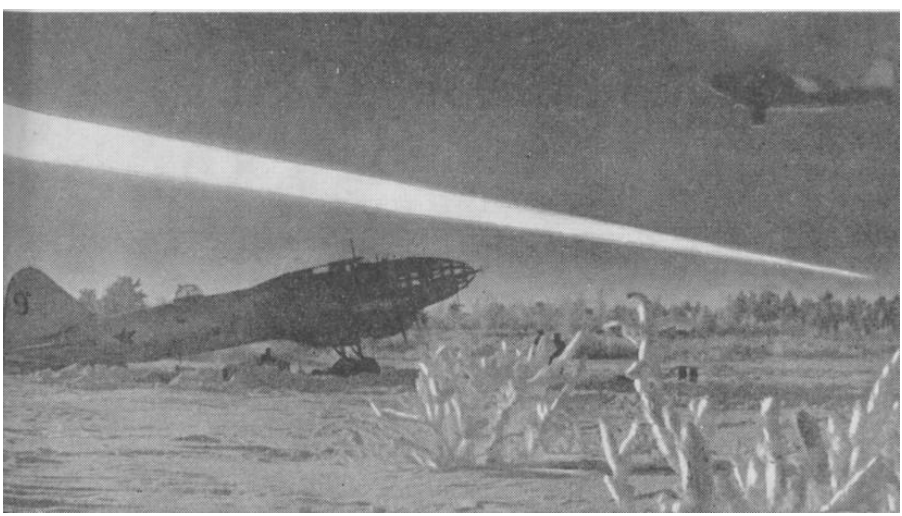
Ленинградская государственная эстрада дает концерт на «Октябрьской революции

Делегаты типографии имени Володарского на канонерской лодке «Красное Знамя»

Отражение ночного налета на корабли эскадры



Возвращение после ночного полета — самолеты-торпедоносцы



**notes**

# Примечания

# 1

В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 231.

## 2

Балтийский флот. Ист. очерк. М., Воениздат, 1960, стр. 222.

# 3

50 лет Советских Вооруженных Сил. М., Воениздат, 1968, стр. 185.

# 4

Фертоинг — способ стоянки на двух якорях. Применяется там, где имеются сильные приливы и отливы.

«Коммунист», 1968, № 12, стр. 65.

# 6

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945, т. 2. М., Воениздат, 1963, стр. 12.

Г. Л. Розанов. «План Барбаросса». Замысел и финал. М., 1970, стр. 61.

## 8

Нюрнбергский процесс… Сборник материалов. Т. 2, М., «Юрид. лит.», 1966, стр. 563.

# 9

Г. Л. Розанов, стр. 62.

# 10

Там же, стр. 81.

# 11

Совершенно секретно. Только для командования. М., «Наука», 1967, стр. 167.

# 12

История второй мировой войны. М., Изд — во «Иностр. лит.», 1956, стр. 174.

# 13

«В 1941 году противник выставил в Балтийском море и Финском заливе 7179 мин и 5034 минных защитника, преимущественно ударных. Из них 4750 мин (в том числе 106 неконтактных) и 3174 защитника выставлено в Финском заливе». ИО ВМФ, ф. 9, д. 18862, д. 33109, лл. 1–9.

Автор не располагает сведениями об инициалах этих и некоторых других фамилий, встречающихся в тексте. (Прим. ред.)

# 15

СНиС — служба наблюдения и связи.

# 16

Таллин в огне. Сборник воспоминаний. Таллин, Изд — во «Ээсти раамат», 1970, стр. 210–213.

# 17

«В 1941 году на русских минах погибло 18 германских и три финских корабля, 10 торговых судов». Ю. Майстер. Война на море в восточноевропейских водах 1941—45 гг. Мюнхен. (Перевод ЦВМБ, 1960, стр. 76).

# 18

Ю. Ровер. Действия советских подводных лодок на Балтике в 1939— 45 гг. (Перевод ЦВМБ, 1958, стр. 10).

# 19

КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. М., Госполитиздат, 1958, стр. 356.

Н. Г. Кузнецов. Накануне. М., Воениздат, 1966, стр. 341.

# 21

«Советская Литва», 1966, 22 июня.

# 22

Ю. Майстер. Война на море… (Перевод ЦВМБ, стр. 37–38).

# 23

Н. Г. Кузнецов. Годы войны. «Октябрь», 1968, № 8, стр. 140–141.

# 24

Н. Г. Кузнецов. Годы войны. «Октябрь», 1968, № 8, стр. 140–141.

## 25

Там же.

## 26

ИО ВМФ, д. 12489, л. 48.

«Известия», 1968, 25 декабря.

## 28

С. И. Кабанов. На дальних подступах. М., Воениздат, 1971, стр. 184–185.

# 29

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945, т. 2. М., Воениздат, 1963, стр. 60–61.

# 30

Совершенно секретно, стр. 257.

## 31

«Мировая война 1939–1945 годы. Сборник статей. М., Изд. иностр. лит., 1957, стр. 472.

# 32

Совершенно секретно, стр. 254.

# 33

П. Д. Грищенко. Мои друзья подводники. Лениздат, 1966, стр. 30–31.

Это решение создавало лучшие условия командующим фронтами и их штабам для более целеустремленного руководства боевыми действиями подчиненных им войск на значительно меньшей протяженности фронта. (В. Т.)

# 35

Совершенно секретно, стр. 217.

ПЛО — противолодочная оборона.

«Страж Балтики», 1970, 13 января.

# 38

Совершенно секретно, стр. 266.

# 39

Совершенно секретно, стр. 270.

# 40

Генерал — лейтенант П. С. Пшенников принял командование 8–й армией от генерал — майора И. М. Любовцева б августа 1941 года. (В. Т.)

# 41

ИО ВМФ, ф. 506, д. 902, стр. 175.

# 42

ИО ВМФ, ф. 506, д. 902, стр. 175.

# 43

ИО ВМФ, ф. 506, д. 886, пл. 28–30.

ИО ВМФ, ф. 506, д. 887, л. 35.

# 45

26 августа на Таллинский рейд из Моонзунда возвратился отряд кораблей нашего флота под командованием капитана 2 ранга С. Д. Солоухина, действовавший на коммуникациях а Рижском заливе. (В. Т.)

ИО ВМФ, ф. 506, д. 911, л. 109.

# 47

Ю. Ровер. Минная война в Финском заливе, июнь — август 1941 г. Журнал «Марине Рундшау», Мюнхен, 1967.

ск — стрелковый корпус.

Арх. МО СССР, ф. ЛД, д. 226, оп. 1222, лл. 1—14.

# 50

В. И. Ачкасов. «Операция по прорыву КБФ из Таллина в Кронштадт». «Военно — исторический журнал», 1966, № 10, стр. 19–31.

# 51

Это было на Балтике. Очерки и воспоминания. Вып. 2. М., «Мор. транспорт», 1963, стр. 278–280.

## 52

Н. Г. Кузнецов. Оборона Ленинграда. 1941–1944. Л., «Наука», 1968, стр. 290.

# 53

Мельцер. Борьба за Моонзундские острова, 1917, 1941–1944 годы. Некаргемюнд. (Перевод ЦВМБ, стр. 170).

Оборона Ленинграда, стр. 228.

# 55

Таллин в огне, стр. 67.

История Великой Отечественной войны… Т. 2, стр. 85.

Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления, М., Изд — во АПН, 1970, стр. 290.

## 58

Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. 1970, стр. 275–276.

## 59

Н. Г. Кузнецов. «Вопросы истории», 1965, № 8, стр. 115.

Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. 1970, стр. 329.

# 61

Ф. Гальдер. военный дневник (Пер. с нем.). Т. 3, кн. 3. М., Воениздат, 1971, стр. 171.

# 62

Д. В. Павлов. Ленинград в блокаде. М., «Советская Россия», 1969, стр. 161.

50 лет Советских Вооруженных Сил, стр. 276.

# 64

25 сентября 1941 года штаб группы армий «Север» был вынужден сообщить главному командованию сухопутных войск, что с оставшимися в его распоряжении силами нельзя продолжать наступление на Ленинград. (Ленинград в Великой Отечественной войне. Л., «Наука», 1967, стр. 157).

# 65

1–й зенитный артиллерийский полк был вооружен новейшей техникой и являлся кузницей командных кадров, в совершенстве владеющих тактическими навыками боя с воздушным врагом. (В. Т.)

«Военно — исторический журнал», 1966, № 8, стр. 53.

Оборона Ленинграда, стр. 11.

# 68

Ю. Ровер. Действия советских подводных лодок… (Перевод ЦВМБ, стр. 12).

«Военно — исторический журнал», 1959, № 12, стр. 79.

# 70

Совершенно секретно, стр. 264.

# 71

Еще в мае 1941 года на совещании у Гитлера рассматривался вопрос о возможности интернирования русских кораблей в Швецию и о препятствии всеми средствами выходу Краснознаменного Балтийского флота из залива. «Если же корабли прорвутся, то заставить правительство Швеции выдать их Германии». («Марине Рундшау», 1961, октябрь, тетрадь 5, стр. 297–302).

При создании минно — артиллерийской позиции в восточной части Финского залива со 2 июля по 6 ноября за 39 выходов боевых и обеспечивающих кораблей было поставлено 128 минных заграждений из мин и минных защитников, что составляет 71 процент от всех мин и минных защитников, поставленных флотом в 1941 году. Большую часть мин поставили надводные заградители (3616 мин), тральщики — 456 мин и 866 защитников, сетевые заградители— 350 мин, «Лембит» — 20 мин, катера — 30 мин и 52 защитника. В 1941 году флот поставил 75 процентов мин и 86 процентов минных защитников, поставленных за всю войну. Точность постановок была удовлетворительной.

Всего в 1941 году наш флот поставил 14 730 мин и минных защитников, в том числе в Або — Аландском архипелаге — 439, Рижском заливе — 1370, Финском—12122. (В. Т.).

Ленинград в Великой Отечественной войне, стр. 157.

История Великой Отечественной войны, т. 2, стр. 91.

Д. В. П а в л о в. Ленинград в блокаде, стр. 76.

"Правда", 1942, 19 июня.

## 77

Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления, 1971, стр. 315.

# 78

Бухта Тага — Лахт на северо — западном берегу Сарема. В этой бухте в 1917 году был высажен германский десант для захвата Моонзундского архипелага. (В, Т.).

ИО ВМФ, д. 12489, л. 48.

# 80

В. Мельцер. Борьба за Моонзундские острова… (Перевод ЦВМБ, стр. 46).

# 81

Ю. Майстер. Война на море… (Перевод ВМА, стр. 46).

# 82

Виртсу — островок, соединенный дамбой с материком, на западе Эстонии (побережье Моонзунда). Пристань Виртсу использовалась для погрузки прибывающих из Таллина всех грузов на Сарема. (В. Т.)

# 83

В минных постановках принимали активное участие эскадренные миноносцы «Сторожевой», «Сердитый», «Стойкий», «Энгельс», «Сильный», «Грозящий», «Стерегущий», «Смелый», сторожевые корабли «Снег», «Туча», «Буря», минзаг «Ристна», базовый тральщик «фугас», морские охотники и торпедные катера, морская и бомбардировочная авиация. Кроме активных минных заграждений в Ирбенском проливе, было поставлено 180 мин в бухтах, проливах и плесах архипелага. Мины ставились также вдоль южного побережья залива и на подходах к Усть — Двинску, то есть на наиболее уязвимых местах морских сообщений противника в Рижском заливе. (В. Т.)

# 84

Ю. Майстер. Война на море… (Перевод ВМА, стр. 39).

# 85

Совершенно секретно, стр. 264.

# 86

Ф. Гальдер. Военный дневник. (Пер. с нем.). Т. 3, кн. 1. М., Воениздат, 1971, стр. 171.

# 87

Ю. Майстер. Война на море-. (Перевод ЦВМБ, стр. 29–33).

# 88

Через четыре дня после первого налета на Берлин руководство фашистской Германии издало директиву № 34, в которой говорилось: «…Как только позволит обстановка, следует совместными усилиями соединений сухопутных войск, авиации и военно — морского флота ликвидировать военно — воздушные базы противника на островах Даго и Эзель. При этом особенно важно уничтожить вражеские аэродромы, с которых осуществляются воздушные налеты на Берлин. Кейтель». (Совершенно секретно, стр. 273–274).

# 89

Капитан И. И. Горбачев за выполнение заданий в войне с Финляндией был награжден орденом Красного Знамени, вторым по счету. За боевые подвиги над Моонзундом награжден орденом Ленина. Погиб в октябре 1942 года на Ленинградском фронте. (В. Т.)

ИО ВМФ, ф. 506, д. 909, л. 27.

## 91

ИО ВМФ, ф. 506, д. 887, л. 35.

Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне. М., Воениздат, 1957, стр. 67.

# 93

Там же.

Мельцер. Борьба за Моонзундские острова… (Перевод ЦВМБ, стр. 173).

# 95

Очевидно, более правильным было бы решение выделить на Муху целиком один из стрелковых полков со штабом, усилив его артиллерийским полком бригады и другими частями из состава гарнизона Сарема. (В. Т.)

# 96

Мельцер. Борьба за Моонзундские острова… (Перевод ЦВМБ, стр. 174).

Там же, стр. 177.

# 98

В ходе боев за Хиума группа кораблей противника «Вестфаллен» в составе крейсера «Кёльн», миноносцев «Т-2», «Т-5», «Т-7» и «Т-8», семи базовых тральщиков находилась у мыса Ристна. Другая группа «Остпрейсен» в составе 2–й флотилии тральщиков находилась у восточного побережья острова (В. Т.)

С. И. Кабанов. На дальних подступах, стр. 225.

# 100

Ю. Майстер. Война на море… (Перевод ВМА, стр. 65).

# 101

Таллин в огне, стр. 309.

# 102

ИО ВМФ, инв. № 149. Материалы совещания германского главнокомандования, стр. 460.

# 103

Ю. Майстер. Война на море… (Перевод ВМА, стр. 65).

«Правда», 1941, 13 ноября.

# 105

ИО ВМФ, ф. 9, л. 6331, д. 38534, л. 214.

# 106

ИО ВМФ, ф. 344, оп. 4246, лл. 3, 221–223.

# 107

ИО ВМФ, ф. 9, д. 109, л. 19.

# 108

Приказ командующего Краснознаменным Балтийским флотом 7 ноября 1941 г. (газета «Красный Балтийский флот» за 7.X1–41 г.).

# 109

Ладога родная. Восп. ветеранов Краснознаменной Ладожской флотилии. Лениздат, 1969, стр. 152.

# 110

Экспедиция полковника Андреева работала в 1864–1875 годах. (В, Т.)

# 111

«10 и 11 сентября был произведен подробный учет всех продовольственных ресурсов как в гражданских ведомствах, так и в военных. Исходя из фактического расхода по обеспечению войск и населения, на 12 сентября запасы были следующие: хлебное зерно, мука, сухари — 35 суток, крупа и макароны — 30 суток, мясо и мясопродукты (включая живой скот) — 33 суток, жиры — 45 суток, сахар и кондитерские изделия — 60 суток. В эти цифры не включены консервы и сухари в войсках и на флоте и аварийный фонд на кораблях».

Д. В. Павлов. Ленинград в блокаде, стр. 86–87. (Д. В. Павлов с начала блокады и до конца января 1942 года был уполномоченным Государственного Комитета Обороны по продовольственному снабжению Ленинграда, фронта и флота. — Т. В.).

# 112

СЗУРП — Северо — Западное управление речного пароходства.

# 113

Д. В. Павлов. Ленинград в блокаде, стр. 62.

# 114

Совершенно секретно, стр. 274.

# 115

ЛПА, ф. 25, оп. 12, д. хр. 113, л. 94.

# 116

191–я полковника П. С. Виноградова и 44–я полковника П. А. Артюшенко стрелковые дивизии после доставки их на восточный берег были брошены на тихвинское направление, 6–я бригада морской пехоты поступила в распоряжение командующего 54–й армией генерала И. И. Федюнинского. (В. Т.).

# 117

Д. В. Павлов. Ленинград в блокаде., стр. 103.

# 118

И. И. Федюнинский. Поднятые по тревоге. М., Воениздат, 1961, стр. 69.

# 119

Ладога родная, стр. 203–204.

Т а м же, стр. 132.

# 121

Д. В. Павлов. Ленинград в блокаде, стр. 118.

# 122

"Вечерний Ленинград", 1969, 23 января

# 123

Битва за Ленинград. М., Воениздат, 1964, стр. 204.

# 124

И. Шикин. Подвигу жить в веках. «Военно — исторический журнал», 1971, № 12, стр. 54, 55.

# 125

Там же, стр. 61.

«Ленинградская правда», 1966, 17 ноября.

# 127

Битва за Ленинград, стр. 210.

# 128

"Правда", 1942, 9 мая

# 129

Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза. Т. 1, Лениздат, 1944, стр. 129.

# 130

С. М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. М., Воениздат, 1968, стр. 36.

# 131

КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. М., Госполитиздат, 1958, стр. 47.

В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 56.

Коммунист, 1970, № 4, стр. 59.

# 134

В 1969 году коллектив редакции и типографии газеты «Страж Балтики» (бывший «Красный Балтийский флот») отметил 50–летие со дня первого ее выпуска. (В. Т.)

# 135

С пером и автоматом. (Сборник). Лениздат, 1964, стр. 23.

# 136

К. Тилпельскирх, «История второй мировой войны», М., Изд — во «Иностр. лит.», 1956, стр. 180.

# 137

Ф. Руге. Война на море. М., Воениздат, 1957, стр. 212.